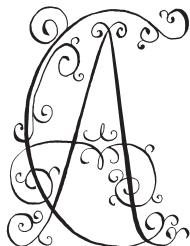

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям
Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский Альманах

2010

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2011

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
C 47

Редакция:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
В. А. Хорев, профессор, доктор филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

Ученый секретарь:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2010. — М.: Индрик, 2011. — 552 с.
ISSN 2073-5731

Пятнадцатый выпуск альманаха содержит материалы международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», а также других научных форумов, проходивших в Дни славянской письменности и культуры в 2010 г. в Москве. Традиционные разделы альманаха включают статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от эпохи Средневековья до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The 15th volume of the miscellany contains materials of the international research conference «Slavic World: Community and Variety» as well as other research forums which took place during the Days of Slavic Writings and Culture in Moscow in 2010. Traditional parts of the miscellany include articles on actual problems of history, literature, culture and languages of Slavic peoples from Middle Ages till nowadays. The book is designed both for specialists and for a broad circle of readers.

ISSN 2073-5731

© Институт славяноведения РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011
© Издательство «Индрик», 2011

Содержание

От редактории	11	
Пленарное заседание		
Флоря Б. Н. (<i>Москва</i>). Международная жизнь восточной части Европы в XIV — начале XV в.: путь к Грюнвальду		12
Лаптева Л. П. (<i>Москва</i>). Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. С. Пальмов как историк зарубежных церквей		25
История		
Аверьянов К. А. (<i>Москва</i>). Хронология редакций жития Сергия Радонежского		36
Даниши М. (<i>Братислава</i>). Словацко-русские научные контакты в XVIII в.		46
Макарова Г. В. (<i>Москва</i>). Несколько архивных штрихов к биографии деятеля польского освободительного движения конца XVIII в. Иоахима Мокосея Дениско.....		60
Бушин В. С. (<i>Павлоград</i>). Типология уездных городов Новороссии последней четверти XVIII — середины XIX столетия		79
Лаптева Л. П. (<i>Москва</i>). Университетское славяноведение в России за первое столетие его существования (1835–1935)		94
Аксенова Е. П. (<i>Москва</i>). А. В. Флоровский о положении и традициях славяноведения в среде русской эмиграции.....		111
Косик В. И. (<i>Москва</i>). К портрету предстоятеля Хорватской православной церкви митрополита Гермогена		130
Майорова О. Н. (<i>Москва</i>). Позиция Вашингтона в отношении событий в Польше в 1989 г. (по материалам корреспонденции Посольства ПНР в США и МИД ПНР)		141
Тимофеев А. Ю. (<i>Белград</i>). Хронология одного переворота. К десятилетию событий октября 2000 г. в Сербии		161
Колосков Е. А. (<i>Москва</i>). Македонско-греческий спор о названии: аспекты, этапы и поиски решения		186
Осипова А. В. (<i>Москва</i>). От сепаратизма к экстремизму — создание Освободительной армии Косова		204

История культуры

<i>Бабалык М. Г. (Петрозаводск).</i> Древнерусский апокриф «Беседы трех святителей»: о некоторых фольклорных параллелях	223
<i>Лескинен М. В. (Москва).</i> Лингвистический фактор этнической идентификации в период формирования этнографической науки в России (XVIII–XIX вв.)	234
<i>Плотникова А. А. (Москва).</i> Амбивалентность оценки в традиционной народной культуре (на материале словаря «Славянские древности»)	252
<i>Гущева О. И. (Минск).</i> К вопросу об авто- и гетеростереотипе поляка на польско-белорусско-литовском пограничье	261
<i>Щавинская Л. Л. (Москва).</i> «Kantyczka» 1914 г. в истории народной литературы белорусов	281
<i>Старикова Н. Н. (Москва).</i> Тема Реформации в словенской исторической прозе: роман И. Тавчара «Хроника усадьбы Высокое».....	296
<i>Шведова Н. В. (Москва).</i> Сюрреализм в литературе и искусстве Словакии	307

Языкоизнание

<i>Ефимова В. С. (Москва).</i> Лексический критерий в истории изучения памятников древнеславянской письменности и новые возможности его применения	318
<i>Вендина Т. И. (Москва).</i> Лексические изоглоссы в славянском языковом мире: русско-сербские лексические параллели	336
<i>Гордиевская М. Л. (Москва).</i> Абстрактные количественные понятия в русском языке (из опыта анализа синтаксической связи)	368
<i>Лаброская В. (Скопье).</i> Архаизмы в юго-восточных македонских диалектах: крайние южные границы славянского языкового пространства	386
<i>Боронникова Н. В. (Пермь).</i> Дейктические показатели македонского языка как способ организации личного пространства	393
<i>Бушуев П. А. (Москва).</i> Презентация терминологической лексики духовной культуры в диалектном словаре	403

Публикации

<i>Шемякин А. Л., Силкин А. А. (Москва).</i> «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок сербского академика)	419
<i>Едемский А. Б. (Москва).</i> По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г.	462

Рецензии

<i>Кочегаров К. А. (Москва).</i> Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович в 1679–1680 гг. (Заметка в связи с выходом очередного тома «Дневника» П. Гордона)	489
<i>Стыкалин А. С. (Москва).</i> Новая работа по истории советско-югославских отношений	505
<i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва).</i> В творческой лаборатории Ивана Франко	520
<i>Дронов М. Ю. (Москва).</i> Ценный труд по истории русинского православия	523
<i>Дронов М. Ю. (Москва).</i> Навигатор в мире лемковедения	528

Хроника

<i>Досталь М. Ю. (Москва).</i> Международная научная конференция «На рубеже культур: русская эмиграция в межвоенной Чехословакии»	534
<i>Серапионова Е. П. (Москва).</i> Международная научная конференция «Проблематика Восток–Запад в отношениях Словакии и России»	540
Сведения об авторах	543

Content

From Editorial Board	11

Plenary Meeting

<i>Florya B. N. (Moscow).</i> International Life of the Eastern Part of Europe of the 14 th — the Beginning of the 15 th cent.: the Way to the Battle of Grunwald	12
<i>Lapteva L. P. (Moscow).</i> I. S. Palmov, Professor of the St. Petersburg Spiritual Academy as a Historian of Foreign Churches	25

History

<i>Averyanov K. A. (Moscow).</i> Chronology of Versions of the Life of Sergiy of Radonezh	36
<i>Danish M. (Bratislava).</i> Slovakian-Russian Scientific Contacts in the 18 th cent.	46
<i>Makarova G. V. (Moscow).</i> Some Archive Strokes to the Biography of a Member of Polish Liberation Movement of the End of the 18 th cent. — Joachim Mokossey Denisko	60
<i>Bushin V. S. (Pavlograd).</i> Typology of Provincial Towns of Novorossiya of the Last Quarter of the 18 th — the Middle of the 19 th cent.	79
<i>Lapteva L. P. (Moscow).</i> University Slavic Studies in Russia for the First Century of Their Existence (1835–1935)	94
<i>Aksionova E. P. (Moscow).</i> A. V. Florovsky on the Status and Traditions of Slavic Studies among Russian Emigration	111
<i>Kossik V. I. (Moscow).</i> To the Portrait of the Primate of the Croation Orthodox Church Metropolitan Hermogenes	130
<i>Mayorova O. N. (Moscow).</i> Position of Washington in Respect to the Events in Poland in 1989 (on the Base of the Materials of the Correspondence of the Embassy of Poland in the U.S.A. and the Foreign Ministry of Polish People's Republic)	141
<i>Timofeev A. Yu. (Beograd).</i> Chronology of One Revolution. By the 10 th Anniversary of the Events of October 2000 in Serbia	161
<i>Koloskov E. A. (Moscow).</i> Macedonian-Greek Polemics on the Name: Aspects, Stages and Searches for a Solution	186

- Osipova A. V. (Moscow).* From Separatism to Extremism: the Creation of the Kosovo Liberation Army 204

History of Culture

- Babalyk M. G. (Petrozavodsk).* Old Russian Apocrypha “Conversations of Three Hierarchs”: on Some Folklore Parallels 223
- Leskinen M. V. (Moscow).* Linguistic Factor of Ethnic Identification in the Period of Shaping of the Discipline of Ethnography in Russia (18–19th cent.) 234
- Plotnikova A. A. (Moscow).* Ambivalence of Evaluation in Traditional Folk Culture (on the Base of the Materials of the “Slavic Antiquities” Thesaurus) 252
- Gushcheva O. I. (Minsk).* To the Question of Auto- and Geterostereotypes of Pole at the Border of Poland, Belorussia and Lithuanian..... 261
- Shchavinskaya L. L. (Moscow).* “Kantyczka” of 1914 in the History of Folk Literature of Belorussians 281
- Starikova N. N. (Moscow).* The Theme of the Reformation in Slovenian Historical Fiction: “Chronicle of the Mansion of Vysokoe” Novel by I. Tavcar 296
- Shvedova N. V. (Moscow).* Surrealism in Literature and Art of Slovakia 307

Linguistics

- Efimova V. S. (Moscow).* A Lexical Criterion of the History of Studying of Monuments of Old Slavic Literature and New Possibilities of its Usage 318
- Vendina T. I. (Moscow).* Lexical Isoglosses in the Slavic Language World: Russian-Serbian Lexical Parallels 336
- Gordievskaya M. L. (Moscow).* Abstract Quantitative Concepts in Russian Language (from the Experience of Analysis of Syntactic Connection) 368
- Labrosskaya V. (Skopje).* Archaisms in Southeastern Macedonian Dialects: Extreme Southern Borders of the Slavic Language Space 386
- Boronnikova N. V. (Perm').* Deictic Indicators of Macedonian Language as a Way of Organization of Personal Space 393
- Bushuev P. A. (Moscow).* Presentation of Topical Vocabulary of Spiritual Culture in a Dialect Dictionary 403

Publications

<i>Shemyakin A. L., Silkin A. A. (Moscow).</i> “Down with Monarchy! Long live King Peter!” (From the Notes by a Serbian Academician)	419
<i>Edemsky A. B. (Moscow).</i> Tracing the Steps of Secret Consultations in Bryony on November 2–3, 1956	462

Reviews

<i>Kochegarov C. A. (Moscow).</i> General Patrick Gordon and Hetman Ivan Samoilovich in 1679–1680. (A Note on the Publication of the Next Volume of “Diary” of P. Gordon)	489
<i>Stykalin A. S. (Moscow).</i> A New Research on the History of Soviet-Yugoslavian Relations	505
<i>Labyntsev Yu. A., Shchavinskaya L. L. (Moscow).</i> In the Creative Laboratory of Ivan Franko	520
<i>Dronov M. Yu. (Moscow).</i> A Valuable Work on the History of Orthodoxy of Rusyns	523
<i>Dronov M. Yu. (Moscow).</i> A Navigator in the World of Lemkos Studies	528

Chronicles

<i>Dostal' M. Yu. (Moscow).</i> The International Research Conference “On the Border of Cultures: Russian Emigration in Czech Republic between World Wars”	534
<i>Serapionova E. P. (Moscow).</i> The International Research Conference “Subject Matter of East-West in the Relations of Slovakia and Russia”	540
Information about the Authors	547

От редактории

В России каждый год 24 мая широко отмечается День славянской письменности и культуры, приуроченный к дню памяти свв. Кирилла и Мефодия. Наряду с другими праздничными мероприятиями ежегодно проводились международная научная конференция и круглые столы, посвященные славянской проблематике. Начиная с 1996 г. такие конференции проводились в Костроме, Орле, Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Ханты-Мансийске, Коломне, Твери, Саратове. Материалы этих конференций опубликованы в четырнадцати выпусках «Славянского альманаха».

В 2010 г. основные мероприятия праздника проходили в Москве. В рамках этих мероприятий была проведена организованная Институтом славяноведения РАН международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие». Материалы конференции и других аналогичных научных встреч легли в основу пятнадцатого выпуска «Славянского альманаха». В статьях альманаха отражаются актуальные проблемы истории, литературы, культуры и языка славянских народов.

Структура альманаха остается традиционной; в нем представлены разделы: «Пленарное заседание», «История», «История культуры», «Языкознание», «Публикации», «Рецензии», «Хроника». Статьи сопровождаются краткими аннотациями и ключевыми словами на русском и английском языках. В конце тома приводятся сведения об авторах.

Редакция «Славянского альманаха» выражает надежду, что ежегодник будет способствовать дальнейшему всестороннему, углубленному изучению славянских народов и распространению научных знаний о славянском мире.

Б. Н. Флоря
(Москва)

Международная жизнь восточной части Европы в XIV — начале XV в.: путь к Грюнвальду

В статье рассматриваются международные отношения в восточной части Европы в XIV — начале XV в., приведшие к Грюнвальду и прекращению в дальнейшем существования орденского государства.

Ключевые слова: *крестовые походы, рыцарские Ордена, Литва, Польша, Грюнвальдская битва.*

Первая половина XIII в. стала важной гранью в истории стран восточной части Европы, прилегавшей к Балтийскому морю. Именно в это время начались и приобрели широкий размах крестовые походы немецкого рыцарства на языческие финно-угорские и балтские племена на южном и восточном побережье Балтийского моря. В ходе завоевания на занятых землях строились замки — опорные пункты новой власти, местная социальная элита была истреблена, местное население превратилось в зависимых крестьян завоевателей, которые довольствовались его формальной христианизацией.

Главным орудием экспансии были военные объединения рыцарей-монахов — Ордена, создавшие на завоеванных землях свои особые государства. На землях эстов, латгалов, ливов, куршей создал свое особое государство Орден меченосцев (в отечественной литературе известен как Ливонский Орден), на землях прусских племен — Тевтонский Орден, созданный в конце XII в. для борьбы с мусульманами в Палестине. В 1237 г. Ливонский Орден подчинился верховной власти великого магистра Тевтонского, но сохранил при этом значительную автономию. Завоеванные земли язычников были «пожалованы» Орденам императором и папой и рассматривались как часть Священной Римской империи, которую католическая Европа должна была защищать и поддерживать в борьбе с язычниками и «схизматиками» — православными.

Между двумя Орденами, во многом близкими между собой, существовали серьезные различия. В государстве, созданном на территории Ливонии, Орден не обладал всей полнотой власти, здесь самостоятельную роль играли епископства, обладал автономией ряд крупных городов. В отличие от Ливонского, Тевтонский Орден представлял средневековый образец « тоталитарного» государства. Вся

полнота власти принадлежала братьям — членам Ордена. Из их числа выбирались епископы. Ни рыцари, получавшие от Ордена земли за службу, ни горожане никаким влиянием на ход государственных дел не пользовались. Автономия городов была резко ограничена, они были обложены тяжелыми поборами в пользу Ордена. Орден при этом установил свою монополию на торговлю целым рядом важных товаров (как, например, янтарь и хлеб). Многими поборами было обложено и покоренное население. В результате в казне Ордена скапливались большие средства, что позволяло в случае необходимости привлекать и оплачивать наемные войска. Организация в Орденском государстве была строго централизованной, подчиненной единому руководству и ориентированной на постоянное ведение войны. Следует также учитывать, что Орден мог рассчитывать на поддержку своих «провинций» — округов, лежавших за пределами Пруссии, в различных европейских странах. Именно деятельность этих «провинций» способствовала приходу в Пруссию рыцарства из разных европейских стран (так называемых «гостей») для участия в «священной войне». Все это делало Орден грозным и опасным противником для тех соседей, которым угрожала его экспансия.

После покорения прусских земель и земель современных Латвии и Эстонии объектом экспансии крестоносцев стала Литва. Крестоносцы особенно стремились утвердить свою власть в такой литовской области, как Жемайтия. Эта область, выходившая к Балтийскому морю, отделяла друг от друга земли Тевтонского и Ливонского Орденов. С ее захватом создавалась перспектива полного объединения Орденов в единое государство. Планы крестоносцев, впрочем, не ограничивались одной Жемайтией. От императора Людовика Баварского в 1337 г. Орден получил грамоты, по которым ему была пожалована вся Литва. Здесь, однако, крестоносцы столкнулись с сильным сопротивлением. Им противостояли не отдельные, разрозненные племена, а крупное политическое образование — Великое княжество Литовское, в состав которого входила не только этническая Литва, но и значительная часть современной Белоруссии. На границах Великого княжества с государствами крестоносцев началась многолетняя тяжелая война, лишь время от времени прерывавшаяся перемириями. В этой борьбе с крестоносцами совместно сражались и литовские, и «русские» жители Великого княжества. Так, в первых десятилетиях XIV в. видную роль в борьбе с крестоносцами играл воевода Гродна Давид. «Русские» земли Великого княжества, впрочем, император также пожаловал Ордену. В первых

десятилетиях XIV в. усилия крестоносцев были направлены прежде всего на то, чтобы овладеть Жемайтией.

Однако экспансия Ордена распространялась не только на земли язычников и православных. В начале XIV в. объектом такой экспансии стали давно входившие в состав католической Европы польские земли. Используя трудности, возникшие перед польской властью в борьбе за объединение польских земель на рубеже XIII–XIV вв., Орден в 1308 г., под предлогом помощи польскому правительству Владиславу Локетку в борьбе с враждебными ему бранденбургскими маркграфами, захватил Восточное Поморье с его главным центром — Гданьском, отрезав Польшу от Балтийского моря. Против Ордена, вероломно напавшего на соседнее католическое государство, польские власти начали судебные процессы, на которых многие десятки свидетелей — члены княжеского рода, духовные лица, рыцари и горожане — дали показания, содержавшие подробные описания вероломных действий крестоносцев, но несмотря на принятие решений в пользу Польши добиться их выполнения не удалось. Крестоносцы этих решений не признали, а высшая духовная инстанция католического мира — папская курия их не утвердила. Попытка вернуть Поморье силой не удалась. Польша одна была не в состоянии взять верх над таким могущественным противником, как Тевтонский Орден.

Уже в первой половине XIV в. сложилось такое объективное положение, которое прямо подталкивало правящие круги Литвы и Польши к пониманию необходимости объединения их для борьбы с общим противником. Неслучайно в 20-е гг. XIV в. был предпринят важный шаг к сближению между двумя государствами. В 1325 г. дочь великого князя литовского Гедимина была выдана замуж за сына польского короля Владислава Локетка Казимира. Как было обычным для средневековья, брак скреплял заключение военно-политического союза между государствами. Литовские войска участвовали в войне Владислава Локетка с Бранденбургом. Однако союз Литвы и Польши, направленный против Ордена, так и не стал реальностью ни в 20-х гг. XIV в., ни позднее.

Одна из причин состояла в том, что языческая Литва была своего рода «изгоем» в христианской Европе того времен. Союз Польши с языческим государством вызывал отрицательную реакцию даже в тех государствах, с которыми Польшу в первой половине XIV в. связывали близкие, дружественные отношения. Так, венгерские рыцари категорически отказались участвовать в войне с Орденом вме-

сте с язычниками-литовцами. На этом пути Польша оказывалась под угрозой международной изоляции.

Позднее приобрел значение другой фактор. С середины XIV в. ясно обозначился упадок Золотой Орды, до этого крепко державшей под своей властью обширные восточнославянские земли. Тем самым для соседей восточнославянских княжеств — Литвы и Польши открылись перспективы экспансии в этот регион. И здесь интересы двух государств столкнулись в борьбе за обладание Юго-Западной Русью. В 1340 г. почти одновременно польские и литовские войска заняли разные части Галицко-Волынского княжества, а позднее между ними началась борьба за обладание этим краем, положившая начало ряду крупных военных конфликтов, продолжавшихся вплоть до 70-х гг. XIV в. Неудивительно, что в 1343 г. польский король Казимир заключил «вечный мир» с Орденом, который предусматривал отказ Казимира за себя и за своих наследников от притязаний на Восточное Поморье и обязательство не оказывать помощи литовским язычникам в их войне с Орденом. Правда, и в середине XIV в. появлялись проекты сближения с Литвой, которое сопровождалось бы крещением литовцев, но в условиях постоянных конфликтов между государствами до их осуществления дело не дошло. Так на достаточно долгий срок Ордену удалось добиться нейтрализации одного из возможных противников, чтобы направить свои силы против Литвы.

Если польских политиков привлекали земли Юго-Западной Руси, то у литовских политиков с ослаблением Золотой Орды возникали гораздо более амбициозные планы. В середине XIV в. литовские войска успешно двигались на юг, распространяя власть великого князя литовского на черниговские и киевские земли и даже на лежавшую южнее Подолию. После достигнутых успехов в Вильно появились планы подчинить своему влиянию и Северо-Западную Русь. Литовский великий князь Ольгерд вмешался в происходившую в этом регионе политическую борьбу, чтобы посадить здесь на главный княжеский стол — владимирский — своего кандидата Михаила Тверского. В 1368 г., поддерживая тверского князя, Ольгерд вместе со всеми членами княжеского рода привел войска к только что построенному московскому кремлю. За этим последовала московско-литовская война, растянувшаяся на ряд лет.

Соседи Ордена оказались в сложном, противоречивом положении. С одной стороны, благодаря успешной экспансии увеличивалась территория государств и их ресурсы, они становились сильнее.

С другой стороны, у них появлялись новые проблемы и новые противники, не дававшие возможности объединиться и направить свои силы на борьбу с Орденом. Орден стремился использовать выгоды для него такого положения. Именно в 60-е гг. XIV в., когда восточная экспансия Великого княжества достигла наивысших успехов, резко усилилось наступление крестоносцев на литовские земли. Объектом походов крестоносцев стали теперь не пограничные земли, а главные центры государства — Вильно, Троки, Ковно.

Рубеж 70–80-х гг. XIV в. стал временем серьезного внутриполитического кризиса Великого княжества Литовского. Государство ослабляла развернувшаяся борьба за власть между группировками литовской знати. Одновременно стали ослабевать еще непрочные связи между Литвой и подчиненными ей «русскими» землями. В таких условиях великий князь литовский Ягайло, сын Ольгерда, оказался не в состоянии дать отпор крестоносцам и ради заключения мира в 1382 г. был вынужден пойти на далеко идущие уступки Ордену. Он не только обязался отдать Ордену большую часть Жемайтии. Великий князь дал обязательство принять вместе с подданными крещение из рук прусских епископов, поддерживать Орден во всех его войнах, а самому не начинать ни с кем войны без разрешения Ордена. Тем самым Великое княжество Литовское должно было превратиться в вассальное, зависимое от Ордена, политическое образование. Лица, стоявшие во главе Великого княжества, не могли примириться с такими условиями и стали искать союзников для борьбы с Орденом. Неслучайно такого союзника они нашли в Польше. Польские политики, конечно, понимали, что если Литва подчинится крестоносцам, то с планами возвращения польских земель на Балтийском море придется проститься. В 1385 г. в Креве в Литве была достигнута договоренность об избрании Ягайлы на польский трон и его браке с наследницей трона принцессой Ядвигой. Тем самым между Польшей и Великим княжеством Литовским устанавливается тесный военно-политический союз, скрепленный династической унией. Среди обязательств, взятых на себя новым польским монархом по отношению к будущим подданным, важное место занимало обещание использовать все силы и средства для возвращения оторванных от Польского королевства земель. Тем самым уже в момент заключения союза было фактически определено, что одна из главных его целей будет заключаться в борьбе с Орденом.

Важно отметить, что заключению брака и коронации Ягайло в 1386 г. предшествовало крещение великого князя вместе с его братья-

ми и боярами, а за этим последовало массовое крещение язычников-литовцев. В качестве крестного отца на крещение великого князя был демонстративно приглашен сам великий магистр Тевтонского Ордена, не пожелавший приехать для этого в Краков. Таким образом, Литва оставалась независимой от Ордена, а его война с литовцами теряла всякие идейные обоснования. Более того, возник вопрос о целесообразности самого существования Орденского государства в таком регионе Европы, где больше не было язычников. Закономерно в XV в. появился целый ряд планов переноса Ордена из Пруссии в Подолию, где он мог бы защищать христианский мир от мусульман.

В перспективе крещение литовцев должно было лишить Орден поддержки европейского рыцарства, приезжавшего в Пруссию воевать с язычниками, но перемены эти оказались не сразу. В первые годы после крещения литовцев европейские рыцари продолжали участвовать в походах войск Ордена на Литву. Так, в 1390 г. в таком походе принял участие будущий английский король Генрих IV.

Власти Ордена понимали размер угрожавшей им опасности и стали прилагать усилия, чтобы разрушить польско-литовский союз. Эти шаги облегчила политика польских правящих кругов. В неблагоприятных для Литвы условиях, сложившихся в 80-х гг. XIV в., именно Великое княжество Литовское нуждалось в опоре и поддержке. Это давало возможность польским правящим кругам смотреть на Великое княжество Литовское как на неполноправное, зависимое от Польши, политическое образование. Члены литовского княжеского рода, сидевшие на столах в разных землях Великого княжества, после вступления Ягайлы на польский трон должны были принести присяги на верность Ягайле, Ядвиге и «Короне Королевства Польского», то есть Польскому государству. В Вильно как наместник Ягайлы был послан польский подканцлер Клеменс из Москоржева, вместе с ним в Вильно был прислан польский гарнизон. Эти действия вызвали недовольство части литовской знати во главе с двоюродным братом Ягайло Витовтом.

Орден попытался воспользоваться этой ситуацией, чтобы разорвать опасный польско-литовский союз и подчинить Литву своему влиянию. Поэтому онrazil поддержку Витовту и в 1390–1392 гг. направлял в Литву большие военные силы, чтобы возвести Витовта на великокняжеский трон. Для участия в этих походах было собрано большое количество рыцарей из разных стран Европы. Помимо ряда немецких князей, в них участвовали рыцари из Франции, Англии, Шотландии. Отряд стрелков прислал герцог бургундский. В 1390 г.

войска крестоносцев и сторонников Витовта в течение пяти недель осаждали Вильно, овладели частью города, но главная цитадель устояла. Из Польши в Литву посыпали войска, оружие, продовольствие, не объявляя, однако, Ордену войны. В Польше считали, что страна еще не готова к решающему столкновению с противником. Орден также сохранял мир, рассчитывая добиться своих целей, не вступая в открытый конфликт с Польшей. Однако, несмотря на предпринятые огромные усилия, Ордену не удалось добиться своих целей. Походы огромных войск не привели к каким-либо прочным результатам, а внутриполитическому кризису был положен конец, когда по Островскому договору 1392 г. Витовт стал правителем всех земель Великого княжества Литовского, подчиненным верховной власти Ягайло. Орден и позднее пытался при случае поддерживать выступления против Ягайло и Витовта недовольных членов княжеского рода, но эти выступления уже не имели опоры у населения Великого княжества.

Попытки Ордена разорвать польско-литовский союз и подчинить Литву своему влиянию закончились неудачей. Создавались объективные условия для объединения сил союзников и для подготовки к решающей борьбе с Орденом. Ход событий пошел, однако, в другом направлении.

Когда литовские правящие круги добивались союза с Польшей, то получение поддержки против Ордена не было их единственной целью. В польской помощи литовская знать нуждалась и для укрепления своей власти над входившими в состав Великого княжества «русскими» землями. В 90-х гг. XIV в. поставленная цель была достигнута. Со своих уделов были устраниены члены княжеского рода, позволявшие себе вести самостоятельную политику, подчас слишком тесно связанные с местным населением (ряд из них принял православие). Они были заменены наместниками из рядов окружавшей Витовта литовской знати. Государство было тем самым подготовлено к решению сложных внешнеполитических задач.

В этих условиях наметился поворот литовских правящих кругов к проведению политики активной экспансии на востоке, которую проводил в годы своего великого княжения Ольгерд. Первым шагом на этом пути стал захват войсками Витовта в 1395 г. Смоленского княжества. Попытки проведения такой политики предполагали необходимость поисков мира с Орденом, хотя бы и ценой определенных уступок, и даже поиски сотрудничества с ним. Одновременно наметились перемены и в политике Ордена. Бесперспективность

планов завоевания Литвы в сложившихся условиях становилась очевидной. Вместе с тем военно-политическая организация, ориентированная на постоянное ведение войны, нуждалась в поиске новых направлений для экспансии. Объектом такой экспансии могли бы стать русские земли. Война со «схизматиками» — православными могла бы укрепить репутацию Ордена как силы, утверждающей католическую веру. Союз с Литвой в этих условиях мог оказаться полезным.

Эти перемены во внешней политике Великого княжества и Ордена нашли свое выражение в заключении договора между Великим княжеством и Орденом на острове Салин на Немане 12 октября 1398 г. Между государствами устанавливался не только «вечный мир», но и союз, направленный против Новгорода и Пскова, которыми союзники рассчитывали овладеть совместными силами или порознь. Ордену должен был отойти Псков, а Великому княжеству Новгород. Соглашение было достигнуто ценой уступок со стороны Витовта в Жемайтии. Он признал права Ордена на Жемайтию и обязался содействовать установлению его власти над этой землей. Это показывает заинтересованность Литвы в этом соглашении. Когда в следующем, 1399 г. Витовт предпринял поход, чтобы посадить на престол Золотой орды хана Тохтамыша, в его войске был отряд крестоносцев.

Салинский договор не был осуществлен. Между сторонами, его подписавшими, возникли серьезные трения, дело дошло до войны, и войска крестоносцев даже предприняли поход на Вильно, однако через несколько лет поиски соглашения возобновились.

В мае 1404 г. в городе Раценже были заключены новые мирные соглашения между Польшей и Литвой, с одной стороны, и Орденом, с другой. Одновременно особой грамотой Витовт подтвердил условия Салинского договора. Это означало возвращение Ордена и Литвы к планам совместного наступления на русские земли. Эти планы получили одобрение и Польши. И на этот раз соглашение было достигнуто ценой уступок в Жемайтии. Дело не ограничилось признанием прав Ордена на Жемайтию. В следующем, 1405 г. Витовт пришел туда с войском и заставил жемайтов подчиниться Ордену. По его требованию жемайты должны были дать властям Ордена заложников. В крае была поставлена крепость Кенигсбург — опорный пункт власти крестоносцев. Для управления этой землей властями Ордена был прислан наместник Михаэль Кухмейстер.

Такой ценой была обеспечена поддержка Ордена походам Витовта на восток. Известно, что в первом походе 1406 г. участвовал

отряд из 1400 всадников во главе с М. Кухмейстером, в 1408 г. в походе участвовало уже двухтысячное войско крестоносцев. К участию в походах призывалось и рыцарство из разных европейских стран. При организации походов Витовт получил и значительную помощь из Польши. В его походах принял участие целый ряд польских вельмож (в их числе и Клеменс из Москоржева), а для участия в походе 1408 г. было прислано отборное пятитысячное войско.

Военные действия начались в феврале 1406 г., когда литовское войско без объявления войны вторглось во Псковскую землю, а в августе здесь же появился магистр Ливонского Ордена с большим войском. Псковичи обратились за помощью в Москву. После этого рамки локального поначалу конфликта резко расширились. «Князь велики Василий разверже мир со князем литовским Витовтом... псковские ради обиды», — записал псковский летописец. Но дело, конечно, было не только в этой «обиде». В Москве, по-видимому, оценили всю потенциальную опасность не только для Пскова, но и для других русских земель соглашения Витовта и Ордена. Во Псков для организации защиты от вражеского наступления был послан брат великого князя Константин.

На Псковской земле разгоралась ожесточенная война псковичей с ливонским войском. В октябре 1406 г. ливонское войско во главе с магистром было разбито в сражении у Киренпе. В августе следующего, 1407 г. в районе Изборска произошло новое сражение с большими потерями с обеих сторон. «Сие бысть, — записал летописец, — побоище сильно, яко бысть Ледовое побоище».

Исход войны решался, однако, не там, а на главном направлении, где наступала армия Витовта, усиленная польским войском и отрядаами крестоносцев. На реке Плаве, притоке Упы, его встретили войска, собранные Василием Дмитриевичем. Два войска стояли некоторое время друг против друга, а затем было заключено краткосрочное перемирие. В 1407 г. аналогичным образом закончилась встреча двух войск в районе Вязьмы. Осенью 1408 г. на Угре войска снова стояли друг против друга 11 дней, не вступая в сражение. Оборонительная позиция русских войск понятна, не с русской стороны исходила инициатива войны. Однако заслуживает внимания нерешительность, проявленная Витовтом, когда он уже встал на путь осуществления своих широких внешнеполитических планов. Причины такого поведения следует искать в том, что Василий Дмитриевич выступил навстречу Витовту «с своею братиею и со всеми князми Рускими и со всею силою Русскою», то есть сумел объединить для отпора вра-

гу княжества Северо-Восточной Руси, он также сумел получить помощь от хана Золотой Орды Шадибека, обеспокоенного усилением Литвы. Возможно, Витовт и мог бы одержать победу, но она дала бы ему такой ценой, что это крайне ослабило бы его перед лицом Ордена.

Восточные походы Витовта не принесли каких-либо значимых результатов, а тем временем Орден прилагал усилия для укрепления своей власти в Жемайтии. Крестоносцы поставили здесь новые крепости, а затем стали принимать меры, чтобы разорвать связи между Жемайтией и литовскими землями. Политика союзников зашла в тупик. В этих условиях наступил поворот Литвы и Польши к решающему столкновению с Орденом.

Стояние на Угре завершилось заключением «вечного мира» между Москвой и Литвой, вскоре за этим последовало заключение мира между Литвой и Псковом. Теперь Великое княжество Литовское могло сосредоточить свои силы на западном направлении.

Следующим шагом стало начавшееся в мае 1409 г. восстание в Жемайтии, во главе которого встал один из приближенных Витовта Румбольд. Крестоносцы были изгнаны из этой области. Витовт, чтобы выиграть время, отрицал свою причастность к происходящему, но не смог ввести в заблуждение власти Ордена. С 80-х гг. XIV в. все попытки усиления Орденского государства за счет Литвы или за счет соседних русских земель завершились неудачей, и перед лицом враждебных союзников оставался, по существу, один выход — попытаться нанести противникам решительный удар, пока они не успели усилиться.

Летом 1409 г. послы великого магистра Ульриха фон Юнгингена сообщили Ягайле, что Орден, у которого отняли Жемайтию, намерен начать войну с Литвой, и от имени магистра требовали ответить на вопрос, будет ли в этом случае Польша помочь Литве. Когда спустя некоторое время последовал ответ с предложением воздержаться от войны, в которой Польша окажет помощь Литве, великий магистр 6 августа 1409 г. объявил войну Польше. Обе стороны стали готовиться к решающему столкновению в следующем 1410 году.

Орден рассчитывал на решающую победу, заключив союз с венгерским королем Сигизмундом Люксембургским. Была достигнута договоренность, что 24 июня 1410 г. королю будет выплачено 300 000 дукатов, после чего он должен был вступить в южные земли Польши с большим войском. В случае победы под власть Ордена должны были перейти Литва, Жемайтия, ряд польских земель. Великий ма-

гистр, по свидетельству прусского хрониста, собрал для участия в войне все свои военные силы, «оставив всю землю и все замки» без военачальников и гарнизонов.

Началу решающей военной кампании предшествовала пропагандистская война. Орден стремился привлечь в свои войска рыцарство разных стран католической Европы. В воззваниях, рассылавшихся Орденом, говорилось, что война начата для защиты всего христианского мира от фальшивых христиан, которые поддерживают против Ордена язычников и «схизматиков». Эта кампания столкнулась с активным противодействием польско-литовской стороны. Уже 10 августа 1409 г. был подготовлен манифест, адресованный всем христианам. Оправдывая обвинения Ордена, составители манифеста рассказывали, какие усилия прилагают правители Польши и Литвы для распространения христианства в своих землях, сообщали об основании епископств и строительстве храмов. Одновременно они обращали внимание на то, что власти Ордена, завоевав и подчинив пруссов, сделали очень мало для их приобщения к христианской вере, направив все усилия на захват и покорение чужих земель. Определенного успеха удалось добиться. Прилив «гостей» в армию Ордена оказался гораздо меньшим, чем в 90-е гг. XIV в. На помошь Ордену пришли только рыцари из разных немецких земель. Вместе с тем в католической Европе нашлись люди, пожелавшие встать на сторону Польши и Литвы в их споре с Орденом. К польской армии присоединились отряды чехов, принявших затем активное участие в войне.

Манифести, направлявшиеся в разные страны Европы, имели в виду не только европейского читателя. Если Великое княжество Литовское давно вело борьбу с Орденом, и во всех слоях общества было налицо убеждение в необходимости этой борьбы, то положение в Польше было более сложным. Здесь влиятельная часть духовенства во главе с краковским епископом Петром Вышем выступала против войны с Орденом, как духовным институтом, находившимся под особой опекой папского престола. Смутило и то, что война начинается для защиты языческой Жемайтии и что на стороне союзников будут выступать против Ордена их православные и языческие подданные.

В этой ситуации в поддержку решения о войне выступили профессора Краковского университета. Ректор университета Станислав из Скарбимира выступил с сочинением «О войне справедливой», в котором обосновывал правильность такого решения. Автор доказывал, что война является справедливой, если приходится бороться за

возвращение того, что несправедливо захвачено, а в справедливой войне католический правитель, чтобы помешать действиям злых христиан, может призвать к себе на помощь язычников.

Накануне начала военных действий союзникам удалось добиться заметного успеха. Ливонский Орден отказался от участия в войне, направив на помощь в Пруссию лишь один отряд. Можно высказать некоторые соображения о том, почему это произошло. Новгородская I летопись в тексте о событиях января 1412 г. приводит слова Витовта о соглашении, которое он ранее заключил с Новгородом: «Были есте нам нялися: сложать ли Немци нам, и вам было Немцам тако ж сложити, а с нами заодно стати», то есть по заключенному соглашению с началом войны между Литвой и Ливонским Орденом Новгород также должен был объявить ему войну. Очевидно, такое соглашение и удержало Ливонию от участия в войне. Заключению такого соглашения, вероятно, способствовал брат Ягайлы, служилый новгородский князь Семен-Лингвенъ, покинувший Новгород для участия в войне. Сыграло свою роль, несомненно, и то, что в войне со Псковом войска Ливонского Ордена понесли серьезные потери.

Летом 1410 г. началась война, в которой должен был решиться спор между Орденом и его противниками. Сохранилось два описания военной кампании, сделанных в польской среде. Одно из них, так называемое «*Cronica conflictus*», — извлечение из какого-то сочинения, написанного участником событий. Другое, гораздо более обширное, принадлежит перу работавшего во второй половине XV в. знаменитого польского историка Яна Длугоша. При написании этих разделов своего сочинения Длугош использовал источник, общий с «*Cronica conflictus*», а также рассказы еще живых участников событий, среди которых были его отец и дядя. В своем повествовании Длугош подчеркивал решающую роль поляков в достижении победы. Иная, литовская версия, где акцентируется роль литовцев, читается в памятнике летописания XVI в., так называемом «Летописце Быховца». Описание войны, сделанное на прусской стороне, содержится в хронике Иоанна Посильге, приближенного одного из прусских епископов.

Важным условием успеха в начавшейся войне стало то, что союзники сумели соединить свои силы еще до начала военных действий. В состав соединенной армии вошли войска с территорий современных Литвы и Польши, а также «русских» земель в составе Великого княжества Литовского и Польского королевства.

От города Червинска на Висле польско-литовское войско двинулось на земли Пруссии, направляясь к столице Ордена —

Мариенбургу (совр. Мальборк). На этом пути у деревни Грюнвальд их встретило войско крестоносцев во главе с великим магистром Ульрихом фон Юнгингеном. Магистр, как уже было отмечено выше, собрал все свои силы, чтобы нанести противнику решающий удар. По разным расчетам, силы противника были примерно равны, в каждом войске насчитывалось свыше 30 тыс. человек.

15 июля 1410 г. началась долгая кровопролитная битва. В ходе битвы военное счастье неоднократно переходило с одной стороны на другую. По свидетельству Дlugоша, был момент, когда под нападением врага упало знамя Польского королевства. Прусский хронист также записал, что в один из моментов сражения уже уверенные в победе крестоносцы запели хвалебную песнь. Но битва завершилась полным разгромом войска Ордена. В сражении погиб сам великий магистр и многие орденские сановники, была уничтожена почти вся пехота и большая часть конницы. Победители взяли много пленных, в их руки попал и вражеский лагерь со всем находившимся в нем имуществом.

Военная сила Ордена была сломлена, что привело впоследствии к прекращению существования Орденского государства. Таковы были главные исторические последствия Грюнвальда, а почему путь к этому событию оказался столь долгим и трудным, автор попытался показать в своей статье.

Florya B. N.
International Life of the Eastern Part of Europe
of the 14th — the Beginning of the 15th cent.:
the Way to the Battle of Grunwald

The subject of the article is the analysis of the international relations in the eastern part of Europe in the 14th — the beginning of the 15th cent., which led to the Battle of Grunwald and ceasing of activity of the Order state.

Key words: *the Crusades, knights' orders, Lithuanian, Poland, Battle of Grunwald.*

Л. П. Лаптева
(Москва)

Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. С. Пальмов как историк зарубежных церквей

Статья посвящена научной деятельности крупного слависта И. С. Пальмова.

Ключевые слова: *И. С. Пальмов, история славяноведения, история церкви*.

Иван Саввич Пальмов (1856–1920) принадлежит к числу крупнейших русских ученых славистов последней четверти XIX в. и первого двадцатилетия XX в. Он объездил почти все славянские земли, имел контакты с учеными разных стран. Современники отмечали: «Лучшего знатока славянства, чем И. С. Пальмов, нет в России, его имя известно каждому образованному славянину и пользуется во всех странах православного, католического и протестантского славянства полным уважением»¹. Творчество Пальмова было сосредоточено на изучении церковной истории западных и южных славян, он являлся «единственным знатоком религиозной жизни славянства в ее прошлом и настоящем»². В советское время имя Пальмова упоминалось редко, а его труды, касающиеся церковной истории южнославянских народов, вообще не получили соответствующей оценки. В настоящее время жизнь и творчество этого замечательного ученого освещены в ряде очерков³, поэтому нет необходимости подробно останавливаться на его биографии. Укажем лишь основные моменты его жизненного пути.

И. С. Пальмов родился в семье священника⁴ Рязанской губернии. Окончил Рязанскую духовную семинарию, а затем Петербургскую духовную академию, где был оставлен для подготовки к занятию только что учрежденной тогда кафедры славянских церквей. Для ознакомления с состоянием науки о славянах и совершенствования в знании славянских языков он был прикомандирован к историко-филологическому факультету Санкт-Петербургского университета, где прошел славистическую подготовку у известного профессора В. И. Ламанского, который предложил Пальмову заняться вопросами религиозной борьбы в Чехии в XV в. В 1881 г. Пальмов защитил магистерскую диссертацию на тему «Вопрос о чаше в гуситском движении» и был направлен в славянские страны для исследования в архивах и библиотеках материалов по истории славянских церквей. Он посетил Львов, Прагу, Гернгутт — малень-

кий городок в Саксонии, где находился архив с документами, интересовавшими русского ученого. Везде Пальмов усердно изучал рукописи, разные по жанру и внушительные по объему, содержащие сведения о религиозной жизни и состоянии церкви у западных славян. До 1884 г. он занимался изучением источников и литературы по истории церкви у южных славян — в Загребе, Любляне, Цетинье, Карловцах, Софии, Филлипопуле, в архивах и библиотеках Константинополя, Святогорских Афонских монастырей, в Солуни, Афинах, Смирне, а также в Румынии. Результаты своих трехлетних научных занятий Пальмов изложил в книге «Из путешествия по греко-славянским землям» (СПб., 1890). По возвращении из командировки в 1884 г. Пальмов получил должность экстраординарного профессора Петербургской духовной академии. За границу он выезжал еще много раз и в 1904 г. защитил докторскую диссертацию «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия» (Прага, 1904). Результаты архивных и библиотечных исследований ученого нашли отражение в большом количестве его чрезвычайно ценных работ.

Церковной истории западных славян посвящены его фундаментальные труды — магистерская и докторская диссертации. В первой из них — «Вопрос о чаше в гуситском движении» — ученый рассмотрел кардинальные вопросы ранней реформации в Чехии XIV–XV вв., известной как гуситское движение. Анализируя гуситскую идеологию, ученый пришел к выводу, что гусизм представляет собой религиозное движение, направленное на реформу католической церкви, которая формулировалась гуситами по-разному, вплоть до отрицания самой церкви. Характеристика гуситского движения Пальмовым только как религиозного выглядела односторонней и несколько архаичной. В богатой литературе того времени об этом феномене чешской и вообще европейской средневековой истории господствовало мнение, что религиозная идеология и вызванная ею борьба, по своей сущности, отражала явления социального характера, выросшие на основе экономических, политических и национальных противоречий в чешском обществе последней четверти XIV — начала XV в. Огромную роль в этом процессе играли противоречия между господствующей католической церковью и светским обществом. Глубокий кризис внутри католической церкви, выразившийся в открытой, иногда вооруженной борьбе за папский престол, в симонии, в нравственном упадке высшего и среднего духовенства, вызывал критику среди самого духовенства. Примером такого подхода

к гуситскому движению как явлению значительно более сложному, чем только религиозная борьба, может служить сочинение профессора Московской духовной академии Н. И. Серебрянского (1872–1940) «Ян Гус — его жизнь и учение» (1915). В то же время Пальмов не принимал оценки гуситского движения, имеющейся в предшествующей русской литературе, как стремления к возврату к старой традиции, к славянскому обряду и к возрождению православия⁵. На основании глубокого знания материала по рассматриваемому вопросу и основательной теологической эрудиции и беспристрастности Пальмов не отождествлял гусизм с православием. Он считал, что чешская реформация была одного происхождения с западной реформацией, возникла по тождественным причинам, но имела особый характер. По мнению Пальмова, нет достаточно серьезных причин, чтобы «сильно отличать чешское реформационное движение от других предшествующих и современных ему религиозно реформационных попыток в западном католическом мире»⁶. Кроме книги «Вопрос о чаше в гуситском движении», Пальмову принадлежат и другие сочинения: «К вопросу о сношениях чехов-гуситов с восточной церковью» (1889), «Иаков из Стршибра» (1905), «Иероним Пражский» (1905), «Исторический образ Иеронима Пражского» (1916), «Чешский гусизм и его историческое значение» (1909), «Ян Гус» (1915) и др.

Другим предметом интереса Пальмова была община Чешских братьев (ОЧБ) — религиозная организация, возникшая в середине XV в., о которой ученый написал фундаментальный труд «Чешские братья в своих конфессиях». Тематическая работа является продолжением гуситской проблематики, а именно — о реформации церкви, так как ОЧБ появилась в результате переосмысления способов борьбы за церковь Христову, когда другие методы, вплоть до вооруженных военных действий, себя не оправдали. Духовным отцом общины был Петр Хельчицкий⁷, который хотя и остро критиковал существующий общественный порядок, считал, что средством создания общества равных являются методы самоусовершенствования каждого индивида. В отличие от гуситов-таборитов, стремившихся установить порядок, который был в первоначальной христианской церкви, с помощью оружия, Хельчицкий выступал против войны и всякого насилия. Эта теория нашла себе группу приверженцев, которые в 1453 г. объединились в «Общину Чешских братьев». Крупнейшим исследователем этой организации и был Пальмов⁸. Кроме вышеуказанного фундаментального труда, второй том которого представляет собою публикацию текстов конфессий ОЧБ, ученый опубликовал еще ряд работ, таких как

«Мануальник Вячеслава Коранды как источник для характеристики религиозно-реформаторских идей чешского утраквизма во второй половине XV века»⁹ и др. Пальмов выяснил условия возникновения ОЧБ. Ученому принадлежит создание наиболее достоверных и подробных биографий деятелей общины. До выхода главной книги Пальмова в литературе упоминались в основном имена братьев Прокопа, Луки и Яна Благослава как епископов общины. Русский славист обнаружил в архивах еще около десятка лиц, внесших вклад в историю ОЧБ. Пальмов привел ценные сведения о культурной деятельности общины. Он признал ее вклад в европейскую культуру XVII в., когда главным действующим лицом ОЧБ стал создатель научной педагогики Ян Амос Коменский, творчество которого, как известно, протекало вне пределов Чехии, после того как на его родине ОЧБ уже распалась.

По-новому Пальмов подошел к исследованию учения ОЧБ. Если его предшественники в русской литературе¹⁰ обсуждали в основном вопрос, в какой мере учение братьев приближается к православному и приближается ли к нему вообще, то Пальмов поставил вопрос о неправомерности подхода к учению братьев как к явлению статическому. Изучив все сохранившиеся «конфессии», а также сочинения, составленные оппонентами ОЧБ, ученый пришел к заключению, что вероисповедная система общины постепенно изменялась. Пальмов считал, что доктрина ОЧБ развивалась вне прямых немецко-протестантских влияний и независимо от них. Однако он отрицал связь учения братьев с православием, полагая, что их доктрина выросла на почве критики католичества и других западных течений, вне ближайшего отношения к определенным историческим формам православия. Следует отметить, что исследования Пальмова по выяснению особенностей учения ОЧБ носят новаторский характер.

Постоянным предметом изучения Пальмова была кирилло-мефодиана. По этой проблеме он опубликовал ряд интересных статей, значительная часть которых представляла собой торжественные или юбилейные речи на актах Духовной академии, заседаниях Славянского благотворительного общества и других мероприятий.

Одним из аспектов научного исследования Пальмова являлась церковная история и современная церковная жизнь южных славян. Как указывалось, ученый часто совершал заграничные путешествия, в ходе которых были собраны богатые материалы. По разным причинам ученый не реализовал материалы в виде публикаций.

В отличие от фундаментальных сочинений по истории чешско-го религиозного движения, работы Пальмова по истории церкви у

южных славян и вообще православных народов в основном имели обзорный характер. Сведения основаны на документах официального происхождения, а также на личном наблюдении. В 1884 г. во время поездки в Константинополь и на Афон ученый собрал ряд важнейших источников по истории Охридской архиепископии, ранее не известных науке. Документы хранились в архиве Афонского Зографского монастыря. Содержание этих документов он изложил в статье «Новые данные к истории Охридской архиепископии XVI, XVII и XVIII вв.», опубликованной в «Христианском чтении» в 1891 г.¹¹ В них говорится о правах архиепископской власти и обязанностях паствы по отношению к епископу и священнику. Вторая группа документов по истории Охридской архиепископии, описанных Пальмовым, находится в «Кодексе Св. Климента», содержащем протоколы избрания архиепископа Охрида на патриарший престол всей Болгарии, Сербии, Албании, Македонии, Западного моря и др., а также грамоту об избрании в 1681 г. архиепископов и митрополитов и документы об открытии училищ, школ и пансионов. Пальмов дает историческую оценку всех описанных документов.

17 февраля 1891 г. профессор Пальмов на годичном акте в Санкт-Петербургской духовной академии произнес речь об учреждении Патриаршества в Сербии. Материал выступления впоследствии был подробно обработан и составил солидную статью «Исторический взгляд на начало автокефалии сербской церкви и учреждение патриаршества в древней Сербии»¹². Автор описывает жизнь и деятельность св. Саввы по созданию самостоятельного Сербского архиепископства в начале XIII в., опираясь на жития святого, и в приложении публикует выписки из житий. Весьма интересными представляются суждения Пальмова о причинах учреждения св. Саввой архиепископии в Сербии. Изложив кратко политическую историю сербского государства в XII — начале XIII в., ученый пишет, что «нужды его заключались, прежде всего, в организации сербской церкви — учреждении сербской высшей иерархии с архиепископом во главе для целей христианизации как населения самой Сербии, так и окрестных земель, в частности, для защиты от латинства, которое было распространяемо назойливыми и всесильными тогда латинизаторами (было время крестовых походов, когда латиняне проходили через земли Балканского полуострова!) не только на западных границах Сербии, но и по всем Балканам и вообще православному юго-востоку, а также и против богомильства, которое широко раскидывало свои сети среди православной паствы, несмотря даже на строгие против него

и других ересей меры. Всеми этими религиозными причинами обуславливалась мысль об учреждении независимой Сербской архиепископии... А политические соображения о независимости страны представляли удобную и законную почву для осуществления этой мысли... Потому без особых затруднений и удалось провести ее на деле и достигнуть желаемых результатов»¹³. Вопрос о создании самостоятельной, независимой от Константинополя патриархии учесный объясняет историческими условиями развития сербского государства в период правления царя Стефана Душана (брата св. Саввы). Отметим, что статья Пальмова имела значение не только как историческое исследование, но и была в свое время весьма актуальной, так как в Сербии в конце XIX в. велась борьба за восстановление Печской патриархии, упраздненной в 1766 г., и сербы, по мнению историка, должны, памятуя о своей истории, согласовывать национальные интересы с требованиями церковно-исторической практики.

Весьма актуальной для своего времени была и другая работа Пальмова, касающаяся Болгарской церкви. Как известно, в Болгарии велась борьба с греческой церковью, закончившаяся в 1872 г. Собором, который признал Болгарскую церковь «схизматической». Мотивы этой борьбы — национально-политические противоречия между греками и болгарами из-за Фракии и Македонии. Пальмов знакомит читателей с первоначальным устройством болгарской экзархийской церкви и современным ее положением¹⁴. Свой очерк Пальмов строит на изложении законодательных памятников, разбирает уставы болгарской экзархии, отмечает их общее и различие, касающееся внутренней жизни страны и отношения болгарской церкви к тому или иному правительству. Из приведенных автором материалов видно, что в турецкой империи после 1870 г. болгарская церковь была более независимой, чем в освобожденной Болгарии, когда стали проявляться тенденции подчинения ее государству и вмешательство правительства во внутренние дела церкви. Труд Пальмова представляет новый этап в познании истории южнославянских церквей.

Кроме славян в сфере научных интересов историка были также православные народы неславянского происхождения, проживавшие на территории Центральной и Южной Европы. В его работах есть сведения о греках, православных албанцах и др. Специальную работу ученым посвятил церковной жизни православных румын. Она вышла в «Христианском чтении» под названием «Основные черты церковного устройства православных румын в Австро-Угрии»¹⁵. До этой работы петербургского профессора в русской литературе отсутствовали

сведения о церковной организации православных румын, входивших в состав Австро-Венгрии и проживавших в Трансильвании, Банате и Восточной Венгрии. Поэтому автор начинал свой очерк изложением сведений о распространении христианства у румын, которое они приняли из Византии. В 1864 г. образовался самостоятельный национальный церковный округ — Германштадтская митрополия. По уставу, выработанному в 1868 г., православная румынская церковь находилась под надзором королевской власти, а во внутренней жизни управлялась самостоятельно. Указав на выборность епископов, охарактеризовав органы управления епархией и приходами, управление монастырей, Пальмов приходил к выводу, что церковно-народная автономия православных румын обеспечивает их защиту от мадьяризации, насижаемой венгерским правительством. В основу народно-церковной организации румын положено начало народного представительства, против которого трудно бороться, считал Пальмов. В делах церковных у румын участвуют миряне, причем во всех инстанциях церковно-административного устройства они имеют превосходство. Попытки ограничения широких прав мирян пока не удается¹⁶, констатировал Пальмов. Таким образом, церковная жизнь у румын, как и у славянских народов на Балканах, имела демократический характер. Эта демократичность выражалась в выборности священнослужителей и церковных администраторов, участии мирян в управлении, коллегиальном решении большинства вопросов, сменяемости должностных лиц. Вероятно, это обстоятельство определяло подчас руководящую роль церкви в борьбе южных славян против иноземного ига и предотвратило серьезные конфессиональные конфликты при создании самостоятельных славянских государств на Балканах.

И. С. Пальмов принадлежит к числу крупнейших исследователей религиозной жизни зарубежных славян и некоторых неславянских народов, исповедавших православие. В России в конце XIX — начале XX в. работы ученого были явлением уникальным. Их отличало глубокое знание источников, необыкновенно широкая эрудиция автора в литературе на древних и европейских языках. Личное знакомство с состоянием церковной жизни в странах Центральной Европы и особенно Балканского полуострова, архивы, библиотеки, монастыри, резиденции церковных иерархов, которые он постоянно посещал, давали ему живое представление о религиозной жизни народа и помогали осмыслиению его истории. Как отмечалось, труды Пальмова неодинаковы по глубине исследования проблемы. Если по истории религиозного движения в Чехии XV–XVI вв. преобладают труды аналитического и

обобщающего характера, принесшие открытия и новое слово в освещении вопроса, то по истории церкви у южных славян ученый писал о современном ее состоянии с большими или меньшими экскурсами в историю. Объективность в освещении исторических сюжетов, доброжелательность и терпимость к представителям разных конфессий снискали Пальмову много друзей и уважение со стороны даже тех представителей церкви и историков, которые находились в неприязненных или враждебных отношениях между собой. Это уважение к трудам и личности русского ученого, признание его заслуг выражалось, в частности, в наградах, почетных званиях, которыми отмечали его славянские и другие учреждения и царствующие особы. Так, сербский король Александр I наградил Пальмова орденом св. Саввы 3-й степени¹⁷; орден за «Гражданские заслуги» 2-й степени вручил ученому болгарский князь Фердинанд I¹⁸; князь Черногорский Николай I удостоил ученого ордена Даниила I второй степени (орденом Даниила I третьей степени ученый был награжден ранее)¹⁹. С 1889 по 1911 г. профессор Пальмов получил в качестве награды 7 русских орденов²⁰.

В 1907 г. Пальмов был избран членом Чешского Королевского Общества науки в Праге²¹, а в 1908 г. членом Чешской академии наук и искусств²². Русские ученые общества считали для себя честью иметь в своих рядах столь крупного деятеля науки. Пальмов был действительным членом Русского географического общества (с 1893 г.)²³, действительным членом Общества ревнителей русского исторического просвещения (с 1905 г.)²⁴, Русского археологического института в Константинополе²⁵. Был почетным членом Санкт-Петербургской, Московской и Казанской духовных академий²⁶, почетным членом Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (30 мая 1907 г.)²⁷. Российская Академия наук в 1914 г. избрала ученого в члены-корреспонденты²⁸, а в 1916 г. он был избран действительным членом Академии и стал ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности²⁹.

Октябрьскую революцию Пальмов воспринял как крах всех своих стремлений. Духовные академии закрывались, работать над прежней тематикой не было перспективы. К душевному угнетению прибавились бытовые трудности. В 1920 г., приехав в Богословский институт читать лекции, Пальмов почувствовал себя плохо и скончался на руках своих друзей и учеников³⁰.

Его коллеги и единомышленники опубликовали в газетах и журналах некрологи и статьи³¹ об ученом, которые представляют собой ценный источник сведений о его жизни и творчестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Записка об ученых трудах члена-корреспондента Академии наук И. С. Пальмова 1916 г. // Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее ПФАРАН). Ф. 2. Оп. 17. Д. 130. Л. 2–4.
- 2 Там же.
- 3 См., напр.: *Липатникова Г. И.* К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории славян. Воронеж, 1963; *Lapteva L. P.* Der russische slavist I.S. Palmov (1856–1920) und die Sorben / Lětopis Reihe. B, 1976. № 23/2. S. 151–160; *Idem.* Ruský slavista I. S. Palmov a jeho styky s Čechami // Československo-sovětské vztahy. 1980. 9. S. 129–159; *Лаптева Л. П.* Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX — нач. XX в. // Folia Historica Bohemica (далее FHB). Praha, 1990. 13. S. 369–425; *Она же.* Русский ученый И. С. Пальмов как исследователь Общины чешских братьев // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 17. Церковь в истории славянских народов. С. 53–65; *Она же.* И. С. Пальмов и изучение им славянства в ходе заграничных поездок // Славянский мир. Проблемы изучения. Тверь, 1998. С. 99–109; *Она же.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 400–431; *Она же.* Профессор И. С. Пальмов и его исследование церковной истории зарубежных славян // Вестник церковной истории. М., 2007. 3 (7). С. 196–220.
- 4 Сведения о биографии И. С. Пальмова взяты из архивных документов. Среди них формулярный список о службе, сост. в 1916 г. // ПФАРАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 149. Л. 36–45.
- 5 Русская литература о гуситском движении проанализирована в соч.: *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1978. Здесь же характеристика работ И. С. Пальмова.
- 6 *Пальмов И. С.* Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб., 1881. С. 124–138, 234, 256, 356–371, 480, 547 и др.
- 7 См.: *Лаптева Л. П.* Петр Хельчицкий в освещении русской дореволюционной историографии // FHB. Praha, 1985. № 14. S. 175–234.
- 8 См.: *Лаптева Л. П.* Русский ученый И. С. Пальмов как исследователь Общины Чешских братьев. С. 53–65.
- 9 См.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1915.
- 10 *Лаптева Л. П.* Община Чешских братьев в освещении русской историографии XIX — начала XX в. С. 369–425.

- 11 В настоящей статье использован отдельный оттиск указанной работы (СПб., 1892).
- 12 *Пальмов И. С.* Исторический взгляд на начало автокефалии сербской церкви и учреждение патриаршества в древней Сербии // Славянские известия. 1891. № 14–17. В настоящей статье использован отдельный оттиск работы.
- 13 Там же. С. 12, 15–16, 29, 31, 35, 39, 63.
- 14 *Пальмов И. С.* Болгарская экзархийская церковь. Первоначальное и современное ее устройство // Христианское чтение. 1896. Кн. 4 (июль–август); кн. 6 (ноябрь–декабрь). В настоящей статье использован оттиск из «Христианского чтения». С. 45, 53, 56–90.
- 15 Христианское чтение. 1898. Вып. 6. В настоящей статье использован оттиск из «Христианского чтения».
- 16 Там же. С. 37–38.
- 17 В архиве И. С. Пальмова в Отделе рукописей РНБ (Ф. 558) хранятся дипломы и грамоты на ордена, которыми был награжден ученый (OPRNБ. Ф. 558. № 6).
- 18 Там же. № 5.
- 19 Там же. № 3, 4.
- 20 Там же. № 2.
- 21 Archiv ČAV. f. KČSN, acta 1907.
- 22 Archiv ČAV. f. ČAVU, acta 1908.
- 23 OPRNБ. Ф. 558. № 12.
- 24 Там же. № 10.
- 25 Там же. № 11.
- 26 Там же. № 9.
- 27 Там же. № 13.
- 28 ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1913. № 71, 72.
- 29 Там же. Оп. 17. № 130; Ф. 9. Оп. 1. № 1037.
- 30 *Истрин В. М.* Иван Саввич Пальмов. Некролог // Известия РАН. 1920. Т. 14. С. 187–190.
- 31 *Верюжский В.* Пальмов Иван Саввич // Русский исторический журнал. Пг., 1921. Кн. 7. С. 242–244; *Гром К.* Памяти академика И. С. Пальмова // Вестник литературы. 1921. № 1 (25). С. 15; *Francev V. A. Ivan Sawič Palov* // Almanáč České Akademie Věd a Umění. 1923. Z. 33.

Lapteva L. P.

I. S. Palmov, Professor of the St. Petersburg Spiritual Academy
as a Historian of Foreign Churches

The article deals with the scholarly activity of a serious specialist in Slavic studies — I. S. Palmov.

Key words: *I. S. Palmov, history of Slavic studies, history of the Church, St. Petersburg Spiritual Academy.*

К. А. Аверьянов
(Москва)

Хронология редакций жития Сергия Радонежского

Рассматривается история создания «Жития» Сергия Радонежского, определяется хронология различных его редакций в связи с процессом канонизации Сергия Радонежского.
Ключевые слова: *канонизация, жития русских святых, Троице-Сергиев монастырь, Сергий Радонежский, Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет.*

Пожалуй, самым известным русским святым является Сергий Радонежский, основатель знаменитой Троице-Сергиевой лавры. Главный источник сведений о жизни преподобного — его житие.

Данный памятник имеет сложную историю, дойдя до нас в нескольких редакциях, которые принадлежат перу по крайней мере двух авторов (если не считать позднейших переделок жития в XVI–XX вв.). Еще в XIX в. исследователями было установлено, что работу над житием Сергия начал младший современник преподобного Епифаний Премудрый. Об этом становится известно из ряда списков памятника, где тот прямо называется создателем жития, а также из предисловия, где автор, приступая к своему труду, сетует на то, что по прошествии 26 лет после смерти Сергия так и не было создано его биографии.

Именно это замечание позволяет довольно точно датировать время начала работы Епифания Премудрого над житием Сергия — осень 1418 г. Однако вскоре агиограф скончался. Б. М. Клосс относит его кончину к концу 1418 — 1419 г. Основанием для этого послужил список погребенных в Троице-Сергиевой лавре, составители которого отметили, что Епифаний умер «около 1420 г.». Историк соотнес это указание со свидетельством древнейшего пергаменного Троицкого синодика 1575 г. В его начальной части записаны три Епифания, один из которых — несомненно Епифаний Премудрый. Затем в этом источнике отмечено имя княгини Анастасии, супруги князя Константина Дмитриевича, о которой из летописи известно, что она скончалась в октябре 6927 г.² При мартовском летоисчислении это дает октябрь 1419 г., при сентябрьском стиле — октябрь 1418 г. Поскольку Епифаний Премудрый скончался ранее княгини

Анастасии, его смерть следует отнести ко времени до октября 1418 г. или до октября 1419 г.³ Но первая из этих двух дат отпадает по той причине, что Епифаний приступил к написанию жития Сергия только в октябре 1418 г. (в предисловии к нему говорится, что после смерти Сергия прошло уже 26 лет, т. е. подразумевается дата 25 сентября 1418 г.). Таким образом выясняется, что Епифаний Премудрый скончался в промежутке между октябрем 1418 и октябрем 1419 г.

Правда, в последнее время появилось утверждение, что он умер гораздо позже. По мнению В. А. Кучкина, свидетельство об этом находится в «Похвальном слове Сергию Радонежскому», принадлежащем перу Епифания. В нем имеется упоминание о раке мощей преподобного, которую целуют верующие. На взгляд исследователя, эта фраза могла появиться только после 5 июля 1422 г., когда во время обретения мощей Сергия его гроб был выкопан из земли, а останки положены в специальную раку (большой ларец для хранения останков святых). Раки ставились в храме, обычно на возвышении, и делались в форме саркофага, иногда в виде архитектурного сооружения. Отсюда В. А. Кучкин делает два вывода: во-первых, «Слово похвальное Сергию Радонежскому» было написано Епифанием Премудрым после 5 июля 1422 г., а во-вторых, оно появилось не ранее жития Сергия, как полагают в литературе, а позже его⁴. Однако, как выяснил тот же В. А. Кучкин, слово «рака» в древности имело несколько значений. Хотя чаще всего оно обозначало «гробницу, сооружение над гробом», встречаются примеры его употребления в значении «гроб»⁵. Если же обратиться непосредственно к тексту Епифания и не «выдергивать» из него отдельное слово, то становится понятным, что в «Похвальном слове Сергию» агиограф вспоминал события 1392 г., связанные с похоронами преподобного. Многие из знавших троицкого игумена не успели на его погребение и уже после смерти Сергия приходили на его могилу, припадая к надгробию, чтобы отдать ему последние почести⁶. Но окончательно в ошибочности рассуждений В. А. Кучкина убеждает то, что в средневековье существовал широко распространенный обычай устанавливать пустые раки над местом захоронения святого или, иными словами, над мощами, находившимися под спудом. При этом зачастую они ставились над гробом святого еще задолго до его прославления. Так, над могилой Зосимы Соловецкого (умер в 1478 г., канонизирован в 1547 г.) его ученики поставили гробницу «по третьем же лете успения святаго»⁷.

Мы имеем возможность уточнить дату смерти Епифания благодаря тому, что его имя упоминается в рукописных святыцах в числе

«русских святых и вообще особенно богоугодно поживших», но официально не канонизированных Церковью. В частности, по данным архиепископа Сергия (Спасского), оно встречается в составленной в конце XVII — начале XVIII в. книге «Описание о российских святых», неизвестный автор которой расположил памяти русских святых не по месяцам, а по городам и областям Российского царства. Другая рукопись, содержащая имена русских святых, была составлена во второй половине XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре и поэтому богата памятами учеников Сергия Радонежского. Изложение в ней идет не по городам, как в первой, а по дням года. Оба этих памятника называют днем памяти Епифания 12 мая. Архиепископ Сергий в своей работе также пользовался выписками из рукописных святцев конца XVII в., присланных ему жителем Ростова Н. А. Кайдаловым. Их оригинал сгорел в пожар 7 мая 1868 г. в Ростове, но выписки, сделанные из них, полны. В них внесено немало неканонизированных русских святых, в том числе и Епифаний Премудрый. Днем памяти, а следовательно, и кончины Епифания в них названо 14 июня⁸. Учитывая, что Епифаний Премудрый, судя по всему, происходил из Ростова, а также то, что 12 мая отмечается память св. Епифания Кипрского, соименного Епифанию Премудрому, становится понятным, что точная дата кончины агиографа содержится в источнике ростовского происхождения. На основании этого, зная год смерти Епифания, можно с достаточной степенью уверенности полагать, что Епифаний Премудрый скончался 14 июня 1419 г.

За несколько месяцев, отпущеных ему, Епифаний не смог завершить работу, доведя изложение примерно до половины жизненного пути Сергия.

О всей дальнейшей жизни основателя Троице-Сергиева монастыря становится известным из сочинения другого агиографа — Пахомия Логофета. Он являлся выходцем со знаменитого Афона, был по происхождению сербом и появился на Руси во второй половине 1430-х годов, прожив около 20 лет в Троицкой обители. Будучи «профессиональным» литератором (на это указывает его прозвище: логофет — «словоположник, письмоводец, канцелярист»), Пахомий выполнял работу по официальным заказам и получал за свой труд плату. На Руси он прославился как составитель житий, служб и канонов. По подсчетам исследователей, его перу принадлежат 10 житий, ряд похвальных слов и сказаний, 14 служб и 21 канон.

Именно он через два десятилетия после смерти Епифания приступил к написанию полного жития Сергия. При этом работа

Пахомия растянулась на длительное время, свидетельством чему являются дошедшие до нас несколько редакций его труда. Такое обилие вариантов жития Сергия во многом было связано с историей его канонизации.

Тогда, как и сейчас, канонизация являлась не одномоментным событием, а достаточно длительным процессом. Главным условием было то, что прежде чем Церковь признавала человека святым, развитие его культа должно было пройти по крайней мере две стадии. Первой из них являлось местное почитание (в узком смысле этого слова) — в пределах одного монастыря или населенного пункта, а второй — в более широких границах: обычно в отдельно взятой области, княжестве или епархии. В последнем случае также принято говорить о местном почитании (но в широком значении данного термина). И только затем принималось решение о канонизации в рамках всей Церкви.

Первый шаг к признанию культа троицкого игумена был сделан 5 июля 1422 г., когда накануне тридцатой годовщины со дня кончины преподобного состоялось обретение мощей Сергия Радонежского, в результате чего устанавливается местное почитание святого. Его дальнейшее развитие происходило во время игуменства в Троицком монастыре Зиновия (1432–1445). Именно при нем, в 30-е гг. XV в., закладываются традиции велиокняжеских, а затем царских походов на богоявление в Троицкий монастырь, приуроченных ко дню кончины святого 25 сентября — в этот период известны как минимум два посещения Троицы в данный день великим князем Василием Темным⁹.

Для последующих действий по прославлению Сергия Радонежского требовалось его полное жизнеописание. Но имевшееся к тому времени в Троицком монастыре житие, составленное Епифанием, доводило его биографию лишь до событий начала 60-х гг. XIV в. и ничего не говорило о последующих 30 годах его жизни — именно том времени, когда, по выражению Епифания Премудрого, «преподобный отец наш провосиаль есть въ стране Русстей»¹⁰. Поэтому перед властями обители стала задача закончить труд Епифания. Это дело было поручено появившемуся в Троицком монастыре в 1438 г. Пахомию Логофету, который создал первый вариант полного жития Сергия.

По предположению Б. М. Клосса, первый вариант своего труда Пахомий Логофет написал в 1438 г.¹¹ Можно попытаться более точно определить время его создания. Московский летописный свод конца

XV в. под 1439 г. сообщает о приходе к Москве в пятницу 3 июля татарской рати во главе с царем Махмутом. Набег оказался внезапным, и великий князь, не успев собраться с силами, вынужден был отойти за Волгу, оставив в городе своего воеводу князя Юрия Патрикевича. Самый сложный момент осады, вероятно, пришелся на 5 июля — праздник обретения мощей Сергия, и можно предположить, что в этот день великий князь возносил молитвы троицкому игумену. Последующие события развивались в пользу москвичей: Махмут, безуспешно простояв под столицей 10 дней, вынужден был отойти прочь¹². Очевидно, увидев в этом божественное проявление, благодарный Василий Темный решился совершить богоомолье в Троицкий монастырь на день памяти Сергия Радонежского. О том, что великий князь был в Троицком монастыре 25 сентября 1439 г., становится известным из его жалованной грамоты на село Сватковское Переяславского уезда¹³. Поскольку поездка великого князя являлась делом государственной важности и готовилась заблаговременно, следует думать, что предупрежденные о ней монастырские власти решили подготовить к визиту высокого гостя полное житие основателя обители. Если это так, то время написания Пахомием первой редакции своего труда можно определить концом июля — сентябрем 1439 г.

В качестве основы для него Пахомий взял текст Епифания, который предстояло дополнить рассказом о второй половине жизни Сергия. Не исключено, что агиограф мог использовать оставшиеся в монастыре подготовительные материалы предшественника, которые тот не успел обработать из-за своей кончины. Но для работы был отведен слишком короткий срок (ее необходимо было закончить к 25 сентября — годовщине смерти преподобного), и Пахомию удалось написать лишь небольшой текст о последних 30 годах жизни Сергия. Однако на фоне обстоятельного повествования Епифания произведение Пахомия, по объему составлявшее всего четвертую часть епифаньевского, выглядело довольно блекло и скромно. Стремясь избежать этого диссонанса, Пахомий вынужден был кардинально сократить текст своего предшественника. В итоге проблема была решена — если посмотреть на структуру произведения Пахомия, то легко убедиться, что описание первой половины жизни троицкого настоятеля, основную канву которой он позаимствовал у Епифания, по объему примерно совпадает с той частью, которую написал сам Пахомий. Ограниченнность времени, отпущенного Пахомию для работы над житием Сергия, привела также к тому, что в первом варианте своего труда им не был использован ряд известий о жизни пре-

подобного, которые содержались в уже написанных к тому времени Троицкой и других летописях.

Другая особенность текста Пахомия определялась основной задачей, стоявшей перед ним, — предстоящей канонизацией Сергия. Главным основанием, по которому начиналось любое дело о причислении того или иного подвижника к лику святых, во все времена служил дар чудотворений. Поэтому неудивительно, что Пахомий наряду с изложением фактов биографии Сергия столь пристальное внимание уделяет этой стороне и включает в текст своего произведения семь эпизодов с различного рода чудесами.

Еще одной особенностью деятельности Пахомия стало то, что ему пришлось писать в сложную в политическом отношении эпоху феодальной войны второй четверти XV в. В условиях ожесточенной и полной драматизма борьбы за великое княжение монастырские власти сочли за лучшее «исправить» некоторые факты из жизнеописания святого, которые в быстро меняющейся обстановке могли бы вызвать ненужные ассоциации. В частности, Б. М. Клосс указывает, что преемником Сергия Радонежского и новым игуменом в Троицкой обители сразу после смерти преподобного стал Савва Сторожевский, позднее основавший известный Саввино-Сторожевский монастырь близ Звенигорода. Но Звенигород входил в удел злейших противников великого князя Василия Темного — его дяди князя Юрия Дмитриевича и сыновей последнего, и поэтому монастырские власти посчитали необходимым не упоминать имени подлинного преемника Сергия, а представить дело так, что после кончины преподобного Троицкую обитель возглавил другой ученик Сергия — Никон¹⁴.

Несмотря на то, что с поставленной задачей по написанию жития Сергия, наличие которого являлось необходимым формальным моментом для канонизации, Пахомий в целом справился, преподобный в конце 1430-х гг. так и не был причислен к лику святых. Объяснялось это тем, что официально право причисления к лику святых всегда принадлежало главе Русской православной Церкви. Между тем, в это время на Руси митрополита долгое время не было. Рукоположенный в 1437 г. константинопольским патриархом Иосифом на этот пост митрополит Исидор уже через полгода после своего прибытия на Русь отправился в Италию для участия во Флорентийском соборе, созванном для решения вопроса об объединении западной и восточной Церквей. Так как первый вариант жития Сергия составлялся в спешке, монастырские власти решились подготовить к возвращению Исидора на Русь новую, вторую по счету, более полную редакцию

жизнеописания преподобного. По наблюдениям Б. М. Клосса, она была дополнена по тексту Епифания Премудрого и другим источникам. Исследователь относит время ее создания к 1437–1440 гг.¹⁵ Однако эту датировку можно сузить. Поскольку первая попытка канонизации Сергия в 1439 г. не удалась, следует думать, что Пахомий работал над второй редакцией жизнеописания преподобного на протяжении 1440 г.

Но и на этот раз канонизации основателя Троицкого монастыря не произошло. Препятствием для нее стали внешние обстоятельства. Хотя митрополит Исидор возвратился в Москву в марте 1441 г., уже через три дня по распоряжению Василия Темного он был низложен за то, что принял Флорентийскую унию (1439). Понятно, что в этих условиях церковной и светской власти было не до прославления Сергия.

Тем не менее, троицкий игумен Зиновий не оставлял надежд на успех своего дела. Соответственно продолжал работать и Пахомий. В преддверии столетнего юбилея обители, который приходился на 7 октября 1445 г. и мог стать удобным поводом для канонизации ее основателя, появилась составленная Пахомием третья, наиболее полная редакция жития Сергия, полностью соответствовавшая житийным канонам. При работе над ней агиограф учел критику, очевидно, имевшую место. В частности, он исправил хронологию событий. Если в первом варианте своего труда Пахомий поместил рассказ о начале Андроникова монастыря (1366) после сообщения о победе Дмитрия Донского над Мамаем (1380), то в третьей редакции поставил его ранее этого события, как это было в действительности. Добавлены также пропущенные им эпизоды биографии Сергия. Так, был включен сюжет об основании Голутвинского монастыря под Коломной, который отсутствует в первой редакции. Но самое главное, Пахомий дополнил свое произведение рассказом об обретении мощей святого и его посмертных чудесах — без их наличия канонизация даже формально не могла быть проведена. Б. М. Клосс относит составление третьей редакции ко времени «около 1442 г.». Основанием для этого послужило то, что в заключительной похвале Сергию делается акцент на его чудесной способности примирять враждующих «православных царей», а именно в 1442 г. в Троицком монастыре произошло примирение Василия Темного и Дмитрия Шемяки. Одновременно в тексте самой редакции превозносится добродетели отца Шемяки — князя Юрия Дмитриевича¹⁶. Соглашаясь с наблюдениями ученого, все же стоит создание третьей редакции отнести к периоду не «около

1442 г.», а ко времени сразу после того, как в 1442 г. примирились ранее враждовавшие князья. С учетом же предстоявшего юбилея работы Пахомия, вероятно, нужно датировать 1443–1444 гг.

Со своей стороны, игумену Зиновию, являвшемуся главным инициатором прославления Сергия, удалось найти лазейку в строгих церковных правилах. Хотя к этому времени официально утвержденного митрополита на Руси по-прежнему не было, расчет Зиновия строился на том, что его обязанности исполнял владыка Иона, «напеченный» в митрополиты еще в 30-е гг. XV в., но не утвержденный на этом посту патриархом. Поскольку Троицкий монастырь входил в митрополичью область, управлявшего ею Иону можно было рассматривать не как митрополита, а как епархиального владыку. Таким образом, Иона имел формальное право объявить Сергия святым в пределах митрополичьей области, иными словами, в границах Московского княжества.

Но этому помешали два события, случившиеся в один и тот же год. День в день ровно за три месяца до предполагавшегося юбилея, а именно 7 июля 1445 г., произошел знаменитый Суздальский бой, в результате которого Василий Темный попал в татарский плен, а на велиокняжеском столе оказался Дмитрий Шемяка. Политическая ситуация коренным образом изменилась, и Пахомий был вынужден приступить к переделке созданного им жизнеописания Сергия, срочно сокращая и обезличивая его. Так возникла следующая, уже четвертая редакция жития. Однако и на этот раз труд агиографа остался невостребованным. Вскоре умирает сам Зиновий, затем последовала «чехарда» троицких игуменов, которые менялись в зависимости от того, как изменялась политическая ситуация на Руси. Всего за три года в монастыре сменилось три настоятеля. Лишь после поставления игумена Мартиниана (1447–1454) дело канонизации Сергия сдвинулось с мертвой точки. Очевидно, именно в начале его игуменства основатель обители был канонизирован в пределах Московской земли. Во всяком случае, из документа 1448 г. явствует, что к этому времени Сергий Радонежский уже вошел в пантеон святых, почитавшихся в Московском княжестве, то есть получил местное почитание в широком смысле этого слова. Речь идет о докончании Василия Темного и Ивана Андреевича Можайского. Имя Сергия также фигурирует среди «всех святых и великих чудотворец земли нашея», которые упомянуты в «проклятых грамотах» князя Дмитрия Шемяки великому князю Василию Темному, составленных в начале 1448 г.¹⁷

Что же касается общегосударственной канонизации, это произошло чуть позже. В 1449 г. третья Пахомиевская редакция жития Сергия была дополнена описанием чудес, случившихся у гроба Сергия в 1448 и 1449 гг., последнее из которых датируется 31 мая 1449 г.¹⁸ Понятно, что данный документ был составлен не случайно. Из сообщения летописца становится известно, что 15 декабря этого же года на церковном соборе в митрополиты «всех Руси» был поставлен владыка Иона¹⁹. Очевидно, тогда же и была произведена общерусская канонизация Сергия — именно к началу заседаний этого собора и был приурочен рассказ о самых последних по времени «чудесах» Сергия.

Таким образом, выясняется тесная связь создания различных редакций жития Сергия Радонежского с процессом его канонизации, который растянулся без малого на четверть века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880. С. 11–12.
- 2 Полное собрание русских летописей. Л., 1928. Т. 1. Вып. 3. Стб. 540. (Далее: ПСРЛ).
- 3 Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 97.
- 4 Кучкин В. А. О времени написания Слова похвального Сергию Радонежскому Епифания Премудрого // От Древней Руси к России нового времени. Сборник статей к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 417.
- 5 Там же. С. 416. Ср.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 21. С. 265.
- 6 См.: Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 280–281.
- 7 Мельник А. Г. Гробница святого в пространстве русского храма XVI — начала XVII в. // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 533–534, 548.
- 8 Сергий (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 1. С. 257, 380–384; Т. III. С. 558.
- 9 Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 70–71.
- 10 Там же. С. 278.
- 11 Там же. С. 129, 161.
- 12 ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 260.

- 13 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 139.
- 14 Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 18–19, 60.
- 15 Там же. С. 165.
- 16 Там же. С. 168.
- 17 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 51. С. 151, 153, 155; ПСРЛ. Т. 25. С. 269.
- 18 Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. С. 441–453.
- 19 ПСРЛ. Т. 25. С. 270.

Averyanov K. A.

Chronology of Versions of the Life of Sergiy of Radonezh

The author analyzes the history of creation of the Life of Sergiy of Radonezh and defines the chronology of its versions in the context of canonization of Sergiy of Radonezh.

Key words: *canonization, lives of Russian saints, the Trinity Sergiev Monastery, Sergiy of Radonezh, Epiphany the Wise, Pachomius Logothete.*

*М. Даниш
(Братислава)*

Словацко-русские научные контакты в XVIII в.

В статье рассматриваются словацко-русские научные контакты в XVIII в., зависевшие от политических, идеологических, территориальных условий и осуществлявшиеся осознанно; научные связи имели важное значение в развитии просветительства и культуры обеих стран.

Ключевые слова: *М. Бел, С. Миковини, А. Ф. Коллар, Т. З. Байер, Х. Гольдбах, И. Г. Гмелин, Петербургская академия наук, XVIII в.*

Переписка петербургских академиков с заграничными коллегами является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII столетия стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини и российские ученые Т. С. Байер, Х. Гольдбах и И. Г. Гмелин¹.

Матей Бел (1684–1749), ученый-энциклопедист, одним из первых осознал важность нового научного центра в Европе — Петербурга. Его переписка с Христианом Гольдбахом начинается во время пребывания Гольдбаха в Словакии².

Х. Гольдбах посетил Словакию в 1722–1723 гг. В это время М. Бел направил Гольдбаху два письма, которые являются первым значительным фактом научных связей³. Они показывают, что Гольдбаха в Словакию привели научные интересы и мировая слава словацких горнорудных городов. Согласно мнению Й. Вавры, Гольдбах предпринял путешествие по Венгрии и посетил Братиславу, где находился с середины сентября до конца 1722 г. В конце января 1723 г. он покинул Братиславу, период с августа 1723 г. по январь 1724 г. провел в Банской Бистрице, посетив при этом, скорее всего, и Банскую Штявницу. Й. Вавра выяснял план его ознакомительного путешествия по Словакии по датам отдельных писем, направленных различным адресатам⁴. Однако по корреспонденции трудно выяснить, чем конкретно петербургский ученый занимался в Словакии. Переписку Матея Бела и Христиана Гольдбаха во время пребывания последнего в Словакии дополняют четыре письма 1732–1740 гг., отправленные как из Братиславы, так и из Петербурга⁵.

В первом письме (1732) Матей Бел написал: «...я думал, что могу себе позволить при случае обратиться к тебе с письмом и оживить в твоей памяти воспоминание обо мне. Верю, что ты не истолкуешь это превратно, тем более что могу тебя заверить, что ты никогда не исчезал из моей памяти, хотя мы и не виделись...»⁶ Самой важной частью письма являются рекомендации Самуэлю Миковини, астроному и сотруднику М. Бела при издании труда для совместных астрономических наблюдений фаз планет и затмения солнца одновременно в Братиславе, Нюрнберге, Париже, Лондоне и Петербурге⁷.

Следующее письмо датировано 1738 г. В нем Гольдбах сообщает о смерти их общего друга, петербургского ученого Т. С. Байера. Одновременно он считает своим долгом продолжать товарищеские контакты и обещает выполнить все дружеские просьбы⁸.

В своем ответе М. Бел выразил соболезнования в связи со смертью друга и приветствовал предложение продолжать сотрудничество, ибо ему уже трудно в его возрасте находить новых друзей, особенно среди иностранцев из дальних стран, где господствует «глубокое молчание, или же нежелание и неприятие нашего имени, якобы варварского»⁹. В завершение он сообщает Гольдбаху, что заканчивает книгу «De re Rustica», копию которой он хотел бы направить петербургской академии, чтобы «...не только у лондонцев и берлинцев, но и у Вас (то есть в Петербурге) осталась для потомков память имени Бела...»¹⁰.

В последнем из сохранившихся писем Бел через Гольдбаха предлагает Петербургской академии рукописную генеалогию Австрийского дома и представляет свою «Хунгарию»¹¹, которую хочет послать российской императрице¹².

Корреспонденция М. Бела и Х. Гольдбаха является важным источником для изучения первых контактов словацкой и российской науки. Она свидетельствует о том, что отношения между Белом и Гольдбахом были близкими и дружескими¹³. Это подтверждается очень личным и сердечным характером некоторых писем. Например, перед поездкой Гольдбаха по словацким городам Бел пишет: «Да вернет мне тебя Бог в здравии. Будь здоров и храни любовь к твоему Матею Белу»¹⁴, или «...поэтому считаю своим долгом уверить тебя и спустя столько времени в своем уважении и желании охотно оказать тебе все дружеские услуги, о которых ты меня просил...»¹⁵. В другом месте Бел пишет: «...будь здоров, и поскольку я, по твоему предложению, постоянно пользуюсь твоей дружбой, так и ты приказывай, что бы ты хотел, чтобы я сделал для тебя или для твоих друзей в этом уголке света...»¹⁶

Корреспонденция Бела демонстрирует нам стремление включить развивающуюся словацкую науку в более широкие рамки европейской науки. М. Бел стремился преодолеть насильственное прекращение контактов с зарубежной наукой, которое было обусловлено контрреформационным давлением иезуитского ордена в конце XVII — начале XVIII в. Он обратил свое внимание на восток, на Россию, которая благодаря политической деятельности Петра Великого была связана с некатолической частью Европы, чтобы постепенно создавать условия для восстановления научных связей с зарубежьем. Переписка Бела с петербургскими академиками, которые происходили из протестантской Германии, показывает, что Бел проявлял в этом направлении широкую инициативу, которая является признаком близящегося Просвещения.

Но еще более это проявилось в переписке с другим петербургским академиком, Теофилом Зигфридом Байером¹⁷. Й. Вавра в своем издании «Послания Матея Бела петербургским академикам» указывает восемь сохранившихся писем из их взаимной корреспонденции в 1726–1732 гг.¹⁸

Первое письмо адресовано М. Белу из Кенигсберга и датировано 12 января 1726 г.¹⁹ Уже тот факт, что Бел включил его в свой труд «Aparatus ad historiam Hungariae» под названием «Appendix Epistolica de originibus Hungarorum», позволяет предположить, что его содержание связано с вопросом о происхождении мадьяр. Этот вопрос интересовал профессора греческих и римских древностей Т. С. Байера. Опираясь на взгляды других историков, он не допускал, что венгры происходят от гуннов.

Второе письмо М. Бел направил «многоуважаемому господину» Т. Байеру 24 сентября 1726 г. из Братиславы²⁰. Квинтэссенцию обширного письма составляет научная проблема происхождения венгров. Бел здесь отвечал на выводы Байера о том, какие народы можно считать народами скифского происхождения, которые были высказаны в предшествующем письме. По его мнению, существовали Скифия азиатская и европейская. Каждую населяли свои народы, которые описывают еще античные авторы. Бел на основании исследований и по зрелом размышлении пришел к выводу, что венгры происходят от гуннов, а гунны, в свою очередь, — от скифов. Тем самым Бел критически оценил взгляды Байера, высказанные в предшествующем письме.

Письмо является образцом научной полемики. Несмотря на различия в научных взглядах, все письмо выдержано в дружеском тоне.

Бел предлагает продолжать обмен письмами и пишет, что он не относится к тем, кто объявляет войну научным взглядам других, или к тем, кто любит отрицать достаточно обоснованные вещи²¹.

В третьем письме от 8 января 1730 г. Бел призывал Байера и далее продолжать обмен научными взглядами, которые касаются изучения скифских древностей²². В частности, он писал: «...тогда я тебе ответил и достаточно обширно изложил свои взгляды. Но так как я ничего не получил от тебя, то думаю, что мое письмо пропало, и что то большое расстояние, которое нас разделяет, лишило меня удовольствия от твоего письма...»²³ Далее Бел просит Байера прислать свои исследования о скифах и обещает послать ему готовящуюся к изданию «Хунгарию». Затем следуют письма М. Бела от 31 июля 1730 г. и 10 марта 1732 г.²⁴ Из содержания обоих писем становится ясным, что взаимный обмен письмами проходил не так, как ожидалось. Если внимательно присмотреться ко второму письму, то выясняется, что в тот же день, то есть 10 марта 1732 г., Бел направил письмо и своему первому корреспонденту, Х. Гольдбаху. Основным содержанием обоих писем являются рекомендации С. Миковини петербургскому ученому сообществу. Бел ходатайствует за Миковини, математика и своего помощника при черчении карт Венгрии, и просит, чтобы совместные астрономические наблюдения были включены в общую научную программу многих научных обществ.

В постскриптуме этого письма Бел просил Байера написать поэму для первого тома «*Notitia Hungariae Novae...*»²⁵.

Хронологически за ним следует письмо Байера от 4 сентября 1732 г.²⁶ М. Бел включил его в свой труд «Адпаратус», поскольку его содержание позволяет судить о взглядах петербургского академика на происхождение мадьяр. Из предшествующего письма мы узнаем, что Бел послал Байеру «*Linguae Hungaricae institutiones*»²⁷, чтобы он сравнил венгерский язык с финским, и написал о том, что имеют общего эти языки. Байер хотя и не обещал помочи в этом направлении, но при этом высказал мнение, что более важным является сравнение венгерского языка с мордовским²⁸. Что касается происхождения мадьяр, то Байер по-прежнему настаивал на своем. Их прародиной он считал территорию между Волгой, Северным океаном и Балтийским морем, где жили народы, говорящие на финских языках. Мадьяры, смешившись с этими народами, испытывали их влияние. Переписку завершают два письма М. Бела Т. С. Байеру, первое от 16 октября 1732, к которому он прилагает фрагмент титульной страницы своего труда «*Notitia Hungariae novae geographicoo-historica*» и просит Байера,

равно как и в последнем сохранившемся письме от 16 ноября 1732, обеспечить подпиську на это произведение среди интересующихся в Петербурге²⁹.

Для полноты изложения, говоря о переписке М. Бела с Т. С. Байером, необходимо вспомнить имя еще одного петербургского академика — Иоганна Георга Гмелина³⁰, которое появилось в письме от 24 сентября 1732 г. Из письма ясно, что Гмелин проявил интерес к научному сотрудничеству и обмену взглядами с Белом и попросил Байера, чтобы он стал посредником в этих контактах³¹. Обмен письмами М. Бела с петербургскими академиками и широкая инициатива С. Миковини по сотрудничеству в области астрономии показывает нам, как зреющий дух Просвещения сближал словацких и российских ученых, побуждал их решать многие научные проблемы и задачи. У Бела мы находим сведения о научных планах, о деятельности ученых, стремление к взаимной информированности, интерес к обмену научными публикациями, обмен научными взглядами и полемику, а у Маковини — серьезную попытку к установлению прямых научных контактов с российскими учеными³².

Однако условия, в которых эти научные контакты между Словакией и Россией начали складываться, были весьма сложными, учитывая территориальную отдаленность и вопросы политического характера.

Для развития науки российская среда была гораздо нейтральнее и терпимее, чем в остальной Европе, где насильственный контрреформационный натиск, олицетворяемый иезуитским орденом, вызвал раскол науки и оформление замкнутых округов, с одной стороны, протестантских, а с другой — католических стран. В России лично Петр I, лишенный религиозных предрассудков, создал научный институт на неконфессиональной основе — Петербургскую академию наук, в которую пригласил ученых из-за рубежа, прежде всего из протестантской Германии.

Австрийская монархия существенно пострадала в результате контрреформации, а условия для развития науки, в том числе и для заграничных научных контактов, были неблагоприятными. Если они и существовали, то были ограничены по преимуществу католическими областями Европы. Наука, монополией на которую обладали прежде всего иезуиты, была консервативна и поддерживала связи с католическими научными центрами. Все, что проникало с другой стороны, считалось недопустимым и опасным. М. Бел, великий ученый и сторонник религиозной терпимости, а также С. Миковини

поднялись над рамками тогдашней науки и встали на совершенно нетрадиционный путь. В Словакии, в отличие от остальных земель Габсбургской монархии, это было возможно, отчасти и потому, что венское правительство до определенного предела терпимо относились к некатолической среде в Венгрии, северной частью которой она и являлась в то время.

Ситуация изменилась во второй половине XVIII в., когда Просвещение достигло своего зенита. Эпоха терезианского просвещения начала решать задачу обновления более широких связей с за-граничными научными центрами. Границы для взаимной информации и обмена научными взглядами постепенно открывались.

Продолжателем дела Матея Бела, опиравшимся на его исторические и филологические труды, стал сотрудник придворной венской библиотеки, а затем ее директор Адам Франтишек Коллар. В Вене А. Ф. Коллар находился под влиянием тамошних просветителей, прежде всего своего покровителя Герхарда ван Свиетена, который в это время был директором придворной библиотеки и личным врачом императрицы Марии Терезии³³. Просветительский дух, охвативший Коллара, повлиял на всю его научную и политическую деятельность. Скорее всего под влиянием Свитена, члена Петербургской академии наук, и благодаря собственному интересу к восточным языкам и истории он обратил свое внимание и на Россию. В 1762 г. он адресовал ученому Вехтлеру письмо, в котором изъявил желание установить научные контакты с российским ученым миром³⁴. Письмо разделено на шесть пунктов-вопросов. В первом пункте он просил дать ему рекомендации к кому-либо из российских ученых в Петербурге или Москве, с кем он бы мог вести научные дискуссии.

В следующих пунктах он просил у своего российского коллеги русский словарь (русско-латинский, русско-немецкий или русско-греческий), интересовался русскими работами по истории, в частности русскими летописями, спрашивал о работах историка Т. С. Байера и его переписке с М. Белом по вопросу о происхождении мадьяр, просил послать ему образцы языка монголов, татар и других народов, живущих вблизи китайских границ, и, наконец, выразил желание разыскать источники по венгерской истории, прежде всего в Польше³⁵.

Сохранился черновик ответа на письмо Коллара историка Г. Ф. Миллера³⁶, который приветствовал предложение Коллара консультироваться по вопросам, касающимся российской истории, составной частью которой он считал также историю гуннов, аваров

и венгров. На вопросы о русских словарях он отвечал, что существуют два словаря русского языка: Ф. П. Поликарпова³⁷ и русско-французский словарь³⁸. О летописи Нестора он упомянул в том смысле, что она еще не была издана. По просьбе Коллара он разыскал в архиве эпистолярное наследие Байера, где нашел шесть писем его взаимной корреспонденции с М. Белом. Что касается лингвистических работ, то он отоспал Коллара к работам Байера в «Commentarii Academiae Petropolitanae».

Й. Вавра указывает, что не сохранилось ничего, кроме этих двух писем, и предполагает, что переписка не получила продолжения³⁹. Окончательный ответ может дать только подробное исследование наследия Коллара, поэтому пока подобные выводы являются преждевременными. Однако в пользу точки зрения Вавры говорит тот факт, что после вступления на престол Екатерины II отношения между Россией и Австрией ухудшились. Успехи русских войск в Семилетней войне произвели впечатление на Францию и союзную ей Австрию, которые с опаской наблюдали за усилением России и пытались создать альянс против нее. Российская внешняя политика в ответ стремилась противопоставить французско-австрийскому союзу коалицию северных государств — России, Пруссии и Англии. В результате сложившейся международной ситуации возможности научных контактов между двумя странами были ограничены. С другой стороны, о вероятности контактов Коллара с российским ученым миром свидетельствует его литературная и организаторская деятельность.

В 1767 г. Коллар написал латинскую поэму в честь российской государыни Екатерины II «Обращение к реке Волге». Латинский текст не сохранился, но нам известен его русский перевод, который опубликовал Н. И. Новиков в своем сатирическом журнале «Живописец»⁴⁰.

Важным фактом, который одновременно является свидетельством ориентации Коллара на Россию, является его попытка организовать научную жизнь в Словакии⁴¹. Он был одним из авторов труда «Alleruntert hängist — unvorgreiflicher Vorschlag zu Errichtung einer Academie oder Gelehrter Gesellschaft zu Pressburg in Hungarn», проекта по основанию ученого общества или академии в Братиславе⁴². Этот проект в 1771 г. он анонимно представил Марии Терезии. Ученое общество должно было называться «Academia Augusta» и строиться по образцу европейских ученых обществ, прежде всего Петербургской академии наук, структура которой могла бы подойти соответству-

ющей организации на венгерской территории. «Academia Augusta» должна была иметь четыре секции: философскую, которая занималась бы естественными науками, математикой и физикой, горным делом и т. п.; историческую, к которой кроме истории относилась бы и правовая наука; экономическую, в центре внимания которой были бы проблемы сельского хозяйства и виноделия. Члены четвертой секции должны были заниматься вопросами школы, образования и культуры в Венгрии, а также научными переводами и созданием словарей⁴³. Если посмотреть на структуру Петербургской академии, то мы увидим, что главный упор также делается на естественные науки⁴⁴. Мы находим здесь также секцию математическую с арифметикой, алгеброй, геометрией, астрономией, географией и механикой, затем секцию экспериментальной и теоретической физики, химии и ботаники и, наконец, секцию историческую, содержанием которой были древняя и новейшая история, а также правоведение. Члены братиславской академии подобно тому, как это было в петербургском научном обществе, должны были быть разделены на несколько групп: членов почетных, действительных, членов-корреспондентов и кандидатов. Общим признаком обоих ученых обществ была их подчиненность центральной власти. Если в России академия была подчинена прямо императору⁴⁵, то в братиславском проекте «протектором» должно было быть некое высокопоставленное лицо, которое обеспечивало бы связь между обществом и государем⁴⁶.

Проект основания академии в тех условиях был весьма сложным и дорогим и, вероятно, поэтому и в результате позиции венских официальных кругов не был реализован⁴⁷.

Следующим примером интереса Коллара к русской истории является его труд об угорских народах в России, который он в духе просвещенного абсолютизма и при поддержке Марии Терезии написал в 1772 г.⁴⁸ В этой работе Коллар обосновывает правомерность претензий венгерского государя на территорию Малороссии и Подолии.

Видимо, самым важным свидетельством духовных стремлений и ориентации Коллара является его библиотека, каталог которой вышел в 1783 г.⁴⁹ На 290 страницах списка среди 1310 названий книг мы находим произведения научные, прежде всего исторические, всех славянских народов — чешские, хорватские, польские. Но больше всего в ней русских книг. Среди них политические труды, описания путешествий, лингвистические работы, исторические труды Татищева, Ломоносова, Крашеникова, Писарева, Новикова, Сумарокова, затем научные труды иностранных членов Петербургской академии

наук⁵⁰. Среди российских историков больше всего Коллар ценил А. Л. Шлецера⁵¹.

Это имя он оценивал именно в те времена, когда мадьярское дворянство все более подчеркивало свои права на словацкие территории⁵². Коллар доказывал, что дворянство имеет лишь право пользования, тогда как реальным непосредственным правом собственности обладает только король. Эти взгляды, равно как и представления об автохтонности венгров в Центральной Европе, он сформулировал в книге «Historiae iurisque publici Regni Ungariae amoenitates» («Занимательная история и публичное право Венгерского королевства»)⁵³. В этой книге он высоко оценил Шлецера, просвещенного человека и специалиста по всеобщей истории, нордистике и проблематике происхождения славян. «Это человек прогрессивных взглядов и специалист по славянской истории, который легко распознал современные русские идиомы, многое из их истории, а также русскую летопись Нестора. И хотя у него немного благожелателей и ни один историк права не хочет его признавать, но он первым среди всех напомнил, что славянский народ пришел в римские провинции в VI веке»⁵⁴.

Интерес к России был присущ Коллару в течение всей его жизни. Он попытался завязать контакты с русскими учеными, чтобы по-знать русскую историю, русский язык, русские исторические труды. Так же как и М. Бела, его интересовал вопрос происхождения мадьяр, который должен был ему помочь в объяснении вопроса о происхождении и приходе славян и акцентировке права славян на свою территорию в Центральной Европе.

Если М. Бел стоял у истоков словацко-русских научных связей, то А. Ф. Коллар поднял эти научные контакты до сотрудничества в области славистики. Это произошло в эпоху зарождения национального движения, когда прежде всего те славянские народы, которые не имели собственной национальной государственности, начали опираться на идею родственности славянских народов как великого этнического образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На материалы, касающиеся корреспонденции М. Бела с петербургскими академиками, обратил внимание Е. С. Кулябко (*Кулябко Е. С. К истории словацко-русских научных связей в XVIII веке //*

Русская литература XVIII века и другие славянские литературы. М.; Л., 1963. С. 168–171). Почти одновременно первую часть петербургской корреспонденции издал Й. Вавра: *Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I.* // *Historické štúdie*. 1963. VIII. S. 199–240. Продолжением стала работа: *Vávra J. Dopisy Matěja Bela petrohradským akademikům II.* // *Historické štúdie*. 1967. XII. S. 211–224. Самым ранним известным источником корреспонденции М. Бела и Т. С. Байера является «*Adparatus ah historiam Hungariae sive Collectio miscella monumentorum indeditorum partim, partim editorum, sed fungentium, Decas I.*, Pisonii 1735–1742», в котором М. Бел осуществил критическую публикацию важных исторических источников XVI–XVII вв. Она содержит три письма из переписки Бела — Байера (из существующих восьми писем).

- 2 Х. Гольдбах (1690–1764) был профессором математики в Петербургской академии с 1725 г., кроме того, занимал в ней посты секретаря и советника. Покинул академию в 1742 г. и перешел на службу в Коллегию иностранных дел в Москве.
- 3 См.: *Vávra J. Dopisy Matěje Bela... II.* S. 217–218. Это отодвинуло начало словацко-русских научных контактов на 1722 г. До этого предполагалось, что первым корреспондентом Бела был Т. С. Байер.
- 4 Речь идет о письмах Гольдбаха, адресованных из Братиславы в Вену неизвестному адресату, из Кремницы в Падую Якубу Фацциолату и из Банской Бистрицы в Падую Ф. Фацциолату (см.: *Vávra J. Dopisy Matěje Bela... II.* S. 220–222).
- 5 Речь идет о письме М. Бела Х. Гольдбаху из Братиславы в Петербург от 10 марта 1732 г., Х. Гольдбаха из Петербурга в Братиславу от 1738 г., М. Бела от 14 июля 1739 г. и 22 сентября 1740 г. в Петербург. Первые два письма см.: *Vávra J. Dopisy Matěje Bela... II.* S. 218–220. Два других письма см.: *Vávra J. Dopisy Matěje Bela... I.* S. 232–236.
- 6 *Vávra J. Dopisy Matěje Bela... II.* S. 218.
- 7 Ibid.
- 8 Ibid. S. 219.
- 9 Ibid. I. S. 232–233.
- 10 М. Бел в этом труде обобщает и систематически обрабатывает свои знания о современном состоянии венгерского сельского хозяйства — содержании скота, полеводстве, образе жизни крестьянского населения, живущего на всей территории Венгрии. Авторы книги «Провозвестники словацкой культуры» Й. Тибенски и М. Бокесова-Угерова считают, что М. Бел осознавал научное значение этого труда и именно его представлял на членство в Петербургской

- академии наук. См.: *Tibenský J., Bokesová-Uherová M.* Priekopníci slovenskej kultúry. Bratislava, 1975. S. 54.
- 11 *T. J. Notitia Hungariae novae historico geografica*. Viennae, 1735–1742. T. 1–4.
- 12 *Vávra J. Dopisy Matěje Bela...* I. S. 234–235.
- 13 Нельзя согласиться с Е. С. Кулябко, который в статье «К истории словацко-русских связей в XVIII веке» (Русская литература XVII века и славянские литературы. М.; Л., 1963) указывает, что эта корреспонденция носила официальный характер.
- 14 *Vávra J. Dopisy Matěje Bela...* II. S. 217.
- 15 См. прим. 10.
- 16 *Vávra J. Dopisy Matěje Bela...* I. S. 235.
- 17 Т. С. Байер (1694–1738), по происхождению немец, был профессором на кафедре греческих и римских древностей Петербургской академии наук с 1725 г. Оставил академию в 1737 г. Являлся автором многих работ о скифах: «*Chronologia Scythica*», «*De situ Scythiae sub aetatem Herodotii*», «*De origine et priscis sedibus Scytharum*», «*Memoriae Scythiae ad Alexandrum Magnum*», «*Conversiones rerum Scythiarum temporibus Mithriadatis Magni et paullo post Mithriadem*» и др.
- 18 *Vávra J. Dopisy Matěje Bela...* I. S. 213–231. Три письма из переписки издал М. Бел в труде «*Adparatus ad historiam Hungariae. Pisonii 1735*» (*Decas I. Monumentum IX. Pisonii 1742*). S. 408–415. На эту корреспонденцию обратил внимание Й. Перфольф (*Первольф И. И. Славяне, их взаимные отношения и связи*. Варшава, 1888. Т. II. Славянская идея в литературе до XVIII века. С. 410), а также А. В. Флоровский (*Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне*. Прага, 1947. Т. 2. С. 429) и Й. Мартинка (*Martinka J. Vědecké styky Istropolis a Petropolis v geografii r. 1735 // Pražská univerzita moskevské univerzite. Praha, 1955. S. 94–97*).
- 19 *Bel M. Adparatus...* S. 408–410.
- 20 *Ibid.* S. 410–413.
- 21 *Ibid.* S. 413.
- 22 *Vávra J. Dopisy Matěje Bela...* I. S. 223–224.
- 23 *Ibid.* S. 223.
- 24 *Ibid.* S. 224–227.
- 25 Эта поэма действительно вышла в первом томе «*Notitia Hungariae novae historico geografica*» под названием: *Theophilus Sigefridus Bayer, Academiae Petropolitanae socius, et antiquitatus Profesor S.P.D. Mathiae Belio, Societatis Berolinensis Regiae Collegae, Hungariam describenti.*

- 26 *Bel M. Adparatus...* S. 414–415.
- 27 *Vávra J. Dopisy Matěje Bela...* I. S. 226. Автор предполагает, что речь идет о труде Бела «Historiae linguae hungaricae libros duos, genesim et exodus edere parat» (1713) или «Der ungarische Sprachmeister zu der edeln ungarischen Sprache, nebst einem Anhang von Gespächen», поскольку книга Бела под названием «Linguae Hungaricae...» неизвестна.
- 28 Т. С. Байер считал так потому, что финны понимали мордву, с которыми по соседству во времена императора Порфиrogeneta жили и мадьяры. См.: *Bel M. Adparatus...* S. 415. Мордва — народ, живущий в настоящее время в центре европейской части РФ.
- 29 *Vávra J. Dopisy Matěje Bela...* I. S. 229–331.
- 30 И. Г. Гмелин (1709–1755) был профессором химии и естественных наук в Петербургской академии наук с 1731 г.
- 31 См.: *Bel M. Adparatus...* S. 414.
- 32 Самуэль Миковини, картограф и астроном, прокладывал новый путь не только для астрономии, но и для картографии в Словакии. Ему было доверено картографирование венгерской территории в целом и каждой столицы отдельно. С. Миковини в своей картографической методике в качестве основного избрал меридиан, который проходил через коронационный храм в Братиславе. При контроле своих расчетов он исходил из петербургского меридиана, который по его мнению был надежно определен и использовался на картах российской империи, составленных учеными И. К. Кирилловым и академиком де Исли (см.: *Martinka J. Vedecké styky...* S. 94–95).
- 33 *Tibenský J., Bokesová-Uherová M. Priekopníci slovenskej kultúry.* S. 59. Герхард ван Свиетен (1700–1772), голландский медик. В 1745 г. Мария Терезия пригласила его в качестве личного врача и профессора Венского университета. Являлся членом Петербургской академии наук с 1754 г., где он опубликовал несколько работ, например, «Краткое описание болезней, которые весьма часто приключаются в армиях» (S. Peterberg, 1778, перевод М. Тереховского). В Архиве Российской академии наук сохранилось извещение от 1772 г. баронессы ван Свиетен о смерти Г. ван Свиетена в Петербургскую академию наук (см.: *Любименко И. И. Ученая корреспонденция Академии наук в XVIII веке.* М.; Л., 1937. С. 224. № 1047).
- 34 *Vávra J. Dopisy Matěje Bela...* I. S. 236–240.
- 35 *Ibid.* S. 238–239.
- 36 *Ibid.* S. 239–240. Г. Ф. Миллер (1705–1783) — историк и многолетний секретарь Петербургской академии наук. Автор сборника источ-

- ников по истории России: «Sammlung ruzischer Geschichte» (SPb., 1732–1765), «Geschichte Sibiriens» (SPb., I–III) и др.
- 37 Поликарпов Ф. П. Лексикон трехъязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокоровище. М., 1704.
- 38 Русско-французский лексикон. СПб., 1762.
- 39 Vávra J. Dopisy Matěje Bela... I. S. 237.
- 40 Берков П. Н. Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951 (Живописец, 1772, ч. II, л. 4).
- 41 Организация научной жизни была составной частью школьных реформ, проведенных в 1777 г. под названием «Ratio educationis». Реформы касались народных школ, гимназий, университетов и академий. Определенным косвенным источником к научным связям А. Ф. Коллара с Россией является письмо Иосифа II русской императрице Екатерине II о школьных реформах, в подготовке которых участвовал А. Ф. Коллар. Иосиф II писал: «Мадам, сестра моя. Чрез князя де Кобенца вы сообщили мне, что желаете иметь в Петербурге человека, который был бы способен основать и обучать по методике нормальных школ и который бы исповедовал греческую веру. Тот, кто имеет честь передать Вашему Величеству это письмо, является директором моих иллирийских школ, по имени Янкович (Теодор фон, императорский директор школ в темешварском Банате), которого я выбрал. Я избрал его потому, что он человек не только способный и опытный, но и отлично знающий этот язык...» (то есть русский). См.: Arneth A. Josephus II. Imperator. Briefwechsel (mit) Katharina von Russland. Wien, 1869. S. 141–142.
- 42 Tibenský J. Pokusy o organizovanie vedeckého života v Habsburgskej ríši a na Slovensku v 18. storočí // Maximilián Hell. Zborník prednášok z konferencie o živote a diele Maximiliána Hella. Bratislava, 1970. S. 11–12.
- 43 Ibid. S. 12.
- 44 Проект основания Академии наук и искусств, одобренный Петром I в 1724 г., см. в приложении: Курмачева М. Д. Петербургская академия наук и М. В. Ломоносов. М., 1975. С. 70–79.
- 45 Там же. С. 11.
- 46 Tibenský J. Pokusy... S. 12.
- 47 Ibid. S. 12–13.
- 48 Речь идет о труде: Kollár A. F. Jurium Hungariae in Russiam minorem et Podoliam, Bohemiaeque in Oswicensem et Zatoriensem ducatus explicatio. Vienna, 1772. Труд по приказу Марии Терезии перевели на немецкий язык (об этом см.: Eliáš M. Adam František Kollár. Martin, 1968. S. 14).

-
- 49 Каталог вышел в Вене под названием «Catalogus praesentatissimorum librorum nec non rasissimorum manuscriptorum bibliothecae Kollarianaæ».
- 50 Tibenský J., Bokesová-Uherová M. Priekopníci slovenskej kultúry. S. 68.
- 51 Август Людвиг Шлецер (1735–1809), историк и публицист. Семь лет работал в Петербурге, перевел летопись Нестора, написал «Allgemeine nordische Geschichte» и т. д.
- 52 А. Ф. Коллар вынужден был часто отбиваться от нападок венгерского дворянства, которому он нанес ущерб изданием труда «De originibus et perpetuo potestatis legislatoriaie sacra Apostolicorum regum Ungariae libellus singularis» (Vindobonae, 1764).
- 53 Kollar A. F. (*Kollarii Adami Francisci*). Historiae iurisque publici regni Hungariae amoenitas. Vindobonae, 1783. I–II.
- 54 Ibid. I. S. 81–82.

Danish M.

Slovakian-Russian Scientific Contacts in the 18th cent.

The author observes Slovakian-Russian scientific contacts in the 18th cent., which depended on political, ideological and territorial conditions and were realized deliberately; the scientific contacts were of great importance in the development of enlightenment and culture of the both countries in the 18th cent.

Keywords: *M. Bel, S. Micovini, A. F. Kollar, T. Z. Bayer, H. Goldbach, I. G. Gmelin, the St. Petersburg Academy of Science.*

*Г. В. Макарова
(Москва)*

**Несколько архивных штрихов к биографии деятеля
польского освободительного движения конца XVIII в.
Иоахима Мокосея Дениско**

Статья содержит некоторые новые детали биографии Иоахима Дениско, видного деятеля польского национального движения конца XVIII в. Его имя почти неизвестно в отечественной исторической литературе. Использованные в статье архивные материалы впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: *национальное движение, Польша, конец XVIII в., Иоахим Дениско.*

Памяти Владимира Анатольевича Дьякова

Эта статья о почти неизвестном в отечественной историографии деятеле польского освободительного движения конца XVIII в. Иоахиме Мокосее Дениско (ок. 1756 — ок. 1812) написана в какой-то степени благодаря Владимиру Анатольевичу Дьякову. В. А. Дьяков, под руководством которого автору данной статьи привелось трудиться на протяжении более двух десятков лет, доверительно делился со своими коллегами-историками, особенно младшими по возрасту, конкретными методами и приемами своей работы, в частности архивной. Так, исходя из собственного опыта, он советовал: при ознакомлении в архивах с документальными материалами следует «грести широко», то есть не ограничиваться узким целенаправленным поиском нужных в данный момент источников или фактов, а брать на заметку все, что попутно встречается и что при первом бегломзнакомстве покажется интересным, заслуживающим внимания. Такой подход, безусловно, требует более значительных, чем минимально необходимо, временных затрат, зато он доставляет большее удовольствие от работы и дает перспективу (естественно, не стопроцентную и отнюдь не всегда оправдывающуюся в будущем) для других возможных исследований. Подобная «технология» оживляет весьма трудоемкую, а иногда и скучноватую (например, переписывание-копирование документов) работу в архивах, делая ее намного интереснее. Владимира Анатольевича, помимо литературной одаренности, которая также нeliшня для историка, отличало удивительное трудолюбие и редкая в русском человеке организованность. Так, за-

интересовавшие его случайно встретившиеся документы неизменно находили у него свое место в соответствующих надписанных аккуратным каллиграфическим почерком тематических папках и ставились в строго определенном порядке на стеллажи-полки (которые, кстати сказать, были сделаны им собственными руками — без дела В. А. никогда не сидел). Каждый вечер, после дня, проведенного в архивах, В. А. приводил в порядок свои записи, систематизируя их и делая необходимые пометки, которые могли бы оказаться полезными в дальнейшей работе. Это, конечно, является замечательным примером. Но известно, что воспринимать умом чужие принципы, тем более когда они совпадают или корреспондируют с твоими собственными, довольно легко, однако реализовывать на практике, особенно ту их часть, которая требует повседневного кропотливого труда, более чем трудно и удается, к сожалению, далеко не всегда.

* * *

В отечественной исторической литературе, посвященной вопросам польского национально-освободительного движения, о «заговоре Дениско» не встречается даже упоминаний. Имя его руководителя отсутствует как в фундаментальной трехтомной «Истории Польши», так и в исследованиях историков-специалистов по данной проблематике. Попавшаяся на глаза в одном из архивных документов, относящихся к кануну Отечественной войны 1812 года, фамилия Дениско, с кратким добавлением — польский «бунтовщик» конца XVIII в., — в небольшой записке под грифом «секретно», озаглавленной «Показание особ, участвовавших в заговоре бунтовщика Дениско в 1797 году», — естественно, привлекла внимание автора данной статьи. Возникновение этого архивного документа объясняется тем, что при возрастающей опасности войны с Францией и потому ставшей необходимой не только военной, но и вообще всесторонней подготовке к ней — и в военном плане, и во всех других сферах общественной жизни — российское правительство проявляло серьезную озабоченность настроениями польского дворянства в западных губерниях империи, вошедших в ее состав после разделов Польши в конце XVIII в. Обеспокоенность правительства объяснялась имевшимися в его распоряжении сведениями, что значительная часть проживавшей там польской шляхты готова была к сотрудничеству с Наполеоном, доверяя его обещаниям восстановить польское государство, и рассчитывала на помочь французского императора, полагая, что возрождение Польши будет возможно после успешного для французов

окончания войны с Россией. В конце декабря 1810 г. министр полиции А. Д. Балашов направил властям западных губерний запрос о политических настроениях местного населения. И с января следующего 1811 г. в Петербург начали поступать сведения о том, каких взглядов в этих губерниях придерживается польская шляхта. По распоряжению властей были подняты также архивные материалы о прежних заговорах и вооруженных выступлениях поляков, направленных против России, на этих территориях. Их интересовали данные о бывших участниках освободительного движения, проживавших там ранее, а возможно и остававшихся на месте, которые могли бы и в рассматриваемое время принять участие в антироссийском движении. В конечном счете в Особенной канцелярии при министре полиции появилось дело, озаглавленное «О лицах, участвовавших в польском мятеже в 1793, 1794, 1795 и 1797 годах»¹. Оно представляет собой четыре тетради, которые были направлены А. Д. Балашову из ведомства государственного канцлера Н. П. Румянцева². Среди них была и справка-записка о лицах, принимавших участие в заговоре Дениско или причастных к нему. Однако, на первый взгляд, содержание документа, казалось, не соответствовало его заглавию — «Показания особ, участвовавших в заговоре бунтовщика Дениско в 1797 году». Никаких «показаний» в нем не приводилось, а лишь перечислялись фамилии и имена, иногда с краткими сведениями — о социальной принадлежности, месте проживания или нахождении недвижимого имущества, участии в патриотическом движении и т. п. И тогда стало ясно, что первоначальное прочтение заголовка как «показания» неверно, его надо читать «показание», то есть список-перечень, в котором «показаны» фамилии участников движения.

В результате проведенного «интернет-расследования» (в Google. pl) выяснилось, что имя Дениско не слишком знакомо и интересующейся проблемами польского патриотического движения современной польской публике. Так, на вопрос о Дениско, с которым обратился один учащийся еще в 2004 г., ясного и точного ответа не последовало до сих пор. И вообще ответов было немного. В том же году задававший вопрос о Дениско получил краткое сообщение, состоявшее из трех строчек: «Он участвовал в восстании Костюшко. Возглавлял экспедицию (поход), которая должна была поднять восстание в Галиции. Во главе 1700 добровольцев разбит в 1797 г. под Добромежицами (*“pod Dobromierzysami”* ошибочно, должно быть: под Доброновцами — *“pod Dobronowcami”*. — Г. М.). Интернирован австрийцами. Потом служил русским». Среди других ответов мож-

но выделить еще два: первый отсыпал к книге А. Романовского: «... кое-что написал о нем Анджей Романовский»³, а второй ответ, хотя и наиболее полный из всех поступивших, заключался в небольшой справке: «Иоахим Дениско, повстанческий бригадир, шляхтич, забияка (“zawadiaka”), тот самый, кто первым в 1795 году бросил лозунг “В Италию!” — и тут же сделал сумасшедший шаг. В последние дни июня 1797 г. во главе самое большое двухсот повстанцев осуществил несколько партизанских нападений в галицийском приграничье в Буковинском и Залесском “обводах”. Разбит в стычке под Доброновцами, в которой потерял несколько солдат, должен был удалиться обратно в Италию». Автор справки ссыпался на книгу М. Кукеля «История польского оружия в наполеоновскую эпоху»⁴ и советовал также «поискать что-нибудь» в книге Ш. Аскенази «Наполеон и Польша»⁵.

В то же время в польской историографии «заговор» И. Дениско описан в специальных исследовательских работах, а также в фундаментальном, периодически переиздававшемся учебнике истории для высшей школы Ст. Кеневича. В 1912 г. была издана монография М. Кукеля, посвященная начальному этапу вооруженной борьбы поляков за независимость и воссоединение после разделов Польши в конце XVIII в.⁶ Кукель являлся также и автором биографии И. Дениско, помещенной в «Польском биографическом словаре»⁷, где ссыпался на свою ранее вышедшую книгу. Он весьма подробно излагал биографию Дениско. Иоахим Мокосей Дениско (1756–1812?) происходил из влиятельной, хотя и не слишком богатой, семьи на Волыни. Он был женат на Юлианне из Дзвевецких. Во время похода Либерадзкого на Волынь и Подолье в Кременце Дениско присоединился к его отряду, взяв с собой 15 человек из числа своих подданных. Вместе с Либерадзким удалился в Галицию, где во Львове проживал под чужим именем. Оттуда он бежал под Warsawу к Тадеушу Костюшко. Дениско предложил руководителю повстанцев организовать партизанскую вылазку на Волынь с целью поднять там восстание. Назначенный бригадиром, Дениско долго собирал в Люблине людей для похода, за проволочку и растрату полученных денег получил выговор от Костюшко. Наконец, во второй половине октября 1794 г. ему удалось собрать отряд и, пробравшись между австрийскими постами, он оказался на Волыни, где хотел предпринять какие-то действия. По предположению, выдвинутому Кукелем, «это могла быть просто реквизиция скота, фуража, лошадей, подвод». Преследуемый австрийцами и разбитый казаками отряд Дениско был рассеян. Сам

он бежал за Днепр, в Турцию. Турция была единственной крупной державой, не признавшей разделы Польши. По указу Екатерины II от 3 мая 1795 г. имущество повстанческого бригадира было конфисковано, а по просьбе его жены, обратившейся к императрице с просьбой о «милости», ей было назначено ежегодное пособие на содержание и воспитание детей в размере 162 руб. серебром. Дениско нашел приют на молдавской границе в Филиповцах у галицийского жителя Тадеуша Туркуля. И снова принялся собираять товарищей по оружию. По мнению Кукеля, вероятно, именно отсюда он обратился со своим первым призывом-лозунгом к полякам «В Италию!».

Установив дружеские отношения с хотинским пашой, И. Дениско получал от него некоторую помощь. В мае 1795 г. он удалился в Константинополь, где вошел в контакт с французским послом Раймоном Вернинаком, проникшимся к нему симпатией и увидевшим в нем будущего руководителя польского восстания. По инициативе французского дипломата Дениско направил своего эмиссара в Галицию с письмом к польским патриотам, в частности, к Валериану Дзедушицкому. С тех пор он поддерживал с ним постоянные отношения, поскольку предполагалось начать подготовку к новому восстанию — в связи с возможной войной между Россией и Турцией. Следовательно, вопрос о взаимоотношениях между Вернинаком и Дениско заключался не столько в личных симpatиях, сколько в интересах Франции, стремившейся найти пути и способы, которые вели бы к ослаблению России. Этой заинтересованности отвечала и поддержка Францией польского национального движения, имевшего прежде всего антироссийскую направленность. Дениско предпринял попытку собрать остатки армии Т. Костюшко в Турции. Осенью 1795 г., также по поручению Вернинака, он возвратился в приграничную с Россией область в разведывательных целях. Возглавляя несколько сотен собравшихся тут польских офицеров и солдат, Дениско выступал в роли будущего главнокомандующего польскими повстанцами. В колоритных по стилю письмах, обращенных к полякам, он именовал себя генералом польских и литовских войск. В это время возникает соперничество И. Дениско с Ф. Кс. Домбровским⁸ за руководящую роль в польских воинских формированиях. На несколько месяцев Дениско выехал в Константинополь. Францишек Рымкевич, снабдив Дениско свидетельством, что тот является «гражданином благонравным и верным», вновь от рекомендовал его галицийским деятелям и Станиславу Солтыку, представлявшему их в Италии. В декабре 1796 г. И. Дениско (как «генерал Кременецкий») снова, на

этот раз вместе с М. Огиньским, поехал в Филиповцы. Объединив собравшихся там поляков, он действовал в соответствии с указаниями французского посла Жана-Батиста Обера-Дюбайе, стремившегося использовать польские силы для военных операций против Австрии. В начале марта 1797 г. Дениско был избран в «Народное (национальное) собрание» («*Zgromadzenie narodowe*»). Хотя к этому времени значительная часть офицеров-эмигрантов отошла от движения, Дениско все же удалось организовать вооруженное выступление против Австрии в теснейшем сотрудничестве с львовским Центральным собранием («Централизацией»), готовившим восстание в Галиции. Эта «диверсия», по утверждению Кукеля, могла быть прежде всего полезной для Франции, поскольку должна была склонить Австрию к мирным переговорам. Однако по заключении 18 апреля 1797 г. прелиминарного мира с Австрией в Леобене (Штирия) никаких шансов на поддержку поляков со стороны Франции уже не оставалось. Кроме того, галицийский заговор был открыт, и в результате проведенных арестов вопрос о восстании был окончательно снят. Рымкевич получил от Обера-Дюбайе заявление, направленное в адрес Центрального собрания, и ликвидировал сосредоточие войск в Валахии, готовившихся для пополнения легионов Я. Домбровского в Италии. В то же время Дениско с небольшой группой сторонников остался в приграничье, по секретному указанию французского посла, как полагали М. Огиньский, Ю. Джевецкий, В. Дзедушицкий и др., рассчитывавшего спровоцировать австро-турецкий конфликт, сорвать австро-французские переговоры и добиться возобновления войны. Другие современники усматривали в поведении Дениско провокационные действия, инициированные российской стороной. Но возможно, выдвигал предположение Кукель, действия Дениско объяснялись его темпераментом и отчаянным положением, в котором он оказался. Имея под командой всего лишь 200 человек, 26 июня 1797 г. Дениско начал военные действия против Австрии, совершив нападения на галицийские и буковинские пограничные посты. 29 июня произошло открытое столкновение под Доброновцами (Буковина) между главным отрядом Дениско и австрийским кавалерийским эскадроном и «стрельцами крайовыми». Отряд Дениско был разбит, сам он ранен, взятых в плен восемь человек австрийцы повесили. Дениско направился в Бухарест, затем за Дунай и, наконец, в Константинополь. После нескольких неудачных попыток продолжить сопротивление, в конце концов он обратился к российскому послу в Константинополе с просьбой о царской милости. Перед тем

как оставить территорию Турции (март 1798 г.), он передал русским властям имевшуюся у него информацию о военных распоряжениях по турецкой армии. Хорошо принятый в России, он, якобы, получил там чин генерал-майора, а возможно даже советника. Дениско было возвращено имущество. Взамен конфискованного Захорце ему были даны земельные владения и 200 крестьянских душ в другом месте, подальше от австрийской границы — на Подолье. Жене Дениско, находившейся в Галиции, разрешено было вернуться к мужу. В соответствии с непроверенной общепринятой версией, отмечал Кукель, Дениско, пойдя на сотрудничество с российскими властями, скомпрометировал имена многих поляков. К концу жизни он спился, обнищал, жил в одиночестве и забвении. Умер он в Петербурге. Точная дата его смерти неизвестна.

В учебнике истории Польши для высшей школы Ст. Кеневич⁹ излагал историю заговора Иоахима Дениско следующим образом: в январе 1796 г. группа галицийских заговорщиков подписала в Кракове тайный акт о «конфедерации», обязываясь по сигналу из Франции поднять вооруженное восстание. В сущности их расчет основывался на возможном осложнении международной ситуации, к которому могло привести прусско-австрийское столкновение, победа французов и вмешательство Турции. В турецкой тогда Молдавии собралась почти тысяча человек из армии Костюшко, которые под руководством полковника Дениско готовы были вступить в страну. Верховная власть заговора, так называемая Централизация, находилась во Львове, в ее состав входили преимущественно землевладельцы, во главе ее стоял богатый аристократ Валериан Дзедушицкий. Заговор имел отделения в прусской части, на Литве и Волыни. Ориентировавшиеся на иностранную помощь, сами заговорщики ничего сделать не сумели. В начале 1797 г. Дениско со своими добровольцами вступил в Галицию и был разбит под Доброновцами. В трех частях польских земель начались аресты. На этом изложение о Дениско заканчивается. Фактов о его сотрудничестве с российскими властями, как и сведений о том, что он оказался в России, учебник не содержит. По-видимому, в учебно-воспитательных целях упоминание о них не представлялось целесообразным. Очень кратко история заговора И. Дениско приводится в монографии Ст. Гродзиского, посвященной истории Польши 1764–1815 гг. Автором подчеркивается стремление Франции в период после поражения восстания Т. Костюшко оказывать свое воздействие на польское освободительное движение, используя его в своих интересах¹⁰.

Что касается упоминавшегося выше архивного документа о заговоре И. Дениско, то из него следовало, что в 1797 г., «по внушениям Франции», «некоторые из поляков, собравшись разными толпами в Молдавии, намеревались составить корпус войск и силою пробраться в Италию для соединения с бригадою Домбровского». «Главным явным бунтовщиком», отмечалось в записке, являлся Иосиф (так отчетливо написано в тексте документа. — Г. М.) Дениско, а «скрытыми главными содействователями сего мятежа были граф Игнаций Потоцкий, граф Станислав Малаховский и граф Огинский (в настоящем 1810 году пожалованный в сенаторы его императорского величества)»¹¹. Взятые в плен участники мятежа рассказали о произошедших событиях, их показания были переданы австрийскими властями российским («Захвачением трех мятежников Якова Беганского, Якова Циферина и Якова Чернинского, пояснился сей заговор, которого допросы сообщены были австрийским правительством Российскому императорскому двору»). В частности, в их показаниях сообщалось, что Дениско «приглашал дворянство на пожертвования для составления Народного собрания в Молдавии»¹².

Среди материалов о заговоре И. Дениско находятся несколько списков его участников. В первый из них включены фамилии 46 «соучастников Дениско, в Пилиповцах [sic!] собравшихся»¹³. Окончания польских фамилий передаются по-разному: у одних -и, у других -ий (русифицированный вариант), что свидетельствовало о еще не установленвшемся тогда правиле. Это были:

«№ 1. Видгенски* Станислав, уроженец Краковского воеводства
№ 2. Валава, совсем неизвестный человек

№ 3. Рздкіевич (Иосиф), уроженец великопольский, из окрестностей Позена

- № 4. Ильински (Иван)
№ 5. Мархоцки (Францишек Ксаверий) } безизвестные
№ 6. Дениско (Иосиф), уроженец подольской
№ 7. Симон, слуга его
№ 8. Зеромский Антон — безизвестный
№ 9. Пчибыловски — то же
№ 10. Ойрзановски — то же
№ 11. Міечниковски (Еразм) — то же
№ 12. Віосновски — то же
№ 13. Зубравски — то же

* Отмеченные фамилии в тексте подчеркнуты.

- № 14. Скруецовски (Францишек) — то же.
- № 15. Загорский (Иосиф) — то же
- № 16. Юрнски — то же
- № 17. Закржевски (Александр) — то же
- № 18. Вилински (Станислав) — то же
- № 19. Сербу (Иван) — то же
- № 20. Каміенски — то же
- № 21. Мелфорт — француз
- № 22. Лешенски или Лещенски (Иван или Яков) — неизвестный
- № 23. Народославски (Степан) — тоже
- № 24. Ясницки (Томаш) — тоже
- № 25. Ортинский (Томаш) — тоже
- № 26. Добровольский (Антоний) — тоже
- № 27. Пжевчу́к* (Василий) — тоже
- № 28. Фирански(Антоний) — тоже
- № 29. Богдановски (Павел) — тоже
- № 30. Прзишиховски — уроженец Литовской
- № 31. Сіенковски — неизвестный
- № 32. Брумерски — тоже
- № 33. Шишка — человек того же имени должен быть секретарем губернатора Каменецкого
- № 34. Міерски или Мурски — неизвестный
- № 35. Костка — тоже
- № 36. Біелак — генерал польский того же имени давно умер
- № 37. Рождкович (Алберт) — неизвестный
- № 38. Свидерский (Алберт) — служил во время революции в полку Понинского
- № 39. Журовский или Журавски (Антоний) — служил в войске польском во время революции
- № 40. Вноровски — неизвестный
- № 41. Лисіецки — тоже
- № 42. Граф Огински (сын гетмана), у гетмана не было сына, а под сим именем выдавал себя подскарбий Огинский — неизвестный
- № 43. Сіеравски (Иван) — уроженец краковский
- № 44. Шерженович — служил в войске польском
- № 45. Барански — неизвестный
- № 46. Дабровски — был генералом во время революции в Великопольше».

Судя по фамилиям участников, оканчивающимся на *-ский*, *-ич*, а также по упоминающимся должностям, большинство из них при-

надлежало к дворянскому сословию, то есть 39 человек из 46 — немногим менее 85%.

Второй список содержал фамилии участников заговора Дениско, «составлявших особое скопище в Герсе, в Молдавии»¹⁴. В их числе были:

«№ 1. Малаховски (Казимир) — служил канонером и во время революции дослужился до майоров артиллерии

№ 2. Пригорски (Станислав), уроженец великопольской, был порутчиком или капитаном во время революции в полку Дзялинского

№ 3. Белински (Петр), служил во время революции поручиком или капитаном

№ 4. Обертински (Станислав), был майором

№ 5. Криницки (Иосиф), служил до революции и во время оной в войске. Полковник.

№ 6. Богданович (Григорий), родом армянин, служил во время революции в полку Карвицкого

№ 7. Орсата (Адам) — уроженец подольской, служил во время революции в полку Карвицкого

№ 8. Тисон (Иозиф) — уроженец краковской, служил майором во время революции

№ 9. Тисон (Франтишек) — был [в] военной службе

№ 10. Ласковски — служил товарищем

№ 11. Ненха (Пиус) — уроженец подольской, был порутчиком артиллерии в Каменце до революции и во время оной.

№ 12. Розмысловски (Игнаций) — уроженец великопольской, служил в военной службе

№ 13. Киркор (Антоний) — уроженец варшавской, служил полковником во время революции

№ 14. Свидерский (Петр) — служил в егерях во время революции

№ 15. Трощинский (Францишек) — уроженец волынской, из окрестностей Дубны, был порутчиком в войске польском

№ 16. Тарша (Леон) — служил в войске

№ 17. Нуровски (Михаил) — служил в егерях во время революции и по рассыпании шайки мятежников возвратился в Россию через Днестр

№ 18. Блума (или Блумер) (Игнаций) — уроженец украинской

№ 19. Тански (Казимир) — уроженец подольской, служил в войске

№ 20. Камински (Томаш) — служил в войске

№ 21. Модзіловский (Иван) — уроженец плоцкий, служил в войске, родители его в Обхове в НовоРоссии.

№ 22. Кремински (Яков) — уроженец краковской

№ 23. Біегански (Иосиф Панкрай) — уроженец из окрестностей Ченстохова

№ 24. Зеферин (Яков) — уроженец подляжский, служил капитаном в полку Дзялинского».

Придерживаясь вышеуказанного принципа определения сословной принадлежности, можно считать, что из приведенных в списке 24 фамилий участников, по крайней мере, не менее 16 человек могли иметь дворянское происхождение (то есть 66,7%).

Отдельно в документе отмечались события в Литве, к которым были причастны лица духовного звания: «По сему же предмету в Литве упоминали мятежники учинить возмущения, и тогда арестованы были следующие особы из духовенства»:

«№ 1. Домбровски — настоятель тринитарий*, живший в Волынской губернии

№ 2. Зюлковски — ксендз бенедиктинского монастыря, был в [...]**

№ 3. Цецерской — приор доминиканского монастыря»¹⁵.

Общая численность лиц, разделявших антиправительственные намерения, неизвестна, но она не ограничивалась тремя священнослужителями. Об этом свидетельствовала приписка, сформулированная в пренебрежительном тоне: «Прочие участники заговора были малозначущие люди».

Кроме того, в документе сообщалось также, что «предварительно сим искрами возмущения» в 1796 г. в Гродно были арестованы два шляхтича-«мятежника» — Анджей Любовецкий и Томаш Снарский, «по доносу Хивовского, шляхтича, которого наградили за его открытие», далее отмечалось: «оба сосланы в Сибирь на каторгу».

И здесь снова сыграли свою роль уроки, полученные от Владимира Анатольевича, — фамилии упомянутых выше двух шляхтичей показались знакомыми, где-то они уже встречались. Просмотрев находящиеся в отнюдь не идеальном порядке свои архивные записи, автор данной статьи обнаружил, что действительно много лет тому назад, когда под руководством В. А. Дьякова готовилась совместно с польскими историками публикация документов по восстанию Тадеуша Костюшко (рабочее название «Тадеуш Костюшко и его сподвижники в российской неволе»)¹⁶, среди просмотренных описей и дел Российского государственного архива древних актов (РГАДА) на всякий случай была взята на заметку «единица хране-

* Монах католического «Ордена Св. Троицы».

** В микрофильме отсутствует край текста.

ния» под названием «Дело о шляхтичах Любовецком и Снарском, замыслявшим истребить русских солдат на реке Немене»¹⁷. У дела есть и другой, более поздний заголовок — «Об открывшемся между дворянами в Гродне заговоре и о посажении из оных двух шляхтичей Любовецкого и Снарского в здешнюю крепость [...].» В секретном письме от 20 мая 1796 г. литовский генерал-губернатор Н. В. Репнин сообщал генерал-прокурору А. Н. Самойлову: «Хотя самый вздорный, глупый и совсем несообразный, но открылся здесь возмутительный заговор между некоторыми мелкими шляхтичами». Следствие проводилось в Слониме. В результате его выяснилось, что главными среди заговорщиков были «камердинер бывшего литовского подскарбия Дзяконского шляхтич Андрей Любовецкий и сообщник его бывший поветовый ротмистр Томаш Снарский». Они имели только преступные намерения, но ничего реально сделано не было. Репнин спрашивал генерал-прокурора, как следует «поступить с теми преступниками». О каторге в деле не упоминалось. Первый вынесенный приговор по делу звучал следующим образом: «За злодейские Любовецким к нарушению народного спокойствия предприятия о истреблении российских солдат по сю сторону реки Немена и генералов в Гродне, а Снарским — за тою рекою, в рассуждении не-причинения никакого вреда приговорены к ссылке в отдаленнейшие места Российской империи». Император заменил ссылку сначала на тюремное заключение в Петербурге, затем они были переведены в Шлиссельбургскую крепость¹⁸.

Вскоре после раскрытия дела о двух шляхтичах поступило известие от прусского правительства, направленное «главнокомандующему в Литовской губернии князю Репнину», в котором содержались сведения об открытии заговора, «относящегося до предприятий Дениско в Молдавии». Как отмечалось в документе, «в сообщении прусском именно сказано, что французской посол в Берлине Калиард и агент Парантье содействовали в сем намереваемом возмущении, что началу следовало открыться (так!) в Валахии и что заговорщики, собранные в Париже, называли себя Центральною администрациею Конфедерации Польского народа»¹⁹ (подчеркнуто в тексте. — Г. М.). Главными соучастниками заговора, как следовало из приводившегося списка²⁰, назывались «следующие особы»:

- «№ 1. Шаніовски (Иосиф)
- № 2. Еримани (Петр)
- № 3. Музаній (Ернест)
- № 4. Блечински (Антон)

-
- № 5. Розе (Йозеф) купец
№ 6. Шольски (Варфоломей)
№ 7. Дюнкер (Ернест)
№ 8. Грабовский (Григорий)
№ 9. Прозор... [прим. док.] Один из главнейших мятежников литовских, известных по Смоленской комиссии
№ 10. Миніевски
№ 11. Дмоховски
№ 12. Тосцицки
№ 13. Вишковски — оба брата
№ 14. Павликовски
№ 15. Мейер
№ 16. Барс
№ 17. Гедроич (генерал Литовской фамилии)
№ 18. Забровски
№ 19. Лашнински, генерал
№ 20. Прузинский, староста
№ 21. Ридель*, секретарь Огинского, вел. подскарбі[я]
№ 22. Потоцки, староста, с сыновьями
№ 23. Коцель
№ 24. Лазницки
№ 25. Петриковски
№ 26. Валеріан (так!)
- № 27. Мицельски
№ 28. Кализанта
№ 29. Ніеселовски
№ 30. Гіельгуд* — Литовской уроженец
№ 31. Турно* — Волынской уроженец
№ 32. Лараш. Купец
№ 33. Дориски
№ 34. Тремо*
№ 35. Сапіега (Казимир) маршал
№ 36. Домбровски (генерал)
№ 37. Мадалински
№ 38. Криницки. Подполковник
№ 39. Тизенгауз*
№ 40. Римцевич (генерал)
№ 41. Яблоновский
№ 42. Міончински (Каэтан)
№ 43. Ильински»

Исходя из вышеуказанного принципа, можно предположить, что не менее 32 человек из названных 43 в третьем списке принадлежали к привилегированному сословию (около 75%).

Суммируя общее число названных в трех списках участников патриотического движения, можно составить определенное представление об «усредненном» социальном составе: представители шляхты являлись основными его участниками, они составляли подавляющее большинство — около 78%.

Списки	Общее число участников	Из них шляхетского происхождения	%% шляхтичей
Список № 1	46	39	85
Список № 2	24	16	66,7
Список № 3	43	32	75
Священники (3 чел.) и 2 «шляхтича»	5	5	100
Всего	118	92	78

В материалах РГАДА удалось обнаружить дело о прибытии И. Дениско в Россию, которое озаглавлено «Дело о наблюдении за поведением прибывшего из Молдавии польского чиновника Дениско»²¹. В нем сохранился и прежний заголовок «О выехавших в Россию из Молдавии польских чиновниках Дениско, Мархоцком, Кречентовском и Ивинском и о предписании в Москву и Петербург для надлежащего за их поведением наблюдения». Дело очень небольшое по объему, состоящее из двух писем, по которым можно уточнить дату приезда Дениско и других участников движения в пределы Российской империи.

В письме киевского генерал-губернатора А. Г. Розенберга, направленном в Петербург, в Тайную канцелярию, сообщалось, что названные выше лица «по пашепорту генерального в Молдавии консула г-на статского советника Северина, приезжающие из Яс в Санкт-Петербург, высидев в Дубосарском сухопутном карантине семнадцать дней, въехали в границы Российские через Дубосарскую таможню марта 13 дня. В Киев же прибыли вчерашнего числа. А как по имеющейся у меня переписке [...] значится, что фамилия Дениско есть небезсомнительна и известна в рассуждении открывшегося было заговора поляков на восстановление прежнего бытия Польши и что Денискины легионы прежде были в Молдавии и делали нападения на Галицию [Галицию]», то особо предупреждалось об их

прибытии. Однако, отдавая дань справедливости, киевский генерал-губернатор полагал необходимым отметить, что «между ними никаких подозрений не замечено» и что из Киева они должны выехать в начале апреля. Дата получения помечена 12 апреля 1798 г. На полученном документе стоит помета-резолюция: «Государь император высочайше повелел о приезде сего поляка дать знать графу Салтыкову 2-му и графу Буксгевдену для надлежащего за поведением их наблюдения. 13 апреля 1798»²². В тот же день Ф. Ф. Буксгевдену было передано распоряжение императора в связи с предстоящим приездом в Петербург И. Дениско и остальных поляков²³. Письмо такого же содержания было отослано и московскому военному губернатору графу П. С. Салтыкову

Найденные в архивах документальные материалы помогают вернуть из небытия для русскоязычного читателя имя одного из первых деятелей польского патриотического движения — Иоахима Мокосея Дениско, а также конкретных лиц, принимавших в нем активное участие. Документы позволяют внести некоторые уточнения, некоторые новые штрихи, касающиеся переезда Дениско и нескольких его соратников в Россию²⁴. Из упоминающихся в письмах лиц, прибывших вместе с Дениско в Россию, среди приведенных выше списков участников встречается фамилия только одного из них — Мархоцкого (в списке первом под № 5). Вполне понятно, что списки не содержат фамилий всех участников движения, которое возглавлял Иоахим Дениско, не являются они и абсолютно точными в отношении написания фамилий, тем более они могли быть искажены при передаче на русском языке. Так, например, фамилия захваченного в плен участника движения в тексте документа передана как «Циферин», а в списке — как «Зеферин», «Дабровский» — должно быть «Домбровский» и т. д. Однако представляется, что приведенные списки, несмотря на их неполноту и имеющиеся в них неточности, все же заслуживают быть опубликованными, поскольку количество архивных источников по этому движению весьма невелико. Даже в случае, если приведено неправильное написание имени и фамилии указанного в списках участника, они все же дают возможность составить достаточно достоверное представление о социальном составе движения. Кроме того, содержащиеся в списках фамилии участников показывают, из каких временных глубин в том или ином польском семействе шла высоко ценимая традиция борьбы за национальную независимость.

Отдельно следует подчеркнуть, что уже на этом этапе существовало сотрудничество между правительствами стран, разделив-

ших Польшу, в борьбе с проявлениями польского национального патриотического движения, имела место взаимопомощь в устранении дестабилизирующих элементов, несших угрозу существующему положению. В то же время история с заговором И. Дениско демонстрирует недружественную в это время по отношению к России позицию Франции, на содействие которой в осуществлении своих планов борьбы за независимость надеялись поляки. Можно согласиться с мнением, высказанным выдающимся польским историком С. Кеневичем, что ориентация сил польского патриотического движения на поддержку извне, расчет на помочь других стран играли для него отрицательную роль²⁵, поскольку возможная, казалось бы, внешняя помощь всегда носила конъюнктурный характер и потому всегда была ненадежна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГАРФ. Ф. 1165 (Особенная канцелярия министра внутренних дел. Особенная канцелярия при министре полиции). Оп. 1. Д. 490. Заголовок дела: «Списки участников польского восстания 1793–1795 гг., присланные государственным канцлером в Министерство полиции» (первоначальный делопроизводственный заголовок дела: «О лицах, участвовавших в польском мятеже в 1793, 1794 1795 и 1797 годах»).
- 2 Эти «тетради» сопровождались запиской, написанной четким писарским почерком, автором ее являлся «управляющий архивом действительный статский советник Павел Дивов». В ней сообщалось, что «государственный канцлер препровождает к министру полиции четыре тетрадки: 1) показание особ, участвовавших в мятеже польском в 1793 и 1794 годах, также и противных России на Гроденском сейме 1793 года по разрушении Тарговицкой конфедерации; 2) показание главнейших особ, участвовавших в последнем мятеже польском, составленное в 1794 году; 3) список полякам как в Санкт-Петербурге, так и по другим местам содержащимся, с показанием их вин, составленный в 1795 (по Смоленской комиссии) и 4) показание особ, участвовавших в заговоре бунтовщика Дениско в 1797 году» (ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 490. Л. 18).
- 3 Romanowski A. Jak oszukać Rosję. Losy Polaków XVIII–XX wieku. Kraków, 2002.
- 4 Kukiel M. Dzieje oręza polskiego w epoce napoleońskiej. Poznań, 1912; Warszawa, 2007 (репринт).

- 5 *Askenazy Sz. Napoleon a Polska.* Warszawa; Kraków, 1918–1919. Т. 1–3; Poznań, 2006 (репринт).
- 6 *Kukiel M. Próby powstańcze po trzecim rozbiorze 1795–1797.* Kraków; Warszawa, 1912; Poznań, 2006 (репринт).
- 7 *Polski słownik biograficzny.* Kraków, 1939. Т. 5. С. 121–122.
- 8 Судьба Францишека Ксаверия Домбровского (1761–1839) во многом была схожа с судьбой И. Дениско. В 1794 г. он сформировал повстанческий отряд в Конинском повете (Великопольское воеводство), был захвачен прусскими властями, бежал, имущество его было конфисковано. Ему удалось приехать в Париж. В качестве уполномоченного эмиграции из Франции он прибыл в Галицию для координации действий находившихся там польских патриотических сил. Летом 1796 г. Домбровский перебрался на территорию Турции и Молдавии, развив широкую деятельность по провоцированию войны между Австрией и Россией. Именуясь «генералом Повалей», он собрал 2 тыс. поляков и организовал в Бухаресте Военную конфедерацию, претендую на роль будущего главы народа («*naczelnik narodu*»). Домбровский отличался исключительной политической активностью, своими заявлениями он будоражил общественное мнение во Франции и Турции, и в итоге со всеми перессорился. Когда в польских эмигрантских кругах стало известно об амнистии, данной российским императором Павлом I, он решил обратиться к нему за покровительством. С этой целью Домбровский установил контакты с российскими дипломатическими представителями в Стамбуле, Бухаресте, Яссах и обещал им переманить польских эмигрантов на русскую службу. Ему удалось получить разрешение на въезд в Россию, и он был весьма ласково принят Павлом I. «Ласковость» приема объяснялась тем, что император по ошибке решил, что имеет дело с Яном Генриком Добровским (1755–1818), организатором польских легионов в Италии. Ф. Кс. Домбровскому была выдана сумма в 1 тыс. руб., пожалован чин генерал-майора с ежегодной пенсией 700 руб. и поручено создать в русской армии польский конный полк — для противостояния итальянскому легиону. Домбровский выехал в Вильно, в январе 1799 г. получил звание генерал-лейтенанта, но за финансовые махинации и растрату денег был арестован. Однако в 1801 г. он еще раз попал под амнистию — уже нового царя Александра I, который также выдал ему какую-то сумму денег, но не доверил формирование польской конницы. В 1804 г. Домбровский поехал в Москву, где написал брошюру «*Recherches politiques et*

militaires sur la décadence de la Pologne» («Политическое и военное исследование падения Польши». Москва, 1809). Принял участие в восстании 1830–1831 гг. (Polski słownik biograficzny. Kraków, 1938. Т. 4. С. 475). В недавно изданном двухтомном словаре российских генералов и адмиралов статья о Ф. Кс. Домбровском содержит всего несколько слов, в ней не приведено даже его имени: «Домбровский. Генерал-майор с 1797. На службе по 1798» (Волков С. В. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов Российской империи от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1. С. 469). Фамилия «Дениско» в словаре отсутствует вообще. Это весьма показательно и еще раз свидетельствует о том, что в нашей отечественной историографии деятели польского национального движения конца XVIII в. мало известны.

9 Kieniewicz S. Historia Polski. 1795–1918. Warszawa, 1969. S. 23.

10 Grodziski St. Polska w czasach przełomu (1764–1815). Kraków, 1999. S. 230–231. Серия «Wielka Historia Polski» (на с. 230 помещена красочная иллюстрация: патруль отряда И. Дениско перед нападением на границы Буковины летом 1797 г., автор рисунка не указан).

11 ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 490. Л. 57.

12 Там же. Л. 57об.

13 Л. 57об.–59об.

14 Л. 59об.–61.

15 Л. 61об.

16 К сожалению, история этой публикации носит несколько мистический характер — ей словно не суждено быть напечатанной: первоначальный вариант комплекта документов, находившийся после смерти неизвестного составителя в личном архиве В. Д. Королюка (1921–1981), в конце 1980-х был передан его вдовой Л. В. Заборовскому (1930–1998). Подготовку нового варианта публикации уже совместно с польскими историками возглавили В. А. Дьяков (1919–1995) — с российской стороны и Е. Сковронек (1937–1996) — с польской. В связи с уходом из жизни этих ученых работа осталась незавершенной.

17 РГАДА. Госархив. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2875, 1796 г.

18 Там же. Л. 20.

19 ГАРФ. Там же. Л. 62об.

20 Л. 63–63 об.

21 РГАДА. Госархив. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3181, 1798 г.

22 Там же. Л. 1–1об.

23 Там же. Л. 2.

24 Там же. Л. 2об.

25 Kieniewicz S. Historia Polski... S. 49.

Makarova G. V.

Some Archive Strokes to the Biography of a Member of Polish Liberation Movement of the End of the 18th cent. — Joachim Mokossey Denisko

The article presents some new details of the biography of Joachim Denisko, an outstanding figure of Polish national movement of the end of the 18th cent. His name is almost completely unknown in Russian historical literature. Archive materials used in the article are introduced to the research community for the first time.

Key words: *national movement, Poland, end of the 18th cent., Joachim Denisko.*

*В. С. Бушин
(Павлоград)*

Типология уездных городов Новороссии последней четверти XVIII — середины XIX столетия

Статья посвящена проблемам возникновения и функциональной типологизации уездных городов Екатеринославской, Херсонской и северной части Таврической губерний.

Ключевые слова: *Новороссия, уездный город, административный центр, военный город, торговый город, аграрный город.*

Последнее десятилетие стало временем подъема научного интереса к отечественной исторической урбанистике. В украинском краеведении и исторической науке подобный всплеск последний раз наблюдался во второй половине 60-х — начале 70-х гг. прошлого столетия, итогом чего стал выход в свет 26-томной «Истории городов и сел Украинской ССР». Затем последовало тридцатилетнее «затишье». В данный момент особенно активно разрабатывается история городов юга современной Украины. Ведется активная источниковедческая и публикаторская работа, публикуются монографии и многочисленные научные и краеведческие статьи, защищаются диссертации, сложилось несколько научных коллективов (днепропетровский, запорожский, одесский). Среди тем, которые разрабатывались исследователями А. В. Бойко¹, М. Э. Кавуном², В. М. Константиновой³, О. С. Двуреченской⁴, Н. М. Диановой⁵, О. М. Марченко⁶, С. Б. Надыбской⁷, Т. В. Портновой⁸, Л. О. Цибуленко⁹, О. В. Черемисиным¹⁰, можно выделить следующие: изучение населения городов (состав, динамика численности, источники формирования), деятельность органов местного самоуправления, благоустройство и развитие экономики (торговли, промышленности, предпринимательства), положение городских сословий.

Однако особенностью современного этапа изучения городов Новороссии является акцентирование внимания в основном на истории городов, которые с момента основания играли роль административных центров губерний или края в целом, а в советское время превратились в областные города (Одесса, Екатеринослав-Днепропетровск, Херсон). В гораздо меньшей степени в поле зрения исследователей попадают истории современных областных центров, в изучаемый нами период имевших статус уездных городов

(Елисаветград-Кировоград, Луганск, Александровск-Запорожье), либо специальный статус (Николаев), либо не имевших городского статуса вообще (Юзовка-Донецк). Практически за пределами научной разработки остаются истории городов уездного уровня, получивших статус районных центров.

Целью данной статьи является попытка типологизации исключительно уездных городов Новороссии по характерным особенностям их возникновения и функциональной структуре городских экономик. Временные рамки охватывают период от момента образования городов до середины XIX ст.

Впервые попытку выделить основные типы городских поселений Новороссии по особенностям их возникновения предпринял В. И. Тимофеенко в монографии «Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века». Исследование Тимофеенко базировалось на материалах городов всех типов: от губернских до заштатных и от реально существовавших до только планируемых. За хронологическими рамками остались города, возникшие либо получившие уездный статус в XIX в. Исходя из этого, можно утверждать, что попытка типологизации исключительно реально существовавших уездных городов Новороссии, возникших в период последней четверти XVIII — середины XIX в., предпринимается впервые, как и попытка функциональной типологизации на материале уездных городов Новороссии.

Основную источниковую базу статьи составляют статистические материалы, собранные офицерами Генерального Штаба в Екатеринославской¹¹, Таврической¹² и Херсонской¹³ губерниях в 1849—1850 гг., а также в Екатеринославской губернии в 1862 г.¹⁴ Это наиболее полный свод статистических данных по основным природным, демографическим и экономическим показателям края. Также в статье используются данные «Экономических примечаний Генерального межевания»¹⁵, содержащие информацию конца XVIII в.

Новороссией принято именовать территорию Северного Причерноморья, присоединенную к Российской империи во второй половине XVIII ст. На этой территории в ходе многочисленных административно-территориальных переустройств сменяли друг друга: Вольности Войска Запорожского (ликвидированы и присоединены к империи в 1775 г.), Крымское ханство (ликвидировано и присоединено к империи в 1783 г.), Новая Сербия и Славяно-Сербия (созданы в 1751—1753 гг., упразднены в 1764 г.), Новороссийская губерния (создана в 1764 г., преобразована в 1776 г.), Новороссийская и Азовская

губернии (созданы в 1775 г., упразднены в 1784 г.), Екатеринославское (создано в 1784 г.) и Воскресенское (создано в 1795 г.) наместничества (упразднены в 1797 г.), Новороссийская губерния (создана в 1797 г., упразднена в 1802 г.), Новороссийское генерал-губернаторство в составе Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний (с 1803 г.).

На протяжении последней четверти XVIII — первых лет XIX ст., от момента заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора (1774) и ликвидации Запорожской Сечи до создания Новороссийского генерал-губернаторства, в ходе многочисленных административно-территориальных переустройств статус уездных городов получали следующие города, местечки и села (как реальные, так и только планируемые): Азов, Александровск, Александрия, Алексополь, Балта, Бахмут, Богополь, Великие Будищи, Волковод, Вознесенск, Гаджибей, Голта, Градище, Донецк, Елисаветград, Екатеринополь, Екатеринослав, Кизикермен, Кобеляки, Константиноград, Кременчуг, Кривой Рог, Крюков, Лычково, Мариенполь, Мариуполь, Миргород, Новые Дубоссары, Никополь, Новый Кодак, Новоселица, Новый Миргород, Новые Сенжари, Новомосковск, Ольвиополь, Ольгополь, Орехов, Очаков, Павлоград, Петrikовка, Полтава, Ростов, Саксагань, Симферополь, Славянск, Таганрог, Тирасполь, Тор, Умань, Херсон, Хорол, Царичанка, Черкассы, Чигири¹⁶.

На протяжении XIX ст. центрами уездов становились: Алешки (Днепровск)¹⁷, Ананьев¹⁸, Бердянск¹⁹, Бобринец²⁰, Верхнеднепровск²¹, Мелитополь²², Орехов²³, Одесса²⁴, Славяносербск²⁵.

Одесса как центр генерал-губернаторства и Херсон как губернский центр не могут рассматриваться как типичные уездные центры, хотя они (как и Екатеринослав) обладали уездами. Города, которые лишь временно оказывались в составе административных структур Новороссии, исторически и экономически тяготели к другим регионам и, в конце концов, вошли в состав Киевской и Подольской, Малороссийской (позднее — Полтавской), Слободско-Украинской (позднее — Харьковской) губерний и Область Войска Донского, также выходят за географические рамки нашего исследования. Это же можно сказать и о городах Крыма. Села и местечки, которые лишь на короткое время оказывались в ранге уездных городов (как правило, в конце XVIII в.) и не имели уездного статуса на протяжении XIX и в начале XX ст., также не являются предметом нашего исследования. Остаются города, которые возникли и получили статус

уездных во второй половине XVIII — первой половине XIX ст. и оставались уездными центрами на протяжении второй половины XIX — в начале XX в.

Это уездные города Екатеринославской губернии: Александровск, Бахмут, Верхнеднепровск, Мариуполь, Новомосковск, Павлоград, Славяносербск; Херсонской губернии: Александрия, Ананьев, Елисаветград, Тирасполь; Таврической губернии: Алешки, Бердянск, Мелитополь.

Согласно типологии происхождения, предложенной В. И. Тимофеенко, все города Северного Причерноморья делятся на три группы: административные центры, военные и торговые города²⁶. Попробуем применить эту схему исключительно к уездным городам Новороссии.

К группе административных центров принадлежат: Александрия, Алешки, Ананьев, Верхнеднепровск, Новомосковск, Павлоград, Славяносербск. Они основывались и долгое время развивались исключительно как административные центры уездов. Город Мелитополь возник достаточно поздно, поэтому быстро начал развиваться как торгово-ремесленный. Однако Орехов, который до 1842 г. выполнял функции уездного центра Мелитопольского уезда, был типичным административным центром.

Чертой, которая объединяет практически все города этого типа, было то, что все они возникли на месте бывших запорожских зимовников и поселений, преобразованных в казенные воинские слободы.

На месте Александрии первоначально возник зимовник казака Уса, затем там были размещены новосербские пандуры и гусары Желтого полка, и поселение какое-то время носило название Беча²⁷. Город Алешки (под названием Днепровск) возник в 1784 г. на месте Алешковской Сечи. В 1802 г. Днепровску было возвращено старое название, но уезд остался Днепровским²⁸. Название Ананьев и статус уездного города в 1834 г. получило село Ананьево, возникшее на месте основанного в 1767 г. казацкого поселения Анани (Анань)²⁹. Название Верхнеднепровск и статус уездного города с 1806 г. получила возникшая в 1780 г. на месте запорожского зимовника слобода Григорьевка (с 1785 г. — Новогригорьевка)³⁰. Запорожское поселение Новоселица в 1794 г. превратилось в уездный город Новомосковск³¹. Орехов вырос из села Орехово, которое возникло на месте запорожского зимовника казака Лыска³². Павлоград возник в 1784 г. на месте основанного в 1770 г. зимовника полкового старшины Матвея Хижняковского, который в 1775 г. превратился в казенную воин-

скую слободу Матвеевку, в 1780 г. переименованную в слободу Луганскую³³. Славяносербск возник из воинского села Подгорного³⁴.

Бросается в глаза практика многочисленных перенесений и переименований этих городов. В 1776 г. на месте поселения Старая Самара возле впадения речки Кильчени в Самару было избрано место для центра Новороссии — города Екатеринослава. В 1784 г. Екатеринослав был перенесен на правый берег Днепра (Екатеринослав II), а Екатеринослав I переименован в Новомосковск. В 1786 г. город Новомосковск был перенесен на окраину запланированного ранее Екатеринослава I, в район старинного укрепления Новобогородицкий ретрашемент. Наконец, в 1794 г. название Новомосковск получило расположение неподалеку бывшее запорожское поселение Новоселица³⁵. В результате такой истории возникновения Новомосковск, как писал в 1862 г. составитель «Материалов для географии и статистики России» капитан Павлович, «растянут верст на 10 в длину, имея только 1,5 версты ширины»³⁶.

Александрия была создана в 1784 г. на месте казенного селения Усовка. В 1795 г. название Александрия получило mestечко Крылов. В 1806 г. было принято решение вернуть город Александрия опять в поселение Усовка, а Крылову вернуть старое название³⁷.

Название Павлоград первоначально получил город, основанный возле впадения Кальмиуса в Азовское море. В 1779 г. в эти места были переселены крымские греки, в 1778 г. расположенные в междуречье Самары и Волчьей. Их планируемый центр — Мариенполь — был перенесен на берег Азовского моря и получил название Мариуполь, а Павлоград был перенесен на место Мариенполя, возле впадения речки Соленої в Волчью. Наконец, в 1784 г. название Павлоград получила казенная воинская слобода Луганская (находившаяся на реке Волчья, неподалеку от ее впадения в Самару), и Павлоград окончательно утвердился на том месте, где он находится и поныне, а старый Павлоград получил наименование село Павловка (Новопавловка)³⁸.

Название Славяносербский уезд возникло еще в 1806 г. Однако место для уездного города с таким названием нашлось лишь в 1817 г. Славяносербском был назван город Донецк, который существовал с 1784 г. на месте села Подгорного³⁹.

Такая ситуация как раз и поясняется доминирующей административной функцией в деле возникновения этих городов. Их появление было вызвано управлеченческой целесообразностью и необходимостью контролировать территорию края. Изменение планов развития региона влияло и на границы уездов, что, в свою оче-

редь, вызывало поиск новых, более приспособленных для исполнения данной функции мест.

К группе военных городов принадлежат: Бахмут, Елисаветград, Александровск, Тирасполь. Как пишет В. И. Тимофеенко, «своим зарождением они были обязаны крепостям и оборонительным линиям, которые даже после указов об их упразднении еще долгие годы существовали, влияя и на планировочную организацию, и на характер расселения»⁴⁰. Необходимо отметить, что Александрия и Новомосковск также возникли в непосредственной близости от укреплений (Старосамарский и Новобогородицкий ретрашементы, Березовский и Бечийский шанцы, Крыловская крепость). Однако на момент возникновения эти укрепления уже давно утратили свое оборонительное значение. В то же время в случае Бахмута и Елисаветграда их оборонительная функция доминировала долгое время, фактически от основания крепости (Бахмут — 1703 г., Елисаветинская крепость — 1754 г.) до Кучук-Кайнарджийского мира. Александровская крепость, построенная в 1776 г. как фортификационное сооружение Новой Днепровской линии, в связи с быстрым продвижением Российской империи на юг и присоединением Крыма в 1783 г. выполняла свои функции недолго, но все-таки на момент основания уездного города имела какое-то военное значение. Тираспольская крепость возникла после заключения Яссского мира 1791 г. и была одним из укреплений Днестровской линии. Как приграничная крепость она сохраняла свое значение вплоть до присоединения Бессарабии в 1812 г.

Таким образом, на момент основания главной функцией этих населенных пунктов была оборонительная, административная появлялась позднее, по мере утраты военного значения и положения приграничного города. На протяжении последней четверти XVIII — начала XIX ст. именно административная функция стала доминирующей сначала для Бахмута, а затем и Александровска с Тирасполем. Елисаветград в период с 1828 по 1865 г. утратил статус уездного города в связи с созданием военных поселений и был местом нахождения управления Новороссийского Военного поселения и корпусной квартиры 2-го резервного кавалерийского корпуса⁴¹.

Город Мариуполь на момент своего возникновения значился уездным центром. Однако, как отмечает В. И. Тимофеенко, «из-за этнической обособленности греков, их стремления сохранить даворованные им привилегии ряд уездных учреждений размещался вне Мариуполя»⁴². Фактически центром Мариупольского уезда был го-

род Токмак, в котором находились административные учреждения. Именно это, а также утрата уездного статуса Мариуполем в 1802 г. (возвращен в 1874 г.) и особенности приморского города-порта, дает нам право отнести Мариуполь по характеру возникновения к торговым городам.

Припортовым городом был Бердянск. В 1827 г. на месте ногайского аула Котур-Оглу было создано поселение Берды, которое в 1836 г. стало портом⁴³. В 1841 г. Берды стало городом Бердянском, а в 1842 г. — центром Бердянского уезда⁴⁴. Составители «Военно-статистического обозрения» отметили, что Бердянск, как и прочие города Таврической губернии, «обязан своим существованием единственно учреждению в них присутственных мест»⁴⁵. То есть по типологии возникновения должен быть отнесен к административным городам.

От типологии возникновения перейдем к функциональной структуре уездных городов Новороссии. Б. Н. Миронов в своей книге «Социальная история России периода империи» выделял административную и военную, аграрную, торговую и промышленную функции. В административно-военном городе большая часть населения занята на административной и военной службе, в аграрном городе — в сельском хозяйстве, в торговом — в торговле, в промышленном — в промышленности. В городе смешанного типа господствующая функция отсутствует, ибо население более-менее равномерно распределяется между разными сферами материального производства и непроизводственных отраслей⁴⁶.

Основным типом городского поселения Российской империи до середины XIX в. был аграрный город. Однако аграрный город все-таки отличался от села, поскольку исполнял хотя бы одну типично городскую функцию — административную. Большинство аграрных городов были уездными либо даже губернскими центрами. Многие помимо административной выполняли еще и торговую функцию, были центрами ярмарочной, базарной либо стационарной торговли. Иногда в них размещалась и мелкая, в основном перерабатывающая промышленность⁴⁷.

Такая картина полностью соответствует функциональной структуре уездных городов Новороссии конца XVIII — середины XIX ст. Все они уже по статусу уездных городов выполняли административную функцию. Приграничный Тирасполь до 1812 г. также можно отнести к военным городам. Однако основная масса их населения не была занята ни в административной, ни в военной сферах. Это отме-

чает типичное описание одного из новороссийских уездных городов конца XVIII в.: «Сего города большая часть разного звания казенного ведомства людей, которые в особо отмежеванной им даче занимаются хлебопашеством и промышленным скотоводством. Женщины сверх полевой работы упражняются в рукоделиях...»⁴⁸. Все уездные города Новороссии с момента своего основания и до середины XIX в. были аграрными поселениями. Однако в их среде существовали различия, дающие нам возможность разделить их на три типа.

Первый: аграрные города с небольшим числом мелких кустарных производств и мелкой же ярмарочно-базарной торговлей (Александровск, Александрия, Ананьев, Бобринец, Верхнеднепровск, Павлоград, Славяносербск, Тирасполь). Вот их типичное описание: «Александровск. В продолжении уже 30 лет существования своего не сделал еще никаких успехов ни в своем населении, ни в устройстве»⁴⁹. «Александрия. Торговля города самая незначительная, большая часть жителей занимается хлебопашеством и скотоводством»⁵⁰. «Ананьев. Мелочных лавок 10, заводов три: кирпичный, салотопенный и свечной. Торговля города самая незначительная, она заключается в продаже разных бакалейных товаров»⁵¹. «Бобринец. Торговля незначительна; большая часть жителей занимается хлебопашеством. Имеется кирпичный завод»⁵². «Верхнеднепровск. Город находится весьма в бедном состоянии; на 4 ярмарках обороты не превышают 15000 рублей серебром»⁵³. «Павлоград. В городе находится 4 салотопенных завода, на которых вытапливается ежегодно сала на сумму до 26000 рублей серебром. Обороты на трех ярмарках, Благовещенской, Троицкой и Покровской, простираются на сумму до 37000 рублей серебром. Торговлю город производит преимущественно скотом, значительное количество которого закупается здесь для отправки в С. Петербург»⁵⁴. «Славяносербск расположен на местности, непригодной для торговли и промыслов... Промышленность Славяносербска ничтожная. В год бывает здесь три ярмарки, на которых обороты простираются до 47000 рублей серебром»⁵⁵. «Тирасполь. Лавок 16, заводов салотопных 4, свечных 4 и шерстобитный 1. Торговля города самая незначительная красивыми и бакалейными товарами. Главнейшие же промыслы жителей составляют овцеводство, садоводство и виноделие»⁵⁶.

Города Таврической губернии, в том числе и новосозданные Бердянск и Мелитополь, с точки зрения составителей «Военно-статистического обозрения» 1849 г., «не имеют почти никакого торгового или промышленного значения, и никакой военной важности,

а обязаны своим существованием единственно учреждению в них присутственных мест»⁵⁷. Тем не менее, как утверждал справочник «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», уже во второй половине XIX ст. Бердянск быстро занял место третьего по значению (после Ростова и Таганрога) порта Азовского моря, утраченное им лишь «вследствие развития Мариуполя»⁵⁸. Очень быстро в крупный торговый центр превратился и Мелитополь⁵⁹.

Вторая группа — это аграрные города с достаточно развитой кустарной промышленностью и торговлей (Бахмут, Мариуполь, Новомосковск). «Военно-статистическое обозрение Екатеринославской губернии» 1850 г. описывает их так: «Бахмут лучше остальных городов губернии, имеет 2 улицы хорошо уже отстроенные. На городской площади строится довольно большой каменный двор. Находясь на выгодном пункте соединения дорог из Харькова, Ростова и Екатеринослава, город этот с каждым годом улучшается. В Бахмуте находится 8 салотопенных заводов, на которых вытапливается сала на сумму до 25000 руб. сер.; торговля города заключается в продаже хлеба, скота и сала. На 3 ярмарках, Петровской (29 июня), Рождество-Богородецкой (8 сентября) и Средопосной, обороты простираются на сумму до 600000 руб. сер.»⁶⁰. «Мариуполь. Мануфактурная промышленность города весьма незначительна: на двух макаронных фабриках, 4 кирпичных, 4 черепичных и 2 известковых заводах обороты не превышают 15 [тыс.] руб. серебр. Г. Мариуполь ведет значительную внешнюю торговлю, простирающуюся на сумму до миллиона руб. ассигнац. По внутренней торговле город замечателен отпуском рыбы в Малороссию и в Польшу. На Покровскую (1 октября) ярмарку привозится ежегодно товаров на сумму до 50 тыс. руб. серебр.»⁶¹. «Новомосковск. Два почтовые тракта и выгоды транспортных дорог, проходящих через город из Малороссии в Крым и из Харькова в Екатеринослав, содействуют к лучшему состоянию его против других городов губернии; торговля города незначительна и ограничивается сбытом жизненных припасов и тех произведений, какие получаются из собственных заводов, которых считается всего 13: воскобойных 2, свечной 1, салотопенных 3, мыловаренный 1, kleеваренный 1 и кожевенных 5. Обработка на заводах простирается на сумму до 40000 рублей серебром. В течение года в городе бывают три ярмарки: Среднепостная, Преображенская (6 августа) и Воззвиженская (14 сентября); на первых двух производится большой сбыт рогатого скота и лошадей. Обороты на ярмарках простираются до 100000 рублей серебром»⁶².

Отдельное место занимает город Елисаветград. Это прежде всего военный центр (Новороссийское военное поселение), и именно это, скорее всего, благоприятствовало бурному развитию промышленности и торговли.

«Елисаветград. Лавок 178, заводов: салотопенных 13, свечных 4, мыловаренных 4, кирпичных 6, черепичных 2, кожевенных 6 и пивоваренных 1. Главный предмет местной торговли состоит в про- даже мануфактурных и бакалейных товаров, многие купцы торгу- ют рогатым скотом, который отправляют гуртами в С. Петербург, Царство Польское и Севастополь для флота; некоторые торгуют са- лом, которое отправляют в Одессу, также хлебом и льняным семе- нем. Развитию торговли много способствуют существующие в горо- де четыре ярмарки... Ремесленная деятельность довольно развита... можно найти хороших мебельных мастеров и каретников, а также слесарей, кузнецов, портных и сапожников...»⁶³

Однако Елисаветград был скорее исключением на общем фоне новороссийских уездных городов. Еще более развитым в тор- гово-промышленном отношении выглядел уездный город Ека- теринославской губернии Ростов-на-Дону, по основным показателям, включая и численность населения, значительно превосходивший даже губернский центр. Но Ростов с уездом и Таганрогским градоначаль- ством в 1887 г. вышел из состава Екатеринославской губернии.

Основная же часть уездных городов Новороссии до середины XIX ст. по своей функциональной структуре мало отличалась от сел. Составители «Военно-статистического обозрения», рассказывая о мещанах Херсонской губернии, утверждали: «Самая малая часть из них занимается ремеслами и мелочною торговлею. А самая значи- тельная — хлебопашеством. Многие мещане живут по хуторам на городских землях и на помещичьих дачах в недальнем расстоянии от городов; некоторые занимаются огородничеством, немногие пче- ловодством и разведением садов. Мещане-земледельцы ничем не от- личаются от казенных крестьян»⁶⁴.

Приблизительно ту же картину рисует и описание мещанского сословия Екатеринославской губернии: «По неразвитости городской жизни в описываемой нами губернии, сословие мещан и малочис- ленно, и невежественно... здешние уездные города сделались бы со- вершенными деревнями, если бы их не оживляли несколько евреи своею постоянной деятельностью... Мещане здешние могут быть причислены к бедному классу народонаселения. Дома их почти не отличаются от крестьянских, одежда и пища тоже...»⁶⁵.

С учетом того, что сословие мещан не составляло большинства населения городов Новороссии, так как не менее половины проживавших в городах жителей относились к крестьянскому сословию, становится яснее общий вид уездного города. Это, по сути, большое село, «регулярно» распланированное (что является одним из признаков его городского статуса) по высочайше утвержденному плану, с находящимися в центре уездными административными учреждениями. Основную массу его населения составляли казенные крестьяне и мещане, занимавшиеся преимущественно сельским хозяйством. В городе было расположено несколько мелких кустарных производств, чаще всего по переработке сельскохозяйственного сырья. Для населения окрестных сел уездный город являлся торговым центром. В нем регулярно работал базар и несколько раз в году проводились ярмарки.

Таким образом, мы можем констатировать, что практически все уездные города Новороссии, кроме Елисаветграда, до середины XIX ст. представляли собой аграрно-торговые города, причем со значительно преобладающей аграрной функцией. Елисаветград был наиболее развитым в экономическом отношении уездным центром и являл собою тип торгово-ремесленного города.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Бойко А. В. Південна Україна останньої чверті XVIII століття. Аналіз джерел.* Київ, 2000.
- 2 *Кавун М. Е. Походження та рання історія міста Катеринослава.* Автореф. дис... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2003; *Он же. Урбанізація Причорномор'я та Дніпровського Надпівдення: ретроспективний погляд в контексті методологічного плюралізму світової урбаністики // Історія і культура Придніпров'я. Невідомі та маловідомі сторінки.* Дніпропетровськ, 2006. Вип. 3. С. 23–32.
- 3 *Константінова В. М. Джерела з соціально-економічної історії міст Південної України останньої чверті XVIII — 1853 р.* Автореф. дис... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2004; *Она же. Огляд джерел з історії міст Південної України останньої чверті XVIII — середини XIX століття у вітчизняних архівосховищах // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX століття.* Запоріжжя, 2003. Вип. 7. С. 303–306.

- 4 *Деуреченська О. С.* Органи міського самоврядування Катеринослава: формування, структура та напрями діяльності (кінець XVIII — початок ХХ ст.). Автореф. дис... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2007.
- 5 *Діанова Н. М.* Формування населення міст Південної України у дореформений період (кінець XVIII ст. — 1861 р.): Автореф. дис... канд. іст. наук. Одеса, 2003.
- 6 *Марченко О. М.* Міське самоврядування на Півдні України у другій половині XIX ст. Автореф. дис... канд. іст. наук. Одеса, 1997.
- 7 *Надібська С. Б.* Соціально-економічний розвиток міст Південної України в 1861—1900 рр. (за матеріалами Херсонської та Катеринославської губерній). Автореф. дис... канд. іст. наук. Одеса, 2005.
- 8 *Портнова Т.* Міське середовище і модернізація: Катеринослав середини XIX — початку ХХ ст. Дніпропетровськ, 2008.
- 9 *Цибуленко Л. О.* Діяльність органів самоврядування Одеси, Миколаєва, Херсона щодо формування і розвитку муніципальної земельної та виробничої власності в кінці XIX — на початку ХХ століття. Автореф. дис... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2001.
- 10 *Черемісін О. В.* Діяльність органів міського громадського управління Херсона, Миколаєва, Одеси в 1785—1870 рр. Автореф. дис... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2006.
- 11 Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. Т. 11. Ч. 4. Екатеринославская губерния / По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Генерального Штаба штабс-капитан Драчевский. 186 с.; 9 табл.
- 12 Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 11. Ч. 2. Таврическая губерния / По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Генерального Штаба подполковник Герсиванов. 225 с.; 50 с.; 12 табл.
- 13 Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 11. Ч. 1. Херсонская губерния / По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Генерального Штаба капитан Рогалев и штабс-капитаны Фон Витте и Пестов. 229 с.; 85 с.; 15 табл.
- 14 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба: Екатеринославская губерния / Составил Генерального Штаба капитан В. Павлович. СПб., 1862. 351 с.
- 15 Описание города Павлограда // РГАДА. Ф. 1355. Д. 385. Л. 21—23.
- 16 *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX века (1719—1858). М., 1976. С. 55—64.

- 17 Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Київ, 1972. Т. Херсонська область. С. 647.
- 18 *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии... С. 68.
- 19 Історія міст і сіл Української РСР. Київ, 1970. Т. Запорізька область. С. 115.
- 20 *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии... С. 68.
- 21 Історія міст і сіл Української РСР. Київ, 1969. Т. Дніпропетровська область. С. 172.
- 22 Там же. Т. Запорізька область. С. 413.
- 23 Там же. Т. Херсонська область. С. 525.
- 24 *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии... С. 67.
- 25 Історія міст і сіл Української РСР. Київ, 1968. Т. Луганська область. С. 791.
- 26 *Тимофеенко В. И.* Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев, 1984. С. 32–33.
- 27 Історія міст і сіл Української РСР. Київ, 1972. Т. Кіровоградська область. С. 600.
- 28 Там же. Т. Херсонська область. С. 574.
- 29 Там же. Київ, 1969. Т. Одеська область. С. 139.
- 30 Там же. Т. Дніпропетровська область. С. 172.
- 31 Там же. С. 481.
- 32 Там же. Т. Херсонська область. С. 525–526.
- 33 *Бушин В. С.* Нариси з історії Павлограда: До 220-річчя міста. Дніпропетровськ, 2004. С. 67.
- 34 Історія міст і сіл Української РСР. Т. Луганська область. С. 791.
- 35 *Тимофеенко В. И.* Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. С. 84–86.
- 36 Материалы для географии и статистики России... Екатеринославская губерния. С. 307.
- 37 *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии... С. 67.
- 38 *Бушин В. С.* Нариси з історії Павлограда... С. 58–67.
- 39 Історія міст і сіл Української РСР. Т. Луганська область. С. 791.
- 40 *Тимофеенко В. И.* Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. С. 33.
- 41 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Херсонская губерния. С. 214.
- 42 *Тимофеенко В. И.* Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. С. 103.
- 43 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / Под ред. В. П. Семенова (Тян-Шанского)

- и под общим руководством П. П. Семенова (Тян-Шанского) и В. И. Ламанского. СПб., 1910. Т. 14. Новороссия и Крым / Сост. Б. Т. Карпов, П. А. Федулов, В. М. Карапыгин, В. В. Алексеев, В. В. Морчевский, А. Н. Улисов, М. С. Семенов. С. 675.
- 44 Исторія міст і сіл Української РСР. Т. Запорізька область. С. 115.
- 45 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Таврическая губерния. С. 213.
- 46 Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т. 1. С. 299.
- 47 Там же.
- 48 Описание города Павлограда // РГАДА. Ф. 1355. Д. 385. Л. 21.
- 49 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Екатеринославская губерния. С. 167.
- 50 Там же. Херсонская губерния. С. 223.
- 51 Там же. С. 229.
- 52 Там же.
- 53 Там же. Екатеринославская губерния. С. 166.
- 54 Там же.
- 55 Там же. С. 167.
- 56 Там же. Херсонская губерния. С. 229.
- 57 Там же. Таврическая губерния. С. 213.
- 58 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества... С. 675.
- 59 Исторія міст і сіл Української РСР. Т. Запорізька область. С. 414.
- 60 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Екатеринославская губерния. С. 164.
- 61 Там же. С. 163.
- 62 Там же. С. 165.
- 63 Там же. Херсонская губерния. С. 212.
- 64 Там же. С. 99.
- 65 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Екатеринославская губерния. С. 262–263.

Bushin V. S.

Typology of Provincial Towns of Novorossiya of the Last Quarter
of the 18th — the Middle of the 19th cent.

The article performs a review of problems of appearance and functional typology of provincial towns of the Ekaterinoslav, Kherson Regions and the northern part of the Tauride Region.

Key words: *Novorossiya, provincial town, administrative centers, military town, trade town, agrarian town.*

Л. П. Лаптева
(Москва)

Университетское славяноведение в России за первое столетие его существования (1835–1935)

В статье рассматриваются три этапа развития отечественного университетского славяноведения за первые сто лет его истории.

Ключевые слова: *университеты России, история славяноведения*.

Научное славяноведение, под которым понимается изучение славян на основании критического использования всех доступных источников и другие задачи, в России можно датировать началом XIX в. До этого времени были знания о славянах, причем весьма ограниченные и односторонние, теоретическое осмысление и обобщение этих знаний отсутствовало. Первым этапом развития нашей науки можно назвать период с начала XIX в. и до 1840-х гг. В это время проходило пополнение знаний, а в некоторых областях, главным образом в филологии и языкоznании, появляются первые научные труды. К 1811 г. относится первая попытка создания в Московском университете славистической кафедры, которой предписывалось познакомить учащихся со всеми славянскими книгами, с соотношением российского языка и славянского. Под «славянским» понимался язык церковнославянский, а изучение языков южных и западных славян даже не намечалось. Но кафедра не оправдала возложенных на нее задач и была упразднена. Фактически университетское славяноведение в России началось в 40-х гг. XIX в. Новый университетский устав, утвержденный 26 июля 1835 г., вводил в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах предмет «История и литература славянских наречий». Для подготовки кандидатов на замещение соответствующих кафедр было решено командировать четырех молодых ученых за границу, где они познакомились бы с состоянием славяноведения в европейских странах, с живыми славянскими языками, с литературой, историей, памятниками письменности и культуры и т. д.

Важнейшим научным центром России являлся Московский университет. От него был послан на обучение за границу О. М. Бодянский. Но функционирование кафедры истории и литературы славянских

наречий началось уже в 1836 г., где профессором был назначен Михаил Трофимович Каченовский. Он относился к числу лучших в России знатоков славянства, долгое время был редактором и издателем главного печатного органа в России до конца 1820-х гг. — «Вестника Европы», где публиковались сведения о славянах. Вообще Каченовский был человеком весьма образованным, знатоком древних и новых языков и иностранных литератур. Кроме того, он публиковал и собственные работы о славянах. Лекции Каченовского по славянским наречиям основывались на современной литературе, были компилятивны и содержали основные сведения его времени о славянских языках и литературах, почерпнутые из трудов многих ученых. Но большинство студентов лекциями были недовольны ввиду скучной, наводящей сон манеры их чтения профессором. Ф. И. Буслаев вспоминал: «Каченовский читал нам на 4-м курсе вместе с 3-м историю литературы славянских наречий по немецкому учебнику Шафарика. Всякий раз он приносил с собой шафариков учебник, разлагал его на кафедре и старческим дряблым голосом, с передышкою, подстrelloно переводил немецкую речь на русские слова... Монотонность такого чтения с неизбежными паузами наводила на нас томительную скуку и тем более потому, что нам самим хорошо была знакома эта немецкая книга. Но мы терпели, потому что Каченовский отличался строгостью. Нам ничего не оставалось делать, как приходить на лекцию, сидеть смирно и для развлечения каждому читать свою книгу». Следует отметить, что воспоминания Буслаева о студенческих временах требуют определенных уточнений. Во-первых, студенты действительно не любили «усыпительных чтений». Их привлекает яркая, артистическая речь с легким содержанием, импровизация с элементами забавности. Во-вторых, Буслаев писал свои воспоминания 50 лет спустя, и не исключено, что он спутал впечатление от лекций Каченовского с поведением студентов на его собственных лекциях. В-третьих, работа Шафарика во все не является учебником — это обзор литературы, и едва ли она имелась в России в таком количестве, что каждый студент ее прочитал. И главное, Каченовским в основу лекций были положены труды Добровского, а не Шафарика, так как он основное внимание уделял характеристике славянских языков. Что же касается славянских литератур, то у Каченовского было гораздо больше материала по этой проблематике, чем у Шафарика.

После М. Т. Каченовского кафедру истории и литературы славянских наречий занял возвратившийся из-за границы О. М. Бодянский.

Именно в период его деятельности и благодаря ему Московский университет стал главным центром научного славяноведения в России. Бодянский читал лекции по истории развития славянских языков и преподавал эти языки практически, читал литературы славянских наречий, историю Чехии, Польши и южных славян. По этим предметам он проводил нечто вроде практических занятий и своим педагогическим трудом сумел создать целую школу славистов. У него обучение проходили такие впоследствии крупные ученые, как А. Ф. Гильфердинг, Е. П. Новиков, А. А. Котляревский, П. А. Кулаковский и многие другие, выработавшие своей будущей научной деятельностью славянофильскую концепцию славянской истории. Научная работа самого О. М. Бодянского тоже внесла вклад в развитие славяноведения. Он был также создателем первого научного журнала в России — «Чтений ОИДР», явившегося главным печатным органом, где публиковались источники о славянах и исследования русских и иностранных славистов. О. М. Бодянский проработал в Московском университете в качестве руководителя славистической кафедры до 1868 г., то есть весь первый период развития научного славяноведения в российских университетах. Он был пионером преподавания славистических дисциплин, выполнил профессиональную задачу, возложенную на него эпохой, поставил преподавание славистических дисциплин на научную основу, воспитал целую плеяду славистов, которые каждый по-своему продолжали изучение различных аспектов жизни и творческой деятельности славянских народов.

В других университетах славяноведение в дореформенный период развивалось не столь успешно. В Петербургском университете первым преподавателем по кафедре истории и литературы славянских наречий был П. И. Прейс. Одаренный и высокообразованный Прейс не уступал по своему научному уровню таким корифеям славистики, как Добровский, Востоков, Копитар и Шафарик. Во время своего заграничного путешествия он полемизировал с немецким славистом Боппом, указав ему на неточности и ошибки в его сочинениях по славянским языкам, внес коррективы в труд Шафарика «Славянские древности» и пр. Сам же Прейс опубликовал лишь небольшие статьи о славянских языках, в которых, однако, содержалось такое число новаторских идей, что работы эти долгое время оставались научно актуальными. Но Прейс рано умер и не успел создать школу своих последователей. Научное славяноведение стало в Петербургском университете развиваться в период работы там И. И. Срезневского.

И. И. Срезневский был командирован за границу от Харьковского университета. Однако, возвратившись в Россию, он не встретил достойного внимания к его предмету со стороны как власть предержащих, так и общества. Планы, зародившиеся у Срезневского во время его заграничного путешествия, оказались неосуществимы в условиях России, в частности Харькова, научная работа не могла реализоваться в той мере, которая отвешала бы накопленным им знаниям и материалам. После смерти Прейса Срезневский переместился в Петербургский университет, где и развил хорошо известную славистическую деятельность. В Харьковском университете кафедра истории литературы славянских наречий была вакантной до 1858 г., пока Срезневский не подготовил нового слависта в лице П. А. Лавровского.

Еще более скромные результаты в распространении славистических знаний были у посланца Казанского университета, направленного для подготовки в славянские страны, В. И. Григоровича. По возвращении в Казань он стал продолжать лекции по славянским языкам и литературам, которые преподавал до поездки. Как известно, Григорович в результате путешествий по славянским странам стал обладателем уникальных памятников славянской письменности. Однако исследования и публикация этих памятников ему не удавались. Казанский университет не имел соответствующей полиграфической базы, кроме того, церковная цензура, более консервативная, чем светская, не допускала к публикации тексты житий и других памятников, которые православная церковь считала неканоническими. До 1860-х гг. Григорович опубликовал лишь малое число своих работ. В педагогическом отношении Григорович должен был довольствоваться весьма скромными результатами. В Казанском университете, самом восточном в России по географическому расположению, интерес к славянам был минимальным. Среди его учеников наиболее известным славистом был М. П. Петровский. Но вообще Григорович являлся одним из создателей русской науки о славянах, крупнейшим ученым и первым славистом Казанского университета.

Таким образом, до 60-х гг. XIX в., то есть на своем первом этапе, наука о славянах развивалась динамично, достаточно высокими темпами и прошла за 60 лет огромный путь от накопления первоначальных знаний о славянах до научного исследования их языка, этнографии, литературы, истории и в целом духовной жизни. С активацией работы университетских славистических кафедр славяноведение в России перешло в новое качество. Закончился процесс сбора сведе-

ний о славянах, началось систематическое исследование различных проблем славянской истории и духовной жизни. Деятельность первых русских славистов создала фундамент для работы следующего поколения, которое в новых исторических условиях вывело русское славяноведение на более высокий уровень и окончательно преобразовало славистику в научную отрасль знаний.

С 1860-х гг. общественно-политические условия в России сильно изменились. Было отменено крепостное право, прошли реформы во многих областях жизни, ослабли цензурные ограничения, появилось большое число периодических изданий. Реформы коснулись и системы образования и просвещения. Уставом российских университетов 1863 г. расширялись их права, создавались новые кафедры, среди которых была учреждена кафедра славянского права. Открылись новые университеты. К перечисленным выше добавились Новороссийский, открытый в Одессе в 1865 г., и Варшавский (в 1869 г.). Во всех университетах (кроме Дерптского) существовали кафедры славянской филологии. Все университеты обрели возможность иметь свои печатные органы. Возникли специальные журналы. Устав 1863 г. разрешил создавать научные общества, которые появились во всех университетах. И хотя славяноведение продолжало оставаться университетской наукой, то есть основные кадры ученых-славистов составляли профессора университетов, славяноведением интересовались и лица не связанные с преподаванием — чиновники, дипломаты, представители различных профессий, работавшие в славянских странах. Наряду с университетами, местами преподавания славяноведческих дисциплин стали и другие учреждения. Появились культурные, благотворительные и просветительные организации. Все эти факторы расширяли интерес к славянству и стимулировали его изучение. И на этом этапе развития славяноведения центром его изучения продолжал оставаться Московский университет. Здесь начало второго этапа развития нашей науки совпало со сменой поколений.

После Бодянского славистическую кафедру занял А. Л. Дювернуа — лингвист, славист нового направления, сторонник сравнительного метода языковых исследований. Он по-новому организовал преподавание славянских языков и своими лингвистическими трудами внес весомый вклад в развитие славянского языкознания. К Московскому университету имел прямое отношение один из крупнейших славистов XIX в. А. Ф. Гильфердинг — создатель славяно-фильской концепции истории зарубежных славян. Особенностью преподавания славистических дисциплин в пореформенный период

было выделение истории славян и чтение лекций по этому предмету специалистом-историком. Первым таким профессором в Московском университете был один из крупнейших русских славистов Н. А. Попов. В пореформенный период в московском университете были созданы новые ученые общества, игравшие большую роль в публикации исследований и источников в своих изданиях. Они были средоточием научной жизни Москвы. Наряду с историей славян в Московском университете стало намечаться выделение таких предметов, как славянская археология и этнография. Изменился метод подготовки профессорского состава: каждый приготовлявшийся к профессорскому званию проходил подготовку в заграничных университетах.

В пореформенный период произошла смена поколений профессорского состава. Новые кадры уже освободились от романтического взгляда на славян, присущего первому поколению славистов. Однако в области истории в Московском университете до 90-х гг. XIX в. преобладала славянофильская концепция. Новая, позитивистская методология еще с трудом пробивала себе путь. Эта методология нашла себе ярких представителей в Петербургском университете, который был вторым центром развития славяноведения в пореформенной России. В отличие от Москвы, Петербург был средоточием западничества. Для идейной атмосферы значительной части петербургского общества было характерно индифферентное отношение к славянству. Преподавание славистических дисциплин в Петербургском университете в пореформенный период осуществлялось двумя знаменитыми учеными — Срезневским и Ламанским.

Первый в политическом отношении был неустойчив: в молодости ярый сторонник славянской взаимности и демократии, в петербургский период — верноподданный самодержавного порядка в России с чертами русского национализма. Впрочем, такая эволюция взглядов Срезневского не повлияла на качество его научных трудов. Срезневский занимался филологическими проблемами — изучал древние памятники славянского языка, создал словарь. Как известно, при занятии языкovedческими проблемами политический консерватизм мало влияет на научные выводы. Но это обстоятельство имело значение для слушателей Срезневского в университетской аудитории. Несмотря на то, что обучение у него проходили многие будущие деятели науки, литературы, общественной мысли, у профессора не было последователей, т. е. того, что можно назвать научной школой. Более того, многие из его бывших слушателей выступали с критикой его общественной деятельности либо научных взглядов.

Школу славистов в Петербургском университете создал В. И. Ламанский, который одновременно выступал и как исследователь славянских языков и литератур, как археолог, публицист и историк. В отличие от Срезневского, Ламанский всю жизнь демонстрировал свою приверженность славянофильству, но не в смысле доктрины московского славянофильства, выработанной известными классиками 40–50-х гг. XIX в., а в духе широко понятого, гуманного и демократического учения, призывавшего к равенству славян во всех сферах, но под покровительством России как единственной защитницы их национальной самобытности и существования. В этом духе Ламанский писал свои теоретические работы, с этих позиций выступал и в своих многочисленных научных и публицистических трудах. Широта научного и политического кругозора и в тоже время верность основам своего мировоззрения привлекали к Ламанскому — профессору и человеку людей, получавших у него образование по славистическим дисциплинам. К концу XIX и началу XX в. славистические кафедры российских университетов занимали в основном ученики Ламанского. При этом среди них были языковеды нового направления в изучении языка вообще и славянских в частности, историки-позитивисты и ярые противники славянофильства, историки права, не разделявшие взгляда своего учителя на исторический процесс. «Школа» Ламанского была также разнообразна по политическим убеждениям. Широкий взгляд на мироздание вообще и на славянство и его отношение к России в частности, энциклопедическая ученость, научная смелость, огромная энергия оказывали большое влияние на молодое поколение, на состояние славяноведения в Петербургском университете и на общественную жизнь в российской столице. Благодаря активной научной и педагогической деятельности Ламанского славяноведение стало делом жизни не только его учеников, но и таких ученых, как Ю. С. Анненков, В. Э. Регель, П. А. Сырку, И. С. Пальмов и др. Кроме Ламанского и его учеников, в Петербурге на развитие славяноведения имели большое влияние литературная и научная деятельность А. Н. Пыпина, профессора всеобщей истории Н. И. Кареева, представителей внеуниверситетской среды, деятельность сотрудников Академии наук, особенно его Отделения русского языка и словесности, редакторов и сотрудников многочисленных журналов, а также членов научных обществ и т. д. Все эти факторы повлияли на то, что центр изучения славян постепенно перемещался из Москвы в Санкт-Петербург, и здесь создавалась богатая научная

база в виде трудов славистов всех отраслей и при этом прогрессивного направления.

Важную роль в развитии славяноведения в пореформенный период играл Варшавский университет. Это учебное заведение функционировало на основе особого устава, учебный процесс предусматривал замещение всех кафедр при больших штатах, чем университеты в России. Свообразные условия работы в Варшавском университете были причиной частой смены личного состава. Специфика была в том, что русский Варшавский университет функционировал в атмосфере недоброжелательства, которое проявлялось со стороны общества в изоляции русских, в бойкотах лекций польскими студентами и т. п. Поэтому все мало-мальски свободомыслящие и творчески работающие ученые-профессора, проработав некоторое время в Варшавском университете, старались уехать в Россию, как только представлялась возможность занять место в других университетах. Так, в Варшаве некоторое время работали Н. И. Кареев, Д. Н. Петрушевский, А. Л. Погодин и многие другие, потом перешедшие в университеты центральной России. Лишь полуполяки по рождению, хотя и подданные Российской империи, связывали свою судьбу с Варшавским университетом до конца своей службы или существования университета. К таким относились, например, В. В. Макушев и В. А. Францев. Кроме того, в Варшавском университете работали иностранцы, ставшие подданными России. К таковым относятся И. И. Первольф, Ф. Иезбера, Ф. Ф. Зигель и др. Удаленные от политических страстей в центральной России, имевшие возможность более свободно общаться с заграницей и другие привилегии, небольшую занятость в учебном процессе в связи с малым количеством студентов, профессора историко-филологического факультета Варшавского университета активно занимались научной работой. Большой вклад в разработку истории южных славян внес В. В. Макушев. Крупнейшим филологом — знатоком славянских литератур, источников по истории славяноведения и межславянских культурных связей являлся В. А. Францев. Единственный в России историк славянского права Ф. Ф. Зигель своими трудами приобрел европейскую известность. Значительную роль в развитии славяноведения сыграл К. Я. Гrot. Чех И. И. Первольф обогатил нашу историческую науку трехтомным трудом о славянской взаимности. В начале XX в. в Варшавском университете работал известный славист А. Л. Погодин, который, так же как и в конце XIX в. Н. И. Кареев, написал ряд ценных сочинений по истории Польши. Наличие большо-

го числа высококвалифицированных славистов создало из варшавской кафедры славянской филологии своеобразный научный центр, куда приезжали для повышения квалификации слависты из других российских университетов, и эти командировки приравнивались к заграничным. Варшавские профессора-слависты обогатили русское славяноведение своими многочисленными трудами в области славянской истории, литературы, языкоznания и других дисциплин.

Весьма солидный вклад в науку о славянах внесли русские ученые Юрьевского университета. Этот немецкий университет в г. Дерпте в последнее десятилетие XIX в. был преобразован в университет с русским языком преподавания, что привело к оттоку из университета немецких профессоров и студентов немецкой национальности, и в то же время замещению освободившихся должностей молодыми образованными кадрами. Кафедры славяноведения, подобной другим университетам, в Юрьевском не существовало. С начала XIX в. здесь функционировала кафедра славистики, сотрудники которой преподавали русский язык в качестве государственного, так как студенчество было представлено остзейскими немцами. В 1860-х гг. профессор А. А. Котляревский читал там курс славянских литератур, преимущественно русской. Кафедра славянской филологии обычного типа появилась лишь после преобразования Дерптского университета в Юрьевский. Среди профессоров этой кафедры видная роль принадлежала Е. В. Петухову, создавшему эпохальные произведения по истории русской литературы и внесшему весомый вклад в изучение славянских памятников письменности и литератур. Выдающейся личностью в области изучения славянской истории, преимущественно средневековой чешской, являлся А. Н. Ясинский, профессор кафедры всеобщей истории Средних веков. Его известность и значение трудов по истории Чехии и чешско-немецких отношений далеко вышли за границы русского славяноведения. Третийм славистом в Юрьевском университете был историк М. В. Бречкевич, изучавший историю балтийских славян, работами о которых открыл новую страницу в русском историческом славяноведении. Отметим, что все упомянутые ученые Юрьевского университета являлись представителями новых, прогрессивных подходов к изучению исторических и культурных процессов, соответствующих современной им науке. В целом следует констатировать, что в Варшавском и Юрьевском университетах, благодаря их специальному характеру, славяноведение развивалось в прогрессивном направлении с точки зрения методов исследования и оценки исторического процесса.

Однако и уже устаревшие к концу XIX в. славянофильские концепции еще имели место. В этом отношении характерными представляются труды К. Я. Грота — профессора Варшавского университета.

Преподавателем нового типа, еще довольно редкого в университетах России до 80-х гг. XIX в., был профессор А. А. Котляревский. Он явился истинным создателем славистической науки в Киевском университете, хотя проработал там всего шесть лет. До Котляревского в университете, созданном в 1833 г. на базе закрытого после польского восстания 1830–1831 гг. Кременецкого лицея, преподавателем кафедры истории и литературы славянских наречий был В. В. Яроцкий, не отличавшийся ни научной активностью, ни оригинальностью преподавания. С приходом Котляревского в 1875 г. и Киевский университет включился в процесс активного изучения славянства. Котляревский придерживался западнической ориентации и своими учеными трудами, посвященными преимущественно славянским древностям, продемонстрировал новое направление в изучении этой сложной для исследователя области науки. После Котляревского в Киевском университете славяноведение развивалось под эгидой профессора Т. Д. Флоринского. Фундаментальные труды Флоринского по средневековой истории южных славян не утратили своей научной ценности и в настоящее время.

В Харьковском университете после переезда первого слависта Срезневского в Санкт-Петербург кафедра славянских наречий долго была вакантной. Восстанавливать интерес к изучению славян выпало на долю П. А. Лавровского. Однако через несколько лет он был назначен ректором образованного в 1869 г. Варшавского университета. После его ухода славистическая кафедра Харьковского университета вновь на несколько лет стала вакантной, и славянские проблемы разрабатывали некоторые представители других кафедр. К ним принадлежал В. К. Надлер, профессор кафедры всеобщей истории. На юридическом факультете критическое направление в изучении истории славян представлял И. М. Собестианский — профессор кафедры русского права. В магистерской диссертации он выступил с критикой авторитетов, в том числе чешского ученого П. Й. Шафарика, но вызвал негодование и протесты своих современников, особенно консервативной части харьковской профессуры, в частности, В. К. Надлера, Д. И. Багалея и др. Полемика по поводу книги Собестианского показывает невысокий уровень науки о славянах в Харьковском университете к концу XIX в. В 1873 г. кафедру славянских наречий занял М. С. Дринов, болгарин по происхожде-

нию, получивший образование в России. Дринов занимал относительно прогрессивную позицию в освещении славянской истории, которой преимущественно и занимался. Но Дринов также активно интересовался делами в Болгарии, часто отлучался из Харькова, и поднять уровень изучения славян ему не удалось. Расцвет славистических исследований в Харьковском университете, на наш взгляд, относится ко второму десятилетию XX в., когда кафедру возглавил крупнейший впоследствии лингвист С. М. Кульбакин, историю и литературу славян преподавал талантливый историк А. Л. Погодин, об истории славяноведения в России написал очерк В. П. Бузескул. Однако двое первых эмигрировали после Октябрьской революции, и развитие славяноведения в этом университете (как и в других) прекратилось на два десятилетия.

В Казанском университете, так же как и в Харьковском, не было благоприятных условий для развития славяноведения. Историко-филологический факультет был небольшим по численности, с весьма бедными славистическими изданиями и литературой. Несмотря на то, что до 1863 г. преподавание вел крупнейший ученый-славист В. И. Григорович, он не смог создать здесь научной школы славистов. Единственным славистом в Казанском университете после отставки Григоровича и отъезда его из Казани остался М. П. Петровский. Этот образованнейший и талантливый человек занимался преимущественно переводами произведений славянской литературы на русский язык. Его преподавательская деятельность не отличалась большим успехом, и единственным его учеником стал Н. М. Петровский — его сын, занявший после Петровского-старшего кафедру славянской филологии в Казанском университете. Н. М. Петровский был человеком нового времени и возврений. Он своими трудами поставил Казанский университет в области изучения славяноведения в ряд других провинциальных университетов России.

В Новороссийском университете, учрежденном в 1865 г., первоначально славистические штудии и преподавание осуществлял В. И. Григорович. На лекциях у него было мало слушателей. Курсы лекций по истории славянских литератур и по славянским древностям были основаны на материале, разработанном еще в казанский период. Ученый уже прошел пик своей деятельности. Но для развития славяноведения в Новороссийском университете имел значение тот факт, что Григорович передал в дар университету часть рукописей из своего собрания. После Григоровича, в начале 1870-х гг., к преподаванию славистических дисциплин приступил А. А. Кочубинский,

прослуживший в университете до конца жизни, так что развитие славистики в течение 35 лет связано здесь с именем этого ученого.

Из приведенного материала можно сделать ряд общих выводов. Первый из них говорит о том, что после подготовительного периода славяноведение в России было делом исключительно университетских профессоров. На втором этапе, т. е. пореформенном, славяноведение стало преимущественно университетским, так как с 90-х гг. XIX в. в изучении истории, литературы и всей духовной жизни славян принимают участие другие организации. В первую очередь надо назвать Отделение русского языка и словесности Академии наук, в ведение которого переходит организационная работа, координация и международное сотрудничество в области славистики. ОРЯС издает специализированные органы печати, субсидирует публикацию наиболее важных сочинений, в 1903 г. созывает Предварительный съезд славянских филологов в Санкт-Петербурге, создает специализированные группы, получившие название комиссий, по наиболее важным общеславянским проблемам. В состав комиссий и других образований также входят университетские кадры, хотя в них участвуют и лица, не связанные с преподаванием. Число ученых, занимавшихся славянскими проблемами и участвовавших в съезде 1903 г., перевалило за сотню. В 90-х гг. XIX в. создаются специальные учреждения, одной из задач которых было изучение зарубежного славянства. Так, уникально полезной была деятельность Русского археологического института, функционировавшего в Константинополе с 1894 г. до 1914 г., то есть 20 лет. С конца XIX в. изучение славянской проблематики развивалось по восходящей. Из предмета «славянская филология», объединявшего комплекс дисциплин: языкознание, литературу, славянские древности, историю и т. д., славяноведение постепенно превратилось в комплексную дисциплину. В отдельные предметы выделились история литературы, археология, этнография, а в научном исследовании данные всех этих дисциплин использовались в той мере, которая отвечала потребностям науки. В методике преподавания славянской истории произошли прогрессивные изменения. Были организованы семинары, где осуществлялось практическое изучение источников по истории славян и давалась их критическая оценка. По всеобщей истории такие семинары организовал еще в 70-х гг. XIX в. профессор Московского университета В. И. Герье. В начале XX в. такая форма работы со студентами проводилась преподавателями-славистами ряда университетов. Особенно успешно развивалось славянское языкознание. В исторической науке

расширилась проблематика исследований. В качестве методологии все большее значение приобретал позитивизм. И хотя в печати появлялось еще немало сочинений, написанных с романтических и славянофильских позиций, историографические концепции первого этапа славяноведения уходили в прошлое и становились анахронизмом. В целом процесс развития славяноведения проходил динамично. В области изучения истории славян исследовались все стороны их жизни — политическая, экономическая, культурная. Серьезного уровня достигло изучение вспомогательных исторических дисциплин. Много ценных работ появилось в России в дореволюционный период по славянским литературам.

Кадры славистов готовились в университетах. Славистические дисциплины преподавались на высших женских курсах. Отдельные курсы по славянской тематике читались в духовных академиях, в некоторых из них существовали кафедры истории славянских церквей. Успешно развивались контакты русских славистов со славянскими и неславянскими учеными в этой области. Таким образом, дореволюционное славяноведение достигло в 1917 г. кульминации в своем развитии, стало фактором международной научной жизни, а в некоторых областях занимало авангардные позиции.

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила ситуацию в стране. Наступил третий, последний за рассматриваемый период, этап в развитии славяноведения. В советской историографии существовало убеждение, разделяемое большинством историков, привыкших к тому, что скажут «сверху», что историческая наука вообще и славяноведение в частности переживали в России в начале XX в. кризис. Это мнение высказывается в разной форме и в настоящее время. Я эту точку зрения категорически отвергала по той простой причине, что знала всю историю развития славяноведения, проследив ее и по архивным материалам, и по трудам самих исследователей.

Кризис — это распад старого и появление нового, сопровождаемый качественными изменениями. В дореволюционном славяноведении ничего подобного не происходило. Изменения существовали, новое рождалось, но долго сосуществовало со старым, до тех пор, пока последнее не исчезало естественным путем. Кризис славяноведения наступил после революции. Новый режим объявил «буржуазную науку» отжившей, не соответствующей новой идеологии. Против славяноведения началась борьба, направленная на уничтожение недавно процветавшей науки. Кроме общих причин

негативного отношения к науке о славянах у нового режима были еще и конкретные, касавшиеся мировоззренческих, методологических и политических сфер. Следует отметить, что значительное число русских славистов происходило из духовенства. Некоторые из них, занимавшиеся историей церкви или древнеславянскими текстами, были священниками. Вообще процент духовенства, детей священников или их внуков в русском славяноведении был весьма высоким. Семейные традиции, воспитание, полученное первоначально, и среднее образование в семинарии были препятствием для усвоения материалистического взгляда на мир. Они часто разделяли идеалистические взгляды на исторический процесс, негативно или с сомнением относились к научным теориям, например, к теории о происхождении человека. Режим, установившийся в России, признавал единственной религией атеизм и с этих позиций искоренял все виды нематериалистического мировоззрения. Как указывалось, труды славистов-историков перед революцией 1917 г. писались в основном в духе позитивизма, хотя встречались в сочинениях о славянах и отголоски славянофильства, правда, не имевшие серьезного значения для науки. После Октябрьской революции 1917 г. официально признавался только марксизм. Среди дореволюционных славистов марксистов не было. Они считали эту теорию бесплодной в научном плане и относились к ней иронически.

Кроме того, пришедшие к власти в результате революции представители общества считали славяноведение носителем идеологии панславизма, который якобы поддерживал реакционную политику царизма. Идея славянской общности, питавшая практически все славяноведение с начала его зарождения, объявила измышлением идеологов империалистической буржуазии и заменилась принципом пролетарского интернационализма. Наступление на славяноведение началось в связи с реформой образования в России, когда были преобразованы или закрыты прежние университеты и появились новые учебные заведения. Так, в годы Гражданской войны Киевский, Харьковский и Новороссийский университеты после ухода белых армий были преобразованы в институты народного образования, где славяноведение не преподавалось. В 1920 г. Киевский университет был закрыт, а в Харькове и Одессе преподавание славяноведения не производилось, так как все слависты ушли с белой армии в эмиграцию. В 1922 г. закрылись историко-филологический и юридический факультеты в Казанском университете. Не было славистов ни в Ростове-на-Дону, куда переехал университет Варшавы,

ни в Воронеже, куда перебрался Юрьевский университет. Во всех перечисленных университетах слависты либо ушли из жизни, либо эмигрировали. Вообще Гражданская война, тяжелое экономическое положение, политическая нестабильность, отсутствие возможности заниматься своей профессией привели к массовой эмиграции, которая продолжалась до конца Гражданской войны и после нее (не только — и власти выдворяли). В результате преобразования провинциальных университетов в них славяноведение как учебная дисциплина перестала существовать. В 1921 г. упразднялось историческое и филологическое отделения Петроградского университета. Прекратил свое существование и историко-филологический факультет Московского университета. На его базе были созданы литературно-художественное и этно-лингвистическое отделения. В 1925 г. при очередной реорганизации упразднялся факультет общественных наук Московского университета. До 1932 г. славяноведение еще теплилось в Московском университете в виде цикла южных и западных славян, но в связи с закрытием факультетов гуманитарного профиля и организацией на их базе Московского института философии, литературы и истории изучение славянства окончательно прекратилось. Славистические кадры постепенно исчезали, новые слависты не появлялись. Кроме ликвидации славяноведения как предмета преподавания в университетах, закрылись многие учреждения, имевшие отношение к науке. В Историческом музее было уволено 34 человека. Ликвидировались старейшие в России научные общества — ОИДР, ОЛРС. Прекратился выпуск всех научных изданий и журналов университетов. Тяжелейшее материальное положение, голод, лишения и моральные потрясения приводили к большой смертности людей науки. Из славистов скончались И. С. Пальмов, В. Н. Щепкин, Р. Ф. Брандт, Н. М. Петровский, Ф. Ф. Зигель и др. В Киеве был расстрелян Т. Д. Флоринский. В 1927 г. произошло преобразование Академии наук, лишение ее автономии, упразднение ОРЯС, где сосредотачивался центр научного исследования в области славянских языков, филологии, текстологии и руководство всей славистикой.

После окончания Гражданской войны активизировалось внедрение марксизма во все отрасли знания. Появились новые течения, такие как «социологизм» в литературоведении и «школа Покровского» в исторической науке. У славистики появился принципиальный противник — «яфетидология», или новое учение о языке, выдвинутое академиком Н. Я. Марром. Язык объявлялся продуктом классового

развития. Традиционная лингвистика доказывала постепенное, эволюционное развитие языков. Для славистики, обращенной к общеславянским национальным древностям и к кирилло-мефодиевской проблематике, к изучению церковнославянского языка, наступили тяжелые времена. Расширение «нового учения» о языке наносило сильнейший удар по классической индоевропеистике в целом и по славянской филологии в особенности. Эта теория отрицала существование определенных славянских языковых семей и уничтожала языковое родство славянских народов. Учение Марпа о языке нашло сторонников среди марксистов, но представители традиционного направления языкознания (в основном старшего поколения) его не приняли.

В результате введения устава АН СССР в 1927 г. была создана новая структура Академии. Упразднялись Славянская комиссия, работавшая при ОРЯС, Византийская комиссия и другие структуры, занимавшиеся славянскими темами. На выборах в Академию в 1929 г. никто из славистов старшего поколения не прошел ни в члены-корреспонденты, ни в действительные члены Академии. Оставшихся в живых старых профессоров новые, марксистски подготовленные и перешедшие в марксизм лица травили в печати, обвиняли в связях с эмигрантами и иностранными агентами, в заговорах против советской власти. В начале 1930-х гг. органы ОГПУ сфабриковали «академическое дело» и «дело славистов», по которым «буржуазные» ученые, в их числе некоторые слависты, были обвинены в создании контрреволюционных организаций — «Всенародного союза за возрождение свободной России» и «Российской национальной партии». Таких организаций не существовало, но ученых объявили заговорщиками против советской власти и подвергли тюремному заключению, а затем ссылке. Среди репрессированных славистов были такие крупные ученые, как Д. Н. Егоров, М. К. Любавский, М. Н. Сперанский и многие другие. Всего по «делу славистов» было арестовано 70 человек — 39 в Москве и 37 в Ленинграде. Из них большинство погибли: были расстреляны, умерли в лагерях и ссылках, кончили жизнь самоубийством. Выжил только профессор Московского университета Ю. В. Готье, который, если судить по опубликованному в 90-х гг. XX в. его дневнику, был ярым противником советской власти и занимался саботажем на месте своей работы в Библиотеке им. Ленина. Правда, о том, как Готье удалось не только выжить, но и перед войной стать академиком АН СССР, в дневнике сведений нет. Что касается славяноведения как науки, то с

ним было покончено после разгрома Ленинградского института славяноведения, созданного в 1931 г. усилиями перешедшего в марксизм и к советской власти академика Н. С. Державина. Это учреждение планировалось как антипод прежним научным объединениям в области славяноведения, имевшим преимущественно филологический профиль. Однако ему не удалось развернуть свою деятельность. По «делу славистов» в 1933–1934 гг. был арестован ряд его сотрудников, и институт в 1934 г. ликвидирован как самостоятельная единица.

В целом это была «лебединая песнь» классического русского славяноведения. Таков был финал развития славяноведения в России за первое столетие его существования.

Lapteva L. P.

University Slavic Studies in Russia for the First Century
of Their Existence (1835–1935)

The author observes three stages of the development of Russian university Slavic studies for the first hundred years of their history.

Key words: *Universities of Russia, history of Slavic studies.*

Е. П. Аксенова
(Москва)

А. В. Флоровский о положении и традициях славяноведения в среде русской эмиграции*

В обзорах эмигрантской литературы Флоровский выделил исследования в области истории и культуры славянских народов, определив круг проблем, с которыми столкнулись русские ученые за рубежом. Ученый отмечал продолжение лучших традиций отечественной науки, стремление к ее развитию и учет научных традиций стран проживания.

Ключевые слова: *славяноведение, русская эмиграция, А. В. Флоровский*.

Как известно, русские ученые-гуманитарии, оказавшись в начале 1920-х гг. в вынужденной эмиграции, несмотря на трудности начального периода жизни за границей, постарались «остаться в профессии». Зачастую при поддержке правительства стран проживания и зарубежных коллег, они постепенно возвращались к привычной научной и преподавательской работе, создавали русские научные организации, имевшие свои издания. Они считали себя законными представителями, а свои труды — неотъемлемой частью русской науки, традиции которой всеми силами старались поддерживать, несмотря на определенные трудности, с которыми им пришлось столкнуться на чужбине.

Признанным историографом русской исторической науки за рубежом являлся А. В. Флоровский. С первых же лет своего пребывания в Праге он установил связи со многими бывшими соотечественниками, среди которых было немало его коллег. Он собирал сведения об их работах, вышедших в разных странах, систематизировал эти данные и обобщал в обзорах. Флоровский считал весьма важной концентрацию наиболее полной информации о развитии исторических исследований русских ученых-эмигрантов как для самой отечественной науки, так и для ознакомления с ее достижениями зарубежной научной общественности¹ (с этой целью он публиковал свои обзоры на французском и английском языках). Стремясь сохранить

* Статья написана в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

память о научном вкладе соотечественников, вынужденных жить и работать за рубежами родины, Флоровский в то же время думал и о будущем, о том времени, когда к этим сведениям обратится «историк русской эмиграции» и убедится в продолжении в этой среде «подлинной русской научной традиции»². Уже в середине 20-х годов он подготовил очерк «Русская историческая наука в эмиграции (1921–1926)», в котором представил «общий обзор работ и научных успехов русских историков, оказавшихся... вне своего отечества, всех нормальных и традиционно-организованных ученых институций и организаций»³. Ученый отмечал, что различные исторические дисциплины «в эмиграции оказались далеко не равномерно представленными», к тому же ученые силы были разбросаны по разным странам и частям света⁴.

Одна из трудностей, с которыми пришлось столкнуться ученым с самого начала их работы за границей, заключалась в отрыве от привычной научной базы — российских библиотек и архивов, что особенно остро почувствовали историки, стремившиеся все же продолжать начатые на родине исследования. Но наличие русских изданий в библиотеках городов расселения эмигрантов в начале 1920-х гг. было, по признанию Флоровского, довольно скучным и неполным, подбор книг носил «весыма случайный характер». В дальнейшем, с появлением Славянской библиотеки в Праге, библиотеки РЗИА (Русского заграничного исторического архива) и других собраний, ситуация стала меняться к лучшему⁵. Осуществляя публикации по прежним темам, основанные на ранее собранных архивных и иных материалах, ученые вместе с тем вынуждены были переориентировать свои научные поиски, расширяя круг исследуемых проблем прежде всего за счет «местных» источников. А поскольку многие ученые обосновались в славянских странах, их профессиональные интересы удовлетворялись зачастую в области славяноведения и изучения российско-славянских связей в разные эпохи. Если среди обосновавшихся в Европе россиян изначально было лишь несколько славистов (или ученых, уделявших значительное внимание славянской проблематике), то в дальнейшем славистические исследования можно обнаружить уже у многих представителей русской науки. Исследования в области славистики, как и в области русистики, проводились с использованием одной и той же методики и традиций русской дореволюционной науки. Выступая на конференциях историков и на заседаниях Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран, Флоровский неоднократно подчеркивал,

что русские ученые на чужбине хранили и соблюдали лучшие, «дорогие традиции русского свободного и независимого исторического знания, традиции, преследуемые и гонимые» на родине⁶. На общем фоне исторических работ Флоровский выделял славистические исследования эмигрантов, подчеркивая, что «особо значительно по внутреннему смыслу работ представлена наука славяноведения»⁷. Таким образом, в эмиграции сохранялся и приумножался багаж русского славяноведения, в то время как на родине славянские исследования переживали трудные времена.

Сам А. В. Флоровский, продолжая свои исследования в области русской истории, вместе с тем решил «ориентировать свои труды в новом для него направлении с учетом местных условий», то есть широко изучать русско-чешские отношения, а также отношения этих народов «с польской силезской средой»⁸. Для этого ученому пришлось привлечь восточнославянскую, чешскую, польскую, немецкую литературу, изучить документы чешских, венских, римских архивов⁹. По собственному признанию, Флоровский не имел в виду «изучение лишь вопросов истории славянской взаимности на чешско-русской почве», его замысел был гораздо шире — охватить политические, экономические, культурные русско-чешские отношения за период с X по XVIII в. При этом он отмечал, что само понятие «русско-чешских отношений» он применяет в самом широком смысле, имея в виду «все слагаемые восточнославянского народного целого», в то же время учитывая и объясняя роль включенных им в контекст исследования явлений украинской или белорусской истории¹⁰.

Вторая сложность для русских ученых лежала в научно-организационной плоскости. Как отмечал Флоровский, в ряде государств русские ученые «вошли в состав преподавательских сил местных высших учебных заведений — университетов и т. д. (Болгария, Югославия, Эстония и др.); в других государствах русские ученые силы были поставлены в условия особой охраны и покровительства, без полного, однако, привлечения их к работе местных университетов, академий и т. п. (Чехословакия, Франция, Германия)». Таким образом, по мнению Флоровского, эмигрантские научные центры находились не в одинаковом положении «в смысле организации научной работы и возможности систематического разворачивания исследовательских планов»¹¹. Многим ученым для привычных условий работы не хватало не только аудитории слушателей и учеников, но зачастую и возможности живого обмена мнениями с коллегами¹². Кроме того, русские ученые-эмигранты постоянно испытывали

сложности с публикацией результатов своей исследовательской деятельности — «Труды русских ученых за границей», «Ученые записки» Учебной коллегии в Праге и некоторые другие издания «оказались недолговременными и не утолили нужду в академическом органе для ученых исследований». «Seminarium Kondakovianum», «Сборник Русского археологического общества», «Записки Русского исторического общества» появились позже и начали осуществлять свои издательские планы в конце 20-х гг., к тому же их страницы были предназначены для работ небольшого формата. С публикацией монографий дело обстояло еще сложнее — зачастую они размножались «путем литографий или даже гектографа». Поэтому в 20-е гг. среди работ эмигрантов преобладали «отдельные статьи и очерки в журналах и сборниках»¹³. Учитывая сложности профессиональной деятельности ученых-эмигрантов, Флоровский не мог не признать, что объективно их печатная продукция в первые годы пребывания за рубежом «ниже и слабее тех научных результатов, которые принесла бы деятельность их в родных академических гнездах...»¹⁴. Флоровский обдумывал проект издания списка журнальных статей русских эмигрантов, который, к сожалению, не осуществился из-за сложности учета публикаций в различных изданиях разных стран, в том числе на иностранных языках, а также из-за отсутствия в заграничных книгохранилищах «полного комплекта русских эмигрантских изданий»¹⁵.

В своем обзоре Флоровский систематизирует полученные сведения, выделяя работы историков-эмигрантов по философии истории, всеобщей истории, русской истории, истории славянских народов, истории искусства и археологии. При этом Флоровский не только перечисляет конкретные труды, но и обращает внимание на научные направления и взгляды авторов, их вклад в разработку той или иной темы. В разделе русской истории он выделяет исследования, посвященные «историческим судьбам Малороссии–Украины», анализируя «Очерки социальной истории Украины XVII–XVIII вв.» (Прага, 1924–1926. Т. 1. Вып. 1–3) В. А. Мякотина¹⁶. Вслед за этим Флоровский подробно останавливается на изучении Подкарпатской Руси, которая, как он отмечал, стала предметом специального внимания русских историков-эмигрантов. За границей находился крупный исследователь в этой области, бывший профессор Петербургского университета А. Л. Петров, еще в России издавший «Материалы для истории Угорской Руси» (СПб., 1905–1911). В годы эмиграции он продолжил свои исследования, получившие новое развитие, в частности

издал ряд работ, прояснявших «некоторые стороны церковной жизни русского Закарпатья»¹⁷, а также касавшихся сложного и спорного вопроса «о начале и обстоятельствах заселения русским племенем венгерской равнины и южных склонов Карпат» и об этнографических процессах на этой территории¹⁸. Другой ученый, Е. Ю. Перфецкий, также начавший изучение Подкарпатской Руси еще в России, издал за границей работу по социально-экономической истории этой области¹⁹ и несколько статей по другим вопросам.

Следующий раздел в обзоре Флоровского посвящен специально изучению *истории славянских народов* — это направление, по его словам, «занимает в русской научной работе в эмиграции довольно видное место. Нахождение многих русских ученых именно в славянских странах, при этом приобщение их к местной научной и академической жизни является благоприятным стимулом для направления ученой работы в сторону изысканий по истории славян» (особенно это характерно было для ученых, живших в Болгарии, Югославии, Чехословакии)²⁰. В то же время Флоровский оговаривался, что *история* славян «в собственном смысле этого понятия почти совершенна не представлена в русской эмигрантской исторической литературе за 1921–1926 гг., если не считать нескольких общих очерков и обзоров» (например, М. Г. Попруженко²¹). В русском зарубежном славяноведении Флоровский выделил три основных направления: история славянского права, история славянской науки и славянской взаимности, история славянского искусства²². Как видим, к пониманию славяноведения Флоровский подходил вполне традиционно, рассматривая его как комплекс научных дисциплин (в данном случае объединенных подходом с точки зрения истории каждой дисциплины; филологические работы не были предметом его внимания). Наиболее доступной для изучения оказалась история права югославянских народов. В Любляне профессор М. Н. Ясинский исследовал хорватские статуты начала XVI в. — Каставский и Веприначский (происхождение, состав памятника, новое издание текста с обстоятельным историко-критическим комментарием)²³. Другой видный историк права, профессор Ф. В. Тарановский²⁴, изучал сербское право, в частности Законник Стефана Душана²⁵. Кроме того, он издал, по определению Флоровского, «ценное введение в историю славянского права»²⁶, выпустил со своими дополнениями сербский перевод труда К. Кадлеца о первобытном славянском праве²⁷. Сербскому праву посвятил свои труды и А. В. Соловьев, издавший сборник памятников старого права²⁸ и несколько специальных исследований об отдельных

актах²⁹. К этой же группе работ отнесена и книга А. К. Елаичча, посвященная истории крестьянского движения в Хорватии и Славонии в 1848–1849 гг. и освобождения крестьян³⁰, в которой автор использовал материал местных архивов, но не привлек важные, по мнению Флоровского, венгерские источники³¹.

Что касается изучения историко-правовых проблем других славянских народов, то Флоровский упоминал в этой связи работу Ф. В. Тарановского, который не оставил без внимания историю польского права³², и «весыма ценный обширный труд» Э. Д. Гримма о болгарской конституции 1879 г.³³ Автор, поясняет Флоровский, нашел первую редакцию документа и «смог весыма полно и обстоятельно восстановить историю текста конституции 1879 года и изобразить полную картину той политической обстановки, в какой проходила работа по составлению этого варианта акта». Флоровский особенно подчеркивает, что Гримм выяснил «общий характер и значение русской работы по этому делу, дав широкое освещение общей политики России в вопросе устроения русскими только что освобожденной Болгарии»³⁴. Об этом Флоровский мог судить со знанием дела, поскольку во время своего краткого пребывания в Софии (осенью 1922 г.) изучал материалы, относящиеся к периоду русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии, что нашло отражение в его статье, опубликованной в болгарском издании³⁵ (о чем он также упоминает в обзоре). Заметим, что, таким образом, в раздел по истории славянского права Флоровский включил и работы, расширяющие обозначенную тематику или выходящие за ее рамки.

В области славянской науки и славянских взаимоотношений Флоровский выделяет труды академика В. А. Францева, который «в условиях эмиграции проявляет обычную свою активность в деле сортирования и обработки материалов по истории славянской науки и междуславянских культурных отношений». В этой связи он называет «интересный новыми сведениями очерк о поездке аббата Иосифа Добровского и гр. И. Штернберга в Россию» в конце XVIII в.³⁶, «обстоятельный очерк о знакомстве славянских народов с поэзией Державина»³⁷, статью о славянских идеях декабристов³⁸ и многие др.³⁹

Следующий раздел обзора посвящен истории искусства и археологии⁴⁰. В нем Флоровский также уделяет большое внимание славянской проблематике. Среди посмертно изданных работ Н. П. Кондакова, посвященных русским иконам и византийским древностям, он упоминает опубликованный фрагмент работы о

богомилах⁴¹. Что касается истории искусства славянских стран, то в этой области, по мнению Флоровского, «более всего сделано русскими учеными в Болгарии и Сербии». В Болгарии активную деятельность развил А. Н. Грабар⁴² (переехавший затем в Страсбург). Он «обследовал памятники древней болгарской архитектуры и храмовые росписи старых болгарских церквей и опубликовал большое число работ, содержащих описание изученных памятников и исследование их особенностей»⁴³. Сербским искусством заинтересовался профессор Н. Л. Окунев⁴⁴ (живший в Праге), совершивший нескользко поездок по Сербии. Там он, по словам Флоровского, «обнаружил богатый и нетронутый ранее материал для истории архитектуры и живописи на сербской и вообще югославянской почве». Заслугу исследователя Флоровский видел в том, что он предпринял «попытку систематического обозрения особенностей сербских росписей XIII, XIV и XV вв. с точки зрения содержания, расположения сюжетов, иконографии и стиля и констатировал следы влияния армянской архитектуры X–XII вв. на архитектуру Сербии и Македонии в период XI–XIV вв.»⁴⁵.

Подводя некоторые итоги научной деятельности ученых-гуманистариев в первый период эмиграции, примерно до середины 20-х гг., Флоровский сделал важные общие замечания, которые в полной мере относятся и к русской зарубежной славистике:

«В условиях изгнания и эмиграции русская историческая наука продолжает свою сосредоточенную работу, входя в соприкосновение с новой для нее культурой и научной обстановкой. Русское научное творчество делается непосредственным участником научной работы иных стран и народов и входит порою в русло ее органического развития. Русская ученая сила не только испытывает на себе воздействие ученой традиции тех стран, где ей приходится проявлять себя, но и сама она дает толчки к движению научной работы и участвует в создании этой ученой традиции вне России. Русская историческая наука давно пользуется европейским признанием и является органической участницей общего научного процесса; ученая русская эмиграция упрочила эти старые и твердые связи и, может быть, укрепила и углубила их. [...] Самый факт многоязычия названных выше работ русских эмигрантов есть живое об этом свидетельство». Являясь полноправным участником научной деятельности русской эмиграции, Флоровский не берет на себя ответственность давать «качественную оценку» ее продукции, но в то же время он с уверенностью утверждает, что «живая традиция русской науки не

прервалась в эмиграции (курсив мой. — Е. А.) и что здесь — в изгнании — живо бьется русская научная мысль»⁴⁶.

В архиве Флоровского сохранился фрагмент обзора, написанного, скорее всего, в 1928 г. и охватывающего работы 1921–1927 гг. Славянские исследования здесь конспективно представлены теми же авторами и трудами, что и в первом обзоре, а завершающая часть интересна некоторыми уточнениями. Так, например, он конкретизирует положение о многоязычии эмигрантских работ, отмечая, что они печатались на девяти языках. Напоминая о включении русских ученых в научную жизнь принимающих стран, автор подчеркивает, что «особенно органически и непосредственно» они участвовали «в научном движении славянских народов — сербов, болгар и чехов». Обращая внимание на преемственность научных традиций в среде ученых русского зарубежья, Флоровский указывает на то, что с начала эмиграции за границей находилось два или три поколения историков, а к концу 20-х годов можно уже говорить о формировании нового поколения (которое, как подразумевалось, продолжит лучшие традиции отечественной науки)⁴⁷.

Еще один краткий обзор был опубликован Флоровским на русском языке в сборнике «Русские в Праге» (1928)⁴⁸. Автор представил суммарный отчет о работах пражской группы историков-эмигрантов за 1921–1927 гг. (что касается работ русских пражан, то данная публикация отчасти перекликается с обзором за 1921–1926 гг.). Из-за ограниченного объема публикации он, к сожалению, не мог дать полного библиографического описания упоминаемых им книг и статей. Среди трудов по истории до XVIII в. Флоровский назвал «интересную книжку Шмурло об Юрии Крижаниче» («Jurij Krizanic (1618–1683). Panslavista o missionario?». 1926), из исследований в области российско-славянских отношений упомянул ряд статей, вышедших в связи с 50-летием освободительной войны на Балканах, и книгу И. И. Лаппо «о природе исторических отношений Западной России к Польше»⁴⁹. В Праге жил один из старших учеников Н. П. Кондакова, искусствовед Н. Л. Окунев, который производил, по словам Флоровского, «большое исследование памятников архитектуры и живописи на территории древней Сербии, — результаты его счастливых находок и изучений представлены в нескольких специальных статьях и прекрасном альбоме *Monumenta artis Serbicae*».

Даже в кратком обзоре, как и в других, более полных, Флоровский специально выделяет «работы по истории славян, занимающие в эмигрантской литературе заметное место». Среди ученых, разраба-

тывающих славистическую проблематику, «главная заслуга», по его мнению, принадлежит академику В. А. Францеву, издавшему ценные труды по истории славяноведения и межславянских отношений (прежде всего представителей чешской и русской науки). К этой же области можно отнести статью Г. В. Вернадского о славянской политике Александра I⁵⁰ и обзор истории русско-чешских отношений самого Флоровского⁵¹. Даже такой краткий обзор трудов только лишь пражской группы ученых-эмигрантов, как считал Флоровский, «достаточно определенно говорит об интенсивности их исследовательской работы и разнообразности научных интересов», о «посильном служении» науке и «деятельном сохранении [ее] славных традиций»⁵². Он упоминает также о взаимном сотрудничестве русских и чешских ученых.

В 1927 г. А. В. Флоровский вошел в правление Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран⁵³ и, по собственному признанию, «взял на себя труд составления систематических обзоров русской научной исторической продукции как вне пределов России, так и в Советском Союзе»⁵⁴. В результате им были подготовлены и опубликованы обзоры эмигрантских работ за 20-е — начало 30-х гг.⁵⁵ (а также обзоры советской литературы за тот же период — для ознакомления западноевропейских научных кругов с развитием исторической науки в СССР⁵⁶, что выходит за рамки данной статьи). В целом они повторяют основные положения первого обзора (с некоторыми незначительными уточнениями и дополнениями). В архиве Флоровского имеются русский и французский варианты обзора за 1927–1929 гг., представляющего собой продолжение (а в ряде случаев — и добавление) обзора за 1921–1926 гг. Отмеченные ранее автором тенденции развития эмигрантской науки, по его наблюдениям, имели место и в конце 20-х годов, что благоприятно влияло на деятельность ученых⁵⁷. Подчеркивая интенсивность разработок в области византиноведения, ученый указывал на работы по византийско-славянским отношениям А. В. Соловьева, В. А. Мошина, Н. Л. Окунева, А. Н. Грабара и др.⁵⁸ Межславянские культурные связи в эпоху Средневековья нашли отражение в большой работе Е. Ю. Перфецкого о русском летописном источнике хроники Длугоша⁵⁹. Этнографию и демографию Подкарпатской Руси и пограничных с ней областей Словакии исследовал А. Л. Петров⁶⁰ (в частности, в книге «Карпаторусские межевые названия». Прага, 1929, а также в ряде статей)⁶¹. Различные проблемы Подкарпатской Руси⁶² затронуты в статьях Е. Ю. Перфецкого⁶³, Ю. А. Яворского⁶⁴,

А. В. Флоровского⁶⁵, книгу о народном искусстве данного региона⁶⁶ выпустил С. К. Маковский⁶⁷.

Следующий раздел обзора посвящен истории славянских народов (исключая Россию, что лишний раз свидетельствует о традиционном для русской науки понимании Флоровским объекта славяноведческих исследований). К прежним трудам по русско-славянским отношениям и славянскому праву в рассматриваемый период добавился значительный корпус работ по болгарской тематике. Всплеск этих исследований Флоровский связывал с 50-летним юбилеем освобождения Болгарии от турецкого ига, который, по мнению ученого, «дал повод к пересмотру данных об участии России в борьбе за свободу славянских народов на Балканах вообще, Болгарии в частности»⁶⁸. К сожалению, автор не пояснил, в чем заключался этот пересмотр, зато он представил довольно обширную библиографию, начав обзор с работы И. И. Лаппо об истории славянского вопроса в России. Затем упомянуты Б. А. Евреинов, А. В. Флоровский, М. А. Иностраницев, Е. Ф. Максимович, Е. Ф. Шмурло, охарактеризовавшие «общественную, дипломатическую и военную обстановку русско-турецкой войны 1877–78 гг.»⁶⁹. Некоторые русские авторы опубликовали очерки о славянской политике и славянском сознании в России в различные периоды истории в русско-болгарском сборнике «Прослава на освободителната война 1877–78 гг.» (София, 1929). Среди них А. Кизеветтер («Россия и южное славянство в XIV–XVII ст.»), И. Лаппо («Петр Великий и южное славянство»), П. Богаевский («Кучук-Кайнарджийский договор и его значение»), В. Францев («Первые русские труды по изучению славянства, преимущественно южного»), А. Флоровский («Россия и южные славяне в царствование императора Александра I»), П. Бицилли («Россия и Восточный вопрос в царствование императора Николая I»), М. Попруженко («Общественные настроения в России накануне Освободительной войны»), генерал В. П. Никольский («Освободительная война 1877–78 гг. Военные действия русской армии на балканском театре»)⁷⁰. Статьи по той же тематике публиковались в различных болгарских изданиях, а также в изданиях других стран (среди авторов Флоровский называет Г. Вернадского⁷¹, Е. Перфецкого⁷², М. Циммерманна⁷³, М. Попруженко⁷⁴)⁷⁵.

Однако многочисленные работы по болгарской проблематике, появившиеся в связи с знаменательной датой, Флоровский, видимо, считал все же данью юбилею. «Более положительными и научно ценными, — полагал ученый, — нужно признать работы русских

историков-эмигрантов, посвященные изучению отношений России и западных славян»⁷⁶. В этой области, как отметил Флоровский, «продолжает свои значительные исследования и ценные публикации» В. А. Францев, опубликовавший в 1927 г. обширную переписку П. Й. Шафарика с русскими учеными⁷⁷. Это издание писем, предваренное большим очерком, освещающим связи Шафарика с русской наукой, является, по оценке Флоровского, «ценнейшим источником как для ознакомления с деятельностью самого знаменитого чешского ученого, так и для ознакомления с общим состоянием славистики в первую половину XIX в.; русско-чешские ученые связи раскрываются на страницах этой корреспонденции с ясностью и полнотой». Кроме того, труд Францева имел большое значение и для «изучения истории славянской науки вообще»⁷⁸. Другая большая работа Францева, отмеченная Флоровским, — «Пушкин и польское восстание 1830–1831. Опыт исторического комментария к стихотворениям “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”», опубликованная в «Пушкинском сборнике» Русского института (Прага, 1929). Автор представил данные об отношении к польскому восстанию «со стороны европейского и славянского, в частности, общественного мнения», обращая особое внимание на то, «как русское общество отнеслось к движению поляков». Рассматривая на этом фоне взгляды Пушкина, Францев, как отмечал Флоровский, сделал вывод, что в указанных стихотворениях «великий русский поэт и человек протестовал против вмешательства враждебной России европейской общественности в спор между русскими и поляками и что Пушкин широко смотрел на важность славянской идеи, но не являлся сторонником какого-либо панруссизма»⁷⁹. Конец 1920-х годов был весьма плодотворным в научной деятельности Францева, что отметил Флоровский, перечисляя работы профессора, вышедшие в этот период, в том числе «М. П. Погодин и Фр. Палацкий. К истории русско-чешских связей в конце XIX ст.» (Прага, 1928), «Из истории славянской литературной взаимности. Коллар и русские ученые в Загребе (1840–1841)» (Прага, 1929) и некоторые др.⁸⁰

Русско-чешские отношения в различные эпохи получили освещение и в работах самого автора обзора, в том числе в статьях «Пути русско-чешской взаимности» («Современные записки», 1928, № 36, с. 495–509), «Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси» (отд.: Прага, 1929) и ряде др.⁸¹ Русско-чешские отношения в новейшее время стали предметом изучения В. Лазаревского («Россия и Чехословакское возрождение». Берлин, 1927; Прага, 1927), предста-

вившего в своей книге отношение «русского правительства и военного командования к вопросу об образовании чехословацкого войска на русской почве...»⁸². Флоровский упоминает также работы В. С. Драгомирецкого⁸³ и генерала Н. Ходоровича⁸⁴ о пребывании чехословацких легионов в России⁸⁵.

Важному периоду в истории Чехии посвящены два очерка А. А. Кизеветтера «Национальное возрождение Чехии» и «Франтишек Палацкий»⁸⁶. Среди исследователей сербской истории Флоровский отметил В. А. Розова и С. В. Троицкого⁸⁷.

Как и в первом обзоре, Флоровский вновь уделяет значительное внимание работам по истории славянского права, перечисляя новые исследования Ф. В. Тарановского, М. Н. Ясинского, А. В. Соловьева и А. К. Елаичча, касающиеся в основном сербского и хорватского и отчасти — польского права⁸⁸. В отдельную группу Флоровский выделяет работы по истории чешского права О. О. Маркова⁸⁹. Отнесенная к этой же группе книга Н. Ф. Преображенского «Крепостное хозяйство в Чехии XV–XVI веков» (Прага, 1928) рассматривала более широкий круг проблем, в частности «общие условия хозяйственной жизни Чехии в указанную эпоху и экономическое положение владельческого замка»⁹⁰. Подводя некоторые итоги исследований по данной проблематике, Флоровский отмечал: «Краткие наши справки относительно русской эмигрантской литературы по истории славянского права — при всей неравномерности научного интереса русских ученых к правовой жизни тех или иных славянских народов — все же дают право сказать, что в этой области знания русская научная работа стоит на значительной высоте и русский вклад в историю славянского права заслуживает серьезного признания»⁹¹.

В разделе «Искусство и археология» Флоровский также отмечал работы, основанные на славянском материале, главным образом, по истории искусства на Балканах. В посмертно изданном труде Н. П. Кондакова «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры» (Прага, 1929) он обращал внимание на третий отдел, в котором речь шла о древностях Болгарии⁹². Памятники болгарского искусства исследовал А. Н. Грабар⁹³. В частности, он изучал керамические изделия IX–X вв., миниатюры рукописных евангелий XIII в. («Recherches sur les influences orientales dans l'art Balkanique». Paris, 1928), памятники монументальной живописи VII–XVII вв., впервые зарегистрированные автором («La peinture religieuse en Bulgarie». Paris, 1928). «Важные открытия», по оценке Флоровского, «представляющие исключительный научный интерес» для изучения

истории искусства Сербии, прежде всего, иконографии XII в., были сделаны Н. Л. Окуневым, который показал наличие «скрещения в сербской архитектуре древнейшего периода влияний восточно-христианских (грузино-армянских) с влияниями романскими на основе греко-византийской»⁹⁴. Он также представил общий очерк южнославянских древностей⁹⁵.

В заключение Флоровский снова напоминает о сохранении научной традиции в «живом научном движении» эмигрантской среды. Ученый справедливо полагал, что было бы хорошо составить подобные обзоры и по другим наукам, чтобы вместе они дали «интересную и примечательную картину жизни русской научной мысли в изгнании и эмиграции». И у него были все основания полагать, что историческая наука «занимает в этой общей картине, несомненно, заметное место»⁹⁶. А среди исторических исследований немалую долю составляют работы о славянских народах — в этом отношении, замечал Флоровский, русские ученые не упустили возможности, которые им предоставляло пребывание в той или иной славянской стране⁹⁷. Флоровский признавал, что его сведения о научной исторической продукции эмигрантов далеки от полноты, причиной чего являлась «разрозненность и разбросанность русских ученых по всему свету», и просил всех сообщать ему о своих изданных работах для следующих обзоров⁹⁸. Из переписки Флоровского известно, что и в последующие годы он продолжал интересоваться публикациями своих русских коллег, однако обзоры исторических трудов в дальнейшем не печатал.

Но и того, что им было собрано и опубликовано, достаточно, чтобы сделать определенные выводы о состоянии исследований в области славяноведения в среде русской научной эмиграции. Обзоры Флоровского содержали ценную информацию о славистических работах за первое десятилетие вынужденного пребывания русских ученых за рубежом. Разбросанные по многим русским и иностранным изданиям, они легко бы потерялись в книжно-журнальном пространстве, если бы не были сгруппированы и сделаны общим достоянием умелой рукой профессионала. Обзоры содержат не только библиографические данные, но и краткие аннотации трудов, а зачастую отмечают новизну исследований и вклад автора в ту или иную область славистики. Сведенные Флоровским воедино статьи и книги русских ученых дают возможность составить представление об объеме, основных исследовательских направлениях, проблематике, территориальной локализации славистической продукции,

объективных причинах определенных тематических предпочтений и неравномерного развития отдельных славистических дисциплин. В своих обзорах Флоровский в ряде случаев представил значительно больше работ ученых-эмигрантов, чем более поздние исследователи⁹⁹. Чрезвычайно существенно то, что он отметил *непрерывность традиции* дореволюционного славяноведения, продолженной русскими учеными в эмиграции. Это подтверждалось и персональным составом славистов, и тематикой, и методикой исследований. Но, может быть, еще более важно то, что Флоровский обратил внимание на стремление русских ученых к *дальнейшему развитию* этой области знания за счет привлечения к ней свежих творческих сил, освоения нового комплекса материалов в странах пребывания, охвата проблематики новейшего периода истории и т. д. При этом Флоровский постоянно подчеркивал, что наука русского зарубежья, в силу обстоятельств оторванная от родных корней, несмотря ни на что является составной частью и законным представителем традиционной отечественной науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 40–41.
- 2 Флоровский А. Русские историки-эмигранты в Праге // Русские в Праге 1918–1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой Республики). Прага, 1928. С. 268.
- 3 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 121. Обзор был опубликован на французском языке (La literature historique russe d'émigration. Comptes-rendu 1921–1926 // Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie. Paris, 1928. Т. I / 1/2. Р. 81–121). Русский вариант, цитируемый в тексте статьи, сохранился в фонде А. В. Флоровского (Д. 18).
- 4 Там же. Л. 122.
- 5 Там же. Д. 185. Л. 41–42.
- 6 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Д. 45. Л. 2об.–3.
- 7 Флоровский А. Русские историки-эмигранты в Праге. С. 262.
- 8 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 42–43.
- 9 Там же. Л. 43, 45, 46.
- 10 Там же. Л. 44, 47.
- 11 Там же. Д. 18. Л. 122.
- 12 Там же. Л. 169–170.
- 13 Там же. Л. 124.

- 14 Там же. Л. 170.
- 15 Там же. Л. 125.
- 16 Там же. Л. 155.
- 17 См., например, работы А. Л. Петрова: Отзвук реформации в русском Закарпатье XVI века // *Věstník králevske České společnosti nauk. Třída filos.-hist. ročník* 1921–1922; Древнейшая церковнославянская грамота 1404 г. о Карпаторусской территории. Ужгород, 1927; и др.
- 18 См., например: *Петров А. Л.* К вопросу о славенско-русской этнографической границе. Ужгород, [1923].
- 19 *Perfekcy E.* Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve st. XIII–XIV. Bratislava, 1924.
- 20 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 162.
- 21 *Попруженко М. Г.* Страницы из болгарской истории // Сборник в честь и в память на проф. Луи Леже. София, 1925.
- 22 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 162.
- 23 *Jasinsky M.* Kada i na kajti način je bio sostavljen Kastavsky statut // *Zbornik znanstvenih razprav jurid. fak. Ljubljanske univerze.* 1924. Sv. 3; *Idem.* Prehod od ustega običajnega prava k pisanomu zakonu // *Ibid.* 1925. Sv. 4; *Idem.* Zakoni grada Veprinca (Statut Veprinački) // *Ibid.* 1926. Sv. 5.
- 24 Заметим, что деятельность Тарановского — яркий пример переориентации ученого, который, используя местный материал, пополнял ряды славистов и вносил существенный вклад как в отечественное славяноведение, так и в науку страны проживания. До эмиграции он не занимался историей славянского права. Обосновавшись в Белграде, он стал профессором по кафедре истории славянских прав, которая отсутствовала в университете семнадцать лет. Работая в университете и Русском научном институте, ученый изучал памятники славянского права, преимущественно — сербского. Им была издана монументальная «История сербского права в государстве Неманичей» (Т. 1–4. Белград, 1931–1935). Заслуги ученого были высоко оценены сербским научным сообществом — в 1933 г. его избрали в члены Сербской Королевской академии наук. См.: *Томсинов В. А.* Федор Васильевич Тарановский (1875–1936). Биографический очерк // <http://jurisprudentis.narod.ru/Taranovsky.html>.
- 25 *Тарановски Т.* Душанов законник и Душаново царство // Предавања за народ издаје Матица Српска. Нови Сад, 1926.
- 26 *Тарановски Т.* Увод у историју словенског права. Београд, 1923.
- 27 *Кадлец К.* Првобитно словенско право пре X века / Превео и допунио проф. Тарановски. Београд, 1924.

- 28 Соловьев А. Одабрани споменици српског права од XII до краја XV века. Београд, 1926.
- 29 Соловьев А. Хиландарска повеља великог жупана Стефана (Прво-венчаног) из године 1200–2 // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1926. Књ. 5. Св. 1–2; и др.
- 30 Elačić A. Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji godine 1848–49 i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka. Zagreb, 1925.
- 31 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 163.
- 32 Тарановський Ф. Начерки з історії державного права Речі Посполитої XVII в. // Записки соціально-економічного відділу Української Академії наук. Київ, 1925. Т. 2–3; 1926. Т. 4; 1927. Т. 5–6.
- 33 Гримм Э. История и идеальные основы проекта Органического Устава, внесенного в Търновское Учредительное Собрание 1879 г. // Годишник на Софийския Университет. III. Юридически фак. София, 1922.
- 34 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 164.
- 35 Флоровски А. Архив на руското гражданско управление в България през 1877–79 г. // Юридически преглед. 1925. № 2. С. 57–61.
- 36 Francev V. Cesta I. Dobrovského a hr. J. Šternberha do Ruska v létech 1792–3. Praha, 1923.
- 37 Францев В. Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924.
- 38 Францев В. «Славянские девы» князя А. И. Одоевского. (Славянофильские идеи декабристов) // Slovanský sborník prof. Franceva Pastrnkoví. Prague, 1923.
- 39 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 164–165.
- 40 Там же. Л. 165–167.
- 41 Кондаков Н. П. О манихействе и богумилах // Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Prague, 1927. Р. 289–301.
- 42 Грабар А. Материалы по средневековому искусству в Болгарии // Годишник на Народни Музей. София, 1920; *Он же*. Болгарские церкви-гробницы // Известия на Българския Археологичния Институт. 1922. Т. 1; *Он же*. Роспись церкви-гробницы Бачковского монастыря // Там же. 1923/4. Т. 2; и др.
- 43 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 167.
- 44 Окунев Н. Сербские средневековые стенописи // Slavia. Praha, 1923. Т. 2. Вып. 2–3; *Он же*. Некоторые черты восточных влияний в средневековом искусстве южных славян // Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925.
- 45 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 18. Л. 167.

- 46 Там же. Л. 170.
- 47 Там же. Д. 26. Л. 15.
- 48 *Флоровский А.* Русские историки-эмигранты в Праге. С. 262–268.
- 49 Имеется в виду: *Лаппо И. И.* Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом. Прага, 1924.
- 50 См. статью Г. В. Вернадского: *Alexandre Ier et la problème slave pendant la première moitié de son règne* // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1927. Т. 7. Р. 94–176.
- 51 См.: *Флоровский А.* Пути русско-чешской взаимности. К 10-летию независимой Чехословакии // Современные записки. Париж, 1928. № 36.
- 52 *Флоровский А.* Русские историки-эмигранты в Праге. С. 268.
- 53 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 36.
- 54 Там же. Л. 40–41.
- 55 См. работы Флоровского, опубликованные на английском, французском и русском языках: *The work of Russian Emigres in History (1921–1927)* // *Slavic Review*. 1928. Vol. 19; *La littérature historique russe d'émigration. Compte-rendu 1921–1926* // *Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie*. Paris, 1928. Т. I / 1/2. Р. 81–121; *La littérature historique russe d'émigration. Compte-rendu 1927–1929* // *Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie*. Paris, 1930. Т. III / 1/2. Р. 25–79; *Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930)* // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1931. Ч. 1. С. 467–484. В тексте статьи использованы аналогичные материалы на русском языке из фонда Флоровского (Д. 26, 37, 38).
- 56 См. работы Флоровского, опубликованные на французском и английском языках: *La littérature historique soviétique-russe. Compte-rendu, 1921–1931* // *Bulletin d'Information de la Société d'Ethnographie*. Paris, 1935. Т. 6–7; *Historical Studies in Soviet Russia* // *Slavic Review*. 1935. Vol. 13. № 38. Р. 457–469.
- 57 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–3.
- 58 Там же. Л. 32.
- 59 *Перефецький Е.* Перемишльский літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1927. Т. 147. С. 1–54; 1928. Т. 149. С. 31–83. У Флоровского об этом см.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 48.
- 60 Флоровский называет, например, книгу Петрова: *Přispěvky k historické demografii Slovenska v XVIII–XIX. st.* Prague, 1928.
- 61 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 121–122.
- 62 См.: Там же. Л. 123.

- 63 *Перфецкий Е.* Василий Тарасович, епископ Мукачевский. До історії початків церковної Унії в Підкарпатті (XVII ст.) // Науковий Збірник товариства «Просвіта». Ужгород, 1923. С. 84–92; и др.
- 64 *Яворский Ю.* Национальное самосознание карпатороссов на рубеже XVIII–XIX вв. // Карпатский свет. Ужгород, 1929. № 62.
- 65 *Флоровский А.* Заметки И. С. Орлай о Карпатской Руси (1828 г.). К 100-летию со дня смерти И. Орлай // Карпатский свет. Ужгород, 1928. № 9.
- 66 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 124.
- 67 *Маковский С.* Народное искусство Подкарпатской Руси. Прага, 1925.
- 68 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 125.
- 69 Там же. Л. 126.
- 70 Там же. Л. 126–127.
- 71 *Vernadsky G.* Alexandre I et le problème slave pendant la première moitié de son règne // Revue des études slaves. 1927. VII. 1–2. P. 94–111.
- 72 *Perfecky E.* Berlinský kongres r. 1878 a Slovanstvo // Prudy. Bratislava, 1929. № 2.
- 73 *Zimmermann M. A.* San Stefano a Berlinský Kongres r. 1878 // Zahraniční Politka. 1928.
- 74 *Попруженко М. Г.* Одеса и българското възраждане // Климент Търновски — Васил Друмев. За 25-годишнината от смъртта му. София, 1927. С. 87–100; *Он же.* Русское управление в Болгарии в 1877–79 гг. София, 1927; и др.
- 75 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 127–128.
- 76 Там же. Л. 128.
- 77 *Francev V. A.* Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. I. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učenci (1825–1861). Praha, 1927–1928. Č. 1–2.
- 78 Там же. Л. 129.
- 79 Там же. Л. 130.
- 80 Там же. Л. 131.
- 81 Там же. Л. 132.
- 82 Там же. Л. 133.
- 83 *Драгомирецкий В. С.* Чехословаки в России. 1914–1920. Париж; Прага, 1928.
- 84 *Hodorovich N.* Odbojové hnutí a československé vojsko v Rusku. 1914–1917. Praha, 1928.
- 85 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 134.
- 86 *Кизеветтер А.* Национальное возрождение Чехии // Научные труды РНУ. Прага, 1930. Т. 3. С. 3–22; *Он же.* Франтишек Палацкий // Голос минувшего на чужой стороне. 1927. № 5. С. 31–49.

- 87 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 134–134об.
- 88 Там же. Л. 135–140.
- 89 Там же. Л. 140–141.
- 90 Там же. Л. 141.
- 91 Там же. Л. 141–142.
- 92 Там же. Л. 147.
- 93 Там же. Л. 152–153.
- 94 Там же. Л. 156.
- 95 *Okunev N. Starožitnosti jižních Slovanů a jejich vědecký význam // Slovanský přehled. Praha, 1927. R. 19. Č. 4–5. P. 241–253.*
- 96 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 167–168.
- 97 Там же. Л. 168–169.
- 98 Там же. Л. 170.
- 99 Ср.: *Пашутко В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 114–190.*

Aksionova E. P.

A. V. Florovsky on the Status and Traditions of Slavic Studies
among Russian Emigration

In his reviews of emigrants' literature Florovsky accented attention at researches in the field of history and culture of Slavic peoples and designed a circle of problems which Russian scholars met abroad. He also marked a certain progress of the best traditions of Russian studies, its longing for development and readiness to attract research traditions of the countries of residence.

Key words: *Slavic studies, Russian emigration, A. V. Florovsky.*

*В. И. Косик
(Москва)*

**К портрету предстоятеля
Хорватской православной церкви
митрополита Гермогена**

В статье освещается жизненный путь митрополита Гермогена и его пребывание во главе новосозданной Хорватской православной церкви в 1942–1945 гг.

Ключевые слова: *митрополит Гермоген, Хорватская православная церковь, Павелич, Оберкнежевич, Кришто, Независимая Держава Хорватия, Петр Лазич, Х. Хелм.*

Будущий глава Хорватской православной церкви владыка Гермоген (Григорий Иванович Максимов) родился 10 января 1861 г. в священнической семье в донской станице Нагавской. По завершении местной школы продолжил учебу в Новочеркасской духовной семинарии (1879–1882). Для блестяще закончившего семинарию выпускника стали открыты двери Киевской духовной академии, которую он в 1886 г. окончил. 4 декабря 1887 г. Максимов был рукоположен в священнический сан. Первым местом назначения стала Новочеркасская епархия. Там о. Григорий вначале служил в старой столице Дона — Старочеркасске, потом получил место священника в Новочеркасске в церкви Св. Троицы. Затем семь лет о. Григорий служил в кафедральном храме Св. Вознесения. В 1902 г. по приглашению епископа Вениамина он уехал на Кавказ, где стал настоятелем кафедрального собора во Владикавказе. В революционном 1905 году о. Григорий делает все, чтобы население осталось «верным царю и отечеству». Его деятельность была успешной, но в тот же год умерла его жена, оставив ему шестерых детей — от одного года до шестнадцати. Он сумел вырастить детей, дать им образование, а сам в 1909 г. принял монашество с именем Гермоген¹. В 1906 г. он был назначен ректором Саратовской духовной семинарии. Спустя несколько лет, 9 мая 1910 г., Гермоген был хиротонисан во епископа Аксайского, стал викарием Донской епархии и архипастырем Всевеликого войска Донского.

Здесь его возвышение по церковной лестнице иерархии остановилось. В 1919 г. на церковном соборе в Екатеринодаре владыка поставил вопрос о своем назначении главой Ростовской епархии, хотя эту кафедру уже более года занимал епископ Арсений. Свои права

на ростовскую кафедру владыка обосновывал тем, что ему «четыре года тому назад обещана была эта епархия», что целых четыре года он ждал ее. Однако его слова были оставлены без внимания.

С саном владыки также было непросто. У генерала П. Н. Краснова в его книге «Всевеликое войско Донское» владыка вплоть до эвакуации из Крыма именуется архиепископом Аксайским². У Георгия Граббе в его «Страницах из дневника (1917–1920)», относящихся к «Лемносскому сидению», Гермоген упоминается в сане епископа, викария Новочеркасского³.

Вероятно, в 1920 г. он оставил Россию. Ждал следующего витка судьбы вместе со своими казаками на печально известном острове Лемнос. Сохранено свидетельство о том, что владыка отказался служить панихида по царю. Ее провел протопресвитер Георгий Шавельский, но уже как по гражданину Романову⁴.

И в то же время в его возвзвании к донским казакам от 1 января 1922 г., написанным на Афоне были такие строки: «...когда сорганизуется новая Донская Армия... тогда дайте мне знать, и где бы я ни был, я, ваш Архипастырь, готов идти с вами. Я пойду впереди вас с животворящим Крестом в руках и буду благословлять ваше победное шествие. На помощь России восстановить Престол Царский, вернуть Народу Русскому его Законного Царя. И пусть на знаменах ваших крупными огненными, как меч Херувима, словами будет написано “БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ”»⁵.

И здесь остается только недоумевать.

После Афонской Горы, куда он прибыл в августе 1920 г., было Королевство сербов, хорватов и словенцев и жительство в Белграде. В июне 1922 г. последовало назначение Гермогена на должность управителя русских церковных общин в Королевстве Греции. Уже будучи членом Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), он получил в том же году долгожданный сан архиепископа Екатеринославского и Новомосковского⁶.

Но в книге «Казачий словарь-справочник» приведен другой год, а именно 1935⁷.

И еще немного о титулатуре. В 1938 г. на Архиерейском соборе РПЦЗ владыка поставил вопрос о награждении его саном митрополита. В протоколах Архиерейского синода содержится следующая запись: «Зачитываются приговоры и ходатайства казачьих организаций о награждении преосвященного Гермогена к предстоящему юбилею 50-летия священства “митрополитом казачьих войск в расцветии сущих”... При обмене мнениями выясняется, что по вошед-

шему в силу Врем[енному] положению, звание митрополита есть не награда, а должность, что возведение в сан “митрополита всех казачьих войск“ может привести ко многим недоразумениям в епархиях, в которых проживают казаки, между епархиальными архиереями и “митрополитом всех казачьих войск”.

Постановили: к 50-летнему юбилею наградить преосвященного Гермогена, архиепископа Екатеринославского и Новомосковского, очередной наградой — бриллиантовым крестом на клобук, с препроводительной юбилейной грамотой⁸.

В итоге, в положении владыки ничего не изменилось: как и другие русские архиастыры, жившие в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, он был епископом без епархии. И местом жительства для него были югославские монастыри: вначале Джаковац, потом Гретек, а с 1941 г. обретался в расположенным на территории созданной после развода королевской Югославии Независимой державы Хорватии Хоповском женском монастыре, в котором в свое время нашли пристанище русские монахини из Леснинской обители.

Казалось, что бушевавшая в Европе война не нарушит мирное и уединенное житие владыки, перешагнувшего восьмидесятилетний рубеж, и Гермоген так и останется в истории как один из иерархов, незаметно окончивших свои дни в изгнании. Но именно в это грозное время он стал митрополитом и даже был назначен в 1945 г. Патриархом Хорватской православной церкви.

Об этом и пойдет речь. Но вначале немного истории. Идея создания Хорватской православной церкви (ХПЦ) пульсировала в умах еще в XIX в., в частности у Е. Кватерника. Да и в начале XX в. мысль о формировании отдельной православной церкви для Хорватии продолжала жить⁹. Однако начавшаяся первая мировая война и последующее образование Королевства сербов, хорватов и словенцев, возглавляемого сербской династией Карагеоргиевичей, надолго заморозило появление подобных проектов.

Реальность возникновения ХПЦ резко возросла после разгрома Королевства Югославии и образования Независимой Державы Хорватии (НДХ) 10 апреля 1941 г. и упразднения действия Сербской православной церкви на своей территории. Хорватский историк Ю. Кришто в книге «Столкновение символов» перечисляет несколько причин создания Хорватской православной церкви. Здесь, в частности, «антикатолические побуждения» поглавника (вождя) Анте Павелича, стремившегося учреждением ХПЦ «смягчить» главу Хорватской католической церкви А. Степинца. Тут и свиде-

тельство о том, что сам А. Степинац предлагал основание ХПЦ. Имеются сведения, что на ее формирование повлияла католическая церковь внутри Хорватии и за ее границами. Упоминается и германская разведслужба, «детищем» которой явилась православная церковь в Хорватии. В «отцах-основателях» числятся и итальянцы, и даже сама Сербская Православная церковь. По свидетельству двух активных деятелей ХПЦ, Милоша Оберкнежевича и Петра Лазича, Сербская церковь видела в ее создании временное решение для спасения сербства¹⁰. Оберкнежевич далее утверждал, что через митрополита Иосифа, который был близким сотрудником предстоятеля Сербской церкви, «патриарх им поручил в новой ситуации сделать все, чтобы уладить и нормализовать дело православия в новом хорватском государстве»¹¹. Хотя, надо сказать, эта информация, как подчеркивает Ю. Кришто, подвергается сомнению сербским историком Церкви Дж. Слепчевичем. Пожалуй, самое простое объяснение возникновения ХПЦ дал П. Лазич. Он утверждал, что переименование церкви в НДХ связано не с национальностью, как это было с православной церковью в Королевстве Югославии, а только с названием государства, где она действует¹².

По мнению Ю. Кришто, политика репрессий и преследований православных сербов не принесла особых результатов, и Павеличу требовалась «свежие идеи» для решения «сербского вопроса». Такой и посчитали идею об основании автокефальной православной церкви в Хорватии¹³. В своей речи на заседании сабора 26 февраля 1942 г. Павелич информировал собравшихся о своем предложении, обсуждение которого перешло в комитет по правосудию и богословию при Хорватском государственном собрании (11 марта 1942 г.). Был основан соответствующий комитет православных представителей во главе с П. Лазичем. Именно им предстояло запросить власти об учреждении ХПЦ.

В итоге 3 апреля 1942 г. Павелич издал распоряжение, имевшее силу закона, об основании Хорватской православной церкви, имевшей статус патриархии с центром в Загребе. Теперь оставалось найти кандидата, который бы дал согласие возглавить новую церковь.

Поставление серба во главе церкви в Хорватии могло вызвать определенные трудности, поэтому было решено привлечь русских иерархов, возраст которых позволял надеяться, что с ними не будет больших проблем.

Первым кандидатом стал архиепископ Гермоген. На допросе коммунистическим следователем в Загребе 26 мая 1945 г. Гермоген

показал: «В начале весны 1942 г. ко мне в монастырь Хопово приехал Милош Оберкнежевич с предложением от Павелича, чтобы я и епископ Феофан (Гаврилов. — В. К.) учредили и организовали новую православную хорватскую церковь. Он тогда сказал, что в Хорватии имеется два миллиона православных, но нет священников, поэтому было бы нужным самим заняться организацией церкви и поставлением священников, так как без священников нет ни крещения детей, ни венчания, ни похорон. Мы двое согласились принять сделанное предложение. После нашего согласия Милош Оберкнежевич отбыл в Загреб докладывать Павеличу. В мае того же года он вновь вернулся в Хопово и предложил мне стать во главе всей Хорватской православной церкви с титулом митрополита. Епископу Феофану было предложено принять пост сараевского епископа, но он отказался от этого предложения из-за того, что рефлектировал, что я буду глава православной церкви в Хорватии. Вскоре после моего отъезда он уехал в Белград, где умер 2 июня 1945 г. [...] После моего прибытия в Загреб был принят на аудиенции Павеличем. Он мне сказал, что я назначен главой Хорватской православной церкви и чтобы я как можно скорее занялся ее организацией. Тогда он мне сказал, что нужно взять в нашу церковь новый календарь, так как это будет лучше для школы и праздников... 7 июня было мое торжественное посвечение митрополитом, которое происходило в Преображенской церкви. Там присутствовали священники, участвовавшие в богослужении: Евгений Ержемский, иеромонах Платон, Серафим Купчевский, иеромонах Вениамин Романов, Йоцо Цвеянович, Васо Шурлан, из Земуна был приглашен протодиакон Алексей Борисов. На чине посвящения присутствовали Павелич и министры. Перед богослужением мне был прочитан декрет, который прочитал министр богословия Думанджич, которым я ставился митрополитом хорватской православной церкви»¹⁴.

По уставу ХПЦ Гермоген должен был быть в сане патриарха. Этого хотел и сам Павелич. Тем не менее, владыка на допросе от 20 июня 1945 г. говорил, что решил отказаться от сделанного предложения, так как по церковным канонам для этого нужно было согласие вселенского патриарха в Царьграде, связи с которым не было в Загребе¹⁵.

В то же время Гермоген направил через посольство Румынии в НДХ письмо-оповещение о своем посвящении главой ХПЦ патриарху Румынской Православной церкви, который, как утверждал владыка, признал владыку митрополитом ХПЦ¹⁶. Однако Гермогену

здесь, видимо, изменила память. Румынский патриарх Никодим не признал ХПЦ, подчеркнув, что такое право имеет только Вселенский Патриарх. Правда, 4 августа 1944 г., по утверждению Ю. Кришто, из Румынии было получено письмо, в котором румынский представитель от имени синода косвенно признал ХПЦ¹⁷. По-другому, более четко, пишет об этом П. Пожар. Он считает, что командированием своего митрополита Виссариона для епископской хиротонии Спиридона Мифки Румынская церковь признала ХПЦ¹⁸. Позиция Ю. Кришто представляется более взвешенной, так как в письме румынского патриарха не было ни слова о признании ХПЦ.

Иначе обстояло дело с Софией. Владыка несколько путанно показывал на допросе, что болгарский синод его признал, но вследствие ведения войны не желает входить в большие разногласия с Вселенским патриархом¹⁹.

Относительно позиции Белграда есть сведения о том, что Патриарх Гаврила, находившийся в заточении, дал свое согласие на выбор Гермогена, но был настроен против провозглашения его патриархом²⁰. Есть сведения о том, что Гермоген хотел получить признание ХПЦ и от синода СПЦ и даже был готов ехать в Белград для исходатайствования желаемого, но поездка не удалась. Не увенчались успехом и старания Оберкнежевича в этом направлении²¹.

Вопрос о патриаршестве Гермоген решил отложить до мирных времен²². Да и само письмо владыки в Константинополь, в патриархию, осталось без ответа²³. Там сочли за лучшее оставить извещение Гермогена без внимания.

Кстати, глагол «решить» к фигуре Гермогена мало подходит: он, как показало дальнейшее время, немного мог делать самостоятельно, но в этом вопросе, в начале 1942 г., владыка мог настоять на своем.

Здесь нужно отметить, что сам Павелич, в случае отказа Гермогена, мог предложить возглавить ХПЦ «епископу из Болгарии или Румынии, к тому же и епископ молдавский Виссарион соглашался стать патриархом православной церкви» в НДХ²⁴. Но это уже другой сюжет.

Возвращаясь к новому главе ХПЦ, отмечу еще раз, что без благословения вышестоящей церковной власти его поставление не считалось каноничным. Сам митрополит Гермоген на допросе 26 мая 1945 г. показал, что его принятие должности главы ХПЦ не «противоречило канонам православной церкви, так как по канонам каждый епископ должен получить разрешение от своей церкви, чтобы мог стать во главе епархии или целой церкви. Согласно этому, — продол-

жал владыка, — я мог просить разрешение только в русской церкви в Москве, так как принадлежал ей, и мне не нужно было разрешение сербско-православной и русско-беженской, так как русская беженская церковь не была признана русской церковью в Москве, поэтому митрополиту Анастасию было запрещено священнослужение московским патриархом»²⁵. Замечу, что еще ранее, 6 июня 1942 г., в синоде РПЦЗ во главе с владыкой Анастасием было принято решение об исключении архиепископа Гермогена из состава синода, запрещении в священнослужении и при первой возможности предании его церковному суду²⁶.

Здесь у Гермогена оставался единственный путь, и он им воспользовался.

На допросе 23 мая 1945 г. Гермоген заявлял, что попросил благословения русского московского патриарха Сергия через русского священника из окрестностей Вены Михаила Виноградова, который известил, что ему «патриарх дает свое согласие» и он может принять место митрополита хорватского²⁷.

Однако эти слова внушают определенные сомнения уже потому, что в условиях военного времени связаться из Вены с Москвой было весьма трудно.

Протоколы допросов владыки Гермогена отчетливо показывают, что его власть была весьма призрачной. «Мое отношение к властям НДХ, — говорил владыка следователю 26 мая 1945 г., — за все время было лояльным, и я все их распоряжения выполнял и приказывал подчиненным проводить их в жизнь. Также и хорватская православная церковь во всем покорялась приказам и пожеланиям власти. Если когда я и воспротивился желанию власти, а это относилось к делам, которые противоречили церковным фундаментальным уставлениям, то в конце концов принимал их требования»²⁸.

Только несколько примеров.

Первый. В 1942 г. он подписал листовку, в которой партизаны призывались вернуться в свои дома, считая, что семьи пропадут без своих лучших работников. Но он никогда не составлял и не подписывал листовки, направленные против участников освободительного движения, хотя там и была его подпись, поставленная без ведома владыки²⁹.

Второй. Епископская хиротония Спиридона Мишки, находившегося под церковным следствием, была совершена им только под нажимом властей³⁰.

Третий. Когда в феврале 1945-го на патриарший престол вступил Алексий I, то митрополит Гермоген подписал заготовленный в

министерстве правосудия и богословия текст протеста от имени священства и верующих под угрозой лагеря³¹.

Четвертый. При Гермогене секретарем, согласно приказу Павелича от 8 сентября 1942 г., служил некий Цвеянович. Судя по одному из немецких источников, он был скорее всего поставлен усташами для контроля деятельности Церкви и делал все против воли Гермогена, который ничего не мог предпринять против Цвеяновича без разрешения правительства³². Хотя сам Гермоген на одном из допросов показал, что Цвеянович был самым его деятельным и близким сотрудником³³.

Пятый. Владыка отчетливо сознавал, что возглавляемая им Церковь находится в неравноправном положении с католической. Так, можно было переходить в католичество, но нельзя возвращаться в православную. Созданный при ХПЦ церковный комитет, состоявший из двух католиков и двух православных, одним из которых был Цвеянович, должен был проводить в практику те меры, которые предпринимали сами центральные власти³⁴.

Шестой. Сами успехи Гермогена в устройстве ХПЦ были весьма спорными.

С одной стороны, наблюдался очевидный рост священнослужителей: от 40 священников, вступивших в ХПЦ в начале ее организации, до сотни к марта 1943 г.³⁵ С другой стороны, судя по донесению от 29 января 1943 г. начальника службы безопасности в Хорватии Ханса Хелма, существовала оппозиция против него как русского по происхождению, да и против его русских помощников³⁶. При этом к оппозиции примыкали и сербские пастыри, не вступившие в ХПЦ и выступавшие против русских священников³⁷.

И в то же время Гермоген, судя по донесению Хелма от 10 марта 1943 г., был доволен в общем своим положением и убежден, что государство помогает в его работе, но не видел, как подчеркивал Хелм, что именно оно намеревается парализовать его усилия³⁸, чему уже были неоднократные свидетельства.

Тем не менее, владыка делал все, чтобы помочь православным, как русским, жившим в НДХ, так и сербам, спасая от преследований, тюрьмы и даже гибели³⁹. С осени 1942 г. священники начали преподавать Закон Божий в ряде хорватских школ. С апреля 1944 г. был наложен выпуск газеты «Глас православия». 13 октября 1943 г. в правительство был введен православный министр (без портфеля), доктор наук С. Бесарович, сараевский адвокат. Шло восстановление закрытых и порушенных частично церквей⁴⁰.

Близился конец войны. Красная Армия взяла Берлин. А в Загребе 6 мая 1945 г. произошло поставление митрополита Гермогена в Патриарха, и в связи с торжественным событием был дан торжественный обед⁴¹.

Как показывал сам владыка на допросе 26 мая 1945 г., он вначале отказывался от предложения правительства быть наименованным патриархом хорватской православной церкви в НДХ, но ему было сказано, что по уставу он должен принять эту должность и титул патриарха. На это требование одного из представителей власти, а именно, высокого функционера из министерства правосудия и богословия Р. Главаша, он согласился, и правительство назначило его патриархом⁴².

Все вышесказанное еще раз подтверждает показания Гермогена о том, что он во всем слушался властей. Видимо, здесь надо учитывать и возраст владыки, и соответствующее состояние здоровья, которое один из близко знавших его людей охарактеризовал как «старческое изнеможение»⁴³.

Но владыке нельзя отказать и в храбости. На допросе 26 мая 1945 г. Гермоген показал, что он мог бы покинуть Загреб: ему предоставлялась машина, которая должна была доставить его к поезду. Однако он «решился остаться, так как не чувствовал себя виноватым»⁴⁴.

8 мая Загреб был взят частями Югославской Народной армии, а сам Гермоген был арестован. Судьба его была предрешена, для новой власти владыка, русский эмигрант, стал «врагом народа». Обвинения не заставили себя ждать.

29 июня 1945 г. военный суд комендатуры города Загреба «во имя народа Югославии» вынес приговор большой группе лиц, в том числе и обвиняемому Гермогену Максимову.

Гермоген Максимов был признан виновным и приговорен к расстрелу за то, что «принял положение, имя и титул митрополита загребского, а позже и патриарха т. н. хорватской православной церкви, которая была создана по (желанию. — В. К.) злодея Павелича, чтобы как можно легче осуществилась... оккупация Югославии, и чтобы единство сербского народа в Хорватии было расколото, что обусловило братоубийственную войну... с целью послужить захватчику как можно легче поработить народы Югославии, и как можно лучше скрыть усташские злодеяния, совершенные над невинным населением... На своем посту... он по приказу Павелича и на службе иностранного завоевателя насильно переводил и загонял сербов в так н.

хорватскую православную церковь и таким способом скрыл смерть тысяч сербов, которые во время этих переводов массами были убиты... по приказу и на службе оккупатора он разжигал национальную, расовую и религиозную ненависть... поддерживал тесные политические и дружеские связи с верховными функционерами оккупантов... ставя себя в полную службу оккупатора»⁴⁵. Спустя несколько дней закончилась земная жизнь владыки⁴⁶, так много потрудившегося для своей паствы и считавшего, что он ничего не сделал такого, за что его можно было бы осудить.

Сейчас ХПЦ вновь возрождается.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Požar P. Hrvatska Pravoslavna crkva u prošlosti I budućnosti*. Zagreb, 1996. S. 177–180.
- 2 *Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское* // http://old.fstanitsa.ru/2/41_16shtml.
- 3 http://www.portal_credo.ru/site/?akt=lib@id=836.
- 4 *Русский вестник*. 2003. № 24. С. 12–13.
- 5 Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов. М., 2000. С. 705.
- 6 http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_236.
- 7 Казачий словарь-справочник / Сост. Г. В. Губарев. Сан-Ансельмо. Калифорния, 1968. Т. 2. С. 156. Репринт: М., 1992.
- 8 ГАРФ. Ф. 6343. Д. 15. Оп. 1. Л. 29 об.–30.
- 9 *Krišto J. Sukob simbola. Politika vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj*. Zagreb, 2001. S. 247.
- 10 Ibid. S. 248–249.
- 11 Цит. по: *Krišto J. Sukob simbola...* S. 249.
- 12 Ibid. S. 250.
- 13 Ibid.
- 14 HDA. Republički sekretarijat za unutrašnje poslove službe bezbednosti. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 39.
- 15 Ibid. L. 45–46.
- 16 Ibid.
- 17 *Krišto J. Sukob simbola...* S. 257–258.
- 18 *Požar P. Hrvatska Pravoslavna crkva...* S. 199.
- 19 HDA. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 45–46.

- 20 *Krišto J. Sukob simbola...* S. 254.
- 21 Ibid. S. 258
- 22 Ibid. S. 254.
- 23 Ibid. S. 255.
- 24 HDA. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 42.
- 25 Ibid. L. 44.
- 26 *Шкаровский М. В. К истории Православной церкви в Хорватии (комментарий в свете веры)* // www.sedmitza.ru/text/413678.html
- 27 HDA. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 29.
- 28 Ibid. L. 42.
- 29 Ibid. L. 44.
- 30 Ibid. L. 41.
- 31 Ibid. L. 43.
- 32 Ibid. L. 101.
- 33 Ibid. L. 46.
- 34 Ibid. L. 101–102.
- 35 Ibid. L. 102.
- 36 Ibid. L. 96.
- 37 Ibid. L. 97.
- 38 Ibid. L. 104.
- 39 *Шкаровский М. В. К истории Православной церкви в Хорватии.*
- 40 Там же.
- 41 HDA. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 70.
- 42 Ibid. L. 43.
- 43 Ibid. L. 100.
- 44 Ibid. L. 43.
- 45 Ibid. L. 57.
- 46 *Požar P. Hrvatska Pravoslavna crkva...* S. 362.

Kossik V. I.

To the Portrait of the Primate of the Croatian Orthodox Church
Metropolitan Hermogenes

The article is about the life of Metropolitan Hermogenes and his leadership in the newly organized Croatian Orthodox Church in 1942–1945.

Key words: *Metropolitan Hermogenes, Croatian Orthodox Church, Pavelić, Oberkniesević Krishto, Independent Croatian State (NDH), Piotr Lazić, H. Helm.*

*O. N. Майорова
(Москва)*

Позиция Вашингтона в отношении событий в Польше в 1989 г. (по материалам корреспонденции Посольства ПНР в США и МИД ПНР)

В статье рассматривается один из международных аспектов польской мирной революции 1989 г.

Ключевые слова: *1989 г., события в Польше, Вашингтон.*

Международные аспекты польской мирной революции, непосредственным импульсом к которой послужили соглашения «круглого стола», а затем выборы 4 июня 1989 г., мало изучены. Объясняется это главным образом ограниченностью доступа к архивным документам в странах, сыгравших важную роль в польском «переходе к демократии». Поэтому столь большое значение имеют, кроме свидетельств участников событий, недавно вышедшие в свет две публикации документов, представляющие позицию американской администрации в обозначенный период, — корреспонденция Посольства США в Варшаве с Госдепом США за 1989 г.¹ и корреспонденция Посольства ПНР в Вашингтоне с МИД ПНР² (именно эта последняя станет предметом анализа в настоящей работе). В обоих случаях документы были рассекречены раньше обычного.

Данная публикация — попытка показать, как Посольство ПНР анализировало политику США в переломный момент. Представлены два вида источников: с одной стороны, документы, содержащие мнения американской администрации, парламентских кругов, прессы, с другой — оценки сотрудников посольства ПНР, касающиеся главным образом американских позиций в отношении развития ситуации в Польше.

При анализе международных аспектов следует учитывать, что основная динамика и направление событий были, разумеется, внутренними. Материалы, содержащиеся в данном томе, подтверждают констатацию посла США в Варшаве в 1983–1989 гг. Дж. Дэвиса, что «политическое землетрясение 1989 г. было результатом польских событий!»³. Но не следует рассматривать как исключительно пассивный фактор и внешнеполитический контекст этих событий. Это касается прежде всего политики США, ее эволюции и целей.

На основе отношения Вашингтона к событиям в Польше можно проследить начало трудного формирования пространства деятельности для американской политики в Центральной и Восточной Европе.

Президент Буш распорядился произвести «стратегический пересмотр» внешней политики США 15 февраля 1989 г., то есть меньше чем через месяц после прихода к власти республиканской команды во главе с ним. При этом, как вспоминает тогдашний госсекретарь Джеймс А. Бейкер, новая администрация совершила две серьезные ошибки: во-первых, пересмотр осуществляли в основном люди из состава прежней администрации, а во-вторых, во имя бюрократического консенсуса отбрасывались наиболее интересные идеи⁴. Это, однако, не помешало американской дипломатии добиться больших успехов в этот период.

Начавшиеся в Польше переговоры «круглого стола» влияли на процесс стратегического пересмотра политики США. Польский посол Ян Кинаст информировал 13 февраля, что его открытие «пришлось на период, когда администрация начала процесс пересмотра внешней политики США на отдельных направлениях, в том числе в отношениях с Польшей. Настоящая реакция будет играть существенную роль в формировании оценок администрации, накладывающих отпечаток на ее политику в таких ключевых вопросах, как отношение к нашим экономическим требованиям, а также в области поддержки, оказанной оппозиции»⁵.

США проявляли осторожность, опасаясь, что «круглый стол» — это скорее тактическое решение польских властей, чем инициатива, которая может принести стратегические перемены. Я. Кинаст, делая для МИДа обзор американской прессы в день открытия заседаний «круглого стола», писал, в частности: «Единодушно признают, что “учитывая внутренние деления в партии, оппозиции и костельной иерархии, начало переговоров рискованно для всех сторон”... Чувствуется стремление взаимно уравновесить элементы “скептицизма” и “оптимизма”... Преобладает серьезность подхода к “[круглому] с[толу]”, характерная для исключительно важных политических событий»⁶.

Так же серьезно относился к переговорам «круглого стола» и З. Бжезинский — известный американский политик и политолог, в 1977–1981 гг. — советник президента Дж. Картера по делам национальной безопасности. У него создалось впечатление, что на этот раз, в отличие от 1981 г., когда польские власти могли бы более серьезно рассматривать возможность компромисса с оппозицией, что «позволило бы избежать военного положения и “потери” 8-ми лет... власти серьезно стремятся к политическому компромиссу, хотя на фоне трудной экономической ситуации может дойти до радикализма с обеих сторон»⁷.

Эта серьезность явно проявлялась у посла США в Польше Дж. Дэвиса, когда 13 февраля, то есть через неделю после начала переговоров «круглого стола», он направил госсекретарю Бейкеру предложение, которое должно было побудить к переговорам обе стороны, особенно польское правительство: «Предлагаю, чтобы Соединенные Штаты выступили со скромными предложениями, которые были бы символичным политическим жестом и одновременно увеличили бы возможности деятельности посольства в этой все более динамичной и неопределенной ситуации»⁸. Замысел Дэвиса тогда еще не вызвал большого энтузиазма в Госдепе. При очередных встречах польских дипломатов с американскими собеседниками была представлена сдержанная и выжидательная позиция: «Запад и США приняли сейчас в отношении Польши выжидательную позицию»⁹.

Через месяц после начала «круглого стола» посол Дэвис представил новый пакет предложений, суть которых, как отмечает польский исследователь К. Михалек, проанализировавший американскую корреспонденцию, сводилась к тому, что США должны поддержать соглашения «круглого стола». В письме госсекретарю Бейкеру 7 марта: «Растет вероятность, что в Польше в течение нескольких следующих недель будет достигнуто историческое соглашение между правительством и “Солидарностью” при благословении и явной поддержке Костела... Это может быть перелом, на который мы работали 40 лет или дольше... Без возврата к очевидному экономическому росту и большей заангажированности Запада в польские дела никакое соглашение не будет в состоянии получить поддержку значительной части польского общества, которое скептически настроено после повторявшихся в прошлом неудач». Затем Дэвис представил конкретный план снижения польской задолженности Парижскому клубу. Он доказывал также необходимость крупных инвестиций в Польшу, финансируемых Всемирным банком. В заключение своих предложений Дэвис решительно подчеркивал: «Хотя соглашение Круглого стола не приведет через мгновение к демократии, полной суверенности и экономическому процветанию, но выведет Польшу на путь смелого политического эксперимента, полного как больших надежд, так и опасностей. Этот успех будет иметь последствия в коммунистическом мире... Если дойдет до соглашения, то не только правительство, но и “Солидарность” рассчитывают на позитивный ответ Соединенных Штатов»¹⁰.

11 марта Посольство США в Варшаве получило частичный ответ на свои предложения. Госсекретарь Бейкер информировал о за-

вершении в общих чертах выработки новой восточноевропейской политики. Он излагал возражения со стороны Департамента обороны: там считали, что повторится история времен правления Э. Герека, и американская помощь будет потрачена впустую. В заключение госсекретарь отмечал: «Хорошо складывается, что выработка нами политики и заседания Круглого стола одновременно приближаются к концу. Объявление этого в Сенате приведет, в частности, к тому, что анализ действительно станет очень существенным»¹¹. Следовательно, частичный успех Дэвиса: удалось довести до признания Госдепом того, что происходят изменения кардинального значения для судеб Польши и восточной части Европы. Удалось также переломить сопротивление в структурах правительства, вытекающее из разочарования ходом реформаторских процессов в Польше в прошлом.

Дэвис почти уверен в успехе «круглого стола». 21 марта он предсказывал Бейкеру, что «обе стороны зашли слишком далеко, чтобы вернуться, и сейчас я почти уверен, что в начале апреля уставшие переговорщики подпишут свое историческое соглашение и встанут из-за стола, с беспокойством смотря на Запад и ожидая нашего ответа»¹².

И действительно, 5 апреля Соглашения «круглого стола» были подписаны. Белый дом приветствовал это событие и считал его «историческим шагом в направлении плурализма и свободы»¹³. Американские СМИ всесторонне анализировали подписанные соглашения, раскрывали их значение. В контексте отношений Восток–Запад преобладали оценки, что это «явное доказательство “окончания холодной войны”». Глубоко рассматривая соглашения в ракурсе внутренней ситуации, СМИ акцентировали внимание на том, что соглашения являются доказательством того, что даже в соцстранах «революция снизу может достичь что-то близкое к своим целям». При этом отмечали важность такого фактора, как прямая и косвенная поддержка со стороны М. С. Горбачева, политика которого давала «прикрытие и импульс» реформаторам в стране. СМИ справедливо писали об апатии значительной части общества, «отсутствии энтузиазма в отношении соглашений “к. с.”, трудной и обременительной для населения экономической ситуации, которая может еще вызвать взрыв беспорядков». Указывали также на существование оппозиции по отношению к соглашениям как в «Солидарности», так и в ПОРП. Подчеркивали, что «путем заключения договора с Валеной “Солидарность” становится в большей степени ответственной за экономическую ситуацию в стране». Внушалась потребность «“зна-

чительных решений” в сфере помощи Запада для “поддержания прогресса в Польше”, например, посредством “уменьшения задолженности и других форм помощи”. С другой стороны, повторялись оценки западных политических кругов, что результаты “к. с.” “вызывают скептицизм финансовых экономических кругов (“рискованная индексация, ценовая политика”)»¹⁴.

Масштабы перемен в политической системе вызывали удивление, в частности, у членов Конгресса США: «Радикализм преобразований представляет шок. Они соглашались с тем, что ключевым вопросом сейчас является улучшение экономической ситуации, хотя прогресс в этой области не наступит быстро»¹⁵.

Таким образом, поощрение соглашений «круглого стола» в конечном счете служило интересам Соединенных Штатов. Американские СМИ видели в них «возможность увеличения сферы “помощи США для демократических сил на Востоке” без возбуждения опасений со стороны СССР»¹⁶. Как с удовлетворением писал спустя десять лет советник по вопросам безопасности в администрации президента Дж. Буша-старшего Б. Скоукрофт, «этот процесс принадлежал к таким, которые могли принести нам пользу, и поощрение к его развитию в конечном счете лежало в сфере наших интересов... Теперь представлялось очевидным, что Польша идет в направлении политической автономии, находящейся за пределами коммунистического контроля, и этот процесс будет требовать поддержки и одобрения со стороны Соединенных Штатов. Теперь мы имели просто идеальный аргумент, обосновывающий проведение нашей новой политики в отношении Восточной Европы»¹⁷ (подчеркнуто мною. — О. М.).

Для Польши остро стоял вопрос экономической и финансовой помощи Запада и главным образом со стороны США. Поэтому важная часть рассматриваемой корреспонденции — представление и анализ американской позиции в отношении ожиданий польских властей по экономическим вопросам — как непосредственно американской помощи на двусторонней основе, так и получения решающей американской поддержки польских требований, выдвигаемых перед международными финансовыми институтами. Еще в феврале, когда продолжались заседания «круглого стола», польский посол Я. Кинаст предлагал в ходе переговоров с американской делегацией представить пакет конкретных экономических вопросов, имеющих особую важность для польской стороны «(например, М[еждународный] В[алютный] Фонд) и Всемирный банк, реалистический подход в

Парижском клубе, участие американского капитала в современных мероприятиях и инвестициях, связанных с приоритетами, определенными правительством, а также облегчающих реструктуризацию экономики). При этом ему представлялось нецелесообразным требование, например, кредитов Корпорации товарных кредитов (Commodity Credit Corporation), поскольку эта «тема вызывает, как прежде, негативную реакцию, так как создается впечатление, что мы не сделали соответствующих выводов из 70-х гг.»¹⁸.

После окончания «круглого стола», в апреле, в Конгрессе проводились интенсивные консультации по проекту закона «Помощь для Польши», представлявшего реакцию США на эти соглашения¹⁹. Данная тема активно обсуждалась и в американской прессе. Учитывая бюджетные проблемы США, помочь должна была опираться главным образом на международные финансовые институты, включать кредиты Эксимбанка и поддержку для программ МВФ и ВБ для Польши. В комментариях подчеркивалось, что «события и перемены в Польше являются следствием политики Запада, которая связывала возможное выделение экономической помощи с либерализацией общественно-политической системы. Соглашение “к. с.”, по этим оценкам, является призывом к экономической помощи Запада...»²⁰.

Как следовало из выступления президента Буша 17 апреля, о чем подробнее речь пойдет ниже, «польский пакет» включал 8 пунктов, в том числе: охват Польши общей системой преференций, рамками страхования Корпорации частных инвестиций за границей, участие частного сектора по разным направлениям: переговоры по соглашению о частном предпринимательстве, поддержка расширенных программ обучения и обмена, адресованных формирующемуся независимому сектору, поощрение американского бизнеса на инновационные программы в польских предприятиях и т. д.»²¹.

Точку зрения польской стороны на решение проблемы задолженности представил член Политбюро ЦК ПОРП Ю. Чирек в ходе визита в США в мае, указав «на необходимость пойти Польше на встречу, чтобы она могла заплатить долги, активизировав экономику...». Польская сторона высказывала пожелание, чтобы США убедили «союзников уже в ходе экономического саммита семерки в Париже в необходимости отказа Запада от дискриминационных мер в отношении Польши»²².

Иллюстрацией значения, которое тогдашние власти ПНР придавали экономической и финансовой проблематике в отношениях с

США, может служить факт передачи американскому послу в связи с предстоящим визитом в Варшаву президента США документа, в котором были сформулированы ожидания польской стороны в указанной выше области. Она рассчитывала, в частности, «на первый транш кредитов МВФ (150 млн. долл.) и начало подготовительных проэкспортных проектов ВБ (возможное использование в т. ч. около 50 млн. долл). Наши потребности на 1990 г. — 450 млн. от МВФ и продолжение проэкспортных кредитов ВБ в размере 200 млн. долл., кроме того около 150 млн. долл. от ВБ на инвестиции по реструктуризации горнодобывающей промышленности...»²³.

Можно отметить, что интенсивные усилия правительства ПНР, направленные на получение одобрения американской стороной польских экономических требований, были связаны также с ожиданием, что позиция США будет иметь ключевое значение в процессе формирования политики Запада в целом в отношении процесса перемен в Польше. Эти ожидания оправдались. Непосредственно после окончания визита в Польшу президент Буш отбывал в Париж на саммит G-7, в повестке которого стояла польская проблематика. Немного ранее, в ходе визита Дж. Буша, Дж. Бейкер в беседе с министром иностранных дел ПНР Т. Олеховским заверил: «Если в 1982 г. США были инициаторами санкций, то в 1989 г. будут инициаторами помощи Польше»²⁴.

Усилия польской стороны по поиску финансовой поддержки проводимым в Польше реформам увенчались успехом. В июне 1989 г. Конгресс США выделил 1 млрд. долл. на «безусловную поддержку институтов и демократических инициатив» в Польше, 2 млн. долл. на закупку медицинского оборудования и лекарств, а 13 декабря того же года главами дипломатии 24-х наиболее промышленно развитых стран была утверждена программа PHARE (Польша и Венгрия: помочь для реструктуризации их экономики)²⁵. В конце 1989 г. МВФ при поддержке правительств крупнейших стран Запада учредил специальный фонд в 1 млрд. долл. с целью стабилизации курса золотого. Примерно такие же суммы согласились предоставить в качестве кредитов США и ЕЭС. А в феврале 1990 г. Парижский клуб выразил согласие на отсрочку уплаты польского внешнего долга.

После «круглого стола» возникла настоятельная необходимость в выработке совместной западной позиции в отношении Польши и Восточной Европы в целом. Т. Симонс, заместитель помощника госсекретаря по европейским вопросам, представляя американскую позицию на Совете НАТО 13 апреля, выразил надежду «иметь наи-

более активные и наиболее удачные отношения с двумя странами [Восточной Европы], думающими о политической реформе и соблюдении прав человека, — Польшей и Венгрией...». При этом успех новой стратегии США ставился в зависимость от позитивного хода процесса внедрения постановлений «круглого стола». Симонс выказался за необходимость поддержки Западом польских реформ, поскольку он «не согласен с теми, кто говорил, что процесс реформ в Польше уже необратимый. Хотя для Советов или польских коммунистов цена остановки этого процесса становится все больше, постоянно существует такой риск»²⁶.

Теперь проблема заключалась в том, когда и каким образом американской администрации огласить новую политику в отношении Восточной Европы. Для провозглашения президентской речи нашли подходящее место — городок Хамтрамк в штате Мичиган, анклаве Детройта — городок с сильными патриотическими традициями, где проживало много семей, имеющих родных в Восточной Европе, особенно в Польше. «Именно ход внутренних политических и экономических реформ, — продолжал Скоукрофт, — более чем внешняя политика восточноевропейских стран в отношении СССР, должен был являться критерием для оказания им помощи»²⁷.

Как передавал в Варшаву польский посол Ян Кинаст, Буш в своем выступлении 17 апреля подчеркнул, что «подписание соглашений “к. с.” представляет перелом в послевоенной истории В[осточной] Е[вропы], они также отражают “реализм генерала Ярузельского”, “духовное руководство костела”, “ силу и мудрость Валенсы”; — СШ, решаясь ответить на вызов “демократических сил в Польше о моральной, политической и экономической поддержке Запада, не будут действовать безоговорочно”, не будут предлагать ни “неразумных кредитов”, ни “помощи без разумной экономической практики”...»²⁸.

Давая оценку этого выступления, Я. Кинаст отметил, что «это первое практическое проявление реакции Запада на события в Польше»²⁹. Министр иностранных дел ПНР Олеховский в своем анализе подчеркивал «качественное изменение американской позиции в отношении Польши. Оно открывает путь к полной нормализации финансово-экономических отношений Польши с Западом... Основное достоинство пакета [помощи для Польши] — то, что он проконсультирован... с другими западными государствами-кредиторами Польши. Это означает согласие на окончательное оформление наших отношений с МВФ и ВБ, а также отсрочку наших платежей Парижскому клубу...». Министр обращал внимание на то, что все пункты «па-

кета», касающиеся двусторонних польско-американских отношений, «предусмотрены... исключительно для частного сектора как гаранта развития ситуации в соответствии с ожиданиями Запада». Как в американской администрации, так и в Конгрессе отмечалась также господствовавшая в то время «исключительно благоприятная для Польши атмосфера». Примечательна рекомендация Олеховского в презентации «пакета» Буша в польских СМИ: «сохранять чувство меры, указывая, что это не открытие кредитов для Польши, а только поддержка Вашингтоном наших стремлений в МВФ и Парижском клубе»³⁰.

Таким образом, речь Буша фактически замыкала период выработки американской позиции в отношении переговоров «круглого стола» и их результатов. Главное в стратегическом пересмотре — подход со стороны администрации будет определяться реализацией политических и экономических реформ, а также сближением восточноевропейских стран с США. Оценка соглашений «круглого стола» администрации Буша в значительной степени вытекала из опасения обратимости перемен в Польше или в результате внутренних действий (модель военного положения 1981 г.), или возможной советской реакции (аналогия с вторжением в Чехословакию 1968 г.).

Опыт прошлого подсказывал США проявить значительную сдержанность по отношению к обеим сторонам переговорного стола в Польше, для которых американские дипломаты в Варшаве были одновременно важными и желательными собеседниками. Об этом можно судить, как отмечает польский исследователь К. Михалек, по многочисленным реляциям посла Джона Р. Дэвиса о беседах с ведущими представителями как руководства «Солидарности», так и правительственный стороны, передаваемых в Госдепартамент США. Разумеется, и американское посольство, и Госдеп поддерживали так называемую общественную сторону в этих переговорах. Не случайно посол Дэвис постоянно получал текущую информацию о ходе и тактических шагах во время переговоров от руководителей именно этой стороны. Одновременно с этим отдавался отчет в ослаблении обеих сторон переговорного процесса, поэтому многократно в корреспонденции посольства США в Госдепартамент выражалась надежда на неизбежность успеха в виде компромиссного стратегического соглашения³¹.

В период подготовки выступления Буша в Хамтрамке среди ближайшей группы сотрудников президента проявились острые разногласия в отношении стратегии подхода к Польше. Часть из них

проявляла определенную сдержанность в подходе к переговорам и соглашениям «круглого стола», негативно оценивая опыт польско-американского сотрудничества в 1970-е гг., когда команде Э. Герека оказали экономическую помощь, но существенных экономических реформ проведено не было, страна обременила себя огромными долгами. А советник по делам национальной безопасности Б. Скоукрофт и госсекретарь Дж. Бейкер полагали, что «на этот раз ситуация иная и речь идет не только об удалении Польши от Советского Союза, но и о больших и решительных шагах в направлении открытого общества, и неразрывной частью этого процесса являются экономические реформы»³².

При этом в окружении Буша велось соперничество за влияние на формирование внешней политики: с одной стороны — Дж. Бейкер, с другой — Б. Скоукрофт. Посторонние наблюдатели, но хорошо знавшие реалии вашингтонской политики, прекрасно отдавали себе в этом отчет. Так, Зб. Бжезинский, делясь своими соображениями на эту тему с польским послом в США Я. Кинастом, отмечал: «...вопреки видимости, то есть близким отношениям Буш–Бейкер, руководство внешней политикой перейдет к Белому дому с учетом заинтересованности Буша. В связи с этим возрастает роль Скоукрофта... доказательством этого было уже решение Буша о визите в Китай, о чем он не консультировался с Бейкером, а только основывался на разговорах с очень узким кругом экспертов»³³.

Разногласия касались не только конкретных лиц и структур, прямо ответственных за внешнюю политику (Госдеп, Совет по национальной безопасности), но и других департаментов, например, Департамента обороны. Последний, как и Департамент финансов, был против выделения помощи Польше и смягчения политики в отношении Восточной Европы. Департамент финансов подчеркивал не только пропавшую помощь в 1970-е гг., но и существенные ограничения бюджета Соединенных Штатов³⁴.

Темп выработки новой стратегии был стремительным. В уже упоминавшейся беседе с послом Кинастом 8 февраля Бжезинский коснулся времени, необходимого для формулирования политической стратегии новой администрации: от трех до шести месяцев³⁵, в действительности же потребовалось неполных три месяца (от инаугурации Буша 20 января до выступления в Хамтрамке 17 апреля). Катализатором, несомненно, послужили финальные постановления «круглого стола», которые хорошо вписались в меняющийся генеральный подход США к Польше, когда, по словам Бжезинского,

«снижается заинтересованность ею как фактором дестабилизации в лагере соцстран и может возрастать заинтересованность как страной лидирующей в политических реформах»³⁶, стабилизирующей порядок в регионе.

«Шансы на успех» во внешней политике администрации Буша виделись в двух регионах мира: Тихий океан и Восточная Европа³⁷. Поэтому логичным представляется вывод, что и с pragматической точки зрения администрация концентрировала внимание на той территории, которая обещала возможность получить успех. «...Польша и ее дела видятся здесь в более широком контексте политики США в отношении СССР и ВЕ как региона», — сообщал польский посол в феврале³⁸. Комментируя заключение соглашений «круглого стола», американские СМИ подчеркивали в контексте отношений Восток–Запад «возможность увеличения сферы помощи США для демократических сил на Востоке без возбуждения опасений со стороны СССР»³⁹. Как «первый большой шаг в направлении Восточной Европы» оценил выступление президента Буша 17 апреля Б. Скоукрофт: «Это было только начало, но очень важное в стремлении использовать симптомы оттепели в коммунистических странах Европы и руководить событиями в нужном направлении, но с быстротой, которую Москва могла бы принять»⁴⁰ (подчеркнуто мною. — О. М.).

Указанные цели, среди прочих, преследовались и во время визита Буша в Польшу в июле 1989 г. Несомненно, это было событием особого значения в польско-американских отношениях, что нашло отражение в рассматриваемой корреспонденции. Визит, состоявшийся спустя всего несколько месяцев после вступления Буша на пост президента, был демонстративным проявлением поддержки США системных изменений, происходивших в Польше в течение уже более полугода. Как вытекает из документов, еще в январе 1989 г. представитель Госдепа высокого ранга информировал польского посла о возможности визита Буша в Польшу в перспективе ближайших четырех лет⁴¹. Однако заключение соглашений «круглого стола», а затем проведение парламентских выборов 4 июня 1989 г. были событиями, резко ускорившими сроки визита. Он состоялся 9–11 июля. При этом Вашингтон принимал во внимание возможное влияние кардинальных перемен в Польше как важнейшем государстве региона на развитие ситуации во всем регионе Центральной и Восточной Европы, со всеми вытекающими из этого geopolитическими последствиями, считал, что это период «несравненного шанса» для интересов США

в Польше, что это «концептуально новая цель США», которая должна привести к преодолению раздела Европы⁴².

Итак, цели визита. С американской стороны они представлялись следующими (в изложении польского посла Я. Кинаста и его заместителя Р. Крыстосика на основе бесед, оценок выступлений президента и госсекретаря, других представителей администрации высокого ранга, анализа польских дел в Конгрессе США). В политической сфере:

«Целью США является не только получение немедленных стратегических и политико-пропагандистских выгод. Речь идет о более глубоких результатах, которые появятся в более длительной перспективе, без возбуждения подозрений со стороны СССР и осложнения процессов перестройки в самом СССР или ослабления самой позиции Горбачева.

...сближение Польши и СШ и усиление американского присутствия в политической и информационно-пропагандистской сфере;

...должен подчеркнуть ведущую роль США в западном мире, в т. ч. и в отношении процесса перемен в восточноевропейском регионе...

...воздействие в направлении вывода советских войск из Польши»⁴³.

Что касается экономической сферы, то стояла задача «представить польскому общественному мнению позицию, что финансово-экономическая помощь США и Запада будет возможна тогда, когда оппозиция займет влиятельное место в политических структурах Польши»⁴⁴. При этом любая помощь в экономической сфере будет иметь условный характер и значительный акцент будет сделан на поддержку частного бизнеса в Польше, поскольку «приватизация польской экономики представляется как единственный практический путь реализации экономических реформ»⁴⁵.

Польская же сторона во время визита занимала следующие позиции:

«Визит следует использовать для получения максимальных выгод от объявленного 17 апреля с. г. 8-пунктного “польского пакета”». Успех польских реформ требует «срочной финансово-экономической поддержки извне». Чрезвычайно важен фактор времени. «Ключевой вопрос: начнут ли действовать вводимые реформы или их опередит общественный взрыв».

«...подходит к концу работа над проектом приспособления (глубокая реструктуризация экономики, ужесточение режима финансовой политики, либерализация системных правил функционирования

экономики, развитие рыночных отношений). Она сконструирована так, чтобы могла быть одобрена обществом (к сожалению, не без труда) и получить одобрение зарубежных партнеров»⁴⁶.

На что конкретно рассчитывала польская сторона, уже указывалось при рассмотрении вопросов финансово-экономической помощи для Польши.

Все эти сюжеты, как вытекает из документов, нашли отражение в ходе визита. Учитывая деликатную внутреннюю ситуацию, возникшую в результате парламентских выборов 4 июня и кризиса вокруг президентуры, с мыслью о сохранении мирного и эволюционного характера польских перемен, президент США решил на тактичную, но очевидную для всех сторон поддержку генерала Ярузельского как кандидата на вновь созданный пост президента. Свой интерес США видели в стабилизации внутренней ситуации. Однако никто не сомневался, на чьей стороне находятся действительные политические симпатии президента Буша. Учитывая, что американский президент планировал продемонстрировать политические симпатии в отношении оппозиции, правительенная сторона стремилась, в частности, таким образом составить программу визита, чтобы по возможности меньше была заметна относительно равноценная трактовка американским гостем позиций правительенной стороны и «Солидарности».

Цели американской стороны были в основном достигнуты, визит оценивался ею как «большой успех». Позитивные результаты виделись во многих плоскостях: «США усилили свое присутствие в Польше... в Восточной Европе... Буш еще раз подтвердил позицию лидера... возникла новая ситуация в польско-американских отношениях...». Визит также продемонстрировал поддержку оппозиции и показал, что она является равноправным партнером для контактов и переговоров⁴⁷.

Польской стороне этот визит представлялся также как «существенный элемент в американской стратегии, направленной на укрепление позиций США в ЦВЕ, а также на активное влияние на направление перемен в соцстранах Европы». Что касается двусторонних отношений, то, как и предполагалось, визит стал «удачным завершением процесса восстановления отношений и создал новый этап в развитии диалога на высшем уровне...»⁴⁸. Позитивные результаты виделись прежде всего в том, что выбор Польши для первого визита Буша в соцстраны усиливал позицию Польши в целом, особенно в отношении западных партнеров.

Были не только подтверждены прежние инициативы США (пакет конкретных действий, содержащийся в выступлении Буша в Хамтрамке 17 апреля), но и расширены. Это касалось прежде всего обещания выступить в Конгрессе США о выделении (при посредничестве правительственного агентства US AID) безвозмездной помощи в размере 100 млн. долл. на развитие частного сектора польской экономики. Прозвучали уверения в поддержке польских требований в международных организациях.

Выше уже отмечалась деликатная поддержка американским президентом генерала Ярузельского на пост президента ПНР. Но позиция Буша не заключала в себе попытки заблокировать путь к занятию солидаристской оппозицией поста премьера и тем самым получению контроля над значительной частью исполнительной и законодательной власти. Соглашения «круглого стола» фактически обеспечивали сохранение основных рычагов власти за ПОРП: ей доставался вновь вводимый пост президента, она резервировала за собой и своими союзниками две трети мест в Сейме, что автоматически гарантировало право создания правительства. Лишь сокрушительное поражение на выборах в Сейм 4 июня, переход союзнических партий на сторону оппозиции и неудачная попытка формирования правительства генералом Ч. Кищаком поставили в повестку дня вопрос о пересмотре соглашений «круглого стола» и образовании некоммунистического правительства (которое, впрочем, не было чисто оппозиционным). В заявлении польских властей в связи с обострением политической ситуации в начале августа отмечалось, в частности: «оппозиция... склонна нарушить соглашения “круглого стола”... Выдвижение Л. Валенской предложения создания правительства “Солидарностью” в коалиции с Объединенной крестьянской партией и Демократической партией... означало бы фактическое принятие оппозицией полной государственной власти...» Второй политический факт, нацеленный в соглашение «круглого стола», — «разжигание “Солидарностью” волны всеобщих забастовок, что... подрывает шансы экономических реформ и основы программы приспособления, представленной Польшей международным кредитным институтам»⁴⁹. Однако поддержки со стороны США получено не было, они не восприняли происходившие события как нарушение соглашений «круглого стола», которые были задуманы «не как что-то статичное, а как динамичный процесс...». По их оценке, решающим фактором в актуальной ситуации в Польше являлось «широкое общественное недовольство. Отсюда возникают

забастовки. “Солидарность” играет в них... второстепенную роль... Политический кризис наверху вызван прежде всего давлением снизу...». Чтобы смягчить экономические трудности, США сыграли ведущую роль для обеспечения помощи Польше. Еще раз повторялось, что США не заинтересованы во внутренней конфронтации⁵⁰.

Такая позиция США основывалась на том, что в Польше создалась чрезвычайно сложная и очень деликатная ситуация. Соединенные Штаты не ожидали такого стремительного темпа событий. Возможность создания первого некоммунистического правительства в стране, причисляемой к сфере непосредственного советского влияния, они, разумеется, расценили как «большое историческое событие, имеющее очень важное значение для США. Оно касается позиции СШ в Польше, в Восточной Европе, а также на всем европейском континенте. Накладывает отпечаток на отношения Восток–Запад». Все эти события предопределяли «необходимость чрезвычайной осторожности в действиях»⁵¹. 24 августа заявление Буша в Кеннебункпорте отражало прежний, уравновешенный курс США, основанный на очень осторожных оценках развития внутренней ситуации в стране. Американские СМИ пристально следили за ситуацией с правительством Т. Мазовецкого. По оценке экспертов по Восточной Европе, причиной трудностей являлась позиция Объединенной крестьянской партии и Демократической партии, которые стремились получить «максимум за изменение позиции, которое сделало возможным теперешнюю ситуацию»⁵².

Таким образом, позиция администрации США в отношении быстрого процесса перемен, происходящего в условиях обостряющейся политической борьбы и экономического кризиса в Польше, оставалась очень уравновешенной и осторожной. Еще на основе выступления Буша 17 апреля в Хамтрамке польский посол делает вывод, что Соединенные Штаты решили «избрать осторожный курс. Объявленные шаги говорят о действиях, которые будут предприняты с условиями (каждый из пунктов содержит свои условия), по мере реализации соглашений “к. с.”»⁵³. Прежний, уравновешенный курс США, «основанный на очень осторожных оценках развития внутренней ситуации в стране», отражало и заявление Буша 24 августа в Кеннебункпорте в связи с назначением Т. Мазовецкого премьером первого некоммунистического правительства⁵⁴.

Еще один приоритет — сохранение стабильности в Европе. В своем выступлении в Хамтрамке Буш, в частности, подчеркнул, что «они будут помнить, что Польша по-прежнему является членом

В[аршавского] Д[оговора], и что они не сделают шагов, причиняющих вред безопасности Запада»⁵⁵. Таким образом достаточно явно выражена поддержка эволюционного направления перемен («реформ», как это осторожно формулировалось): например, Зб. Бжезинский «позитивно оценивает начало переговоров “к. с.”, если они приведут к действительным системным переменам и действительно свободным выборам»⁵⁶. Одновременно это и блестящий пример политической мобилизации президентом Бушем поддержки со стороны европейских союзников (в НАТО, G-7 и других международных институтах). Словом, образец несомненного лидерства, осуществляющегося в многостороннем порядке. Как сказал уже после визита Буша в Польшу советник президента США по вопросам национальной безопасности Р. Блэквилл, «консенсус по делам ВЕ во время парижского саммита был достигнут благодаря СШ. Однако для президента Буша было важно, чтобы роль других не оставалась в тени... США не хотели... создавать впечатления, что только они поднимают проблематику Восточной Европы»⁵⁷. Этот фактор, влияющий на польские перемены, был в целом под успешным контролем Вашингтона.

Впоследствии, вспоминая начало мирной революции в Центральной и Восточной Европе в 1989 г., президент Буш отметил: «Я не хотел поощрять стремительное развитие событий, которые вышли бы из-под контроля»⁵⁸. Действительно, опасение перед неконтролируемым развитием событий глубоко проникло в сознание американских руководителей и политических стратегов. Показательной для этих последних представляется достаточно пессимистическая оценка Зб. Бжезинского, высказанная Ст. Квятковскому (советнику В. Ярузельского, а в 1989 г. — директору Центра по исследованию общественного мнения) еще до окончания заседаний «круглого стола»: «Дружеские отношения между Польшей и СССР необходимы. Это в польских государственных интересах, а также желательно с точки зрения политики США»⁵⁹, то есть стабилизация региона посредством, в частности, сохранения хороших отношений Польши и СССР была бы в интересах США. В связи с этим позиция Польши как дестабилизирующий фактор может уменьшаться и увеличиваться как стабилизирующий. Не без значения последовала затем декларация Буша в ходе беседы с Ю. Чиреком (готовившим с польской стороны его визит в Варшаву), что он будет «поддержкой политики диалога, ослабления напряжения и соглашения в Польше, а не конфронтации»⁶⁰. А передавая содержание беседы с заместителем госсекретаря Л. Иглбергером, Чирек отмечал: «США отчетливо по-

нимают, насколько важна перестройка для Польши. Президент же лает, чтобы перестройка в СССР завершилась успешно». При этом министр обороны Дик Чейни с беспокойством выражал «сомнения и опасения, удержится ли Горбачев»⁶¹. Однако, несмотря на эти главные установки на сохранение стабильности в Европе, президент Буш в ответе для польской прессы накануне своего визита высказал мнение о необходимости вывода советских войск из Польши⁶².

В течение всего 1989 г. для действий Госдепартамента и американских властей в отношении Польши был характерен pragmatism. Подтверждением этого может послужить, в частности, обмен корреспонденцией между послом Дэвисом и Госдепом во время назначения Т. Мазовецкого на пост премьера. 24 августа посол Дэвис с большим удовлетворением сообщал госсекретарю о реализации целей своей миссии в Польше: «Имею честь сообщить, что сегодня польский Сейм поручил миссию создания нового правительства ведущему деятелю “Солидарности” пану Тадеушу Мазовецкому. В такой ситуации я считаю, что выполнил основную задачу, которая мне была поставлена в инструктирующем письме»⁶³. При этом посол Дэвис проявлял настойчивость, оказывал давление на начальников в Госдепе, что, с точки зрения бюрократического поведения, граничило прямо с надоедливостью и не всегда хорошо воспринималось.

Из корреспонденции Посольства США с Госдепом и Посольства ПНР с МИД следует, что в августе 1989 г. закончился политический эксперимент, связанный с переговорами «круглого стола», и начался эксперимент экономический, направленный на трансформацию экономической системы в Польше.

Посольство ПНР представляло аргументы только коммунистических властей, то есть одной из сторон внутреннего конфликта, причем той, которая по определению не пользовалась политической симпатией американских хозяев. Несмотря на это, из корреспонденции Посольства ПНР в Вашингтоне складывается вполне четкое представление о подходе американской администрации, парламентских кругов, в какой-то степени американского общественного мнения к событиям, развившимся в Польше в 1989 г. США поддержали соглашения «круглого стола», видя в нем исторический шанс на мирную системную трансформацию в стране, столь неспокойной для этой части Европы, что одновременно служило и интересам США. Вместе с тем эта поддержка не была безусловной, она зависела от постоянных и последовательных устремлений Польши в направлении демократии. В сфере экономики американская поддержка также

была обусловлена проведением экономических реформ, реструктуризацией экономики. При этом были заметны опасения американской стороны, что помочь в широком масштабе, к чему интенсивно стремились как тогдашние польские власти, так и оппозиция, может оказаться столь же безуспешной, как в 1970-е гг. Эти опасения стали ослабевать уже после формирования правительства Мазовецкого.

По прошествии 20 лет вызывает удивление способность американской администрации распознавать «зnamеня времени». Важным было также активное, но не «интервентное» включение американской политики в течение польской мирной революции. Это было «золотое» время американской дипломатии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ku zwycięstwu «Solidarności». Korespondencja Ambasady USA w Warszawie z Departamentem Stanu, styczeń–wrzesień 1989. Warszawa, 2006.
- 2 Ku wielkiej zmianie. Korespondencja między Ambasadą PRL w Waszyngtonie a Ministerstwem Spraw Zagranicznych, styczeń — październik 1989. Dokumenty do dziejów PRL. Zeszyt 20. Warszawa, 2008.
- 3 Ku zwycięstwu... S. 8.
- 4 Michałek Ksz. Ku zmianie amerykańskiej strategii wobec Europy Wschodniej: administracja George'a Busha seniora wobec Okrągłego Stołu // Polski rok 1989. Sukcesy, zaniechania, porażki. Warszawa, 2009. S. 474.
- 5 Ku wielkiej zmianie... Dok. 19.
- 6 Ibid. Dok. 14. S. 56–57.
- 7 Ibid. Dok. 25.
- 8 Цит. по: Michałek Ksz. Ku zmianie amerykańskiej strategii... S. 477.
- 9 Ku wielkiej zmianie... Dok. 25.
- 10 Michałek Ksz. Ku zmianie amerykańskiej strategii... S. 477.
- 11 Ku zwycięstwu... S. 121.
- 12 Ibid. S. 130.
- 13 Ku wielkiej zmianie... Dok. 33.
- 14 Ibid. Dok. 37.
- 15 Ibid. Dok. 41.
- 16 Ibid. Dok. 37.
- 17 Цит. по: Michałek Ksz. Ku zmianie amerykańskiej strategii... S. 481.
- 18 Ku wielkiej zmianie... Dok. 21.
- 19 Ibid. Dok. 36.

- 20 Ibid. Dok. 39.
- 21 Ibid. Dok. 46.
- 22 Ibid. Dok. 48.
- 23 Ibid. Dok. 63, 64.
- 24 Ibid. Dok. 72.
- 25 Ibid. Dok. 81, 83.
- 26 Ku zwycięstwu... S. 169.
- 27 Цит. по: *Michalek Ksz.* Ku zmianie amerykańskiej strategii... S. 481–482.
- 28 Ku wielkiej zmianie... Dok. 44.
- 29 Ibid.
- 30 Ibid. Dok. 46.
- 31 *Michalek Ksz.* Ku zmianie amerykańskiej strategii... S. 484.
- 32 Цит. по: *Michalek Ksz.* Ku zmianie amerykańskiej strategii... S. 485.
- 33 Ku wielkiej zmianie... Dok. 17.
- 34 *Michalek Ksz.* Ku zmianie amerykańskiej strategii... S. 487–488.
- 35 Ku wielkiej zmianie... Dok 17.
- 36 Ibid. Dok. 25.
- 37 Ibid.
- 38 Ibid. Dok. 22.
- 39 Ibid. Dok. 37.
- 40 Цит. по: *Michalek Ksz.* Ku zmianie amerykańskiej strategii... S. 483.
- 41 Ku wielkiej zmianie... Dok. 20.
- 42 Ibid. Dok. 70.
- 43 Ibid. Dok. 70, 67.
- 44 Ibid. Dok. 50.
- 45 Ibid. Dok. 67.
- 46 Ibid. Dok. 64.
- 47 Ibid. Dok. 73, 72.
- 48 Ibid. Dok. 50, 72.
- 49 Ibid. Dok. 75.
- 50 Ibid. Dok. 76.
- 51 Ibid. Dok. 78.
- 52 Ibid. Dok. 79, 80.
- 53 Ibid. Dok. 44.
- 54 Ibid. Dok. 79.
- 55 Ibid. Dok. 44.
- 56 Ibid. Dok. 17.
- 57 Ibid. Dok. 74.
- 58 Цит. по: *Szlajfer H.* Wstęp // Ku wielkiej zmianie... S. 11.
- 59 Ibid. Dok. 25.

60 Ibid. Dok. 48.

61 Ibid. Dok. 49.

62 Ibid. Dok. 67.

63 Цит. по: *Michałek Ksz. Ku zmianie amerykańskiej strategii...* S. 488.

Mayorova O. N.

Position of Washington in Respect to the Events in Poland in 1989
(on the Base of the Materials of the Correspondence of the Embassy
of Poland in the U.S.A. and the Foreign Ministry
of Polish People's Republic)

There is one of the international aspects of the Polish peaceful revolution of 1989 in the focus of the article.

Key words: *1989, events in Poland, Washington.*

*А. Ю. Тимофеев
(Белград)*

Хронология одного переворота.

К десятилетию событий

октября 2000 г. в Сербии

В статье рассматриваются внутриполитические события и деятельность западных спецслужб и политтехнологов, приведшие к «экспресс-революции» в Югославии.

Ключевые слова: *Югославия, Сербия, «экспресс-революция», С. Милошевич, движение «Отпор».*

После выборов 1996 г. популистский режим С. Милошевича потерял симпатии избирателей, разочарованных резким падением жизненного уровня, психологическим давлением блокады и санкций и, что самое главное, подавленных проигрышем войны, делавшим все принесенные жертвы бессмысленными. Нежелание Милошевича признать «статус-кво» и открыто сделать ставку на сербский национализм, как и его весьма спорная позиция по отношению к сербам Хорватии, Боснии и Герцеговине, делали его несимпатичным в глазах сербских националистов. С другой стороны, еще большую неприязнь он вызывал у сербских либералов-западников, видевших в нем главного противника евроатлантической модернизации Сербии. В результате «грубой манипуляции» на выборах в местные законодательные собрания в 1996 г. зимой 1996–1997 гг. по Сербии прокатилась волна протестов, где основной ударной массой были студенты и городская интеллигенция. Демонстрации, начавшиеся в ноябре во втором по величине городе Сербии, Нише, были поддержаны студентами Белградского университета и продолжались с переменным успехом по всей Сербии до марта 1997 г. В рамках демонстраций в Белграде на улицы выходили около 200 тыс. человек, несмотря на угрозу подвергнуться санкциям на рабочем месте вплоть до увольнения. В организации демонстраций участвовала политическая коалиция «Заедно» («Вместе»), сформированная из представителей различных оппозиционных политических партий демократического спектра.

Милошевич сдался и 11 февраля 1997 г. подписал особый указ («lex specialis»), которым признал победу оппозиции на местных выборах в нескольких крупных городах. Кроме того, 22 марта того же года Милошевич сменил часть руководства Белградского уни-

верситета и вернул университетам Сербии автономию, которую незадолго до этого пытался отменить. И тем не менее Милошевич сумел перенести удар, нанесенный ему военным поражением в Хорватии и Боснии, а также жесточайшей блокадой. Согласно Конституции Сербии, Милошевич не мог оставаться на своем посту более двух сроков и передал пост главы Сербии своему стороннику Милану Милутиновичу, а сам занял пост президента Югославии. Прекращение войны и (минимальное) ослабление санкций привело к экономической стабилизации Сербии.

Для США и их союзников стало очевидно, что режим Милошевича можно убрать лишь насильственным путем. Бомбардировка Югославии весной 1999 г. привела к куда большей гуманитарной катастрофе (сотни тысяч албанских, сербских и цыганских беженцев покинули край после начала конфликта, во время него и после его окончания), чем несколько десятков боевиков, убитых при оказании вооруженного сопротивления в Косово и Метохии в 1997–1998 гг. Бомбардировки авиацией НАТО страны, находящейся в непосредственной близости от границ ЕС, можно понять лишь исходя из стремления США и их союзников решить проблему неподконтрольного режима на Балканах раз и навсегда. Однако непродолжительное и достаточно эффективное применение высокоточного оружия не привело к желаемому результату. Идея покушения или похищения присутствовала в арсенале возможных мер, но была отвергнута как трудновыполнимая, и в конце июня 1999 г. подход к проблеме Милошевича был изменен в пользу «экспресс-революции»¹.

Этот метод восходил к технологиям, применявшимся США во второй половине 1980-х и в 1990-е гг. в Латинской Америке, но отличался от подобных технологий (использованных, например, в 1990-х годах послом США в Никарагуа Майклом Козаком, позднее — послом в Белоруссии), тем, что... они применялись в Европе. То есть, имелось образованное (постиндустриальное), хотя и находящееся в тяжелых экономических условиях общество, имеющее широкий доступ к электронным средствам массовой информации, где традиции гражданской войны и вооруженного сопротивления властям были достаточно слабыми, в сочетании с давними традициями молчаливого саботажа решений автократической власти. К основным отличиям этого нового подхода относились: экспрессный характер действий, за счет массированного применения финансовых и информационных ресурсов момент от начала активных действий до удачного завершения операции сокращался до 1,5–2 лет; сколачивание

крайне широкого блока оппозиционных партий; активный и целенаправленный поиск сторонников перемен внутри режима и в том числе в силовых структурах; создание с использованием технологий «сетевого маркетинга», «безлидерных движений» и «рекламного менеджмента» гигантских партий, охватывающих значительное число протестного электората всех спектров, привлеченных различными, зачастую полностью противоречивыми обещаниями. Отсутствие единого открытого руководства позволяет этим движениям обрести высокую степень неуязвимости, позволяет собрать под одними флагами не объединимое любым другим способом число сторонников. Эта партия-голем (партия-великан) может быть разбужена в момент «икс» при появлении необходимости вывести народ на улицы для проведения массовых акций гражданского неповиновения. А по достижении целей переворота может быть полностью ликвидирована, благодаря встраиваемому механизму самоуничтожения, мешающему этим массовым, но безголовым партиям превратиться в «гегемона» или в партию диктаторско-популистского типа, что является реальной опасностью для любой крупной партии, совершившей удачный переворот. Механизм самоуничтожения скрывается в постыдной и скрываемой до победы переворота тайне их возникновения и финансирования, а также в исключительной широте спектра участников, которые могут примириться лишь до момента победы над ненавистным диктатором, а вот «светлое будущее» представляют совершенно по-разному.

Понятно, что деятельность по поиску тайных сторонников среди руководства силовых ведомств относится к сфере классических разведывательных методов, и о них стоит упомянуть лишь в общих чертах. Активизацию по поиску «талантов» в Югославии западноевропейские спецслужбы предприняли со второй половины 1999 г. «Интересные предложения» делали не только оперативникам югославских спецслужб или журналистам, но и отдельным действующим министрам югославского правительства. Стоявший с начала девяностых на посту главы сербской госбезопасности и снятый с этого поста в 1998 г. Йовица Станишич принял участие в этих переговорах. В дальнейшем его содействие имело большое значение, так как в ходе событий 2000 г. способствовало пассивности на тот момент самого подготовленного, обеспеченного и во всех отношениях элитного подразделения Сербии — «красных беретов» — «Части для специальных операций» — спецназа государственной безопасности. Со временем в переговоры включились и офицеры военной разведки

Армии Югославии. С целью зондирования почвы МИ-6 контактировала летом и осенью 2000 г. с представителями югославской военной разведки, приезжавшими в Великобританию во время авиашу в Биггин-Хилл (Biggin Hill), в котором участвовали югославские самолеты и пилоты. Впрочем, военные были более осторожны, и речь тут шла лишь о том, что появилась уверенность, «что армия не будет стрелять в народ». Согласно заявлению одного из высокопоставленных югославских офицеров, «военная разведывательная служба знала о том, что иностранцы готовят почву для свержения Милошевича. Мы знали об их организациях, пропаганде, вложениях, встречах в Сегедине в Венгрии и Благоевграде в Болгарии. Мы предприняли все законные меры, чтобы раскрыть это, и данные мы передавали по инстанции, но на политическом уровне решение принято не было». Окончательно точки над «*и*» были расставлены на кануне событий — 4 октября 2000 г. при встрече в приграничном боснийском селе Лакташи неподалеку от Баня-Луки. Прибывшие на встречу представители югославской военной разведки заверили: «Даже если Милошевич прикажет армии выйти на улицу, Верховное командование не будет ему послушно»².

Объединение в одни рамки большинства политических противников Слободана Милошевича осуществлялось с использованием скрытых методов финансового и делового давления, далеких от глаз широкой общественности. Кроме антикоммунистов и монархистов из Сербского Движения Обновления (СДО) Вука Драшковича, либералов Демократической партии (ДП) Зорана Джинджича и отделившейся от нее еще в 1992 г. национал-либеральной Демократической партии Сербии (ДПС) Воислава Коштуницы в блоке предстояло объединить еще целый ряд карликовых партий либерал-демократов, христианских демократов, социал-демократов и сепаратистов из национальных меньшинств. Эту всеохватную коалицию, включавшую 18 партий, удалось создать 9 января 2000 г. Кроме понятных программных расхождений между либеральными антитрадиционалистами и православными верующими, монархистами и сепаратистами, существовал и личный антагонизм между лидерами двух крупнейших оппозиционных партий — харизматическим сторонником «православной и монархической Сербии» В. Драшковичем из СДО и резким в суждениях З. Джинджичем из ДП. Предчувствуя неладное, Милошевич начал оказывать давление на наиболее важную (по его мнению) партию — СДО. В октябре 1999 г. представителями сербских спецслужб на Ибарском автопути было

совершено покушение на лидеров СДО, закончившееся гибелью нескольких высших функционеров СДО. А 15 июня 2000 г. в г. Будва оперативники сербских спецслужб организовали еще одно покушение на лидера СДО Драшковича. Это давление привело к искомому результату. СДО начал выдвигать намеренно завышенные требования к коалиционным партнёрам, двинулся на выборы самостоятельно и с треском их проиграл (3,3%). Еще одной фигурой для нейтрализации был Иван Стамболич, бывший лидер либеральной струи в сербской компартии, популярный в узких кругах белградской либеральной интеллигенции. Роковым стал слух (опубликованный в СМИ) о том, что И. Стамболич может принять участие в президентской гонке. В результате 25 августа 2000 г. «серый кардинал сопротивления» Стамболич был похищен группой лиц, служивших в госбезопасности Сербии, а его останки были найдены лишь спустя три года, 28 марта 2003 г., в лесопарке Фрушка Гора. Выбор настоящего первого лица коалиции был достаточно сложен и не обошелся без западных менторов, использовавших результаты экспресс-опросов, обрабатываемых профессиональными аналитиками³. Национальный Демократический институт Демократической Партии США заказал американской компании по изучению общественного мнения «Пенн, Шон и Берланд» («Penn, Schoen and Berland Associates») провести исследование по выявлению профиля человека, который смог бы составить в Сербии конкуренцию Милошевичу на президентских выборах. Дуглас Шон лично прибыл в Будапешт на встречу собравшихся там осенью 1999 г. сербских оппозиционных политиков, чтобы огласить результаты. Кандидатура должна была бы обладать определенными параметрами: «...быть националистом, иметь чистое прошлое; это мог бы быть кто-то, кто никогда не имел отношения к режиму или деньгам из-за границы и не был замаран мелкой грязнью между лидерами оппозиции». Фактически такие требования выводили из игры всех более или менее известных оппозиционных лидеров. Согласно результатам опроса, Милошевич имел 70-процентный негативный рейтинг среди избирателей, что сулило ему мрачные перспективы. Проблема была в том, что почти такие же уровни негативного рейтинга были и у его главных оппонентов. Шон предложил выдвинуть на это место лидера сравнительно небольшой Демократической партии Сербии Воислава Коштуницу, чей негативный рейтинг был равен всего лишь 29%, а позитивный — 49%, что давало надежды на успех⁴.

Не меньше усилий было предпринято для создания массового народного движения сопротивления, движения «Отпор». Эта орга-

низация, согласно воспоминаниям участников, была основана малочисленной группой студентов 10 октября 1998 г.⁵ В феврале 1999 г. состоялось первое публичное выступление организаторов «Отпора», проведенное во Дворце молодежи в центре Белграда, после которого в рядах организации оказалось около 25 человек. Это была не первая и не единственная в то время подобная группа, однако ее характеризовал намеренный отказ от элитизма, от которого страдали все прочие интеллигентские кружки. Второй важной особенностью была изначальная ориентированность на иностранную финансовую, организационную и методологическую помощь, так как среди членов группы существовало осознание того, что свержение контролировавшего все финансовые потоки Сербии всесильного президента невозможно без активной помощи из-за границы⁶.

Впрочем, эта помощь пришла не сразу. В марте 1999 г. были начаты бомбардировки Югославии, приведшие к гибели военнослужащих и мирных граждан, в таких условиях было сравнительно трудно поддерживать контакты с западными спонсорами. Кроме того, и режим Милошевича потерял терпение и перешел к силовым действиям, высшей точкой эскалации которых стала ликвидация в апреле 1999 г. владельца оппозиционной газеты и журналиста Славка Чурувии. По окончании военных действий западная помощь не замедлила появиться. Спустя несколько дней после прекращения бомбардировок в Новом Саде в издании «Гражданская инициатива» вышла небольшая (84 страницы) книга Джина Шарпа с говорящим названием «От диктатуры к демократии». Первоначально написанная для распространения среди диссидентов Бирмы, эта книга была переведена на многие языки мира. В Новом Саде книга была опубликована тиражом в несколько тысяч экземпляров и раздавалась бесплатно, при этом ее активно распространяли в студенческой среде. Вместе с книгой неофициально распространялись и несколько страниц фотокопированного приложения — «Методы ненасильственного сопротивления». Этот комплект имел ореол опасной (и притягательной для молодежи) запрещенной литературы, привлекательной для тех, кто в дальнейшем будет составлять ряды демонстрантов.

По словам Пауля Б. Мак-Карти⁷, чиновника расположенного в Вашингтоне Национального фонда в защиту демократии, в поле зрения его коллег «Отпор» попал достаточно рано: «Сначала мы были испуганы флагом, который напоминал по своему виду фашистский. Но вскоре настроения изменились». Для американцев, стремившихся насадить «демократию» в Сербии, «Отпор» был привлекателен по

ряду причин: его размытая организация не давала возможности подконтрольным Милошевичу спецслужбам нанести точечный удар; его стойкость по отношению к арестам и избиениям со стороны полиции могла послужить укором постоянно ссорившейся сербской оппозиции; эти же качества могли помочь сербскому обществу побороть страх перед репрессиями; он без оговорок поддерживал идею «нормализации Сербии» и свержения Милошевича; он мог вдохновить на сопротивление поколение родителей и увлечь за собой поколение детей. Именно поэтому, по словам Мак-Карти, с августа 1999 г. доллары в довольно значительном объеме потекли в «Отпор». Эти деньги ложились на иностранные счета «Отпора». В то же время Мак-Карти провел серию встреч с руководством «Отпора» в Подгорице (Черногория), Сегедине и Будапеште (Венгрия). Главным контактом Мак-Карти был 28-летний Слободан Хомен, один из руководителей «Отпора». На состоявшемся в Берлине в июне 1999 г. randevu Хомен узнал, что М. Олбрайт «желала увидеть Милошевича не в президентском кресле, и даже не в Сербии, а в Гааге». Кроме того, он также был представлен Уильяму Д. Монтгомери, опытному американскому дипломату, который провел много лет на Балканах, будущему послу США в Сербии. В то время Монтгомери закончил осуществление сложного гамбита в Хорватии, где он исполнял обязанности посла США⁸, и встал во главе размещенной в Будапеште группы американских чиновников, занимавшейся «мониторингом» Сербии. При встрече Монтгомери сообщил, что «Милошевич является личным неприятелем М. Олбрайт, очень приоритетной целью», и выразил надежду на то, что новое поколение лидеров Сербии придет из колыбели «Отпора». Активисты «Отпора» уже в августе 1999 г. провели акцию публичного празднования-обвинения дня рождения югославского президента⁹. К сентябрю 1999 г. сеть агентов влияния Запада в Югославии была полностью восстановлена. В то время как независимые издания и оппозиционные политики вернули себе уверенность в собственных силах, движение молодежного сопротивления стало набирать все большую силу.

На «Отпор» сразу же пролился золотой дождь: по сведениям сотрудника Агентства международного развития США (USID) Дональда Прессли, этой организацией было выдано представителям «Отпора» несколько сотен тысяч долларов на пропагандистский материал; кроме того, определенные суммы выплачивались на текущие расходы; Международный Институт Республиканской партии, по словам его сотрудника Дэниела Калингерта, потратил

около 1.800.000 долларов на Сербию, причем большинство из них на «Отпор». Калингерт сообщил, что начиная с октября 1999 г. он встречался с руководителями «Отпора» 7–10 раз в Венгрии и Черногории. Кроме того, по словам Калингерта, его организация оплатила размещение и проведение с 31 марта по 3 апреля инструктивного семинара для 25 активистов студенческой организации «Отпор» в Будапеште¹⁰. Активистов убеждали в том, что сменить Милошевича можно и нужно, а самое главное, что сделать это следует именно сейчас. Председательствовал на встрече полковник Роберт Хелви, ветвавший молодежи о «столпах поддержки» и «пироге лояльности»¹¹. Семинары по «ненасильственной борьбе» повторялись еще несколько раз на территории Черногории, Венгрии и Болгарии¹².

Бывшие члены руководства «Отпора» официально признали факт своего участия в семинарах под руководством полковника Хелви лишь в 2004 г. При этом они отрицают контакты с ним или его коллегами до марта 2000 г., когда, по словам Александра Марича, был проведен первый однодневный семинар при участии полковника Хелви¹³. Однако эти высказывания вызывают подозрение¹⁴. Во-первых, в действиях «Отпора» в марте не наблюдается значительных изменений в стратегии, что свидетельствует о том, что вопросы стратегии были решены на более ранней встрече. Во-вторых, финансирование «Отпора» до этого явно проводилось со стороны, что было невозможно без определенного иностранного менторства. В-третьих, сразу после событий 5 октября 2000 г. руководство «Отпора» отрицало факт контактов с американцами вообще, поэтому можно также усомниться и в более поздних признаниях¹⁵.

Без крупной финансовой поддержки было невозможно распространять баллончики с краской и наклейки, плакаты и листовки, платить за аренду помещений и путевые расходы агитаторов. Было потрачено около 5 тысяч баллончиков краски для написания антигосударственных граффити и свыше 2,5 миллионов наклеек с лаконичным, но броским призывом — «Он готов» («Готов је»). Кроме того, щедрые спонсоры ввозили необходимую для оборудования мини-офисов «Отпора» технику через представительства западноевропейских стран в Югославии. Все это сделало возможным разрастание и укрепление массового народного движения — партии-голема «Отпор».

Движение «Отпор» было первым в ряду партий-големов, возникших в качестве непременного компонента «экспресс-революций». К моменту переворота это была политическая организация с крайне

разветвленной структурой, скрытым руководством, неприметной, но строгой иерархией и крепкой внутриорганизационной цензурой. Важнейшие стратегические решения принимал узкий круг далеких от глаз общественности лиц¹⁶. С другой стороны, несмотря на кажущуюся широкой публике размытость руководства, была очевидна высокая степень внутренней коммуникации, особенно скорость реакции на внешние факторы, то есть молниеносность, с которой реагировали на действия местных властей представители районных отделений. Кроме того, высокая степень заинтересованности участников движения в конечном результате не давала организации заплыть «жиром бюрократии» и избежать надменности, свойственной длительно существующим иерархическим структурам. Важно отметить и такой дополнительный резерв живучести, на случай полицейских операций или других помех, как концентрический, а не лучевой характер иерархии, имевшей вид концентрических кругов управления.

Хотя к лету 2000 г. майка с символикой «Отпора» и была популярным способом эпатажа и привлечения симпатии оппозиционно настроенных сограждан, стоит отметить, что настоящие члены «Отпора» должны были пройти ряд вступительных процедур, в том числе посетить ряд семинаров по «ненасильственному сопротивлению». Только после этого нового члена ставили на довольствие. Например, в декабре 1999 г. новому члену движения, который предложил основать новую ячейку «Отпора» в одном из провинциальных городков, выдавали 130 долларов на организационные расходы (зарплата чернорабочего составляла около 28 долларов, а госслужащего или полицейского — около 65 долларов в месяц), мобильный телефон для поддержания связи и пропагандистский материал (несколько стопок листовок и флаеров, скатанные в трубку плакаты, упаковку баллончиков краски, форменные майки с логотипом «Отпора»). Согласно заявлениям самих представителей «Отпора», им удалось основать 130 региональных представительств с общей численностью в 70 тыс. членов, что возможно является некоторым преувеличением¹⁷.

Социологический профиль участника движения был создан на основании обширного социологического исследования В. Илича, проведенного спустя несколько месяцев после событий 5 октября 2000 г., «по горячим следам», и обладающего достаточной степенью объективности¹⁸. Суммируя результаты социологического исследования Илича, можно прийти к выводу, что, в среднем, члены движения «Отпор» были умеренно националистически и традиционалисти-

ски настроенными демократами, чувствительными к идеи социальной справедливости. Свойственный молодым людям радикализм в сочетании с этими качествами делал из них удобных рекрутов для борьбы с режимом, но не должен был принимать крепкие организационные формы после свержения диктатора. Это обеспечивалось, как мы уже отметили выше, встроенными механизмами политического самоуничтожения. Нужны были годные для временного употребления хунвейбины, а не новый талибан.

Основным методом политической деятельности «Отпора» была ненасильственность его действий. В сохранившихся с лета 2000 г. конспектах, использовавшихся на семинарах в Сербии, можно найти подробное объяснение этой методики. В ходе проведения акций их участникам предлагалось: «не наносить никому физического вреда, не отвечать ударом на удар, не выражать ненависти к стражам порядка, и вообще выражать протест, а не ненависть, избегать личных оскорблений и насилия, не делать угрожающих жестов в ходе демонстраций, избегать похищений чужой собственности по политическим мотивам, не носить оружия, не употреблять в ходе акций алкоголь и наркотики, соблюдать договоренности (партийную дисциплину), не скрывать своего участия в акциях в случае задержания».

Решения о принятии конкретных шагов в рамках кампаний, как и начало новых кампаний, принимались лишь после консультаций с Агентством по исследованию общественного мнения. По словам члена руководства «Отпора» Ивана Андрича, с самого начала было решено сосредоточиться на адресной группе — молодежь от 18 до 30 лет. Исследования проводились сильной подготовленной командой, занимавшейся исследованием общественного мнения в Сербии с начала девяностых: Институтом стратегического маркетинга и исследования средств массовой информации. Анализ проводился с высоким профессионализмом на 16 фокусных группах в 8 населенных пунктах, включавших городское и сельское население различных возрастов и интересов. В результате за год работы было получено около 9 тыс. страниц целевых обзоров, опросов и профилей различных фокусных групп. Представитель агентства по стратегическому маркетингу регулярно передавал ежемесячные отчеты по каждой из групп. Поэтому ошибок в пиаре практически не было, выбор лозунгов и целей кампаний соответствовал массовым настроениям и приносил максимальный эффект. Стоит признать успешной и стратегию «Отпора», предполагавшую постепенное увеличение давления на режим, а не попытки немедленной организации массовых демон-

страйций. Люди, создававшие стратегию движения, хорошо понимали, что попытка провести многочисленную демонстрацию «сразу и сейчас» в любом случае пагубна для молодой организации — как в случае провала (потраченные даром ресурсы и усилия, полученная репутация неудачников), так и в случае успеха (массовое скопление народа — большая сила, но если *масса* недовольных лишь соберется и лишь прослушает очередные призывы, а потом спокойно разойдется без продолжения и перспективы, это приведет к *массовой* фрустрации, разочарованию и апатии). Более действенными были многочисленные, целевые и скоординированные небольшие акции в крупнейших городах Сербии (Белград, Ниш, Новый Сад, Крагуевац). Важную роль в этом играли локальные СМИ, где цензура режима была не такая сильная и где могли существовать неподконтрольные режиму периодические издания, радиостанции и даже отдельные телеканалы местного вещания¹⁹.

Описание первой «экспресс-революции» в Европе было бы неполным без упоминания тех мер, которые предпринимались окружением Милошевича для борьбы с этим движением. Эти меры содержали в себе большую часть тех ошибок, которые позднее повторялись другими режимами, подвергшимися атакам цветных революций. Отношение властей к движению «Отпор» можно условно разделить на три неодинаковых по продолжительности периода: с осени 1998 по весну 2000 г. — презрение и, как следствие, недостаточное внимание; с весны 2000 до конца лета 2000 г. — ненависть и резкое усиление санкций; сентябрь-октябрь 2000 г. — парализующее активность опасение за свое будущее в случае вероятной победы оппозиции. Сразу стоит отметить, что даже на пике противостояния «Отпора» и полиции власти вели себя по отношению к членам движения сравнительно гуманно. Согласно данным, приводимым Фондом гуманитарного права, в Сербии в ходе полицейской кампании против «Отпора» подвергалось задержанию около 2 тыс. лиц, причастных к движению, большинство из которых вскоре было отпущено. Около 200 задержанных были несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет, 300 человек задерживались 5 и более раз (то есть, судя по всему, были активистами движения)²⁰.

Особый интерес представляет приказ № 33/2000 по МВД Сербии для внутреннего пользования о борьбе с молодежными экстремистскими организациями. Этот приказ подписал 11 мая 2000 г. заместитель министра внутренних дел, главный полицейский страны — генерал-полковник Властимир Джорджевич, выдвинувшийся

в ходе борьбы с сепаратистами в Косово и Метохии в 1998–1999 гг., а в 2007 г. попавший в Гаагу после нескольких лет безуспешного бегства от Карлы дель Понте. Приказ был продолжением приказов и инструкций МВД Сербии от 25 октября 1997 г., от 20 октября 1999 г. и от 24 января 2000 г., определявших действия сотрудников сил правопорядка по отношению к участникам «неформальных групп, религиозным сектам и радикальным болельщикам спортивных клубов, члены которых выражают агрессивность в поведении и одежде, совершают правонарушения и уголовные действия с элементами насилия, с использованием орудий, приспособленных для нанесения телесных повреждений». Интересно, что как наиболее опасный противник (которого стоит добить) выделены «скинхеды», объективно говоря, почти незаметное в Сербии того времени движение, позволявшее себе отдельные насилистические выходки против цыган. Лишь в качестве проблемы № 2 выделена «активность организации — движения “Отпор”, чьи члены одеждой (черные бейсболки, банданы, штаны и майки с символом “Отпора” и сжатым кулаком в середине круга и т. д.) и агрессивным поведением на улицах, площадях и других общественных местах в крупных городах нарушают общественное спокойствие и порядок». Ввиду всего вышеизложенного, всем сотрудникам МВД было приказано, в сотрудничестве с представителями государственной безопасности, принять следующие меры: продолжить идентификацию неформальных групп; идентифицировать членов движений, собираясь информацию об их численности, намерениях и склонности, месте и времени проведения сборов, передвижении и другой деятельности; после идентификации членов и сторонников неформальных групп и религиозных сект провести их криминалистически-техническую обработку, осуществлять за ними надзор, наблюдать за деятельностью и предотвращать насилистическое и другое противозаконное поведение с энергичным применением предписанных законом мер; вступить в необходимое сотрудничество с центрами социальной защиты, образовательными учреждениями, родителями малолетних членов групп.

Подписанный 11 мая 2000 г. приказ В. Джорджевича совпал с убийством главы Воеводины Б. Перошевича. Убийство совершил внепартийный, неуравновешенный, живший в снятоей квартире без семьи человек, служивший охранником в Выставочном центре и застреливший Перошевича во время посещения им этого центра. При обыске на квартире убийцы была найдена пропагандистская литература и материалы «Отпора», после чего давление полиции на

«Отпор» возросло. Причиной для задержания были: майка или значок с символикой «Отпора», участие в публичных акциях «Отпора», прилюдное распевание частушек антиправительственного содержания. Проводилось и профилактическое задержание известных местных активистов в случае прибытия членов окружения Милошевича в провинциальные города на торжественные мероприятия. К задержанным применялась стандартная процедура: задержание, личный обыск и изъятие, выдерживание в КПЗ, допрос, фотографирование, взятие отпечатков пальцев и заведение личного досье. После задержания активистов и сочувствующих «Отпору» полиция производила изъятие плакатов, значков, листовок, знамен, а также предметов, носивших эмблему движения и распространявшихся в рекламных целях (спичечные коробки, календари и майки)²¹.

На основании собранной информации в июне 2000 г. Управление аналитики отделения общественной безопасности при МВД Сербии опубликовало для внутреннего пользования небольшую брошюру, носившую гриф «Строго секретно»²². В ней было указано (бездоказательно, неконкретно и с большим количеством пропагандистских штампов) на факт организации и финансирования «Отпора» иностранными разведслужбами. «Отпор» был назван «рукой натовских агрессоров, вытянутой для осуществления своих мрачных планов в наших свободных краях». Не приводилось никаких конкретных имен, дат и даже названий стран, финансировавших «Отпор» или служивших местом проведения семинаров. Было лишь отмечено, что «терроризм и преступность забрасываются извне — из Республики Сербской, частично из Черногории и нашего окружения». Вторая часть работы была посвящена описанию деятельности организации. Большая часть этого описания сводилась к перечислению правонарушений, совершенных членами «Отпора»: драк и столкновений, в которых участвовали люди, носившие значок или майку с эмблемой «Отпора», случаев обнаружения наркотиков у членов движения и т. д. Лишь в конце брошюры внимание работников правоохранительных структур было обращено и на деятельность членов организации по распространению «вражеско-пропагандистских материалов, прежде всего, бюллетеня “Отпора”, плакатов, памфлетов, листовок, брошюр, бейджей и других материалов, а также нанесению граффити с призывами “Отпора”, которые призывают граждан к насилию, вызыванию хаоса, насилиственной смене легально выбранного руководства, гражданскому неповиновению и другим незаконным формам насилия ради приведения к власти марionеток НАТО».

После убийства Б. Перошевича полиция начала применять тактику обыска в квартирах наиболее активных членов «Отпора», причем целью обысков было изъятие пропагандистских материалов. Лишь в начале сентября полиция перешла к обыскам в канцеляриях «Отпора» и некоторых других неправительственных учреждений («Центр за наблюдением над голосованием», «Женщины в черном», профсоюз «Независимость» и др.). В этих случаях полицейские действовали без ордера на обыск и без свидетелей, на изъятое при обыске не выдавались квитанции, протокол обычно не составляли.

Параллельно с этим полиция не чуждалась оскорблений, запугиваний и физического насилия по отношению к демонстрантам, участникам акций и задержанным. Следует признать, что все эти случаи, подробно документированные и описанные Фондом гуманитарного права (ФГП), не имели характера пыток, инструментализованной или чрезмерной жестокости, дело ограничивалось ударами дубинки или кулака, что свидетельствовало скорее о невыдержанности (недостаточной профессиональной подготовке отдельных представителей правоохранительных органов), а не о планомерной деятельности. Эти меры могли лишь временно испугать задержанных и, в долговременном плане, возбудить у жертвы насилия и у ее близких возмущение и обиду за перенесенные унижения, а не страх. Более того, среди полицейских встречалось значительное число сотрудников, недовольных вмененными им обязанностями, которые проводили мероприятия достаточно мягко и ссылались лишь на служебные обязанности и вынужденный характер своих действий ради сохранения рабочего места.

Более эффективным был использованный режимом Милошевича метод нападения «неизвестных» лиц в гражданском и в масках, применяющийся к особо активным членам «Отпора». Судя по рассказам рядовых участников движения, этот метод вселял страх не только в «подвергнувшихся обработке», но и в их окружение. Негативной стороной этих мероприятий было накаливание общей обстановки в стране, которая обоснованно воспринимала эти меры как симптомы слабости режима, вынужденного прятать лица своих сотрудников за масками. В рамках «серой» (не авторизированной) пропаганды туже анонимность, которая свидетельствовала о слабости, имели появлявшиеся с июля 2000 г. наклейки и плакаты, гласившие «Выбирает Народ, а не НАТО», изображавшие значок «Отпора» на нацистских плакатах времен Второй мировой войны или символ движения —

кулак, — сжимающий пачку долларов. При этом контрпропаганда отдавала казенщиной и была лишена духа правдоискательства, который был с пропагандистских плакатов оппозиции, проникая в души граждан Сербии, измученных тяжелыми экономическими потрясениями и военными поражениями.

Законодательная база, позволявшая преследовать сторонников «Отпора», была шаткой. Закон об общественном порядке (небольшие публичные акции), закон о проведении общественных собраний и шествий (более крупные публичные акции), закон о политических организациях (выступление от лица «несуществующего» в официальном регистре движения), муниципальные решения о поддержании опрятности зданий (расклейка плакатов и рисование граффити), закон о регистрации места жительства (практически не действующий в Сербии) не могли оказать серьезного противодействия финансируемому иностранными государствами движению, ставившему официальной целью смещение на выборах правящего президента и его партии. Административная ответственность, предусмотренная этими законами, ограничивалась небольшими штрафами (от 2 до 10 долларов). Максимально возможным обвинением была попытка привлечь к уголовной ответственности отдельных активистов «Отпора» за порчу чужого имущества (при написании граффити на частных домах), а также за призывы к насильственному свержению конституционного строя. Это давало возможность завести на них уголовные дела и подвергнуть штрафам не более чем в 50–150 долларов, возмездавшихся из внутренних фондов «Отпора».

Стоит отметить, что нет информации о случаях нападения правоохранительных органов на места производства пропагандистского материала, который тоннами расходился в период весны-лета-осени 2000 г. Разгадка этого «неуспеха» кроется в словах анонимного собеседника Тима Маршала из югославской военной разведки: «Военная разведывательная служба знала, где находится типография, но не оповестила другие службы, так как национальный консенсус сводился к тому, что Слоба должен уйти»²³.

День 5 октября 2000 г. стал кульминацией всей подготовительной работы, результатом, ради которого были потрачены миллионы долларов, организованы многочисленные кампании и акции «Отпора» и других неправительственных организаций, моментом триумфа Демократической объединенной оппозиции, скрепленной усилиями американских политтехнологов, и часом, когда своего босса предстояло предать всем, кому он так доверял.

Хронология событий 5 октября 2000 г. в Белграде и его пригородах по горячим следам была воссоздана в журналистском расследовании Драгана Бойошевича и Ивана Радовановича и получила положительные оценки лиц, стоявших по разные стороны политического фронта²⁴. Эта книга была составлена на основании интервью, которые дали: кандидат ДОСа и президент Югославии после октября 2000 г. Воислав Коштуница, президент Сербии из партии социалистов Милан Милутинович, начальник Генштаба армии Югославии Небойша Павкович, начальник государственной безопасности Сербии Радомир Маркович, президент Демократической партии и после октября 2000 г. премьер Сербии из ДОСа Зоран Джинджич, а также Небойша Чович (после октября 2000 г. — вице-премьер Правительства Сербии из ДОСа) и министр иностранных дел из ДОСа Горан Свиланович. Кроме того, интервью давали лидеры ДОСа Велимир Илич, Милан Ст. Протич, Владан Батич, Душан Михайлович, министры правительства Сербии до 5 октября 2000 г. Слободан Черович (Югославские Левые) и Бранислав Ивкович (Социалистическая партия Сербии), а также рядовые участники переворота, полицейские начальники, простые полицейские и спецназовцы, пожарные, сотрудники парламента и телекомпаний...

Хотя С. Милошевич в интервью газете «Вашингтон пост», данном им 12 января 1998 г., и обещал, что не будет менять конституцию, чтобы попытаться остаться на следующий срок в кресле президента Югославии, это обещание к лету 2000 г. было основательно забыто. На заседании парламента Югославии 6 июня 2000 г. ускоренными темпами была изменена Конституция СРЮ, и тем самым была создана возможность вновь переизбрать Милошевича на месте президента этой изрядно к тому времени сократившейся страны, чья территория практически совпадала с территорией Сербии. Уже 27 июля Милошевич подписал указ о проведении осенью выборов, причем не только в югославский парламент и в местные муниципалитеты, срок для которых уже пришел, но и на пост президента Югославии. Мандат Милошевича истекал лишь 23 июля 2001 г., и он мог бы еще оставаться у власти целый год, но решил, исходя из собственных соображений, ускорить дату своего окончательного поединка с объединенной оппозицией, назначив ее на 24 сентября. На выборах со значительным отрывом лидировал В. Коштуница, что признал и сам С. Милошевич. Однако ЦИК (подконтрольный Милошевичу) заявил, что Коштуница имеет менее 50% голосов и необходим второй тур, в который войдут два кандидата, набравшие

больше всего голосов. Победу Коштуницы уже в первом туре (то есть то, что он набрал более 50% голосов) признали не только независимые наблюдатели и ДОС, но и самостоятельно участвовавшие в выборах СДО Драшковича и радикалы Шешеля. Милошевич был непреклонен — в ночь с 3 на 4 октября ЦИК сообщает, что Коштуница получил 48,22%, а Милошевич 40,25% голосов. Второй тур должен был состояться 8 октября 2000 г.

Сразу же после оглашения предварительных результатов выборов оппозиция провела огромный концерт в центре Белграда — «Праздник победы», а 29 сентября призвала к всеобщей забастовке под лозунгом «Закрыто из-за ограбления» (на выборах). Начальные и средние школы, кинотеатры и театры, а также многочисленные частные фирмы торжественно закрывают свои двери, вывешивая однотипный, напечатанный в одной и той же типографии плакат «Закрыто из-за ограбления». К забастовке присоединились и шахтеры из расположенного вблизи Белграда угольного бассейна Колубара. За 5 дней Коштуница дважды посетил этот находящийся в 60 км от столицы центр скопления недовольных рабочих. С. Милошевич, который прежде не баловал сограждан своими телеобращениями, в течение 3 дней дважды (!) обращается к народу. Его слова звучат неожиданно искренне, но, тем не менее, звучат слишком поздно. У народа уже нет времени их понять, а тем более взять им и изменить свои настроения. В массе своей сербы устали бороться, устали наслаждаться идеей, что весь мир их ненавидит, и поэтому глухи к пророческим словам Милошевича: «Я считаю своим долгом предупредить о последствиях деятельности, которую поддерживают и финансируют страны НАТО... Каждому должно быть ясно, что они нападают не на Сербию из-за Милошевича, а на Милошевича из-за Сербии»²⁵. Кульминация событий должна была произойти в ходе митинга, назначенного оппозицией на 5 октября в центре Белграда. Неизбежность массовых беспорядков была очевидна всем жителям Белграда. Индикатором этого было, например, решение туристических агентств об отмене экскурсий, назначенных на 6 октября. Как сказал по этому поводу автору статьи сотрудник «Доброчинства» (туристического агентства Сербской православной церкви): «Дай Бог, переживем 5 октября, а там уж посмотрим, кто поедет в монастыри на экскурсию, а кого и отпевать повезут...»

Оппозиция готовилась к противостоянию с силами правопорядка. Организаторами этой вооруженной акции были лидеры ДОСа: З. Джиндич, 48-летний глава ДП, имевший в охране деся-

ток вооруженных автоматическими ружьями хорошо подготовленных людей; Ч. Йованович²⁶, 24-летний лидер молодежного крыла Демократической партии, появившийся 5 октября в бронежилете и с «воки-токи»; В. Илич, мэр г. Чачка, организовавший отряд кикбоксеров. Около 130 бывших полицейских, уволенных за их оппозиционные взгляды, вооружил и собрал в Железнике (пригороде Белграда) крупный бизнесмен и владелец местного спортивного клуба, бывший соратник Милошевича Небойша Чович, организатор забастовки шахтеров Колубары. Среди этих «бывших» находился и Слободан Паич, отслуживший в полиции 16 лет и проявивший геройизм в борьбе против албанских сепаратистов в Косово. Угрызения совести за переданное натовцам без боя Косово заставили его отказаться от ордена, к которому его представили 13 января 2000 г. После этого он демонстративно ушел из полиции и встал во главе личной охраны Човича²⁷. Кроме этого отряда в запасе у магната из Железника было значительное число огнестрельного оружия, а вокруг принадлежавшего ему спортивного комплекса столпилось несколько тысяч человек²⁸. Готовился к вооруженному сопротивлению полиции и расположенный в пригороде Белграда Борче отряд добровольцев под руководством Боголюба Арсениевича Маки, неудачно пытавшегося занять муниципалитет провинциального города Валева летом 1999 г., бежавшего из тюремной больницы в марте 2000 г. и находившегося на нелегальном положении. «Повстанцы» находились и в единственной высотке в центре Белграда — бизнес-центре «Белградка», на части этажей которого находится крупная муниципальная радио- и телестанция Белграда «Студия Б». В ночь с 4 на 5 октября Драган Василькович («Капитан Драган»), один из основателей спецназа государственной безопасности Сербии, сохранивший старые связи и проживавший с 1995 г. в Австралии, тайно разместил 130 преданных ему, обученных и вооруженных людей в канцеляриях своего интернет-центра на одном из этажей 24-этажного здания «Белградки». Кроме всех вышеперечисленных, силовое крыло, подготовленное для невооруженных акций неповиновения, существовало и в рамках «Отпора»²⁹. В течение нескольких дней эта самая многочисленная, но безоружная группа, которая должна была выставить значительное количество людей для обеспечения массовости, тренировалась и закрепляла пройденное: место каждого в момент столкновения, обязанности ударной группы, функции тыловой группы поддержки, вооруженной камнями на случай столкновения с полицией, оказание первой помощи, коммуникация во время стол-

кновения, использование подручных средств. В тренировках принимали участие руководители «десятков», которым заранее сообщили пути отхода и место нового сбора в случае, если полиции удастся разогнать нападающих. Готовясь к неминуемому кровопролитию, лидеры «экспресс-революции» не забыли и о военно-полевой медицине — несколько бригад врачей, хирургов и анестезиологов, были подготовлены для развертывания полевых госпиталей в ключевых точках города³⁰.

Важным фактором в организации «экспресс-революции» стал еще один элемент, который дает возможность называть «цветные» революции «автобусными». Стержневую роль в успехе массовых демонстраций играла невиданная концентрация рядовых оппозиционеров, достигавшаяся перевозкой всех недовольных режимом бесплатными автобусами, которые собирались в центре города. Утром 5 октября на Белград должны были выдвинуться пять колонн автобусов и грузовиков, по всем крупным автомагистралям. План восстания был готов и объяснен исполнителям уже 3 октября. Были назначены шефы ударных колонн, в грузовиках, двигавшихся с автобусами, находилось оружие, взрывчатка и бульдозеры для преодоления непредвиденных препятствий. Были распределены цели ударов: западная колонна — белградский аэродром Сурчин, северная колонна — здание федерального правительства, северо-восточная — здание полиции и государственной безопасности на улице «29 ноября», южная — здание радио и телевидения Сербии, наконец, самая мощная юго-западная колонна предназначалась для взятия Парламента Югославии. Скоординированным ударом штурмующие должны были занять указанные точки, после чего лидеры ДОСа должны были пройти в здание Парламента и занять там оборону. Контролировавший «Студио Б» отряд Драгана Васильковича должен был обеспечить выход в эфир обращения Коштуницы к нации. Кадры «Отпора» должны были начать акцию ненасильственной блокады полицейских участков и военных казарм по всей Сербии и провести «братание» с людьми в формах³¹.

Потенциальным ресурсом в вооруженном противостоянии с силами правопорядка в стране были вооруженные силы НАТО, окружавшие Сербию со всех сторон и напомнившие об угрозе интервенции в случае начала столкновений в стране словами британского министра иностранных дел Робина Кука, заявившего накануне событий 5 октября, что Белграду «не стоит забывать о постоянном и значительном присутствии» НАТО по соседству³². Интересно в этом

контексте и то, что одну из колонн демонстрантов предполагалось использовать для занятия аэродрома Сурчин. Это не могло быть связано с попыткой отсечь пути отступления для Милошевича и его окружения, так как рядом с Белградом находится военный аэродром Батайница. Значит, целью захвата аэродрома было не помешать кому-то покинуть страну, а, наоборот, сделать возможным прибытие. Но кого? Не журналистов же международных СМИ! Быстрая сдача силовиков Милошевича помешала истории дать ответ на этот вопрос.

Подготовка режима к событиям 5 октября и возможному кровопролитию была минимальной. Накануне, 4 октября, не было проведено даже заседания правительства. Не ожидавшая кровопролития полиция была ориентирована на классические массовые демонстрации, для разгона которых по заранее подготовленному плану должны были использоваться дубинки и слезоточивый газ. На пути каждой следующей в столицу колонны демонстрантов было выставлено по три отдельных кордона, что было неверным стратегическим решением — первые могли надеяться на последних, а последние имели оправдание, ссылаясь на первых. Кроме того, отряды полицейских рассредоточивались, не могли оказать достойного сопротивления, что усиливало у демонстрантов психологически важное чувство многочисленности и силы, которое нарастало с каждым новым пробитым кордоном и приближением к Белграду. Согласно воспоминаниям участников событий, лишь в 00.00 5 октября министр полиции Влатко Стоилькович передал приказ полковнику бригады быстрого реагирования МВД — «Третий вариант, возьмите с собой тяжелое вооружение»³³. Третий вариант включал использование против организаторов вооруженных беспорядков как табельного (пистолеты и автоматы), так и тяжелого вооружения (пулеметы и гранатометы)³⁴.

С утра на пути следования колонн стояли полицейские кордоны, однако полиция уже показала свою слабость и неготовность применять оружие против демонстрантов. Накануне, 4 октября 2000 г., командир полицейской бригады, посланной для разгона бастующих шахтеров, Бошко Буха не стал применять силу и отступил, достигнув договоренность с координатором забастовки Н. Човичем. Информация об этом событии имела большой пропагандистский эффект и была передана по радио, причем боевики оппозиции смогли помешать работе аппаратов «глушилок», размещенных в частном «каратае-клубе», принадлежавшем члену ЦК Югославских Левых Драголюбу Кочовичу. В кулуарах полиции передавали из уст в уста слова верного защитника Милошевича, отличившегося в Косово, ге-

нерала Властимира Джорджевича, главного «полицейского в форме»: «Он проиграл выборы и должен уйти. Легче убрать его, чем весь народ». Такое же мнение выразил при личной встрече с З. Джинджичем начальник Отряда специального назначения государственной безопасности Милорад Улемек («Легия»). Основное условие вступавших в переговоры силовиков — чтобы демонстранты не применяли огнестрельного оружия в столкновениях с силами правопорядка.

Самая мощная колонна, как и планировалось, двигалась из центра Сербии Ибарским автопутем с юго-запада, она состояла из 52 автобусов с демонстрантами, 230 грузовиков, сотен автомобилей. Хотя большинство демонстрантов было вооружено камнями и дубинками, среди колонны затерялись и несколько автомобилей, пассажиры которых держали прикрытие охотничьи карабины «Застава» со снайперскими прицелами, пистолеты, автоматы Калашникова, пистолеты-пулеметы «Скорпион» с глушителями, гранаты и одноразовые гранатометы «Золя». Слабее вооруженные и менее многочисленные колонны двигались и с других четырех сторон. Они проходили через кордоны полиции, не желавшей использовать оружие и не имевшей других сил для того, чтобы остановить идущих. Лишь в нескольких местах дошло до избиения полицейских, пытавшихся силой оружия преградить движение колонн. После того, как колонны вошли в город, мосты и главные магистрали стали перекрывать контейнерами с мусором, автобусами, трамваями городского транспорта и мусоровозами. Были подготовлены вооруженные автоматическим оружием и противотанковыми гранатометами мобильные группы, целью которых было не дать армии войти в город³⁵. Впрочем, последняя мера была пустой предосторожностью, так как главный военный в стране — начальник Генштаба армии Югославии генерал Небойша Павкович заперся в здании Генерального штаба вместе с супругой и детьми и окружил здание военным спецназом из 63-й бригады ВДВ армии Югославии. Павкович решил оставить армию «вне политики», о чем оповестил лидеров ДОС-а.

Пока колонны приближались к Белграду, в самом городе был организован заранее запланированный митинг против манипуляций на выборах. Он послужил началом сбора народных масс в центре города на площади перед парламентом. Прибывшие около 12 часов на площадь демонстранты, не дожидаясь концентрации главных сил, выскочили из автобусов и с ходу, голыми руками попытались занять здание Парламента Югославии, однако уже на ступеньках были отбиты с применением дубинок и слезоточивого

газа. Это остудило их пыл и привело к временному отступлению. Взволнованные лидеры ДОС-а внесли в план корректиды — распыление сил было признано бессмысленным. Демонстранты, распевая националистические песни и антиправительственные скандированные частушки, стали концентрироваться в одной точке — в центре города вокруг Парламента и телецентра. В 15.23 собравшиеся на площади массы демонстрантов пошли в атаку во второй раз и к 16 часам захватили здание Парламента Югославии. В 16.23 началось нападение на здание радио и телевидения Сербии. Тут впервые началось применение табельного оружия. Это был жест отчаяния одинокого полицейского, пытавшегося неприцельными выстрелами остановить наседавшую на него массу людей. Взволнованный Милошевич понял, что сил одного МВД недостаточно, и приказал генералу Павковичу принять меры, так как «подожжен государственный символ. “Подожжен, но жертв нет”, — хладнокровно ответил Павкович. “Ты не выполнил ни одного моего приказа”, — не повышая тона, закончил разговор президент Югославии»³⁶.

В 17.05 президент Сербии Милан Милутинович позвонил лидерам ДОС и попросил начать переговоры. Милошевич последний раз перезвонил Павковичу и вновь услышал отказ подчиниться ясно отданному приказу. В 17.35 в центр города прибыли части Отряда спецназа государственной безопасности. Несмотря на сброшенные им на головы 4 горшка с цветами и 29 пулевых отверстий, украсивших первый в колонне «Хаммер», они продвигались, не обнажая оружия и не проявляя признаков враждебности. Прибыв к зданию телецентра, командир спецназа Улемек снял маску, поднял к небу три пальца в сербском национальном приветствии и сказал: «Не стреляйте, братья!» Когда на волне его «уоки-токи» раздался голос отчаявшегося Милошевича, Улемек от души запустил об асфальт рацией, разлетевшейся на несколько бесполезных обломков пластика. Окружавшая спецназовцев толпа приветствовала эту выходку аплодисментами и восторженными возгласами.

В 18.00 прекратил работу штаб МВД, координировавший борьбу с массовыми беспорядками. В центре города воцарилась вакханалия победы, на погром и разорение были отданы расположенные в центре магазины, были разграблены полицейский участок вблизи Скупщины, здание горкомов СПС и ЮЛ, а также расположенные в центре Белграда райкомы этих партий. В эфире появилось телевещание под руководством победивших оппозиционеров. В 2 часа ночи посол РФ в Югославии обратился к В. Коштунице с предложением

договориться о встрече с министром МИД РФ Игорем Ивановым, разговор с которым состоялся 6 октября в 12 часов дня. В 20.30 6 октября Коштуница прибыл на виллу к Милошевичу и провел с ним переговоры. В 22.00 Небойша Павкович и Милорад Улемек встретились с шефом государственной безопасности Сербии Раде Марковичем. В 22.39 6 октября Слободан Милошевич признал свое поражение в телеобращении, переданном на телестудии «Ю-инфо». Ранним утром 7 октября благоухавший запахом пожаров и перевернутых мусорных контейнеров Белград вошел в новую эру³⁷. Первая «эскресс-революция» стала историей. Она завершилась без массовых перестрелок и чрезмерного кровопролития³⁸, угроза братоубийственной гражданской войны и открытой иностранной интервенции осталась лишь страшным призраком.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Hyder V. D. Decapitation Operations: Criteria For Targeting Enemy Leadership.* Fort Leavenworth (Kansas), 2004; *Machon M. J. Targeted Killing as an Element of U.S. Foreign Policy in the War on Terror.* Fort Leavenworth (Kansas), 2006; *Maršal T. Igra senki.* Beograd, 2002. S. 167.
- 2 *Maršal T. Igra senki.* S. 168, 188, 191, 194, 193, 198, 199.
- 3 *Dobbs M. U.S. Advice Guided Milosevic Opposition. Political Consultants Helped Yugoslav Opposition Topple Authoritarian Leader // Washington Post Monday.* December 11, 2000.
- 4 *Maršal T. Igra senki.* S. 186–188; *Dobbs M. U.S. Advice Guided Milosevic Opposition // Washington Post Monday.* December 11, 2000.
- 5 *Cohen R. Who Really Brought Down Milosevic? // New York Times Magazine.* November 26, 2000.
- 6 *Nenadic D. «Otpor» From social movement to political organization // M.A. in Political Science.* Open Society University, Budapest 07.06.2006.
- 7 *Cohen R. Who Really Brought Down Milosevic? // New York Times Magazine.* November 26, 2000.
- 8 Деликатность ситуации в Хорватии заключалась в том, что Хорватия была союзником США, но режим и президент этой страны сильно отдавали авторитаризмом, неуместным в благопристойной атмосфере Центральной Европы. Задача была успешно решена с уходом клана Ф. Туджмана от власти и превращением страны в парламентскую республику.

- 9 Popovic S., Milivojevic A., Djinovic S. Nonviolent struggle. 50 crucial points. A strategic approach to everyday tactics. Belgrade, 2006. S. 34.
- 10 Dobbs M. U.S. Advice Guided Milosevic Opposition... // Washington Post Monday, December 11, 2000; Cevallos A. Whither the Bulldozer? Nonviolent Revolution and the Transition to Democracy in Serbia // USIP Special Report. № 72. 06.08.2001.
- 11 Helvey R. L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the fundamentals. Boston, 2004; Popovic S., Milivojevic A., Djinovic S. Nonviolent struggle... S. 35.
- 12 Ilić V. «Otpor» — više ili manje od politike. Beograd, 2001. S. 50; Монитор. София, 28.08.2000.
- 13 Милосављевић M. Јањичари глобализма. «Отпор» и извоз револуције // НИН. 2.12.2004.
- 14 Maršal T. Igra senki. S. 179.
- 15 Кое-кто и до сих пор умудряется отрицать присутствие иностранных менторов при подготовке «Отпора» (Vujićić M. Ivan Marović, jedan od lidera nekadašnje studentske organizacije «Otpor» // Feral tribune. 06.02.2006.
- 16 Павловић M. «Отпор» се не зауставља // Политика, 10.10.2000; Cohen R. Who Really Brought Down Milosevic? // New York Times Magazine, November 26, 2000.
- 17 Cohen R. Who Really Brought Down Milosevic?
- 18 Ilić V. «Otpor» — više ili manje od politike.
- 19 Андрич И. Интервью, данное Стиву Йорку для фильма «Свержение диктатора». 30.11.2000.
- 20 OTPOR u nadležnosti policije. Beograd, 2001.
- 21 Ibid. S. 8.
- 22 Информација о противзаконитим делатностима фашистичко-терористичке организације «Отпор», МУП РС Ресор јавне безбедности — Управа за анализу. Београд, 2000.
- 23 Maršal T. Igra senki. S. 192, 179.
- 24 Bujošević D., Radovanović I. 5. oktobar: dvadeset i četiri sata prevrata. Beograd, 2001.
- 25 Говор председника СР Југославије Слободана Милошевића на промоцији потпоручника ВЈ // Политика, 1.10.2000.
- 26 Bujošević D., Radovanović I. 5. oktobar... S. 24.
- 27 Ibid. S. 270.
- 28 Ibid. S. 27–29; Maršal T. Igra senki. S. 202.
- 29 Maršal T. Igra senki. S. 179, 197, 200, 202, 203, 212, 213.
- 30 Bujošević D., Radovanović I. 5. oktobar... S. 67–68, 99–100.

- 31 Ibid. S. 52–53.
- 32 *Maršal T. Igra senki.* S. 197.
- 33 *Bujošević D., Radovanović I.* 5. oktobar... S. 23, 54–57.
- 34 *Milošević B. и др.* Наоружање и опрема полиције и војске. Београд, 1998.
- 35 *Bujošević D., Radovanović I.* 5. oktobar... S. 87.
- 36 Ibid. S. 161.
- 37 Ibid. S. 278–290.
- 38 В результате событий 5 октября 2000 г. ранены 107 человек, 17 из них были полицейскими, 5 получили огнестрельные ранения. Два демонстранта погибли (мужчина умер от инфаркта, девушка оказалась под колесами грузовика).

Timofeev A. Yu.

Chronology of One Revolution.

By the 10th Anniversary of the Events of October 2000 in Serbia

The article deals with domestic political events and the activity of Western secret services and political technologists leading to the “express revolution” in Yugoslavia.

Key words: *Yugoslavia, Serbia, “express revolution”, S. Milosević, movement “Repulse”.*

*E. A. Колосков
(Москва)*

Македонско-греческий спор о названии: аспекты, этапы и поиски решения

В статье рассматривается македонско-греческий спор о наименовании Македонии — один из самых сложных и запутанных конфликтов на постюгославском пространстве.

Ключевые слова: македонско-греческий спор, международный арбитраж, международное признание, Бывшая Югославская Республика Македония, идентичность.

Слово «Македония» в современных словарях и энциклопедиях имеет четыре основных значения: во-первых, это античное государство, родина известнейших завоевателей Филиппа II и Александра Македонского; во-вторых, Македония — историко-географическая область на западе Балканского полуострова, традиционно выделяемая по целому ряду историко-культурных критериев; в-третьих, это область на севере современной Греции; и, наконец, в-четвертых, Республика Македония (РМ) — это современное государство на Балканах, которое 8 сентября 2011 г. отпразднует двадцатилетие своего независимого существования.

Македония долгое время не привлекала внимание исследователей. Эта республика бывшей Югославии провозгласила свою независимость и, не встречая серьезного сопротивления, без единого выстрела покинула разваливающуюся Федерацию. Это государство практически до самого лета 2001 г. (а точнее — до 1997 г.) оставалось в глазах большинства аналитиков единственным спокойным местом на всем постюгославском пространстве. Фактически полное отсутствие межэтнических столкновений выгодно выделяло Македонию на фоне пылающих Хорватии, Боснии и Герцеговины. Многие западные исследователи поспешили назвать Македонию успешным примером так называемой «превентивной дипломатии»¹.

Действительно, войны не было. Вплоть до 2001 г. фактически не было выстрелов. Однако ситуация вокруг Македонии по-прежнему остается сложной из-за крайне запутанного конфликта, связанного с ее названием. Республика остается единственным государством Балканского полуострова, которое до сих пор не признано под конституционным именем. В официальных документах ООН она

фигурирует как «Бывшая Югославская Республика Македония». Такое сложное обозначение является собой компромисс, достигнутый путем труднейших переговоров и таящий возможность очень опасного конфликта.

Суть конфликта очень проста: историко-географическая область Македония имеет три части: Эгейскую, Вардарскую и Пиринскую. Эгейская Македония (большая часть региона Македония) принадлежит Греции, Пиринская Македония (самая маленькая часть Македонии) — Болгарии и, наконец, Вардарская Македония фактически и является государством Республика Македония. Проблема заключается в том, что греки не согласны с тем, чтобы слово «Македония» фигурировало вне греческого контекста. То есть греческие интеллектуалы и общественность полагают, что античное Македонское царство имеет отношение только и исключительно к современной Греции. И любые «посягательства на наследие Александра Македонского» воспринимаются крайне остро и болезненно².

Для македонцев же использование названия «Македония» (и самоназвание жителей «македонцы») воспринимается как само собой разумеющееся. Проводимые опросы показывают устойчивое неприятие населением изменения имени государства: так, согласно анкетированию Агентства по проверке общественного мнения информационного агентства «Нова Македонија» и Агентства ДАТА-ПРЕСС в декабре 1992 г. против изменения имени было 75,76%³; в ноябре 1994 г. — 74,33%⁴, в октябре 1995 г. — 79,33%⁵, а в феврале 2001 г. — около 90% опрошенных⁶, в июне 2007 г. — 77%⁷. Более того, имеют место заявления о непосредственной принадлежности современной Республики Македонии исторического наследия античного Македонского царства, что вполне естественно не вызывает положительных откликов в Греции. Кроме того, из недавних жестов македонского правительства стоит вспомнить: переименование аэропорта «Петровец» в «Александр Великий» в декабре 2006 г.⁸, а в феврале 2009 г.⁹ — городского стадиона Скопье в арену Филиппа Македонского, проект установки 30-метровой статуи Александра Македонского в центре столицы на площади Македония. Уместным кажется заметить, что греки до начала 1990-х гг. старались не особенно активно использовать название «Македония»¹⁰, так, например, аэропорт «Македония» в Салониках был переименован лишь в 1993 г.¹¹

Причем абсолютно понятными кажутся позиции обеих сторон. Греки не хотят отказываться от наследия и родства с одним из ве-

личайших завоевателей в истории человечества. Для македонцев же крайне необходимо для сохранения идентичности иметь столь звучное самоназвание, как «македонцы». Понятно, что ни первые, ни вторые отказываться от своих притязаний не собираются, что спор этот, в общем-то, вряд ли политический. Скорее всего, стоит согласиться с видным македонским политиком и ученым профессором Л. Фрчковским¹² и признать, что проблема здесь в самоидентификации двух балканских народов. Ни экономическое сотрудничество (Греция является одним из главных внешнеэкономических партнеров и инвесторов Македонии, с 1998 по 2000 г. доля Греции среди других иностранных инвесторов составляла 56%¹³), ни пример других держав (Македония под конституционным именем признана 130-ю государствами¹⁴, включая Россию, Китай и США) не заставят Грецию изменить свою позицию. Более того, македонская сторона также подливает масло в огонь: в македонских исторических сочинениях завоевания Александра Македонского занимают немало страниц¹⁵.

Однако спор о принадлежности наименования «Македония» и национальности величайшего полководца подводит нас к другому, менее ангажированному аспекту данного противоречия. Дело в том, что помимо нежелания признавать название соседнего государства греки фактически отказываются признавать самоназвание македонцев. То есть не признают за жителями РМ право называться «македонцами». И если некоторые политики, как и простые граждане Македонии, в принципе, может быть, и не против изменить название страны (правда, с сохранением слова «Македония»), то отказаться от своего самоназвания они не хотят¹⁶.

Так, греческая сторона в своих официальных заявлениях, помимо того, что не использует термин «Македония» при обращении к северному соседу, жителей страны называет либо «скопьянцы» — «Skopians» (греч.: «Σκοπιανοί»), либо (в среде более умеренных политиков и ученых, преобладающих в данный момент) «славяно-македонцы», «новомакедонцы» и т. п., с добавлением некоего определяющего слова к термину «македонцы»¹⁷. Македонцами же греки называют жителей своих северных областей. Достаточно вспомнить характерное заявление бывшего греческого премьер-министра К. Караманлиса в январе 2007 г.: «Я — македонец, как и 2,5 миллиона греков»¹⁸.

Наиболее нетерпимые греческие исследователи заявляют о фактической «краже», «хищении», «плагиате» македонской стороной

части греческой истории. Представляется уместным привести знаменитую цитату известного греческого историка Е. Кофоса: «Это как если бы грабитель пришел в мой дом и украл мои самые драгоценные камни — мою историю, мою культуру, мою идентичность»¹⁹.

Не стоит, правда, забывать, что и македонская сторона не идет на компромисс, помимо указанных выше аспектов с историческими сочинениями и переименованиями объектов, в газете «Нова Македонија», например, уже с 10 января 1991 г. ежедневно публиковались статьи о принадлежности античного Македонского царства современной Македонии при отрицании в нем греческого фактора²⁰.

Немаловажным сюжетом македонской политики и истории нового периода является идея зажатости страны со всех сторон врагами, готовыми растерзать Македонию при первом же удобном случае. Об этом свидетельствуют постоянные публикации о наличии территориальных претензий со стороны соседей (так, например, еще в январе 1991 г. в «Нова Македонија» со ссылкой на «Washington Post» утверждалось, что Греция, Болгария и Албания имеют территориальные претензии к Македонии)²¹ и об их планах по ликвидации македонского государства²².

Итак, фактически спор зашел в тупик. С чего же все началось и чего ждать от ближайшего будущего?

Греко-македонский спор прошел уже определенные этапы. Его периодизацию предложил профессор Л. Фрчковский²³. Расширенная версия этой периодизации выглядит следующим образом: период, предшествующий непосредственному конфликту вокруг имени «Македония» и охватывающий временной промежуток с 1944 г. (создание Республики Македонии в рамках Югославской Федерации) до провозглашения независимости Македонии 8 сентября 1991 г. На протяжении этого длительного временного отрезка наиболее остро выглядят два сюжета: гражданская война в Греции (1946–1948 гг.) и связанное с ней провозглашение независимости Эгейской Македонии²⁴, а также время, непосредственно предшествующее распаду Югославии (вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг.).

Второй период (1991–1995) охватывает временной промежуток от провозглашения независимости македонского государства до подписания Временного соглашения. В первую очередь стоит отметить, что греки всегда с явным неодобрением относились к названию Македонии еще в рамках Югославии. Но с 1991 г., когда начался распад Федерации, позиция официальных Афин ужесточилась: еще 27 июня греческое правительство официально заявило, что не признает

«провозглашения независимости какой бы то ни было [югославской] республики»²⁵, а 4 сентября уточнило, «что не признает государство, которое носит исторически греческое имя Македония»²⁶. Более того, на границе с Македонией проводятся военные учения «Филипос».²⁷ Одновременно появляется большое количество информации о предстоящем разделе Македонии между Грецией, Сербией, Болгарией и Албанией (в разных вариациях участвуют разные страны). Все это явно нагнетает напряженность в регионе.

Однако и македонская сторона также нагнетала напряжение. Дело в том, что в македонской прессе, симпатизирующей партии ВМРО-ДПМНЕ* (как и на заседаниях данной партии), нередко раздавались призывы об объединении всех частей Македонии. Так, например, 6 апреля 1991 г. в Кичеве на конгрессе ВМРО-ДПМНЕ было высказано мнение «о примирении и объединении всех македонцев». Конгресс закончился заявлением о проведении «следующего конгресса в Салониках»²⁸ (греческий город Салоники. — Е. К.). Нелишним кажется вспомнить и о достопамятной 49-й статье македонской конституции, в которой говорилось следующее: «Республика [Македония] заботится о положении и о правах представителей македонского народа в соседних землях»²⁹, что вкупе с 3-й статьей о возможном изменении границ³⁰ вызвало возмущение в Греции.

Ключевыми событиями второго периода стоит считать: непосредственно провозглашение независимости Республики Македонии, решение Арбитражной комиссии (Бадинтера) от 11 января 1992 г., в котором сообщалось о том, что РМ выполнила условия, необходимые для ее признания³¹, начало торговой войны между Македонией и Грецией (запрет на транспортировку нефти в Македонию от 18 февраля 1992 г.³², Лиссабонский саммит ЕС 27 июня 1992 г., на котором заявлено, что ЕС признает Македонию только с поправкой «Бывшая Югославская Республика»).

Данный период характеризуется многочисленными взаимными нападками сторон, «стихийными митингами» (то есть взаимными обвинениями в организации фиктивных митингов). Наиболее значительные греческие митинги состоялись: 14 февраля 1992 г. в Салониках (около 1 млн. человек)³³, 31 мая 1992 г. в Вашингтоне (организованный Эллиноамериканским советом в США) с участием

* Внатрешна Македонска Револуционерна Организација — Демократска Партија за Македонско Национално Единство — Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство.

примерно 20 тыс. человек³⁴, 31 марта 1994 г. в Салониках (300 тыс. человек)³⁵ и др. (например, крупный митинг с участием греческой диаспоры состоялся в 1994 г. в Мельбурне, Австралия)³⁶.

В целом Македония стремилась добиться максимально возможного числа признаний под конституционным именем (в первую очередь среди стран-членов Совета Безопасности ООН), а Греция старалась убедить своих партнеров по переговорам не делать этого до выполнения македонским государством ряда определенных условий. Но в этот же период начинается поиск компромисса при помощи посредников: участники спора фактически не могли (в том числе из-за сложной внутриполитической обстановки) вести прямые переговоры. Итогом длительных переговоров стало подписание 13 сентября 1995 г. так называемого Временного соглашения.

Третий период (1995–2001) связан в первую очередь с выполнением условий подписанного Временного соглашения: изменения флага РМ (22 сентября — 5 октября 1995 г.), меморандум о пересечении границ двух государств (13 октября 1995 г.), прекращение греческого эмбарго (15 октября 1995 г.), открытие так называемых «канцелярий для контактов» в Скопье и Афинах (17 января 1996 г.). Во-вторых, данный период характеризуется увеличением непосредственных контактов сторон — то есть многочисленными переговорами и встречами на высшем уровне: между президентом К. Глигоровым и премьер-министром К. Симитисом (2–3 декабря 1996 г., 2 ноября 1997 г.), главами МИД двух государств (19 марта 1997 г. переговоры между Л. Фрчковским и Т. Панголосом, 8 июня 1997 г. между Б. Ханджиским и Т. Панголосом, 20 сентября 1999 г. между А. Димитровым и Г. Папандреу). В-третьих, большое значение имело подписание 9 апреля 2001 г. в Люксембурге соглашения между ЕС и РМ о «стабилизации и ассоциации», а также связанная с этим соглашением борьба. В-четвертых, после весны 1997 г. следует отметить некоторое затухание интереса к проблеме в связи с обострением ситуации в Албании, затем в Косово (включая как события 1998 г., так и операцию НАТО против Югославии в 1999 г.), в Южной Сербии в 2000 г. и, наконец, в Македонии летом 2001 г.

Немаловажно отметить, что, несмотря на известные достижения Временного соглашения (например, в экономическом плане), последовал очевидный (и, в общем-то, ожидаемый) подъем национализма в обеих странах, что значительно усложнило переговоры³⁷. Результатами политических кризисов стало падение правитель-

ства в Греции — к власти пришла ПАСОК* (во главе с Андреасом Папандреу)³⁸ — и вынесение вотума недоверия действующему македонскому правительству и массовые митинги (Скопье, Ресен и другие города Македонии)³⁹. Не стоит забывать и о том, что покушение на президента РМ К. Глигорова имело место как раз за несколько дней до ратификации Временного соглашения парламентом Македонии (3 и 9 октября 1995 г. соответственно)⁴⁰.

Четвертый период охватывает временной промежуток от 2001 до 2008 г., то есть от значительного изменения внутри Македонии после Охридского рамочного соглашения и до Бухарестского саммита НАТО. Лето-осень 2001 г. традиционно связывают с ослаблением внешнеполитической позиции РМ⁴¹. Вполне ожидаемо, что этим попытались воспользоваться греческие политики для упрочения своей позиции, натолкнувшись в рамках НАТО на сопротивление Турции⁴². Крупнейшим успехом македонского руководства стало признание Македонии со стороны США в 2004 г. Стоит отметить также ряд попыток примирить две стороны при посредничестве специального представителя генерального секретаря ООН М. Нимица в октябре 2005 г.⁴³

Остальные попытки предпринимались буквально в преддверии саммита НАТО. Ни для кого не было секретом, что Греция наложит вето на принятие Македонии в эту организацию. Об этом неоднократно говорили греческие политические деятели. Так, например, 29 августа 2006 г. министр иностранных дел Д. Бакоянис заявила, что «парламент Греции любого состава не будет ратифицировать присоединение соседней страны к ЕС и НАТО, если спор об имени не будет решен заранее»⁴⁴, позднее практически эти же слова были повторены македонской прессе⁴⁵. Премьер-министр Греции К. Караманлис, первоначально отрицавший то, что Греция будет в обязательном порядке использовать свое право вето⁴⁶, тем не менее, позднее фактически отказался от этого утверждения⁴⁷.

Однако ни переговоры в ноябре-декабре 2007 г., ни январско-февральские двусторонние встречи не принесли результатов. Более того, македонские партии национального толка 27 февраля 2008 г. провели крупный митинг в Македонии в поддержку названия «РМ»⁴⁸. Аналогично, в Салониках 2 марта прошел митинг, организованный греческими национально ориентированными силами⁴⁹. В

* Πανελλήνιο Σοσιαλιστικό Κίνημα — ПА.ΣΟ.К. — Всегреческое социалистическое движение.

подобных напряженных условиях 2 марта М. Нимиц констатировал провал переговоров. Но попытки достижения компромисса продолжались и в последние недели перед саммитом: 17 марта 2008 г. в Вене прошла встреча между Нимицем и представителями двух противоборствующих сторон⁵⁰. Переговоры 21 и 25 марта не принесли ожидаемых результатов, и 3 апреля 2008 г. Греция заблокировала участие Македонии в НАТО⁵¹. 11 апреля 2008 г. произошел самороспуск парламента Македонии.

Пятый период охватывает временной промежуток после саммита НАТО в Бухаресте и до настоящего времени. Большинство македонских и западных аналитиков оценивают Бухарестский саммит как кульминацию спора об имени⁵². Тем не менее, переговоры продолжились буквально через две недели: новый этап переговоров начался в Афинах 17 марта. И затем продолжился 30 апреля — 2 мая 2008 г.⁵³

Далее стоит отметить, во-первых, подачу Македонией иска против Греции в Международный суд в Гааге в связи с невыполнением последней обязательств по Временному соглашению⁵⁴. Необходимо подчеркнуть расхождение мнений в отношения иска между президентом Б. Црвенковским и премьером Н. Груевским. Президент заявил, что иск лишь тратит времени, что процесс может затянуться на целый год⁵⁵. Другим важным событием конца 2008 г. можно считать назначение нового представителя македонской стороны для участия в переговорах. Им стал предложенный 29 ноября премьер-министром Н. Груевским македонский посол в США З. Йолевский⁵⁶.

Новый раунд переговоров начался 11 февраля 2009 г., спустя 4 месяца после предыдущего. Основная задача, поставленная на них, сводилась к уточнению позиций сторон⁵⁷. Результатом переговоров стало, по словам З. Йолесского, решение об их продолжении летом, после проведения выборов в Греции и РМ⁵⁸. В преддверии новых переговоров важно отметить заявление министра иностранных дел Македонии А. Милошовского (первоначально идея была выдвинута премьер-министром Н. Груевским) о том, что решение о названии страны «македонские граждане будут решать на референдуме»⁵⁹.

Дальнейшие переговоры в Женеве (22 июня — август 2009 г.), а также в апреле и июне 2010 г. прошли под знаком выбора нового названия страны (сначала фигурировала в основном «Северная Македония»⁶⁰, в 2010 г. — «Вардарская Македония»⁶¹).

В целом за время переговоров заинтересованные или нейтральные стороны высказали несколько вариантов решения проблемы.

Идея смены имени. Первоначально это была основная идея греческой стороны. Греческую позицию по данному вопросу министр иностранных дел К. Мицотакис изложил в письме Совету Европейского сообщества для заседания в Люксембурге 15 июня 1992 г. В письме, которое впервые целиком было опубликовано 17 сентября 1992 г. в газете «Пондики», греческое предложение было сконцентрировано на двух возможных решениях: 1) Сообщество заявит, что готово признать «Скопье» под любым именем, которое выберет эта Республика, с условием, что в нем не будет слова «Македония», или 2) «мы признаем любое имя, которое “Скопье” выберет, которое не будет содержать слово “Македония”, но будет свободно самоназывать себя как захочет». В обосновании, помимо прочего, подчеркивалось: «...многие страны, среди которых Германия, Швейцария, а также и сама Греция, известны за рубежом под другими именами, чем те, что они употребляют у себя дома [...] мы предпочитали бы, чтобы не существовало абсолютно никакого употребления имени “Македония”»⁶². Не трудно догадаться, что такая жесткая позиция греческой стороны была отвергнута македонским правительством⁶³.

Эта идея использовалась греческой стороной в период, когда она либо исключала возможность употребления слова «Македония» в названии государства, либо предлагала поменять имя государства на одно слово, часть которого — «Македония» (например, «Новомакедония», «Славомакедония» и др.), как для внутреннего, так и для международного употребления.

Идея двух имен. Подразумевалось, что македонское государство будет использовать сразу два имени. Впервые эту идею высказал 14 июня 1992 г. министр иностранных дел Португалии П. Пиреш де Миранда, который предложил своему македонскому коллеге Д. Малескому двойное имя для республики — одно для внутреннего, а другое для внешнего применения. Однако македонский министр это предложение не принял⁶⁴.

Существовало два варианта реализации этой идеи. В первом случае, при реализации так называемого «ирландского» варианта, предложенного британским посредником О’Нилом, Македония могла свободно использовать свое конституционное название в международных отношениях, исключая контакты с Грецией, по примеру отношений между Соединенным Королевством и Ирландией⁶⁵. Стоит отметить, что именно эта идея на долгое время стала основной в позиции македонской стороны⁶⁶.

Другая трактовка реализации предложенной формулы предполагала оставление самоназвания «Македония» для использования внутри государства, в то время как во всех международных отношениях использовалось бы какое-либо другое имя. Впервые подобное предложение было сделано заместителем министра иностранных дел Греции Й. Зунисом в июне 1992 г.⁶⁷ Подобные предложения делались и другими переговорщиками и посредниками (например, Д. Хердом 14 октября 1992 г.)⁶⁸.

В апреле 2005 г. М. Нимицем для употребления вне страны было предложено наименование «Республика Македония — Скопье». Эта идея была поддержана в Афинах, но отвергнута в Скопье⁶⁹. В ноябре Нимиц сделал другое предложение: наименование «Республика Македония» должно быть использовано теми странами, которые признали страну под этим именем, а Греция может использовать название «Республика Македония — Скопье», международные же учреждения и организации должны использовать название «Республика Македония» на латинице. Хотя правительство Республики Македония приняло предложение как хорошую основу для решения спора, Греция сочла предложение неприемлемым⁷⁰.

Идея трех имен. Суть этого предложения сводилась к следующему: «македонцы свое государство официально называли бы «Республика Македония», Греция — «Республика Скопье», а в ООН и во всех других международных связях новое государство фигурировало бы под каким-то третьим именем»⁷¹. Данное предложение высказывалось неоднократно, хотя президент РМ К. Глигоров заявил, что «тройное имя не приведет к тройному решению спора»⁷².

8 октября 1996 г., согласно американскому еженедельнику «Эпандитис», на переговорах в Нью-Йорке Греция впервые письменно предложила македонской стороне конкретное имя в так называемой тройной формуле: 1) «Новая Македония» или «Республика Македония-Скопье», как международное имя, 2) использование «РМ» для внутреннего употребления и 3) некое другое имя, которое будет использовать Греция в двусторонних отношениях, например, «Республика Скопье». Цитировалось также, что 14 октября в Женеве, наиболее вероятно, это предложение Афин будет отвергнуто и Скопье предложит наименование «РМ» для международного употребления и любое, которое выберет Греция, для двусторонних контактов⁷³.

Идея сложного имени. На сегодняшний день это последний из рассматриваемых и активно обсуждаемых вариантов. Суть его сводится к тому, что слово «Македония» из названия не убирается, а дополняется определениями, дающими либо географическую лока-

лизацию республики (например, «Северная Македония», «Верхняя Македония», «Вардарская Македония» и т. п.), либо придающими название этническую («Славянская Македония») или историческую окраску («Новая Македония»), сюда же можно включить и современное обозначение РМ в ООН — «Бывшая Югославская Республика Македония»), либо структурную («Конституционная Республика Македония», «Демократическая Республика Македония» и т. д.).

Впервые подобная идея была высказана весной 1994 г. Первоначально подобное предложение резко отвергалось греческой стороной, так, 8 мая 1994 г. афинская газета «Το Βίμα» писала: «Г-н Папандреу объяснил, что исключает всякую возможность сложного имени, которое будет содержать термин “Македония”»⁷⁴.

Стоит, однако, отметить, что уже в ноябре 1995 г. позиция Афин начала меняться в связи с внутриполитической борьбой в стране. Экс-премьер К. Мицотakis заявил 4 ноября 1995 г., что существуют две возможности: принять сложное наименование или же конституционное название северного соседа получит преобладание в мире. «...Не существует никого в мире, — утверждал он, — кто поддержит Грецию в проявлении настойчивости, для того чтобы устраниТЬ слово Македония из названия северного соседа. [...] Даже в Греции нет никого, кто бы искренне верил, что этого можно достичь»⁷⁵.

С 1996 г. началась ожесточенная борьба в Греции среди политических партий за нахождение компромисса в споре об имени Македонии. Так, по сообщениям греческой газеты «Κατιμερίνη» и македонского «ΜακΦάκσ», в марте 1996 г. греческий премьер К. Симитис начал серию контактов для получения согласия от политических партий на сложное наименование этой страны, из которого не будет убрано слово «Македония»⁷⁶. Для 1996 г. наиболее часто фигурирующим было название «Новая Македония»⁷⁷. Однако уже во второй половине 1996 г. греческая дипломатия вновь вернулась на позиции отказа от идеи сложного имени⁷⁸. В связи с этим произошел возврат к идее трех имён, то есть сложное имя предполагалось использовать для международного общения, в то время как Афины в двусторонних отношениях не использовали бы слово «Македония». Причем, по предложению американской стороны в ноябре 1996 г., сложное имя предполагалось использовать только в ООН, а государства могли признавать РМ под ее конституционным именем⁷⁹.

Позднее, уже в 1998 г., в связи с изменением внутриполитического положения в Македонии (приходом к власти коалиции, возглавляемой ВМРО-ДПМНЕ), данная идея стала отвергаться Скопье⁸⁰.

Возобновление дискуссии вокруг этого варианта разрешения проблемы произошло с 2005 г. (предложение М. Нимицем наименования «Республика Македония-Скопье»⁸¹), и особенно перед саммитом НАТО в Бухаресте, то есть в начале 2008 г. Помимо вышеуказанного, фигурировали следующие предложения: «Республика Верхняя Македония», «Новая Республика Македония»⁸².

Стоит отметить, что эта идея, иногда вкупе с идеей двух-трех имен, до сих пор рассматривается как наиболее вероятная для решения греко-македонского спора. Так, в июне 2010 г. активно обсуждалась идея добавления в название слова «Вардар»⁸³. Однако, учитывая разразившийся в Греции кризис (а следовательно, ужесточение внешней политики правительства) и решение премьер-министра Македонии Груевского о проведении референдума по изменению названия⁸⁴, данная инициатива кажется временно забытой.

История греко-македонского противостояния показывает, что, во-первых, спор, который длится едва ли не 20 лет, скорее всего не является «досадным недоразумением», как кажется македонской стороне. Во-вторых, вряд ли возможно в современных условиях заставить международно признанное государство изменить свое название, а граждан, проживающих в нем, фактически изменить свою идентичность. В-третьих, ясно, что сам спор широко используется обеими сторонами для решения своих внутриполитических проблем: как македонские, так и греческие партии правого толка активно эксплуатируют конфликт для «набора очков». В-четвертых, данный сюжет в рамках евро-интеграции отчетливо демонстрирует проблему использования «либерум вето» и проблему принятия решений путем достижения консенсуса. В-пятых, решение спора видится исключительно в обоюодном стремлении сторон добиться компромисса, а не в реализации своих требований.

Остается надеяться, что вновь начавшиеся недавно переговоры приведут стороны к компромиссу и покончат с этим затянувшимся спором⁸⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См., например: *Ackermann A. Making peace prevail: preventing violent conflict in Macedonia*. New York, 1999.
- 2 Greek lawyers halt Alexander case // BBC News. 3 December 2004. — <http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/4064727.stm>.

- 3 Името не треба да се менува // Нова Македонија. 9 декември 1992. № 16481. С. 1.
- 4 Мнозинство — против промена на името // Нова Македонија. 27 нојември 1994. № 17181. С. 3.
- 5 Името да не се менува, знамето — може // Нова Македонија. 5 октомври 1995. № 17495. С. 1, 8.
- 6 Тунтев А. Република Македонија. Прва декада (1990–1999). Скопје, 2005. С. 354.
- 7 Macedonians in Favour of NATO Accession Under Constitutional Name // A1 TV. 12 June 2004.
- 8 A stir over name of Skopje's airport // Kathimerini, Friday 29 December 2006. — http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_politics_100006_29/12/2006_78322.
- 9 Скопскиот стадион ќе се вика “Арена Филип Македонски” // Дневник. — <http://www.dnevnik.com.mk/?itemID=89976B5EB501C649B6CB54F97C08DEA8&arc=1>. Избрани имиња на спортските објекти // Вечер OnLine. 29 декември 2008. № 1398. — <http://www.vecer.com.mk/?ItemID=BF8801930BF6C344B62A5418CCC2853D>.
- 10 Интервью с Любомиром Фрчковским // В личном архиве автора.
- 11 Airport history // Thessaloniki international airport Macedonia / Greek Airports. — <http://www.hcaa-eleng.gr/theshist.htm>.
- 12 Любомир Данайлов Фрчкоский — македонский политик и ученый. Экс-глава МИД (1996–1997) и МВД (1992–1996), кандидат от СДСМ на президентских выборах 22 марта 2009 г.
- 13 Габер В. За Македонската дипломатија. Скопје, 2002. С. 157.
- 14 Macedonia, Morocco nourish excellent relations, should bolster economic cooperation // Macedonian Information Agency. 11 May 2010. — <http://www.mia.com.mk/default.aspx?vId=73825359&IId=2&pmId=50>.
- 15 См., например: Трајановски А. Историја на Македонија. Скопје, 2008.
- 16 Интервью с представителем ВМРО-НП Николой Клюсевым // В личном архиве автора.
- 17 The Former Yugoslav Republic of Macedonia name issue // Ministry of Foreign Affairs Greece in the World. February 2010. — <http://www2.mfa.gr/www.mfa.gr/en-US/Policy/Geographic+Regions/South-Eastern+Europe/Balkans/Bilateral+Relations/FYROM/FYROM+THE+NAME+ISSUE.htm>.
- 18 «I am a Macedonian, just like two and a half million Greeks». Stark message to Skopje // ERT online. 21 January 2007. — <http://news.ert.gr/en/1/22936.asp>.

- 19 «It is as if a robber came into my house and stole my most precious jewels — my history, my culture, my identity» (*Kofos E. Most precious jewels // The Boston Globe.* 5 January 1993. P. 9).
- 20 Цикл «Кои беа Антички Македонци» // Нова Македонија. № 15790. 10 Јануари 1991. С. 4.
- 21 Териториални претензији кон Југославија // Нова Македонија. № 15784. 4 јануари 1991. С. 7.
- 22 Интервью Б. Ристовског // В личном архиве автора.
- 23 *Frckovski L. D. The character of the name dispute between Macedonia and Greece.* Skopje, 2009. P. 11–13.
- 24 *Rossos A. Incompatible Allies: Greek Communism and Macedonian Nationalism in the Civil War in Greece, 1943–1949 // The Journal of Modern History.* 1997, March. — http://www.gate.net/~mango/Greek_Communism_and_Macedonian_Nationalism.htm.
- 25 Цит. по: *Тунтев A.* Република Македонија... С. 251.
- 26 Там же. С. 252.
- 27 Там же.
- 28 Цит. по: *Тунтев A.* Република Македонија... С. 15.
- 29 «Республиката се грижи за оложбата и за правата на припадниците на македонскиот народ во соседните земји» (Устав на Република Македонија [од 17 ноември 1991 година]. Член 49).
- 30 «Границите на Република Македонија може да се менува само во согласност со Уставот» (Устав на Република Македонија [од 17 ноември 1991 година]. Член 3).
- 31 Конференция по бывшей Югославии. Арбитражная комиссия. Пункт № 6: О признании СР Македонии Европейским Содружеством и его странами-участниками. Париж, 11 января 1992 г.
- 32 *Тунтев A.* Република Македонија... С. 254.
- 33 *Roudometof V. Collective memory, national identity, and ethnic conflict: Greece, Bulgaria and Macedonian conflict.* Westport, 2002. P. 32–33.
- 34 *Тунтев A.* Република Македонија... С. 260.
- 35 Там же. С. 268.
- 36 *The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origins / ed. Jupp, J.* Cambridge, 2001. P. 147.
- 37 *Gallagher T. The Balkans in the New Millennium: In the Shadow of War and Peace.* Routledge, 2005. P. 7–8.
- 38 *Max Planck Yearbook of United Nations Law 1997 / ed. Frowein J. A., Wolfrum R.* Hague, 1998. P. 239.
- 39 *Phillips J. Macedonia: Warlords and Rebels in the Balkans.* New York, 2004. P. 56.

- 40 Тунтев А. Република Македонија... С. 40.
- 41 См. например: Габер В. За Македонската дипломатија. С. 161.
- 42 Там же.
- 43 Matthew Nimitz will not present a new proposal on the name // OneWorld Southeast Europe. 14 October 2005. — <http://see.oneworld.net/article/view/120536/1/>.
- 44 «The Hellenic Parliament, under any composition, will not ratify the accession of the neighbouring country to the EU and NATO if the name issue is not resolved beforehand». Answer of FM Ms. D. Bakoyannis regarding the FYROM name issue. 29 August, 2006 // Embassy of Greece, Washington, DC. — <http://www.greekembassy.org/Embassy/content/en/Article.aspx?office=1&folder=24&article=18371>.
- 45 «When I said that not a single Greek Parliament will ratify the accession of your country in NATO and the EU, I simply restated the facts of an undeniable reality». Interview with Greek Foreign Minister Dora Bakoyannis. 28 October 2006 // Обединетата Македонска Дијаспора. — http://umdiaspora.org/index.php?option=com_content&task=view&id=150&Itemid=76.
- 46 I Never Used the Word Veto // To Vim. 23 January 2007. — <http://www.tovima.gr/default.asp?pid=53&fid=5953596>.
- 47 Karamanlis: No accession without a solution for the name // Eleútheros Týpos. 19 October 2007. — <http://www.e-tipos.com/newsitem?id=13321>.
- 48 Macedonians Rally ‘To Protect Name’// Balkan Insight.com. 28 February 2008. — <http://www.balkaninsight.com/en/main/news/8192/>.
- 49 LAOS Demonstration next Wednesday in Thessaloniki // Enet.gr. 3 March 2008. — http://www.enet.gr/online/online_text/c=110,id=2260528.
- 50 По Виена Нимиц е поголем оптимист за името // Утренски Весник. 18 март 2008. № 2639. — <http://www.utrinski.com.mk/?ItemID=86447574CFD4D748998828E31E075A41>.
- 51 Bucharest Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008. Par. 20. — http://www.summitbucharest.ro/en/doc_202.html.
- 52 Frckovski L. D. The character of the name dispute between Macedonia and Greece. Skopje, 2009. Р. 12; Габер В. Името Македонија: историја, право, политика. Скопје, 2009. С. 387; Лозановска Ј. Што по Букурешт? // Спорот за името меѓу Грција Македонија. Скопје, 2008. С. 503–504.

- 53 Macedonia, Greece continue name dispute talks in New York // SETimes.com. 30/04/2008. — http://www.setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/en_GB/newsbriefs/setimes/newsbriefs/2008/04/30/nb-03.
- 54 Macedonia files NATO membership case at International court of Justice // Press Releases // Ministry of Foreign affairs of Republic Macedonia. — <http://www.mfa.gov.mk/default1.aspx?ItemID=318&id=480>.
- 55 Crvenkovski: Recourse to the World Court a waste of time // Kathimerini. 1 December 2008. — http://www.kathimerini.gr/4dcgi/_w_articles_kathremote_1_01/12/2008_258435. Retrieved 2008-12-01.
- 56 Zoran Jolevski, Macedonia's new name negotiator // Macedonian Information Agency. 30 November 2008. — <http://www.mia.com.mk/default.aspx?mId=30&vId=59566878&lId=2&title=MACEDONIA+-+FOREIGN+AFFAIRS+>.
- 57 Fresh round of name talks in New York // Macedonian Information Agency. 11 February 2009. — <http://www.mia.com.mk/default.aspx?mId=30&vId=62064882&lId=2&title=MACEDONIA+-+FOREIGN+AFFAIRS+>.
- 58 Jolevski: Macedonia's NATO invitation at next summit to help name row settlement // Macedonian Information Agency. 18 February 2009. — <http://www.mia.com.mk/default.aspx?vId=62247087&lId=2&pId=501>.
- 59 «However, for this the Macedonian citizens will decide at a referendum, states the FM». FM Milososki: Name row a result of Greece's desire to protect its myth of pure nation. Berlin, February 4th 2009 // Влада на Република Македонија. — <http://www.vlada.mk/?q=node/2273>.
- 60 Greece could accept name «Northern Macedonia» // Eurasia Review: News and Analysis. 24 April 2009. — <http://www.eurasiareview.com/2010/04/33103-greece-could-accept-name-northern.html>.
- 61 Solution in sight for name dispute // Kathimerini. 14 June 2010. — http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_politics_100008_14/06/2010_117660.
- 62 Тунтев А. Република Македонија... С. 346.
- 63 Там же. С. 347.
- 64 Там же. С. 346.
- 65 Тунтев А. Република Македонија... С. 350.
- 66 Глигоров К. Македонија се што имаме. С. 389
- 67 Тунтев А. Република Македонија... С. 346.
- 68 Там же. С. 349.
- 69 Greece considers Macedonia name // BBC News. 8 April 2005. — <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4425249.stm>.
- 70 Matthew Nimitz Will Not Present a New Proposal on the Name // One World Southeast Europe. 14 October 2005. — <http://see.oneworld.net/article/view/120536/1/>.

- 71 Тунтев А. Република Македонија... С. 345.
- 72 Цит. по: Тунтев А. Република Македонија... С. 350.
- 73 «Елефтеротипија»: решение за името до Божик // Дневник. 15 октомври 1996. № 173. С. 2.
- 74 Цит. по: Тунтев А. Република Македонија... С. 345.
- 75 «Сложно име единствено решение» // Нова Македонија. 4 ноември 1995. № 17525. С. 3.
- 76 Цит. по: Тунтев А. Република Македонија... С. 349.
- 77 Тунтев А. Република Македонија... С. 347–348.
- 78 Каран필овска Е. «Република Македонија» — официален предлог // Пулс. 16 мај 1997. № 334. С. 28.
- 79 Фактор на стабилност и безбедност во региона // Нова Македонија. 11 ноември 1996. № 17891. С. 2.
- 80 Тунтев А. Република Македонија... С. 349.
- 81 Greece considers Macedonia name // BBC News. 8 April, 2005. — <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4425249.stm>.
- 82 По Виена Нимиц е поголем оптимист за името // Утренски весник. Број 2639. 18 март 2008. — <http://www.utrinski.com.mk/?ItemID=86447574CFD4D748998828E31E075A41>.
- 83 Macedonia to add 'Vardar' to its name // EurActiv. 16 June 2010. — <http://www.euractiv.com/en/enlargement/macedonia-add-vardar-its-name-news-495266>; Towards an agreement for the name «Macedonia of Vardar» // Greek Reporter. 14 June 2010. — <http://greece.greekreporter.com/2010/06/14/towards-an-agreement-for-the-name-%C2%A0Bmacedonia-of-vardar%C2%BB/>; Solution in sight for name dispute // Kathimerini. 14 June 2010. — http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_politics_100008_14/06/2010_117660.
- 84 Последнее сообщение об этом: Баросо побара решавање на проблемот со името // МакФакс. 27 октомври 2010. — <http://www.makfax.com.mk/119732>.
- 85 См.: Македонија сака регата, Европа групи // Нова Македонија. 29 октомври 2010. № 22119. — <http://www.novamakedonija.com.mk/News-Detal.asp?vest=1029101023558&id=9&setIzdanie=22119>; Папандреу одложи, Груевски упорен кај Расмусен и Ештон // Нова Македонија. 29 октомври 2010. № 22119. — <http://www.novamakedonija.com.mk/News-Detal.asp?vest=1029101022281&id=9&setIzdanie=22119>.

Koloskov E. A.

Macedonian-Greek Polemics on the Name:
Aspects, Stages and Searches for a Solution

The article deals with the Macedonian-Greek polemics on the name of Macedonia — one of the most complicated and tangled conflicts on the territory of former Yugoslavia.

Key words: *Macedonian-Greek polemics, international arbitration, international acknowledgement, former Yugoslavian Republic of Macedonia, identity.*

*A. B. Осипова
(Москва)*

От сепаратизма к экстремизму — создание Освободительной армии Косова

Статья посвящена истории создания первых вооруженных экстремистских групп косовских албанцев и начальному периоду деятельности Освободительной армии Косова, включая вопросы финансирования и поставок оружия в Косово.

Ключевые слова: *Освободительная армия Косова (ОАК), Вооруженные силы республики Косова (ФАРК), Ибрагим Ругова, Хашим Тачи, Буяр Букоши.*

При изучении истории сепаратистского движения в Косове трудно обозначить конкретную дату начала радикализации настроений в среде косовских албанцев. Первые проявления радикализации появились еще в начале 1980-х гг., когда стали создаваться подпольные группы, пропагандировавшие экстремистские методы борьбы, в тот же период начали осуществляться первые, еще мелкие и разрозненные нападения вооруженных албанцев на представителей сербской полиции, мирное сербское население, православные памятники.

В 90-е гг. экстремизм не пользовался широкой поддержкой албанского населения, но период «мирного сопротивления» в рамках «параллельного общества» был наиболее благоприятным временем для организационного формирования и вооружения экстремистских отрядов. Затишье, характерное для внутренней обстановки в Косове в первой половине 90-х гг., было кажущимся. В это время как внутри края, так и за его пределами (в Албании и в странах Западной Европы) шла активная работа, результаты которой стали отчетливо видны во второй половине 90-х гг., когда террористическая активность в Косове начала резко набирать обороты и вылилась в 1998 г. в настоящую войну между созданной албанцами Освободительной армией Косова и сербскими силами безопасности.

1981-й год был временем бурных событий в Косове, когда албанцы проводили массовые демонстрации с требованием предоставления краю статуса республики. М. Ю. Мартынова полагает, что «именно выступления албанцев, населявших автономный край Косово, явились начальным кризисным звеном в цепи распада Социалистической Федеративной Республики Югославии»¹. Такого мнения придерживаются и многие другие исследователи. В целом

не подлежит сомнению, что Косово было самым слабым звеном Югославской федерации.

Применительно к этому времени можно говорить об уже достаточно активной деятельности подпольных сепаратистских групп. В Косове их ядро составляли военнослужащие Югославской народной армии (ЮНА). Так, по данным, которые приводят в своей книге Д. Вилич и Б. Тодорович, в период 1981–1988 гг. в рядах ЮНА была разоблачена 241 подпольная группа албанских сепаратистов, членами которой были около 1600 солдат и офицеров².

Тот факт, что организация экстремистских групп была доверена профессиональным военным, зачастую занимавшим высокие посты в республиканском руководстве, объясняет хорошую подготовку и дисциплину боевиков и высокую степень их конспирации.

В своих воспоминаниях Тахир Земай, бывший офицер ЮНА, а позднее — командующий Третьей оперативной зоной Дукаджинской равнины Освободительной армии Косова, рассказывает о создании первых центров по подготовке боевиков под руководством генерала Али Мухаджири, который на тот момент был командующим территориальной обороной Косова: «До сих пор ты мог читать только эту газету, — [сказал он], показывая мне на “Политику”³, которая лежала на столе. — С этой минуты и всегда хочу видеть, как ты читаешь сначала “Рилиндию”⁴. Ты должен начать говорить на литературном албанском языке, учитывая, что с этого времени все ваши контакты с региональными штабами будут на албанском языке».

Земай вспоминал, что выявились потребность узнать как можно больше об антитеррористической и антидиверсионной борьбе, обучиться определенному виду специальной войны. Позже начали формироваться такие подразделения при общинах и региональных штабах. Этой работой руководили из Приштины. «Все время, пока генерал Мухаджири командовал в Косове, сербы не имели возможности совать нос в обучение албанских кадров, где, несомненно, были и сербы. В то время первый центр мы создали в Айвалии, центр обучения военных кадров ТО (территориальной обороны. — A. O.) Косова под командованием полковника Исмаиля Маличи, который был убит вместе с семьей при загадочных обстоятельствах в автомобильной катастрофе при выезде из туннеля около Митровицы. Через тот центр обучения прошли все албанские офицеры. Это началось в 1985 г. как проект ТО и длилось до 1987 г.»⁵.

Таким образом, из слов Земая получается, что обучение будущих боевиков проводилось с санкции и под руководством действую-

щего краевого командования силами территориальной обороны под видом обычного обучения резервистов.

При этом следует отметить, что на начальном этапе экстремистское движение косовских албанцев в большей мере развивалось за пределами самого края. В странах Западной Европы албанскими эмигрантами создавались организации, различными способами поддерживающие сепаратистское движение в Косове. Это можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, в странах Западной Европы проживало большое число албанских эмигрантов. Так, П. Имами приводит в своем исследовании следующие цифры: «Считается, что в 1994 г. в эмиграции было свыше 400 000 албанцев из Косова, Македонии и Черногории, из них около 140 000 в Германии (в 1999 г. их было уже около 165 000), около 120 000 в Швейцарии (в 1999 г. — около 200 000)»⁶. Схожие данные приводит в своей статье и Е. Григорьев: «Из 250 тысяч албанцев, находящихся сейчас в Германии, примерно 140 тысяч — из Косово»⁷. По оценкам Н. Смирновой, численность албанских эмигрантов еще больше — 350 000⁸ в одной только Германии, и от 7 до 10 млн⁹ по всему миру.

Во-вторых, широко известно, что основным доходом албанских эмигрантов в Западной Европе является криминальная деятельность, доходы от которой позволяли финансировать сепаратистскую активность в крае. Например, по данным будапештского отдела по борьбе с наркотиками, 80% наркорынка в Будапеште контролируют косовские албанцы¹⁰. Подробнее о путях финансирования и вооружения ОАК будет сказано ниже.

В-третьих, националистические организации, создаваемые албанцами в странах Западной Европы, не вызывали пристального интереса у служб безопасности европейских государств и могли беспрепятственно заниматься своей деятельностью, в то время как в самом Косове существовала вероятность разгрома таких организаций и ареста ее членов силами сербской полиции.

Главным центром деятельности албанских сепаратистов в Западной Европе была Германия, второе место занимала Швейцария. 17 февраля 1982 г. в ФРГ была создана организация «Народное движение за Республику Косово» (НДРК), куда вошли четыре организации, прежде подпольно действовавшие в Косове и Метохии: «Движение за албанскую социалистическую республику в Югославии»; «Марксистско-ленинская организация Косова»; «Коммунистическо-ленинская партия албанцев Югославии» и «Красный народный

фронт». Эта организация была первым крупным консолидирующем центром албанского сепаратистского движения, многие исследователи считают, что ОАК выделилась именно из этой организации, однако это мнение не является единственным. Также среди ученых можно встретить мнение о том, что из НДРК вышла и партия Ибрагима Руговы. Так, М. Миялковский и П. Дайманов полагают, что «члены этой новой нелегальной организации создали в 90-е годы “Демократическую лигу Косова” (ДЛК), которая стала крупнейшим политическим субъектом албанцев. В действительности до 2 июля 1990 г., когда албанские делегаты Скупщины Косова нелегально приняли “Декларацию независимости Косова”, НДРК была тайной объединительной силой всех политических и террористических субъектов албанцев в Косове»¹¹.

В начале 90-х гг. нападения албанских боевиков не были частым явлением, и, как представляется, их совершали мелкие террористические группы, относительно слабо связанные между собой.

Так, например, в конце декабря 1991 г. МВД Сербии обнаружило, что в Косове и Метохии ведет свою деятельность нелегальная организация албанских экстремистов «Народный фронт», которую составляло свыше ста членов. Эта организация имела отделения во многих местах Косова и в нескольких иностранных государствах. Как сообщают в своей книге М. Миялковский и П. Дайманов, члены организации, кроме того, что собирали денежные средства на приобретение оружия (нелегально в Албании), осуществляли многочисленные контакты с иностранными военными и полицейскими специалистами, от которых они ждали и получали рекомендации, профессиональные советы и схемы наиболее успешных способов организации и террористической деятельности¹².

Самой значимой попыткой по созданию крупной военизированной организации косовских албанцев в первой половине 90-х гг. можно считать действия политического руководства албанцев Косова. Во второй половине 1992 и в 1993 г. лидеры ДЛК пытались совместно с «премьером Республики Косово в эмиграции» Буяром Букоши создать в Германии «Вооруженные силы Республики Косова» («ФАРК»). Создание ФАРК проходило при активной поддержке правящих кругов Албании. Министр обороны Республики Косово Хайзер Хайзерай вел активные переговоры с министром обороны Албании Сафетом Хульали о создании армии Республики Косово, планировалось, что она будет состоять из 40 тыс. человек¹³. Следует отметить, что сам Хайзерай тоже был профессиональным военным,

обучавшимся в свое время в военной академии Югославской народной армии. По данным, которые сообщает М. Лопушина, в метохийских селах Папрачане и Истинич около Дечан была основана первая команда из пяти сотен террористов. Командиром гарнизона «ФАРК» в Папрачане был бывший югославский офицер Тахир Земай¹⁴.

Однако еще в начале его становления, в 1993 г., по ФАРКу был нанесен решительный удар — арест и приговор членам «министерства обороны» и «генерального штаба» Республики Косово. Это смогло временно остановить приготовления к созданию армии. Тем не менее процесс создания единого вооруженного формирования косовских албанцев не был остановлен.

Стать массовой, хорошо обученной и хорошо вооруженной армией было суждено другой организации — Освободительной армии Косова. ОАК активно заявляет о себе, проводя многочисленные нападения на полицейских и мирное население, во второй половине 90-х гг.

О создании и начальном периоде деятельности ОАК известно немногое. Существует несколько версий о времени и месте ее возникновения. В исследовании газеты «The European» «Как Германия поддерживала ОАК» высказывается мнение, что создание ОАК было самым тесным образом связано с деятельностью германской разведывательной службы. Газета писала: «Возникновение ОАК в 1996 г. совпало с назначением Хансерга Гайгера на пост шефа БНД (Федеральная разведывательная служба Германии. — *A. O.*)»¹⁵.

По другому достаточно распространенному мнению, ОАК была создана вне Косова, в частности в Македонии, в 1992 или 1993 г. Карла дель Понте в своих мемуарах приводит такие сведения: «Весной 1993 г. небольшая группа косовских албанцев, которая была больше склонна к вооруженному отпору, нежели к белградскому управлению, основала тайное незаконное вооруженное формирование — Освободительную армию Косова, или ОАК (UÇK). В первые годы существования Освободительной армии Косова лишь малое число ее участников находилось в самом Косове; большинство из них действовало в Соединенных Штатах и Западной Европе, включая и Швейцарию»¹⁶. Мнения о том, что ОАК возникла в 1992 г. в Македонии, придерживается М. Ю. Мартынова. Она приводит данные о том, что первоначально в состав ОАК входили в основном албанцы из македонского города Тетово¹⁷. С. Лепоевич в своей книге приводит несколько иные сведения: «В албанском селе Заяс недалеко от Кучева в Македонии в 1993 г. была основана тайная военизированная организация Освободительная армия Косова (OAK)»¹⁸.

М. Лопушкина не называет точной даты создания ОАК. По ее мнению, «основателем ОАК было “Народное движение за освобождение Косова”, политическая организация бывших политических заключенных “марксистско-ленинской”, то есть поддерживающей Энвера Ходжу, организации из Швейцарии»¹⁹.

По данным, приводимым М. Миялковским и П. Даймановым, «ядро ОАК выделилось (1993) из албанской террористической организации “Народное движение Косова” (ЛПК), основанной 17 февраля 1982 г. в Германии под названием “Народное движение за республику Косово” (НДРК). Она создана путем объединения четырех нелегальных албанских террористических организаций»²⁰. Мнение авторов книги «Албанский терроризм и организованный криминал в Косове и Метохии» о происхождении ОАК почти совпадает с мнением М. Миялковского и П. Дайманова: «Организацию ОАК основали наиболее экстремистски настроенные члены Национального движения Косова (НДК) и Народного движения за освобождение Косова (НДОК), в то время нелегальных групп, во главе которых стояли экстремисты-леваки, приверженцы так называемой марксистско-ленинской линии»²¹. НДК, по мнению авторов, произошло от Красного народного фронта и Народного движения за Республику Косова, возникших в 70–80-х гг., НДОК было основано в 1993 г.

Таким образом, исходя из широкого диапазона мнений, высказываемых авторами о времени и месте создания ОАК, можно заключить, что современная наука не обладает еще четкими и достоверными данными о возникновении этой организации. Такое положение вещей легко можно объяснить высокой конспирацией ОАК на начальной стадии ее деятельности и слабой информированностью о ней сербских и иных спецслужб.

Однако похожий разброс мнений наблюдается в научной литературе и по поводу первых открытых проявлений деятельности ОАК и ее первых появлений перед общественностью.

Как отмечала Н. Смирнова, «история возникновения ОАК пока покрыта тайной. Когда с апреля 1996 г. в Косово стали совершаться нападения на сербских полицейских, в югославской печати впервые появились сообщения о субсидируемых Тираной и/или албанским посольством в Белграде нелегальных вооруженных группировках с центром в одной из европейских стран»²².

Р. Томас приводит более точную дату — он полагает, что Освободительная армия Косова начала насилие против сербской полиции и мирного населения 22 апреля 1996 г.²³

Другие данные в своем исследовании приводит Я. Удовички. Автор отмечает, что с начала 1997 г. из одного швейцарского супермаркета начали приходить факсы в албанские средства массовой информации в Косове, в которых ответственность за террористические нападения, происходившие в это время в Косове, брала на себя организация «УЧК»²⁴.

Д. Вилич и Б. Тодорович приводят сведения о более ранних проявлениях деятельности ОАК: «После убийства Лютвии Айази, инспектора полиции в Србице, появилось сообщение командования “ОАК”, в котором оно взяло на себя ответственность за это преступление, равно как и за несколько предыдущих покушений на “оккупантов и предателей”. Тогда и стало известно о существовании “ОАК” (декабрь 1994 г.)»²⁵. Того же мнения придерживается и М. Дрецун. Автор относит первое открытое появление боевиков, одетых в униформу ОАК, к 1996 г., когда происходили нападения на центры для беженцев и другие объекты²⁶. М. Лопушина относит первые нападения ОАК к первой половине 1996 г., а датой официального начала деятельности ОАК называет 28 ноября 1997 г. (в этот день албанцами отмечается День флага)²⁷.

В целом 28 ноября 1997 г. является наиболее распространенным мнением о дате первого открытого появления боевиков ОАК. Этому предшествовали следующие события: сербская полиция 25 ноября попыталась войти в село Лауша в общине Србица. В результате перестрелки в сельской школе был убит албанский учитель Халит Геци (по другим данным Геци был членом ОАК). На его похоронах в селе Лауша присутствовало 20 тыс. албанцев. На похороны пришла делегация ДЛК во главе с Ибрагимом Руговой. Среди присутствующих были три человека в масках, одетых в униформу и с автоматическим оружием, которые представлялись как участники УЧК, по некоторым данным среди них был один из самых известных лидеров ОАК Хашим Тачи.

Как сообщает в своей книге Я. Удовички, «выступление членов Освободительной армии Косова наэлектризовало толпу. Тогда все окрестности Дреницы, включая традиционно мятежные села Преказе и Дреновац, были полностью очищены от сербов и населены исключительно албанцами, число которых составляло около 60 000 человек. Весь этот край находился в руках Освободительной армии Косова. Сербские власти не имели доступа в эту область. В конце ноября 1997 г. в Приштине стал распространяться слух, что война началась»²⁸.

Как полагают М. Миялковский и П. Дайманов, события, связанные с похоронами в Лауше, были специально организованы в преддверии международной конференции по Боснии и Герцеговине, открывшейся 10 декабря 1997 г. в Бонне, чтобы привлечь к Косову внимание мировой общественности.

Следует отметить, что на первых этапах активной деятельности ОАК некоторые деятели, преимущественно в албанской среде, придерживались мнения, что она является выдумкой сербских властей, а все террористические нападения инсценируют сами сербы для того, чтобы дестабилизировать обстановку в крае. В частности, такую точку зрения долгое время выдвигал И. Ругова, однако затем был вынужден от нее отказаться.

Вообще взаимоотношения И. Руговы и ОАК складывались очень непросто. Поскольку Ругова и его сторонники из ДЛК придерживались ненасильственной линии поведения в борьбе за независимость Косова, они резко осуждались экстремистски настроенным сторонниками ОАК, в результате чего функционеры ДЛК часто становились мишенью для нападений ОАК. Из-за общей радикализации настроений албанского населения в 1998 г. политические позиции ДЛК сильно пошатнулись, партия стала терять своих избирателей, а часть видных политических деятелей покинула ряды ДЛК и перешла на сторону ОАК.

Другой линией противостояния между лидерами албанцев Косова были взаимоотношения между ФАРК, усилия по созданию которого ДЛК предпринимала вплоть до 1998 г., и ОАК. Очевидно, что между двумя этими военизованными формированиями шла борьба за сферы влияния и за лидерство.

Противостояние между ФАРК и ОАК завершилось к 1998 г. тем, что члены ФАРК влились в ряды ОАК, однако лидирующих постов там не заняли, несмотря на то, что ФАРК состоял из профессиональных и опытных военных.

О других военизованных формированиях, действовавших в Косове до 1998 г., практически ничего неизвестно. Источники и научная литература располагают богатым фактическим материалом, связанным с террористической деятельностью в крае в этот период, но данные о том, какая организация ответственна за то или иное преступление, очень расплывчаты.

На протяжении первой половины 90-х гг. число вооруженных нападений на мирное гражданское население, полицию и военнослужащих оставалось примерно на одном уровне (см. табл. 1). В 1997 г.

число нападений возрастает более чем в 4,5 раза, причем большая часть из них приходится на последние месяцы года.

Год	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	Всего
1. Всего	25	40	59	39	35	32	147	377
На мирное население		1		3	4	12	24	44
На сотрудников и объекты МВД Сербии	11	11	8	3	7	19	31	90
На личный состав и объекты Армии Югославии	14*/2**	28/4	51/5	33	24/6	1	92/27	243/44
2. Последствия								
Всего убито	1	3	3	5	7	10	12	41
Мирные жители				5	4	6	11	26
Сотрудники МВД Сербии	1	3	2		2	4	1	13
Личный состав АЮ			1		1			2
Всего ранено	4	9	12	2	11	7	29	74
Мирные жители		3		1	2	1	14	21
Сотрудники МВД Сербии	4	6	12	1	7	6	13	49
Личный состав АЮ					2	2		4

Таблица 1. Данные об актах насилия албанских террористов в Косове и Метохии с 1991 по 1997 г.²⁹

Следует заметить, что из убитых в указанный период 26 мирных жителей 17 были албанцами, а из 21 раненого — албанцами были 9. Это связано с тем, что экстремистски настроенные албанские боевики рассматривали албанцев, продолжавших работать в сербских государственных организациях после создания «параллельного об-

* Пограничные инциденты (всего).

** Вооруженные нападения на границе.

щества», как коллаборационистов и считали необходимым убивать всех подозреваемых в «сотрудничестве с сербским режимом».

Как отмечает М. Ю. Мартынова, первые открытые столкновения между албанцами и сербами произошли 30 января 1990 г. в деревне Косовска-Витина³⁰.

Как отмечает Я. Удовички, первое спланированное вооруженное нападение произошло в августе 1995 г., когда на полицейскую станцию в Дечанах была брошена бомба, а полиция подверглась обстрелу из автоматического оружия. В 1996 г. последовала серия организованных одновременных взрывов бомб в пяти лагерях беженцев, в которых жили сербы из Краины³¹.

Первое организованное масштабное нападение на полицию исследователи относят к 22 апреля 1996 г., когда почти одновременно произошли четыре атаки боевиков на полицию в Пече, Штимле и Косовска-Митровице. В ходе этих нападений двое полицейских были убиты, а трое ранены.

Как сообщается в докладе комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций, весной 1996 г. напряженность в Косове резко обострилась в результате серии убийств и нападений в различных частях края. Насилие началось 21 апреля 1996 г. убийством на улице в Приштине 20-летнего албанского студента. Полиция арестовала одного человека — серба, который позже был признан виновным в убийстве. На следующий день были убиты четыре серба, когда группа вооруженных мужчин вошла в ресторан в Дечанах и открыла автоматный огонь. Почти в то же время неопознанные лица открыли огонь по сербскому полицейскому патрулю в Пече и ранили полицейских. Третье нападение произошло в тот же день в Косовска-Митровице, где был обстрелян полицейский автомобиль. Одна пассажирка была убита, водитель — ранен. И наконец, в деревне Штимле в засаде был убит сербский полицейский³².

Самой крупной акцией боевиков в рассматриваемый период, принесшей ОАК настоящую известность, стала серия из десяти скординированных нападений на полицейские казармы и патрули в ночь с 10 на 11 сентября 1997 г. География этих нападений была широка — они произошли в радиусе 150 км.

В течение 1997 г., по данным газеты «Политика», нападения ОАК происходили в 14 общинах Косова (Печ, Клина, Србица, Косовска-Митровица, Вучитрн, Подуево, Глоговац, Приштина, Штимле, Урошевац, Сува-Река, Ораховац, Джаковица и Дечаны), а также в ма-

кедонском городе Гостивар и южносербском городе Буяновац, расположенным за пределами Косова³³.

Помимо нападений на полицейские объекты и мирных граждан, частым явлением были вооруженные столкновения на границе между Косовом и Албанией. Несколько таких инцидентов описывают в своей книге М. Миялковский и П. Дайманов: «21 июня 1997 г. албанские террористы дважды пытались из Албании силой прорваться в СРЮгославию. Пограничный патруль с погранзаставы “Джафа Прушит” в 21.30 на расстоянии 150 м вглубь нашей территории обнаружил террористическую группу из пяти человек. После того, как был открыт огонь, четверо из них сдались, а пятому удалось бежать в Албанию. Вскоре после этого (в 21.40) с границной линии со стороны Албании был открыт огонь из автоматического оружия по патрулю АЮ (Армии Югославии. — *A. O.*), состоявшему из трех членов. Пока нападавшие держали наш патруль под огнем, две группы террористов, каждая по 15–20 человек, быстро перемещались с двух сторон от патруля с целью его окружить. [...] Той же ночью в 3.15 террористическая группа, состоявшая примерно из 10 человек, в ходе попытки нелегального проникновения из Албании на территорию СРЮ напала на патруль АЮ с погранзаставы “Горожуп”»³⁴.

В ходе другого подобного пограничного столкновения пограничникам удалось перехватить большую партию оружия, которую боевики пытались переправить из Албании в Косово: «На патруль АЮ с погранзаставы “Джафа Прушит” 1 августа того же года снова было совершено вооруженное нападение, которое длилось пять часов. Пограничники заметили в тот день в 21.55 в пограничной полосе две группы людей, пытавшиеся нелегально пересечь границу. В каждой было примерно по десять человек. Одна группа двигалась с югославской стороны в направлении албанской территории, а другая — с территории Албании в сторону государственной границы»³⁵. Когда пограничники попытались их остановить, обе группы открыли по ним огонь. «Было установлено, что террористы из СРЮ намеревались получить снаряжение (порядка десяти лошадей, навьюченных оружием и боеприпасами)»³⁶.

1997-й год был временем самой активной подготовки ОАК к вооруженному восстанию. В это время в автономный край шел поток оружия и боеприпасов из Албании и других стран; в Косове, Албании и других странах действовали лагеря по подготовке террористов, проводилась работа по вербовке новых членов. Как полагает Р. Гачинович, «если бы тогда сербские власти ввели в крае чрезвы-

чайное положение, они смогли бы задействовать армию и подавить приготовления»³⁷. Однако подобных мер предпринято не было. Время от времени сербская полиция перехватывала достаточно крупные партии оружия, но это никак не могло переломить ситуацию.

Поставки оружия в Косово начались как минимум с начала 90-х годов. Например, в 1991 г. сотрудники МВД Сербии изъяли у террористов 400 пистолетов, 80 автоматических ружей, 20 автоматов Калашникова, 10 автоматов, более 10 ручных гранат³⁸, а также свыше 10 тыс. единиц боеприпасов³⁹.

В последующие годы поставки оружия в край только увеличивались. В основном оружие поступало из Албании и из стран Западной Европы. Из Албании ввозилось в основном оружие китайского производства, из Европы — современные виды вооружения.

В 1997 г. поток оружия из Албании резко увеличился и приобрел невиданные прежде масштабы. Это было связано с тем, что окончательное оформление ОАК и ее превращение в многотысячную армию совпало с событиями, происходившими в это время в Албании. Там весной 1997 г. произошел крах «финансовых пирамид». Результатом всеобщего недовольства стало поражение президента Сали Бериши и его партии на выборах. В стране наступило состояние хаоса и практически полной анархии. В этих условиях дезертировавшие военные и мародеры разграбили склады боеприпасов и военные базы.

Сали Бериша, бывший президентом Албании в 1992–1997 гг., открыто поддерживал сепаратистские устремления косовских албанцев и оказывал всяческую помощь в создании ОАК и налаживании ее связей с западными спецслужбами.

Пришедшее к власти после поражения Сали Бериши правительство Фатоса Нано относилось к ОАК с гораздо меньшим энтузиазмом. Однако, как отмечает Я. Удовички, в середине 1998 г. под давлением внутри страны Нано изменил свое мнение об ОАК и начал говорить об ее членах как о «людях, которые взялись за оружие, чтобы защитить свою жизнь и имущество»⁴⁰.

Впрочем, есть данные и о том, что уже в 1997 г. правительство Фатоса Нано активно помогало ОАК. Так, например, бывший шеф разведывательной службы Албании (SHIK), ответственный за северную часть страны и район Кукеша, Рам Куча свидетельствует, что официальная Тирана установила контакты с ОАК в ноябре 1997 г. и помогала установлению ее связей с американцами и Западом⁴¹.

Ввоз оружия в Косово облегчался тем, что приграничная зона отличалась гористым ландшафтом и плохими коммуникациями. Со

стороны Албании границу охраняло лишь 67 албанских пограничников. Кроме того, большинство населения в приграничных албанских городах Кукеш, Тропоя и Байрам-Цури имели родственников в Косове, в этих городах сепаратистское движение в Косове пользовалось массовой поддержкой.

Исследовательница Я. Удовички в своей книге так описывает ситуацию, сложившуюся на севере Албании: «В середине июня 1998 г. в городе Тропое, находящемся менее чем в одной миле от югославской границы, открыто продавались “калашниковы” прямо из багажника Мерседеса по начальной цене 350 немецких марок; продавцами были военные, и поторговавшись, они снижали цену до 150 или 200 марок. В начале июля все большее число активистов ОАК, многие из которых были одеты в швейцарскую военную униформу, открыто функционировали в Тропое и близлежащих селах. Создавалось впечатление, что ОАК в этом городе уже организовала места для оказания медицинской помощи и для складирования боеприпасов и создала новые лагеря для обучения вдоль границы для постоянно возрастающего числа албанских добровольцев из Косова, которые хотят вступить в ряды ОАК»⁴².

Согласно данным, которыми располагает Интерпол об оружии, вывезенном из Албании в течение 1997 г., речь идет о 38 тыс. пистолетов, 226 тыс. «калашниковых», 25 тыс. автоматических ружей, 2 400 противотанковых ракетных установок, 3,5 млн. ручных гранат, 3 600 тонн взрывчатки⁴³. По данным Я. Удовички, за 1997 г. из Албании в Косово было вывезено около 750 тыс. единиц оружия⁴⁴.

Так или иначе, несомненно, что поставки оружия в Косово в 1997 г. были огромными, и общее состояние хаоса и разграбление оружейных складов в Албании сильно сыграло на руку лидерам ОАК. Некоторые сербские исследователи даже выдвигают предположения, что крах финансовых пирамид в Албании и последовавшая за ним анархия были специально спланированной акцией. Так, например, М. Дрецуун полагает, что крах пирамид в Албании организовали американские специалисты по созданию кризисов⁴⁵. Бывший министр иностранных дел СРЮ В. Йованович также высказывает мнение о том, что финансовая пирамида в Албании в 1997 г., возможно, была срежиссирована⁴⁶. Однако конкретных доказательств этих предположений нет.

Для более полного понимания механизма создания и развития незаконных вооруженных формирований косовских албанцев необходимо рассмотреть такой важный вопрос, как финансирование

террористической деятельности. Безусловно, в основе любого сепаратизма лежат национальные, конфессиональные и другие противоречия. Однако вооруженное восстание или сепаратистская война в наши дни является, в первую очередь, исключительно дорогим делом, поэтому они не обходятся без вмешательства заинтересованных лиц извне.

Одним из основных источников финансирования албанского сепаратизма были денежные средства, собранные албанскими эмигрантами в странах Западной Европы. Ключевую роль в сборе средств играл Буяр Букоши, избранный в 1992 г. косовскими албанцами на пост председателя подпольного правительства. С момента своего вступления в должность он постоянно находился в Бонне. Там Букоши занимался нелегальным принудительным сбором налогов с косовских албанцев, проживающих в Германии. До конца 1999 г. Букоши, по его собственным словам, смог собрать до 216,7 млн. марок⁴⁷.

Вопреки распространенному мнению, Б. Букоши в первой половине 90-х годов собирал средства для финансирования не ОАК, а для создаваемого лидерами косовских албанцев ФАРК. Однако, учитывая тот факт, что ФАРК впоследствии вошел в состав Освободительной армии Косова, средства, собранные Букоши, внесли свою лепту в становление и развитие ОАК.

По данным, которые сообщал в то время Е. Григорьев, «буквально под носом у Бонна, в Зигбурге» располагалось Демократическое объединение албанцев в Германии (ДОАГ). Его возглавлял Ибрагим Келмendi. «Его вспомогательный фонд “Отечество зовет” уже переправил Освободительной Армии Косово (ОАК) семь миллионов марок»⁴⁸. Исследователи придерживаются мнения, что фонд «Отечество зовет» был основан еще в 1993 г. Этот фонд был одним из основных каналов, через которые отправлялись средства, предназначенные непосредственно ОАК. По некоторым данным, за время своей деятельности фонд перевел в Косово от 150 до 400 млн. долларов⁴⁹.

Как сообщает в своих мемуарах Е. М. Примаков, «функционеры из армии освобождения Косово заставляли албанских беженцев переводить три процента всех своих заработков на содержание ОАК, и Клаус (Кинкель, министр иностранных дел ФРГ. — A. O.), хоть и отлично понимал, что эти финансовые потоки, на которые закупалось оружие для боевиков, нужно прекратить, разводил руками: трудно проконтролировать, так как албанские беженцы живут автономной

общиной»⁵⁰. Подобные ежемесячные платежи взимались и с албанцев, проживавших в Косове, кроме того, позднее начал взиматься единовременный налог с мужчин, которые отказывались вступать в ряды ОАК.

Другим важным источником финансовых поступлений были средства, получаемые лидерами ОАК от наркоторговли. Считается, что албанцы из Косово и Метохии (Космета), Сербии и Македонии контролируют около 70% наркотрафика, идущего с востока в Европу⁵¹, и 25–40% героинового рынка в США⁵². Также имеются данные о том, что из общего объема наркотиков, которые поступают на мировой рынок, 65% проходит через территорию Косова и Метохии, при этом на европейском рынке 90% героина провезено через эту территорию⁵³. С торговлей наркотиками тесно связана и торговля людьми, вследствие чего Косово стало одним из главных транзитных центров для поставок нелегалов в Европу, особенно женщин, которые занимаются проституцией⁵⁴.

Согласно данным, которые приводятся в книге «Албанский терроризм и организованный криминал в Косове и Метохии», «из почти 900 миллионов немецких марок, которые поступили в Косово и Метохию между 1990 и 1999 годами, половину составляют деньги, полученные от торговли наркотиками, что, согласно мнению специалистов Интерпола (декабрь 2000 г.), приводит к выводу, что деятельность по сбору средств для Космета и ОАК использовалась для отмывания нелегально заработанных денег»⁵⁵.

В целом невозможно отрицать влияние западных спецслужб на развитие ситуации в Косове в 90-е гг. прошлого века. Однако в связи с засекреченностью документальной информации получить четкое и достоверное представление об этом весьма затруднительно. В то же время в научной литературеочно укрепилось мнение о том, что албанские сепаратисты имели тесные контакты с представителями западных спецслужб и получали от них различные виды помощи. При этом связи ЦРУ с албанскими лидерами были не столь заметны, как связи с ними германской БНД. Как считается, связи между БНД и лидерами террористов поддерживались через официальные круги в Тиране.

В своем исследовании немецкий историк Ю. Элзессер пишет: «Вплоть до своего падения в 1997 г. режим Бериши щедро финансировался Бонном. Тогдашний министр иностранных дел Клаус Кинкель в феврале 1998 г. сообщил, что союзное правительство “за прошедшие годы оказалось помочь Албании в размере около милли-

арда марок. Ни одна другая страна не получила от Бонна такую большую помошь на развитие в пересчете на душу населения”⁵⁶.

В своей книге Ю. Элзессер приводит данные, взятые из западных СМИ, о непосредственных поставках оружия из Германии в Албанию, которое впоследствии оказывалось в руках боевиков ОАК: «С 1990 г. федеральное правительство поддерживает хорошие отношения с агентами албанских спецслужб. В кризисный албанский регион было послано военного снаряжения на сумму два миллиона марок. Часть военного оборудования предназначалась повстанческой армии ОАК»⁵⁷. Кроме того, известно, что в 1996 г. БНД создало в Тиране одно из крупнейших своих региональных представительств. Существуют данные о том, что «люди из БНД имели задание найти рекрутов для командного состава ОАК»⁵⁸. Билл Фокстон, руководитель наблюдательной канцелярии ОБСЕ на границе между Албанией и Косово, в конце июня 1998 г. заявлял: «Я впервые обнаружил, что ОАК обмундировывалась сразу — немецкой пехотной униформой»⁵⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что экстремистская деятельность албанских сепаратистов в Косове, несмотря на то, что она стала широко проявляться лишь в конце 90-х гг., имела долгую историю. В Косове и за его пределами в течение нескольких десятилетий создавались организации, выступавшие за радикальные методы борьбы за независимость Косова. К началу 1998 г. радикальное крыло сепаратистского движения уже сформировалось в Освободительную армию Косова и представляло собой реальную силу, хорошо организованную и вооруженную для ведения крупномасштабных боевых действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Мартынова М. Ю.* Косовский узел: этнический фактор // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2008. Вып. 204. С. 4.
- 2 *Милошевич С., Вилич Д., Тодорович Б.* В чем обвиняют Югославию? М., 2002. С. 42.
- 3 Ведущая сербская газета.
- 4 Албаноязычная газета, издающаяся в Косове.
- 5 Из воспоминаний Тахира Земая о 1980–1990-х гг. // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М., 2006. Т. 1. С. 168.

- 6 *Imami P. Srbi i Albanci kroz vekove*. Beograd, 1999. S. 325.
- 7 Григорьев Е. ФРГ обладает рычагами давления на косовских албанцев // Независимая газета. 14 июля 1998 г. № 125 (1696). С. 6.
- 8 Смирнова Н. Конфликт в Косово как часть «албанского вопроса» // Косово: международные аспекты кризиса. М., 1999. С. 95.
- 9 Там же. С. 94.
- 10 Kovac K. «War in Kosovo: Drugs Detour toward Hungaru» // Liberation. 25 мая 1999 г. Цит. по: *Udovički J. Kosovo — politika konfrontacije*. Beograd, 2001. С. 38.
- 11 *Мијалковски М., Дајманов П.* Тероризам албанских екстремиста. Београд, 2002. С. 95.
- 12 Там же. С. 89–90.
- 13 *Lopušina M. OVK protiv Jugoslavije, kako smo izgubili Kosovo i Metohiju*. Čačak, 1999. S. 343.
- 14 Там же. С. 317.
- 15 How Germany backed KLA // TE (The European), 21–27 сентября 1998 г. Цит. по: Елзесер Ј. Ратне лажи. Од косовског сукоба до процеса Милошевићу. Београд, 2004. С. 63.
- 16 *Del Ponte K., Sudetić Č.* Gospođa tužiteljka: suočavanje s najtežim ratnim zločinima i kulturom nekažnjivosti. Beograd, 2008. S. 266.
- 17 См.: *Мартынова М. Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998. С. 24.
- 18 *Ljepojević S.* Skrivena realnost Kosova: ruševine svetske politike. Beograd, 2008. S. 18.
- 19 *Lopušina M. OVK protiv Jugoslavije...* S. 342.
- 20 *Мијалковски М., Дајманов П.* Тероризам албанских екстремиста. С. 95.
- 21 Албански тероризам и организовани криминал на Косову и Метохији // БИА (Бездедносна информациона агенција). Београд, 2003. Септембар. С. 12.
- 22 Смирнова Н. Конфликт в Косово... С. 108–109.
- 23 Tomas R. Srbija pod Miloševićem: politika devedesetih. Beograd, 2002. С. 13.
- 24 УЧК (УЧК) — аббревиатура албанского названия ОАК — «Ushtria Çlirimtare e Kosovës».
- 25 Милошевич С., Вилич Д., Тодорович Б. В чем обвиняют Югославию? С. 56.
- 26 См.: Дреџун М. Косметска легенда. Нови Сад; Београд, 2003. С. 10.
- 27 См.: *Lopušina M. OVK protiv Jugoslavije...* S. 344.
- 28 *Udovički J. Kosovo — politika konfrontacije*. С. 33.
- 29 *Мијалковски М., Дајманов П.* Тероризам албанских екстремиста. С. 75.

- 30 *Мартынова М. Ю.* Косовский узел: этнический фактор. С. 19.
- 31 См.: *Udovički J.* Kosovo — politika konfrontacije. С. 31.
- 32 Из доклада комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций (25 октября 1996 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М., 2006. Т. 1 (1787–1997 гг.). С. 286.
- 33 Политика. 12 января 1998 г. № 30251. С. 15.
- 34 *Мијалковски М., Дајманов П.* Тероризам албанских екстремиста. С. 77.
- 35 Там же.
- 36 Там же. С. 78.
- 37 *Гаћиновић Р.* Отимање Косова и Метохије. Београд, 2004. С. 98.
- 38 Там же. С. 75.
- 39 *Мијалковски М., Дајманов П.* Тероризам албанских екстремиста. С. 90.
- 40 *Udovički J.* Kosovo — politika konfrontacije. С. 34.
- 41 Албански тероризам и организовани криминал на Косову и Метохији. С. 38.
- 42 *Udovički J.* Kosovo — politika konfrontacije. С. 35–36.
- 43 Албански тероризам и организовани криминал на Косову и Метохији. С. 37.
- 44 *Udovički J.* Kosovo — politika konfrontacije. С. 34.
- 45 *Дреџун М.* Косметска легенда. С. 10.
- 46 *Jovanović V.* Rat koji se mogao izbeći (U vrtlogu jugoslovenske krize). Beograd, 2008. S. 281.
- 47 Radio Free Europe / Radio Liberty, Balkan Report. 4 февраля 2000. Цит. по: *Елзесер J.* Ратне лажи... С. 63.
- 48 *Григорьев Е.* ФРГ обладает рычагами давления на косовских албанцев. С. 6.
- 49 Албански тероризам и организовани криминал на Косову и Метохији. С. 39.
- 50 *Примаков Е. М.* Годы в Большой политике. М., 1999. С. 346.
- 51 *Ljerojević S.* Skrivena realnost Kosova... S. 121.
- 52 Албански тероризам и организовани криминал на Косову и Метохији. С. 30.
- 53 Там же. С. 31.
- 54 См.: *Мамонтов А.* Трафик. Секс-рабыни / Документальный фильм из серии «Специальный репортёр», 2009. Режим доступа: http://www.rutv.ru/video.html?tvpreg_id=125083&cid=125&d=0&mid=14.
- 55 Албански тероризам и организовани криминал на Косову и Метохији. С. 9–10.
- 56 FAZ. 9 февраля 1998 г. Цит. по: *Елзесер J.* Ратне лажи... С. 60.

- 57 Цит. по: Monitor, 23 сентября 1998 г. // *Елзесер J.* Ратне лажи... С. 63.
- 58 Цит. по: TE (The European). 21–27 сентября 1998 г. // *Елзесер J.* Ратне лажи... С. 63.
- 59 Цит. по: Интервью с Фокстоном в: Jungle World. 9 июня 1998 г. // *Елзесер J.* Ратне лажи... С. 63.

Osipova A. V.

From Separatism to Extremism:
the Creation of the Kosovo Liberation Army

The article is about the history of organization and the first steps of the Kosovo Liberation Army.

Key words: *Kosovo Liberation Army (OAK), Military Forces of the Republic of Kosovo, Ibrahim Rugova, Hashim Thaci, Bujar Bukosi.*

М. Г. Бабалык
(Петрозаводск)

Древнерусский апокриф «Беседа трех святителей»: о некоторых фольклорных параллелях

В статье анализируются взаимосвязи древнерусского апокрифа «Беседа трех святителей» с фольклорными жанрами — легендами, притчами и загадками. Материалом для исследования послужили неопубликованные списки Беседы XVII–XX вв.

Ключевые слова: *книжность и фольклор, апокрифы, притчи, загадки*.

«Беседа трех святителей» (далее — Беседа) — апокриф греческого происхождения, известный на Руси уже с XI в. Памятник написан в форме вопросов и ответов, изложенных от лица православных иерархов Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова (впрочем, в некоторых списках эти имена опускаются). Беседа сохранилась в большом числе списков, ее текст очень вариативен. Предполагают, что первоначально апокриф представлял собой вопросы и ответы на ветхозаветную, а затем и новозаветную тематику. Персонажами апокрифа являются библейские праотцы, пророки, апостолы, святые. Но со временем своего появления апокриф многократно переписывался — вплоть до XX в. Вопросно-ответная форма, известная еще со времен античности, позволяла с легкостью включать в Беседу самый разнообразный материал как книжного, так и фольклорного происхождения. Наша статья посвящена фольклорным параллелям Беседы.

Изучение Беседы началось в середине XIX в., когда в русской филологической науке проявился интерес к апокрифам вообще, и в частности к тем из них, в которых отразились верования и мировоззрение русского народа. Одним из первых обратил внимание на этот памятник Ф. И. Буслаев: он указал на сходство некоторых списков Беседы и стиха о Книге Голубиной¹. О связях Беседы и фольклора писали А. Н. Пыпин, В. Н. Мочульский, А. С. Архангельский, А. Н. Веселовский, А. П. Щапов, В. Н. Перетц и многие другие². Несмотря на обилие исследований, в которых рассматриваются фольклорные сюжеты в Беседе, в списках апокрифа постоянно обнаруживаются новые интересные параллели с фольклорными текстами.

Материалом для данной статьи послужили неопубликованные списки XVII–XX вв. из различных рукописных собраний Москвы, С.-Петербурга, Петрозаводска и Нижнего Новгорода. К сожалению, рамки небольшой статьи не позволяют рассмотреть связи Беседы с фольклором во всем их многообразии. Ограничимся по этой причине лишь отдельными — наиболее репрезентативными для нашего материала — примерами.

В Беседе встречаются фрагменты, находящие параллели в разных жанрах фольклора. Удобнее всего представить их, разделив на жанровые группы: это, во-первых, духовные стихи (Голубиная книга), во-вторых, легенды, в-третьих, притчи, в-четвертых, загадки. Кроме того, порой сама форма некоторых тематически скрепленных отрывков в Беседе роднит ее с фольклорными текстами игрового характера.

Проблема связи Беседы и Голубиной книги хорошо освещена в научной литературе, потому останавливаться на ней мы не будем. И по сей день, несмотря на исследования Ф. И. Буслаева, В. Н. Мочульского, А. Н. Веселовского, остается открытым вопрос о том, является ли Беседа источником для Книги Голубиной или наоборот. Основное внимание хотелось бы уделить еще не описанным и не исследованным вопросам и ответам.

Легенды — жанр народной прозы, рассказы религиозного содержания³. Хорошо известно, что между фольклором и книжностью происходил постоянный взаимообмен легендарными сюжетами. В одном из списков Беседы (Музей «Кижи», № КП-4261/4, XX в.) помещена интересная легенда, имеющая связь как с книжной, так и с устной традицией. Это легенда о первом человеке Адаме: «Святый апостол Варфоломей вопросы святаго апостола Андрея Первозваннаго, како и киим образом праотец наш Каин родися, и како рукописание прадед наш Адам даде диаволу?». Апокрифическая традиция знает несколько версий сюжета о рукописании Адама. Наиболее распространенной из них является та, в которой распискадается Адамом с целью получить от дьявола возможность возделывать землю после изгнания прародителей из рая, так как дьявол обманывает Адама и говорит, что Богу принадлежит небо, а ему, дьяволу, земля. Но Адам в свою очередь оказывается хитрее дьявола, он пишет: «Чъя есть земля, того и аз и чада моя», зная, что земля Божья⁴. Реже встречается вариант, где после изгнания из рая Адам увидел ночь (в раю ночи не было) и испугался. Дьявол обещает после подписания с ним договора вернуть Адаму свет, зная о предстоящем рассвете, но Адаму

вновь удается перехитрить дьявола⁵. Существует вариант, в котором Адам дает дьяволу рукописание, желая исцелить своего сына Каина от струпьев⁶. Кижский список Беседы содержит также интересный вариант: здесь Каин страждет, но не от струпьев, а от растущих на нем двенадцати змеиных голов, которые жалят Каина и мать его Еву. Такой вариант тоже известен как апокрифической литературе⁷, так и устной легенде. Согласно одной из легенд, младенец Евы со змеиными головами — это детеныш Сатаны, которым он подменил ее первенца⁸.

Притчи — жанр, принадлежащий преимущественно книжности и письменной форме фольклора. В Беседе встречается достаточное количество притч, известных также другим памятникам книжности, но есть среди них такие, которые одновременно бытуют и в устной традиции, порою претерпевая некоторые смысловые изменения.

Например, притча, известная нам по четырем спискам Беседы⁹: «Вопрос: Что есть море на пяти столпах? Царь рече: Сие море — по-теша моя. А царица рече: Сие море — погибель моя. Ответ: Море толкуется — чаша с вином, а пять столпов — пять перстов держат чашу. Царь же есть тело, а царица — душа. Тело убо утешается, а душа трепещет».

Вопрос этот в качестве притчи опубликован с рукописного оригинала XVII в. в сборнике Н. И. Прокофьева и Л. И. Алексиной «Древнерусская притча»¹⁰. Подобная же притча в более кратком варианте опубликована в сборнике «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв.»¹¹. Кроме того, текст этот встречается в Повести о Португальском посольстве — памятнике рубежа XVII–XVIII вв.¹² Таковы книжные параллели к вопросу и ответу Беседы о чаше с вином. Данный текст может служить примером размытости жанровых границ, так как он встречается и в форме притчи, и в форме загадки. В сборнике загадок Д. Садовникова также присутствует этот вопрос-загадка (№ 560, 560-а)¹³. В. Н. Перетц приводит пример украинской загадки-пародии на этот вопрос, опубликованной П. Кулишом в «Чорній Раді»: «Стоит божок на трох ніжках, король каже: потихо моя, краля каже: погибель моя? — Пляшка, тило, душа»¹⁴. В сборнике Н. П. Колпаковой среди загадок, собранных во время экспедиций по деревням Северного края, находится следующий текст: «Стоит ступа на пяти столбах. Царь говорит: Утеша моя; царица говорит: Победа моя. (Рюмка в пяти пальцах: мужик напьется — “утешится”, баба его отколотит — “победит”»)¹⁵. Как видим, книжный текст, войдя в устную традицию, претерпел

серьезные смысловые изменения в этом варианте; означаемое в нем перешло с уровня духовного на уровень бытовой: царем и царицей являются здесь не тело и душа человека (и следовательно здесь речь уже не о грехе пьянства), а муж-пьяница и его жена. Таким образом, обрисовывается традиционная бытовая сценка из жизни русской деревни, пьянство здесь — социальное зло, разрушающее действующее на семейные отношения.

На границе жанров притчи и загадки находится следующий вопрос из Беседы: «Вопрос: Стоит древо без цветов, а на нем сидит голубь, а под деревом стоит корыто, и голубь цветы рвет, а в корыто мечет, цветов не умаляется, а корыто не наполняется. Ответ: Древо есть земля, цветы — весь мир, голубь — ангел, а корыто — гроб; миру не умаляется, корыто — земля — не наполняется» (ИРЛИ, Карельское собрание № 17, XVIII–XIX вв.). Вопрос этот встречается в Повести о Португальском посольстве¹⁶, а также в различных сборниках загадок; например, в сборнике Д. Садовникова приводится семь вариантов этого текста¹⁷.

Среди фольклорных жанров самым частотным по использованию в Беседе является **загадка**. Иногда переписчик, чувствуя близость загадки и вопросно-ответных пар Беседы, вставлял в текст свою подборку загадок, как, например, это сделал заонежский крестьянин Г. П. Корнилов в списке из рукописи музея «Кижи» (№ КП-4261/4). Он поместил следующую выборку загадок в конце списка Беседы под заголовком «Вопросы ндравоучительные»:

«Вопрос: Что есть живый мертваго биет, а мертв[в]ый кричит, и на крик много людей стекаются, и спасение получают?

Ответ: Живый есть пономарь в церкви, мертвый же есть колокол. Егда же начнет в него бити, он начнет звонити. Людие же гул его слышаще, и к церкви идуще Богу молится¹⁸.

Вопрос: Что есть: я не знаю, из чего раждаюсь, и в силу прихожу, и всех в смятение привожу, со всеми смело сражаясь, клоню, срываю, и ломаю, и вънезапу вся силы гублю, и сам не знаю, гдееваюсь?

Ответ: То есть ветр.

Вопрос: Какая мати дети своя сосет?

Ответ: Мати есть море, а дети ея — реки, яже в море текут¹⁹.

Вопрос: Что есть: не стукнет, не брякнет, ко всякому подойдет?

Ответ: То есть ношъ²⁰.

Вопрос: Есть на свете птица мала возрастом: глас имеет тонок, а нос долок, криле — тонки, а ноги — долги; от которой князи и боля-

ре в полатах укрываются, а простые людие с нею борются. Кто птицу убийет, тот свою кровь пролиет.

Ответ: То есть комар²¹.

Вопрос: Есть на свете ни зверь, ни птица, а крыле имеет. И когда она летает, и кто ей попадется, всякого умерщвляет. И везде она ложится и садится, токмо камени боится — на него не садится.

Ответ: То есть аспид²².

Вопрос: Что есть: вокруг ты[на] золота грива?

Ответ: То есть хмель».

В списках XIX в. из Усть-Цилемского собрания № 22 и 91 (ИРЛИ), принадлежащих к редакции Беседы, которую мы назвали печорской, содержатся вопрос и ответ, не встретившиеся нам пока в списках других редакций: «Кто в Царстве Небеснем не был и впреть не бывает, а носил небо и землю? Толкование: Господь Иисус Христос всегда на жребя осля, егда иде во Иерусалим на вольную страсть».

Если книжных параллелей к этому вопросу найти пока не удалось, то фольклорных текстов на эту тему встречается достаточно много. Например, у Д. Садовникова представлены три варианта загадок, схожих между собой: «Кто родился — не крестился, а на себе Христа носил? — крест» (№ 2467)²³, «Родился — не крестился, умер — не спасся, а Христа носил? — Осел» (№ 2201)²⁴ и «Богу угодил, а свят быть не может? — Осел» (№ 2202)²⁵.

В. Н. Перетц приводит украинскую загадку: «Родився — не крестився, а був христоносец? — Осел»²⁶.

У П. Н. Рыбникова в разделе «Обонежские загадки» опубликованы загадки, собранные на территории Карелии в XIX в. Одна из них — это загадка об осле: «Родился — не крестился, умер — не воскрес, а Бога носил?»²⁷.

У М. А. Рыбниковой в сборнике 1932 г. в разделах «Томские загадки»: «Родился не крестился, а Бога на себе носил, помер — в грехах не каялся»²⁸; «Кунгурские загадки» — «Родился — не крестился, умер — не покаялся, Христа на себе носил», «Рожён — не крещен, умер — не похоронен, Бога нашего на себе носил»²⁹; «Родился — не крестился, а Христа на себе носил», «Родился — не крестился, а был богоносец»³⁰.

Таковы некоторые фольклорные варианты вопросно-ответной пары из Беседы. В. Н. Перетц отмечает, что подобные фольклорные загадки являются travestиями-пародиями на их книжные прототипы³¹. Он приводит много таких примеров, но книжные варианты-прототипы загадок об осле ему, по-видимому, не были

известны. Среди загадок об осле особенно ярко, на наш взгляд, травестийность выражается в следующем тексте из сборника М. А. Рыбниковой: «Когда Иисус Христос на одной ноге стоял? Когда на осла садился»³².

Кроме текстуальных совпадений вопросно-ответных пар Беседы с произведениями фольклора, может быть отмечено также сходство по форме с некоторыми игровыми текстами. Еще В. Н. Мочульский обратил внимание на то, что многие русские списки Беседы представляют собой очень оригинальные, по сравнению с греческими, варианты текста³³. Исследователь опубликовал в качестве примера два поздних старообрядческих списка из Императорской Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека) — XVII–XIX вв. (№ О. I. 200) и XIX в. (№ F. I. 453)³⁴, в которых встречается интересный блок вопросов и ответов, не получивший удовлетворительных комментариев исследователей. Блок этот выглядит так:

1. Что сильнее огня? Ответ: Сильнее огня вода.
2. Что сильнее воды? Ответ: То есть ветр.
3. Что сильнее ветра. Ответ: То есть гора.
4. Что силнее горы? Ответ: То есть человек, понеже он раскапывает гору.
5. Что силнее человека? Ответ: То есть хмель, отымает руце и нозе и вся крости погубляет.
6. Что силнее хмеля? Ответ: То есть сон.
7. Что есть силнее сна? Ответ: Злая жена, подобна она тресавице, понеже тресавица мучит человека и покинет, а злая жена и непослушливая и до смерти человека мучит»³⁵.

Исследователь привел параллель к этому месту в рукописном памятнике «Сказание о злонравных женах» из Берлинского списка XIII в. («Никый же убо зверь тъченъ жене зле и язычыне. Что бо есть льва лютее въ четвророножныхъ разве зли жени...») и предположил, что такого рода вопросы и ответы могли возникнуть под влиянием Пчелы, книги Премудрости Иисуса сына Сирахова и мудрых изречений³⁶.

Нам известны 13 списков, в которых содержится такой блок. Причем финальным вопросом не всегда оказывается вопрос о злой жене³⁷. Выделив эти фрагменты текста из списков, мы назвали их кумулятивными вопросами и ответами, ориентируясь на традицию В. Я. Проппа³⁸. В наших текстах хотя и нет формального нагромождения, все же есть некое семантическое нагромождение, обусловленное использованием в вопросе и ответе компаратива («сильнее», «мощнее»). В Беседе блоки кумулятивных вопросов и ответов либо наход-

дятся в середине текста, либо являются заключительными. В особую группу выделяются два списка Беседы XX в. (ИРЛИ, Латгальское собрание, № 66 и 105), которые Беседой можно назвать лишь условно по самоназванию «Беседа и разсуждение трех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, объяснение из книги Пчелы, благослови, отче». Списки эти представляют собой один вопрос и просторный кумулятивный ответ на тему о коварстве злых жен. Также интересен старообрядческий список первой половины XIX в. из Нижегородской областной библиотеки (Р 537, 1–1–398), где кумулятивный блок помещается в конец другой статьи — выпуск из Благовестника.

Звенья кумуляции в блоках вопросов и ответов Беседы следуют одно за другим по очереди, темой каждого последующего вопроса является тема предыдущего ответа, формульным является вопрос «Что сильнее или мощнее чего?». В зависимости от смысловой вершины мы выделили три разновидности кумулятивных вопросов и ответов Беседы: сильнее всего может оказаться хмель, смерть или злая жена. Обычно цепочка следующая: огонь → вода → ветер → гора → человек → хмель → сон → злая жена (в зависимости от смысла цепочки заканчивается либо на «хмелем», либо на «злой жене»); вариант цепочки со смысловой вершиной «смерть»: человек → хмель → сон → огонь → вода → гора → человек → смерть. В списке Нижегородской областной библиотеки (Р 537, 1–1–398) встречается еще один интересный вариант, приведем его полностью:

«Вопрос: Что лутче зата? Ответ: Ягонт или измаагд.

Вопрос: Что лутче яхонта? Ответ: Добродетель.

Вопрос: Что лутче и выше добродетели? Ответ: Бог.

Вопрос: Что выше Бога? Ответ: Ничто.

Вопрос: Что злея аспида? Ответ: тигр.

Вопрос: Что тигра злея? Ответ: Демон.

Вопрос: Что злее демона? Ответ: Жена.

Вопрос: Что злее жены? Ответ: Ничто.

Здесь цепочка распадается на две смысловые части: в первой перечислены ценности материальные и духовные, на вершине которых находится Бог, во второй перечислено материальное и духовное зло, на вершине которого оказывается злая жена, обошедшая в своей злобе даже демона. Таким образом, в цепочке намечено два полюса — добро и зло, Богу противопоставлена женщина.

Источниками этих вопросов, кроме указанных В. Н. Мочульским, могли быть слова о добрых и злых женах, известные древнерус-

ским книжникам с XI в. и часто приписываемые Иоанну Златоусту. Постепенно из этих слов сформировался оригинальный памятник древнерусской письменности «Беседа отца с сыном о женской злобе», особенно популярный в XVII–XVIII вв.³⁹, который также мог быть источником кумулятивных вопросов и ответов Беседы⁴⁰. Рассуждение о злых женах встречается и в памятнике XII–XIII вв. «Слово Даниила Заточника»⁴¹, в котором отдельные места находят параллели с приведенными выше местами из Беседы.

Нам не удалось обнаружить фольклорные варианты кумулятивных вопросов и ответов Беседы. В сборнике Д. Садовникова содержится загадка: «Какое животное всего зле? — Злая жена»⁴², которая, вероятно, возникла под влиянием вопросов и ответов Беседы, но она скорее представляет собой реликт единого некогда блока вопросов и ответов⁴³. Зато можно указать на формальное сходство наших вопросов и ответов с некоторыми прибаутками, колядками и сказками с диалогами, где используется прием кумуляции⁴⁴. С. М. Лойтер указывает, что вопросы и ответы о воде, горе, воротах, коне, быке в фольклорных кумулятивных текстах (например, в сказке «Коза, коза, лубяные глаза») заключают в себе мифологическую семантику: в древнем обряде эти вопросы объясняли полноту и целостность-единство мира⁴⁵. В кумулятивных вопросах и ответах Беседы речь также идет о воде, горе, огне и т. д. Здесь нет, вероятно, генетической связи с произведениями фольклора, но есть типологическая общность.

Итак, Беседу и произведения фольклора объединяет многое: и композиционные особенности, и многочисленные текстуальные совпадения. Причудливое сплетение разнородных памятников книжности и фольклора в тексте Беседы стало ее отличительной особенностью. В процессе переписки Беседа насыщалась фольклорным материалом, но и сама в свою очередь щедро отдавала свои изречения устной культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Буслаев Ф. И.* О народной поэзии в древнерусской литературе (Речь, произнесенная в торжественном собрании имп. Московского университета 12 января 1859 г.) // *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 15–31; *Он же.* Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861. С. 15–18.

- 2 См. библиографию: *Лурье В. Я.* Беседа трех святителей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 92–93.
- 3 *Костюхин Е. А.* Лекции по русскому фольклору. М., 2004. С. 156.
- 4 См.: *Журавель О. Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996. С. 89.
- 5 Там же. С. 89–90.
- 6 Там же. С. 90.
- 7 См.: *Порфириев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 41.
- 8 См.: «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и комментарии О. В. Беловой. М., 2004. С. 254.
- 9 Это списки XIX в. из Усть-Цилемского собрания № 22 и 91 и Латгальского собрания № 455 (ИРЛИ), XX в. из рукописи музея «Кижи» КП-4261/4.
- 10 Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьев, Л. И. Алексина. М., 1991. С. 394–395.
- 11 Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв. М.; Л., 1961. С. 204.
- 12 Повесть бывшаго посольства в Португалской земли. История о португальском и бранденбургском мудрецах // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 474.
- 13 *Садовников Д.* Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб., 1876. С. 68.
- 14 *Перетц В. Н.* Студії над загадками // Етнографічний вісник. Київ, 1932. Кн. 10. С. 193.
- 15 *Колпакова Н. П.* Северная загадка // Звезда Севера. 1935. № 6. С. 70.
- 16 Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 1. С. 481.
- 17 *Садовников Д.* Загадки русского народа... С. 253; см. также: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв. С. 190.
- 18 См.: *Садовников Д.* Загадки русского народа... С. 124; *Журинский А. Н.* Загадки народов Востока / Сост. А. В. Козьмин. М., 2007. С. 292.
- 19 *Садовников Д.* Загадки русского народа... С. 183.
- 20 Там же. С. 235.
- 21 Там же. С. 200–202.
- 22 Источник этого текста пока нам не известен. Об аспиде упоминается во многих средневековых памятниках книжности, см.: *Белова О. В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001. С. 58–61; об аспиде, который боится камня, потому что о него

- разбивается, сообщается в Азбуковнике, Толковой палее, Беседе отца с сыном о женской злобе, см.: *Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе*. Новосибирск, 1987. С. 128–129, 244, 260, 285–286, 305, 323, 342–343, 361, 380.
- ²³ *Садовников Д. Загадки русского народа...* С. 297.
- ²⁴ Там же. С. 272.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Перетц В. Н. Студії над загадками*. С. 197.
- ²⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. В 3-х т. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 204.
- ²⁸ *Рыбникова М. А. Загадки*. М.; Л., 1932. С. 131.
- ²⁹ Там же. С. 169.
- ³⁰ Загадки по тематическим отделам // Там же. С. 254.
- ³¹ *Перетц В. Н. Студії над загадками*. С. 196–197.
- ³² *Рыбникова М. А. Загадки*. С. 170.
- ³³ *Мочульский В. Н. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности*. Одесса, 1893. С. 150.
- ³⁴ Там же. С. 150–169.
- ³⁵ Там же. С. 164–165.
- ³⁶ Там же. С. 165.
- ³⁷ Это списки: ИРЛИ, коллекция Богословского, № 63 (XIX в.); ИРЛИ, Латгальское собрание, № 66 (XX в.); ИРЛИ, Латгальское собрание, № 105 (XX в.); ИРЛИ, Латгальское собрание, № 168 (XIX в.); ИРЛИ, Латгальское собрание, № 344 (XIX в.); ИРЛИ, Латгальское собрание, № 384 (XVII–XVIII в.); ИРЛИ, Собрание отдельных поступлений, опись 24, № 60 (XVIII в.); ИРЛИ, Пинежское собрание, № 16 (XIX в.); РГБ, Оптинское собрание, фонд 214, № 241 (XVIII в.); РГБ, Собрание отдельных рукописей, фонд 218, № 688.2 (XX в.); БАН, Основное собрание, 21.9.26 (XVIII в.); БАН, Основное собрание, 21. 9. 25 (XVIII в.); сборник Нижегородской библиотеки, Р 537, 1–1–39 (XIX в.).
- ³⁸ *Пропп В. Я. Кумулятивная сказка // Пропп В. Я. Фольклор и действительность*. М., 1976. С. 246–247.
- ³⁹ *Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе*. С. 7.
- ⁴⁰ Мы нашли практически все варианты текста о злых женах из «Беседы трех святителей» в различных редакциях «Беседы отца с сыном о женской злобе», помещенных Л. В. Титовой в приложении к вышеуказанной монографии. Кумулятивная же форма в «Беседе отца с сыном о женской злобе» не встречается.
- ⁴¹ Изборник. М., 1969. С. 224–234. Кумулятивной формы в данном памятнике также нет.

-
- 42 Садовников Д. Загадки русского народа... С. 276.
- 43 Изучением влияния литературной традиции на загадки занимался В. Н. Перетц, но он не упоминает списков Беседы с подобными вопросами в качестве параллели к данной загадке; параллелью же к ней ученый считает фрагмент о злой жене из Слова Иоанна Златоуста о женах (см.: *Перетц В. М. Студії над загадками*. С. 136). Мы предполагаем, что эта загадка появилась, как и многие загадки в сборнике Д. Садовникова, под влиянием Беседы.
- 44 См., например: Детский поэтический фольклор: антология / Сост. А. Н. Мартынова. СПб., 1997. С. 253.
- 45 Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: исследования и тексты. Петрозаводск, 2001. С. 37.

Babalyk M. G.

Old Russian Apocrypha “Conversations of Three Hierarchs”:
on Some Folklore Parallels

The author analyzes the interrelations of an Old Russian apocrypha “Conversations of Three Hierarchs” and folklore genres: legends, parables and riddles. The research is based on the unpublished manuscripts of the “Conversation...” of the 17–20th cent.

Key words: *written literature and folklore, apocrypha, parables, riddles.*

*M. B. Лескинен
(Москва)*

Лингвистический фактор этнической идентификации в период формирования этнографической науки в России (XVIII–XIX вв.)

В статье рассмотрены основные тенденции интерпретации языка как одного из признаков внешней (научной) этнической идентификации на этапе становления этнографической науки в России. Показана эволюция значения лингвистического фактора как маркера этнической принадлежности и критерия позиции этноса в этнолингвистических иерархиях и классификациях эпохи.

Ключевые слова: *история этнографии в России, языковая кодификация, этническая идентификация, история лингвистических классификаций.*

Язык в системе этнических признаков в народоведении Просвещения. Первые попытки обосновать и упорядочить комплекс отличительных признаков народов и племен относятся к XVIII в., когда в ходе освоения новых географических и культурных пространств всталась задача описания и изучения разнообразия человеческих обществ, находящихся на разных уровнях цивилизационного развития. Тогда возникают первые варианты этнической классификации народов, разрабатываются методы их внешней идентификации, а организаторы масштабных экспедиций трудятся над совершенствованием языка и способов их описания. Образцом для этих процедур выступают таксономии и исследовательская практика в естественнонаучных отраслях знания.

И хотя стройная система классификации в XVIII в. окончательно еще не сложилась, принципы этнографического описания в целом были определены. Несмотря на отсутствие универсальных критериев этнической принадлежности, можно говорить о том, что в этот период перечень основных признаков уже зафиксирован, но еще без жестко определенной их иерархии: этноним, язык, внешний облик; занятия, обычаи, законы; ум, нравственность и характер (нрав).

Российское народоведение эпохи Просвещения находилось в состоянии интенсивного развития; под влиянием немецкой науки и под руководством немецких ученых на русской службе в Российской Академии наук формируются программы изучения так называемых «нерусских народов» империи, аргументируются и уточняются

ся гипотезы происхождения племен и этносов. Этнографические изучения осуществляются в предметном поле географии и истории Российской империи, а потому интерес к этническим «своим» неотделим от исследований «инородцев» (то есть неславянских народов), он заметен во всех географо-статистических, энциклопедических и исторических трудах того времени.

Первые российские ученые исходили из тесной взаимосвязи природы и человека, народы — особенно окраинные — виделись частью природных ресурсов территории. Этнос же казался воплощением своеобразной «физиономии» пространства. Поэтому И. Н. Болтин видел главную задачу описания Российской империи в том, чтобы определить, какие племена составляют «народ» (в значении «национа») государства, кто они, эти подданные, — через выявление различий в «нравах, обычаях и богочтении»¹. В одном из первых вопросников по истории и географии В. Н. Татищева (1734), а также в Программе-инструкции для историко-этнографического отчета по Академической экспедиции (1733–1743 гг.)² нашел выражение общий принцип эпохи: народоведение представляло собой органическую часть географического обзора.

Визуальные и вербальные описания осуществлялись одновременно, и зачастую одними и теми же исследователями: ведь изучить объект наблюдения означало описать его с максимальной степенью точности. Следует отметить обстоятельство, которое подчеркивает Е. А. Вишленкова: «Изучение национальных языков в значительной степени было отделено от описания внешнего облика народов; “протоэтнографов” интересовали визуально познаваемые явления, а “протолингвисты” занимались сравнением языков, причем прежде всего их фонетического ряда»³. Такая специализация, однако, не помешала признанию языка главным и обязательным критерием этнической принадлежности и позиции народа в классификации этносов. Язык позволял также установить этническое родство и этногенез общностей, а в спорных случаях выступал главным маркером. В России главными сторонниками доминирования лингвистического фактора в процессе идентификации этнических объектов были А. Л. Шлётцер и Г. Ф. Миллер.

Обосновывая лингвистический принцип классификации, А. Л. Шлётцер переносил принципы систематизации естествознания на человеческие сообщества: «Да позволено будет мне ввести в историю народов язык величайшего из естествоиспытателей (Ламарка. — М. Л.)⁴. Я невижу лучшего средства устранить путаницу древнейшей

и средней истории... как некоторую *systema populorum, in classes et ordines, genera et species redactorum...* Как Линней делит животных по зубам, а растения по тычинкам, так историк должен бы был классифицировать народы по языкам» (1768)⁵. Подобная апелляция к линнеевской системе как к образцу наглядно демонстрирует две особенности лингвистических классификаций того времени: первая — язык воспринимался как один из важнейших признаков народа, выявляемый, как и другие приметы видовой принадлежности, средствами внешнего наблюдения (то есть на начальном этапе простой фиксацией звуков и толкованием основных понятий). Вторая — наименование фиксируемого у народа наречия осуществлялось путем его сравнения с другими известными языками, но только записанными.

Благодаря трудам Шлётца в XVIII в. язык стал признаваться единственно верной объективной приметой этноса. В изучении языков Шлётцер следовал за пониманием языковых различий собирателями фактического материала⁶. Так или иначе, лингвистическое родство означало для него и общее происхождение народов. Г. Ф. Миллер был категоричен: «характерное различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть языки: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, тем нечего искать единоплеменности»⁷. Язык — как и небиблейские теории этнического родства современных народов с известными с античности племенами — стал важным аргументом в определении древности народов через совершенство его «наречия»⁸.

Этнонимы, язык как этнический признак и способы его фиксации (путем описания и сравнения с другими) выступали как основные принципы описания народов и племен и у В. Н. Татищева: «Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть, но в языке надобно смотреть: 1) слова такие, которые не легко переменяются..., яко счисление, [...] також: бог, небо, солнце, месяц, огонь и прочие имяна, 2) при записывании надлежит внимано выслушивать, чтоб одну букву за другую не положить. 3) Нужно смотреть на ударение гласа... 4) Притом же и прилежно смотреть, чтоб сказывающий имел чистое и совершенное речение»⁹. Примером реализации этих требований может служить его «Общее географическое описание всея Сибири» (незаконченное), где в разделе «о жителях сибирских» дана следующая языковая ха-

рактеристика древнейшего населения: «Междо древними находятся три языка: 1) сарматской, который во многом с финским, карельским, лапландским и т. д. согласен, 2) татарской или паче калмыцкой, 3) особливой, что ни с которым из сих не опишется»¹⁰. Согласно такому делению, ученый и народы России разделяли на славянские, сарматские, татарские и «страноязычные» (то есть не входившие в три предыдущие группы). В разработанной Татищевым инструкции по описанию народов большую значимость имели, помимо языка, и другие этнические признаки: вероисповедание (христианские исповедания, иноверцы, идолопоклонники, новокрещеные и др.), обычное право и нравственные добродетели, уровень знаний и суеверия, а также «состояние телес обсественное»¹¹.

«Лингвистическая этнография» Н. И. Надеждина. На протяжении первой половины XIX в. убежденность в доминирующем значении языка в процессе этнической идентификации претерпевает изменения. Основные группы языков были к 1840-м гг. установлены и систематизированы в общем виде, и теперь первостепенными стали вопросы о степени этнической близости между носителями родственных языков и об их этногенезе. Создание таксономической таблицы языков повлекло за собой необходимость определить основные номенклатурные единицы и их иерархию в общей системе. С активизацией этнографических и фольклористических исследований русского народа (восточных славян в целом) актуализировались задачи создания теории славянского лингвогенеза и соотношения книжных и разговорных форм языка.

Так, в программе изучения народности Н. И. Надеждина (1847) в «этнографической лингвистике» (в «этнографическом изучении языка») обозначено несколько аспектов. Во-первых, создание языковых классификаций и приведение их в соответствие с этническим делением (разнообразие «слова», распадающегося, соответственно разнообразию народов, на различные «языки, наречия и подречия»). Во-вторых, он уточнял, что только «язык народа» «был, так и останется навсегда — главным залогом и главным признаком народности», поэтому «необходимо осуществить процедуру различия в языке и в самой литературе языка по преимуществу “народного” и литературы в [...] собственном смысле “народной”». Предмет этнографического изучения он ограничивал «устным словом», «живым языком» во «всенародном», «простонародном» употреблении. В-третьих, такое сужение вело за собой различие терминов, в частности, «русского» и «российского» языка — как, соответственно, разговорный

и официально-литературный варианты. Под первым Надеждин понимал тот, «которым *Русь* запросто пробавляется», под вторым — находящийся в официальном употреблении. Кроме того, он настоятельно рекомендовал изучить «главные видоизменения» между великороссийским, малороссийским и белорусским языками¹².

В интерпретации Надеждина необходимо выделить несколько методических затруднений. Первое: необходимо было установить приметы «российского языка» — то есть русского литературного и обозначить его четкое отличие от устного, «народного» языка. Второе: непросто было договориться о критериях создания и определения языковой иерархии — то есть выявить комплекс признаков, по которым можно было бы установить статус языка, наречия, подречия. Эта задача усложнялась и тем, что ее следовало сочетать с этнографической классификацией. Но самым, пожалуй, важным вопросом оказалось понимание лингвистических границ между родственными языками и этническими группами — в частности, русскими (восточнославянскими).

Обсуждение параметров кодификации языка. К теоретическим вопросам классификации «языковой действительности» обращались прежде всего те, кто занимался кодификацией языка, — в частности, составители словарей. К середине столетия было создано три так наз. «академических словаря» русского языка: Словарь Академии Российской (1789–1794), «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) и «Опыт областного великорусского словаря» (1852). Новаторскими считаются принципы, положенные В. И. Далем в основу создания «Толкового словаря живого великорусского языка» (1862). Даль отстаивал идею о том, что «обработанный» (то есть кодифицированный литературный) язык должен создаваться на базе «народного»: «...у нас нет еще достаточно обработанного языка, и что он, не менее того, должен выработать из языка народного»¹³. Язык народный «слагается», по мнению составителя, из наречий и говоров.

В статье 1852 г. Даль указывал на трудность разграничения единиц лингвистической иерархии. Наречием он называл а) «язык не довольно самостоятельный, и притом столь близкий к другому, что, не нуждаясь ни в своей особенной грамматике, ни же в словаре, может быть хорошо понимаем теми, кто знает первый»; б) наречием «более в политическом смысле» он именовал «областной, местный говор небольшой страны»; а также считал наречием в) язык «местный, искаженный, как полагают, отшатнувшийся от коренного языка»¹⁴.

Однако главным критерием отличия наречий и говоров от языка стало для Даля отклонение от литературной нормы: «язык, которым говорит большинство, а тем более сословие образованное, язык письменный, принимается за образцовый, а все уклонения его — за наречия». Даже в этом противоречивом определении наречия можно уловить главное: наречие и язык в лингвистической иерархии стоят на двух разных уровнях — причем как в синхронии, так и в диахронии.

Впрочем, — и это необходимо подчеркнуть, — Даль отдавал себе отчет в том, что «господство одного наречия над другим» случайно и довольно условно и объясняется чаще всего политическими обстоятельствами¹⁵. Такая позиция определила и понимание «самостоятельного» языка как кодифицированного: «...за самостоятельный, по развитию и обращению, язык должно признать тот, у которого есть своя грамматика и письменность, за наречие — незначительное уклонение от него, без своей грамматики и письменности, говор — еще менее значительное уклонение»¹⁶.

Однако через 10 лет, в предисловии к первому изданию толкового словаря, дефиниции трех важнейших лингвистических единиц уже не вызывали у него никаких сомнений и давались в весьма упрощенном виде: «...дело это просто и ясно. За исключением на юге и западе ближайшего соседства Малой и Белой Руси, у нас, во всю ширь Великой Руси, нет наречий, а есть разве только одни говоры. Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и с прибавкою весьма немногих, образованных на месте, речений, всегда верных общему духу языка»¹⁷. Таким образом, на первое место в процессе выявления «уклонений» у Даля теперь выходит фонетика, а вовсе не степень кодифицированности и наличие письменных форм, а прежние великорусские «подречия» оказываются всего лишь говорами.

Именно поэтому, на наш взгляд, настаивая на том, что малорусский и белорусский есть наречия одного языка, Даль объединил диалекты Великороссии в «язык», а не в великорусское наречие, — несмотря на то, что главным материалом для словаря избрал именно говоры, а церковный язык и «русский обветшавший» он из словаря исключил¹⁸. Ему представлялось, что малая вариативность, понятность и естественная однородность великорусских говоров делает их бесспорной и естественной базой общерусского литературного языка, а отличающиеся в большей степени региональные особенности языка Малороссии и Белоруссии следуют расценивать как локальные инварианты.

В статьях Даля явно выражена тенденция акцентировать сходство и взаимное понимание носителями различных великорусских говоров друг друга, — с противопоставлением не столь понятным двум восточнославянским наречиям — несмотря на то, что в словарь вошло довольно много малороссийской и белорусской лексики, бытующей на великорусских территориях. Немаловажно и то, что основным критерием определения ареала великороссийских говоров Даль сделал пространственный: языковые границы обуславливались историко-культурным регионом¹⁹, а не наоборот. Основной интенцией автора было зафиксировать сходства, лежащие в основании единства различных форм великорусского/русского языка как национального, несколько «сгладив» отличия — объяснимый процесс, типичный для выявления всякой этнокультурной общности на данном этапе развития науки, аналогичный акцентированию этнодифференцирующих различий для установления границ между этническими и племенными группами. Можно согласиться с исследователями, усматривающими во взглядах Даля быть может неосознанное, но отчетливое стремление «гомогенизировать сложную лингвистическую реальность»²⁰.

В наиболее яркой форме споры о лингвистической номенклатуре и ее соответствии с этнической классификацией нашли отражение в полемике о малорусском языке/наречии²¹. Не касаясь подробно истории проблемы и аргументации сторон, остановимся на тех общетеоретических положениях о лингвистической иерархии и дефинициях ее отдельных единиц, которые были выработаны российским языкознанием в том числе и благодаря дискуссии по так называемому «малороссийскому вопросу».

Терминологическое и теоретическое разнообразие лингвистических концепций и научных классификаций в европейской науке второй половины XIX ст. нашло отражение, в частности, в дефинициях понятий «наречие», «говор», «язык», соотношение которых было упорядочено на основании сложившихся представлений о формировании и функционировании литературного языка.

Своеобразным итогом дискуссий XIX в. о происхождении и статусе языков и наречий можно считать ряд статей в энциклопедии Брокгауза и Ефона. Отметим только те обобщения, которые касаются лингвистической терминологии. Автор статьи о малорусском наречии С. К. Булич утверждал, что наречием следует именовать «разновидности более нового происхождения», языковые отличия, в свою очередь, сформировались из некогда «диалектических особенностей».

Разница между наречием и языком, по его мнению, связана лишь с древностью отличительных признаков — «возрастом языковой разновидности». «До известного возраста языковая разновидность носит название наречия, а после него — языка»²², — отмечал он.

Наречие понималось как диалект, носителем которого была «часть однородного населения той или другой страны». Диалект представляет, «наряду с общими характерными признаками данного языка, и известные отличия, настолько значительные, что устные сношения данной части населения с прочими довольно затруднительны»²³. Наречие, в свою очередь, делится на поднаречия, а последние — на говоры. Главным отличием говора от наречия представляется незначительность его отличий, не затрудняющих «устные сношения» с другими представителями этого же народа²⁴, хотя на практике, как отмечает Булич, понятие «говор» нередко смешивают с понятием «наречия». Русский язык подразделяется на великорусское, малорусское и белорусское наречия. В определении указывается историческая эволюция этих единиц языка: предполагается, что наречие древнее говоров. Основным критерием различия языков от наречий и говоров являются, как указывает Булич, главные («единственные») существенные признаки — фонетические особенности²⁵.

А. А. Шахматов дал определение понятий «язык», «наречия» и «поднаречия» уже как вполне сложившихся классификационных терминов, находящихся в иерархическом соотношении: «...разнообразные оттенки языка, состоящие в различном произношении звуков, в замене одних звуков другими, в изменении грамматических форм и синтаксических оборотов, называются наречиями, поднаречиями, говорами. Различие между этими терминами вполне относительное: о наречиях говорят там, где имеется в виду противопоставить им язык, характеризующий более или менее значительную народность в ее настоящем или прошедшем; о поднаречиях — там, где требуется указать, что они, как части, связаны с целым, определяемым как наречие, в противоположении к еще более обширному целому, называемому языком, и т. д. Строго говоря, каждая мелкая общественная группа имеет свой язык: его можно назвать языком, когда о нем говорят безотносительно; его назовут говором, поднаречием, наречием, если потребуется определить его отношение к языку тех более крупных единиц, в состав которых входит эта общественная группа»²⁶. Таким образом, дефиниции терминов стандартизируются, установление лингвистической иерархии происходит с учетом или на основании исследований политической и племенной истории

этнических групп, а также эволюции их племенного и культурного развития (включая внешние воздействия и внутреннюю дифференциацию).

Единообразие и стройность принципов лингвистической классификации проявились в утверждении о том, что «в логическом отношении понятие “наречие” может быть сравнено с понятием *вида* в естественных науках»²⁷, а термин «говор» — с понятием «разновидности»²⁸. Точно так же оно может быть сопоставлено с классификацией этнографических и антропологических типов, которые расценивались в конце XIX в. как не имеющие «чистых» физических или культурных форм²⁹. В этом контексте значима фраза статьи: определение «вполне твердых и незыблемых границ между понятиями говор, наречие и язык невозможно» из-за существования ряда промежуточных видов, которые не всегда могут быть уложены в рубрики. Таким образом, лингвисты XIX в., начиная с Даля (как и их коллеги этнографы и антропологи), осознавали условность и модальность категорий, используемых для выделения элементов и уровней этноса или языка: эти «рубрики» — то есть классификационные единицы — именовались «в действительности чистыми абстракциями»³⁰.

В наиболее полной мере позитivistская абсолютизация научно-еволюционных схем в различных областях науки подверглась критике в интерпретации Бодуэна де Куртене. В статье «Язык и языки» Энциклопедии Брокгауза и Ефрана, вышедшей позднее, в 1907 г., он подчеркивал искусственность лингвистических классификационных понятий — в частности, такого как «национальный язык», расценивал его как «фикцию», не имеющую опоры в реальной действительности, как элемент научного инструментария. «Язык племенной и национальный, — писал он, — является чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков. Такой племенной и национальный язык состоит из суммы ассоциаций языковых представлений с представлениями внеязыковыми — ассоциаций, свойственных индивидам и, в отвлеченном, абстрактном смысле, в виде *среднего вывода*, также народам и племенам»³¹. Национальный литературный язык в этом смысле есть конструкт, «освященный обычаем и “невольным соглашением” всех членов данного языкового общества» с заданными ему идеальными нормами, объединяющими предписаниями и правилами. С его точки зрения реальны только индивидуальные языки³². В этом, а не в каком ином, контексте следует, на наш

взгляд, интерпретировать слова Т. Д. Флоринского из статьи 1900 г., в которой он писал, что если и есть особая разница между терминами «язык» и «наречие», то «в науке это дело второстепенное»³³. Процесс выработки норм языка в этом смысле является одним из способов реализации политики лингвистического конструктивизма.

Следует отметить явное сходство с мнением этнографов и социологов того же времени об условности классификации народов и национальностей и об искусственности классификаций и эффективности их только в качестве «рабочих гипотез». Так, этнограф Н. Н. Харузин полагал, что все попытки установить универсальную классификацию, опирающуюся на фактор развития (восходящий к цивилизационному), понятны (поскольку таксономические модели, создаваемые на основании одного признака — лингвистические и антропологические, — не могут разрешить всех проблем этнической идентификации и кажутся неполными), но так или иначе обречены, поскольку само определение высоты «культуры» представляется с научной точки зрения невозможным³⁴. В начале XX в. «ненаучность» классификаций «по этносам» стала общепризнанной³⁵. Осознание условности используемых этнографией видов таксономий и утопичности создания единой универсальной таблицы народов по образцу менделеевской произошло, таким образом, всего через полвека после институционализации этнографических исследований в России.

Идентификация этнической принадлежности по языку: практический ракурс. Проблема языка в практическом аспекте (детально рассматриваемая в современных исследованиях о национальной политике Российской империи) актуализировала прежнюю полемику о его статусе, тесно связанную с версиями происхождения малорусского и великорусского народов. Кроме того, она стала важной и в связи с другими, педагогическими вопросами — в частности, о языке преподавания в народной (начальной) школе, поскольку и в учительской среде не было единства мнений о методике и языке преподавания даже в границах великороссийского региона (именно в связи с различиями местных диалектов).

И в этнической классификации народов нельзя было обойтись без учета языкового родства. Но в 1880–1890-е гг. в антропологических, этнографических (народоведческих) классификациях такой важный признак, как язык, отходит на второй план («признак второго разряда»³⁶) — точнее, он уступает свое прежнее главенствующее место антропологическим (расовым) признакам как более точным. Судя по тому, как тщательно исследователи аргументировали отказ

от лингвистического критерия идентификации, этот вопрос представлялся довольно острым³⁷. Постепенно начинают отказываться от характера (нрава, «психических признаков») народа как этномаркирующего признака, поскольку эти особенности «мало изучены»³⁸.

Однако в случаях, когда языковое родство было установлено довольно точно — в частности, с финскими или славянскими народами, — речь шла о так называемой «семье народов», и описание этносов осуществлялось по этому делению. Но те этносы, отнесение которых к тем или иным группам не было жестко определено, объединялись по географическому региональному признаку — например, «народы Кавказа» или татарские народы, к которым относили чувашей, туркменов и калмыков³⁹. К. Кюн, указывая на важность антропологических признаков, доказывающих родство различных этнических групп, замечал: «Антропология, без сомнения, важна для историка. Эта наука, рассматривая человека как племенную особь, стремится дать правильное разделение рода человеческого по физическим признакам. Сначала делили по цвету кожи, потом приняли за главный признак череп, но и это оказалось неудовлетворительным, так как приходилось иногда разделять в разные отделы племена родственные по другим признакам. При таком несовершенстве антропологических классификаций строить выводы на них оказалось невозможным...»⁴⁰ Поэтому он считал лишь языковую принадлежность единственно верным основанием для классификации и разделял народы России по этому критерию, выделяя, в частности, русскую, латышско-литовскую, финскую, турецкую и татарскую группы племен. Встречаются у него и «кавказские», и «полярные племена» — выделяемые по географическому признаку; чуваши рассмотрены в одной главе с самоедами.

Практика сбора сведений об этнической принадлежности населения ставила перед этнографами и статистиками новые вопросы. Сведения о процентном и количественном этническом составе Империи и его изменениях на протяжении XVIII–XIX вв. имелись, они приводились во многих статистических трудах и учебниках. Но базировались лишь на косвенных признаках: так, результаты ревизских переписей (ведущихся с 1717 г.) позволяли обнаружить соответствие между сословными группами и вероисповеданиями или между социальными и этническими группами на основании наиболее типичных или количественно преобладающих случаев. В них «однодворцы — чаще всего великороссияне», а «войсковые обыватели, казаки, подсуседки и посполитые» — малороссияне, колонисты —

немцы, ясачные — инородцы и т. п.⁴¹ С введением вопроса о родном языке «показатель родного языка населения... превращался в признак этнического происхождения»⁴², притом даже без соотнесения с конфессиональной принадлежностью, что также не способствовало точности этнической идентификации. На практике это весьма затрудняло работу добровольных народоописателей-краеведов, особенно в процессе определения границ родственных этнических групп.

В российской переписи 1897 г. было лишь два вопроса, которые косвенно могли фиксировать этническую принадлежность: это пункты о вероисповедании и родном языке. С учетом погрешностей, связанных с методикой и практикой проведения опроса, а также со способами фиксации родного языка информанта, можно с некоторой долей уверенности и большой погрешностью установить соответствие между родным языком и этнической принадлежностью.

Несовершенство данных переписи 1897 г. с точки зрения этнической идентификации населения признавалось и ее организаторами, одним из которых был П. П. Семенов (Тян-Шанский). О сложностях, вызванных ошибками и недостатком знаний с двух сторон — как интервьюеров, так и опрашиваемых, ему было известно давно и не понаслышке. Некоторые комментарии к переписям меньшего масштаба позволяли определить и сформулировать методологические затруднения или упущения в ходе проведения опросов. Еще в статье, посвященной переписи жителей Санкт-Петербурга в 1869 г., Семенов указывал, что именно материалы для статистических заключений, поставляемые «первоначальными источниками» — такими, например, как перепись, грешат несовершенством⁴³, что отражается на точности общих данных и заключений. Причины автор перечисляет детально, среди них одно из главных мест занимает проблема уровня участников опроса: малочисленность представителей «образованного класса», которые могли бы верно осуществить как процедуру опроса, так и фиксацию ответов, безграмотность «народных масс», предубеждение их против переписей, как и любого другого сбора информации. Ученый выявил и универсальные закономерности, влияющие на презентативность получаемых статистических данных. Среди них он упомянул важную роль факторов «гражданственности» и «грамотности» (то есть уровня образованности и «сознательности» общества в целом)⁴⁴.

В рубрики столичной переписи 1869 г. впервые был введен вопрос о языке с целью определения, «в каких численных, экономических и общественных отношениях находятся между собой коренной

русский, немецкий, финский, польский и иноземные элементы в русской столице»⁴⁵. Таким образом, с самого начала введения пункта о языковом *самоопределении* языковая идентификация отождествлялась с этнической. Полученные в итоге сведения по этому вопросу Семенов счел вполне удовлетворительными, хотя и отметил важную для нас особенность: «множество православных отвечали на этот вопрос словом “родной”, никак не предполагая, чтобы язык их мог иметь какое бы то ни было имя кроме “родного”. Встречался и язык “лютеранский”, “католический” и “магометанский” у немцев, поляков и татар, за которых давали ответы их русские квартирохозяева»⁴⁶. С учетом такого понимания «родного языка» можно сделать вывод о том, что даже введение вопроса об *этническом или языковом самоопределении* в ходе изучения народности (что предлагали реализовать, например, В. Д. Спасович и А. Л. Погодин⁴⁷) не принесло бы ожидаемых результатов. В статистических, этнографических и иных вопросниках содержались лишь пункты, касающиеся эндоэтнонима. Поэтому отсутствие «интереса» к этническому самоопределению в ходе этнографических исследований на протяжении XVIII–XIX вв.⁴⁸ вызвано не только представлением о научной объективности лишь внешней (и прежде всего визуальной) идентификации, осуществляющейся по заданной программе-схеме, но и уровнем этнокультурного самосознания изучаемых племен и народов. Разумеется, это не могло не способствовать утверждению существующих стандартов научного описания как плода внешнего наблюдения, а также «овеществлению» этносов как реально существующих объектов⁴⁹.

В связи с этим вопрос о соотношении конфессиональной и этнической идентичности применительно к традиционному крестьянскому обществу XIX в. в России теряет свою остроту, поскольку самоопределение осуществляется, как и ранее, по религиозной принадлежности. Подтверждения тому встречаются в этнографической научной литературе в изобилии. Приведем лишь несколько примеров из практики нардоописаний второй половины столетия.

П. А. Кулиш в «Записках о Южной Руси» приводит знаменательный диалог с «малорусскими простолюдинами» (относящийся, вероятно, к 1840–1850-м гг.), вызванный желанием писателя определить происхождение экзонима «черкесы» (так именовали своих «южных соплеменников» «старинные великороссияне»): «Малороссийские простолюдины, на вопрос “откуда вы” будут отвечать: “из такой-то губернии”, но на вопрос “Кто вы? Какой народ?” не найдут другого ответа, как только: “Люде так собі нарód тай гóді”. “Вы русские?”

“Hi”. “Хохлы?” “Які ж ми хохли?” … “Малороссияне?” “Щó то за малороссияне? Нам ёгó й вимовить трудно”⁵⁰. По версии Кулиша, этноним «хохол» они отвергают как бранное, слово «малороссиянин» — «книжное, они его не знают», и потому «предоставляя называть себя “русью”, “черкасами” и чем угодно, сами себя называют только людьми и не присваивают себе никакого собственного имени»⁵¹.

Многочисленные примеры о самоназвании «тутейшие», используемом православными жителями Полесья и пограничных польско-российских территорий, хорошо известны современным исследователям — и тем более этнографам XIX в.: «простой народ в Белоруссии… на вопрос “кто ты?” отвечает: “Русский”, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком, иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он “тутэйший”… конечно, противополагая себя лицу, говорящему по-великорусски»⁵².

Конфессиональная принадлежность (особенно в православном славянском ареале) и в случае осознания своей этнической идентичности могла интерпретироваться как нераздельное единство без иерархизации уровней идентичности. Характерным примером могут служить сербы. В воспоминаниях П. А. Ровинского приводится случай из путешествия по Сербии: крестьянин спросил у него, какой он национальности («Што си? … т. е. кто ты таков?»). Услышав ответ, что он «рус» и «православной веры», собеседник попросил его прочесть «Отче наш». По окончании серб резюмировал: «Ама добро, брате, читаш, па ти си Србин» (хорошо читаешь, значит, ты серб). Ровинский пытался объяснить, что он не серб, а русский, но «русские и сербы — славяне, люди родственного языка и одного православного вероисповедания», но убедить крестьянина ему не удалось, тот остался при своем мнении, заявив Ровинскому: «…ты Сербин, ты этого сам не знаешь» и что «ученые монахи» ближайшего монастыря по старым книгам покажут, «что все русские сербы»⁵³.

К концу XIX в. лингвистический критерий этнической классификации теряет прежнее значение. Его роль признается более в теоретических построениях — например, в вопросах этногенеза в историко-сравнительных исследованиях, нежели в практической области идентификации этнических объектов. Языковая принадлежность осознается как, во-первых, довольно условный признак этничности — особенно в отношении иерархизации разных уровней этнических общностей, и, во-вторых, как недостаточно точный критерий определения этнодифференцирующих свойств групп, место в классификации которых расценивается неоднозначно. При этом

определение позиции в иерархии этноязыковых общностей осуществляется при помощи тех же логических процедур и методического инструментария, что и идентификация единиц этнической общности в других таксономиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка, сочиненного генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. В 2-х т. Т. 1. С. 158.
- 2 *Токарев С. А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. С. 71–72.
- 3 *Вишленкова Е. А.* Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому». Препринт WP6/2008/04. Гуманитарные исследования. М., 2008. С. 7.
- 4 Шлётцер имеет в виду учение Лейбница о том, что для изучения древней истории необходимо не изучать древнейшие письменные памятники, а обратиться к сравнению языков [Фермойлен Х. Ф. Происхождение и институализация понятия *Völkerkunde* (1771–1843) (Возникновение и развитие понятий «*Völkerkunde*», «Ethnographie», «*Volkskunde*» и «Ethnologie») в конце XVIII и начале XIX вв. в Европе и США // Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 103].
- 5 Цит. по: *Милюков П.* Главные течения русской исторической мысли. М., 2004. С. 104–105.
- 6 Шлётцер составил классификацию языков, и, в частности, — «урало-алтайских племен», используя материалы словарей, присланных ему из России Фишером. Методика его была такова. Определяя родственные литовскому языки, ученый, применяя сравнительный подход, устанавливал грамматические сходства и их отличия со славянским языком, затем выявил количественный состав «коренных слов», в которых обнаружились «славянские элементы, элементы праязыка и четверть слов неизвестного происхождения (может быть, финского)». (Цит. по: *Милюков П.* Главные течения русской исторической мысли. М., 2004. С. 105–106).
- 7 *Бахрушин С. В.* Миллер как историк Сибири // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. В 3-х т. М., 1999. Т. 1. С. 31.
- 8 *Клубков П. А.* Вопрос о старшинстве народов и языков в России XVIII в. // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. Петрозаводск, 2001. С. 66–73.

- 9 Татищев В. Н. Предложение о сочинении истории и географии Российской (1737) // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 94–95.
- 10 Татищев В. Н. Общее географическое описание всея Сибири (1736) // Там же. С. 70.
- 11 Татищев В. Н. Предложение о сочинении истории... С. 77–94, 95.
- 12 Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического Общества. 1847. Кн. 2. С. 61–115. Цит. по: Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 111–112.
- 13 Даль В. И. Напутное слово (1862) // Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. XIV.
- 14 Даль В. И. О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного вторым отделением Императорской Академии наук (1852) // Там же. С. XLVIII.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Даль В. И. Напутное слово. С. XVII.
- 18 Там же. С. XXI.
- 19 Даль В. И. О русском словаре (1860) // Там же. С. XXXVII–XXXVIII.
- 20 Vitalich K. Dictionary as Empire: Vladimir Dal's Interpretative Dictionary of the Living Great Russian language // Ab Imperio. 2007. № 2. Р. 153–178.
- 21 Подробно об этом: Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // Украинцы и русские во взаимном общении и восприятии. Очерки (в печати).
- 22 Малорусское наречие // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефона. В 41 т. (82 полут.). СПб., 1899. Т. 9а (п/т 18). С. 485–487.
- 23 Наречие // Там же. СПб., 1897. Т. 20а (п/т 40). С. 611–613.
- 24 Говор // Там же. СПб., 1893. Т. 9 (п/т 17). С. 10–11.
- 25 Малорусское наречие. С. 485.
- 26 Россия. Русский язык // Там же. СПб., 1899. Т. 28 (п/т. 55). С. 564–565.
- 27 Наречие. С. 611.
- 28 Говор. С. 10.
- 29 Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. Гл. 3, § 2.
- 30 Наречие. С. 611–612.

- 31 Язык и языки // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефона. СПб., 1904. Т. 41 (п/т. 81). С. 529–548.
- 32 Там же.
- 33 *Флоринский Т. Д.* Малорусский язык и «україньско-руський» литературный сепаратизм // Украинский сепаратизм в России. М., 1998. С. 337.
- 34 *Харузин Н.* Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. СПб., 1901. Вып. 1. С. 56.
- 35 Об этом писали Л. Я. Штернберг, В. Н. Харузина, С. М. Широкогоров (Этнография // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефона. СПб., 1904. Т. 41 (п/т 81). С. 185–186 (автор — Л. Штернберг); Харузина В. Этнография. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте и на Высших женских курсах в Москве. М., 1909. Гл. II; Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы. Владивосток, 2001. Кн. 1. Гл. 3).
- 36 *Пешель О.* Народоведение / Пер. с нем. СПб., 1890. С. 128.
- 37 Там же. С. 127; *Петри Э. Ю.* Антропология. Основы антропологии. СПб., 1890. С. 96; *Харузин Н.* Этнография. Вып. 1. С. 45–47.
- 38 *Петри Э. Ю.* Антропология... С. 98.
- 39 *Мостовский М.* Этнографические очерки России. М., 1874.
- 40 *Кюн К.* Народы России. СПб., 1888. С. 1.
- 41 *Кеппен П. И.* Девятая ревизия о числе жителей в России в 1854 г. СПб., 1857. С. 135.
- 42 *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 7.
- 43 *Семенов П. П.* Перепись жителей Санкт-Петербурга 10-го декабря 1869 года в ее отношении к делу статистических переписей в России // Известия ИРГО. СПб., 1870. Т. 6. № 2 (раздел «Географические известия»). С. 45.
- 44 Там же. С. 46.
- 45 Там же. С. 54.
- 46 Там же. С. 61.
- 47 *Лескинен М. В.* Поляки и финны... С. 83–84, 147.
- 48 Несколько иные аспекты этого процесса выделяет Стейнведел: *Стейнведел Ч.* Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России //

- Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 610–633.
- 49 *Соколовский С. В.* Этнография как жанр и как власть // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 1995. Вып. 2. С. 133–147. В этом отношении следует заметить, что представления об адекватности подобных методов определения этнической идентичности возрождаются в советской этнографии (примером могут служить, например, словарные статьи: Этноконфессиональная общность // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. С. 149–151; Классификация лингвистическая // Там же. С. 41–45 и др.).
- 50 *Кулиш П.* Предания, легенды, поверья // *Кулиш П.* Записки о Южной Руси. В 2-х т. Киев, 1857. Т. 1. С. 231.
- 51 Там же.
- 52 *Карский Е. Ф.* Белорусы. Вильно, 1903. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. С. 116. Об этом же применительно к идентификации по языку: *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Этнолингвистика. М., 2001. С. 73.
- 53 *Ровинский П. А.* Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. I, II // *Русские о Сербии и сербах / Сост., подготовка к изданию, введение и заключительная статья А. Л. Шемякина, комментарии А. А. Силкина, А. Л. Шемякина.* СПб., 2006. С. 82.

Leskinen M. V.

Linguistic Factor of Ethnic Identification in the Period
of Shaping of the Discipline of Ethnography in Russia (18–19th cent.)

The author analyzes the main trends of interpretation of language as one of the signs of outer (scholarly) ethnic identification on the stage of shaping of ethnography as a special discipline in Russia. The evolution of the meaning of linguistic factor as a marker of ethnic identity is shown, as well as that one as a criterion of the place of ethnos in ethnic linguistic hierarchies and classifications of the epoch.

Key words: *history of ethnography in Russia, language codification, ethnic identification, history of linguistic classifications.*

*A. A. Плотникова
(Москва)*

Амбивалентность оценки в традиционной народной культуре (на материале словаря «Славянские древности»)¹

На примере разного типа статей словаря «Славянские древности» рассматривается амбивалентность представлений о природе и артефактах в славянской народной традиции, исследуются мнимые противоречия, связанные с оценочной актуализацией разных признаков одного явления, и реальные противоречия, механизм формирования которых обусловлен иными причинами.

Ключевые слова: *этнолингвистический словарь, славянские древности, народная аксиология, традиционная духовная культура, снег, факел, цепь, хвост, рог, яйцо, орех, град, след, изобилие, богатство, бедность, счастье, несчастье.*

В статье на примерах из различных статей этнолингвистического словаря «Славянские древности»² будут рассмотрены параметры и критерии традиционной оценки каких-либо явлений окружающей действительности. Исследователями народной духовной культуры замечено, что позитивная или негативная оценка, которая прослеживается в славянских поверьях, запретах и ритуалах, нередко приписывается одному и тому же феномену в разных локальных традициях или даже в рамках одной традиции.

Основываясь на принципах построения словаря «Славянские древности», целесообразно исходить из отдельных концептов (равных заглавным словам словарника)³, рассматривая различное их восприятие в народной традиции в том или ином культурном контексте. Например, у балканских славян считается, что факел как ритуальный предмет, зажженный от обрядового костра, служит оберегом от зла и нечисти в опасные календарные периоды, поэтому с ними в различные праздники обходили село, поля и хозяйственные постройки, при этом факелы крутили, вертели и оставляли после обхода в местах, которые хотели защитить. Так, в западной Сербии и восточной Боснии и Герцеговине факелы, называемые *лиле*, после ритуального обхода на св. Петра и Павла вбивали в огородах, поле, оградах загонов, полагая, что это защищает поля и огороды от кротов, урожай от непогоды, а скот — от болезней⁴. В Пловдивском kraе в Болгарии масленичными факелами размахивали во дворах, на улице, чтобы прогнать «зло» и

увеличить урожай в поле⁵. И напротив, в Западной Болгарии строго соблюдался запрет оставлять где-либо использованные масленичные факелы, поэтому их сжигали, уничтожали и никогда не вносили в дом из опасения, что вместе с ними принесут в помещение блох⁶.

Весьма подходящей иллюстрацией амбивалентности толкования тех или иных явлений природы в народной культуре может служить концепт снега. С одной стороны, снег — символ чистоты, белизны, богатства, влаги, влияющей на рост и изобилие растительности; первый выпавший снег связывается с успешным началом магических действий. В различных контекстах соотносится с дождем как одной из своих метеорологических субстанций (ипостасей), а также входит в ассоциативный ряд объектов с семантикой множества в едином целом: мука, песок, искры, звезды, ягоды, пчёлы, деньги и т. д.,ср. названия снега: полес. белые мухи. Вместе с тем метель, снежная буря и подобные явления непогоды связывают снег с представлением о соответствующих мифологических персонажах, аналогичных тем, которые крутятся в вихре, ветре.

Обилие снега ассоциируется с богатством, изобилием и плодовитостью, чему способствует символика снега, нередко уподобляемого муке, мучной пыли (ср. рус. диал. *бус* ‘мелкий снег; мучная пыль’, *бу-сить* ‘пылить мукою; идти дождю со снегом’). В Родопах говорят, что «снег теплее, чем мука»⁷. У русских снег, выпадающий 1 (14) октября, на праздник Покров («придет Покров, девка голову покроет»), предзначал много свадеб в селе. О забеременевшей девушке в шутку говорили: «Снежинка попала»⁸; детям же иногда объявляли, что их нашли в снегу, особенно если ребенок родился зимой (Брестщина, Сумская и Черниговская области). Для роста и успешного развития новорожденного на Витебщине считалось полезным, если по дороге на крещение и обратно шел снег⁹. Снег (как и дожды), падающий в день венчания, у восточных славян сулит молодым богатство, достоинство, счастье, однако на Волыни снег на свадьбе предвещал несчастья новобрачным, поэтому детям запрещали есть подгоревшую пищу со сковороды, угрожая, что в этом случае на их свадьбе пойдет снег¹⁰. Иногда снег на свадьбе также служит знаком пьянства жениха или его отца¹¹.

В представлениях об урожае снег связывается с изобилием: в Полесье существуют легенды о том, как необыкновенно большой урожай зерновых появился в том месте, где человек посеял хлеб прямо по снегу или там, где выпавший летом снег не очистили с цветущих посевов. У балканских славян считалось, что насколько высок слой

снега зимой, настолько велик будет урожай летом, при этом особенно «плодоносным» представлялся декабрьский снег: «Дебел сняг, голям (дебел) комат» [Толстый снег, большой (толстый) кусок]¹². Снег на праздники — на Крещение или в его канун, Сретение и др. — предвещал хороший урожай зерновых, а также пышную траву на пастбищах; на Рождество и в его канун — фруктов (у словаков и украинцев), на Новый год — картофеля (на Житомирщине) и т. д. На Новый год, если шел снег, то полагали, что куры будут нестись круглый год (украинское Закарпатье)¹³, а пчелы приносить много меда (Косово)¹⁴. На Русском Севере в Чистый понедельник наблюдали за снегом: если кругом было «чисто» от снега, то и в лесу летом не ожидали грибов и ягод, а если пойдет снег, то будут и ягоды, и грибы¹⁵. И напротив, именно отсутствие снега на святки иногда рассматривается как знак обильного урожая ягод¹⁶. Выпадение же снега на Вербной неделе сулит множество вредных насекомых (Чехия, Полесье), например, комаров при выпадении снега в канун Рождества или Крещения на Гомельщине, а в чешских селах также еще и мор домашней птицы¹⁷.

Во всех приведенных контекстах при толковании приведенной мифологемы встречаются якобы неожиданные противоречия — снег воспринимается либо как продуцирующее, либо как губительное начало.

Обращаясь к народным представлениям о животном мире, признакам, относящимся к символике «дикого», «звериного» в противовес домашнему миру человека, рассмотрим концепт «Х в о с т» (животного). Хвост, как рога, любого животного служит одновременно и символом плодородия, плодовитости, и признаком нечистой силы (соответственно как элемент ряжения на святки, масленицу и т. д.). В девичьих гаданиях хвост (как и рога животного) мог символизировать как богатство, так и бедность в будущем замужестве, что прослеживается в традициях Полесья. Например, на Черниговщине в канун Нового года девушки приходили в хлев и дотрагивались вслепую до коровы: если дотрагивались до рогов или хвоста, считали, что муж будет бедный; если до боков, то — богатый¹⁸. В Гомельской области на Крещение трактовали результаты гадания иначе: девушка вечером в хлеву наугад прикасалась к корове — если она дотрагивалась до рогов, считала, что будет жить бедно, если до хребта — со средним достатком, если до хвоста — богато¹⁹. Иногда подобные «противоречия» фиксируются не только в пределах одного региона, но и в традиции одного и того же села. Так, в селе Присно (Ветковский район Гомельской области) записано: «На баҳáту куттў ў кармáн бярэм гúшчу [кутью], чтобы ніхтó ни знал, ў сарáй ухóдыш, карóву мацайш

[тргаешь]. Глазá закры́й, ёсли рóги памáцаиш, то бúдиш багáтой, а ёсли хвост — бéдный²⁰. В том же селе также с кутьей в кармане на Крещение (или на Рождество) девушки гадали о том, как будут жить в замужестве: ходили в хлев трогать корову, считалось, что если девушка дотронется до рогов, то будет жить бедно, до спины — средне, до хвоста — богато²¹.

В рассмотренном случае большую роль играет сама маркированность магического объекта: рога, хвост — это прежде всего символы богатства, ср. мотивы благопожеланий в колядках, связанные именно с символикой хвоста: «Дэ вол хвостом — там жýто пластом»²²; «А где казá хвастом, там жýта кустом»²³. В ряду дополнительных атрибутов концепта важен также признак мохнатости. Например, у русских на святки девушки ходили в баню и, открыв двери, поворачивались туда голым задом, прося стегнуть «кунным хвостом» по голой части: если чудилось прикосновение чего-либо мохнатого, то это предвещало богатое замужество²⁴. С другой стороны, актуализируются насмешливо-уничижительные коннотации, связанные с традиционными представлениями о хвосте как о «задней части» тела животного (ср. бел. диал. *хвост* ‘последний, плохо работающий жнец’ и т. п.), чему также способствует ироническое восприятие хвоста как части тела именно животного — ущербной, уродливой для человека, «неправильной», «дикой», ср. народные поверья о людях с маленьким хвостиком, которых считают ведьмами, колдунами и т. п.

В представлениях, связанных с народной демонологией, зооморфные мифологические персонажи, как правило, также являлись хвостатыми: домовик у восточных славян — лысый, сивый кот с длинным хвостом, белка с пушистым хвостом; «тодорцы» в восточной Сербии — полулюди-полукони с длинными хвостами. При этом хвост служил иногда основным орудием их вредоносного воздействия: так, по гуцульским поверьям, крылатая огненная змея якобы захватывает своим хвостом овец из стада, чтобы выесть у них лакомую часть тела²⁵. Вместе с тем, имевшие облик животных демонические персонажи могли описываться как существа без хвоста, например, водяной, по поверьям лужичан, имел вид большого бесхвостого карпа. В последнем случае маркированным оказывается «неправильный» облик рыбы — уродливый по отношению к реальной рыбе.

Если обратиться к словарной статье, описывающей артефакт, то можно отметить сходные «противоречия» в оценочной позиции народных толкований. В рамках статьи «Цепь» рассматриваются очажные цепи — типичный предмет домашней утвари у балканских

славян, сохраняющих кое-где очаг открытого типа. Очажные цепи использовались в народной магии и медицине. У болгар ими окручивали больных детей и заносили до восхода поочередно в три соседских дома. У сербов за очажные цепи держалась знахарка, когда заговаривала больного против «красного ветра» — ветрянки, сыпи (Косово)²⁶; больного с сильным ознобом поили отваром специальной травы около очага, после чего соединяли над его головой очажные цепи (Лесковацкая Морава)²⁷. На Рождество у сербов всем членам семьи предписывалось «погрызть» слегка очажные цепи, чтобы зубы весь год были крепкими и здоровыми, как железо. Но, вместе с тем, у болгар строго следили за тем, чтобы через очажные цепи не перешагнула беременная женщина: в этом случае ребенок бы родился обвитым в пуповину²⁸. Разумеется, в данном случае мнимое противоречие обусловлено тем, что, с одной стороны, в народной традиции эксплицируется материал, из которого цепи сделаны, — железо, обладающее защитной и целительной силой, с другой — ассоциативная связь с палками, прутьями, веревками, которые нельзя перешагивать беременной.

Таким образом, оценочная характеристика в народной культуре зависит от факторов разного типа:

1. Маркированность объекта восприятия в каком-либо аспекте, представляющем возможность соотнесения с другими, изначально отрицательными (либо положительными) для человека явлениями. Объект может восприниматься и со знаком «плюс», и со знаком «минус» в разных традициях (локальных и национальных). Важно лишь то, что его символика или семантика ярко, отчетливо выражена и осознается (или осознавалась) носителями традиции. Необходимо упомянуть, что если таковая осознавалась в прошлом, то в этнографическом настоящем (время записи поверья или гадания) изначальная мотивация может быть утеряна, и тогда «плюс» или «минус» оказываются просто случайными.

2. Абстрактный признак объекта толкования может рассматриваться в применении как к позитивным следствиям, так и к негативным. Наиболее важными для оценочного восприятия рассматриваемого концепта оказываются уже те вторичные объекты, с которыми ассоциируется значимый для концепта признак.

3. Дополнительные (иные) признаки объекта становятся точкой отсчета при формировании того или иного поверья о предмете (явлении) в качестве положительного или негативного для человека.

В первом случае значимый объект народной культуры в одних местных (локальных) традициях может восприниматься двоя-

ко — как с положительной оценкой, так и с отрицательной стороны. Наглядным примером может служить статья «Лазарки», в которой изложены мотивировки одаривания участниц яйцами (или, наоборот, запрета одаривать яйцами, орехами) как защита сельских полей от града²⁹. Это типичный случай своего рода «перевертыша» — действие оценивается либо со знаком «плюс», либо — «минус» в разных локальных традициях Болгарии. Важна лишь содержательная составляющая: величина и форма ореха или яйца, ассоциируемого с возможным градом. Яйцо воспринимается как символ очень крупного града, поэтому нужно одаривать «лазарок» яйцами, чтобы не было града в течение лета, и нельзя одаривать «лазарок» яйцами, чтобы не было града в течение лета. Такие факты, которые можно объяснить лишь маркированностью объекта в народной культуре, встречаются довольно часто в словарных статьях: ср. указанные выше полесские свидетельства о примете, связанной со снегом: отсутствие снега на Новый год сулит обилие ягод; хвост в гаданиях может обозначать и бедность, и богатство в одном и том же селе (если не учитывается дополнительный признак мохнатости данной части тела животного, способствующий формированию положительной оценки).

Второй случай хорошо иллюстрирует и статья «Снег», в которой наиболее значимым оказывается абстрактный признак объекта толкования: множество одного целого (снега) может рассматриваться в применении как к позитивным следствиям — множеству ягод, грибов, яиц, пчел, урожаю зерновых, так и к негативным — множеству вредоносных насекомых: комаров, мошки, повальным мору домашней птицы.

В третьем случае формирования механизмов народной аксиологии действуют всевозможные дополнительные признаки объекта восприятия. Так, очажным цепям как объекту народной культуры свойственны признаки крепости, здоровья, которые присущи железу и предметам из железа, явно прослеживается и символика очага как источника тепла, центра дома и т. д. Поэтому предписывается погрызть очажные цепи, перешагнуть через них и т. п. Противоположный признак — уподобление цепей веревке, палке, пруту и другим предметам, которые могут ассоциироваться с пуповиной ребенка, — источник запретов перешагивать цепи беременной женщине. В запрете вносить в дом ритуальный факел, имеющий в большинстве поверий апотропейическую и продуцирующую функции, прослеживаются дополнительные ассоциативные признаки уподобления блохам мелких искр от факела. Снег, помимо основного

признака, сводимого к семантике изобилия и плодовитости, характеризуется и как непостоянная субстанция, поэтому, например, видеть во сне снег — к стыду³⁰, несмотря на то, что само изобилие снега — это символ богатства, благополучия и т. д. В связи с этим менее релевантным в народной традиции признаком непостоянства тающей субстанции «снег на свадьбе» может быть и к добру, и к несчастьям, а также и к пьянству жениха (отца жениха).

Следует заметить, что более широкий спектр оценок наблюдается при различиях в способах магических действий с каким-либо объектом. При исследовании мифологемы «след» выяснилось, что магические действия со следами людей или домашних животных имеют позитивную или негативную характеристику в зависимости от направленности (вектора) этих действий: например, если при продаже коровы продавец собирает ее следы и бросает такую землю в свой двор, то, разумеется, это рассматривается как вредоносная магия; если же покупатель бросает «следы» коровы в свой хлев или двор, то он магически приобщает животное к своему двору (та же позитивная оценка присутствует при аналогичных действиях со следами во время первого выгона коровы на пастбище). Вместе с тем сам «след» в целом чаще используется во вредоносных действиях (изведение человека, насыление порчи, болезни, смерти при обиরании следа, любовные присушки, завивки вокруг следа на урожай и т. п.). Так, на свадьбе в Полесье за молодыми шли след в след, чтобы ведьмы не «обрали» следы молодых. При этом сам акт хождения по чужим следам может быть отмечен позитивным восприятием — как лечебная магия, например, с целью забеременеть, избавиться от бесплодия женщины ступают по следам свиноматки: *По свинячих стежсéчках пробежы, врóде свиня хúдко поросыт поросыть, шоб и она так³¹*.

Разумеется, различные магические действия с каким-либо объектом также сопровождаются либо позитивной, либо негативной его оценкой. Так, у южных славян завязывать (пустые) очажные цепи в узел, вешать на них замок в различные зимние праздники означает «закрыть пасть волку», погрызть цепи следует для оздоровления, тогда как раскачивать, особенно намеренно, пустые очажные цепи запрещается, поскольку это может вызвать землетрясение, наводнение, шторм (Черногория, Сербия).

В целом именно частотность позитивных и негативных оценок влияет на восприятие какого-либо концепта в целом: след воспринимается прежде всего как объект вредоносной магии, а те же очажные

цепи, факелы, снег — как предметы (объекты), обладающие продуцирующей и превентивной (защитной), целебной силой, несмотря на некоторые контексты, в которых эти объекты считаются вредоносными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Авторская работа выполнена по проекту «Семантическая реконструкция народной духовной культуры славян» фундаментальной программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».
- 2 Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1996–2008. Т. 1–4.
- 3 В статье рассматриваются также концепты, лежащие в основе авторских статей пятого тома словаря, который находится в печати.
- 4 См.: Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 457–459.
- 5 Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986. С. 259.
- 6 Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993. С. 256.
- 7 Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994. С. 16.
- 8 Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858. С. 249.
- 9 Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
- 10 Полесский архив, с. Любязь Любешовского р-на Волынской обл., зап. С. А. Бурлуцкой.
- 11 Полесский архив, с. Радутино Трубчевского р-на Брянской обл., зап. Г. И. Кабаковой.
- 12 Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999. С. 273.
- 13 Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 224.
- 14 Недељковић М. Годишњи обичаји у Срба. Београд, 1990. С. 147.
- 15 Архангельский архив, с. Тихманьга Каргопольского р-на Архангельской обл., зап. М. Е. Шульгиной.
- 16 Полесский архив, с. Замошье Лельчицкого р-на Гомельской обл., зап. Ж. В. Кугановой.
- 17 Žalud A. Česká vesnice. Praha, 1919. S. 109.

- 18 Полесский архив, с. Великая Весь Репкинского р-на Черниговской обл., зап. Е. Э. Будовской.
- 19 Полесский архив, с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл., зап. Л. Н. Виноградовой.
- 20 Полесский архив, с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл., зап. А. О. Толстихиной.
- 21 Полесский архив, с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл., зап. Е. Б. Владимировой.
- 22 Полесский архив, с. Боровое Рокитновского р-на Ровенской обл., зап. О. А. Золотаревой.
- 23 Полесский архив, с. Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл., зап. А. О. Толстихиной.
- 24 Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. T. 2. Kultura duchowa. Cz. 1. S. 377.
- 25 Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 313.
- 26 Vukanović T. Srbi na Kosovu. Vranje, 1986. Т. 2. S. 482.
- 27 Ђорђевић Д. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // Српски етнографски зборник. Београд, 1958. Књ. 70. С. 220.
- 28 Българска митология. София, 1994. С. 59.
- 29 Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. С. 78.
- 30 Полесский архив, с. Щедрогор Ратновского р-на Волынской обл., зап. А. А. Архипова.
- 31 Полесский архив, с. Замошье Лельчицкого р-на Гомельской обл., зап. В. И. Харитоновой.

Plotnikova A. A.

Ambivalence of Evaluation in Traditional Folk Culture
(on the Base of the Materials of the “Slavic Antiquities” Thesaurus)

On the example of various types of articles of the thesaurus “Slavic Antiquities”, the author analyses the ambivalence of ideas about nature and artifacts on Slavic folk tradition; she studies imaginary contradictions connected to the valuation actualization of various signs of one phenomenon and real contradictions, the mechanisms of shaping of which are provided with other reasons.

Key words: *ethnic linguistic dictionary, Slavic antiquities, folk axiology, traditional spiritual culture, snow, torch, chain, tail, horn, egg, nut, hail, trace, abundance, riches, poverty, happiness, unhappiness.*

*О. И. Гущева
(Минск)*

К вопросу об авто- и гетеростереотипе поляка на польско-белорусско-литовском пограничье¹

В статье рассматриваются причины слабого проявления стереотипа поляка на польско-белорусском пограничье, их зависимость от таких категорий идентичности, как национальная, конфессиональная и социальная принадлежность.

Ключевые слова: *пограничье, культурная антропология, идентичность, этнокультурные стереотипы.*

Изучение национальных стереотипов (стереотипов различных этнических групп), проживающих на пограничье, является интересным не только потому, что эти стереотипы строятся и функционируют здесь по-другому, чем в центре, но также потому, что они могут дать представление о характере взаимодействия на данном пограничье, его потенциальной конфликтогенности или наоборот — могут ответить на вопрос, что обеспечивает мирное сосуществование различных национальных (этнических) групп на одной территории. Польско-белорусско-литовское пограничье, о котором далее пойдет речь, справедливо считается одним из наиболее бесконфликтных. Анализ авто- и гетеростереотипа поляка отчасти помогает объяснить эту бесконфликтность и специфику данного пограничья в сравнении с другими.

В научной литературе, посвященной пограничью, обычно красной нитью проходит мысль о том, что пограничье является не просто стыком двух культур, представляет собой не только их периферию, но некую особую, третью сущность, которую трудно описать адекватно, если мы будем смотреть через призму категорий культурного центра. Невозможность полного и глубокого описания с помощью привычных категорий будет касаться всех сфер жизни на пограничье: материальной и духовной культуры, идентичности, ментальности. В полной мере этот тезис будет касаться представлений о «своем» и «чужом» и целого ряда стереотипов, что мы попытаемся показать в данной статье.

Характеризуя национальный состав польско-белорусско-литовского пограничья, необходимо отметить, во-первых, его необычайную пестроту (кроме белорусов, поляков и литовцев, здесь проживают русские [староверы], татары, а до Второй мировой войны

значительный процент населения составляли евреи), во-вторых, серьезные изменения, которые регион претерпел после начала Второй мировой войны: гибель практически всего еврейского населения, ссылка в период 1939–1941 гг. и послевоенная депатриация значительной части поляков.

Истории поляков на данных территориях посвящено большое количество работ. Из наиболее значительных следует отметить исследования историков Ю. Бардаха, П. Эберхардта, А. Смалянчука, лингвистов В. Веренича, В. Чекмана, Л. Беднарчука, З. Курцовой, Х. Турской, Э. Смулковой, Х. Карась, А. Зелинской, И. Грэк-Пабисовой, И. Марыняковой, этнологов А. Энгелькинг и Ю. Страчук. В основном и белорусские, и польские ученые сходятся во мнении, что хотя и имела место миграция из этнически польских земель, сегодняшние поляки на этих землях — в основном полонизировавшиеся этнические белорусы и литовцы.

Процесс интенсивной полонизации высших слоев населения начался после заключения Люблинской унии (1569). Идентичность помещиков и богатой шляхты не была, однако, исключительно польской, осознание себя литвином являлось неотъемлемой ее составляющей. Невозможность описания идентичности этой социальной группы национальными категориями в современном их понимании выражается в определениях, которые используют для них польские историки (полоно-литвины, литвино-поляки, литвины-поляки, литвины, которые говорят по-польски) и белорусские историки (белорусские помещики-католики, польско-белорусские помещики).

Если говорить о полонизации части белорусского и литовского крестьянства, то большинство ученых считает, что хотя предпосылки к этому были и раньше, интенсивной она стала только во второй половине XIX в. и в значительной степени была реакцией на отмену церковной унии и начавшуюся русификацию. Часть униатов, вынужденная выбирать между католицизмом и православием, выбрала католицизм, что автоматически приблизило их к польской культуре, а неприятие проводимой жесткими методами русификации способствовало отождествлению себя с польскойнацией и формированию польского патриотизма. Такая картина, в целом верная, является, правда, несколько схематичной как раз потому, что описывает ситуацию в категориях культурного центра, тогда как на пограничье, говоря словами А. Садовского, «имеют место комбинации, состоящие из нескольких мотивов, пересекающиеся, создающие целостность плuriалистичную, а не состоящую из двух частей»².

Чтобы понять, каким образом формируются авто- и гетеростереотип поляка, следует сначала обратиться к вопросу об идентичности жителей пограничья и их представлениях о «своем» и «чужом».

Описание представлений местных поляков о самих себе как группе следовало бы начать с того, чем в их глазах является польскость, то есть с вопросов идентичности. Характерным для всех жителей польско-белорусско-литовского пограничья, независимо от декларируемой национальности, будет то, что основной для них является конфессиональная, а не национальная идентичность: чаще всего на вопрос о том, представители каких национальностей живут в данной деревне, мы получали ответ «православные и католики»; национальность часто отождествляется с вероисповеданием, например, бытуют такие определения, как «польская вера», «русская вера».

В XIX и первой половине XX в. гораздо более важной, чем национальная, являлась сословная идентичность, но послевоенная колективизация нивелировала сословные различия в деревне. Сословный фактор следует, однако, учитывать, если мы говорим о национальной идентичности и стереотипах, по следующим причинам.

Во-первых, иногда (хотя скорее редко) низкий социальный статус, по мнению информанта, исключает и его принадлежность к категориям городского образованного мира (а национальность в его глазах является именно такой категорией), и возможность вообще рассуждать о них по причине своей некомпетентности.

Во-вторых, важно учитывать шляхетское происхождение информанта, потому что оно, как правило, будет связано с более длительной семейной и исторической памятью, осознанным сохранением польской традиции. В крестьянских семьях память о предках практически никогда не выходит за рамки третьего поколения, в шляхетских — охватывает по крайней мере полувековой период. Обычно вспоминается участие в восстаниях 1830 и 1863 гг., последовавшая за этим конфискация имущества, ссылка в Сибирь непосредственно участвовавших в восстании родственников. Отличия будут прослеживаться в языке (исследователи польского периферийного диалекта как один из подтипов выделяют шляхетский вариант). Большую приверженность польскому языку у шляхты отмечают и наши информанты: «Яны па-польску гаварылі, заядла [то есть неизменно, упорно. — О. Г.] па-польску». Таким образом, можно отметить стереотип шляхты как более приверженной польской культуре.

В-третьих, сословное неравенство, принадлежность поляков к высшим и более состоятельным слоям населения послужили причи-

ной формирования негативного стереотипа поляка (польского пана), отголоски которого можно найти в белорусском фольклоре и который активно эксплуатировался как советской пропагандой, так и советской историографией, но который, что симптоматично, не был нами зафиксирован на польско-белорусско-литовском пограничье.

В ходе полевых исследований мы столкнулись как с традиционной крестьянской идентичностью, описанной А. Энгелькинг в категории «нация-вера» (полное их отождествление информантом)³ и Ю. Обрембским, который на примере белорусских полешуков показал отождествление крестьянами национальной принадлежности с существующей властью⁴, так и с национальной идентичностью в современных категориях.

Иногда информант интуитивно чувствует, что понимание польской в категории «нация-вера» не соответствует современному пониманию национальности, и тогда, чтобы показать свое отличие от этнических поляков, он вводит для них понятие «чистокровный поляк», как в следующем примере, когда рассказывает о своей службе в польской армии:

— ... і былі чыстакроўныя палякі і такія, як і я.

— А які вы паляк? Якая розніца?

— Ну мы пры Польшчы жылі да 39 году, тут жа Польша была, мы называліся палякі, мы па-польску ўмеем разгаварываць, толька не разгаварываем.

— А чыстакроўныя палякі — гэта якія?

— Чыстакроўныя палякі гэта ўжо... ну да 39 года... ну ўжо туды, дзе Варшава, там гэта чыстакроўныя, ну а Беларусь... яна ж была акупіравана да 39 года. Тут палякі жылі (С. Ш., 71 год, поляк, католик, д. Быстриковцы).

Независимо от того, является ли понимание национальности традиционным крестьянским или современным, в основе польской идентичности жителей польско-белорусско-литовского пограничья будет их католическое вероисповедание. Это объясняется, как мы уже отметили, тем, что вероисповедание вообще занимает центральное место в идентичности наших информантов, тем, что каналы трансляции польской культуры ограничены (а в особенности такой важный, как школа: образование на польском языке практически отсутствует), тем, что католицизм является важной составляющей польской идентичности не только на периферии, но и в центре, а также тем, что, как отмечают многие антропологи культуры, «кол-

лективные формы культа и выражения религиозных чувств делают религию важным элементом социальной и культурной жизни, она включается в повседневную реальность деревни, становится ее неотъемлемым аспектом. Поэтому различные формы социальной жизни, даже не связанные непосредственно с религиозной сферой, приобретают религиозные коннотации. Религия становится интегральным элементом локальной культуры»⁵.

Костел рассматривается как основной носитель польской, а перевод богослужения католической церкви в Беларусь с польского на белорусский язык воспринимался многими информантами болезненно. Главным образом неприятие было связано с тем, что эти изменения касались языка *sacrum*, но могли также восприниматься как наступление на польскость. По мнению одного из информантов, белорусизация костела может привести к тому, что постепенно католицизм в нем заменят на православие:

*Jeśli pa bielarusku będąc modlić sie^a, przyjdzie taki czas,
tedy popy przyjdą i będzie prawasławie, oni chcą, przekręcić sia
tak.*

[Если будем по-белорусски молиться, то придет такое время, что попы придут, и будет православие, они хотят, перевернутся так] (В. О., 75 лет, поляк, католик, д. Бучаны).

Значимость католицизма, тем не менее, сочетается с почти повсеместной толерантностью к другим конфессиям, причем представители этих конфессий перестают быть иными или чужими, о чем свидетельствует изменившееся отношение к межконфессиональным бракам. В довоенный период они хотя и имели место, но отношение к ним было негативным. Причина такого отношения могла заключаться не просто в том, что православные и староверы были для католиков иными (или чужими), но и в представлении о католицизме как о лучшей, более высокой по сравнению с другими конфессией. Долгий период, когда храмы были закрыты, сгладил остроту различий: межконфессиональные браки не вызывают осуждения, при их заключении не приходится менять вероисповедание, нередко при отсутствии в деревне храма соответствующей конфессии верующие ходят в храм другой конфессии, поют на похоронах представителей другого вероисповедания. Хотя некоторые наши информанты-поляки и рассказывали о том, что посещение церкви вызывает у них ощущение, что это нечто чужое для них, религиозные различия не становятся

причиной антагонизма и почвой для негативных стереотипов, на-против, часто подчеркивается, что Бог один.

В отличие от вероисповедания, сама вера в Бога, религиозность, напротив, является важным критерием оценки и создает основу стереотипа католика (часто отождествляемого с поляком) как более религиозного, знающего большее количество молитв и святых, которым нужно молиться, чаще появляющегося в храме по сравнению с представителями других конфессий.

Одной из составляющих идентичности является ощущение морального долга сохранения и передачи определенных ценностей и традиций. Для местных поляков сохранение польской в следующих поколениях — это католическое воспитание и прежде всего такие его внешние атрибуты, как знание молитв и первое причастие.

Важный аспект, который необходимо затронуть, говоря об идентичности, — это отношение к польскому и белорусскому государству. Наиболее типичным для жителей польско-белорусского-литовского пограничья независимо от национальности является следующее отношение к государству: к нему проявляют лояльность, но не отождествляют себя с ним. Такой способ мышления свойственен традиционной крестьянской ментальности, а события XX в. (смена границ, беспрецедентное насилие со стороны государства) только усилили ощущение наших информантов, что они никоим образом не могут повлиять на него, поэтому оно и не является в полной мере их государством. Сильная локальная и относительно слабая национальная идентичность обусловили то, что только немногие информанты рассуждают в категориях национального интереса и обладают тем, что исследователи называют «идеологической родиной», хотя единичные примеры и среди местных поляков, и среди местных белорусов можно найти.

То, что наши информанты-поляки не отождествляют или не в полной мере отождествляют, или только частично отождествляют себя с польским государством и всем польским народом, свидетельствует о том, что никто из них не мыслит о данных землях как о Кресах (т. е. пограничных землях польского государства); желание, чтобы здесь снова была Польша, вербализируется крайне редко, на-против — чаще всего информанты декларируют свою лояльность белорусскому государству:

— *Czy Pani czuje jakiś związek z Polską z powodu narodowości? Z Polską jako krajem?*

— *Nu czego, jak kraj, to czego tak... Nu, ale ja powiem otwarcie: jak kraj nu on... jak mu i Polacy, Polacy nu. A my... i ja nigdy nie zmienie, nie pojade z swojej Belarusi da konca dażyja.*

— **Czyli za swój kraj Pani uważa Białoruś?**

— Tak. Choć jestem Polką, no ja tut żyje... nu może ciężko teraz żyć, i wiadoma, wszystkie to wiedzą, że ciężko żyć. I mocna ciężko żyć, nu ale co zrobisz... Dzieci to może gdziekoliek i chcieli b, a ja... A dzie szukać...

[— **А вы чувствуете какую-нибудь связь с Польшей, потому что вы полька? Со страной?**

— Ну чего... как страна, то чего так... Ну я скажу прямо: как страна, так она... как ну поляки, поляки ну. А мы... я никогда не поменяю, не поеду из своей Беларуси, до конца доживу.

— **То есть своей страной вы считаете Беларусь?**

— Да. Хоть я полька, но я здесь живу... ну, может, тяжело сейчас жить, и известно, все это знают, что тяжело жить. И очень тяжело жить, но что ж ты поделаешь... Дети, может, и хотели бы, а я... А где искать...] (Х. М., 65 лет, полька, католичка, mestechko Видзы);

— *Białor'us jest nasza jak to sie mówi rodziną. Trzeba ją zaszczycz'ać.*

— **A co Pani uważa za swoją ojczyznę: Polskę czy Białoruś?**

— No, m'ileńka moja, Polska... ona już nie nasza. Ja za Bielar'us ide. Ja za Bielar'us ide, bo ja tu mieszkam i ja tu wyrosła. A tut zachodzili i Polacy, i Litewcy, i rozmaite, tak co ja będę za ich chorować, ja za Bielar'us!

[— Беларусь — это наша, как это говорится, родина. Нужно ее защищать.

— **А что Вы считаете своей родиной: Польшу или Беларусь?**

— Ну, миленькая моя, Польша... она уже не наша. Я за Беларусь. Я за Беларусь, потому что я здесь живу, я здесь выросла. А сюда приходили и поляки, и литовцы, и всякие разные, что я буду за них переживать, я за Беларусь] (Ю. П., 77 лет, полька, католичка, mestechko Видзы).

Второй пример также показывает особое понимание нашей информанткой категории «свои». Для нее поляки — жители Польской Республики — это «разные, которые сюда приходили», она себя ни-

коим образом не отождествляет с их национальными интересами: «что я тут буду за них переживать».

Об отношении к польскому государству, которое не осознавалось как собственное, свидетельствуют рассказы о депатриации, которая чаще была бегством от репрессий и колхозов, чем возвращением на родину. В следующем высказывании депатриация в Польшу отца информантки называется выездом за границу и сравнивается с его довоенной поездкой на заработки во Францию:

Kiedyści mama płakała, żeby do Polski wyjechał. Brat wyjeżdżał, trzeba było wyjeżdżać, a ojciec mówi: "Raz nia udąła się za granicą paź'yć, — mówi, — nie". A potem przyjeśli te kolchozy, poszedł, wybrał metryki: "Pojada da Polski, i wszystko". A tu wyjeżdżał sąsiad, mama mówi: "Siedź teraz! Dzieci jak naharawali się — ty zbierasz się da Polski jechać! Dzie ty teraz pajedziesz da Polski! Trzeba było od razu jechać da Polskaj". To wszystko mama narzekała, że od razu nie pojedzie do Polskaj. Wot dom po zastawili i pojechali wszystkie do Polski. I o brat mamy pojechał, połowa wsi pojechala da Polski. Tak mnie mama moja wszystko opowiadała. Mówi: "Wo jakie rozumne byli, a my durni zastali się". Teraz bach: u 50-ym ci 49-ym roku kolchozy porobili, ziemię padzbirali, wszystko padzbirali. Ojciec, wiadoma, jak mężczyzna, nie płakał, a jak już siostra moja przeżyła z mamą! Tak płakali!

[Когда-то мама плакала, чтобы в Польшу выехать. Брат выехал, нужно было выезжать, а отец говорит: «Раз не удалось за границей пожить, — говорит, — нет». А потом прижали эти колхозы, пошел, забрал метрики: «Поеду в Польшу, и все». А тут уезжал сосед, мама говорит: «Сиди теперь! Дети так нагоревались — ты собираешься в Польшу ехать! Куда ты теперь поедешь в Польшу! Нужно было сразу ехать в Польшу». Все мама жаловалась, что сразу не поехал в Польшу. А вот дом оставили и поехали все в Польшу. И мамин брат поехал, половина деревни поехала в Польшу. Так мне моя мама все рассказывала. Говорит: «Вот какие умные были, а мы, дураки, остались». Теперь бах — в 50 или 49 году колхозы сделали, землю поотбирали, все поотбирали. Отец, понятное дело, мужчина, не плакал, а как сестра моя переживала с мамой! Так плакали!] (Ч. О., 71 год, полька, католичка, д. Бучаны).

Интересным и неоднозначным является отношение наших информантов к смене границ. С одной стороны, тот факт, что данные

земли перестали быть частью Польши и вошли в состав Беларуси, чаще всего не рассматривается информантами-поляками как несправедливость и не вызывает энтузиазма у информантов-белорусов; говорится о том, что такая смена границ и государственной принадлежности характерна для данного региона (и не только для данного), кроме того, она никак от них не зависит, поэтому не может являться предметом обсуждения или дискуссии:

— *A co jest Pani ojczyzną? Jaki kraj?*

— *Polski...ojczyzna... nu tu była ż Polszcz...Polszcz była, teraz zabrali, zawiadzieli, to my ż niewinne, ot co zabrali, a tam Polakam dali tam niemieckiej ziemi, ile tam kraju odebrali <...>*

— *A Białoruś nie jest Pani ojczyzną?*

— *No jaka ojczyzna... Teraz Białoruś nazywa się. No wszystko jedno, my Polaki, ojczyzna nasza.*

— *A jeżeli by powiedzieć, co jest Pani stolicą, to co: to Warszawa czy Mińsk?*

— *Nasza stolica już Minsk, oblast Wiciebsk, a Warszawa już daleko, za granicą już liczy się.*

[— *А что является вашей родиной? Как страна?*

— *Польская... родина... ну тут же была Польша... Польша была, теперь забрали, завладели, то мы же не виноваты, что вот забрали, а там полякам дали часть немецкой земли, сколько там у страны забрали <...>*

— *А Беларусь является вашей родиной?*

— *Ну какая родина... Теперь Беларусь называется. Но все равно, мы поляки, родина наша.*

— *А если бы вас спросили, что является вашей столицей: Варшава или Минск?*

— *Наша столица Минск, область Витебск, а Варшава уже далеко, уже считается за границей] (Б. Г., 71 год, полька, католичка, местечко Видзы).*

Данный пример свидетельствует о том, насколько категории мышления информантки отличаются от тех, которые предлагает ей исследователь. Концепт «родина» (ojczyzna) является для нее непонятным, и она реагирует на него фразой «Ну какая родина... Теперь Беларусь называется. Но все равно мы поляки, родина наша», а когда исследователь спрашивает, какой из двух городов (Минск или Варшаву) она считает своей столицей, отвечает шаблонно-

канцелярской фразой: «Наша столица Минск, область Витебск», добавляя, что «Варшава уже далеко и считается за границей»⁶.

С одной стороны, информанты говорят о своей лояльности белорусскому государству, с другой стороны — о том, что смена государственной принадлежности не может повлиять на их идентичность. Такое отношение к белорусскому государству (неотождествление себя с ним, но демонстрирование по отношению к нему лояльности) будет характерно для местных белорусов, что сглаживает национальные различия и минимизирует вероятность национального антагонизма.

Следующий важный аспект для описания польской идентичности — культура. Наиболее значимыми для наших информантов являются те формы культуры, которые связаны с религиозной жизнью, т. е. прежде всего обряды и праздники. Основное различие между католиками и православными, которое они видят, заключается в разном времени празднования основных религиозных праздников (реже указывается на различные языки службы). Однако, как отмечают этнологи, в сфере обрядовости наблюдается далеко идущее взаимодействие и взаимопроникновение двух культур, потому что жизнь в рамках только одной культуры, незнание культуры соседа невозможна, так как это нарушало бы законы добрососедства, а в межэтнических браках вредило бы семейной жизни. Это взаимодействие и взаимопроникновение выражается в том, что жители полигэтнических деревень, как правило, не работают не только в свои праздники, но и в праздники другой конфессии, часто имеет место двойное участие в праздничной трапезе или обмен праздничным угощением, совместное колядование, участие (в том числе пение) в погребальных обрядах представителей другой конфессии⁷.

Язык, как правило, является одним из наиболее заметных факторов национальных отличий. На польско-белорусском пограничье мы, во-первых, имеем дело с многовековой традицией многоязычия (по крайней мере, пассивного, а как правило активного). На всех уровнях (от фонетического до синтаксического) и польского, и белорусского, и русского языка можно наблюдать явления интерференции, и исследователи говорят о конвергенции этих языковых систем на данном пограничье. Важно также отметить, что язык повседневного общения, во-первых, не является для информантов значимым фактором идентичности, а во-вторых, для многих наших информантов характерно убеждение, что они говорят на смешанном языке, правда, для белоруссоговорящих чаще, чем для польскоговорящих.

Общим будет также довольно индифферентное отношение к факту исчезновения родного языка из сферы повседневного общения: утрата родного языка в среднем и младшем поколении, как правило, не оценивается негативно.

Подводя итог рассуждениям об идентичности, следует сказать, что на польско-белорусско-литовском пограничье мы можем встретиться с различными типами польской идентичности: от чисто номинальной, основанной на отождествлении вероисповедания и национальной принадлежности, до сильной, важной для информанта польской национальной идентичности, которая эмоционально окрашена, проецируется на сферу повседневной практики и аксиологии, вызывает готовность ее защищать. Такое разнообразие объясняется как социокультурными факторами (семейной традицией и традицией конкретной деревни, в том числе ее моно- или полинациональностью, поездками в Польшу), так и индивидуальными особенностями информанта (открытость, восприимчивость, эмпатия, пытливость, подверженность влиянию, интеллектуальный уровень). Стоит, однако, отметить две закономерности, которые на первый взгляд могут показаться парадоксальными, но которые, по-видимому, можно наблюдать и на других пограничьях. Первая состоит в том, что информантов с сильной польской национальной идентичностью с большей долей вероятности можно встретить не в тех деревнях, где польское население составляет большинство и которые представляют собой целый пояс, а в деревнях, где поляки окружены соседями, которые не чувствуют себя связанными с польской традицией, не говорят по-польски или вообще декларируют белорусскую национальную принадлежность. В нашем исследовании в Браславском р-не два информанта с наиболее сильным, важным для них и эмоционально переживаемым польским национальным самосознанием проживали в деревнях, где поляки были меньшинством, деревни эти были окружены белорусскими деревнями. В. О., чья польскость носила нетипично воинственный для данного региона характер, проявляющийся в высказываниях: «*Polak... ten, który za Polskę walczył, za Polską i dziś mówi za Polskę, nie trzeba tut nijkich tut Białorusów*» [«Поляк... тот, кто за Польшу сражался, за Польшу, и сегодня говорит за Польшу, не надо здесь никаких белорусов»] (В. О., 75 лет, поляк, католик, д. Бучаны), проживает в регионе, который самими жителями осознается как особый, называется ими обобщенно *Каз'янчицына*; здесь белорусское национальное самосознание и движение были особенно сильны в межвоенный период и во время немецкой оккупации, а следовательно,

сильнее была и нелояльность к польскому государству. Проживание среди людей с другим национальным самосознанием делает для информанта вопрос идентичности более важным, создает больше ситуаций, когда эту идентичность приходится декларировать, делает ее предметом рефлексии и эмоционального переживания, вызывает желание в случае необходимости отстаивать и защищать. В интервью В. О. многократно обращался к аргументам и приводил примеры того, что поляки хорошие и что они правы. Кроме того, он один из немногих информантов, у которого идентичность, привязанность к родине связывается с представлением о какой-либо активности («поляк... тот, который за Польшу сражался, за Польшу»).

Подобную закономерность, когда национализм (и готовность к активным действиям в его защиту) более силен на периферии, в инокультурном окружении, чем в центре, отмечает американский журналист Роберт Д. Каплан в своей книге о Балканах, говоря об австрийско-славянском и сербско-хорватско-боснийском пограничье: «Чем плотнее мы приближаемся к восточным или южным границам немецкоязычного мира — а иными словами, приближаемся к зловещему и более многочисленному славянству — тем более агрессивным и опасным становится немецкий национализм»⁸; «Так же как хорваты были больше привержены западному католицизму, чем австрийцы или итальянцы (именно по причине вынужденного соседства с православными сербами и мусульманами), так хорваты в Боснии, которые проживали в тех же самых горах и с православными сербами, и с мусульманами — были привержены своей хорватской больше, чем хорваты из этнической Хорватии, которые могли ощущать психологический комфорт от того, что их соседями были представители одной с ними национальности»⁹.

Второй закономерностью, тоже на первый взгляд странной, но тоже вполне объяснимой, является то, что польская идентичность может быть более значимой аксиологически и эмоционально в том случае, если она усвоена не с молоком матери в моноэтничной семье, а воспринята в более сознательном возрасте. В качестве сравнения можно привести рассказчиц М. В., которой принадлежит высказывание о том, что она никогда не считала ни Минск, ни Москву своей столицей, а только Варшаву, и что душой она в Польше, и Х. М., высказывания которой о польскойности носят спокойный безэмоциональный характер, причем иногда в них проскальзывают слова, сигнализирующие неуверенность («ну если так взять в общем смысле», «мы и сами, правду сказать, не знаем»):

Tak widzicie jak... Ja nie wiem, jak u jich, no moji rodzicy, wszystkie siostry, i ja, i wszystkie, wiele jest, i brat, i wszystkie, nu cała rodzina nasza, nu jeśli wziąć tak w obszczem smyśle, nu predki i pre^adpredki cała życie rozmawiali pa polsku. To kiedyś tu... może tu i Niemcy byli, może^a tu i Polska była tut, my to już długa ist'oryja, tut mówić, i my sami nie wiemy po prawdy powiedziawszy, ale że w domu... jak kiedyście było to strasznie, to kanieszno wszystkie mówili pa rusku na robocie, a jak tego wo już w domu, wszystkie mówili pu polsku i nas.

[*Ну видите как... Я не знаю, как у них, но мои родители, все сестры, и я, и все, многие, и брат, и все, ну вся семья наша, ну если взять так в общем смысле, ну предки и предпредки всю жизнь говорили по-польски. Это когда-то тут... может тут и немцы были, может Польша была тут, мы... это долгая история тут говорить, и мы сами не знаем, правду сказать, но дома... как когда-то это страшно было, то, конечно, все говорили по-русски на работе, а как уже дома, все говорили у нас по-польски]* (Х. М., 65 лет, полька, католичка, местечко Видзы).

Х. М., родившаяся в семье, где оба родителя поляки (правда, мать, по ее словам, была из белорусскоязычной семьи), и проживающая в Видзах, где поляки составляют значительную часть населения, с детства говорившая по-польски в семейном и соседском кругу, восприняла польскую идентичность безрефлексивно, и поэтому польскость является для нее чем-то настолько естественным, что не вызывает сильных эмоций.

Высказывания М. В. о своей идентичности более чем определены, в разговоре с ней мы не встретимся со словами «в общем смысле» или «я не знаю», потому что она уверена и точно знает. М. В. проживает в д. Заплющина, где сильной польской традиции, по-видимому, никогда не существовало. Родители и бабушки с дедушками, по ее словам, между собой говорили по-белорусски, с соседями она также говорит по-белорусски. В приобретении М. В. польской идентичности ключевую роль сыграли школа и деятельность в католических организациях:

Bardzo dobrze nauczyciele byli. Tak nas wychowali patriotycznie, że ja to wszystko pamiętam i dziś. Tyle, znaczy, tak umieli wpojić to dziecko, że gotowa byłam umrzeć za Polskę, znaczy, ot tak

umieli przekonać. <...> potem wysłali mnie na kurs do Wilna Akcji Katolickiej tam już było przy kurii biskupiej. Ten kurs trwał dwa — trzy miesiące. <...> ja skorzystałam z tego bardzo dużo i przyjechałam z tego kursu już ja zupełnie inaczej patrzyłam na świat i na to wszystko. I tak mnie nauczyli, że ja gotów życie była oddać była za kościół, za Akcję Katolicką, za to wszystko.

[Очень хорошие учителя были. Так они нас патриотично воспитали, что я все это и сегодня помню. Так они умели привить ребенку, что готова была умереть за Польшу, значит, вот так они умели убедить. <...> потом меня выслали на курсы в Вильнюс Католического Действия (*Akcji Katolickiej*), там это было при епископской курии. Эти курсы были два-три месяца <...> и там было много полезного, и я приехала с этих курсов, я уже совсем по-другому смотрела на мир и на все. И так меня научили, что готова жизнь была отдать за костел, за Католическое Действие, за все это] (М. В., около 80 лет, поляка, католичка, д. Заплющина).

Подобную закономерность (национальная идентичность сильнее, когда воспринята не в моноэтничной семье, а является результатом сознательного выбора), но уже относительно белорусской идентичности, отметил П. Васюченко: «Бросается в глаза, что самые яростные белорусские националисты — полукровки или квартероны»¹⁰.

Переходя к тому, как наши информанты представляют категорию «свой—чужой», следует сказать, что традиционная категоризация в терминах «свой—чужой» не описывает в полной мере восприятия других людей на пограничье, поэтому некоторые исследователи, например О. Шаталова, считают необходимым введение третьей категории: «иной»¹¹. Для наших информантов односельчанин или житель соседней деревни другой национальности не будет «чужим», он будет «своим иным», тогда как «чужим» может быть человек, декларирующий ту же национальную принадлежность, но приехавший из другой части страны, для местных поляков — поляк из Польской Республики. Показателен в этом смысле пример упоминавшегося уже В. О. из д. Бучаны, для которого польская идентичность является чрезвычайно важной и постоянно им подчеркивается. Рассказывая о том, что в межвоенный период на картонной фабрике, располагавшейся в близлежащей д. Плетарово, работали поляки из этнической Польши, он употребляет этноним «полячок», а затем лексему «вар-

шавяк», показывая таким образом, что эти рабочие были не местными, то есть «иными»:

Byli z Warszawy. Chłopcy. Taki kolega był taki u naszych i te chłopcy przychodzili oni z Warszawy przyjechauszy, Połaczki takija byli. Dyk tam pabili tych warszawiaków tyja Niemcy.

[Они были из Варшавы. Парни. Такой знакомый был, и эти наши парни приходили, они из Варшавы приехали, полячки такие были. Так там убили немцы этих варшавяков] (В. О., 75 лет, поляк, католик, д. Бучаны).

Он же вспоминает о своей поездке в Польшу и пограничника, который не хотел пропустить его по чьей-то протекции через границу без очереди, ссылаясь в разговоре по телефону на то, что у того большая сумка и он плохо говорит по-польски. Эмоционально про-комментировав сомнения в его польскости, информант завершил рассказ об инциденте на границе словами: «Ja większy Polak jak on, a on mnie jeszcze gada! Wo tabi'e i pujdż do_a_ic! Jon kamunistam musi!» («Я больше поляк, чем он, а он мне будет тут говорить! Вот и иди к ним! Он коммунист, наверное!»). «Коммунист» в данном случае и является вербальной реализацией концепта «чужой» и никоим образом не характеризует политические взгляды пограничника. Это подтверждается тем, что, рассказывая о своих односельчанах, которые в польско-большевистской войне сражались на стороне большевиков, а в 1939 г. после прихода Красной Армии радостно распевали «Катюшу», он не называет их коммунистами или советскими, что было бы логично в данной ситуации, а называет их глупыми людьми; при этом они в его представлении по-прежнему остаются поляками, то есть «своими».

Упомянутый информант был не единственным, для кого слова «советский», «коммунист» были синонимами «чужой» или «вредный». Представление о чуждости и вредности коммунистического зафиксировалось в лексемах *komuniastka*, *komsomolka*, которые используются для номинации одного из сорняков. Можно встретиться с дилеммой «местный — советский», причем советский является чужим, потому что не вписывается в локальное коммуникативное сообщество (польский термин *wspólnota komunikatywna*):

To ona tutejsza, a on sawiecki, muż jej'o. Ona miejscowa, on sawiecki. <...> I ot zobaczysz kiedy idzie sawiecki, oni spatykają

sie sawiecki sy sawieckim. O, u nich razmowa idzie. A u nas nie klei sie. Nam nie ma o co z nimi mówić. <...> Ot tam dom Senk'ouskaha, została żona. On zmarł, żona sawiecka.

[Вот она местная, а он советский, муж ее. Она местная, он советский <...> И вот видишь, когда идет советский, они встречаются советский с советским. Вот, у них разговор идет. А у нас не идет. Нам не о чем с ними говорить <...> Вот там дом Сеньковского, осталась жена. Он умер, жена советская] (С. П., около 60 лет, полька, католичка, г. Браслав).

Поскольку основным компонентом в идентичности наших информантов является вероисповедание, которое зачастую отождествляется с национальностью, то можно предположить, что как раз религиозные отличия могли бы стать основой для деления на «своих–чужих» и формирования стереотипов поляка-католика, белоруса-православного и, таким образом, создавать почву для возможного антагонизма. На самом деле этого не происходит. Одной из причин являются межконфессиональные браки, которые делают представителя другой конфессии «своим» и сглаживаю или даже стирают различия, как у следующего информанта, который сам из смешанной семьи, где мать католичка, отец православный, сам он женат на католичке:

— *А вы лічыце [считаете. — О. Г.] сябе праваслаўным ці католікам?*

— Я как прыдзеца гзе. Гдзе нада праваслаўны, гдзе нада католік. <...> А цяпер жа пачасці як унія, як даўней называлася. Ксёндз мог прыхадзіць да праваслаўнага, баюшка да каталіка мог спавядыць. Такая была унія кагда-то. I цяпер прыходзіць такое, і цяпер можна. <...>

— *А лепш было б, калі б унія засталася?*

— А яна ўжо цяпер варочаецца. Я точна паняў (М. А., 79 лет, православный, белорус, местечко Видзы).

Во-вторых, деление людей на различные конфессии рассматривается как естественное, санкционированное Богом, существующее с незапамятных времен:

У нас мяшанства [смешанность. — О. Г.] выходзіць з прыроды (М. А., 79 лет, православный, белорус, местечко Видзы);

My żywiom us'e miaszanyja, us'e charoszyja
[Мы живем все смешанные, все хорошие] (Б. Г., 71 год, полька, католичка, местечко Видзы).

Большую роль в том, что односельчане другой веры или национальности воспринимаются как свои, играет общая аксиологическая система. Проявляется она в признании важными или неважными одних и тех же ценностей, общности системы оценки, реакций и моделей поведения.

Таким образом, категоризация «свой–чужой» в сознании наших информантов происходит на основании критерия локального, а не национального или конфессионального.

Говоря и об авто-, и о гетеростереотипе поляка, прежде всего стоит отметить их слабое проявление по причинам, которые были перечислены выше: национальность является менее важной для идентичности категорией, чем конфессиональная и социальная составляющие, интенсивность контактов дает возможность смотреть на соседей не категориально, а персонально, особым образом понимается категория «свой–чужой». Общность жизненных приоритетов и ценностей, уровня жизни и повседневной практики, т. е. основных, с точки зрения наших информантов, социальных параметров, делает в их глазах незначительными различия между представителями разных вероисповеданий и национальностей на пограничье, и, таким образом, препятствует формированию выразительных стереотипов. На вопрос о том, какие поляки люди и чем они отличаются от других, часто мы получали ответ, что все люди одинаково хорошие независимо от национальности и что среди поляков тоже есть разные люди. Если информант видел различия, то, прежде всего, они заключались в том, что у поляков другая вера, они в другое время празднуют праздники, на другом языке идет служба в храме, иногда отмечалось, что они более религиозные. Зафиксирован был также стереотип: поляки — носители более высокой, престижной в сравнении с белорусской культуры, польский язык — более красивый и престижный, чем белорусский, но тот язык, на котором говорят они, имеет большое количество белорусских элементов, он «смешанный», «przybity do białoruskiego» («прибитый к белорусскому»).

Информанты-белорусы, как правило, отмечают, что местные поляки — «свои». Эта близость во всех проявлениях культуры, образа жизни и ментальности может проявляться в заявлениях о том, что «точных полякаў тут німа». Отмечают также их различную сте-

пень привязанности к польской культуре и языку, выделяя тех, у кого польская национальная идентичность сильнее и которые говорят по-польски, в категорию «закаянных поляков» (закаянnyй ‘твердый в своих убеждениях’). Язык, который обычно является наиболее ярким маркером «чужого», не является фактором, отличающим местных поляков от других, потому что те не только хорошо говорят по-белорусски, но часто плохо и с ошибками говорят по-польски. Их белорусские соседи приводят различные примеры услышанных у них смешных контаминаций. Можно, таким образом, говорить о стереотипе местного поляка как поляка, плохо и неправильно говорящего по-польски.

Слабая выраженность национальных стереотипов на границе свидетельствует об особом понимании различий. Различия не создают границы между людьми, не делят их на «своих» и «чужих»: «В таком типе соседства различие — культурное, религиозное — становится внутренней категорией этого мира, а не границей, разделяющей два этих мира. Именно это создает условия для “создания культурной амальгамы”, которая является характерной чертой культуры пограничья»¹². Различия осознаются как нечто естественное, более того, они ставят человека выше на эволюционной лестнице. Так, знание только одного языка является для человека недостаточным: один язык дан животному, а у людей языков много:

Я не вінавата, што яны як авечкі адзін язык умеюць толька (Б. Г., 71 год, полька, католичка, местечко Видзы);

Mojego męża mama rozmawiała na pięciu językach, mnie mówiąła: "D'oczeńka, ucz swoich dzieci rozmawiać różnie. Tylko u krowy jeden język i u konia jeden język, a człowiekowi Pan Bóg dał rozum niezmierny".

[*Мама моего мужа говорила на пяти языках, она мне говорила: «Доченька, учи своих детей говорить по-разному. Только у коровы один язык и у лошади один язык, а человеку Господь Бог дал разум неизмеримый»*] (А. М., 87 лет, полька, католичка, д. Анисимовичи).

Такое отношение к различиям, характерное для пограничья, периферии, поддерживается белорусской культурной традицией в центре и не создает предпосылок к тому, чтобы оттуда проникали какие-то глубоко укорененные национальные стереотипы. Для белорусского философско-исторического дискурса характерно понимание Беларуси как перекрестка культур, стыка цивилизаций. Некоторые

исследователи говорят о том, что вся Беларусь является пограничью, которое характеризуется транскультурностью, легкостью в смене культурных парадигм: «Когда в конце 1588 года “подканцелярий” Великого княжества литовского Лев Сапега написал во вступительном слове к Статуту (Обращение ко всем сословиям), что мы “не обычным языком, але своим власным права списаныя маем”, вряд ли он мог представить себе, что меньше чем через столетие большинство граждан ВКЛ будут читать “списаныя права” именно на “обычым (т. е. польском) языке”. <...> Когда в середине XIX века Мицкевич уже немного иронично утверждал в EXEGI MONUMENTUM AERE PERENNIS... что “*Mnie w Nowogródku, mnie w Mińsku czyta młodzież*”, и дальше, более героично, “*mimo carskich groźb, na złość strażnikom cel, Przemyca w Litwie Żyd tomiki moich dzieł*”, — он также не мог себе представить, что через столетие евреям будет не до его книг, а томики его произведений будут читаться в Минске и Новогрудке главным образом в переводах. Когда реализовывалась советская модернизация и задумывался советский народ как более высокая форма общности, вряд ли кто-то мог себе представить, что в конце семидесятых целое поколение белорусов, воспитанных на русском языке, в русских школах и на образцах великой российской культуры, неожиданно пойдет в белорусский национализм, причем в самом культур-радикальном его варианте, меняя — неожиданно и сразу — язык, ментальность, культурную идентичность и geopolитические ориентации — как свои собственные, так и новоприобретенной традиции»¹³. Все это создает феномен различных пограничий Беларуси как наименее конфликтогенных в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Материалом для данной статьи послужили интервью, записанные в 1997–2007 гг. в Браславском р-не Витебской обл. Беларуси в рамках социолингвистического проекта под руководством профессора Варшавского университета Э. Смульковой, финансированного Фондом Ланцкороньских. Нашиими информантами являлись жители деревень и местечек, которые всю жизнь проработали в сельском хозяйстве (до конца 1940-х гг. на собственной земле, а потом в колхозе). Польские цитаты даются с переводом на русский язык.
- 2 Sadowski A. Pogranicze polsko-białoruskie. Tożsamość mieszkańców. Białystok, 1995. S. 11.

- 3 Engelking A. «Нация» и «национальность» как категории идентификации и тощамости жителей деревни на востоке Беларуси // Пограничья Беларусь в перспективе интердисциплинарной. Warszawa, 2007. S. 211.
- 4 Obrębski J. Dzisiejsi ludzie Polesia i inne eseje. Warszawa, 2007. S. 307–308.
- 5 Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław, 2006. S. 89.
- 6 Нерелевантность категорий извне может приводить к ситуации, когда информант соглашается с любой предложенной ему идентичностью. Такая позиция называется С. Оссовским «номинализмом», и один из наиболее ярких ее примеров записан в районе польского Подгаля: «Горцем я буду всегда, но во времена Австрии меня записывали австрийцем, во времена Польши — поляком, а сейчас, когда существует губерния (Генеральное Губернаторство во времена немецкой оккупации. — О. Г.), запишите меня губернатором» (Ossowski S. Dzieła. Warszawa, 1957. T. 3. S. 291).
- 7 Более подробно см.: Straczuk J. Cmentarz i stół...
- 8 Kaplan R. D. Bałkańskie upiory. Podróż przez historię / Przekład J. Ruszkowskiego. Wołowiec, 2010. S. 27–28.
- 9 Ibid. C. 64.
- 10 Васюченка П. Беларус вычыма беларуса. Беларус міфалагізаваны, гістарычны, рэальны // ARCHE. 2004. № 4 (цит. по электронной версии издания).
- 11 Shatalava V. National Identity and History of Belarusians in the light of Oral History Researches // Erinnerungen nach der Wende. Oral History und (Post)sozialistische Gesellschaften. Remembering after the Fall of Communism. Oral History and (post)socialist societies. Essen, 2009.
- 12 Straczuk J. Cmentarz i stół... S. 32.
- 13 Бабкоў I. Карапеўства Беларусь. Вытлумачэнні ру[і]наў. Менск, 2005. С. 118–119.

Gushcheva O. I.

To the Question of Auto- and Geterostereotypes of Pole at the Border
of Poland, Byelorussia and Lithuanian

The article deals with the reasons of feeble manifestation of the stereotype of Pole at the border of Poland and Byelorussia, their dependence on such categories of identity as national, confessional and social ones. Key words: *border region, cultural anthropology, identity, ethnic cultural stereotypes*.

Л. Л. Щавинская
(Москва)

«Kantyczka» 1914 г.
в истории народной литературы белорусов*

Белорусская латинографичная Kantyczka 1914 г. является своеобразным синтезом польскоязычной кантычковой традиции и сугубо белорусских ее дополнений. Она представляет первостепенный интерес для белорусской филологии, культурологии и теологии.

Ключевые слова: *белорусоведение, народная литература, христианская культура XX в., кантычка*.

Столица одного из крупнейших некогда государств Европы — Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, Вильна (Вильнюс), всегда была своего рода культурным и литературным Вавилоном, перекрестком различных духовных традиций, прежде всего православного Востока и католического Запада. Вильна вошла в историю культур многих народов, стала центром их взаимопроникновения и взаимообогащения. Именно Вильну следует назвать центральной точкой сложения некоей во многом «единой» культуры Великого княжества Литовского, детальное изучение которой еще впереди. Это даст возможность полнее определить роль Вильны в судьбе многих народов: литовцев, белорусов, евреев, поляков, русских, украинцев, жизнь которых протекала в этом городе и в Великом княжестве Литовском. Это был центр многих культур и вместе с тем средоточие некоей «единой» культуры¹. Здесь, в Вильне, вслед за Прагой, доктором Ф. Скориною была продолжена в начале 1520-х гг. его книгоиздательская и литературная деятельность². В Вильне им были изданы 22 кириллографические книги на церковнославянском и белорусском литературном языке того времени. Это были библейские тексты, в том числе новозаветные тексты для частнобогослужебной практики, подготовленные и отредактированные Ф. Скориною, а также его собственные авторские произведения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Белорусско-украинская народная книжность XX–XXI вв.: православный “Богогласник” (Исследование и публикации)», проект № 08-04-00027а.

Именно книгопечатание способствовало тогда постепенному сложению качественно новой по своей структурной сути литературы, абсолютно новой системы ее рецепции. Литература стала печатной, широко доступной, быстро распространяемой. Вильна оказывается средоточием литературной жизни Великого княжества Литовского. Она притягивала писателей и ученых, здесь работало самое большое в Великом княжестве Литовском число типографий³. Здесь были ведомы произведения писателей многих стран Европы от античности и до современности, народов Востока, развивалась собственная литература даже тех меньшинств, которые были весьма немногочисленны. Несомненно, что некоторые из этих меньшинств через своих собратьев, живущих за пределами государства или же в метрополии, могли знакомиться с культурной жизнью самых различных уголков Европы, порой даже активно участвовать в литературном процессе, стержень которого находился вне границ Великого княжества Литовского. Это можно сказать о греках, турках, армянах, татарамах, немцах и особенно евреях, нашедших в княжестве и его столице самое надежное прибежище.

Именно здесь образовались первые белорусские братства, из среды которых вышло немало литераторов, организаторов собственных издательских центров, многочисленных школ и училищ. Вильна стала центром белорусского книгоиздания. К примеру, православный литературный и издательский центр в Вильне, основанный знаменитыми белорусскими купцами Мамоничами, оказал огромное воздействие на развитие не только многих славянских литератур, но и на культурную и даже политическую жизнь ряда стран, прежде всего России и, конечно же, Речи Посполитой. Дом Мамоничей имел чрезвычайно широкие связи общеевропейского масштаба с преимущественной ориентацией на православные регионы: в Москве, например, у них было свое постоянное представительство⁴. Литература, увидевшая свет благодаря деятельности этого центра, явилась одним из высших достижений в белорусской культуре вообще. Ее авторы внесли в развитие старобелорусской литературы очень мощный импульс, сила действия которого ощущалась затем на протяжении столетий, вплоть до национального возрождения XIX–XX вв.

В литературном пространстве Вильны, ее близких и дальних окрестностей, на протяжении всего времени особое внимание привлекает паралитургический корпус белорусской литературы и книжности. Без преувеличения, это самый массовый ее вид, существующий в печатной, рукописной и устной формах. Всенародная

признанность эта идет, что называется, из веков. По крайней мере мы располагаем сведениями на этот счет начиная с XVII в. Самыми популярными и наиболее часто встречающимися из числа паралитургических произведений являются различного рода кантычки.

Кантычки — сборники стихотворных текстов религиозного содержания — по сей день имеют широкое распространение как в Литве, так и в Белоруссии. Традиция их создания и бытования насчитывает уже несколько столетий. Наши наблюдения позволяют говорить о формировании особой кантычковой культуры на белорусских землях уже в XVIII столетии. Творцами этой культуры были в основном католики и униаты, отчасти православные.

Польскоязычные кантычки восточнославянского происхождения появляются довольно рано, первые, возможно, уже в XVII в. Среди их сочинителей выделяются авторы из числа образованных базилиан, отдельные произведения которых в конце концов стали достоянием и римско-католиков. Одним из древнейших и крупнейших литературно-издательских центров белорусской кантычковой культуры стал Супрасль, Супрасльский Благовещенский монастырь с его многовековой литературной школой⁵. Супрасль, дав наиболее ранние примеры белорусского польскоязычного кантычкового творчества, способствовал распространению подобных произведений в XVIII — начале XIX в. в огромных по тем временам количествах⁶.

В свое время еще А. Мицкевич отмечал огромную роль кантычек в духовной жизни родного его края, в развитии народной культуры и поэтического творчества в самых разных слоях населения. Сам А. Мицкевич познакомился с кантычками в раннем детстве, полюбил их, что ярко отразилось в его теоретических писаниях, университетских лекциях, а главное — в его поэзии. Не случайно Мицкевича всегда так интересовали кантычки — «сборник мало известный теоретикам, мало используемый поэтами, весьма важный для истории и национальной поэзии»⁷. Вероятно, поэта следует считать первым светским ученым — исследователем кантычек⁸. Выполняя своего рода завет отца, сын А. Мицкевича Владислав, его верный духовный наследник, биограф, издатель и популяризатор, выпускает в 1868 г. в своей знаменитой серии «Biblioteka Ludowa Polska» четыре изящных томика собрания кантычек с предисловием великого поэта.

В начале XX в. Вильна становится одним из центров белорусского национального движения: «...ý kancy proszlaha staleścia zawaruszylasia nasza białaruskaja moładz, katoraja wuczycza pa haradach Rasiei i za hranicaj ý wyszejszych szkołach. Ūsiudy paczała zajmacca

sprawaj biełaruskaj. Jana dumaje wydawać knižki ū mowie białoruskaj, kab aświacić swajho brata z sieľa, kab nawuczyć jaho czamu dobramu.

Pisze niekoliki broszurak, malenkije twory a ūžo ū paczatkach hetaha stalečcia paczynaje sama bolsz arhanizawacca i zakladaje ū 1902 hodu supołku biełaruskaj aświetły. U 1903–4 hodach wydaje dźwie knižki “Kaladnaja czytanka” i “Wialikodnaja czytanka”⁹.

С 1906 г. в Вильне начинает выходить первая белорусская газета «Наша доля», а затем — «Наша Ніва», издававшаяся здесь вплоть до 1915 г. «Наша Ніва» выпускает различные белорусские книги, календари. В 1913 г. в Вильне организуется «Беларускае Выдавецкае таварыства», которое сразу активно приступило к выпуску белорусских изданий. В 1914 г. «Беларускае Выдавецкае Таварыства» в Вильне, секретарем которого был Янка Купала, издает небольшой томик «Kantyczka abo sabranie nabožnych piesieň dla užytku katalikou biełarusow»¹⁰. Это был белорусоязычный латинографический стихотворный сборник, на непосредственное участие в создании которого Я. Купалы указывает А. Климович, что пока может считаться лишь предположением.

Виленская латинографичная белорусская «Kantyczka» 1914 г. является своеобразным синтезом польскоязычной кантычковой традиции и сугубо белорусских ее дополнений. Не исключено, что выход ее в свет был в определенной степени подготовлен деятельностью земляка О. Милоша католического епископа Стефана Денисевича (1836–1913), инициатора издания белорусскоязычной литературы католиков. Собственно этот сборник — избранная сокращенная кантычка, в составе которой двадцать наиболее популярных в белорусском народе того времени песнопений, преимущественно переведенных с польского языка на белорусский.

Весьма интересным представляется репертуарный состав этого сборника. Открывается «Kantyczka» 1914 г. двумя стихотворениями — «Raničnaja piešnia» и «Wiačornaja piešnia», являющимися своеобразным белорусскоязычным переводом стихов Ф. Карпинского «Pieśń poranna» и «Pieśń wieczorna», издавна любимых простым народом¹¹.

Из сборника «Kantyczka» 1914 г.	<i>Karpiński F. Pieśni nabożne. Supraśl, 1792</i>
Raničnaja piešnia Ranny świt jak čuć zajmiecca, I na świecie ūsio pračniecca,	Pieśń poranna Kiedy ranne wstaią żortze, tobie ziemia. Tobie może,

Ūsio na ziamli i na mory, Ūsio źywoje ū ſwiet — prastory, Pieſni ſwaje zaſpiewaje, Tabie chwału addawaje. Čeławek, ſto rozum maje, Dy i bolej Boha znaje, Chaj Cie za ūſich bolej chwalić, Swaim ſpiewam Ciabie ſlawić! Zo ſnu čuć praciory ſwočy, Addajusia Božaj mocys. Nawiertajuś k Bohu ū Niebi. I ſukaju naukruh ſiabie, Kab Cie, Boże, prywitatci, Čeſć i chwału Tabie daci. Šmat ſiahońia nie uſtało, Što ſia ūčora ſpací kłało, My-ž jeſče ſia prabudzili, Kab Ciabie, Boże, chwalili. (S. 3–4)	Tobie ſpiewa źywioł wszełki, Bądź pochwalon Boże wielki! A człowiek który bez miary Obsypany twemi dary, Coś go stworzył i ocalił, A czemuż by cię niechwalil Ledwie oczy przetrzeć zdolał, Wnet do mego Pana wołam, Do mego Boga na Niebie, Y ſzukam go kolo ſiebie! Wielu, ſnem ſmierci upadli, Co się wczora spać pokladli, My się ieszcze obudziли, Byśmy Cię Boże chwalili. (S. 1–2)
Wiačornaja piešnia Usie dzienny naſy sprawy Pryjmi łaskawa, Bože prawy! Nichaj ſlawić, jak chto može, Ciabie, wyšni dobry Bože! Choć palažem my ūžo ſpací, Snom Cia budziem wychwalaci. Ty ſwaje łaskawy wočy, Na ūwieś biedny lud rabočy Abiarni, mahučy Panie, Chaj zdaroū ūſiak uſtanie! Adwiarni načny pryhody, Kryj nas ad ūſielakaj ſkody, Daj nam krepku ū Ciabie wieru, I ū ūžadańiach naſzych mieru! Zbaū nas, Bože, ad niawoli, Uradžaj daj nam u poli; Nie kidaj — že nas u wieki, Bože, biez twajej apieki; Wybyčaj nam naſu ſlabaść I znatuj nam wiečnu radaść. (S. 4–5)	Pieśń wieczorna Wszystkie nasze dzienne sprawy, Przymi litośnie Boże prawy, A gdy będącim zasypiali, Niech cię nawet ſen naſz chwali, Twoie oczy obrócone, Dzień y noc patrzą wtę stronę, Gdzie niedołączność człowieka Twoiego ratunku czeka! Odwracaj nocne przygody, Od wszel kiey broń naſ szkody, Miey naſ wiecznie w twoiej pieczy, Stróżu y Sędzio Człowieczy. (S. 83–84)

Ф. Карпинский был одним из любимейших поэтов А. Мицкевича, оказал на него огромное влияние и, как кажется, невольно стал ранней путеводной звездой для пророка польского романтизма¹². Мицкевич называет Карпинского «поэтом своего времени и своего народа, ибо в его поэзии оживали характер и нравы земляков»¹³. Карпинский во всем свой, народный, и потому его творчество признано и шляхтичами, и простым людом. Люд настолько полюбил его песни, что «до сих пор повторяет их в костелах»¹⁴. Тут Мицкевич называет эти песни не «набожными», то есть «благоговейными», а «побожными»¹⁵, что на русский язык скорее можно перевести как «благочестивые». Мицкевич писал о Карпинском как о великом религиозном поэте, который «один только избрал известный тон молитвы и потому имел великое счастье быть принятым простым людом»¹⁶. «Еще при его жизни во всех деревенских костелах католической Польши пелись его набожные песни, полные простоты и чувства»¹⁷. Карпинский «остался в душе с простым народом»¹⁸. В ходе наших многолетних экспедиций мы постоянно отмечали факты широчайшего современного бытования духовной поэзии Карпинского в народной среде. «Набожные песни» Карпинского поют в костеле и вне его стен, крестьяне и жители городов. Безусловно, произведения Карпинского стали классическими уже в XIX столетии, правда, имени автора не знает практически никто из тех, кто сейчас в той или иной обстановке исполняет его произведения.

В «Kantyczku» 1914 г. включена также популярнейшая в народной среде «Pieśń da świątoha Mikałaja» (S. 40–42).

«A chto, chto Mikałaja lubić,
 A chto, chto wierna jamu służyć,
 Tamu zaūsiody świąty pamahaje,
 Ad Boha łaski jon wymalaje
 Mikałaju!
 A chto, chto da jaho uciekaję,
 Jaho na pomač pryklikaję,
 Toj nia budzie złoklučonny,
 A ad hrachou adrečonny
 Mikałaju!
 A chto, chto śpiašy u jaho domie,
 Malić ab świątym jaho pakrowie;
 Tamu świąty u pomač skory,
 Jak na sušy, tak na mory

Mikałaju!
Mikałaju, słaŭny wajewoda,
Zastupnik chryścijanskaho rodu,
Pakrywaj nas ščytam wiery,
Barani nas ad niawiery
Mikałaju!
Mikałaju, Božych tajnic straiciel,
Budź nam ū niadoli paciešyciel,
Scieražy nas hrechami chworych,
Kab nia mieū da nas prystupu worah.
Mikałaju, Mirlkiejeūski wučyciel,
Chryścijanski prašwiaciciel,
Nawučy nas Buha znaci,
Świataśc jaho praslaūlaci
Mikałaju!
Mikałaju, pastyr dobry stada,
Nie pakiń nas biez dahladu:
Pasi nas, oūcy niepaciešny,
Dy ūwiadzi u niwy niabiesny
Mikałaju!
Mikałaju, niabiesny žycharu,
Božy ū raju haspadaru,
Mali Boha, kab nam nie prapaści,
Barani nas ad błahoj napaści,
Mikałaju!
Mikałaju, chryścijanski manarše,
Budź nad nami Ty najstaršy!
Spraūlaj našy ūsie pawietry,
Mikałaju!

Это песнопение распространено и среди белорусов-католиков, и среди белорусов-православных повсеместно¹⁹. Издавна оно входит практически во все богогласники, как рукописные, так и печатные. Песнопение это распространено и среди других славянских народов, прежде всего украинского и польского.

Сборник духовных песнопений. Рукопись нач. XIX в. (ОР БАН Литвы. Ф. 22–88. Л. 19об.–20)	Из рукописного сборника XX в. с территории современной Белоруссии
О кто кто Николая любит. О кто кто Николаю служит. Тому святый Николае. На всякий час помогает, Николае. О кто кто к нему прибегает, На помошь его призывает. Той небудет ошукан, И от грехов будет избран, Николае. О кто кто живет в Его дворе, Николай на замли и на море. Измать его от напасти, Недасть му злу пропасти, Николае. Николай имя знаменито, Побеждай тозеименито. Побеждает агаран, Утешает христиан, Николае. Пастыру словесного стада, Изми нас з варварского ада, Хотящаго поглотить, И в пещеру заградить, Николае. Побеждай врагов наших всюду, Помощник в скорбех нам буди, Мы тя будем прославлять, Имя твое величать. Николае.	О кто, кто Николая любить, О кто, кто Николаю служить, Тому Святый Николай помогае, Николае. О кто, кто живе в его дворе, Помощник на земле и море, Изметь его от напасти, Не дасть ему в грехи впасти, Николае. О кто, кто к нему прибегае, На помошь его призывае, Той не буде ашуканы, И греховной уйде раны, Николае. Паstryю словеснаго стада, Изми нас варварскаго ада, Сохрани нас от левой, Постави нас на правой, Николае. Николая имя знаменито, Побеждай тезоименито, Побеждай агаряны, Сохраняй християны, Николае. Побеждай врагов наших всюды, Помощником во скорбях нам буди, Хотящих на разорити, Зволъ их уста заградити, Николае. Николае молися за нами, Просим тя все тут со слезами, Мя тя будем выхваляти, Имя твое величати, на веки.

В «Kantyczku» 1914 г. составители включили и такое достаточно редко встречающееся сочинение, как «Pieśnia ab św. Darocie» (S. 36–39). Св. Дорота (Дорофея, Доротея) — христианская святая,

покровительница новобрачных, рожениц, садоводов, шахтеров. Житие св. Дорофеи помещено в Четиях-Минеях свт. Димитрия Ростовского под 6 февраля. Образ этой святой девицы-мученицы стал одним из любимых сюжетов живописцев. Культ св. Дороты повсеместно распространен на территории Польши²⁰. Известен он и в Белоруссии, свидетельством чему может служить, например, икона «Богородица с младенцем и святой Доротеей» XVIII в. из дер. Лужки Шарковщинского района Витебской области Белоруссии. «Pieśnia ab św. Darocie» из «Kantyczki» 1914 г. представляет собой такой весьма популярный народный словесный жанр, как стихотворное житие святой. Написана она живым и образным языком.

«Oj, Darota, Darota,
 Kraše pereł i złota!
 Jak ubačyū karol-pahan,
 Tak Darota ūpadabaŭ.
 “A Darota, Darota,
 Mnie wialika achwota
 Ciabie paznaci,
 Ciabie za žonku ūziaci”.
 — “A što-ž ty mowisz, karolu,
 Ja nie pajdu ū pahansku niawolu,
 Lepš na świecie mnie nia być,
 Čymś s taboju maju żyć!
 Dy mianie ūžo zaručyū,
 Chrystos ū wiery aświaciū”.
 — “Oj Darota, Darota,
 Treba tabie dać kary:
 Skažu drobna škla nabić
 I ciabie bosu pa im wadzić!”
 Dzie Darota świata išla,
 Tam ručcom kroū płyła,
 Piaknej stała, jak była.
 — “Oj Darota, Darota!
 Nie pamohuč twaje čary,—
 Treba tabie dać kary:
 Zwialu kacioł zawiasić
 I aleju powien kacioł nalić,
 Na żarkim ahniu palić
 Darotu usadzić!”

Jak Darota stypiła,
 Usiu žaru zhasiła,
 Piaknjej stala, jak była!
 — “Nie pamohuč twaje čary, —
 Treba ješće dać kary:
 Hej-že wadoj ablić,
 Na marozi marazić!”
 Jak Darota stypiła,
 Letniaj wadu čyniła,
 Piaknej stala, jak była.
 — “Oj Darota, Darota!
 Nie pamohuč twaje čary,
 Treba tabie bolšaj kary:
 Treba ū turmu usadzić
 Nie dać jeści, ani pić.
 Sam na wajnu pajedu
 I siem hod tam budu.
 A na wośmy pryjedu!”
 — Hej słužki słužbity!
 Adčynicie waroty,
 Pahladzicie Daroty,
 A ci žywa Darota?
 Słuhi skobili razbili,
 Turmu tuju atčynili,
 A Darota la paroha,
 Na kaleńkach molić Boha.
 Choć nia jelą, nia piła, —
 Piaknej stala, jak była.
 — “Oj, słuhi-słužbity,
 Budziecie wy ūsie pabity!
 Nia wierna wy służyli:
 Čym Darotu žywili?”
 — “Oj, pahanski karalu,
 Nia my jaje žywili:
 Žywiū jaje sam Boh
 Sa swajmi anioły”».

В белорусской народной среде распространен религиозный гимн «О, Мой Божа, веру Табе», написанный в духе «поэзии простоты», «поэзии сердца» Ф. Карпинского. Нельзя исключать, что автором

этого гимна, появившегося на рубеже XVIII–XIX вв., мог быть сам Карпинский, владевший местными восточнославянскими наречиями, в чем поэт не раз охотно признавался, в частности, в своих мемуарах²¹. Белорусоязычный латинографичный вариант этого гимна вошел и в состав «Kantyczki» 1914 г. (S. 33–36).

Гимн этот до сих пор бытует в рукописных и машинописных списках, виденных нами в ходе многочисленных экспедиций. Его текст отмечается значительной вариативностью и отображается в письменной версии латиницей или кириллицей. В качестве примера мы публикуем его в двух графических вариантах: напечатанном в сборнике белорусоязычной «Kantyczki» 1914 г. и скопированных нами из рукописных сборничков, принадлежащих современным белорусским крестьянам.

Текст «Kantyczki» 1914 г.	Из современного белорусского рукописного сборника	Из современного белорусского рукописного сборника
O mój Boże! wieriu Tabie, I ūsio wieriu ja dla Ciabie Ūsiu nadieju ū Tabie maju, Za ūsio Ciabie wychwala- iu. Ty stwaryū, Ty atkupiū, Ty nas Boże, aświaciū. Za to Tabie, hdzie jość ludzi, Čeśc i śława nichaj bu- dzie. Tabie Boże kłaniajusia, Wa ūsim na wolu zdajusia, A być tolki chaču ū niebie, Pa ūsie wieku slawić Ciabie. Žal mnie, Boże, zhrašyū Tabie, Praz hrech dastaū peikla sabie, Dy nie tak žal zhuby ma- jey, Jak žal Boże kryħudy Twai- ej.	O móy Boże! wieriu Tabie, I wsio wieriu ia dla Ciabie Wsiu nadieju w Tabie maiū, Za wsio Ciabie wychwalaū. Ty satwaryw, Ty adkupiū, Ty mianie Boże! aświaciw. Niechay Tabie, hdzie iość ludzie, Cześc i Chwała ad wsiech budzie. Tabie Boże kłaniajusia, Wa wsiom na wolu sdaiusia, Być tolka żelaiu w Niebie, Po wsie wieku lubić Ciabie. Žal mnie Boże zhraszyw Tabie! Czrez hrech dastaw peikla sabie. Da nie tak žal zhuby maiey, Jak žal Boże kryħudy Twai- ej.	O мой Божа! Веру Табе, і ўсе веру я для Цябе, Усу надзею ў Табе маю, За ўсе Цябе выхваляю. Ты сатварыў, Ты адкупіў, Ты нас, Божа, і асьвяціў, За то Табе дзе ёсць людзі Чэсці слава няхай будзе. Табе Божа кланяюся, На Тваю волю зданося. А быць толькі хачу ў небе, Ва ўсе векі славіць Цябе. Жаль мне, Божа, зграшыў Табе, Праз грэх дастаў пекла сябе, Ды ня так жаль згубы маёй, Як жаль, Божа, крыўды Тваёй. Ах, мой Божа, я каюся. Даруй віны папраўлюся,

Ach moj, Boże, Tabie kajusia, Daruj winy, ja papraūlusia; Dy ūžo sto raz pamierci wolu, Na hrech bolej nie pazwolu. Dla Twajho ja ūspadabania, Chaču chawać pryzkazania; Žyč i ūmirać chaču ū Tabie, Bo Ty jość dobry sam u Sabie. O Jezusie, Ty naš Panie, Serca naš kochanie! Ručki, nožki Twaje caļujem, Ža hrechy naši žalejem. Caļujučy Twaje rany, O, Jesusie naš kachany, Ruki i wočy k niebu ūznosim, Adpuščenia hrachoū prosim. Šlozy našy wylewajem, Ščyrym sercem pryreka-jem, Pakuł budziem z ludźmi žyci, Nia budziem Bohu hrašyći. O, Maryja, Matka Boska! Praświataja kwietka raj-ska! Malisia Bohu za nami, Niehodnymi hrešnikami. Ūsie świątyje ūzhlańcie z nieba! Wašay łaski nam patreba; Maliciesia Bohu za nami, Niahodnymi hrešnikami.	Achže Boże! wsio kaiusia, Praściż mianie, paprawlusia, Da wžo sto raz umierć walu, Na hrech boli niezezwolu. Dla Twajho ia upadabania, Chaczu chawać pryzkazania, Zyč i umierać walu Tabie, Szto Ty iość dobry sam w Sabie. O Isusie! Ty nasz Panie! Iedyne serca kochanie. Ruczki i nožki Twe caļuiem, Za hrachy naszi żaļuiem. Caļuiuczy Twaie rany, O Isusie nasy kochany, Ruki i woczy k Niebu wznosim, Adpušczienia hrachow prosim. Słozy nasze wylewaiem, Szczyrym sercem pryreka-jem, Pokuł budziem z ludźmi žyci, Nia budzim Bohu hraszyci. O Maryja Matka Boża! Preświatataia rayska roža, Malisia Bohu z nami, Niehodnymi hreshnikami. Wsie Świątyje wzhląńcie z Nieba, Waszey łaski nam patreba, Malicieś Bohu zy nami, Niehodnymi hresznikami. Sława Bohu Istynnemu, Sława w Troicy Iedynomu, Sława Otcu i Synowi,	Dы ўжо сто раз памерць волю На грэх болей не пазволю. Для Твайго успадаблення Хачу спаўніць прыказаньні, Жыць і уміраць хачу ў Табе, Бо Ты добры Сам у Сабе. О, Icuse, Збавіцелю Мілы наш Уцяшыцелю Да рук да ног Тваих паўшы, Каемся за грахі нашы. Цалуючы Твае раны, О, Icuse наш каханы, Рукі й вочы к Табе ўзносім, Адпушчэння грахоў просім. Слёзы наши выліваем, Шчырым сэрцам прыракаем, пакуль будзем з людзьмі жыці, Ня будем Богу грашыци. О, Марыя, Матка Боска Ты святая кветка райска, Маліся Богу за намі Нягоднымі грэшнікамі. Ўсе святыя ўзглянъце з неба, Вашай ласкі нам патрэбна, маліцеся вы за намі Нягоднымі грэшнікамі. Слава Богу праўдзіваму, Слава ў Троицы Адзінаму, Слава Айцу, разам Сыну,

Sława Bohu praūdziwamu, Sława ū Trojcy Jadynamu, Sława Ajcu, razam Synu, Sława i Duchu Świątomu.	Sława Swiatomu Duchowi, Amiń.	Слава й Духу Святыму. Амінь.

Судьба белорусоязычной «Kantyczki» 1914 г. оказывается похожей и имманентно связанной также с мало пока изученной судьбой литовоязычных кантычек, одним из создателей которых был замечательный поэт, епископ и ученый Антанас Баранаускас (1835–1902), испытавший с раннего детства влияние польскоязычной кантычковой культуры. «Kantyczka» 1914 г., служившая источником переписки в течение последующих десятилетий, представляет первостепенный интерес для белорусской филологии, культурологии и теологии. Небольшая книжечка эта, сыгравшая в истории народной литературы белорусов-католиков очень значительную роль, пока не была исследована. Одной из причин малоизученности текстов «Kantyczki» 1914 г. и даже практически ее неизвестности в научных кругах является необычайная редкость этого издания, известного всего лишь в нескольких, в том числе сильно дефектных, экземплярах, сберегающихся в разных странах. Едва ли не лучшим из них является достаточно хорошо сохранившийся экземпляр «Kantyczki» 1914 г. из собрания редких книг Библиотеки Литовской академии наук²², поступившей сюда из «Беларускага Інстытуту гаспадарства і права» (Варшава и Вильно, 1926–1936).

Именно кантычки, но не белорусско-, а польскоязычные, составляют сейчас, пожалуй, наиболее значительную старинную часть католической народной литературы на территории современной Белоруссии. Кантычковая польскоязычная католическая литература Белоруссии, явление сколь значительное и масштабное, столь и малоизученное²³, сохранила свой живой первоначальный характер и функционально практически не изменилась, невзирая на солидный, в некоторых случаях двух-трехвековой и более возраст произведений, ее составляющих. Собранные нами материалы позволяют говорить о необычайной их вариативности, когда одно и то же сочинение, распространяемое в рукописных списках или же / и бытующее в устной форме, известно во множестве вариантов, точное число которых установить практически невозможно. Наблюдения над этой литературой позволяют выделить несколько ее особых пластов, среди которых одним из самых интересных, на наш взгляд, являются кантычки и различного рода духовные и исторические песни, написанные восточнославянскими жителями Великого княжества Литовского в XVIII столетии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См., напр.: *Лабынцев Ю. А.* Об одной белорусско-польской драматической и графической интерпретации XVII в. сюжета о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. 1985. Т. 38. С. 267–280.
- 2 См., напр.: *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888; *Владимировас Л.* Франциск Скорина — первопечатник вильнюсский. Вильнюс, 1975; *Немировский Е. Л.* Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск, 1990; *Лабынцаў Ю.* Пачатае Скарынам: Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу. Мінск, 1990; *Галенчанка Г. Я.* Францыск Скарына — беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар. Мінск, 1993.
- 3 Подробнее см., напр.: *Kawecka-Gryczowa A., Korotajowa K., Krajewski W.* Drukarze dawniej Polski od XV do XVIII wieku. Wrocław; Kraków, 1959. Zeszyt 5. Wielkie Księstwo Litewskie.
- 4 Подробнее см.: *Лабынцаў Ю.* Пачатае Скарынам... С. 214–241.
- 5 Подробнее см.: *Щавинская Л. Л.* Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв. Минск, 1998.
- 6 См., напр: Lietuvos Mokslų Akademijos Biblioteka. F. 18. № 160.
- 7 См.: *Mickiewicz A.* Dzieła wszystkie. Lwów, [1912]. T. 5. S. 336.
- 8 См., напр.: *Mickiewicz A.* Dzieła. Warszawa, 1955. T. 9. S. 59–63.
- 9 Национальная библиотека Беларуси. Отдел редких книг и рукописей. ОР НББ. Е.х. 091/4302. Л. 24–25.
- 10 Kantyczka. Wilnia: Drukarnia Marcina Kuchty, 1914.
- 11 См. первое издание этих песен в сборнике Ф. Карпинского «Pieśni nabożne» (Supraśl, 1792).
- 12 Подробнее см.: *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Для люда польского и белорусского: Наследие Франтишка Карпинского в оценке Адама Мицкевича// Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі. Мінск, 2006. Вып. 8. С. 97–106; *Они же.* Певец души крестьянской: Адам Мицкевич о Франтишке Карпинском // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007. С. 248–253.
- 13 См. публикацию первого эссе А. Мицкевича о Ф. Карпинском в новейшем издании: *Mickiewicz A.* Dzieła. Warszawa, 1997. Т. 5. Wydanie rocznicowe (1798–1998). S. 165.
- 14 Там же. S. 166.
- 15 Там же.
- 16 *Mickiewicz A.* Dzieła wszystkie. Т. 6. S. 190.
- 17 Там же.

- 18 Там же.
- 19 В изданном в 1913 г. Виленским Свято-Духовским православным братством «Богогласнике» среди других песнопений также помещено и песнопение «О кто, кто Николая любит» (см.: Богогласник. Сборник церковных песнопений и духовных песен для пения в семье, школе и внебогослужебных собеседованиях в 3-х голосном изложении. Вып. II (Часть вторая). СПб., 1913).
- 20 См., напр.: Niedziela. Tygodnyk katolicki. Edycja podlaska. 05/2003.
- 21 См.: Karpiński F. Pamiętniki. Poznań, 1844. S. 183, 189.
- 22 См.: Lietuvos mokslų akademijos biblioteka. Отдел редких книг. № 217299.
- 23 Сравн.: Костюковец Л. Ф. Кантовая культура в Белоруссии. Минск, 1975. Важно подчеркнуть, что процесс перехода из разряда липтургических в паралитургические произведения и наоборот вообще практически не изучен. Особенно это заметно на примере восточных славян (см.: Stern D. Відносини набожних пісень до літургії у східних слов'ян в XVII–XVIII ст. ст. // Slovensko-rusínsko-ukrajinské vztahy od obrodenia po súčasnosť. Bratislava, 2000. S. 321–330).

Shchavinskaya L. L.
“Kantyczka” of 1914 in the History
of Folk Literature of Byelorussians

Belorussian written in Latin letters “Kantyczka” of 1914 was a peculiar synthesis of Polish tradition of kantyczka and its specifically Belorussian additions. It is of special interest for Belorussian philology, cultural studies and theology.

Key words: *Byelorussian studies, folk literature, Christian culture of the 20th cent., kantyczka.*

*Н. Н. Старикова
(Москва)*

Тема Реформации в словенской исторической прозе: роман И. Тавчара «Хроника усадьбы Высокое»

В статье рассмотрен роман словенского прозаика И. Тавчара, в котором по-новому, с этических и философских позиций представлен один из важнейших для словенской истории периодов — эпоха Реформации, оставившая глубокий след в сознании словенцев и оказавшая влияние на формирование национальной идентичности.

Ключевые слова: *словенская историческая проза, Реформация, религия, национальная идентичность.*

Реформация в словенских землях, получив распространение в первой половине XVI в., оставила заметный след в словенской культуре. Словенские протестанты во главе с Приможем Трубаром (1508–1586) перевели на родной язык главные богослужебные книги, заложили основу литературно-письменной традиции. При них у словенцев появились первый букварь и первая грамматика, началось преподавание родного языка в начальной школе. На рубеже XVI–XVII вв. на словенских территориях насчитывалось до 200 тыс. тайных реформатов¹. Преследования со стороны католической церкви, поддерживаемой Фердинандом II, привели к тому, что уже в начале XVII в. протестантизм на словенских землях был почти полностью уничтожен (указы 1598–1599 гг. об изгнании всех протестантских проповедников за пределы габсбургских земель и о возвращении всех граждан в католичество). Очаги Реформации сохранились лишь в Прекмурье, находившемся в подчинении венгерской короны.

Умеренно-практический словенский протестантизм, движимый религиозной идеей, способствовал формированию общественного сознания народа на основе единого языка, общего для разных областей Словении. Это привело к созданию словенцами своей этнической и культурной общности. Таким образом, вклад деятелей Реформации в формирование словенской нации трудно переоценить*. Несмотря на это, на протяжении нескольких веков период Реформации оставался для словенского общества весьма болезнен-

* В настоящее время в Республике Словения учрежден государственный праздник — День Реформации, который отмечают 31 октября.

ной темой. Противоречивое отношение к протестантизму и его последователям было вызвано прежде всего усилением роли «правильной» католической церкви в жизни рядового словенца. Как пишет М. Хладник, «“Словенская католическая душа” побаивалась возможной реставрации еретической веры, поэтому протестантизм, несмотря на свое несомненное культурное значение для нации в целом, для обывателя-католика таил скрытую угрозу, вызывал недоверие»². Такая же двойственность наблюдается и в отношении словенцев к эпохе христианизации, которая, с одной стороны, знаменовала благотворное приобщение к европейской цивилизации, с другой — несла в себе травму вероотступничества, отказа от веры предков. Неоднозначный взгляд словенцев на столь важный период национального прошлого отразился и на том, как и когда тема Реформации была впервые освоена литературой. Привлекательный для исторической беллетристики материал, изобилующий интереснейшими личностями и событиями, словенские авторы начали массово «обживать» лишь в конце XIX в. Первым к теме протестантизма и протестантов в повести «Юрий Кобила» (1865) обратился основоположник исторического жанра в словенской литературе Й. Юрчић. За ним последовали А. Кодер (роман «Лютеране», 1883), Ф. Яклић (повесть «Лука Врбец», 1890), М. Маловрх (повесть «Король Матьяж», 1904) и др.

В начале XX в. тему Реформации в историческом романе «Хроника усадьбы Высокое» (1919) новаторски воплотил один из ведущих прозаиков конца XIX — начала XX в., видный политический и общественный деятель, лидер радикального крыла либеральной (национально-прогрессивной) партии Иван Тавчар (1851–1923). Следуя традиции, заложенной Юрчићем, он в своих исторических произведениях удачно соединяет беллетристический («массовый») потенциал жанра и «натуралистический историзм»³, с помощью которого воссоздаются особенности местного колорита. При этом отношение Тавчара к истории отличается от взглядов предшественника. Автор первого словенского исторического романа в исторических сюжетах искал, прежде всего, событийность, эффектный героический эпизод, который мог привлечь читателя и одновременно способствовать укреплению национального сознания. Тавчар же в своем обращении к национальной истории демонстрировал значительно большую субъективность. В своих ранних произведениях он пытался в событиях и образах прошлого найти тот романтический идеал, которого не видел, да и не мог увидеть в реальности. Так, уже в своей первой

исторической трагедии «Эразм из Ямы» (1866–1868), оставшейся незаконченной, он обращается к судьбе рыцаря XV в., романтически приподнято интерпретируя ее. В похожем ключе развиваются и сюжеты ранних исторических новелл «Донья Клара» (1871) и «Антонио Гледевич» (1873). Первым историческим романом, в котором писатель взглянул на словенское прошлое с реалистических позиций, стал роман «За кулисами конгресса» (1905–1908), где сделана попытка интегрировать словенскую общественную и бытовую ситуацию в систему координат европейской политики первой четверти XIX в. и тем самым актуализировать политические проблемы современности. В центре романа находится конгресс лидеров Священного союза императоров России и Австрии и прусского короля, проходивший с января по май 1821 г. в Любляне (Люблянский конгресс), в ходе которого была определена европейская политическая стратегия второй четверти XIX в.

Тема Реформации воплощена в романе «Хроника усадьбы Высокое» через историю жизни первого хозяина усадьбы Высокое Поликарпа Каллана, рассказалую его сыном Изидором. Судьба Каллана-старшего трагична. Это сильный, властный, жесткий, много повидавший человек, способный принимать решения и нести за них ответственность. Он поздно обрел родовое гнездо и дорого заплатил за семейное благополучие, лишь в пятьдесят родил первенца и дожил по меркам эпохи до глубокой старости — до семидесяти шести лет (скрытый намек на главного словенского протестантского долгожителя — П. Трубар прожил семьдесят восемь). Его личность окутана тайной, основа которой — безоговорочная приверженность «старой вере».

В романе две основные сюжетные линии, тесно связанные между собой: история неправедной жизни и мученической смерти Поликарпа Каллана, военного наемника и тайного протестанта, и история взаимоотношений его сына Изидора с семнадцатилетней красавицей Агатой Шварцкоблер. Во время Тридцатилетней войны Поликарп, храбрый солдат, воюющий на стороне Габсбургов, и жестокий мародер, совершает преступление — убивает своего товарища Йошта Шварцкоблера, чтобы присвоить себе совместно награбленное. На эти деньги и куплена усадьба Высокое. Перед смертью, мучимый угрызениями совести, старый Каллан приказывает сыну порвать с выбранной им самим для Изидора невестой Маргаритой, найти дочь Йошта Агату и жениться на ней, чтобы искупить вину семьи Калланов перед семьей Шварцкоблер. Изидор находит девушку и привозит ее в Высокое. Отвергнутый Агатой сосед Калланов Маркс Вилффинг публично обвиняет ее в колдовстве.

Подозреваемую в связях с дьяволом бросают в стремнину: если она невинна, бог поможет ей уцелеть. Несчастную спасает младший брат Изидора Юрий, которому Агата действительно дорога. Ощущая себя лишним и не оправдавшим отцовских надежд, Изидор оставляет усадьбу Юрию и Агате и уходит воевать на долгие одиннадцать лет. Вернувшись из похода, он женится на верной Маргарите и, не дождавшись рождения сына, умирает.

Тавчар обращается к теме истинной веры и вероотступничества (сын-католик — отец-протестант), видя в ней предпосылки формирования некоторых черт национального характера. Религиозные противоречия, по мысли прозаика, не могли не повлиять на систему жизненных ценностей, самоидентификацию, самосознание, самооценку словенца XVII в., во многом обусловили специфику его личности. Автор обращает внимание на религиозную составляющую национальной идентичности, т. е. на то, как христианская этика была реализована в конкретной geopolитической, социокультурной, этнической среде, одним из первых в словенской литературе пытается связать особенности внутреннего мира, психологии и менталитета своих земляков с их конкретной исторической религиозной судьбой.

В жанре литературной хроники у писателя не было предшественников — никто в словенской литературе до Тавчара не пытался, имитируя мемуарные документы, рассказать историю семьи, рода, места на протяжении целой человеческой жизни. Изидор Каллан, вымышленный повествователь-хронист, от лица которого ведется рассказ, — фигура для классической европейской хроники нетипичная, это не монах-летописец и не знатный феодал, а простой крестьянин, обученный грамоте. Он записывает историю своей жизни в назидание потомкам, фактически это исповедь перед Богом и людьми, а не собственно последовательная дневниковая фиксация важнейших событий. Поэтому в качестве основного критерия отбора эпизодов использован фактор участия в них повествователя, фиксирующего то, чему был непосредственным свидетелем. Исключение здесь составляют несколько реминисценций в более отдаленное прошлое (1631, 1645, 1648 гг.), где речь идет о военных подвигах отца рассказчика. Записки датированы 1695 г. и снабжены припиской сына хрониста Георгиуса Постумуса, из которой следует, что отец его умер 20 декабря 1710 г., прожив сорок шесть лет (возраст типичный для мужчины позднего Средневековья). Историческое время, охваченное в романе, — период с 1631 по 1716 г. — включает в себя предысторию отца героя и судьбу семьи и усадьбы после смерти повествователя.

Прозаик взялся за хорошо знакомый ему историко-документальный материал из архива Шкофьелокского замка и использовал сведения, почерпнутые из историко-культурного исследования Ф. Коса «Дополнения к истории Шкофье Локи и ее окрестностей» (1894) и исторической хроники «Слава герцогства Крайна» Я. В. Вальвазора (1689). Будучи родом из Шкофье Локи, старинного населенного пункта, расположенного в Верхней Крайне и около тысячи лет бывшего резиденцией католических иерархов, Тавчар с 1893 г. владел самой усадьбой Высокое, купив ее у реальных Калланов, семьи, над которой, согласно преданию, тяготело роковое проклятие, имел конкретное представление и о жизни Локского края, и о быте здешних крестьян. Прямое влияние на их судьбу оказал ряд специфических историко-политических факторов. В 973 г. император Священной Римской империи Оттон II подарил фрейзингским епископам поместья (с правом чеканить свою монету) в месте слияния двух рек: Полянской Соры и Селцкой Соры к северо-западу от Любляны. Там к концу XIII в. была построена столица Лока с замком-крепостью. Управлял епископским хозяйством с правом проживания в замке один из богатых феодалов, выбираемый из местной знати, для решения оборонных вопросов приглашался воевода. Новые владельцы стали заселять Полянскую Долину каринтийскими словенцами, «разбавляя» их баварцами и тирольцами, и к началу XVII в. область была заселена полностью. Таким образом, словенские крестьяне Полянской Долины были зависимы от шкофьелокского епископа, которому платили обязательную десятину, от немецких феодалов (им отрабатывалась барщина), они также должны были платить налоги в габсбургскую казну и, кроме того, подвергались дискриминации по этническому признаку — были людьми «второго сорта» в сравнении с немецкими колонистами.

Семнадцатое столетие в истории Европы отмечено как очень рациональный, жестокий век, когда начинается активный процесс централизации власти и церкви, которые объединяются, чтобы установить жесткий контроль над обществом в политическом, социальном, духовном и даже сексуальном плане. В ряде государств, в том числе в монархии Габсбургов, усиливаются абсолютистские, централизаторские политические тенденции. Не ломая старых, давно сложившихся институтов в своих наследственных землях, венское правительство ограничивало их права, подчиняя своему военному, экономическому и культурному контролю. Абсолютизм был озабочен поиском завоевательной культурной модели, которая могла бы унифицировать любую индивидуальность, подчинить ее себе. Процесс этот начинается в

XVII в. с подчинения духовной и физической жизни личности государству, что позволило механизму власти свободно функционировать. Безоговорочный авторитет в лице императора базируется на осознании и понимании каждым индивидуумом сложной системы иерархической лестницы и, как следствие, на послушании. Стоящий во главе государства император уподоблялся Богу, его авторитет был непрекаем, он олицетворял собой отца народа. В «Хронике словенской истории» отмечено: «В 1657 г. после смерти Фердинанда III престол цесаря и властителя австрийских земель унаследовал его сын Леопольд I. Долгий период его царствования (до 1705 г.) имел большое значение как в области внутренней, так и внешней политики: в продолжительной борьбе с турками была завоевана турецкая часть Венгрии, и с 1687 г. Венгрия становится наследственной частью империи. Он укрепил централизованную власть и вел успешную экономическую политику. Австрийские земли начали осознавать взаимовыгодность отношений друг с другом и государственное единство»⁴.

В установлении абсолютной монархической власти важнейшую роль играла церковь. Именно она, последовательно исполняя функции надзора и контроля над членами общества, активно борясь с «суетериями», язычеством, вероотступничеством, способствовала подчинению граждан установленному порядку, внедряя этические нормы, основанные на дисциплине и повиновении Богу и императору. Контрреформация и борьба с религиозным инакомыслием изменяет равновесие, существовавшее в христианском мире почти тысячу лет. У церкви появляется своя настоящая католическая полиция, схожая с военной. По инициативе Шарля Борромея, архиепископа миланского в период 1564–1584 гг., европейские епархии становятся «хорошо организованными армиями со своими генералами, полковниками и капитанами»⁵. Разрушается идея братства и пропагандируется иерархическая модель церкви, католичество становится «религией страха». Особая роль отводится фигуре священника, который, зная грехи каждого в отдельности, может манипулировать прихожанами, разрушить семейное согласие, заставлять суеверных людей следовать Евангелию — и таким образом внедрить идеологию абсолютизма в сознание каждой отдельно взятой личности.

Государство и церковь начинают воспитание нового типа личности, личности покорной, не способной к саморазвитию, усредненной, слепо следующей навязываемым авторитетам. Такой индивидуум не ощущает своей исключительности, может контролировать свои страсти и трудиться на благо того общества, которое ему навязывают.

Император и привилегированные слои понимали выгоду от человека низкого и механистичного, который меньше всего осмелился бы открыто бунтовать, ведь выступая против первого лица государства, гражданин восставал против самого божественного порядка, против мировой гармонии.

Исторической предысторией романа Тавчара становится Тридцатилетняя война (1618–1648) с ее религиозным противостоянием и абсолютным равнодушием монархов к интересам своих подданных, и это автоматически помещает действие национальной хроники в широкий европейский исторический контекст. Прозаик ориентируется на реальные исторические вехи (Вестфальский мир 1648 г., пожар в Шкофье Локе в 1660 г.) и лица (командующий войсками габсбургского блока А. Валленштейн, шведский король Густав II Адольф, локский епископ Янез Франциск Эдкер и др.). Особое место уделено и религиозной истории словенцев, в подтексте главного конфликта романа — конфликта отца и сына — лежит прежде всего религиозное противостояние протестанта и католика. В тексте об этом говорят такие детали, как цитация центральной книги словенских протестантов — Библии Юрия Далматина (1584), запрещенной в описываемый в романе период, или упоминание о выдающемся деятеле Контрреформации люблянском епископе Томаже Хрене (1560–1630), который, с одной стороны, проводил последовательную политику уничтожения протестантской литературы, а с другой — ввел в школах изучение Закона Божьего по-словенски.

Психология героев Тавчара сформирована эпохой Реформации — феодальным общественным устройством, социальным положением, конфессиональной принадлежностью, этническим происхождением, всем «богобоязненным духом XVII века»⁶, наконец, влиянием семейных, патриархальных отношений.

Для протестанта Поликарпа Каллана, рискующего жизнью ради религиозной идеи, именно вера становится способом обуздания страсти и попыткой примирения с самим собой, его стремление следовать христианским заповедям и самозабвенное раскаяние возникают не из страха перед пыткой, но благодаря религиозному чувству, трансформированному в основополагающий жизненный принцип. При этом его раздираемая противоречивыми переживаниями натура — прямое порождение жестокой и невежественной эпохи. Однако этот «твёрдый, темный, бессердечный хозяин», несущий на себе «кровавые грехи», показан как человек отнюдь не бессовестный, а глубоко и искренне верующий. Но даже вера не смогла смягчить те душевные терзания,

которые постоянно испытывает герой, преследуемый воспоминаниями прошлого. «Ночи не приносили ему успокоения, и на него опять наваливалась скала — и стариk ощущал страх, отчаяние и безнадежность, будто был под мельничным колесом, которое тянуло его глубоко под воду». Понимая, что муки совести страшнее голода, холода и бесчестья, первый владелец Высокого стремится оградить старшего сына от повторения своих ошибок и прегрешений, но делает это продиктованным варварским духом времени чудовищным способом: по первому подозрению в краже отрубает сыну палец. Теперь он уверен, что ребенок запомнит урок и больше никогда не возьмет чужого. Впоследствии, разобравшись в причинах поведения сына (подражая отцу-солдату, тот мечтал о настоящем кремневом ружье с инкрустированным прикладом, эта тайная мечта могла реализоваться с помощью случайно найденной монеты), Поликарп купит ему оружие, но мальчик останется равнодушным. Урок, извлеченный им из наказания, не связывается с понятием «воровство», скорее, маленький Изидор впервые осознает, что инициатива, личное желание, самоутверждение несовместимы с истинной верой, что это есть грех. Подводя итоги описанному эпизоду, хронист интерпретирует его как свое первое серьезное испытание: «Великий Судия направил тот солнечный луч, что осветил золотой для искушения ребенка-грешника, и отец наказал сына».

Эпоху позднего Средневековья в романе характеризует нетерпимость во всех сферах человеческих отношений. Жестокость являлась доминирующей чертой человека, практически безразличного к несчастью или смерти другого. Отчасти эта нечувствительность была средством защиты от страха смерти, присутствовавшей повсюду. Поскольку агрессивность в этом контексте — прямое следствие страха, жестокость возникает из-за отсутствия четких духовных ориентиров. Это жестокость слабых, — средневековый человек слаб; наблюдая, как смерть бродит повсюду, он надеется избежать ее при помощи смерти других, случайного врага или казненного на глазах осужденного. Стремясь передать это настроение эпохи, Тавчар вводит в роман несколько весьма натуралистических эпизодов. Самой яркой является сцена отрубания пальца.

«“Ты запомнишь, что украл”, — с этими словами он схватил острый фурланский нож, забытый кем-то на столе. Выругался не по нашему. Левой рукой сгреб четыре мои пальца так, что мизинец остался на столе. Взмахнул лезвием и отсек половину, и кровь густыми каплями, словно красный дождь, оросила стол. У меня застучало в голове, стол, потолок и Иисус в углу завертелись перед глазами. Очнулся я

на полу с зажатой меж коленями усеченной рукой, рубашка, носки, сапоги — все было в крови».

Этот случай, названный героем «самым ужасным мгновением... жизни», воспоминание о котором он «гнал от себя светлым днем», от которого «в пути просыпался ночью», становится определяющим для последующего формирования мировосприятия Каллана-младшего. Его личность развивалась под воздействием трех главных факторов: семейно-патриархального (отношения с отцом), религиозного (воинствующий католик, но сын тайного протестанта) и сословного (сын зажиточного крестьянина), в целом связанных с экономическими и социокультурными условиями эпохи. Тавчар фокусирует внимание на том, как объективные историко-культурные факторы: политика германизации, проводимая Габсбургами, деятельность инквизиции, восстания и эпидемии, словом, ситуация постоянного стресса, — становятся стимулом к выживанию, помогают словенцу сохранить язык, землю, привычный уклад.

Маленький Изидор одновременно трепещет перед отцом, боятво-рит его и сострадает ему. В облике Каллана-старшего, представленного глазами хрониста, есть что-то от сказочного богатыря: он «в пятьдесят лет был высок как яблоня и силен как медведь», «поднимал бревна, которые два человека не поднимут», «мог укротить коня, который любого сбрасывает с седла». И от сатаны: «в гневе кровь бросалась ему в лицо, глаза сверкали, на губах появлялась pena», «бессердечен, скор и жесток на расправу, поэтому все, кто мог, бежали от него и скрывались». Однако сильнее ужаса, внушаемого отцом, была привлекавшая сына загадка Поликарпа и связанные с ней экстатические муки и страдания. «Светлыми лунными ночами я прокрадывался к подвалу и там, в напряженной тишине, словно зачарованный, прислушивался, втягивая в себя необычный, опасно привлекательный вкус и запах неизвестного проклятия, смирения и безысходности. И простор божественной убежденности открывался мне». Когда же мать случайно проговорилась и тайна отца стала известна сыну, мальчик сначала испытывает страх потерять родителя, лишь потом, где-то в глубине души, возникают ростки осуждения отцовского вероотступничества: «Отец — лютеранин! И за это ему отрубят голову! А эта голова была для меня самой лучшей на свете! О, Иисус! О, Иисус! О, Иисус!.. Я дрожал перед ним, но я был счастлив, что у меня такой отец». Подробный рассказ-ретроспекция об истории взаимоотношений с отцом в первой главе, в котором повествователь старается придерживаться хронологического порядка изложения фактов и с позиции взрослого человека описать свои детские переживания,

заканчивается искренней мольбой хрониста, свидетельствующей о том, как много, несмотря на все принесенные страдания, значит для него его ныне покойный отец: «Я могу отречься от всего, но, Создатель, пусть моего смирения хватит на двоих — тогда на небесах я не расстанусь с тем, кто меня породил». Именно от отца-протестанта Изидор генетически унаследовал свой религиозный фанатизм, сделавший его на какое-то время заложником стереотипов и догм, ибо внутренняя свобода и самостоятельность личности в данном случае исключаются.

В романе «Хроника усадьбы Высокое» Тавчар делает несколько важных для исторического жанра открытий. Создавая эстетически завершенный образ-личность, осуществляющий, по Бахтину, «некую необходимую правду жизни»⁷, он одним из первых в словенской исторической прозе через индивидуализацию прошлого обращается к теме «человек и религия», видя в ней одну из главных предпосылок формирования черт национального характера; писатель убежден, что Реформация оставила свой глубокий след не только в национальной истории, но и в сознании словенцев. Речь идет о религиозной составляющей национальной идентичности, о том, как христианская этика была реализована в конкретной geopolитической, формационной, языковой среде.

Исследуя генезис драматических противоречий, разрывавших общество и человеческое сознание в период Реформации, через анализ их зарождения и развития, автор романа главное внимание уделяет этическому смыслу и психологическому резонансу тех нравственных уроков, которые вытекают из национального прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Ilustrirana zgodovina Slovencev*. Ljubljana, 2000. S. 173.
- 2 *Hladnik M. Slovenski zgodovinski roman*. Ljubljana, 2009. S. 135.
- 3 *Kramberger M. Visoška kronika. Literarnozgodovinska interpretacija*. Ljubljana, 1964. S. 117.
- 4 *Slovenci skozi čas: kronika slovenske zgodovine*. Ljubljana, 1999. S. 112.
- 5 *Muchembled R. Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XVe–XVIIIe)*. Paris, 1991. P. 257.
- 6 *Paterno B. Slovenska proza do moderne*. Koper, 1957. S. 143.
- 7 *Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества*. М., 1979. С. 157.

Starikova N. N.

The Theme of the Reformation in Slovenian Historical Fiction:
“Chronicle of the Mansion of Vysokoe” Novel by I. Tavcar

This article deals with a novel by Slovenian writer I. Tavcar where one of the most important periods of Slovenian history — the epoch of Reformation — was shown. That period left a bright memory in the mentality of Slovenian people and had a serious influence at the shaping of national identity.

Key words: *Slovenian historical fiction, Reformation, religion, national identity.*

*Н. В. Шведова
(Москва)*

Сюрреализм в литературе и искусстве Словакии

В статье рассматривается движение словацкого сюрреализма (1935–1949), сыгравшего большую роль в формировании национального литературного процесса и вновь заявившего о себе в 60-е гг. XX в.

Ключевые слова: *сюрреализм, словацкая поэзия, образность, антивоенный протест.*

Литература и искусство сюрреализма в последние годы широко изучаются в нашей стране. Одним из показателей этого процесса стал выход «Энциклопедического словаря сюрреализма» (2007), подготовленного в Институте мировой литературы. А первая специальная монография российского исследователя Л. Г. Андреева «Сюрреализм» (1972) была в 2000-е годы дважды переиздана (2001, 2004).

География сюрреализма широка, что подтверждает, в частности, вышеназванный словарь. Его «родина» — Франция. Слово «сюрреалистический» приписывают Гийому Аполлинеру (1916). Первый «автоматический текст» — «Магнитные поля» (1919) — был написан Андре Бретоном и Филиппом Супо. Автором манифестов сюрреализма (первый — в 1924 г.) стал Бретон, его же — иронически — называли «папой» движения. Понятно, что французское ядро сюрреализма изначально вызывало наибольший интерес исследователей. Однако российские ученые изучали это движение и в других странах, в том числе славянских. В Восточной Европе серьезное сюрреалистическое направление сложилось в Румынии, и в силу румынско-французских связей оно больше известно на Западе. Из славянских стран там же пишут о чешском и сербском сюрреализме. В Советском Союзе еще в 1967 г. была опубликована монография Л. Н. Будаговой «Витезслав Незвал», в которой прослежен творческий путь крупнейшего чешского поэта XX в., организатора сюрреалистической группы в Праге в 1934 г.

Между тем западные исследователи часто даже не знают о феномене словацкого сюрреализма, хорошо известном отечественным литературоведам. В статье французской исследовательницы М. Ванчи-Перахим «Авангард и сюрреализм в Центральной и Юго-Восточной Европе и его соотношение с французским сюрреализмом»¹ нет ни

одного упоминания о Словакии. В другой работе — энциклопедии французов А. и О. Вирмо — такое упоминание есть, но оно только запутывает читателя, как будто речь идет о каком-то глубоко периферийном явлении². Советским славистам словацкий сюрреализм был хорошо известен и получил достойное освещение в академической «Истории словацкой литературы» (1970), подготовленной в Институте славяноведения, — с неизбежной для тех лет идеологической нюансировкой, не снижающей уровня исследования (автор — Ю. В. Богданов). Разумеется, и в более поздних трудах российских ученых словацкому сюрреализму уделяется надлежащее внимание. Помимо работ Ю. В. Богданова, значительное место здесь занимают многочисленные статьи Л. Н. Будаговой, исследующей параллельно чешский сюрреализм и вообще тему славянского авангарда. Есть раздел «Словакия» и отдельные персональные статьи и в «Энциклопедическом словаре сюрреализма» (автор — А. Б. Базилевский). Недавно опубликованы переводы словацкой сюрреалистической поэзии в антологии «Голоса столетий», подготовленной в МГУ им. Ломоносова³. Переводческое дело активно продолжено на страницах культурологического журнала «Меценат и Мир», уделяющего большое внимание литературе и культуре славянских стран.

Словацкий сюрреализм, получивший в 1939 г. славянское самоназвание «надреализм» (как и сербское движение), словно принял эстафету от чешского, который возглавлялся Незвалом совсем недолго. В 1938 г. Незвал объявил о распуске группы, но она осталась существовать, пусть и не в центре культурной жизни. О преемственности словацкого надреализма писала и Л. Н. Будагова⁴. Его расцвет пришелся на 1939–1946 гг., т. е. практически на годы Второй мировой войны. Организованным движением он стал как раз в 1938 г., но была и предыстория.

Впервые в Словакии заговорили о сюрреализме в 1925 г., вскоре после выхода манифеста Бретона. В журнале «Mladé Slovensko» о новом направлении в европейской поэзии высказались молодые писатели И. Горват и Л. Новомеский. На последнего оказал определенное влияние чешский поэтизм — авангардное течение, также связанное с именем Незвала и предшествовавшее сюрреализму в Чехии. Горват стал видным словацким экспрессионистом. Однако пристальное внимание к новому явлению в литературе и изобразительном искусстве у словаков появилось в 1934 г. Публикуется несколько статей о возможностях сюрреализма вообще и в словацкой поэзии — в частности. Писатели разной идейной ориентации — представитель натуризма

Л. Ондрейов и сторонник «пролетарской поэзии» Я. Поничан — пришли к выводу, что сюрреализму на словацкой почве нет места. Из этих времен идут истоки резкого неприятия сюрреализма, который постепенно формируется и у словаков, в традиционной критике конца 1930-х — первой половины 1940-х гг. Наиболее выражена эта позиция в работах Й. Кутника-Шмалова, с философских позиций неотомизма и персонализма отказывавшего сюрреалистической поэзии в художественной и нравственной ценности. Провести параллель между христианским миропониманием и сюрреалистической поэтикой попытался видный представитель Католической Модерны, новой духовной поэзии, — Павол Гашпарович-Глбина. Общее он увидел в акцентах на чудесном и свободе. Ему решительно ответил будущий первопроходец и крупнейший поэт (а также художник) словацкого сюрреализма, вначале также связанный с Католической Модерной, — Рудольф Фабри (1915–1982). По его мнению, Глбина смешал трансцендентное чудо христианства с восприятием явлений действительности (неважно, во сне или наяву) как чудесных. Свобода же является неотъемлемым требованием художественного творчества. Интересно, что черты сюрреализма отмечаются в творчестве еще одного ведущего поэта Католической Модерны — Рудольфа Дилонга.

Фабри переходит от слов к делу, и с выхода его первого поэтического сборника «Отрубленные руки» (1935) начинается собственная история словацкого сюрреализма.

Исследователи констатируют, что этот сборник еще не вполне сюрреалистический, хотя один из его разделов носит подзаголовок «Автоматические тексты». Его основная цель — программный разрыв с традицией, ее высмеивание, азартная игра с формами (автору двадцать лет). Установка на игру и оптимизм роднит книгу с поэтизмом, а эпатирующая ломка канонов — с дадаизмом. Фабри достаточно много публиковался в журналах и коллективных сборниках 1930-х гг., но из своей постсимволистской поэзии взял в «Отрубленные руки» всего пять стихотворений и перечеркнул в книге название этого раздела, «Пролог», красным крестом, словно отрекаясь от прошлого. Виртуозно владея силлабо-тоническим стихом, поэт издевается над этой «отжившей» для него системой, выдавая бодрые стишкы вроде детских считалок, содержание которых может быть эротическим («Поэт»), пародийно осмысливающим суть поэзии («Смерть соловьям и зябликам») или просто веселой звуковой игрой («Птичий сейм»). «Всеръез» Фабри начинает культивировать верлибр, что сделается

нормой для надреалистов. Своими кумирами поэт называет Гийома Аполлинера, Андре Бретона, Витезслава Невзала, Марко Ристича, стремится подражать им, а также Рене Кревелю, Паулю Клее. Свои книги, как и книги своих товарищей по движению, Фабри оформлял красочными коллажами (он получил художественное образование в Праге, откуда в Словакию уже традиционно шли новые поэтические веяния). «Отрубленные руки», как и следовало ожидать, вызвали скандал и дискуссии о современной поэзии. Выдающийся поэт, критик и журналист Ладо Новомеский, творчески синтезировавший неосимволизм с элементами авангарда, писал в 1936 г. о Фабри и его последователе М. М. Дединском, поэте второго ряда: «...Мы должны взять их под охрану и становимся на их сторону. Ибо то, что в профессиональной и любительской критике называлось отрицанием этих поэтических опытов, было на самом деле неуклюжим покушением на всякое новое, современное стремление в лирике и в искусстве вообще»⁵.

Следующим серьезным выступлением сюрреалистов был альманах «Да и нет» (1938), объединивший в себе художественные произведения, статьи и переводы. Небольшое предисловие к нему, написанное его редакторами, литературоведами Микулашем Бакошем и Клементом Шимончиком, также называлось «Да и нет» и стало неофициальным манифестом движения. «Нет» фашизму и культурной реакции, «да» — прогрессивному в словацкой литературной традиции — вот коренные постулаты новой школы. Примечательно, что традицию словацкие надреалисты целиком не отбрасывали, она только еще устоялась и с ней было связано представление о нации, по горькой иронии судьбы обретшей государственную самостоятельность под эгидой Гитлера в марте 1939 г. Незадолго до этого события, в феврале 1939 г., движение приняло название «надреализм» и подчеркнуло свою связь с поэзией великого словацкого романика Янко Краля. С выходом сборника «Да и нет» словацкий сюрреализм обрел статус направления.

Второй поэтический сборник Фабри, «Водяные часы часы песочные»* (1938), был уже весомым вкладом в «положительный» арсенал новой поэзии. Здесь и мотив времени, определенный в заглавии, и тема смерти и насилия, и эrotические мотивы, и социальное начало. Фабри, как и другие надреалисты, придерживался левых

* Надреалисты отказались от пунктуации, и их тексты традиционно воспроизводятся так.

взглядов, что нашло отражение в его стихах и предопределило его переход к поэзии социалистического реализма в 1950-е гг. В сборнике выражена надежда на будущее, что было очень важным в предвоенном, отмеченном тенью фашизма году. Искрящееся столкновение сюрреалистических образов порой сменяется у Фабри простым и ясным языком, словно связывающим его с традиционной поэзией. На самом деле надреализм не исповедовал некую поэтическую заумь, а освобождался от стертых образов, не вызывающих у читателя эмоционального отклика.

Вершина творчества Фабри и всего словацкого надреализма — лирическая поэма «Я это кто-то другой» (1946), части которой публиковались в периодике в 1940–1942 гг. Свойственное надреалистам очарование возможностями новой поэзии, полетами фантазии соединилось здесь со страшными видениями вселенской катастрофы, навеянными войной. Жуткими ночными путешествиями лирического героя руководит демон Феней, «дьявол метафоры», раскрепощающий поэтическую образность и предвещающий тотальную гибель. Но пророчества Фенея не сбываются, в finale оказывается, что он был лишь ипостасью лирического героя. Написанные позднее последние две части несколько слабее, особенно вторая, в которой Фабри возвращается к традиционному стилю и более привычным образом. В них открывается светлая перспектива мирного будущего, характерная и для творений других надреалистов.

В 1939 г. выходит первый сборник Владимира Райсела (1919–2007), одного из самых заметных словацких надреалистов, — «Я вижу все дни и ночи». Получая филологическое образование, Райсел выступал также как теоретик нового направления и переводчик французской поэзии — сюрреалистической и близкой к ней. Самый эмоциональный и яркий поэт надреализма, совершивший прорыв в эrotической лирике, доселе весьма целомудренной, Райсел отличался высокой чувствительностью. Он действительно «видел все дни и ночи», все оттенки страсти в ее сплетении наслаждения и страдания, его образы всегда насыщены и поистине «ошеломляющи», он восхищался новой поэзией (это, пожалуй, и примиряло его с действительностью, внушало надежду). В письмах Микулашу Бакошу, теоретику и организатору надреалистического движения, Райсел еще в конце 1930-х гг. выражал то крайнее воодушевление, то крайнее отчаяние, раскрывая мятежную и незащищенную душу. В годы надреализма у Райсела вышло еще две книги, одна была подготовлена, но публикация состоялась почти через двадцать лет.

Это цикл любовной лирики «Темная венера» (1938–1940). Поэма «Нереальный город» (1943) считается вершиной надреализма, хотя в ней есть контуры сюжета и элементы описательности, что делает ее и более доступной читателю. Это воспоминание о любви, связанное с Прагой — «нереальным городом» разнообразных впечатлений и головокружительных мечтаний. Надвигающаяся война разбивает счастье влюбленных. Сборник «Зеркало и за зеркалом» (1945) отличается сгущенной атмосферой страха, тревоги, порой отчаяния — в любовной и социально-философской лирике. В конце появляются стихотворения, пронизанные светом надежды, есть даже ноты эйфории. В 1950-е гг. Райсел станет искренним оптимистичным певцом новой жизни — как, впрочем, многие другие поэты, в том числе бывшие надреалисты.

Не имея своего печатного органа, надреалисты выпускали альманахи, которые нередко предшествовали публикациям индивидуальных сборников. Они вначале назывались «сборниками поэзии и искусства», поскольку в них участвовали художники. Такими сборниками стали «Сон и действительность» (1940), «Днем и ночью» (1941), «Привет» (альманах поэзии, 1942). Публиковались надреалисты и на страницах «обычной» периодики; так, альманах «Да и нет» вначале вышел как объединенные три номера журнала «Slovenské smety», а затем — отдельным изданием. Выпускали надреалисты и так называемые листовки — не политического, а поэтического характера: «Поэзия нового видения» (1941–1942. Вып. 1–3). Первые две были приложениями к сборникам Ю. Ленко и Ш. Жари.

В 1940 г. выходит сборник Ивана Куноша (Купца) «По звездам менять маски» (этот незаурядный поэт как-то затерялся среди надреалистов). А в 1941 г. возникает просто бум публикаций, в игру вступают основные действующие лица, в дополнение к Фабри и Райсели. Это Ш. Жари («Зодиак»), П. Бунчак («Не засыпай зажги солнце»), Ю. Ленко («В нас и вне нас»), Я. Брезина («Я никогда не встречусь»). К надреалистам отчасти был близок П. Горов («Предательские воды грунтовые», 1940; «Ниобея мать наша», 1942), талантливо соединивший в своем творчестве эту струю с неосимволизмом, очень сильным в тогдашней словацкой поэзии. В 1942 г. выпускает первый сборник «Продано» Я. Рак. Эти поэты составили костяк словацкого поэтического надреализма.

Штефан Жари (1918–2007) — третий «кит» надреализма, проявивший себя не только как поэт, но и как прозаик и эссеист. Он был своеобразным летописцем надреалистического движения, в том

числе и в поэзии. В 1960-е годы, когда многие надреалисты возвращались к своим истокам, Жари публикует поэму «Муза осаждает Трою» (1965), вспоминая о поэтической молодости поколения. Троей была для него крепость традиционной поэзии, которую штурмовали молодые поэты. Как известно, историческая Троя все-таки пала. В поэме созданы, в частности, проникновенные портреты соратников по движению.

В годы войны надреалисты, в соответствии с программным утверждением, выражали свое неприятие насилия, физического уничтожения и нравственного давления, связанных с фашистской агрессией. Эти настроения постепенно вытесняли очарованность новыми поэтическими возможностями, игру причудливых метафор. Яркий пример — Штефан Жари. Его первый сборник, «Сердца на мозаике» (1938), был еще в русле традиции. Резкий поворот происходит в 1940 г., когда Жари публикует в альманахе «Сон и действительность» программное стихотворение «Жидкий охотник» (*Tekutý poľovník*). Эту шокирующую метафору можно расшифровать как всепроникающую охоту на красоту, «сладкую магию». Жари приводит в нем новые, непривычные образы, сталкивая их с «общепринятыми» выражениями и утверждая, что старая метафора «смердит». В сборнике «Зодиак» немало стихотворений, в которых поэт смакует метафоры новые. Таково, в частности, большое стихотворение «Тело» (новое уже своей телесно-эротической окраской). В форме незваловской анафоры (очень распространенной и у Райсела) здесь представлены разнообразнейшие возможности видения тела. В результате тело оказывается миром, историей, жизнью, смыслом всего. В Словацкой Республике военных лет, где были чрезвычайно сильны позиции религии, такое видение действительности не могло не восприниматься как крамола.

Однако в том же «Зодиаке» Жари публикует и поэму «Станция смерть», уже название которой — и цель путешествия лирического героя — говорит о подавленном настроении. Экзистенциальный страх смерти, осенние мотивы угасания и тления, которые пронизывают даже женские образы и эротическое начало, влияние разрушительной стихии — все это, несомненно, навеяно войной, дыхание которой ощущалось уже в конце 1930-х гг. Катастрофическое видение мира, как и у других надреалистов, усиливается у Жари к концу войны и выражено в сборнике «Заклейменный век» (1944), где уже начинает брезжить надежда. Впечатления, полученные поэтом на итальянском фронте, воплотились в стихах сборника «Печать пол-

ных амфор» (1944). В сегодняшний день вторгаются мотивы античной культуры. Надреалистический период Жари завершается сборником «Паук-странник» (1946), основную линию которого он сам определял как блуждание за счастьем и свободой⁶.

В поэме «Музу осаждает Трою» Жари писал о поэтах-надреалистах: «Мерцала поэзия, чтобы вообще можно было жить...»⁷. Там же он характеризовал состояние этих поэтов как некий стихотворный гипноз, колдовской сон, в котором только и могли они существовать, ибо пробуждение было бы жестоким разочарованием. В сборнике «Заклейменный век» сказано еще резче: пробуждение равносильно смерти (цикл «Приветствия»). Это не означало, что поэты убегали в сны, заслоняясь ими от реальности. Они были «детьми своего века» (образ Ю. Ленко). Их стихи, проникнутые ужасами военного времени и тягой к человечности, тоже были оружием. Они выламывались из картины официальной поэзии тех лет, которая, впрочем, в лучших своих проявлениях тоже осуждала войну, противопоставляя ей светлый женский образ (пример Валентина Бениака).

Несколько особняком в группе надреалистов стоял Павел Бунчак (1915–2000). Поэт-интеллектуал, философ и гуманист, он внес в поэзию снов и грез свой личностный тон. Контроль разума над выбросами подсознания, определенная сдержанность (по сравнению, например, с фейерверками образов у Райсела) характеризуют его поэтику. К надреалистическому периоду относят его книги «Не засыпай зажги солнце» (1941) и «С тобой и один» (1946). Картины изуродованнойвойной жизни также часто встречаются в его стихах.

Яркая надреалистическая образность наполняет стихи Юлиуса Ленко (1914–2000). Он делал акцент на эстетической роли поэзии, на поисках красоты (статья «Полемика о новой поэзии», 1941). Но и в эти поиски вмешивалась война. Непосредственно к надреализму относят сборник Ленко «В нас и вне нас» (1941), а в трех последующих книгах, называемых «лирическим триптихом», Ленко постепенно отходит от этой поэтики, двигаясь к более традиционной постсимволистской поэзии. На читательском восприятии это отражается так: его стиль становится «понятнее», «доступнее». Речь идет о сборниках «Горная цепь безнадежности» (1946), «Звезды-мучительницы» (1947) и «Стихи-воспоминания» (1948). В переписке с М. Бакошем 1940-х гг. Ленко постепенно отказывается от надреализма — с той же страстью, с какой ратовал за него, — считая его в конце концов важным, но уже завершенным этапом (1944).

Свои нюансы вносил в надреалистическое движение Ян Рак (1915–1969), поэт чуткой и тонкой души. Литературовед М. Гамада написал о нем: «...надреализму остался верен до последней минуты»⁸. К удачным надреалистическим сборникам поэта он относит его дебют «Продано» (1942) и книгу «В долине солнца» (1946). В том же 1946 г. вышел сборник с примечательным заглавием «Не оставляйте надежд». В нем собраны стихи о войне и наступлении мира. Не все в нем равнозначно, есть чрезмерное ликование и наивная вера в новые времена (свойственные, впрочем, не только Раку). Однако немало в нем эстетически значимых стихотворений, когда причудливая об разность надреализма делает картины военных бедствий и близящегося мира личностными и впечатляющими.

Замыкает «семерку» основных поэтов словацкого надреализма Ян Брезина (1917–1997), чье особое место в истории литературы связано с тем, что параллельно поэтическому творчеству он работал как ученый-литературовед. К надреалистическому периоду относятся его сборники «Я никогда не встречусь» (1941), «Зов вместо сна» (1945) и «Ангел покоя» (1946). Его стиль отличается достаточной «ясностью»; критики связывали это с моментом интеллектуальности, размышления (против чего, в частности, выступал Ленко).

Движение надреализма не было чисто литературным. К художникам и скульпторам, входившим в него, относят Циприана Майерника, Яна Мудроха, Йозефа Костку, Ладислава Гудерну, Вилиама Хмела, Рудольфа Прибиша, Винцента Гложника, Эстер Фридрикову, Дезидера Милли. Они публиковали свои работы в надреалистических альманахах, оформляли поэтические сборники. С другой стороны, поэты (Ш. Жари, Я. Рак, В. Райсел) писали статьи об изобразительном искусстве.

«Критиками поколения» стали литературовед Михал Поважан и искусствовед Ярослав Дубницкий (Джерри Гонза).

В 1950-е гг. надреалисты отдают дань поэзии социалистического реализма, воспевая радость мирных будней, созидающего труда. Все это было достаточно искренним, ведь социалистический идеал был ими вымечтан, и казалось, что мечты исполняются. К началу 1960-х гг. это «опьянение» развеивается, что не означает подрыв веры в будущее. Поэты стремятся нащупать связь со своей более ранней, надреалистической поэтикой, но в полной мере это уже не удается. В 1965 г. выходит сборник поэзии и работ художников, составленный на основе альманахов 1940-х гг. Он назывался «Перед лицом всех» (выражение В. Райсела). В 1967 г. наконец публикуется «Темная ве-

нера» Райсела — один из лучших образцов надреалистической лирики. М. Бакош в 1969 г. издает сборник статей и других материалов, посвященных надреализму, — «Авангард-38». «Нормализация» в Чехословакии, наступившая на рубеже 1960–1970-х гг., «заморозила» этот процесс, хоть и не до конца (по крайней мере, в Словакии). Однако нельзя не учитывать, что итоговым годом европейского сюрреализма считается все тот же 1969-й.

Словацкий надреализм вписал ярчайшие страницы в национальное искусство XX в., явив подлинные художественные достижения и став формой эстетического протesta в военные годы, а его отзвуки плодотворно проявились у творцов более молодых поколений. Достаточно назвать крупнейшего поэта второй половины XX в. Мирослава Валека (1927–1991) и замечательного художника-графика (в том числе иллюстратора Валека) Альбина Бруновского (1935–1997). Прежде всего это проявилось в 1960-е гг., но и в 1970–1980-е, когда Валек был министром культуры Словакии, «контрабанда» сюрреалистических элементов ощущалась, будучи тонко сплавленной с «официальной» линией в искусстве. В творчестве Валека (сб. «Беспокойство», 1963; «Любовь в гусиной коже», 1965) сюрреалистическое начало часто служит способом выражения неосознанного страха (главным образом перед смертью), подсознательных ассоциативных процессов и т. п. Это приводит к поэтическим «стяжениям», монтажной композиции, когда многие логические звенья «проскаивают» незамеченными, яркие образы являются будто бы ниоткуда и «ошеломляют» читателя. А. Бруновский, ученик В. Гложника, — художник с европейской известностью, выставлявшийся, в частности, и в Москве. Искусствовед Г. Петрова-Вашковичова назвала его одним из «самых значительных представителей словацкого изобразительного искусства», «исключительно талантливым рисовалщиком, наделенным поразительной зрительной памятью»⁹. В 1960-е гг. он откровенно сюрреалистичен, затем у него больше проявляется фигуративность, обманчивая реалистичность рисунка.

Все это позволяет сделать вывод о чрезвычайной важности сюрреалистического направления в Словакии, к середине XX в. уже шедшей в ногу с европейскими и мировыми художественными веяниями и обогащавшей литературу и искусство национальными нюансами славянского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Сюрреализм и авангард. М., 1991. С. 82–98.
- 2 *Viramo A. и O.* Мэтры мирового сюрреализма. СПб., 1996. С. 152.
- 3 Голоса столетий: Антология словацкой поэзии от истоков до конца XX века. М., 2002.
- 4 *Будагова Л.* Чешский сюрреализм. Динамика и функция // Литературные итоги ХХ века (Центральная и Юго-Восточная Европа). М., 2003. С. 138.
- 5 *Novomeský L.* Situácia v modernej poézii // Nadrealizmus. Avantgarda 38. Bratislava, 2006. S. 47.
- 6 См.: *Števček P.* Štefan Žáry // Dejiny slovenskej literatúry. Bratislava, 1984. S. 650.
- 7 *Žáry Š.* Tekutý poľovník. Bratislava, 1988. S. 323.
- 8 *Hamada M.* Medailóny príslušníkov nadrealizmu // Nadrealizmus. Avantgarda 38. S. 624.
- 9 Народный художник Албин Бруновский. Избранная графика 60–70-х годов: Буклет выставки в Москве 7–31 мая 2004 г.

Shvedova N. V.

Surrealism in Literature and Art of Slovakia

The author studies the phenomenon of Slovakian Surrealism (1935–1949) having played a big role in shaping of national literary process and later manifested itself in 1960-s.

Key words: *Surrealism, Slovakian poetry, imagery, antimilitary protests.*

B. C. Ефимова
(Москва)

**Лексический критерий в истории изучения
памятников древнеславянской письменности
и новые возможности его применения**

В статье рассматриваются результаты применения лексического критерия в палеославистических исследованиях в исторической ретроспективе и обсуждаются новые возможности применения данного критерия в связи с начавшейся публикацией в Праге «Греческо-старославянского индекса».

Ключевые слова: *древнеславянская письменность, старославянский язык, старославянская лексика, история славистики.*

К юбилею Эмилии Благовой

Впервые в палеославистике лексический критерий использовал, видимо, один из отцов-основателей славистики — Павел Йозеф Шафарик. В своей работе «Über den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus» («О происхождении и родине глаголитизма»), опубликованной в Праге в 1858 г. (русский перевод А. Шемякина появился в 1861 г.), Шафарик привел реестр дифференцирующих лексем, чье панонское происхождение считал доказанным. Обосновывая большую древность глаголических рукописей в сравнении с кириллическими, Шафарик обращает внимание на «с л о в а и в ы р а ж е н и я, которые, если не исключительно, то, однако же, преимущественно встречаются в одних Глаголитских рукописях, и обыкновенно заменяются другими в Кирилловских, особенно младших по времени (если только они не списаны с Глаголитских)»¹, и отмечает, что «глаголитизмы встречаются чаще всего в трех книгах, которых перевод приписывается Св. Кириллу: в Псалтири, Евангелии и Апостоле»².

Однако широкое и плодотворное применение лексического критерия в изучении памятников древнеславянской письменности справедливо связывают с именами В. И. Ягича и А. И. Соболевского и положениями, разработанными в их трудах рубежа XIX–XX вв. К концу XIX в. в палеославистических исследованиях произошел перенос акцента с изучения фонетики и морфологии древнейших славянских рукописей на изучение их лексики и синтаксиса. «Как известно, — писал в 1900 г. А. И. Соболевский, — фонетические особенности с чрезвычайной быстротою и легкостью изменялись древними пере-

писчиками... Ту же судьбу... имели и особенности морфологические. Материал, которому мы придаём значение, — словарь... За редкими исключениями, словарь списка совсем или почти совсем не отличается от словаря оригинала»³. Основной целью работ Соболевского было выделить из всего древнеславянского письменного наследия переводы русские, что и было темой его доклада «Особенности русских переводов домонгольского периода» в 1893 г.⁴ В качестве дифференцирующих Соболевский выделил три группы слов: «1) Слова славянские по происхождению с специальными значениями... 2) Слова, заимствованные русским языком из других языков... Подобные слова или совсем неизвестны в церковнославянских текстах южнославянского происхождения, или известны в других значениях. 3) Названия городов, народов и т. п., хорошо известных русским и неизвестных или малоизвестных южным славянам...»⁵.

И. В. Ягич в работе 1902 г. «Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache»⁶ представил свод лексических дублетов в виде лексических пар, отражающих процесс развития древнеславянского языка («Zusammenstellungen sind wir jetzt schon in der Lage über eine recht beträchtliche Anzahl von lexicalischen Doubletten aus den Bibeltexten mit grosser Sicherheit zu behaupten, welcher von zwei oder mehreren Ausdrücken der ältere sei und der frühesten Übersetzungsfähigkeit angehören dürfte»⁷). Этот знаменитый свод Ягича явился обобщением предшествующей огромной лексикологической работы палеославистов — Амфилохия Сергиевского, Г. А. Воскресенского, В. Вондрака, В. Облака, Л. Стояновича, И. Поливки и др. — по выявлению синонимов-дублетов, характеризующих различные по времени и месту написания группы рукописей. Накопление материала шло постепенно, в процессе (как тогда говорили) «сравнительного критического изучения» древних славянских памятников письменности. Так, например, огромная работа по выявлению разночтений в древнейших евангельских и апостольских рукописях была проделана архимандритом Амфилохием Сергиевским. Уже в его трудах находим многие из тех пар, которые и в настоящее время используются в качестве критерия для определения связи списка с Преславской редакцией. Описывая особенности Карпинского апостола XIII в., Амфилохий отмечает: «Слова исправленные в сем Апостоле употреблены в исправленных Евангелиях по неделям, и полных Четвероевангелиях конца XI в. и начала XII в. Таковы слова: *старѣнишина жречьскии* вм. *архіерѣи*, *страна* вм. *газыкъ*, *послоухъ* вм. *свѣдѣтель*, *трѣба* вм. *жертвенникъ* и другие»⁸. Свои

наблюдения над результатами «исправления» текста Нового Завета Амфилохий зафиксировал в довольно обширных словарях (Древлеславяно-греко-русском евангельском Юрьевском и Галичском словаре сравнительном по древним памятникам до XVII века, Древлеславяно-греко-русском сравнительном Карпинском апостольском словаре XIII–XIV вв., Древле-славяно-греко-русском сравнительном Апокалипсическом словаре XIV в.).

Таким образом, на основании предшествующих исследований Евангелия, Апостола, Псалтыри и Апокалипсиса Ягич составил списки 1) словообразовательных вариантов, образованных от одного и того же корня; 2) вариантов при передаче одного и того же греческого слова (оба варианта — славянские) и 3) переводов ранее непереведенных выражений (т. е. более ранние грецизмы и славянские их замены). Затем Ягич привел такие же лексические сопоставления из книг Ветхого Завета⁹. (В последнем случае Ягич основывался, главным образом, на исследованиях книги Исаии И. Е. Евсеевым и книги Иисуса Навина В. К. Лебедевым¹⁰.) Первейшей задачей для Ягича было установление границ древнейшего лексического фонда древнеславянского языка («die Feststellung des ältesten kirchenslavischen Wortschatzes»). Однако он имел в виду и другую цель — изучение «вторых членов» синонимических пар, которые могли представлять собой варианты более позднего времени. Возникновение таких вариантов объяснялось им стремлением частично к большей точности, частично к большей понятности языка («Varianten späterer Zeit, deren Auftreten zum Theil in dem Bestreben nach grösserer Genauigkeit, zum Theil aber auch in der dadurch erzielten grösserer Verständlichkeit seinen Erklärungsgrund findet»¹¹). В последнем случае варианты могли иметь диалектное происхождение («Wo das letztere der Fall war, dort sollte man allerdings dem secund Ausdruck einen localen Hintergrund zuschreiben»¹²). Таким образом Ягичем была сформулирована идея о диалектном происхождении вариантов в древнейших списках Св. Писания, имевшая огромное влияние на последующие исследования. В то же время, во избежание упрощения и искажения взглядов Ягича, следует отметить, что сам он среди «вторых членов» пар видел как «варианты более позднего времени», так и синонимы «того же времени» («gleichzeitige Synonymen»¹³), т. е. Ягич не упускал из вида и возможность лексического варьирования как свойства переводческой техники древних книжников.

С появлением обобщения Ягича наглядно очертился «исторический ход славянской письменности», а конгломерат древнейших ру-

кописей предстал как коллекция свидетельств, фиксирующих разные стадии развития древнеславянского языка в его древнейшую эпоху. «Правый ряд» в своде синонимов Ягича во многом совпадал с особой лексикой, характеризующей тексты, связанные с эпохой расцвета древнеславянской письменности в Болгарии конца IX — начала X в. во времена царствования царя Симеона. Сформированный таким образом лексический критерий идентификации преславских текстов стал широко использоваться в исследованиях начала XX века — в трудах по Псалтыри В. А. Погорелова, по книгам Ветхого Завета И. Е. Евсеева, А. В. Михайлова, Н. Л. Туницкого и других палеославистов.

Идея о существовании «второй редакции» всех книг Св. Писания в Болгарии в эпоху царя Симеона как целенаправленного предприятия, связанного с созданием толковой версии, была достаточно популярна среди российских ученых еще в конце XIX в. Особенно горячо ее защищал В. А. Погорелов. В работе 1901 г., при попытке наметить редакции славянской Псалтыри и связать перевод Феодоритовой псалтыри с выделенной к тому времени И. Е. Евсеевым редакцией Толковых пророчеств, Погорелов в решительной форме высказывает свое мнение: «Феодоритова Толковая Псалтырь является как бы частью обширнейшего труда — перевода книг Св. Писания с толкованиями»¹⁴. Выступая на 41-м заседании Славянской Комиссии Императорского Московского Археологического Общества с докладом о своем исследовании Феодоритовой псалтыри, Погорелов делает такое обобщение: «Важным является то обстоятельство, что и в других книгах св. Писания замечается существование двоякого типа перевода... причем одна из этих редакций, явно являющаяся вторичной и постоянно сопровождаемая толкованиями, вполне сходится по своим особенностям с редакцией Псалтирного текста, находящейся при Толкованиях Феодорита Киррского. Таким образом является необходимым принять появление в известную эпоху исправленного перевода целого цикла библейских книг с толкованиями»¹⁵. Обратив далее внимание присутствовавших на сходство толковой редакции по лексическим и морфологическим особенностям с Супрасльской рукописью и Изборником 1073 г., Погорелов делает вывод о месте и времени ее возникновения: «Последний памятник (т. е. Изборник 1073 г. — В. Е.), составленный в Болгарии при ц. Симеоне и для него, бросает свет и на всю группу памятников, которые мы должны в виду этого считать написанными на болгарском языке приблизительно в X веке»¹⁶.

Следует сказать, что работа русских палеославистов начала XX в. по поиску второй («симеоновской») редакции книг Св. Писания, основанная на применении лексического критерия, не потеряла своей актуальности до нашего времени. Так, в своем исследовании Феодоритовой псалтыри по Чудовскому списку В. А. Погорелов применил метод сопоставления характерной лексики Феодоритовой псалтыри с лексикой памятников Симеоновой эпохи — Супрасльской рукописи, произведений Иоанна Экзарха, Изборника 1073 г., XIII слов Григория Богослова (по списку XI в.), Златоструя XII в. и др. В таблицах особенностей четырех редакций славянского перевода Псалтыри В. А. Погореловым были даны практически все лексические пары, характерные для первоначальной и второй редакции славянской Псалтыри (вторая редакция у Погорелова — редакция Феодоритовой псалтыри)¹⁷. Много десятилетий спустя болгарская исследовательница И. Каракорова, изучавшая Чудовский список Феодоритовой псалтыри в рамках масштабного проекта, направленного на доказательство существования «преславской» редакции богослужебных книг, во многом повторила исследование В. А. Погорелова — как в выводах, так и в методике исследования¹⁸.

Поиски следов второй редакции Апостола также были начаты в начале XX в. Изучив текст «Беседы» Пресвитера Козьмы, М. Г. Попруженко приходит к заключению: «его (т. е. Козьмы Пресвитера. — В. Е.) цитаты из Св. Писания должны быть признаны в полной мере интересными, как указанный выше материал для детального определения и установления так называемой *симеоновской редакции* текста Св. Писания (курсив наш. — В. Е.). С этой целью я привел выше из сочинения Козьмы весь запас цитат из Св. Писания. Не сомневаясь, что он может быть использован при работах восстановления симеоновской редакции текста Св. Писания, я привожу из них ниже некоторые разночтения»¹⁹. Далее, в примечании на с. 201, Попруженко дает сравнение ряда апостольских цитат из текста Пресвитера Козьмы с текстом Толстовского апостола, определенного Г. А. Воскресенским в качестве основного списка второй редакции²⁰. При этом Попруженко отмечает сходство цитат Пресвитера Козьмы с текстом Толстовского апостола, тем самым полагая начало той работы, которая была продолжена И. Добревым²¹.

«Новую жизнь» лексический критерий получил в последние десятилетия прошлого века в трудах болгарских коллег. Исследования И. Добрева, Т. Славовой, П. Пенева, И. Каракоровой и др. были направлены на выявление следов второй редакции богослужеб-

ных книг (которую теперь предпочитают называть не «симеоновской», а «преславской») и характеристику деятельности книжников Преславского центра письменности. Начало этой масштабной работы, базирующейся в значительной мере на применении лексического критерия, положила известная статья И. Добрева «Гръцките думи в Супрасльския сборник и втората редакция на старобългарските богослужебни книги», опубликованная в ж. «Български език» (1978, № 2, с. 89–98). Болгарские ученые во многом возродили то, что было сделано русскими палеославистами в начале XX в., и пошли дальше в своих изысканиях.

В настоящее время лексический критерий остается основным в изучении древнеславянских памятников письменности — несмотря на критику и иногда даже отрижение возможностей его применения, попытки опереться на другие критерии — синтаксический, морфологический, орфографический²². Современные исследования в общем подтвердили положение Соболевского об относительной стабильности словаря списков. Как отмечает А. М. Молдован, «выясняется, что при копировании текста рядовыми переписчиками замена лексики не практиковалась; лексическая правка была прерогативой редакторов»²³. Вместе с тем исследования последних десятилетий расширили содержание лексического критерия, особенно в той его части, которая касается так называемых русизмов. «К тем “контрольным” словам, которые обнаружил Соболевский, — пишет А. М. Молдован, — добавились десятки региональных слов и значений северославянского или восточнославянского происхождения, неизвестных южнославянским языкам»²⁴. Лексический критерий как таковой и применение его для локализации некоторых памятников древнеславянской письменности (Хроники Георгия Амартола, Пандектов Никона Черногорца, Жития Андрея Юродивого) стал предметом дискуссии последних лет между русскими и болгарскими коллегами²⁵.

Новые возможности для применения лексического критерия в изучении древнеславянского письменного наследия открывает, на наш взгляд, метод сопоставления греческой лексики со славянской, при котором «отправным пунктом» является греческая лексема. Традиционно, с середины XIX в., палеослависты используют в своих исследованиях «греческую Vorlage» древнеславянских текстов. (Можно напомнить, что издание Остромирова евангелия с параллельным греческим текстом А. Х. Востоковым — 1845 г.) При этом исследователей всегда интересовало, какое слово греческого ori-

гинала переводит слово славянское, что и породило повсеместно распространенный в палеославистике термин «греческое соответствие». Однако «греческое соответствие» — термин алогичный: соответствием является по существу слово славянское, а не греческое. Справедливости ради следует отметить, что ранее практически только и был возможен такой путь исследования — от славянского слова к греческому. К настоящему же времени палеославистикой накоплен уже такой опыт изучения памятников древнеславянской письменности, что стало возможным оперировать разными переводами в них греческих лексем. С другой стороны, лексический критерий «вобрал в себя» и достижения исследований по старославянскому словообразованию, позволяя тем самым вскрывать механизмы номинации в процессах перевода и редактирования древних текстов. Данный метод исследования, при котором путь пополнения старославянского лексического фонда прослеживается по древнеславянским памятникам письменности начиная от подлежащей переводу греческой лексемы, становится в настоящее время доступным палеославистам, так как в Праге начал выходить в свет «Греческо-старославянский индекс»²⁶, готовящийся к изданию в Отделе палеославистики и византинологии Славянского института АН ЧР. Индекс будет охватывать всю лексику, зафиксированную в круге памятников, положенных в основу словаря известного Пражского старославянского словаря (*Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1958–1997. Т. I–IV).

Рассмотрим, например, распределение по памятникам древнеславянской письменности славянских переводов группы греческих композитов с корнями -λαβ- и -σεβ-: εὐλάβεια, εὐσέβεια, θεοσέβεια, εὐλαβής, εὐσεβής, θεοσεβής, где первыми компонентами выступают εὖ ‘хорошо’ и θεο- (от θεός ‘бог’). Изначальная семантика корней -λαβ- и -σεβ- совершенно различна: -λαβ- присутствует в гл. λαμβάνω ‘брать, хватать’ (туда же и ἡ λαβή ‘ручка, рукоятка’, ‘взятие, получение’, и ‘удобный случай’); -σεβ- присутствует в гл. σέβομαι (реже в активном залоге σέβω) ‘страшиться’, ‘почитать’, ‘быть благочестивым’. Однако развитие значений слов с этими корнями в греческом шло к общей семантике данных композитов ‘небожность, благочестивость’ (так, в εὐλαβής — от ‘осторожного’ до ‘богобоязненного’).

εὐλάβεια

говѣник — Евх 92а 2; 98б 1; Клоц 9б 22; Евр 5,7 Христ, Струм (**говѣянник** Охр Шиш); Евр 12,28 Христ, Слепч, Струм (**говѣянник**

Шиш); Служ XIII–XV 229, 8; НомУст 10а 5; 14 б 9–10; 27б 4; 28а 25; Супр 67, 27; 285, 12; 458, 24; 492, 18;
говѣнино житиик Евх 87а 14; **вѣра говѣнина** Евх 19а 9;
добрость — Супр 365, 7; 386, 2;
въздрѣжаник — 364, 30; 405, 21–22; 408, 14;
съмыслъ — ‘разумность, мудрость’ Супр 360, 17–18;
сѣмьнѣник — ‘страх Божий’ Супр 354, 22;
благовѣрик — I Тим 2, 2 Христ, Охр, Слепч, Струм, Шиш (вар.
 εὐσέβεια);
благогованик — Евр 5, 7 Мат; Евр 12, 28 Мат;
доброговѣник — Супр 252, 14;
доброговѣнитъ ἐν εὐλαβείᾳ — Супр 252, 14
 (ἀνὴρ ὀνομαστὸς ἐν εὐλαβείᾳ — **мѣжда именита и**
доброговѣнина);
благоговѣник — Служ XV 43, 3–4; Служ XV 147, 1–2; Служ XV
 121, 7.

εὐσέβεια

чѣсть — Клоц 1а 25–26;
вѣрынъ (Gen. εὐσεβείας) — НомУст 17б 22 (λόγῳ εὐσεβείας —
 словомъ вѣрыныиъ);
благовѣрик — I Тим 2, 2 Христ, Охр, Охр, Слепч, Струм, Шиш
 (вар. εὐλάβεια); Исаия 11, 2 Зах; Притчи 1, 7 Зах;
благовѣрьствиик — Исаия 11, 2 Григ; Притчи 1, 7 Григ;
благочѣстие — I Тим 2, 2 Мат; Супр 357, 10; Супр 326, 5 —
 Слово на вербное воскресеніе (28) (**чѣсть** — Клоц 1а 25–26);
доброчѣстие — Супр 217, 13.
ѳеосѣбѣиакоющѣстинк — I Тим 2, 10 Христ, Слепч, Шиш; Супр
 98, 16; Супр 324, 25–26; Хил 2бα 22–23; НомУст 31а 20; б/греч. —
 Супр 559, 5; Супр 559, 8; 560, 20 — Житие Анина (48);
благочѣстинк — I Тим 2, 10 Мат; ГомВейк 109, 10–11.
εὐλαβήչчѣстивъ — Л 2, 25 Мар Сав, Остр и др. (вар. εὐσεβής);
чѣтивъ — Л 2, 25 Зогр (вар. εὐσεβής);
говѣнинъ — Деян 2, 5 Гильф;
вѣрынъ — Супр 81, 6 (κληρικοὺς ἄνδρας εὐλαβής — **клирикты**
 и **мѣжда вѣрыны**);
благовѣрьнъ — Деян 2, 5 Охр, Струм; Деян 8, 2 Гильф; Деян 22,
 12 Христ, Мат (вар. εὐσεβής);
благоговѣнитъ — Деян 2, 5 Шиш;
доброговѣнитъ — Супр 270, 22 (ср. ἐν εὐλαβείᾳ — **доброговѣнина**

в Супр 252, 14);

богочестивъ — Супр 529, 1 (superl. εὐλαβέστατος) — Житие Якова черноризца (46).

εὐσεβήςчестивъ — Л 2, 25 Мар Сав, Остр и др. (вар. εὐλαβής);

чтиивъ — Л 2, 25 Зогр (вар. εὐλαβής);

благъ — Евх 13а 22 (ἐν εὐσεβεῖ πίστει — въ благъи вѣрѣ);

благовѣрынъ — Деян 22, 12 Христ, Мат (вар. εὐλαβής); Супр 26, 21;

благочестынъ — Супр 341, 34; Супр 506, 18; Хил 2бβ 6–7;

доброчестынъ — Супр 207, 28; Супр 214, 15–16; Хил 2бβ 1;

доброчестивъ — Супр 222, 7–8; Супр 281, 13–14 (superl. εὐσεβέστατος).

θеосе~~вѣ~~гочьтыцъ — И 9, 31 Зогр, Мар, Ас, Остр и др.; Иов 1, 1 Григ, Зах; Иов 1, 8 Григ, Зах; Иов 2, 3 Григ, Зах;

богочестивъ — Супр 8, 29 — Житие Павла и Улианы (1); б/греч. — Супр 539, 23 Житие Василия и Капитона Херсонских (47); Супр 541, 22 там же; Супр 552, 12 Житие Анина (48); Супр 564, 9–19 там же; Супр 564, 13 там же;

adv. **богочестивъ** — Супр 539, 20–21 Житие Василия и Капитона Херсонских (47)²⁷.

Изложенный таким образом материал показывает приоритеты выбора способов номинации, свойственные древним книжникам на разных этапах становления старославянского языка. Результат применения данного метода сопоставления греческой и старославянской лексики не противоречит прежним наблюдениям палеославистов, но значительно расширяет конкретный материал и уточняет наши представления о путях формирования старославянского лексикона, проясняет пути вхождения в него каждой лексемы. Общие тенденции таковы. Там, где возможно использование «простых» славянских лексем (не композитов), они используются путем приближения семантического объема славянского слова к семантическому объему слова греческого — при наличии общих сем в их значениях²⁸. Это «славянские соответствия» чьсть, благъ, вѣрынъ, говѣинъ, говѣникъ, добрость, съмыслъ и т. п. Такой перевод особенно характерен для начального этапа формирования старославянского лексикона. По мере его становления приоритетом становится стремление к морфологической точности перевода. Появляются кальки, в большей или меньшей мере отражающие морфологическую и семантическую структуру греческого композита. Разумеется, этот способ номинации применяется не как всеобщее правило, но как тенденция, и

особенно сильно эта тенденция проявляется в деятельности преславских книжников. Так, в Деян 2, 5 перевод εὐλαβής в списке Гильф сохраняется как **говѣнъ**, в Охр и Струм — калька **благовѣрнъ**, в Шиш — калька **благоговѣнъ**; в Слове на вербное воскресенье в Клоц перевод μετὰ τῆς εὐσεβείας сохраняется как **съ честыи** (Клоц 1а 25–26), тогда как в Супр — калька **съ благочестии**. В Супр появляются лексемы с характерными для языка преславских книжников морфологическими чертами: суффикс *-iv-* у прилагательных, суффикс *-v-* у наречия, первый компонент **добро-** вместо **благо-** в композитах.

В качестве примера использования полученного таким методом сопоставления материала для локализации памятников древнеславянской письменности приведем свое объяснение употребления композита **богочестивъ** в Ассеманиевом евангелии в Л 2, 25 на месте греч. εὐλαβής: ὁ ἀνθρωπός οὗτος δίκαιος καὶ εὐλαβής — И члкъ съ правъдивъ. и бочестивъ. Ас 141b. Употребление лексемы **богочестивъ** в Ассеманиевом евангелии давно «ставило в тупик» палеославлистов: если считать ее результатом правки, имеющей целью точность перевода, то, как справедливо отмечал еще в 1953 г. Ф. Гривец, **богочестивъ** является калькой (*«prevod»*) греч. θεοσεβής, а не εὐλαβής²⁹. В этом стихе в греческом тексте действительно есть разночтение εὐλαβής / εὐσεβής, что отмечает, например, Мерк³⁰, однако не θεοσεβής. В недавнем исследовании А. С. Плис была предпринята попытка объяснить употребление **богочестивъ** в Ас в Л 2, 25 тем, что наличие «своебразного параллелизма в Евангелии от Луки и Септуагинте... позволило славянским переводчикам прибегнуть к аллюзии на Ветхий Завет»³¹, причем цитировался довольно поздний текст Ветхого Завета по Елизаветинской Библии (1751 г.): Человѣкъ нѣкіи влашѣ во странѣ аусітідістѣни, емѣже имѧ iѡвъ, и вѣчеловѣкъ шнъ истиненъ, непороченъ, прѣдѣнъ, бгочестивъ... (Иов 1, 1). Аллюзия на Ветхий Завет в Л 2, 25, возможно, действительно имеет место, но это аллюзия оригинала: в греческом тексте хотя и разные лексемы — εὐλαβής и θεοσεβής, но близкие по значению: ὁ ἀνθρωπός οὗτος δίκαιος καὶ εὐλαβής (Л 2, 25) — “Ανθρωπός τις ἦν χώρᾳ τῇ Αὐδítidi... καὶ ἦν ὁ ἀνθρωπός εκεῖνος ἀλητινός, ἄμεμπτος, δίκαιος, θεοσεβής... (Иов 1, 1). Что же касается славянского перевода, то в большинстве старших списков Евангелия в Л 2, 25 εὐλαβής переведено как **честивъ**: 1 чкъ съ правъдени и честивъ. Мар (так же честивъ и в Сав, Остр, Добр, Добрм, Бан, Врач и др., честивъ в Зогр, и только в Ас из старших списков находим **богочестивъ**).

Посмотрим, что может дать нам путь исследования, где «отправным пунктом» будут греческие лексемы.

В греческом евангельском тексте композит **θεοσεβής** встречается только однажды, в И 9, 31: ἀλλ᾽ ἔαν τις θεοσεβῆς ἦ... Во всех старших списках Евангелия сохранен перевод этого прилагательного существительным **богочьтыцъ**: **и́нъ аште къто бгочьтыцъ естъ.** (Зogr). То есть мы имеем здесь перевод калькой, но калькой не точной с точки зрения морфологической структуры. Для перевода «по смыслу» (что вообще характерного для перевода Евангелия) такое «разногласие» допустимо, так как речь идет об именной части сказуемого, где возможно употребление как прилагательного, так и существительного. Композит **θεοσεβής** встречается также в паремейнике, трижды в книге Иова (Иов 1, 1; Иов 1, 8; Иов 2, 3), где также употребляется в именной части сказуемого и «упорно» переводится существительным **богочьтыцъ** (т. е. уже известной по евангельскому тексту лексемой), что сохраняется в старших списках паремейника — Григ и Зах, рукописях к тому же разных изводов (болгарского и русского). Ср. Иов 1, 1: καὶ ἦν ὁ ὄνθρωπος εκεῖνος ἀλητινός, ὅμερπτος, δίκαιος, θεοσεβῆς — **и віа члвкъ истіненъ непороченъ. праведенъ бгочьтыецъ** (Григ). Таким образом, очевидно, что первоначальным переводом **θεοσεβής** в Ветхом Завете было **богочьтыцъ**, а не **богочьстивъ**. А появляется прил. **богочьстивъ** — как морфологически точная калька греч. **θεοσεβής** — в Супрасльской рукописи (Супр 8, 29, Житие Павла и Улианы, № 1), и есть все основания считать его преславизмом, так как кроме этого оно трижды употреблено в Житии Анина (№ 48) и дважды в Житии Василия и Капитона Херсонских (№ 47), т. е. в тех частях Супр, в которых по давним наблюдениям палеославистов максимально со средоточены характерные для языка преславских книжников черты. Отметим в **богочьстивъ** и суффикс *-iv-*, характерный для новообразований преславских книжников³². Отметим здесь кстати и то, что на предпочтительность прилагательных с суффиксом *-iv-* в узусе преславских книжников указывает тенденция к замене прилагательных с суффиксом *-ъn-* прилагательными с суффиксом *-iv-* в списках Апостола, приписываемых Преславской редакции³³. Отметим и употребление в Житии Василия и Капитона Херсонских образованного от прил. **богочьстивъ** наречия **богочьстивѣ** с суффиксом *-ѣ-*, так как образование наречий с этим суффиксом от прилагательных сложной структуры также было свойственно языку преславских книжников³⁴. Употребление **богочьстивъ** в книге Иова — явно более поздний

вариант перевода, также связанный, видимо, с деятельностью преславских книжников, так как находим его в известной своими преславизмами рукописи F.I.461: **члвкъ єтеръ бѣ въ земи авситидстѣи, емъже имѧ іѡвъ. и бѣ члкъ тъ истинентъ непорочен. правдѣнъ бѣгочьстивъ.** (Иов 1, 1)³⁵.

Далее. Старославянские лексемы, созданные однажды как кальки с греческих композитов, входили в старославянский лексический инвентарь и продолжали «живь своей жизнью», могли впоследствии использоваться для перевода и других греческих лексем, сходных по значению. На это явление впервые, видимо, обратила внимание Э. Благова³⁶, а затем такие случаи неоднократно описывались нами³⁷. Уже в пределах Супрасльской рукописи наблюдаем такое употребление прил. **бѣгочьстивъ** для перевода греч. εὐλαβέστατος (superl. от εὐλαβής) в Житии Якова черноризца (№ 46, тоже одна из «преславских» частей Супр). Таким образом, употребление в Ассеманиевом евангелии прил. **бѣгочьстивъ** для перевода сходной по значению лексемы εὐλαβής следует рассматривать как инновацию, внесенную в евангельский текст преславскими книжниками. Это объяснение, на первый взгляд совершенно неожиданное, так как традиционно глаголическое Ассеманиево евангелие считалось «охридским» памятником, согласуется с некоторыми другими наблюдениями палеославистов.

Традиционное отнесение древнеболгарских глаголических рукописей к «охридским», а кириллических к «преславским» давно подвергнуто пересмотру. Уже в 1929 г., в связи с изданием Погодинских листков XII в. (по содержанию — отрывок из Толкований Ипполита на книгу пророка Даниила), Г. А. Ильинский достаточно определенно высказал свое заключение об использовании глаголического письма наряду с кириллическим в Преславском центре эпохи царя Симеона: на 2-м листе этой кириллической рукописи он насчитал 91 вкрапление глаголических букв³⁸. В дальнейшем изучение древнейших правописных систем и использования двух славянских азбук (особенно работы И. Гъльбова и Б. Велчевой³⁹) показало правильность наблюдений Г. А. Ильинского и позволило пересмотреть устоявшиеся мнения о месте написания некоторых известнейших и важнейших для палеославистики рукописей. В нескольких своих работах Б. Велчева прямо относит к Преславскому центру написание Ассеманиева евангелия⁴⁰. На связь с Преславским центром Ассеманиева евангелия указывают и некоторые наблюдения над его языком. Еще в статье 1991 г. нами отмечалось как преславизм употребление в Ассеманиевом еванге-

лии **ѹððѹынъ**, наречия с суффиксом **-ъ-** от прилагательного сложной морфологической структуры⁴¹. Затем и А. А. Пичхадзе, на основании употребления в Ас «восточноболгаризмов» **акты, радъма, послоуши-ствовати**, высказала предположение о влиянии на Ас со стороны преславской редакции евангельского текста⁴². В работе 2008 г. мы писали о закономерности употребления в Ас сущ. **кънигъчи** вместо первоначального **кънижъникъ**, — если учитывать возможность редакторской правки текста преславскими книжниками⁴³. Таким образом, квалификация прил. **богочьстивъ** как преславизма оказывается еще одним наблюдением в этом ряду.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас — Ассеманиево евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.

Бан — Баницкое евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в.

Врач — Врачанское евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в.

Гильф — Апостол Гильфердинга, древнесербская рукопись XIV в.

ГомВейк — Слово на благовещение, среднеболгарская рукопись XIII в., изданная Н. ван Вейком.

Григ — Григоровичев паремейник, среднеболгарская рукопись XII–XIII вв.

Добр — Добрейшево евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в.

Добрм — Добромирово евангелие, среднеболгарская рукопись XII в.

Евх — Синайский евхологий, старославянская рукопись X–XI вв.

Зах — Захаринский паремейник, древнерусская рукопись 1271 г.

Зогр — Зографское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.

Клоц — Клоцов сборник, старославянская рукопись X–XI вв.

Мар — Мариинское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.

Мат — Матичин апостол, древнесербская рукопись XIII в.

Остр — Остромирово евангелие, древнерусская рукопись 1056–1057 г.

НомУст — Устюжская кормчая, древнерусская рукопись XIII в.

Охр — Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.

Сав — Саввина книга, старославянская рукопись X–XI вв.

Слепч — Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.

Служ XIII–XV, Служ XV — древнерусские рукописи XIII–XV вв. по изд.: *Орлов М. И. Литургия святого Василия Великого. СПб., 1909.*

Струм — Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.

Супр — Супрасльская рукопись, старославянская рукопись

Х–XI вв.

Хил — Хиландарские листки, старославянская рукопись X–XI вв.

Христ — Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.

Шиш — Шишатовацкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Шафарик П. Й.* О происхождении и родине глаголитизма. Пер. А. Шемякина. М., 1861. С. 29.
- 2 Там же. С. 10.
- 3 *Соболевский А. И.* Церковнославянские тексты моравского происхождения // Русский филологический вестник. 1900. Т. 43. С. 154.
- 4 *Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // Труды девятого Археологического съезда в Вильне 1893. М., 1897. Т. 2. С. 53–61. Доклад более известен в составе его труда «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии». СПб., 1910. С. 162–177.
- 5 *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. С. 165.
- 6 Работа более известна в издании: *Jagic V. Zum Entstehungsgeschichte der kirchen Slavischen Sprache*. Berlin, 1913.
- 7 *Jagic V. Zum Entstehungsgeschichte der kirchen Slavischen Sprache* // Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Wien, 1902. Bd. 46. S. 61.
- 8 *Амфилохий Сергиевский*. О древнем переводе Апостола. М., 1888. С. 20–21.
- 9 *Jagic V. Zum Entstehungsgeschichte...* S. 61–73.
- 10 *Евсеев И. Е.* Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. СПб., 1897; *Лебедев В. К.* Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской Библии. СПб., 1890.
- 11 *Jagic V. Zum Entstehungsgeschichte...* S. 68.
- 12 Ibid. S. 68.
- 13 Ibid.
- 14 *Погорелов В. А.* О редакциях славянского перевода псалтыри // Библиотека Моск. Синодальной Типографии. М., 1901. Вып. 3. Псалтыри. С. XIX.
- 15 *Погорелов В. А.* Славянский перевод Псалтири с толкованиями Феодорита Киррского // Древности. Труды Славянской Комиссии Им-

- ператорского Московского Археологического Общества. М., 1902. Т. 3. С. 20.
- 16 Там же.
- 17 *Погорелов В. А.* О редакциях славянского перевода псалтыри... С. XXI–XXIX; XLVI–LXIV.
- 18 *Карачорова И.* Лексиката на Чудовския псалтир и преславската редакция на старобългарските богослужебни книги // Български език. 1984. Кн. 1. С. 53–61; *Она же.* Към въпроса на Кирило-методиевия старобългарски превод на Псалтира // Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София, 1989. С. 130–245.
- 19 *Попруженко М. Г.* Козъма Пресвитер // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1911. Т. 15. С. 197.
- 20 *Воскресенский Г. А.* Древнеславянский апостол. Послания святого апостола Павла. Сергиев Посад, 1892. Вып. 1; 1906. Вып. 2; 1908. Вып. 3–5.
- 21 *Добрев И.* Апостолските цитати в Беседата на Презвитер Козма и преславската редакция на Кирило-Методиевия превод на Апостола // Кирило-Методиевски студии. София, 1984. Кн. 1. С. 44–62.
- 22 См., например: *Бройер Г.* Значение синтаксических наблюдений для определения оригиналов древнерусской переводной литературы // IV Межд. съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 2. С. 248–250; *Темчин С. Ю.* Диstriбуция глагольных разночтений в древнейших славянских списках Евангелия и объем первоначального перевода // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола. М., 1991. С. 9–41; *Он же.* Неоднородность текста Ассеманиева евангелия: употребление юса малого йотированного // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 69–76.
- 23 *Молдован А. М.* Лексическая эволюция в церковнославянском // Славянское языкознание. XIII Межд. съезд славистов. Доклады Российской делегации. М., 2003. С. 397–398.
- 24 *Молдован А. М.* Переводческая деятельность в Древней Руси // Труды отделения историко-филологических наук. М., 2005. С. 227.
- 25 См., например: *Пичхадзе А. А.* О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М., 2002. С. 232–249; *Максимович К. А.* Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов (в связи с новым изданием «Пандектов» Никона Черногорца) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 191–224; *Он же.* Заметки к дискуссии о древ-

- нерусских переводах с греческого // Русская литература. 2004. № 1. С. 57–73; *Он же*. Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках IX в. // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 116–162; *Славова Т.* Ответ на вызов // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6; *Станков Р.* К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода «Хроники Георгия Амартола» // Преславска книжовна школа. Шумен, 2004. Т. 7. С. 57–72; *Он же*. О лексических моравизмах в древних славянских рукописях (2) // Българска филологическа медиевистика. Сб. научни изследвания в чест на проф. И. Харалампиев. В. Търново, 2006. С. 261–287; *Он же*. О лексических моравизмах в древних славянских рукописях // Преславска книжовна школа. Шумен, 2007. Т. 9. С. 29–52; *Он же*. О лексических моравизмах в древних славянских рукописях (3) // Преславска книжовна школа. Шумен, 2008. Т. 10. С. 40–71; др.
- 26 Řecko-staroslověnský index. Prolegomena. Praha, 2008. Т. I (fasc. 1); 2009. Т. I (fasc. 2); Т. I (fasc. 3); 2010. Т. I (fasc. 4).
- 27 При анализе этого материала необходимо учитывать, что не только относительно поздние списки XII–XV вв., но и все так называемые «классические» старославянские рукописи X–XI вв. представляют собой списки, отстоящие по времени написания от своего первого протографа (перевода) не менее чем на столетие, и содержат большее или меньшее количество как сознательных редакционных правок, так и спонтанных изменений, вносимых при переписывании текстов писцами. Тем не менее, предыдущие исследования «классических» старославянских рукописей показывают, что первоначальный этап становления старославянского языка в значительной мере отражен евангельскими кодексами — апракосами Ассеманиевым евангелием и Савиной книгой, тетрами Мариинским и Зографским евангелиями; Сборник Клоца и Синайский евхологий отражают моравский период становления старославянского языка; Супрасльская рукопись, Хilandарские листки носят на себе следы деятельности книжников Преславского центра (см.: *Дограмаджисева Е.* Своебразие этапов книжного староболгарского языка // *Palaeobulgarica*. 1981. № 1. С. 55–61; *Верещагин Е. М.* Великоморавский этап развития первого литературного языка славян: становление терминологической лексики // *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение*. М., 1985. С. 217–238; и др.). Текст Апостола известен нам в основном по более поздним спискам (начиная с XII в.): в «старославянский канон» входят лишь несколько перекоп

- в составе Синайского евхология (главным образом, в «новой» его части, найденной в 1975 г. на Синае) и очень плохо сохранившаяся рукопись Ен (к тому же Ен — список довольно поздний, скорее начала XII в., чем XI в.).
- 28 См.: *Večerka R.* The Influence of Greek on Old Church Slavonic // *Byzantinoslavica*. 1997. Т. 58. Fasc. 2. S. 368; *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. С. 40 и сл.
- 29 *Grivec F.* Dikcija Assemanijevega glagolskego evangelistarja // *Slovo*. Zagreb, 1953. Т. 3. S. 14.
- 30 *Merk A. S. J.* Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum edidit Augustinus Merk S. J. Ed. 10. Romae, 1984. S. 196.
- 31 *Плис А. С.* Кирилло-мефодиевский перевод Евангелия: лингвотекстологическое исследование. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 60.
- 32 *Ефимова В. С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. С. 285.
- 33 *Ефимова В. С.* К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002. С. 264–265.
- 34 *Ефимова В. С.* Старославянские отадъективные наречия с суффиксом -ѣ // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 71–80.
- 35 Ср., например, цитацию Иов 1, 1 по старшим спискам в кн.: *Христова-Шомова И.* Книга Йов с тълкувания в славянски превод. София, 2007. С. 57.
- 36 *Bláhová E.* Kompozita v staroslověnské terminologii // *Slavia*. Roč. 65. Praha, 1996. S. 261.
- 37 *Ефимова В. С.* О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // *Byzantinoslavica*. 2007. Т. 65. Fasc. 2. S. 122; *Она же.* О формировании старославянского лексического фонда: опыт лингвистико-культурологической стратификации наименований лица // Литературные языки в контексте культуры славян. М., 2008. С. 71–73.
- 38 *Iljinskij G.* Погодинские кирилловско-глаголические листки // *Byzantinoslavica*. Praha, 1929. Roč. 1. S. 103–104, 111.
- 39 *Гъльбов И.* Ранни школи на стария български книжовен език // Български език. 1968. № 2/3. С. 148; *Велчева Б.* Праславянски и старобългарски фонологически изменения. София, 1980; и др.

-
- 40 *Велчева Б.* Глаголицата и школата на Климент Охридски // Климент Охридски. Сборник от статии по случай 1050 години от смъртта му. 916–1966. София, 1966. С. 139–140; *Она же.* Проблеми на глаголическата писменост. Асеманиево евангелие // Константин-Кирил Философ. София, 1981. С. 171; *Она же.* Старобългарски *шт,* *жд* и буквата *щ* в глаголицата // *Palaeobulgarica.* 1988. № 1. С. 34.
 - 41 *Ефимова В. С.* Старославянские отадъективные наречия с суффиксом *-ѣ.* С. 73.
 - 42 *Пичхадзе А. А.* Две древнейшие редакции славянского Евангелия: Зографское и Ассеманиево евангелия // Палеославистика. Лексикология. Лексикография. Тезисы международной научной конференции, посвященной памяти Р. М. Цейтлин. М., 2002. С. 48–50.
 - 43 *Ефимова В. С.* О формировании старославянского лексического фонда: опыт лингвистико-культурологической стратификации наименований лица. С. 94.

Efimova V. S.

A Lexical Criterion of the History of Studying of Monuments
of Old Slavic Literature and New Possibilities of its Usage

In this article there are results of usage of a lexical criterion in Paleoslavic researches in the historical retrospective; also the author discusses new possibilities of usage of this criterion in the context of recently started publication of “Greek-Old Slavic Index” in Prague.
Key words: *Old Slavic writing, Old Slavic language, Old Slavic vocabulary, history of Slavic studies.*

Т. И. Вендина
(Москва)

Лексические изоглоссы в славянском языковом мире: русско-сербские лексические параллели

В статье рассматривается проблема хронологической интерпретации русско-сербских лексических изоглосс, представленных на картах Общеславянского лингвистического атласа.
Ключевые слова: *лингвогеография, изоглоссы, ареалы, связи.*
The article deals with the problem of chronological interpretation of the serbo-russian lexical isoglosses, presented on the OLA maps.

В 1929 г. на первом международном съезде славистов в Праге с докладом «Изоглоссы в славянском языковом мире» выступил И. А. Бодуэн де Куртенэ (Бодуэн де Куртенэ 1963: 353). В этом докладе, поддерживая идею создания Общеславянского лингвистического атласа, он говорил о тех изоглоссах, которые должны, по его мнению, выявить интересные диалектные противопоставления, сложившиеся еще в праславянскую эпоху. Примечательно, что в этом перечне изоглосс не было лексических. И это не случайно, так как славистика не располагала еще сведениями о **лексической** дифференциации славянского языкового мира. И только работа над Общеславянским лингвистическим атласом постепенно начала заполнять эту лакуну славянского языкоznания.

Публикация Общеславянского лингвистического атласа (первый том которого появился лишь в 1988 г.) открыла перед исследователями большие перспективы в изучении и осмыслении богатейшего диалектного материала. Будучи неизвестным, этот материал долгое время оставался в тени при описании диалектного ландшафта Славии и тех языковых процессов, которые протекали в славянских диалектах в прошлом и имеют место сегодня. Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavia придало картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем вероятнее получение новых сведений о дифференциации славянских диалектов.

Материал Общеславянского лингвистического атласа дает основания для нового взгляда на традиционно устанавливаемые связи не только в современной, но и в праславянской Славии, так как любая лингвистическая карта, построенная по принципу «от значения к слову» и охватывающая обширную территорию, отражает не только территориаль-

ное распределение лексем, но и временное. Поэтому карты лексических томов Атласа, на которых развернута экспозиция основных лексико-словообразовательных явлений, требуют сегодня глубокого анализа и всестороннего изучения межславянских лексических соответствий.

В этой связи несомненный интерес представляет изучение русско-сербских лексических параллелей, так как они являются довольно сложными как в структурно-типологическом отношении, так и по своим хронотопическим характеристикам.

Этот вопрос оказывается особенно интересным в связи с тем, что карты Общеславянского лингвистического атласа говорят о том, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских языков. Несмотря на то, что в основу Вопросника Атласа был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, на его картах наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. Более того, материалы ОЛА содержат многочисленные факты, отражающие не праславянские, а общеславянские процессы, формирование изоглоссных областей в период существования языков славянских народностей. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков периода праславянской эпохи оказалась во многом затмнена более поздними временными напластованиями.

Для осмыслиения этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс «без учета их возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкоznания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка» (Макаев 1965: 15).

Поэтому русско-сербские (и шире — межславянские) ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости — статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий¹, кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка (см., например, Жирмунский 1954: 23).

Опубликованные тома Атласа убедительно говорят о том, что проблема лексических связей двух языков не может ограничиваться материалом только этих языков. Для понимания истинного характера их ареальных связей важное значение имеет общеславянская перспектива, так как она дает возможность выяснить, какие из лексических параллелей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

В связи с этим мы попытались взглянуть на русско-сербские лексические параллели в общеславянском контексте. Ареалы выявленных корреспонденций помогут установить определенные закономерности в их образовании, ибо в соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в исторической перспективе, так как фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «Существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» (Степанов 1975: 304). Поэтому изучение русско-сербских языковых схождений в общеславянском контексте делает реальной их временну́ю стратификацию.

Следует отметить, что возможность их исследования в полном объеме появилась лишь после публикации шестого тома ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», единственного пока выпуска лексико-словообразовательной серии, в котором представлен материал **всех** славянских диалектов, включая болгарские, которые долгое время по экстралингвистическим причинам отсутствовали в Атласе².

Том содержит карты и диалектные материалы, собранные в полевых условиях на всей территории Славии (в 853 населенных пунктах, расположенных во всех славянских странах, а также в славянских диалектах на территории Германии, Австрии, Венгрии, Румынии). В основе их лежат ответы на вопросы из VIII раздела Вопросника ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Вопросник 1965: 115–121), которые имеют индекс L (лексика), SL (словообразование), Sm (семантика), а также тематически близкие вопросы с фонетическим индексом F. Уже само название тома говорит о том, что он состоит из двух самостоятельных частей — «Домашнее хозяйство» и «Пища и ее приготовление», каждая из которых содержит блок карт и материалов

к ним, объединенных по тематическому или лексико-семантическому принципу. Эти блоки не равноценны по количеству входящих в их состав карт, однако семантическая связь их не вызывает сомнения.

Внутри раздела «Домашнее хозяйство» условно можно выделить две группы карт:

1) названия посуды и некоторых предметов домашнего быта (вопросы L 1036 ‘стакан’, F(Sm) 1037 *čaša, F(Sm) 1191 *bl’udo, Sl 1184 ‘ложка’, Sl 1185 *dem* ‘ложечка’, Sl 1101 *dem* ‘ножик, ножичек’, L 1034 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’, L 1060 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’, L 1029 ‘коромысло’; сюда же были отнесены карты на вопросы L 1027 ‘колодец’, а также L 1030 ‘пустой, незаполненный’ и F(Sm) 1031 *porzdyń);

2) материал, из которого сделана посуда (вопросы F(Sm) 1038 *stъklo, Sl 1172 ‘сделанный из глины’).

Раздел «Пища и ее приготовление» тематически более разнообразен. В нем выделяются следующие группы карт:

1) еда (общее понятие) и все, что с ней связано [вопросы L 1186 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’, L 1039 ‘желание, потребность пить’, FP(Sm) 1040 *žędja, L 1150 ‘кислый, квашеный’ (о капусте), L 1195 ‘проглотит’ (еду), L 1204 ‘вкусный’ (о еде)]; с точки зрения семантики эта группа довольно разнородна, так как, кроме опорного слова *eda*, она включает названия ее признаков — *кислый* и *вкусный*, а также семантически далекие *жажды* и *проглотит*;

2) мука, тесто, процесс печения [вопросы L 1058 ‘мука, из которой пекут хлеб’, L 1064 ‘поставит, замесит тесто’, L 1065 ‘подходит, растет’ (о тесте), Sl 1080 3sg praes asp perf ‘печет’, F(Sm) *rečeňje];

3) хлеб и все, что с ним связано [вопросы L 1087 ‘режет’ (хлеб), L 1089 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’, L 1090 ‘крошки’ (хлеба)];

4) названия видов мяса [вопросы Sl 1111 ‘мясо свиньи’, LSl 1112 ‘мясо коровы или вола’, Sl 1113 ‘мясо теленка’, Sl 1114 ‘мясо барана’, Sl 1115 ‘мясо гуся’]; тематически к этой группе карт примыкает вопрос L 1116 ‘содержащий много жира’ (о мясе);

5) сало и продукты его переработки [вопросы L 1117 ‘под кожный слой жира в свинине’, F(Sm) 1118 *sadlo, L 1120 ‘топленое свиное сало’, L 1121 ‘пережаренные кусочки сала’];

6) молоко и молочные продукты [вопросы L 1129 ‘молоко коровы сразу после отела’, L 1128 ‘пенка’ (на молоке), F(Sm) 1130 *sěga, L 1133 ‘сырое кислое молоко’, L 1135 ‘густой жирный верхний слой

свежего отстоявшегося молока', L 1136 'густой жирный верхний слой кислого молока', F (Sm) 1138 **sugъ*; с этой группой слов тематически, хотя и отдаленно, связан вопрос Sl 1131 'женщина, которая доит коров';

7) яйцо и его части [вопросы F 1139 (j)aje, Sl 1145 'яичко', L 1146 'скорлупа' (яйца), Sl 1147 'белая часть яйца', Sl 1148 'желтая часть яйца'];

8) приготовление пищи [вопросы L 1164 'варит, готовит' (обед), Sl 1165 3sg praes asp perf 'варит', L 1166 'кипит' (вода), L 1169 'горячий' (о воде), L 1170 'кипящая или вскипевшая вода', L 1174 'кожура, снятая со старой картошки'];

9) временные отрезки, связанные с приемом пищи [вопросы L 1197 'завтрак, утренняя еда', L 1198 'обед, еда в дневное время', L 1199 'ест обед', L 1200 'еда между обедом и ужином, полдник', L 1201 'ужин, вечерняя еда', L 1203 'ест ужин', F (Sm) 1202 **večerja*].

Карты, входящие в этот том, имеют своей целью показать в пространственной проекции вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы славянских диалектов, связанного с ведением домашнего хозяйства и приготовлением пищи.

Ареальные характеристики лексики, представленной в этом томе, являются часто довольно сложными, демонстрирующими наложение и пересечение векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография русско-сербских изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказывается неодинаковой, что свидетельствует об их разном историческом прошлом и соответственно разной хронологии.

Самыми немногочисленными являются русско-сербские лексические соответствия, входящие в состав **общеславянских** лексических изоглосс. Их представляют всего четыре лексемы: *sér-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво'; *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин'.

При этом ни одна из этих лексем равномерно не покрывает всей территории Славии. Как правило, эти немногочисленные лексемы имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное — на других (причем две из них — *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-tъ* к. 64 'ест ужин' — имеют локальные ограничения именно в русских диалектах).

Так, в частности, лексема *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'³ (рус. *o'b'et*, *o'b'et*, *o'b'ied*, *a'b'et*, *a'b'et*; укр. *o'b'id*, *o'b'ed*, *o'b'ed*, *ho'b'id*, *u'bit*; блр. *a'b'et*, *a'b'et*, *a'b'ed*, *o'b'ed*; плс. *ob'at*, *objat*, *uobjot*,

υob'ot, obżat; луж. *ob'et, wob'et*; чеш. *vobjet, vobit, objet, wubjet*; слц. *objet, obet, obit, objed*; слн. *o'bət, 'obet, 'obit*; хрв. *o'bed, o'bəd, o'bid, 'obed, 'ubied*; серб. *o'bet, o'bied, s'bəd*; мак. *obet*; блг. *'obet, u'b'at*) равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения во всех южнославянских диалектах (см. карту-схему 1). В сербских диалектах она локализуется в призренско-тимокских говорах, а также в зетских говорах Черногории.

Лексема *sér-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ (рус. *'s'era, 's'era'*; укр. *'sara, 's'ara*; блр. *'s'era*; плс. *sara, šara, šara*; луж. *sera, syra*; чеш. *šara*; слц. *šara, šara*; слн. *'sere*; хрв. *'sera, sjèra*; серб. *'sera, 'sera, sjèra*; мак. *'sera, 's'ara*; блг. *'sera, 's'ara*) имеет островные или даже точечные ареалы во всех славянских диалектах, за исключением польских, где ее характеризует повсеместное распространение (см. карту-схему 4). В сербских диалектах она локализуется в призренско-тимокских говорах, а также в сербских переселенческих говорах на территории Румынии; кроме того, она отмечена в некоторых зетских говорах Черногории.

В русских диалектах лексема *sér-a* (*'s'era*) встречается спорадически в севернорусских говорах (вологодских, ярославских), среднерусских (новгородских и тверских), а также в западной группе южнорусских (смоленских) говоров.

Ареал этой лексемы тянется узкой полосой с северо-запада на юг и нигде, кроме польских диалектов, не имеет тотального распространения. Такой прерывистый характер ареала свидетельствует, как представляется, о тех древних трансдиалектных связях, которые продолжают отношения исходной системы. При этом не исключено, что в прошлом ареал этой лексемы был значительно шире.

Совсем иной ареал имеют лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tb.* Лексема *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ (рус. *v'ač'er'a, v'ač'er'a, v'ič'er'a, v'ač'er'ə, v'aš'er'ə*; укр. *večera, vəč'er'a, vyčera, večer'a, vyčyr'a*; блр. *v'ačera, v'ač'er'a, v'ečera*; плс. *v'ečera, 'vječeža, 'v'ječeža, v'eceža*; луж. *w'ečer'ja, w'ečer'ja, jacer'ja*; чеш. *večeře, wečeře, večeřa, večeře*; слц. *večera, vešera*; слн. *vačerja, vičě:rja, vəči:rja, vəčierja, večerja*; хрв. *večera, većera, vičera, večiđa, vəčarə*; серб. *véčera, véčara, većera, večera*; мак. *večera, vičera, w'eč'era*; блг. *večera, večerə, vičer'ə*) имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских и латеральный ареал в русских диалектах (см. карту-схему 2), где ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами (причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими), тогда как

на остальной территории Славии, за исключением польских диалектов, лексема *večer-j-a* имеет повсеместное распространение.

Лексема *večer-j-a-j-e-tъ* к. 64 ‘ест ужин’ (рус. *v'eč'er'a, v'eč'e'r'ajet'*, *v'ač'er'ajet'*, *v'ič'er'ait'*; укр. *večer'aje, večer'a, vəčer'aje, vəčer'a, vəč'er'ajst, vyčeraje*; блр. *večeraje, vyl'ceraje, v'ačer'ijic', v'ačerajc;* плс. *v'ecera, v'cečežo, ýecěra, v'ečeža*; луж. *večer'at', jacer'ja, w'ečer'ja*; чеш. *večeři, večeři:, wečeři:, večeřa; večeřg:*; слц. *večera:, večera:, večeřja;* слн. *vačerja, vəčierja, wečierje, vəčierje*; хрв. *večera, vičera, večiđera, vačđa:rјa, večera, vyčera;* серб. *véčera; vēčera;* мак. *večerat, večera, 'w'eč'era, vič'era;* блг. *večera, večerə, vič'erə*) широко представлена во всех славянских диалектах, за исключением польских и русских, где она территориально ограничена (см. карту-схему 3).

В русских диалектах ареал этой лексемы локализуется в основном в говорах южнорусского наречия, реже в западных среднерусских (псковских) говорах, где ее активно теснит глагол // *už-in-a-j-e-tъ*.

Таким образом, лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tъ* характерны в основном для западной группы говоров южнорусского наречия. При этом следует отметить, что они плотно покрывают территорию украинских и белорусских диалектов, а также западно- и южнославянских языков, то есть совершенно очевидно, что их ограниченная локализация в русских говорах — явление не случайное, а вполне закономерное, если принять во внимание тенденцию к сужению ареалов праславянских лексем.

Следует, однако, отметить, что обе лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития. Об этом свидетельствуют, прежде всего, памятники древнерусской письменности, в которых они употреблялись в том же значении (ср.: **когда твориши обѣдъ или вечерю**. Панд. Ант. XI в.; **Сладъкая вечера и сласть, хлѣбъ ти соль, новая гадь**. Гр. Наз. XI в.; **Видиши обѣды и вечеря и питѣния и прелесть и говорь**. Златостр.; **оуготованъ чѣто вечераихъ**. Остр. Ев.; Панд Ант. XI в.; **вечеряхомъ много же бесѣдовавъше**. Мин.Чет. февр. 288 — Срезн. I: 251–252). Значительно позднее, не ранее XVI–XVII вв., появляются в современном значении лексемы *ужин* и *ужинать* (см. Черных II: 285).

Данная ситуация находится в полном соответствии с положениями лингвистической географии: «Когда какое-либо новое языковое явление распространилось до того, что оно охватывает уже почти всю, но не целиком всю территорию данного языка, то понятно, что старое, теперь, так сказать, затопленное другим явлением, сохраняется только кое-где в отдаленных углах. Поэтому можно предположить, что

одинаковые языковые явления, находящиеся теперь в разных углах данной территории, представляют собой отдельные остатки некоторого старого явления, некогда охватывавшего целую территорию, но теперь отступившего перед наплывом нового» (Теньер 1966: 114).

Об этом же свидетельствует и еще существующее в тех же южнорусских и западных среднерусских говорах явление конкуренции лексем с корнями *večer-* и *už-*,ср.: п. 675 '*užyinəjət*', *v'əč'a'r'ejət*'; п. 747 '*vužyn*', *v'ač'era*; п. 771 *v'ač'era*, '*vužyn*'; '*vužynajic*', *v'ač'erajic*'; п. 784 '*v'ač'er'a*', '*užyn*'; '*v'əč'er'əjic*', '*užyinəjic*'; п. 788 '*vužyn*', *v'ač'er'ə*', '*vužynəjít*', *v'iš'er'it*'; п. 791 '*užyinəit*', *v'ič'er'i:t*'; п. 797 '*užynat*', *v'ač'er'it*'; п. 798 '*užyn*', *v'ač'er'a*; п. 799 '*vušyn*', *v'ač'era*; п. 811 '*v'ač'er'a*', '*užyn*'; п. 814 '*vužyn*', *v'ač'er'a*; п. 822 '*vužyn*', *v'ač'er'a*; '*v'ač'er'əjət*', '*vužynait*'; п. 837 '*vužynait*', *v'ič'er'ət*'; п. 844 '*v'ič'era*', '*vužyn*', '*v'ič'er'əjít*', '*vužynəjít*'; п. 845 '*užyn*', *v'ič'er'a*; '*užyinəjít*', *v'ič'er'əjít*'.

Близость украинских и белорусских диалектов, в которых лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tъ* имеют тотальное распространение, а также наличие межъязыковых контактов поддерживает «витальность» этих лексем в южнорусских говорах и сказывается положительно на их существовании.

В общей картине русско-сербских лексических соответствий эти общеславянские лексемы обладают высоким классификационным весом, так как являются свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей.

К этой группе лексем примыкает небольшая группа русско-сербских лексических корреспонденций, которые входят в состав **восточно-южно-(и частично западно-)славянских изоглосс**.

Эти изоглоссы сформировались также, по-видимому, в достаточно древний период, еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от северославянских. Наличие же островных ареалов в отдельных западнославянских диалектах еще больше повышает их статус, так как эти ареалы говорят о том, что в прошлом корреспондирующие лексемы были распространены значительно шире.

Среди этих лексических соответствий следует особо выделить те, которые **и в русских, и в сербских диалектах имеют обширные ареалы**, ср., например, распространение лексем:

rěž-e-tъ (*rěž-i-tъ*) к. 17 'режет' (хлеб) (серб. *rěže*, *rěže*:; рус. '*r'ežyt*', '*r'ežyt*', '*r'ežət*', '*r'ežət*', '*r'eža*'). Кроме сербских и русских диалектов,

эта лексема широко распространена в украинских, белорусских, словенских, хорватских и болгарских диалектах и имеет островной ареал в восточнославацких и македонских говорах;

vъ-kos-ъn-ъ к. 65 ‘вкусный’ (о еде) (серб. *ukùsan*, *úkusan*, *ùku:san*, *ùkusa:n*; рус. *fkusnoj*, *fkusnyj*, *fkusnəj*, *v'kusnoj*, *v'kusnəj*, *ükusnəj*, *ü'kusnyj*). За исключением сербских и русских диалектов, эта лексема имеет ограниченные ареалы в белорусских, украинских, словенских, хорватских, македонских и болгарских диалектах;

производные с корнем **gl̥yt-* к. 57 ‘проглотит’ (еду) (серб. *próguta:*, *progúta:*, *pogúta:*; *progútà:*; рус. *prog'lot'it*, *prag'lot'it*, *prag'lot'a*, *pray'lot'it*). Помимо сербских и русских диалектов, словообразовательные дериваты с этим корнем широко распространены в белорусских, словацких, словенских, хорватских, македонских и болгарских диалектах, а также имеют локально ограниченные ареалы в украинских и польских диалектах.

Лексических соответствий подобного типа сравнительно немного⁴, так как чаще представлены такие, которые в **восточнославянских (и в частности, в русских) диалектах имеют обширные ареалы, а в сербских островные или даже точечные**, сп.:

žed-j-a к. 9 ‘желание, потребность пить’ (серб. *že:da*, *žeža*; рус. *'zažda*, *'zaždə*): лексема локализуется в основном в говорах Боснии и Герцеговины (в штокавских икавских говорах, в восточнобоснийских и восточногерцеговинских), а также в зетских говорах Черногории; помимо южнославянских, эта лексема имеет островные ареалы в польских диалектах (в некоторых мазовецких, малопольских и кашубских говорах);

kyp-i-tь к. 47 ‘кипит’ (вода) (серб. *kí:pi:*, *ki:pì:*; рус. *k'i'p'it*, *k'a'p'it*, *k'i'p'ic*, *k'i'p'it*): эта лексема локализуется в основном в штокавских говорах Сербии (шумадийско-воеводинских, восточногерцеговинских и косовско-ресавских), в штокавских икавских говорах Боснии и Герцеговины, а также в зетских говорах Черногории; кроме того, она имеет ограниченный ареал в польских диалектах (в кашубских, великопольских, мазовецких и малопольских) и точечный в восточнославацких.

Нельзя, однако, не отметить, что иногда встречаются и противоположные ареальные сценарии, когда в **сербских диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, тогда как в восточнославянских диалектах (и в частности, в русских) ограниченные**, сп.:

soln-in-a к. 27 ‘под кожный слой жира в свинине’ (серб. *slánina*, *slanína*, *slani'na*; рус. *səla'n'ina*): лексема плотно покрывает террито-

рию сербских, хорватских, македонских, болгарских, словацких и польских диалектов, однако в русских диалектах она зафиксирована лишь в старожильческих говорах на территории Латвии, в украинских диалектах лексема *soln-in-a* известна в основном в говорах юго-западного наречия, особенно в закарпатских и гуцульских; в белорусских диалектах она имеет островные ареалы в северо-восточных говорах, среднебелорусских и юго-западных говорах;

описательная конструкция *kys-él-o melik-o* к.35 ‘сырое кислое молоко’ (серб. *kiselo: mljéko*, *kiselo: mlí:ko*, *kiselo mlé:ko*, *kiselo: mné:ko*; рус. *'k'islo: molo'ko*, *'k'isłə məł'a'ko*, *'k'isłəjə məł'a'ko*): эта синтаксическая конструкция широко распространена в южнославянских, чешских и словацких диалектах, тогда как в русских она имеет ограниченный ареал в севернорусских говорах (архангельских, ладоготихвинских, вологодских и костромских) и южнорусских (курского-орловских); в украинских и белорусских диалектах это описательное наименование простоквashi имеет более обширный ареал, но также локально ограниченный (в белорусских диалектах оно локализуется в основном в юго-западных и западнополесских говорах; в украинских диалектах оно также характерно в основном для полесских и юго-западных говоров).

По-видимому, древний характер имеют и русско-сербские лексические корреспонденции, которые входят в состав изоглосс, связывающих **восточно- и западнославянские языки с некоторыми южнославянскими**. Их представляют лексемы, которые, как правило, **плотно покрывают территорию восточно- и западнославянских языков** и имеют локально ограниченные ареалы в южнославянских (в том числе в сербских) диалектах. Ярким примером таких соответствий могут служить, например, следующие лексемы:

tók-a к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ (серб. *ti:ka*, *'ti:ka*, *mú:ka*; рус. *tu'ka*): лексема имеет сплошной ареал в восточно- и западнославянских языках, а также в словенских диалектах, и локально ограниченный в сербских и хорватских диалектах: в сербских диалектах она встречается в экавских призренско-тимокских говорах; кроме того, в некоторых зетских говорах Черногории (см. карту-схему 5);

var-i-tь к. 45 ‘варит, готовит’ (обед) (серб. *và:ri:*, *'và:ri:*, *'và:ri:*, *'vari:*; рус. *'var'it*, *va'r'it*, *va'r'it'*): лексема широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, а также в отдельных южнославянских (в частности, в сербских, хорватских и македонских); в сербских диалектах она зафиксирована в косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах; кроме того, она встречается в зет-

ских говорах Черногории; в штокавских икавских, восточнобоснийских и восточногерцеговинских говорах Боснии и Герцеговины;

běl'-ȳk-ъ к. 42 ‘белая часть яйца’ (серб. *bé:lak*, *belú:tak*; рус. *b'e'lok*, *b'e'llok*, *b'e'lok*, *b'o'lok*, *b'i'lok*, *b'a'lok*): лексема широко распространена в восточнославянских, словацких, чешских, лужицких и болгарских диалектах; в сербских, македонских, словенских и польских диалектах она имеет локально ограниченные ареалы; в сербских диалектах эта лексема встречается в косовско-ресавских говорах;

sъ-met-an-a к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’ (серб. *sme'tana*; рус. *s'm'e'tana*, *sm'e'tanə*, *sm'a'tana*, *sm'i'tana*): лексема практически полностью покрывает территорию восточно- и западнославянских языков; в сербских, словенских и болгарских диалектах она имеет островные ареалы (в сербских диалектах она отмечена в призренско-тимокских говорах).

Локализация ареалов этих лексем, а главное — их континуальность, являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, представленные часто в виде изолированных «островков», эти соответствия нередко являются собой «осколки» никогда более обширных ареалов.

К этой группе русско-сербских лексических корреспонденций примыкают лексемы, которые также входят в состав **восточно-западно-южнославянских** изоглосс, но имеют ограничения в своем распространении. При этом здесь прослеживается несколько ареальных сценариев:

1. Широкое распространение корреспондирующих лексем в восточнославянских и сербских диалектах, ср.:

tel-ēt-in-a к. 23 ‘мясо теленка’ (серб. *téletina*, *te'letina*, *te'l'etina*; рус. *t'e'l'at'ina*, *t'i'l'at'ina*, *t'a'l'at'ina*): помимо восточнославянских и сербских диалектов, лексема широко распространена также в словенских, хорватских и польских диалектах, тогда как в македонских, чешских и словацких диалектах она имеет точечные ареалы;

sъ-var-i-ть к. 46 3sg praes asp perf ‘варит’ (серб. *s'vari*, *svà:ri*; *s'và:ri*; рус. *s'var'it*, *s'var'it'*): помимо восточнославянских и сербских диалектов, лексема имеет обширный ареал в македонских диалектах и островной в хорватских, тогда как в словенских, польских и чешских диалектах она встречается спорадически.

2. Широкое распространение корреспондирующих лексем в русских и сербских диалектах, тогда как в украинских и белорусских их ареал носит ограниченный характер, ср.:

jъz-peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf ‘печет’ (серб. *ispéče*, *ispеče*, *ispеčе*; рус. *isp'eč'ot*, *isp'ečot*, *isp'ačot*): помимо русских и сербских диалектов, лексема имеет обширный ареал в болгарских и македонских диалектах; в белорусских диалектах она отмечена в отдельных пунктах западнополесских, северо-восточных и среднебелорусских говоров; в украинских — в закарпатских и восточнополесских говорах; кроме того, она имеет островной ареал в хорватских и точечный в нижнелужицких диалектах;

gov-qd-in-a к. 22 ‘мясо коровы или вола’ (серб. *góvedina*, *govèdina*; рус. *go'vad'ina*, *go'vad'inə*, *ga'vad'inə*, *γəv'ad'ina*): помимо сербских и русских диалектов, лексема имеет обширный ареал в словенских и хорватских диалектах; в белорусских она отмечена в некоторых северо-восточных, среднебелорусских, юго-западных и полесских говорах; в украинских диалектах она распространена в основном в говорах Левобережной Украины, реже — в говорах юго-западного наречия; в македонских, словацких и польских диалектах ее характеризует точечный ареал.

3. Широкое распространение корреспондирующих лексем в сербских и украинских диалектах, тогда как в русских и белорусских их ареал является ограниченным, ср.:

пъкт-ъv-a, пъкт-ъv-u к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ (серб. *náćve*, *náćve*, *naćeva*; рус. *'noč'vy*, *'noš'vy*, *načva*): помимо сербских и украинских диалектов, лексема имеет обширный ареал в болгарских и македонских диалектах; в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в южнорусских, севернорусских и среднерусских говорах; в белорусских диалектах она распространена в некоторых юго-западных, северо-восточных и среднебелорусских говорах; кроме того, она имеет островной ареал в хорватских диалектах.

4. Широкое распространение корреспондирующих лексем только в сербских диалектах, тогда как в восточнославянских диалектах он является ограниченным, ср.:

lusk-a к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) (серб. *lúška*, *lúška*; рус. *luž'ga*): в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в севернорусских ладого-тихвинских говорах; в украинских диалектах она отмечена в отдельных полесских говорах; в белорусских — на севере юго-западных; кроме того, лексема имеет островной ареал в хорватских диалектах и точечный в польских.

5. В сербских, русских, белорусских диалектах корреспондирующие лексемы встречаются спорадически, в украинских — имеют обширный ареал, ср.:

//*ěd-j-a* к. 54 ‘еда’ (серб. *'ježa*; рус. *'ježa, je'ža*): лексема зафиксирована в единичном пункте зетских говоров Черногории; в русских диалектах она встречается в отдельных пунктах севернорусских (вологодских, костромских, ярославских) и среднерусских говоров (тверских, владимирских); в белорусских диалектах лексема распространена в некоторых северо-восточных, западнополесских, юго-западных и среднебелорусских говорах; кроме того, лексема имеет точечный ареал в польских диалектах.

6. В русских и сербских диалектах ареал корреспондирующих лексем имеет ограниченный характер, тогда как в украинских и белорусских диалектах они имеют широкое распространение, ср.:

sъ-met-an-a к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ (серб. *sme'tana*; рус. *s'm'i'tana, s'm'e'tana, sm'a'tanə*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в некоторых переселенческих штокавских говорах на территории Румынии; в русских диалектах она имеет дисперсный ареал в южнорусских, севернорусских и среднерусских говорах; кроме того, эта лексема имеет обширный ареал в чешских и лужицких диалектах, ограниченный — в словенских, болгарских, словацких и польских диалектах и точечный — в хорватских.

7. Ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в восточнославянских, и в сербских диалектах, ср.:

//*ěd-j-en-ъj-e* к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ (серб. *'jedeńe*; рус. *jid'a'n':o*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте призренско-тимокских говоров; в русских диалектах — в среднерусских тверских говорах; в белорусских — в юго-западных; в украинских диалектах она распространена в некоторых юго-западных говорах; кроме того, лексема имеет обширный ареал в македонских, болгарских, словацких и польских диалектах и точечный в чешских.

В общей картине русско-сербских ареальных связей эти лексические соответствия имеют особый статус, так как, скорее всего, перед нами «осколки» некогда более обширных ареалов (не случайно многие из них локализуются в зонах архаики, установленных в работах П. Ивича, М. Павловича, Б. Братанича, Н. И. Толстого и др.). Обращает на себя внимание и тот факт, что они довольно часто фиксируются в переселенческих сербских говорах на территории Румынии, где они сохранились в результате процесса консервации вследствие сопротивления инодиалектному влиянию. В связи с

этим их можно рассматривать как свидетельство диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Об этом красноречивее всего говорит факт континуальности ареалов этих лексем, которые, как правило, имеют продолжение в языках всех трех славянских языковых групп (причем среди западнославянских особенно часто в польских и словацких диалектах), что не может не свидетельствовать в пользу архаичности этих лексических параллелей.

Интересно, что среди русско-сербских лексических соответствий, сформировавшихся в рамках восточнославянских языков, отмечены и такие, которые в южнославянском ареале локализуются **только в сербских диалектах**, ср., например, распространение лексемы *got-ov-i-tь* к. 45 ‘варит, готовит’ (обед) (серб. *gótovi:*; рус. *go'tov'it*, *go'tov'it*, *ya'tov'it'*): в русских диалектах эта лексема распространена практически повсеместно; в сербских диалектах она зафиксирована в некоторых восточнобоснийских и восточногерцеговинских говорах; в украинских диалектах она встречается в некоторых говорах Левобережной Украины, Полесья и в юго-западных говорах; в белорусских — в северо-восточных говорах.

Точечный характер ареалов таких лексем в сербских диалектах свидетельствует о том, что это, по-видимому, образования, возникшие уже в рамках собственной истории сербского языка, так как микроареалы являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку презентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся не получило в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм (ср., например, широкое распространение в сербских диалектах лексем *(kux)-a-j-e-tь* и *var-i-tь* в значении ‘варит, готовит’ (обед), в том числе и в восточнобоснийских говорах).

Наличие всех этих русско-сербских лексических параллелей во многом определяется тем, что они сложились **в рамках восточнославянских языков**, и в их возникновении важная роль принадлежала украинским и белорусским диалектам.

Благодаря этим диалектам в русско-сербских ареальных связях наблюдается цепочечное развитие диалектных зон. Образуя звенья такой цепочки, украинские и белорусские диалекты являются собой последовательные этапы исторического развития как картографируемого явления, так и самой лингвотерритории. Однако «вклад» украинских и белорусских диалектов в формирование этих ареальных связей оказывается разным.

Материал Общеславянского лингвистического атласа свидетельствует о том, что **сербско-(украинско-)русские** соответствия являются более репрезентативными, чем сербско-(белорусско-)русские, так как именно они характеризуются нередко обширными ареалами в сербских диалектах. Иллюстрацией таких **сербско-(украинско-)русских** соответствий могут служить, например, следующие лексемы:

lusk-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ (серб. *lūska*, *lūska*; рус. *lus'ka*, *luз'ya*; укр. *luš'ka*): в сербских диалектах лексема имеет островные ареалы в шумадийско-воеводинских, смедеревских, косовско-ресавских говорах, а также в штокавских шумадийско-воеводинских переселенческих говорах на территории Венгрии; в русских и украинских диалектах лексема имеет точечные ареалы: в русских диалектах — в старожильческих говорах на территории Латвии и в южнорусских калужских говорах; в украинских — в полесских говорах; кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в хорватских, болгарских и польских диалектах;

(fruštik)-ъ, (fryštik)-ъ к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ (серб. *vrijštuk*, *fruštuk*, *v'ruštuk*; рус. *fryštyk*; укр. *fryštyk*, *fryštyk*, *fryščyk*): в сербских диалектах лексема имеет островные ареалы в шумадийско-воеводинских, косовско-ресавских и восточногерцеговинских говорах; кроме того, она встречается в штокавских икавских говорах Боснии и Герцеговины; в русских диалектах она имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах на территории Эстонии; в украинских эта лексема распространена в некоторых закарпатских говорах; помимо этого данная лексема плотно покрывает территорию словацких и словенских диалектов и имеет островные ареалы в некоторых польских и хорватских говорах;

pěn-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) (серб. *pěna*; рус. *'p'ëna*, *'p'ëna* *'p'enə*; укр. *'p'ina*, *p'ie'na*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в переселенческих штокавских шумадийско-воеводинских говорах на территории Венгрии; в русских диалектах она распространена преимущественно в севернорусских говорах (архангельских, вологодских, ярославских и костромских), хотя встречается в отдельных среднерусских (псковских) и южнорусских (рязанских и курских) говорах; в украинских диалектах она локализуется в основном в юго-западных, реже — в юго-восточных и полесских говорах; кроме того, эта лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и островной — в хорватских и македонских;

производные с корнем **kys-* к. 14 ‘подходит, растет’ (о teste) (серб. *dókisne*, *kísne*; рус. *výk'i'sat*, *'k'isn'et*, *us'k'is*; укр. *'kysne*, *'kysnə*,

put'kysat): в сербских диалектах они встречаются в шумадийско-воеводинских говорах, а также в штокавских икавских и восточно-боснийских говорах Боснии и Геоцеговины; в русских диалектах дериваты с корнем **kys*- имеют точечные ареалы в севернорусских (вологодских), южнорусских (тульских) и среднерусских говорах (новгородских); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия; кроме того, дериваты с этим корнем имеют обширный ареал в словацких и чешских диалектах и островные ареалы в некоторых польских, хорватских, македонских и болгарских говорах.

В ареальном распределении выявленных лексических соответствий прослеживается определенная закономерность, а именно: в сербских диалектах они представлены нередко компактными ареалами в штокавских шумадийско-воеводинских и косовско-ресавских говорах (особенно часто в пп. 54, 55, 62, 83), а также в переселенческих штокавских шумадийско-воеводинских говорах на территории Венгрии; в русских диалектах они фиксируются в некоторых севернорусских (чаще всего в архангельских, вологодских и костромских), южнорусских (особенно в курских и рязанских) и среднерусских говорах (особенно в псковских и новгородских), в украинских диалектах — в основном в говорах юго-западного наречия.

Отличительной особенностью этих соответствий является и то, что многие из них находят продолжение в западнославянском ареале (особенно часто в словацких и польских диалектах).

Локализация сербско-(украинско-)русских лексических соответствий в трех славянских языковых группах позволяет рассматривать большинство из них как «осколки» некогда более обширных ареалов и характеризовать как генетические (исключением является лексема (*frustik*)-ъ, (*fryštik*)-ъ к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’, заимствованная из нем. *Frühstück*, которая, несомненно, является более поздним образованием).

Сербско-(белорусско-)русские лексические параллели не имеют обширных ареалов: в русских диалектах они локализуются чаще всего в западной группе русских говоров; в белорусских они имеют точечные ареалы в северо-восточных и полесских говорах; в сербских диалектах их характеризуют островные ареалы в штокавских говорах Боснии и Герцеговины.

Иллюстрацией таких сербско-(белорусско-)русских соответствий могут служить, например, следующие лексемы:

peč-e-tь к. 15 3sg praes asp perf ‘печет’ (серб. *péče*; рус. *p'eč'ot*, *p'e'k'ot'*, *p'ič'ot'*, *p'ił'k'ot'*; блр. *pe'če*): лексема имеет точечный ареал в

штокавских восточногерцеговинских говорах Боснии и Герцеговины; в русских диалектах она встречается в основном в южнорусских говорах (смоленских и курских); в белорусских диалектах — в полесских говорах; кроме того, эта лексема имеет точечный ареал в словенских диалектах;

ov-ъč-in-a к. 24 ‘мясо барана’ (серб. *'ovčina*; рус. *o'v'eč'ina*, *a'v'ešyna*, *a'v'eč'inə*; блр. *a'v'ešyna*): в сербских диалектах лексема имеет точечный ареал в косовско-ресавских говорах; в русских диалектах она встречается в западной группе русских говоров (тверских и смоленских); в белорусских — в отдельных пунктах северо-восточных и юго-западных говоров; кроме того, эта лексема имеет точечный ареал в словенских диалектах;

tel-et-j-e (subst) к. 23 ‘мясо теленка’ (серб. *te'lečo*; рус. *t'e'l'ač'je*; блр. *ty'l'ač:e*): в сербских диалектах лексема зафиксирована в переселенческих штокавских говорах на территории Румынии; в русских диалектах она отмечена в некоторых севернорусских (архангельских) говорах; в белорусских она имеет точечный ареал в западно-полесских говорах; кроме того, эта лексема имеет обширный ареал в чешских диалектах и островной в польских и хорватских;

(*špek*)-ъ к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’ (серб. *špèk*; рус. *šp'ik*, *šp'ig*; блр. *šp'ičk*): лексема зафиксирована в отдельных штокавских восточнобоснийских говорах Боснии и Герцеговины; в русских диалектах лексема получила широкое распространение в севернорусских (архангельских и вологодских), а также в западной группе среднерусских говоров (новгородских и тверских); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте северо-восточных говоров; кроме того, эта лексема плотно покрывает территорию словенских диалектов и имеет островные ареалы в некоторых хорватских и польских говорах.

Обращает на себя внимание тот факт, что в сербских и белорусских диалектах все эти соответствия имеют точечные ареалы, несмотря на это некоторые из них выходят за пределы южной Славии и находят продолжение в западнославянских диалектах (в частности, в чешских и польских).

В отличие от сербско-(украинско-)русских параллелей, они фиксируются в основном в восточногерцеговинских и восточнобоснийских говорах Боснии и Герцеговины; в русских диалектах — в западной группе русских говоров (чаще всего в смоленских, тверских, новгородских).

Последнюю группу соответствий, вызывающих, несомненно, наибольший интерес, образуют собственно **русско-сербские лексические параллели**. Эта группа лексических корреспонденций явля-

ется также неоднородной, так как среди них выделяются сепаратные и эксклюзивные изоглоссы.

Являясь следствием дивергентного развития славянских языков, они представляют собой своеобразную «языковую эрозию» (Журавлев 1992: 113), т. е. остатки некогда более обширных ареалов корреспондирующих лексем. Поэтому «в сложном, пестром переплетении изоглосс наиболее показательны, наиболее значимы сепаратные изолексы, то есть исключительные связи, отличительные характеризующие отдельные диалекты на фоне общеславянских словарных совпадений» (Куркина 1992: 28).

Рассмотреть эту уникальную ситуацию в деталях возможно впервые благодаря Общеславянскому лингвистическому атласу, карты которого позволяют преодолеть известную атомарность многих славистических исследований, когда та или иная изоглосса (в силу объективных причин, и прежде всего вследствие отсутствия материала) вырывалась из широкого ряда межславянских соответствий и возвращалась в ранг определяющей.

Следует, однако, сказать, что в целом таких соответствий (судя по материалам шестого тома Атласа) сохранилось сравнительно немного, однако ценность их определяется тем, что они отсутствуют в украинских и белорусских диалектах, что дает возможность реально оценить характер русско-сербских лексических параллелей.

Русско-сербские сепаратные изоглоссы представляют следующие лексемы:

porzd-ъn-ъ, porzd-ъn'-ъ к. З ‘пустой, ненаполненный’ (серб. *prá:zan, práz:zan, p'ra:zan, p'ra:zən*; рус. *po'roznōj, po'roz'n'ij, po'roznyj, po'roznəj, pa'roznaj, pa'roznəj*): в сербских диалектах эти лексемы распространены повсеместно; в русских диалектах они имеют плотный ареал в северорусских говорах (архангельских, ладого-тихвинских, вологодских), кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских, тверских); эта изоглосса охватывает также все западно- и южнославянские диалекты.

(traxter)-ъ: к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ (серб. *trátu:r*; рус. *t'r'ext'el', t'r'axt'el'*): в сербских и русских диалектах лексема имеет точечные ареалы: в сербских диалектах — в штокавских иекавских восточногерцеговинских говорах; в русских диалектах — в среднерусских псковских говорах, а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии; кроме того, эта изоглосса охватывает все западнославянские диалекты, а также словенские и хорватские;

kraj-ь к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ (серб. *kraj*, *kra:j*, *krà:j*; рус. *kraj*): лексема образует небольшие ареалы в зетских штокавских говорах Черногории и призренско-тимокских говорах Сербии; в русских диалектах островные ареалы этой лексемы находятся в севернорусских (архангельских) и среднерусских (тверских) говорах; кроме того, она имеет точечный ареал в среднеславацких говорах и островной — в хорватских;

svin-qt-in-a, *svin-j-qt-in-a* к. 21 ‘мясо свиньи’ (серб. *svínetina*, *svi'ñetina*, *svi'ñetina*; рус. *sv'i'n'a't'ina*): лексема широко распространена в штокавских говорах Сербии (шумадийско-воеводинских; смедеревских; косовско-ресавских; восточногерцеговинских и призренско-тимокских), в зетских говорах Черногории, в штокавских икавских, восточнобоснийских и восточногерцеговинских говорах Боснии и Герцеговины, а также в переселенческих штокавских говорах на территории Румынии; в русских диалектах лексема имеет точечные ареалы в западной группе русских говоров (новгородских и брянских); кроме того, эта изоглосса охватывает словенские, хорватские и македонские диалекты;

pors-qt-in-a к. 21 ‘мясо свиньи’ (серб. *pra'setina*; рус. *poro's'at'ina*, *para's'at'ina*, *poro's'et'ina*): лексема имеет точечный ареал в штокавских зетских говорах Черногории; в русских диалектах она имеет островные ареалы в севернорусских (ладого-тихвинских и вологодских), среднерусских (новгородских) и южнорусских (смоленских) говорах; кроме того, она имеет небольшой ареал в хорватских диалектах;

ov-ъć-qt-in-a к. 24 ‘мясо барана’ (серб. *óvčetina*, *ovčétina*; рус. *of'č'at'ina*): лексема широко распространена в штокавских говорах (шумадийско-воеводинских; смедеревских; косовско-ресавских; восточногерцеговинских; призренско-тимокских); в зетских говорах Черногории; в штокавских икавских восточнобоснийских, восточно-герцеговинских говорах Боснии и Герцеговины; в русских диалектах она имеет точечный ареал в среднерусских (новгородских) говорах; кроме того, эта изоглосса охватывает словенские, хорватские и македонские диалекты;

mol'do melk-o к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ (серб. *mlá:do mlé:ko*; рус. *mol'o'dojo mol'o'ko*, *məlo'doje məlo'ko*): в сербских диалектах эта описательная конструкция отмечена в некоторых пунктах штокавских шумадийско-воеводинских говоров; в русских диалектах она имеет островные ареалы в севернорусских (вологодских) и среднерусских (новгородских и владимирско-поморских)

говорах; кроме того, она имеет точечный ареал в словенских и хорватских диалектах;

sěr-o mēlk-o к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ (серб. *'seravo mle'ko*, *'siravo mlé:ko*; рус. *so'r'onojo moło'ko*, *'s'irno moło'ko*): эта описательная конструкция зафиксирована в отдельных штокавских смедеревских и призренско-тимокских говорах; в русских диалектах она встречается в некоторых севернорусских (архангельских, вологодских, ладого-тихвинских) и среднерусских (новгородских) говорах; кроме того, она имеет точечный ареал в македонских и болгарских диалектах;

kož-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) (серб. *kđ:ža*, *'koža*; рус. *'koža*): в сербских диалектах лексема встречается в переселенческих штокавских говорах на территории Румынии; в русских диалектах она зафиксирована в некоторых севернорусских (архангельских) говорах; при этом она широко распространена в словацких диалектах и имеет островные ареалы в некоторых лужицких, чешских, хорватских и македонских говорах;

žylt-j-ak-ъ к. 43 ‘желтая часть яйца’ (серб. *žú:jak*; рус. *žol't'ak*): в сербских диалектах лексема имеет точечный ареал в косовско-ресавских говорах; в русских — в севернорусских (архангельских) говорах; кроме того, она имеет точечный ареал в словенских диалектах;

kor-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ (серб. *kora*, *kòra*, *kóra*; рус. *ko'ra*): в сербских диалектах лексема широко распространена в штокавских шумадийско-воеводинских, смедеревских, косовско-ресавских и восточногерцеговинских говорах; кроме того, она отмечена в зетских говорах Черногории, в штокавских икавских восточнобоснийских и восточногерцеговинских говорах Боснии и Герцеговины; в русских диалектах она образует обширные ареалы в севернорусских (архангельских, вологодских) говорах; помимо этого, лексема имеет обширный ареал в хорватских и островной ареал в болгарских диалектах;

//už-in-a-j-e-tъ к. 60 ‘ест обед’ (серб. *užina:*, *'užina*, *'užina:je*; рус. *'rovžnajot*, *'ravžyinat'*): в сербских диалектах лексема спорадически встречается в косовско-ресавских и восточногерцеговинских говорах, а также в переселенческих штокавских шумадийско-воеводинских говорах на территории Венгрии; в русских диалектах она имеет островной ареал в севернорусских (архангельских) говорах; кроме того, эта изоглосса охватывает словенские, хорватские и болгарские диалекты;

sol'd-ъk-ъ к. 65 ‘вкусный’ (о еде) (серб. *slàdak*, *sládak*, *s'ladak*; рус. *s'latkoj*, *s'latkoj*): в сербских диалектах лексема распространена

в некоторых штокавских смедеревских, косовско-ресавских, восточногерцеговинских, призренско-тимокских говорах; кроме того, в восточногерцеговинских говорах Боснии и Герцеговины и в зетских говорах Черногории; в русских диалектах она имеет островной ареал в севернорусских (архангельских) и среднерусских (владимирско-поворжских) говорах; островной ареал этой лексемы отмечен также в македонских и болгарских диалектах.

Нетрудно заметить, что среди сепаратных лексических соответствий русских и сербских диалектов отсутствуют такие, которые имеют тотальный характер, когда репрезентирующие их лексемы равномерно покрывают территорию тех или иных говоров.

Исключение составляют лексемы *porzd-ъn'-ь*, *porzd-ъn'-ь* к. З ‘пустой, ненаполненный’, которые обладают масштабными ареалами в западно- и южнославянских языках, а также имеют довольно плотный ареал в русских диалектах (в частности, в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров).

В распространении русско-сербских сепаратных соответствий прослеживается определенная повторяемость, а именно: в сербских диалектах они концентрируются в основном в отдельных штокавских говорах (особенно часто в косовско-ресавских пп. 82, 83; смедеревских п. 69; восточногерцеговинских иекавских пп. 67, 68; призренско-тимокских пп. 84, 85) и зетских говорах Черногории (особенно часто пп. 74, 75, 76, 77); в русских диалектах они локализуются чаще всего в севернорусских (особенно в архангельских и вологодских) и в западной группе среднерусских говоров (особенно в новгородских).

При этом хронологическая маркированность этих соответствий будет, по-видимому, разной. На это указывает, прежде всего, фактор пространства, так как некоторые из них локализуются не только в южной, но и в западной Славии. Так, в частности, наличие обширных дистантных ареалов лексем *porzd-ъn'-ь*, *porzd-ъn'-ь* к. З ‘пустой, ненаполненный’ (рус.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.-чеш.-слц.-луж.-плс.) является свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху, ибо существование изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что «языковая общность, сосредоточенная первонациально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась» (Принципы 1976: 184)⁵.

К архаизмам, по-видимому, можно отнести и лексему *kraj-ь* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’: несмотря на то, что лексема образует островные ареалы в русских, сербских,

хорватских и словацких диалектах, она может рассматриваться как архаизм, так как все эти ареалы являются дистантными и локализуются в трех славянских языковых группах; кроме того, лексема представляет собой непроизводную основу, на базе которой образовались многочисленные дериваты, расширившие радиус ее распространения практически до общеславянского,ср.: рус. *kraj-ix-a*, *kraj-uš-ъk-ь*; рус.-блр. *kraj-uš-ъk-a*; рус.-блр.-слн.-хрв.-слц. *kraj-ъc-ь*; рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ъc-ь*; блр.-укр. *ob-kraj-ъč-ik-ъ*; хрв.-укр. *sъ-kraj-ъc-ь*; серб.-плс. *sъ-kraj-ъk-a*; слн.-слц. *kraj-ik-ъ*; чеш.-слц. *kraj-ič-ъk-ъ*; серб.-мак. *kraj-ъk-a*; мак.-блг. *kraj-itj-ъn-ik-ъ*, *kraj-ъč-е* и т. д. Значение этой лексемы, образованной от глагола **krojiti* (ЭССЯ 12: 88), является первичным, то есть то, что отрезано, «место отреза или разрыва» (Фасмер II: 364; Черных I: 438; Преображенский I: 376), что в соответствии с теорией лингвогеографии является признаком архаизма.

К независимым типологически сходным образованиям следует отнести, по-видимому, лексему *kož-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке), несмотря на наличие у нее островных ареалов в одних диалектах (в частности, в русских пп. 532, 535; в чешских пп. 188, 199, 204; хорватских пп. 40, 148а, 151; сербском п. 168; македонском п. 105) и довольно плотных — в других (в словацких пп. 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 221, 223, 224 и лужицких пп. 235, 237). Однако переносный характер значения этой лексемы, исходная посессивная семантика которой была ‘козья’ (шкура) <**kozja*> (ЭССЯ 12: 36), свидетельствует, скорее всего, о более позднем формировании этого соответствия в рамках собственной истории этих языков.

Независимыми параллельными образованиями являются, по-видимому, и лексемы *pors-et-in-a*, *svin-et-in-a*, *svin-j-et-in-a* к. 21 ‘мясо свиньи’, *žylt-j-ak-ъ* к. 43 ‘желтая часть яйца’, //*už-in-a-j-e-tъ* к. 60 ‘ест обед’, на что указывает, с одной стороны, точечный характер их ареала в русских, а нередко и в сербских диалектах, а с другой — вторичность их словообразовательной структуры, наличие в их составе продуктивных в русских и сербских диалектах словообразовательных суффиксов (ср., например, суф. *-et-in-a*), что само по себе является значимым фактом, так как лексемы, структура которых в словообразовательном отношении «является прозрачной, оказываются более поздними» (Климов 1990: 122).

Поздний характер имеют и соответствия, представленные лексемой (*traxter*)-ь к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’, о чем свидетельствует сам факт ее заимствования из др.-в.-нем. *trahter*, *trihtere*.

Среди русско-сербских **эксклюзивных** соответствий, то есть таких, которые характерны лишь для русских и сербских диалектов, можно выделить две лексемы:

kož-a к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) (серб. *'koža*; рус. *'koža*): в сербских диалектах лексема имеет точечный ареал в переселенческих штокавских говорах на территории Румынии; в русских диалектах она распространена в некоторых среднерусских (псковских, владимирско-половецких) и южнорусских (рязанских) говорах;

lom-it-ь, lom-a-j-e-tь к. 17 ‘режет’ (хлеб) (серб. *'lomi:*; рус. *lo'mat*): лексема имеет микроареал в штокавских зетских говорах Черногории; в русских диалектах — в севернорусских (архангельских) говорах.

Нетрудно заметить, что оба соответствия не имеют ярко выраженных ареалов. Показательно также и то, что значение одного из них является переносным (о чем свидетельствует этимология лексемы *kož-a*, отсылающая к исходной посессивной семантике), а другое — представлено именем с производной основой, что невольно наталкивает на мысль об их позднем образовании.

Эти соответствия могут быть, скорее всего, результатом параллельного и независимого развития, на что указывает качественная характеристика их ареала, в частности, тот факт, что они представлены микроареалами, которые являются, как правило, территориальными величинами позднего времени.

Итак, как видно из приведенного материала, топография русско-сербских изоглосс, их реальная языковая наполненность и пространственная локализация оказываются довольно сложными и не исчерпываются количественным показателем. Адекватная интерпретация их в пространственном и временном аспекте возможна лишь при наличии общеславянского контекста и при условии учета их разнонаправленности.

Как свидетельствует проведенный анализ, в большинстве своем русско-сербские лексические соответствия сложились в рамках восточнославянского языкового континуума. По сравнению с этими изоглоссами роль сепаратных и особенно эксклюзивных лексических параллелей в общеславянском контексте оказывается менее значительной.

В общей картине территориального распределения ареальных связей русских и сербских диалектов отчетливо просматривается несколько планов.

На первом плане находятся связи, которые оказались во многом предопределены статусом самого **русского языка как члена восточнославянского языкового континуума**. В формировании этих лексических изоглосс чрезвычайно важную роль сыграли бело-

русские и особенно украинские диалекты, которые выполняли функцию своеобразного «моста» между русскими и сербскими диалектами. Благодаря их поддержке сложилось большинство ареальных связей русских и сербских диалектов. Не случайно среди них не отмечено случаев, когда лексема была бы широко представлена только в русских диалектах и при этом находила бы такое же широкое распространение в языках южнославянской группы.

Связи второго плана — это собственно русские ареальные связи. Они играют не менее важную роль в общей картине русско-сербских языковых отношений, хотя в количественном выражении они представлены довольно ограниченным кругом лексем.

Качественные различия русско-сербских изоглосс являются свидетельством их разного исторического прошлого. Поэтому хронологически они интерпретируются по-разному.

Инвентарь русско-сербских лексических соответствий включает в себя, с одной стороны, общеславянские лексемы, а с другой — ареально ограниченные диалектизмы, восходящие и к праславянской эпохе, и к эпохе самостоятельного развития славянских языков. Среди этих схождений наблюдаются такие, которые детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности), а также такие, которые во многом предопределены факторами типологическими и являются свидетельством независимого параллельного развития.

Представляется, однако, что даже в этом случае выявленные схождения могут быть отражением тех общих языковых процессов, которые были пережиты славянскими языками в прошлом, так как «параллельное развитие родственных языков не может быть случайным, оно возникает на основе тенденций, заложенных в системе праязыка» (Степанов 1975: 27). И в этом смысле все изменения, которые произошли в славянских языках в процессе их исторического развития, с лингвистической точки зрения, предопределены их предшествующим состоянием. Таким образом, лексические карты Атласа являются прекрасной иллюстрацией одного из постулатов компаративистики — чем ближе языковые системы, тем меньше случайных совпадений в их развитии, поскольку развитие систем в значительной степени детерминировано общими генетическими истоками.

Такая сложная картина ареальных связей русских и сербских диалектов согласуется с идеей Э. Бенвениста о том, что степень родства между членами больших семей родственных языков в разные

хронологические периоды способна принимать различные значения (Бенвенист 1963: 45), поскольку в истории межславянских диалектных отношений наблюдается действие двух противоположных тенденций: междиалектной интеграции и консервации как следствия сопротивления инодиалектным влияниям.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист 1963 — *Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в лингвистике*. М., 1963. Вып. 3.

Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А. Изоглоссы в славянском языковом мире // Избранные труды по общему языкознанию*. М., 1963. Т. 2.

Бородина 1980 — *Бородина М. А. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов*. Л., 1980.

Вопросник 1965 — *Вопросник общеславянского лингвистического атласа*. М., 1965.

Жирмунский 1954 — *Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания*. 1954. № 4.

Журавлев 1994 — *Журавлев А. Ф. Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства*. М., 1994.

Иванов 1993 — *Иванов В. В. История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: доклады российской делегации*. М., 1993.

Клинов 1990 — *Клинов Г. А. Основы лингвистической компаративистики*. М., 1990.

Куркина 1992 — *Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики*. Ljubljana, 1992.

Макаев 1965 — *Макаев Э. А. Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания // Вопросы языкознания*. 1965. № 4.

Мартынов 1983 — *Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени*. М., 1983.

Принципы 1976 — *Принципы описания языков мира*. М., 1976.

Срезн. — *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка*. М., 2003. Т. 1–3.

Теньер 1966 — *Теньер Л. О диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания*. 1966. № 5.

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1–2.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ср. в связи с этим точку зрения Э. Бенвениста: «Ясно, что исследование, оперирующее соответствиями лишь как количественными величинами..., заранее обречено на неудачу. Ни число сопоставлений, ни число языков, признанных родственными, не может являться предметом математического исчисления. На самом деле мы должны рассматривать степень родства между членами больших семей родственных языков как переменную величину, способную принимать различное значение» (Бенвенист 1963: 44–45).
- 2 О причинах отсутствия болгарского материала на картах Атласа см.: Иванов 1993: 315.
- 3 Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами. Словоформа, зафиксированная в диалекте, приводится в скобках в фонетической транскрипции ОЛА.
- 4 Ограниченный объем статьи позволил привести лишь некоторые примеры. Более подробные данные содержатся в монографии Т. И. Вендиной «Русские диалекты в общеславянском контексте» (М., 2009).
- 5 Ср. в связи с этим следующий тезис: «Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории» (Бородина 1980: 34).

Vendina T. I.
Lexical Isoglosses in the Slavic Language World:
Russian-Serbian Lexical Parallels

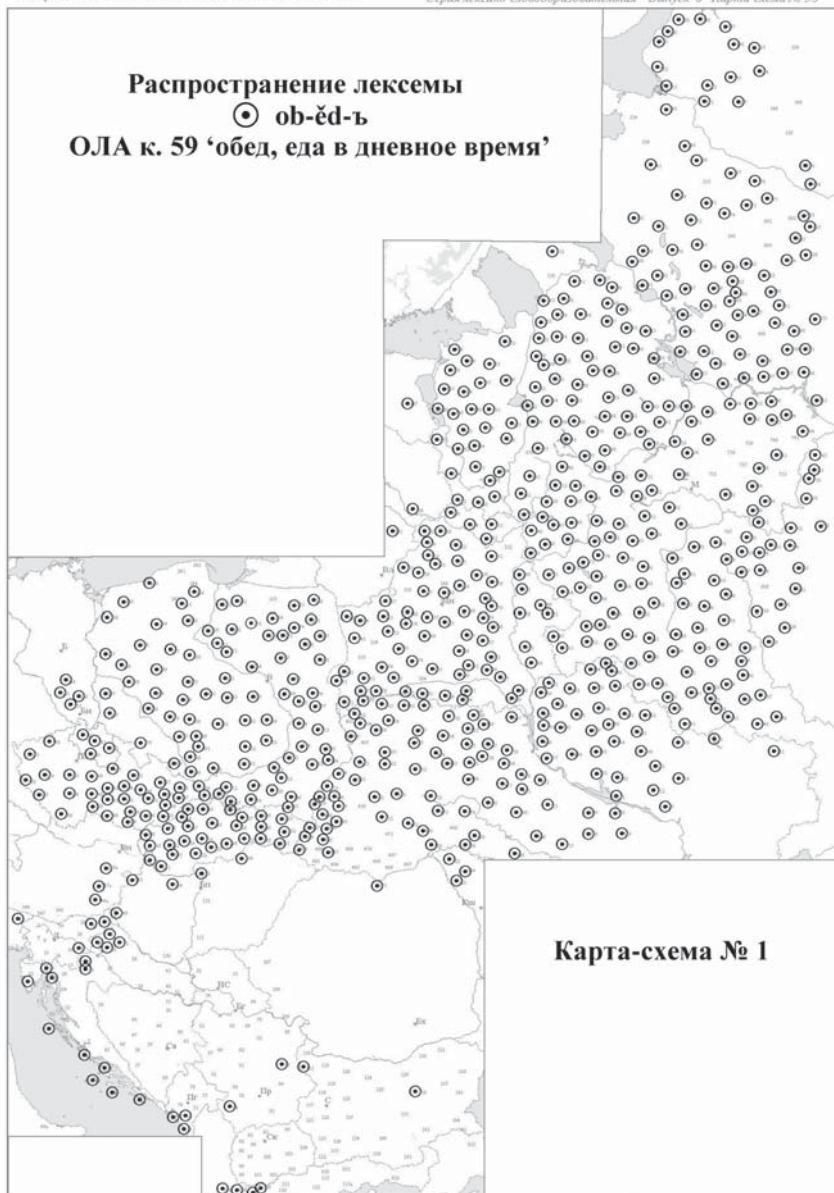
The article deals with the problem of chronological interpretation of the Serbian-Russian lexical isoglosses, presented on the maps of the All-Slavic Linguistic Atlas.

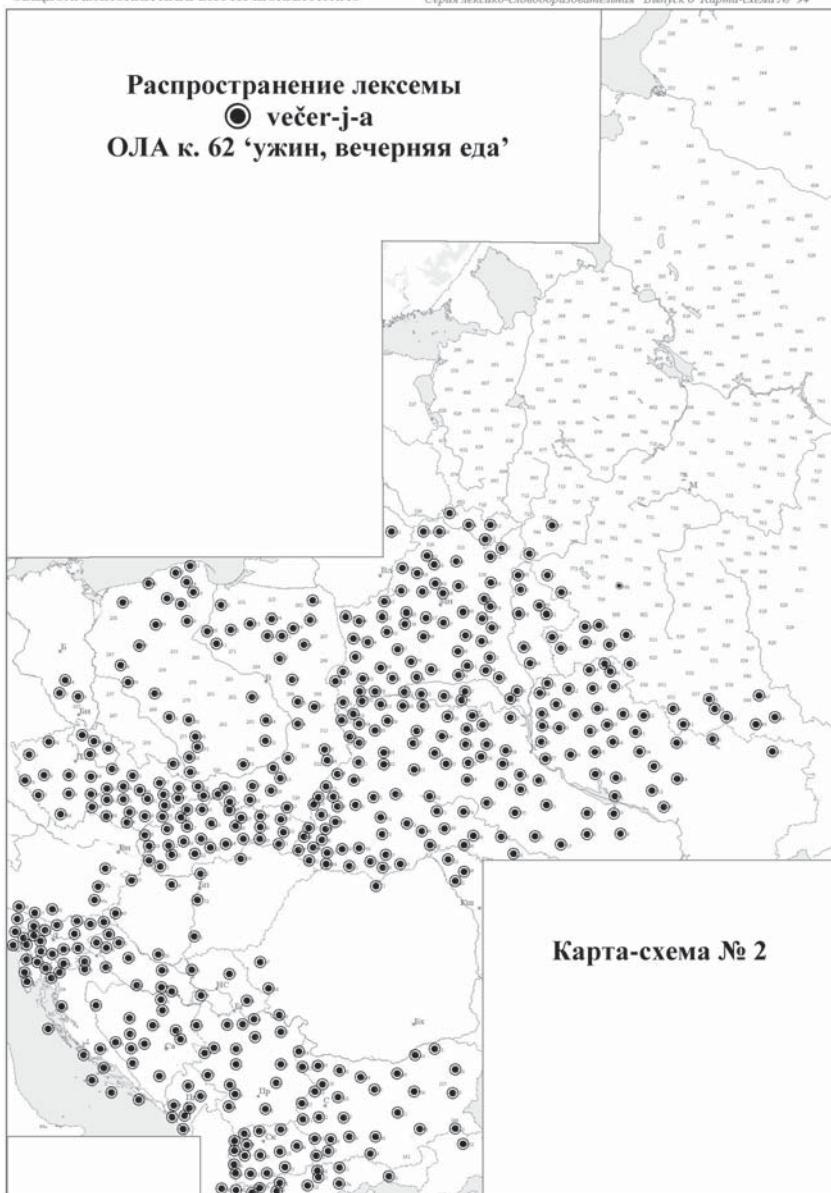
Key words: *linguistic geography, isoglosses, areas, connections.*

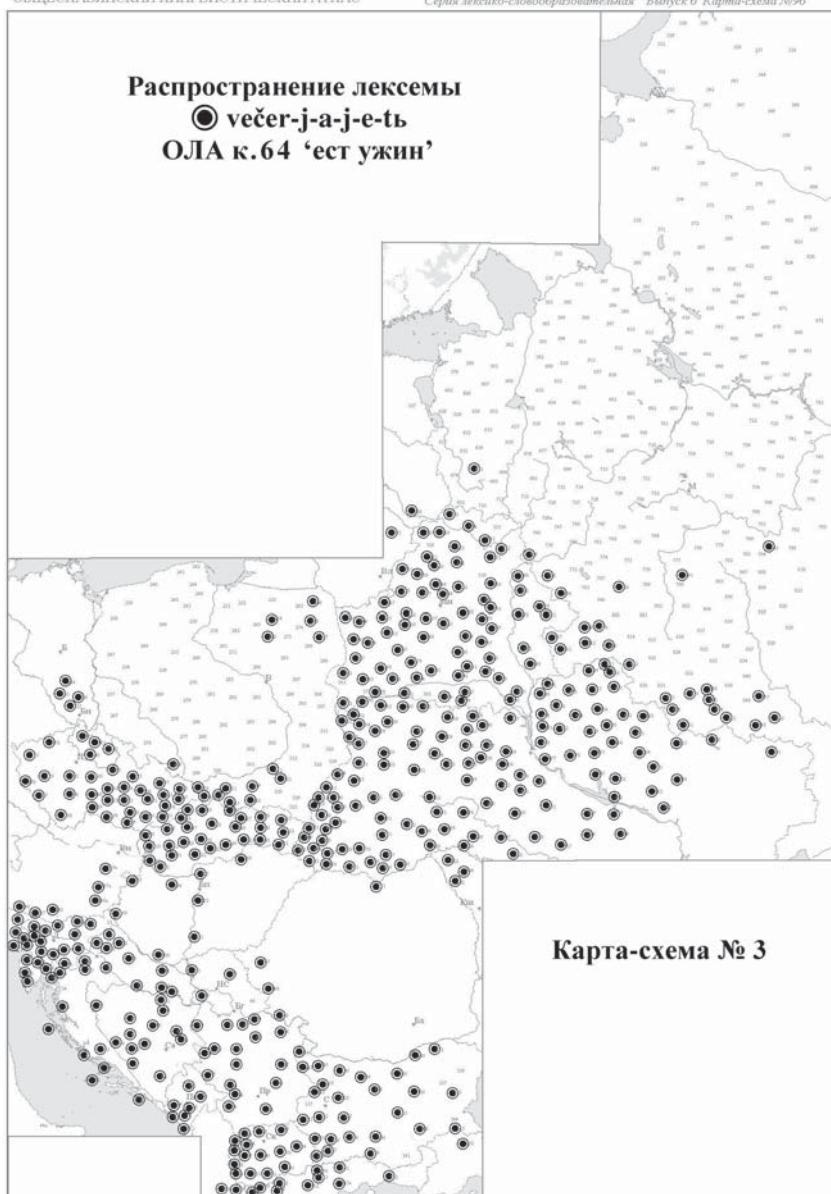
ПРИЛОЖЕНИЕ.
КАРТЫ

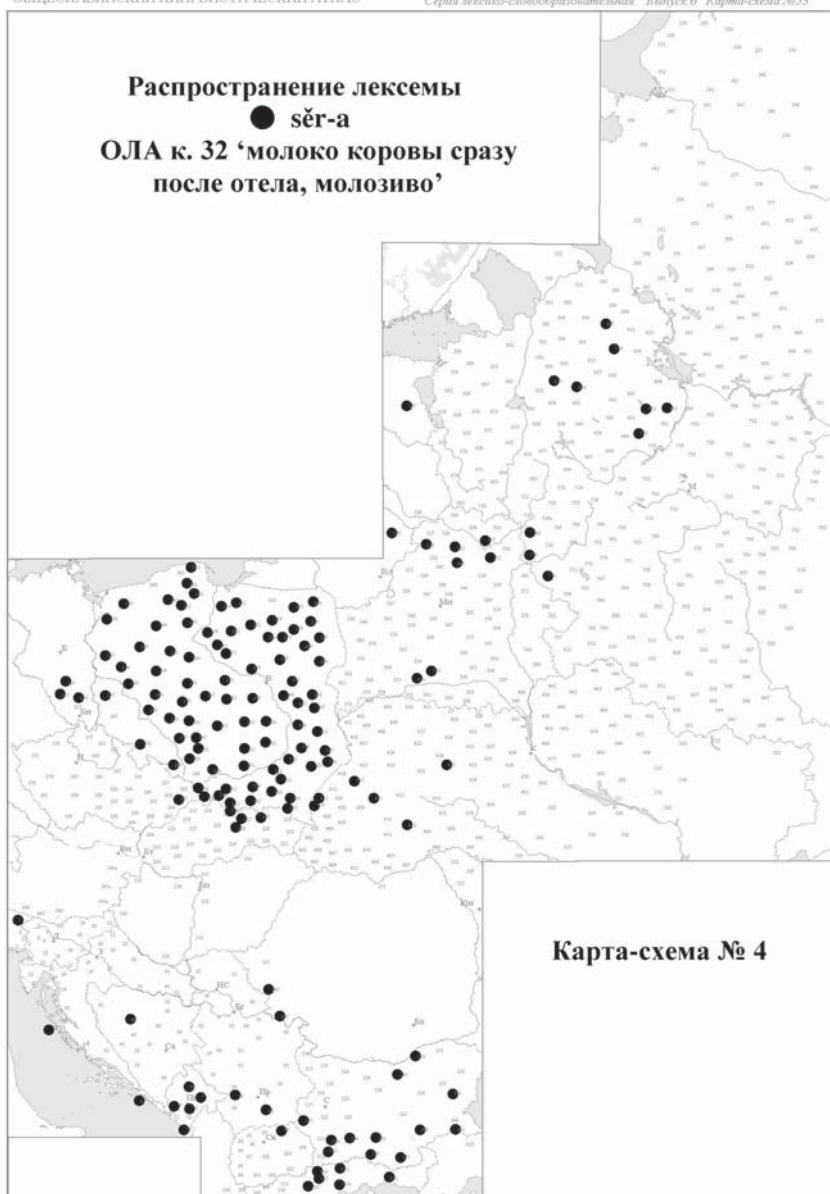
ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

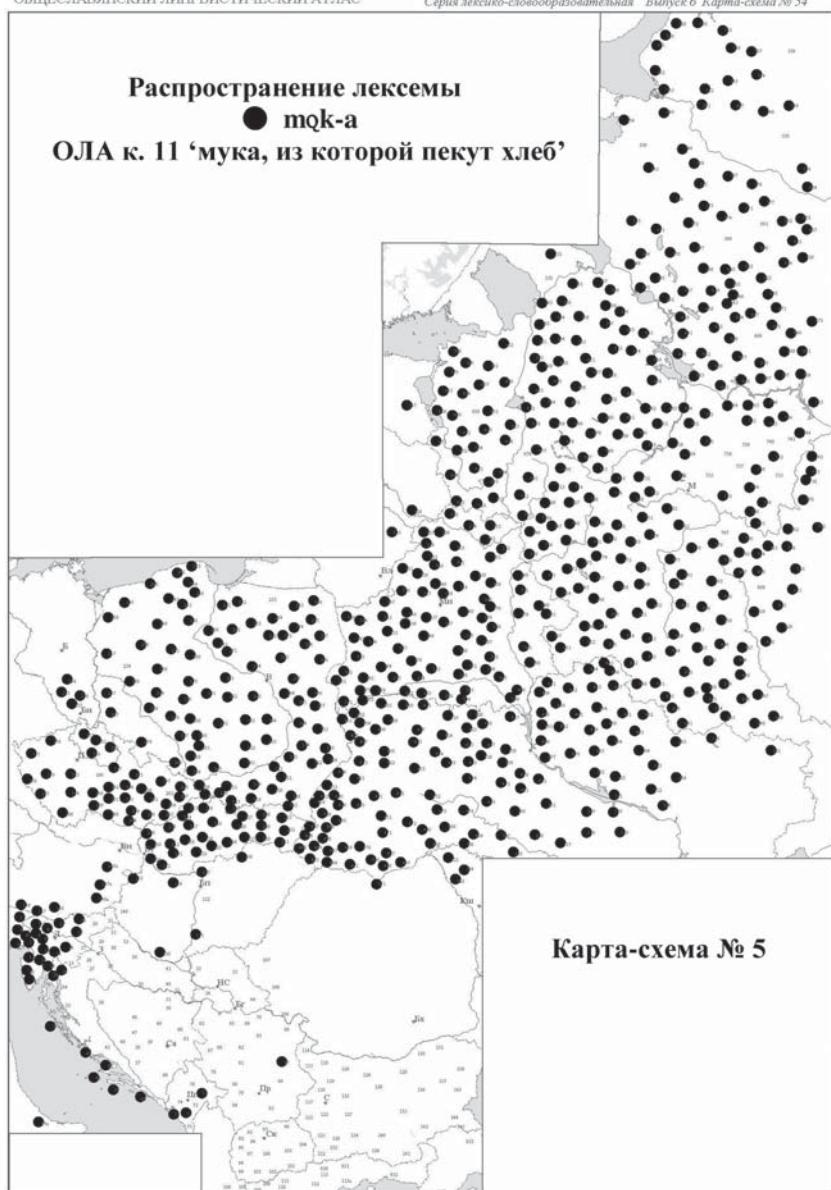
Серия лексико-словообразовательная Выпуск 6 Карта-схема № 58

Распространение лексемы**● večer-j-a-j-e-tъ****ОЛА к.64 ‘ест ужин’**

Сепаратные и эксклюзивные лексические связи русских диалектов с сербскими

- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения

*М. Л. Гордиевская
(Москва)*

Абстрактные количественные понятия в русском языке (из опыта анализа синтаксической связи)

В статье рассмотрены синтаксические способы выражения в современном русском языке таких архаичных количественных понятий, как «единичность», «парность», «дуалис», «совокупность», а также «неопределенное», «малое», «большое», «паритивное» множества.

Ключевые слова: *единичность, совокупность, множество (неопределенное, малое, большое, паритивное), синтаксическая связь.*

При всей универсальности грамматической оппозиции единственного и множественного числа¹, количественные понятия, которые пронизывают ткань языка, намного более разнообразны. Несмотря на то, что противопоставление *единицы* своего рода конкретным множествам — *парности, дуалису, совокупности, малому и большому множеству* и др. — давно покинуло сферу морфологии, нельзя сказать, что эти понятия были вовсе «стерты» из памяти носителей языка и вышли из употребления. В современных языках отпечаток абстрактных количественных значений несут не граммы, а синтаксические конструкции. Именно синтаксису язык доверил различать тонкие смысловые грани, которые существуют в сфере количественных обозначений.

Количественные понятия, бытующие в языке, восходят часто к весьма архаичным способам членения действительности. Язык хранит следы давно ушедших в прошлое конкретных множеств, систем счисления, техник счета, мер веса и объема и т. д. Эта информация может быть реконструирована на основе анализа, например, этимологии числительных (Шлейхер 1866: 1–69; Одри 1988: 78–79; Степанов 1989: 58–67; Винтер 1989: 32–46; Lehmann 1993: 252–255; Иванов 1996: 704–727 и др.), синтаксических отношений в количественно-именных группах, координации сказуемого и подлежащего, различных согласовательных стратегий (Babby 1987: 91–138; Franks 1994: 597–674).

Помимо культурологических данных, которые могут быть извлечены из лингвистического анализа, исследование способов хранения в языке количественной информации позволяет объяснить не убывающие на протяжении столетий колебания синтаксической

нормы. В самом деле, механизмы языка таковы, что одновременное существование дуплетных форм, то есть тождественных по смыслу слов или синтаксических конструкций, возможно только на протяжении ограниченного периода. Но если временной интервал увеличен, то следует предположить, что схожие языковые формы различают нюансы значения. Так, сосуществование синтаксических структур *Вышел урядник и десятник* (Лермонтов). — *Вышли урядник и десятник; По дороге шли четыре человека — По дороге шло четыре человека; Шум и гам не прекращались ни на минуту — Шум и гам не прекращался ни на минуту* наводят на мысль, что различные варианты координации подлежащего со сказуемым вносят в текст какие-то весьма важные дополнительные смыслы.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих дополнительных смыслов, обратимся к истории и посмотрим, какие линии в формировании количественных представлений прослеживаются в прошлом индоевропейских языков.

Известно, что оппозиция единственного и множественного числа в морфологии большинства индоевропейских языков сформировалась не сразу. Предысторией современной категории числа вплотную занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты (Shmidt 1889; Мейе 1938; Тронский 1967; Жлобов 2001: 94–109 и др.). Становление современного множественного числа прошло через ряд этапов: «Выработке единой категории отвлеченного множества предшествуют более конкретные множества. Они могут отличаться друг от друга численной мощностью — таковы двойственные и тройственные числа разных языков, или способом своего составления, например инклузивное и эксклюзивное множественные числа у местоимений 1-го лица в некоторых языках (*мы, включая вас, мы, исключая вас*)» (Тронский 1967: 65)².

Из этого следует, что первоначально *единице* было противопоставлено не множество вообще, а вполне *конкретные множества*. Попробуем перечислить те оппозиции к *единице*, которые существовали на древней ступени формирования славянских (в первую очередь русского) языков и проследить дальнейшую судьбу абстрактных количественных значений, выражающих *конкретные множества* сквозь призму русского языка.

Единица vs. дуалис vs. неопределенное множество. Одним из самых очевидных, четко выраженных в морфологической системе было противопоставление *единицы*, *дуалиса*³ и *неопределенного множества*. С течением времени двойственное число в славянских языках идет на убыль⁴, однако это не означает, что в упомянутой

триаде *один–два–много* образуется «зияющая дыра». Так, носители русского языка особое положение *дуалиса*, числа «2», позиционируют синтаксической связью.

Действительно, синтаксическое поведение «двойки» в современном русском языке отличается от модели поведения других числительных первого десятка. Рассмотрим устройство связей внутри синтагмы *два дома*. С точки зрения современного русского языка, в том случае, если эта синтагма занимает позицию подлежащего, прямого дополнения или обстоятельства (*сделать все за два дня; находится недалеко отсюда, через два дома*), в ней можно усмотреть обоюдную зависимость между компонентами. Схематично отобразим это так:

P. п. ед. ч. S

→ =>

ДВА ДОМА

←

м. р.

В направлении от числительного к существительному (*два* → => *дома*) действуют морфологическая и семантическая зависимости. Морфологическая зависимость проявляется в следующем: числительное ставит зависимое существительное в форме родительного падежа единственного числа (ср. *два дома, два дерева*). Семантическая зависимость обнаруживается в том, что существительное насыщает субъектную валентность числительного. В самом деле, слово, подразумевающее словоизменение, является таким же предикатом, как и существительное со значением качества или параметра (ср. *красота пейзажа = Пейзаж <был> красив; высота здания = Здание <было> высокое; два дома = Дома <было> два*).

В направлении от существительного к числительному (*два* ← *дома*) действует лишь морфологическая зависимость: существительное передает подконтрольному числительному форму мужского рода. Мужской и средний род выражаются одной и той же граммемой **-а**, женский род воплощается в граммеме **-е** (ср. *два года, два лета, две дороги*)⁵.

Такого рода взаимозависимость в русском языке уникальна; аналог можно найти лишь в сочетании подлежащего со сказуемым:

И. п. S

→ =>

ВЗОШЛА ЛУНА

←

ж. р.; ед. ч.

Разрушение двойственного числа повлекло за собой значительные изменения в склонении слова *дъва*. И все же это числительное сохранило некоторые свойственные ему в древности особенности. Интересно, что столь причудливая синтаксическая модель бережно сохраняется в языке и поныне. В современной разговорной речи не содержится никаких попыток разрушить этот реликт.

В ходе исторического развития числительные от *одного* до *десяти* формируют три типа именных групп:

- 1) числительное *один* образует именную группу с согласованием;
- 2) числительное *два* в позиции подлежащего (а также прямого дополнения) выступает в именной группе с координацией;
- 3) числительные *три* — *десять* составляют именные группы с управлением (*три дороги*) и согласованием (*трех дорог*), выбираемыми в зависимости от синтаксической позиции именной группы в целом.

Расставшись с категорией двойственного числа в XIII–XIV вв., язык не спешил расставаться с противопоставлением *один–два–много* в синтаксисе. Вероятно, за этим скрывается ментальная классификация, способ концептуализации действительности, существенный для носителей языка. Действительно, понятие «много» в сознании современного человека начинается не с «двойки», а, как минимум, с «тройки». Эта «троичность», с которой в нашем сознании связано понятие «много», присутствует в семантике сложных слов: *многодетная* мать (три ребенка и больше); *многоженец* (ср. есть *двоеженец*, но нет **троеженец*), *многолетние* растения (ср. *двулетнее* растение), *многодомные* растения (ср. *двудомные*), *многоточие* (ср. *двоеточие*)⁶ и т. д.

«Малое» и «большое» множества: единица vs. *немного* vs. *много*. Неопределенное множество само по себе не было однородным ни в древнерусском языке, ни в праславянском. Это прежде всего проявлялось в характере синтаксической связи: так, числительные *три*, *четыре* изначально согласовывались с существительным в роде и падеже, а числительные от *пяти* — управляли существительным.

Вопрос о том, почему внутри группы числительных первого десятка не было единства в синтаксическом поведении, многократно ставился в лингвистике. Есть несколько версий. П. С. Кузнецов считал, что более архаичное согласование отражает старую пятеричную систему счисления, на которую накладывалась более «молодая» — десятичная (Кузнецов 1953: 173–174). Можно также предположить, основываясь на данных других индоевропейских языков, что на начальных этапах формирования числовых представлений понятие

«много» смешалось вправо по шкале натуральных чисел. Причем пограничное положение различных «много» («3» и «4») сформировалось в разные исторические эпохи и имело характер исторических напластований⁷. Это может служить косвенным объяснением того факта, что в индоевропейских языках согласовательная модель синтаксического поведения (то есть дублирование граммем существительного и числительного) колебалась вокруг этих двух «отметок». Так, в древнегреческом, славянских языках «4» вовлекалось в архаичную согласовательную модель, а, например, в латинском, романских, германских — нет (Гордиевская 2010: 353–359). Наконец, немаловажным объяснением различий в синтаксической стратегии числительных первого десятка является противопоставление «малого» и «большого» множества, иначе говоря, различие в языке понятий «немного = мало» и «много» (Сперанская 2008). Взаимоотношение этих понятий ясно проступает на фоне формирования новой морфологической оппозиции чисел — единственного и множественного. Рассмотрим более пристально колебания в синтаксической стратегии числительных первого десятка, последовавшие за падением двойственного числа.

Раскол в синтаксическом поведении числительных, последовавший за падением двойственного числа, не сразу привел к современной системе связей внутри именных групп. Логичная система древнерусских синтаксических связей, при которой слову *один* отводилось единственное число, *двум* — двойственное, всем остальным числительным — множественное, и эти же грамматические числа проецировались на синтаксические связи числительных, была нарушена, а формирование четкой оппозиции *один* vs. *много* затягивается почти на четыре века. Граница между *один* и *много* на протяжении этих столетий не была четко обозначена. Вплоть до середины XIX в. существительные в сочетании с числительным *два* примеряли на себя разные окончания — новой счетной формы (прежнего двойственного числа) и нового множественного⁸. Так, в первой половине XVII ст. тексты периодических изданий (в частности, «Вестей-Курантов») отражали смешанное употребление окончаний: *два корабля; два полка; два человека* vs. *наши два корабли; и под Прагою два посады взяли; пришли два стременные стрельцы* (Старых 1998: 134–135). Существительное при числительном *два* в московской разговорной речи первой половины XVII в. могло употребляться как в счетной форме (переосмысленном двойственном числе), так и во множественном числе. Иначе говоря, модель именной группы с числительным *два*

не была определена в языке окончательно. По мнению Л. В. Старых, «тексты “Вестей” отражают момент, когда оба процесса были равновероятны (Старых 1998: 136). В последующие века существительные во множественном числе при числительном *два* встречаются реже. Так, в языке XVIII–XIX вв. фиксируются немногочисленные случаи такого употребления: *Деньги, которые были за мной даны, в два годы были прожиты на девок и на карты* (Лабзина); *…вышли мы на берег, заплатив лодочнику новый французский талер, или два рубли* (Карамзин)⁹.

По сути, в русском языке структура *два годы* была таким же новшеством, как и *три года* (ср. исконные формы: *два года, три годы*)¹⁰. И все же в конкурентной борьбе побеждает описанная выше синтагма с координацией, которая и выделяет *дуалис* на фоне *единицы и много*.

Числительные *три* и *четыре* также колебались в выборе флексивного «облачения» для существительного. Форма множественного числа существительного при числительных *три/четыре* задержалась в языке надолго: *Послал на них три корабли, четыре корабли прошли, три добрые полки людей, четыре человека погорели*, «Вести-Куранты», 1600–1650 гг. (Старых 1998: 136); *Четыре дни*, как взят он был на корабле обманом (В. Баранщиков); *Дай мне срока хотя на три дни* (Фонвизин); *Та и дала, да не будь глупа, возьми да и напиши бумагу, что за эти деньги Аннушка бы у нее три годы жить...* (Потехин); *Ты помнишь, недавно, барин тебя посыпал на три дни в город* (Лермонтов); *Через три дни* после этого они были уже далеко от места, служившего предметом их поездки (Гоголь); *…а только что в четыре дни* научен читать иманом (так. — М. Г.) Ибрагим Бабою, то есть священником Ибрагимом, одной Магометова закона молитве (Баранщиков); *Четыре дни* бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и каменьями (Гоголь); *…носился с ними все три дни...* (Достоевский).

И все же употребление *три* и *четыре* с И. п. множественного числа существительного было скорее реликтом, на это указывает ограниченная сочетаемость этих числительных в указанной форме. В иминительном падеже множественного числа рядом с *три/четыре* появляются только существительные с семантикой времени/срока, кроме того, на рубеже XVIII–XIX вв. у одних и тех же авторов встречается двоякая норма: ср. *Четыре дни* жил в Кубе — Через *четыре дня* сообщение с Черным морем было открыто (Бестужев-Марлинский)¹¹.

То обстоятельство, что *три* и *четыре* все же «обрели власть» над счетной формой (современный Р. п. ед. ч.) существительного, таким

способом частично синтаксически воссоединившись с числительным *два*, говорит о том, что числительные от *двух* до *четырех* образовали новое «*малое множество*» (прежнее, древнерусское «*малое множество*», имело согласовательную модель).

И хотя «*большое множество*» в русском языке не претерпело существенных изменений, вопрос о сохранности «*малого множества*» остается в русском языке открытым. О том, насколько подвижна граница «*малого множества*», свидетельствуют обозначения небольшого неточного количества синтагмами (1) *два, три S*; (2) *три, четыре S*; (3) *два, три, четыре S* (где *S* — существительное): ср. примеры (1) *Се мы днесъ собрались не два и три, но всею церковию* (Платон Левшин, 1777 г.); *Ещё какие-нибудь два-три месяца* небольшого голода — и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьми-десати рублей (Гоголь); *Между ними были два-три хорошеных личика* (Лермонтов); *Офицер отпил два-три глотка* и благодарно посмотрел на солдата (Станюкович). (2) ...ежели вот дерябнешь с похмелья *стаканчика три-четыре*, так оно словно повеселее на животе сделается (Левитов); *Я заметил три или четыре лица*, весьма выразительные (Карамзин); «*Может быть, дня через три, четыре придет почтовое судно, сказал коменданту, — и тогда — мы увидим*» (Лермонтов); *Он занимал этих людей дня три-четыре* (Гончаров). (3) *Иногда сходятся две, три, четыре приятельницы — разговаривают дружески...* (Карамзин).

Таким образом, мы видим, что «*малое множество*» в русском языке бывает представлено рядами: «2», «3»; «3», «4»; «2», «3», «4».

Единица vs. «единство», или «совокупное множество». Еще одним конкретным множеством, противостоящим единице, является «*совокупность*». По сути, это противопоставление единицы не множеству, а единству однородных элементов. Наличие этого количественного понятия в языке объясняет на первый взгляд нелогичное согласование в единственном числе именной группы, обозначающей множество, с атрибутом или сказуемым: *Уж там морское начальство (= начальники) решит: предать ли тебя суду или нет* (Станюкович); *На том месте, где была заря, летала стая птиц* (Чехов); *Здесь отраднее и слаще лениться, нежели там, в том мире, где на всяком шагу мешает {труд и забота}* (Гончаров).

Данное количественное понятие выражается через категорию собирательности, к которой исторически восходит множественное число в языках мира. Идея первичной собирательности принадлежит Д. Шмидту (Shmidt 1889)¹². По Шмидту, раздельная множествен-

ность возникла в активном классе. Инертные предметы имели лишь собирательную совокупность.

В современном русском языке этот тип множества выражается по-разному. Есть морфологические классы слов, которые способны обозначать совокупность однородных предметов и лиц как одно неделимое целое (в русском языке это собирательные существительные: *дружина, человечество, правительство, агентура, профессура, начальство*). Есть специальные одновалентные лексические единицы со значением «совокупность», единственная валентность которых заполняется номинацией членов данного конкретного множества: *табун лошадей, стая волков, отара овец, группа школьников, толпа людей* и пр. Наконец, понятие совокупности может передаваться именной группой, представляющей собой сочинительный ряд слов, обладающих семантической общностью: *шум и гам, писк и визг, свобода и воля, сумрак и безмолвие, труд и забота*.

С точки зрения синтаксической связи все варианты совокупного множества характеризуются тем, что воспринимаются системой языка как единство. Именная группа, обозначающая совокупное множество, согласуется с атрибутом или сказуемым в единственном числе. Так, например, собирательные существительные диктуют форму единственного числа согласуемым словам: *Святополкова дружина была против похода* (Костомаров); *Русское начальство усмирило горцев* (Л. Толстой) (Ср.: *Дружинники Святополка были против похода; Русские начальники усмирили горцев*).

Следует отметить, что совокупность не всегда в истории русского языка воспринималась как единство. В древнерусском собирательные существительные согласовывались с глаголом во множественном числе: ср. **в се же лѣто рекоша** (мн. ч.) **дружина** (Лавр. лет.) vs. — **а ныне сѧ дроѹжина: по ма пороѹчила** (ед. ч.) (Новг. Гр., № 109, XII в.). Путь к осознанию собирательных слов как существительных единственного числа проложили прилагательные, которые уже в древнерусский период согласовывались с ними именно в этом числе: **храбрая** (ед. ч.) **дружина рыкаютъ** (Слово о полку Игореве).

Подобная архаичная синтаксическая модель сохраняется в некоторых современных диалектах русского языка: *Его вся сродства сюды шли; Мы-то вся часть сюда пришли, что там мало осталось* (Записи казаков-некрасовцев из архива Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН)¹³; *Начальство договорились, скомандовали* (Ровнова, Кульмоя 2008: 280–300; Очерки 2004: 193).

Совокупное множество, выраженное лексически (*табун, стая, группа* и др.), также в целом воспринимается системой языка как единство и, соответственно, оформляется согласованием в единственном числе: *На самом деле это пролетала огромнейшая, в несколько тысяч штук, стая птиц* (Новиков-Прибой).

Напоминанием о том, что именная группа в этих случаях представлена множеством субъектов, служит вариативное согласование с релятива или причастного оборота: Ср.: *Далее в паровом поле гулял табун лошадей, от которого* (возможно: *от которых*) *отбившись молодой жеребенок как бы из любопытства подбежал довольно близко к дороге* (Писемский); *Путешественники увидели, что собаки остановили целый табун лошадей, бежавших* (возможно: *бежавший*), очевидно, *к озеру на водопой* (Обручев).

Таким образом, мы видим, что в русском языке действует строгое правило, регламентирующее синтаксическое поведение сказуемого и препозитивного атрибута, а постпозитивные определения допускают варианты согласования (со словом «табун» в ед. ч. или со словом «лошадей» — во мн. ч., как в примерах).

Совокупное множество требует единственного числа и при согласовании с именной группой, выраженной инактивными существительными, обладающими общностью признаков: *Весь этот шум и гам не прекращался* (невозможно **Все эти шум и гам*); *По временам этот* (ед. ч.) {*звон и гул*} *смешивался* (ед. ч.) *с визгом полозьев* (Л. Толстой); *За дверью раздался* (ед. ч.) {*младенческий писк, женский говор и здоровый голос мужчины*} (Соллогуб); *Здесь отраднее и слаще лениться, нежели там, в том мире, где на всяком шагу мешает* (ед. ч.) {*труд и забота*} (Гончаров). Безвариантным условное согласование бывает в тех случаях, когда единство группы подчеркивает обобщающее слово: {*Дом и улицы*} — все утонуло в дыму (Гончаров); *Все кругом внезапно побагровело: {деревья, травы и земля}* (Тургенев); *Улицы, бульвары, площади — все было залито солнцем*.

Наконец, следует особо выделить конструкции, синтаксическая форма (поверхностная структура) которых позволяет представить множество как совокупное или как неоднородное:

1. Именные группы с количественными числительными (*три яблока, трое друзей*);
2. Именные группы с неопределенно-количественными словами (*несколько лошадей, множество друзей*).

Именно в этих синтаксических структурах наблюдается заметное колебание нормы:

Три плода — три яблока — висело на тонких, кверху загнутых ветках (Тургенев). — *Три яблока висели на ветке; С Филофеем пришло двое его братьев, нисколько на него не похожих* (Тургенев) — *Внизу крыльца двое солдат держали на палке котелок с дымившейся похлебкой* (Крестовский); *Когда навстречу им вылетело длинное пламя и визгнула картечь, несколько лошадей взвилось* (А. Н. Толстой) — *Фру потеряла первый момент, и несколько лошадей взяли с места прежде ее* (Л. Толстой); *В ауле множество собак встретило нас громким лаем* (Пермонтов) — *Множество молодых венгерцев... рисовались между каретами* (Бестужев-Марлинский)¹⁴.

Единица, принадлежащая множеству vs. единица, не принадлежащая множеству. Одним из важных количественных понятий, представленных в грамматиках индоевропейских языков, является партитивное множество. Для говорящего всегда важно донести до слушающего информацию: причисляет он или не причисляет единицу к множеству других единиц. Считает ли говорящий эту единицу рядом расположенной другим единицам этого множества или же почему-то выделяет ее на фоне других. Например, в русских предложениях (1) *Бабушка с внуками гуляет* vs. (2) *Бабушка с внуками гуляют* множество субъектов бывает представлено по-разному. В первом случае говорящий возвышает один из членов множества (*бабушка*), во втором примере, напротив, делает члены группы равноправными. Первое предложение служит ответом на вопрос «Что делает бабушка?», второму может предшествовать реплика: «Что они делают? Где они?». Различие этих двух синтаксических структур не исчерпывается показателями единственного или множественного числа глаголов. Так, первое предложение допускает перестроение: *Бабушка гуляет с внуками*, второе — нет: **Бабушка гуляют с внуками*. Следовательно, во втором примере значение «единица, принадлежащая множеству» выражается чисто синтаксически: синтагма *бабушка с внуками* основывается на линейной зависимости.

В русских именных группах, где множество субъектов бывает представлено сочинительным рядом слов или же аддитивным оборотом, вопрос о том, мыслятся ли субъекты как равноправные члены множества или же они иерархически организованы, решается исключительно с помощью синтаксической связи, а именно: характер согласования сказуемого с подлежащим освещает взаимоотношения субъектов внутри именной группы.

Множество равноправных субъектов оформляется системой русского языка как грамматическое множество, поэтому здесь использу-

ется смысловое согласование: *Проходят* (мн. ч.) *Дикой и Борис* (А. Островский); *Княгиня с дочерью явились из последних* (Лермонтов); *Посреди всевозможных хлопот август и сентябрь промчались* (мн. ч.) *незаметно* (Фет); *Балльные видения, красавицы, мечты исчезли* (мн. ч.) *мгновенно* (Соллогуб).

При доминировании части в поле зрения говорящего попадает один из элементов этого множества, именно с ним и бывает согласовано сказуемое: *Княгиня с дочерью явилась из последних; Вышел урядник и десятник* (Лермонтов); [...] *была уже осень и гололедица...* (Лермонтов).

Паритивные отношения в индоевропейских языках имеют свою историю. Выделение доминирующей части целого во многих языках базировалось именно на синтаксической связи. Отсутствие специального, грамматикализованного, средства делает паритивные обороты уязвимыми для коммуникации. На эту особенность паритивных структур в древних индоевропейских языках обратил внимание С. Д. Кацнельсон. Одна и та же конструкция может скрывать разные смыслы: др.-греч. *οἱ περὶ τοῦ Περικλέα* — «те, что вокруг Перикла» или «Перикл и те, что с ним», ср. др.-исл. *Þeir Attila* — букв. они Аттила, что означает «те, что с Аттилой; люди Аттилы» или «Аттила и его люди» (Кацнельсон 1949: 80–81).

Современные паритивные конструкции, в том числе русские, так же далеки от совершенства с точки зрения коммуникации, как и их предшественники в индоевропейских языках древней ступени. Так, изолированное употребление предложения *Святополкова дружина была против похода* не дает представления о том, включен или не включен сам Святополк во множество *Святополкова дружина*. На несовершенство выражения паритивных отношений указывает и омонимичность синтаксических структур с аддитивными оборотами, которые в русском языке часто оказываются криптограммой для слушающего. Так, фраза *К чаю мы заказали пирожные с орешками* оставляет слушающего в недоумении: заказаны пирожные и орешки как два отдельных блюда или пирожные, посыпанные орешками.

По меркам аддитивного оборота строятся и русские инклузивные и эксклюзивные конструкции: ср. *Мы с друзьями едем отдыхать в Крым* vs. *Я с друзьями еду отдыхать в Крым*; *Они с ним вместе приедут* vs. *Она с ним вместе приедет* (Достоевский). Инклузив и эксклюзив в русском языке, как известно, не имеют морфологического выражения, однако синтаксическая система эти смыслы разграничивает. В обоих случаях отражена совместность действий субъектов,

инклузив передается множественным числом, эксклюзив — единственным. Дело здесь не только в простом грамматическом согласовании глагола с местоимением. Для того чтобы форма единственного числа глагола не вводила в заблуждение собеседника относительно истинного количества субъектов, включенных в группу подлежащего, в русском языке обычно используется числовой определитель (*двоє, вдвоем, втроем* и др.) или же показатель совместности (*вместе*): *Мы ведь с вами двое с глазу на глаз, без свидетелей* (Лесков); ... *Агая вдруг подтвердила теперь, что она с ним вдвоем застрелила голубя* (Достоевский); *Она с ним вместе приедет* (Достоевский).

Помимо самого вопроса о принадлежности единицы к множеству, при коммуникации часто возникает необходимость определить численный состав самого множества. Эта проблема возникает в том случае, если аддитивный оборот образован только местоимениями. Так, синтагмы *мы с ней, они с ним* без специальных числовых определителей могут интерпретироваться по-разному: *мы с ней* — «я + она» или «я + какие-то люди + она»; *они с ним* — «он/она + какой-то человек» или «какие-то люди + еще один человек».

Характерной особенностью русских инклузивных оборотов является то, что первый компонент (местоимение *мы* или *они*) обозначает множество в целом, а последующий (*с ней, с ним* и т. д.) — эксплицирует часть этого множества. Этот метод обозначения единицы, принадлежащей множеству (строго говоря, вхождения одного множества в другое: ср. *мы с ними* — «я + они», «мы + они»; *они с ней* — «он/она + она», «они + она»), имел и другие обличья. Так, истории русского языка известны плеонастическая формула *оба два* (*Хотят оба два высокие договорившиеся в прямой конфиденции пребыть; Который-нибудь цветок, либо оба два сидят на коротеньких стебельках*¹⁵) и формула *сам-друг* (*сам-третий, сам-пят* и др.).

Формула *сам-друг* (*сам-третий, сам-четверт*) представляла собой указатель на часть и одновременно с этим численный состав обозначенного в контексте множества. Запись смысла этой формулы может быть следующая: *сам-друг* «Х. является главным в серии, состоящей из двух элементов, и завершает эту серию», *сам-третий* «Х. является главным в серии, состоящей из трех элементов, и завершает эту серию» и т. д. Это архаичное значение формулы сохранилось в современном русском языке только в одной ограниченной сфере — терминологии карточной игры. Так, в преферансе термином *дама сам-друг* называют две карты одной масти, старшая из которых дама, термином *король сам-четверт* обозначают соответственно че-

тыре карты одной и той же масти, старшая из которых — король: ср. — *Представьте: туз сам-четверт, король, дама сам-пят и проиграл...* (Потехин); *Возьми и поди в маленькую пику. А у меня король сам-друг. Ну, разумеется, он выиграл...* (Тургенев).

Это особое значение единицы, принадлежащей множеству, восходит к весьма архаичному этапу формирования количественных представлений в индоевропейских языках. Ю. С. Степанов обратил внимание на очень точные параллели древних счетных формул урожая в русском и латинском языках: ср. русск. *Поле дает (родит) сам осьмой* vs. лат. *Ager effert (efficit) cūm octavo.* «Как латинская, так и русская формулы означают, что из одного количества зерна, буквально — из одного зерна, рождается столько, сколько указано по-рядковым числительным. Так, *сам-осьмой, сим octavo* значит “одно зерно приносит семь других, само являясь восьмым”, то есть возвращается “множество из восьми, включая посевное зерно”» (Степанов 1989: 62). Именно в таком, «первозданном», значении встречается данная устойчивая формула у А. Н. Радищева в его знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву»: *«Когда у всех худой был урожай, у него родился хлеб сам-четверт; когда у других был хороший урожай, то у него приходил урожай сам-десят и более».*

Особенностью выражения отношений между единицей и множеством в формуле *сам-друг* (*сам-третий* и т. д.) является то, что множество не бывает обозначено конкретной лексемой (в отличие от, например, инклюзивной конструкции, где множество воплощается в первом из двух местоимений). Так, интерпретировать слова одного из персонажей повести О. М. Сомова «Сказки о кладах» («Под Иванов день, около полуночи, ступай **сам-третий** в лес, в самую глушь») можно только основываясь на более широком контексте: один из героев повести собирается отправиться на поиски клада вместе с двумя своими сыновьями, соответственно являясь третьим и главным членом этой компании.

Тексты XVIII–XIX вв. сохраняют еще живую согласовательную связь со словом, обозначающим единицу, возвышающуюся над множеством: *Возвращаясь домой сам-третий, с двумя товарищами, он уже принимался рассчитывать на все лады; но и тут и там не хватало... (Даль); ...И нередко та, которая прогуливается в таком салопе... почитается целомудренnoю и неприступною весталкою, хотя она во всех собраниях ходит сам-друг или сам-третий (Крылов).*

С течением времени формула *сам-друг* в своем «старом» значении сходит на нет, развивая новое, наречное значение, эквивалентное

показателю совместности действий (*вместе, вдвоем*). Одновременно с этим изменяется и схема согласования именной группы *сам-друг* со сказуемым: архаичный вариант предполагает постановку глагола-сказуемого в единственном числе, новое употребление характеризуется смысловым согласованием. Смешение двух вариантов может наблюдаться у одного автора: *Вижу, едем боярыня по лесу, сам-друг со старым человеком* (А. К. Толстой); *Разбойники один за другим пропали меж деревьев, а царевич сам-друг с Серебряным поехали к Слободе* (А. К. Толстой).

Превращение атрибутивной именной группы в обстоятельство с количественным значением фиксирует «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля: «*Самдругъ, самтретей, самчетверть, самдесятъ и пр. — вдвоем, втроем, вдесятером*». Однако, отдавая должное атрибутивному прошлому этих конструкций, В. И. Даль добавляет: «*Говорят и сама третья и сама пятая*» (Даль 1955, т. 4: 131).

К концу XIX в. формула *сам-друг* (-третий, -пят) начинает отождествляться с собираательными числительными: *А у брата меньшего сам-пят ребят, — а у меня, гляди, одна солдатка осталась* (Л. Толстой). Результатом вытеснения древней формулы *сам-друг* наречиями и собираательными числительными является то, что множество утрачивает внутреннюю иерархию единиц: понять, кто возглавляет множество, можно только основываясь на порядке следования слов в аддитивном обороте: ср. *Катя с Машей* vs. *Маша с Катей*. Синтаксическая связь, а точнее, линейная зависимость, определяет теперь позицию иерархически выделенной единицы. Таким образом, вопросы принадлежности или же причастности единицы к множеству, иерархической структуры этого множества в современном русском языке решаются синтаксическим путем.

Подводя итог, следует сказать, что живые развивающиеся языки идут по пути рационализации системы. Это объясняет отмирание формальных показателей многих частных значений. Однако отсутствие специальных граммем или лексем для выражения этих понятий не означает их полную утрату. Система современного русского языка, давно изжившая двойственное число, архаичные представления о парности, совокупности, различия по степени включенности субъекта во множество, инклузив и эксклюзив, приспособилась синтаксически выражать эти понятия.

ЛИТЕРАТУРА

Багрянский 1960 — *Багрянский И. М.* Имя числительное в русском языке XI–XVII вв. Автореф. ... д-ра фил. наук. М., 1960.

Винтер 1989 — *Винтер В.* Некоторые мысли о индоевропейских числительных // Вопросы языкознания. 1989. № 4.

Глаздовская 1993 — *Глаздовская В. В.* Из истории сложных глаголов с корнем числительного *три* // Беларуска-руска-польская супастаўляльна мовазнаўства. Витебск, 1993. С. 45–49.

Гордиевская 2010 — *Гордиевская М. Л.* К вопросу о концептуализации числовых представлений в синтаксисе // Культура как текст. М.; Смоленск, 2010. Вып. 10.

Даль 1955, т. 4 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4.

Иванов 1996 — *Иванов Вяч. Вс.* Из заметок о праславянских и индоевропейских числительных // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.

Жолобов 2001 — *Жолобов О. Ф.* Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. 2001. № 2.

Жолобов 2006 — *Жолобов О. Ф.* К предыстории русского языкового строя: имена числительные // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4.

Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

Касаткин 2008 — *Касаткин Л. Л.* Русский говор села Татарица в Болгарии // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Языки славянских культур. М., 2008.

Кацнельсон 1949 — *Кацнельсон С. Д.* Историко-грамматические исследования. М.; Л., 1949.

Колесов 2008 — *Колесов В. В.* Историческая грамматика русского языка. СПб., 2008.

Кузнецов 1953 — *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1953.

Мейе 1938 — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

Одри 1988 — *Одри Ж.* Типология и реконструкция // Новое в зарубежной лингвистике. [М.,] 1988. Вып. 21.

Очерки 2004 — Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. Тарту, 2004.

Рифтин 1927 — *Рифтин А. П.* Система шумерских числительных // Языкознание. Проблемы по числительным. Л., 1927. Т. 1.

Ровнова, Кюльмоя 2008 — *Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П.* Говоры староверов в современной Эстонии // Русские старообрядцы: язык, культура, история. Языки славянских культур. М., 2008.

Сперанская 2008 — *Сперанская А.* Загадка русского числа: где заканчивается «мало» и начинается «много»? // Новая университетская жизнь. 2008. № 10.

Старых 1998 — *Старых Л. В.* Из истории формирования числительных русского языка (на материале «Вестей-Курантов» за 1600–1650 гг.) // Вопросы русского языкоznания. Орехово-Зуево, 1998.

Степанов 1989 — *Степанов Ю. С.* Счет, имена чисел, алфавитные знаки // Вопросы языкоznания. 1989. № 4.

Тронский 1967 — *Тронский И. М.* Общесиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Л., 1967.

Шлейхер 1866 — *Шлейхер А.* Тэмы имен числительных (количественных и порядочных) в литово-славянских и немецком языках // Записки Академии Наук. СПб., 1886. Т. 10. Приложение.

Babby 1987 — *Babby L. H.* Case, Prequantifiers, and Discountinuous Agreement in Russian // Natural Language and Linguistic Theory. 1987. № 5. P. 91–138.

Franks 1994 — *Franks St.* Parametric Properties of Numeral Phrases in Slavic // Natural Language and Linguistic Theory. 1994. № 12.

Lehmann 1993 — *Lehmann W. P.* Theoretical Bases of Indo-European Linguistics. London, 1993.

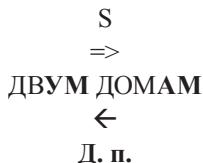
Shmidt 1889 — *Shmidt D.* Pluralbildungen d. indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Как известно, формы двойственного числа доныне сохраняются лишь в лужицком, словенском языках.
- 2 Это представление о формировании категории числа подтверждается, с одной стороны, анализом многих индоевропейских языков древней ступени (Мейе 1938: 409–413), с другой — данными типологии (Рифтин 1927: 183–184).
- 3 Помимо *дуалиса*, в русском языке живо еще представление о *парности*. Об этом свидетельствует наличие числительных «оба»/«обе».
- 4 В русском языке этот период завершается примерно к XIV в. В целом хронология событий такова: В XI–XII вв. это числительное употреблялось исключительно в дв. числе, в XIV–XVI вв. наряду с формами дв. числа появляются формы мн. числа: в Р. п. **о двуχъ остррововъ**

(Ободная грам. 1391 г.); **двүхъ воль** (Псковск. 1-ая летопись); в Д. п. **въ течъ двүхъ селѣхъ** (Духовная и договорная грамота Великих Иудейских Князей). В XVII в. наряду с современными формами еще встречается двойственное число: **а жена с двѣма сыном осталась на Москвѣ** (Акты времен междуцарствия), см. (Багрянский 1960: 16).

- 5 Если синтагма *два дома* занимает иную синтаксическую позицию (не подлежащего и не прямого дополнения), то функции контролера согласования полностью переходят к существительному: *двух* ← *домов*, *двум* ← *домам* и т. д. В этих позициях существительное навязывает числительному форму своего падежа. Таким образом, модель синтаксического поведения модифицируется:

- 6 Примеры образования сложных слов весьма показательны для синтаксиса, так как в основе любого сложного слова лежит синтагма.
- 7 Приравнивание числа «3» к значению «много» находит подтверждение и в собственно лингвистических фактах. Числительное «три» нередко становится аффиксом со значением «много» («очень», «сильно»). Это значение, закрепленное за числом «3» и сформированное в глубокой древности, оказывается очень устойчивым и в более поздние эпохи. Так, числительное «три» в русском языке было переосмыслено как префикс со значением «превосходной степени». В значительно более поздний период (XVII–XVIII вв.) в русском языке появляются слова *трисияти* «сиять тройственным светом», *трезвон* — первоначально «звон в три колокола», *треволнение*, *тресветлый, треклятый* (Глаздовская 1993: 45–49).
- 8 Падение синтаксической структуры всегда происходит по одному и тому же сценарию: в новую, побеждающую, структуру вливается все большее количество слов, реликтовая структура постепенно сходит на нет, употребляясь с ограниченным количеством слов.
- 9 В статье использованы материалы из Национального корпуса русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- 10 В берестяных грамотах начала и середины XIV в. существительное *год* употребляется без каких-либо нарушений: ср. Грамота № 32: **не было от тѣхъ соль по 2 года**; Грамота № 45: **на пологрѣтѣл рѹблѧ**

на три годы (Зализняк 2004: 557, 538). В. В. Колесов отмечает, что числительное *два* лишь с XV в. начинает сочетаться с именами во множественном числе (Колесов 2008: 235).

- 11 Ср. также старое употребление *три* с множественным числом в диалектных анклавах [например, говор староверов села Казашково (Болгария): *Поминь три разы в год* (Касаткин 2008: 412); в том же тексте, у того же информанта встречаем: *три поклона* (Касаткин 2008: 415)].
- 12 «То, что Шмидт установил для мн. ч., очевидно, может быть перенесено и на двойственное, искони тесно связанное с категорией парности, т. е. с одним из видов собирательности» (Тронский 1967: 69).
- 13 Автор благодарит сотрудников Отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, в частности, ст. научного сотрудника О. Г. Ровнову, за предоставление аудиозаписи беседы с казаками-некрасовцами из архива отдела (Трек 1. Шифр: Д-390. Ставропольский край, Левокумский р-н, с. Новокумское; запись беседы с М. Е. Николушкиной, 1940 г. р., произведена 23 ноября 2003 г.).
- 14 Отчасти колебание нормы в этих примерах объясняется конкуренцией условного и смыслового согласования.
- 15 Словарь русского языка XVIII века. Л., 1991. Вып. 6.

Gordievskaia M. L.

Abstract Quantitative Concepts in Russian Language
(from the Experience of Analysis of Syntactic Connection)

In the article there are syntactic ways of expression of such archaic quantitative concepts as “singularity”, “twoness”, “dualistic”, “constellation” as well as “indeterminate”, “small”, “big”, “partitive” multitudes in contemporary Russian language.

Key words: *singularity, constellation, multitude (indeterminate, small, big, partitive), syntactic connection.*

*В. Лаброская
(Скопье)*

Архаизмы в юго-восточных македонских диалектах: крайние южные границы славянского языкового пространства

В статье идет речь об архаизмах в юго-восточных диалектах македонского языка на всех языковых уровнях: фонологическом, морфосинтаксическом и лексическом. Эти архаизмы — показатель непрерывного развития македонского языка как представителя группы славянских языков.

Ключевые слова: *македонский язык, архаизмы, фонетика, морфология, лексика, македонские диалекты, группа славянских языков.*

Македонский язык, будучи одновременно представителем и группы славянских языков, и балканского языкового союза, обладает рядом особенностей, представляющих исследовательский интерес в связи с несомненной спецификой путей развития этого славянского языка, расположенного на крайнем юге славянского языкового мира. Развиваясь по своему собственному пути, македонский язык перешел от синтетического строя к аналитическому, сохранив при этом архаизмы, особенности, характерные для раннего периода развития и зафиксированные в церковнославянских памятниках македонской редакции, наиболее ранние из которых относятся ко времени просветителей братьев Кирилла и Мефодия, чья благородная миссия заключалась в том, чтобы с помощью письменности объединить славянские народы. И если старые памятники письменности являются свидетельством определенного периода в развитии данного языка, то диалекты — это неписьменные памятники его истории. Именно в этом заключается «заслуга» македонских диалектов, потому что в них вплетена история развития македонского языка. Если к этому добавить факт, что стандартизован македонский язык довольно поздно, то неизбежно напрашивается заключение, что диалекты в своем непрерывном развитии регистрировали изменения, но в то же время сохраняли архаизмы, которые демонстрируют непрерывность развития македонского языка на протяжении столетий.

В данной статье мы остановимся на некоторых особенностях юго-восточных македонских говоров, которые, благодаря своему местоположению (крайний юг славянского языкового пространства в

окружении греческого, влашского, албанского и в течение нескольких веков турецкого языков), сохранили архаизмы на всех языковых уровнях.

Материалом исследования является говор села Кула (область Серреса, современная Греция). Материал был собран в этой местности и подтверждается полевыми исследованиями Б. Видоеского, К. Пеева, С. Давковой-Горгиевой и других диалектологов, которые прикладывали большие усилия к тому, чтобы зафиксировать диалекты, распространенные за пределами Республики Македонии. Кроме того, предметом рассмотрения стали полевые материалы из с. Бобошица, области г. Корчи (Албания), в сопоставлении с материалами А. Мазона, М. Малецкого (обработанными З. Голомбом) и других авторов.

Начнем с фонетических особенностей. В системе вокализма в данных говорах в качестве особенности отмечается специфический рефлекс старого *ě (ѣ). Диалекты в области Солуни (Салоников), а также корчанский говор, своеобразный оазис архаических македонских диалектов, распространенный близ Корчи (Албания), демонстрируют древнюю фазу развития вокалической системы: там сохранилось открытые /ä/ в позиции под ударением на месте древнейшего *ě. Например, *чув'їк, д'їїт'a, с'їма, с'їнка, л'її, из'їлими* (с. Сухо и Висока, область Солуни, согласно Голомбу, 1962/63: 219), *л'їїто, м'їїсто, в'їара, нед'їла, ҳол'їма; рјек'їти, ҭие име бїєг'їно* (Бобошица, область Корчи, Лаброска 2007: 212). Два последних примера свидетельствуют о том, что древнейший открытый *ě в безударной позиции перешел в /je/, в связи с чем сохранялось впечатление об открытости гласного.

В диалекте села Кула и во всем регионе Серреса и Драмы (см. Видоески 1991, 1992, 1993; Давкова-Горгиева 2004) обнаруживается более поздняя фаза развития вокалической системы. В позиции под ударением на месте є вне зависимости от природы последующего звука или слога встречается гласный /a/, который влияет на мягкость предыдущего согласного, а в позиции без ударения наблюдается рефлекс /e/ на месте этимологического *ě. Примеры рефлекса є в ударной позиции: *б'ал и· б'али, б"ала(m) и· б"алат, б"алка, б'ах и· б"аше, бр'ак и· бр"аҳове, бр'ас и· бр"асшове, в"ира, в"ашка, ҳол"ам, ҳр'ах, д"адә, д"аше, дв'a, дв"асыц, др'ан, др"анка, жил"азә, жр"абә, зв"азда, зв'ар, изл"ава, көл"анә, л'ай л'ак, л"аш, л"ашка, м"асац, м"асш, мл"акә, мр"ажа, н'ам, н"ама, н"акој, н"ашш, нәд"ал'a, нив"асыа, ӣ"ана, ӣл"ава, ӣл"амна, разм"асах, р"ака, с"анка,*

с'акој, с'ами, сн'ак, сп"ада, тī"аме, тī"асīо, тīр"аба, тīр"ава, и"ава, и"ади, и"ана, цв'айī, чөв"ак; в глагольных формах: *вид"ах и-вид"ал, изгөр"ах и-изгөр"ал.* Нужно отметить, что этот /а/ в позиции после палатального часто приближается по особенностям произношения к открытому /ä/ в диалекте села Бобошица.

В говорах Кулы и в регионе Серреса и Драмы ќ в безударной позиции повсеместно перешел в /el/, которое так же, как и этимологическое /el/, подвергается редукции. Например: *ѓреош"а, деиш"еиш* (: д"аше), *жрეб'ина и жрёб'инайа* (: *жр"абе*), *леш"оиш* (: л"аше), *млек'аран и млек'ари, млек'арница, нивисш"улка, снеѓ"о* (: *сн'ик*), *цед"илка* (Лаброска 2003: 19), *бреч"о, леиш"а, млек'оиш* (: *мл"ако*), *рек'айша, цед"ило* (Давкова-Горгиева 2004: 13).

Другая архаическая особенность на фонологическом уровне — это сохранение назального элемента на месте древних носовых гласных. Эта особенность, зарегистрированная в свое время М. Малецким и В. Облаком в ходе полевых исследований в области Солуни, а А. Мазоном в диалектах Корчи, сохраняется и на сегодняшний день в речи старшего поколения в исследуемых нами регионах. Например: *ч'енду // чинд"а, ѓр'енда // ѓринд"айша, ѓувинд"арин, ин"ик, нар'ендуват, т"еншук* (Сухо, Висока, область Солуни, Голомб 1962/63: 220), и как спорадическое явление в говорах Серреса и Драмы: *м'андро* (старослав. *мждуъ*), *тīр'амбо/тī'армбо и тīр'онш*, *'ендар* (старослав. *иадръ*) (Кула, область Серрес, Лаброска 2003: 17); *ј'анза, мандр'еџ, 'ендар, т"енш*, *тиндес'еши* (Давкова-Горгиева 2004: 13). Следует отметить, что рефлексы древнейших носовых, как правило, двукомпонентны (с /м/ или /н/ в качестве второго компонента в зависимости от последующего звука).

На морфосинтаксическом уровне архаической чертой юго-восточных говоров считается независимое употребление перфективных форм настоящего времени для обозначения повторяющихся действий, настоящего исторического или же будущего в придаточных со значением времени (явление, невозможное в литературном языке, поскольку эти формы употребляются только после частиц *да*, *ќе* или союзов *ако*, *дури*; см. Гайдова 2002: 70). Например, повторяемость: *Др'уѓју м'аš шишу ѓу сиш'анува у таишусу, ѓу травими в'ину. Н'ос шишу ѓу зв'ад'ахми за тикмес ѓу кл'авами у каз'аништу, ѓу ф'арл'ами и т'еїшл н'еїш'а и ѓу сф'арими, ѓу зв'аждами с'еїшна уш' в'огн'у на зим'аша...* (область Солуни, Малецки 1934: 4); настоящее историческое: *И т'оо шүзл'едне: „И-и, к'умо л'есо!“* (область Кукуш, Пеев 1988: 225); обозначение действия в будущем в прида-

точных со значением времени: *T'oј тāк'a хи-р'ече за-да-сēд'i тāм да-е-изēд'e м'ечкāтā куѓа д'oјде* (Горно Броди, Видоески 1992: 78).

Что касается архаизмов на лексическом уровне, то они представляются еще более интересными, поскольку речь идет о лексемах славянского происхождения, которые можно обнаружить в других славянских языках, но они с течением времени исчезли из употребления в большинстве македонских диалектов или же употребляются на ограниченной территории, сохраняясь в полной мере только здесь, на юге. В качестве архаизмов в серресском и солунском говорах (согласно собранным материалам) регистрируются следующие лексемы:

'аѓли 'осина' (*agnedъ) (Киш 1996: 68);

bl'udi (гл.), 'блуждать, скитаться', ср. со старослав. *блюди*. В том же значении 'скитаться, блуждать' глагол был зарегистрирован в области Драмы и зафиксирован в «Речник на македонски јазик» (Давкова-Горгиева 2004: 98);

бoб'oтa 'кукурузная лепешка' (богъ) (Сок 1971: 176);

в'арка (*са*) (гл.) 'торопиться, спешить куда-либо', ср. со старослав. *вафти* 'обгонять'. В «Речник на македонски јазик» этот глагол зафиксирован как диалектный с тем же значением. Кроме области Серреса, эта лексема встречается и в областях Драмы, Кукуша и Дойрана (Давкова-Горгиева 2004: 98);

ѣламбок, или *ѣамбок*, *ѣамлок* 'глубокий' (деформированные формы, встречающиеся в с. Висока), архаичные формы по отношению к южнославянскому *длбок* (Голомб 1962/63: 256);

ѣран 'ветка дерева', в старослав. *грань*. В этой же форме и в этом же значении лексема зарегистрирована в области Драмы;

'ојна 'можжевельник' (*хвоина*), лексема, характерная и для драмского говора (Лаброска 2003: 97; Давкова-Горгиева 2004: 102);

ѹм'oтї 'ярмо' (*хомжтъ*), лексема не зафиксирована в «Речник на македонски јазик», но встречается в области Драмы;

ск'арнa 'грязь, нечистоты' и прилагательное *ск'арнaф* 'грязный, немытый', ср. со старослав. *скврънaкъ* 'грешный' (Давкова-Горгиева 2004: 102);

уд'улa 'тонкая пресная хлебная лепешка' (*hud*) (Сок 1971: 692);

услекнува 'околевать', слово, характерное только для серресского и солуньского говоров (Сухо и Висока, согласно Голомбу 1962/63: 258);

ч'айл'a 'цапля' (*чаплю*), в областях Серреса (с. Секавец) и Драмы встречается в значении 'аист'.

В регионе Корча сохранены архаизмы, которые, как правило, не встречаются больше нигде. В качестве такого архаизма упомянем

указательное местоимение *сој*, произошедшее от древнейшего местоимения *сь, например: *со-с'ој ј'анзик*, 'Есши оїї-с'и'о ҳод'ине *сој!* Другие интересные архаизмы — это наречия: *ої'озде* 'поздно', *ос'ика* 'отсюда', *ої'ака* 'оттуда'.

Об особенностях лексического состава македонских диалектов гораздо больше можно узнать из Македонского диалектного атласа, первый том которого с 23 обработанными лексическими картами только что вышел из печати (издательство Института македонского языка им. Крсте Мисиркова в Скопье). Следующие тома, некоторые из которых будут полностью посвящены лексической проблематике, более подробно представят македонскую диалектную территорию в контексте лингвистической географии.

В заключение хотелось бы процитировать слова О. Н. Трубачева: «Общеизвестный факт древнего наличия единого самоназвания *slověne* говорит о древнем наличии адекватного единого этнического самосознания, сознания принадлежности к единому славянству, и представляется нам как замечательный исторический и культурный феномен¹. Македонский народ и его язык — малая, но исключительно значимая часть этого исторического и культурного феномена. Именно этот факт будит чувство гордости и ощущение тысячелетней включенности в большую семью, ведь везде, где слышится славянская речь, ты среди своих.

Перевод с македонского М. Б. Проскуриной

ЛИТЕРАТУРА

Видоески 1991 — *Видоески Б.* Говорот на селото Секавец (диј. С'јакавиц, гр. Ліβадохъорио) Серско // Прилоза на МАНУ, XV, 1. Скопје, 1991. С. 41–82.

Видоески 1992 — *Видоески Б.* Говорот на селата Плевна и Горно Броди, Драмско // Прилози на МАНУ, XVII, 2. Скопје, 1992. С. 5–89.

Видоески 1993 — *Видоески Б.* Фонолошкиот и прозодискиот систем на говорот на селото Негован (Солунско) // Прилози на МАНУ, XVI, 2, посебен отпечаток. Скопје, 1993.

Видоески 1999 — *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик // МАНУ. Т. 3. Скопје, 1999.

Гайдова 2002 — *Гайдова У.* Темпоралната карактеристика на финитнит глаголски конструкции во југоисточните македонски говори // ИМЈ Крсте Мисирков. Скопје, 2002.

Давкова-Ѓоргиева 2004 — *Давкова-Ѓоргиева С.* Лексиката на говорот на селото Чифлицик-Демирхисарско (со краток граматички опис) // ИМЈ Крсте Мисирков. Скопје, 2004.

Голомб 1961/62, 1963/64 — *Голомб З.* Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско) // Македонски јазик. Скопје, 1961–1962. Т. XI–XII; 1963–1964. Т. XIII–XIV.

Киш 1996 — *Киш М.* Дијалектната лексика од областа на растителниот свет. Скопје, 1996.

Конески 1982 — *Конески Б.* Историјата на македонскиот јазик. Скопје, 1982.

Лаброска 2003 — *Лаброска В.* Говорот на селото Кула — Серско // ИМЈ Крсте Мисирков. Скопје, 2003.

Лаброска 2007 — *Лаброска В.* Некои согледувања од теренското истражување во регионот на Корча, Република Албанија // Македонски јазик. MJLVII. Скопје, 2007. С. 211–215.

Мазон 1923 — *Mazon A.* Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale. Paris, 1923.

Мазон 1936 — *Mazon A.* Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du sud. Paris, 1936.

Пеев 1987–88 — *Пеев К.* Кукушкиот говор I и II. Скопје, 1987–1988.

РМЈ — Речник на македонскиот јазик. Скопје, 1961–1966. Т. I–III. Скопје.

Скок 1971/74 — *Skok P.* Etimologički rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. JAZU. Zagreb, 1971–1974. Т. I–IV.

Тополинска 1995 — *Тополинска З.* Синтакса на македонските дијалекти во Егејска Македонија // МАНУ. 1. Скопје, 1995.

Тополинска 1995 — *Тополинска З.* Синтакса на македонските дијалекти во Егејска Македонија // МАНУ. 2. Скопје, 1997.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003. С. 4.

*Labroskaya V.*Archaisms in Southeastern Macedonian Dialects:
Extreme Southern Borders of the Slavic Language Space

This article presents archaisms in Macedonian language on every language level: phonological, morpho-syntactic and lexical. Those archaisms are a sign of the continual development of Macedonian language as a part of the Slavic languages family.

Key words: *Macedonian language, archaisms, phonetic, morphology, vocabulary, Macedonian dialects, Slavic language family.*

*Н. В. Боронникова
(Пермь)*

Дейктические показатели македонского языка как способ организации личного пространства

В статье рассмотрен феномен личного пространства, сферы, которую человек ассоциирует с собой и присваивает себе на данный момент. Личное пространство человека является фрагментом наивной картины мира и находит свое отражение в языке. Основой организации личного пространства является дейктическая триада *я — здесь — сейчас*.

Ключевые слова: *личное пространство, македонский язык, дейктическая система.*

В статье рассматривается феномен личного пространства, давно известный в психологии (см., например, работы А. Н. Леонтьева¹), — сферы, которую человек ассоциирует с собой и присваивает себе на данный момент. Находясь в центре этой сферы, человек произвольно очерчивает вокруг себя границы, переступать которые «чужаку» запрещено. Кроме того, как отмечает Ю. Д. Апресян², человек способен включать в эту сферу «все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: это некоторые люди, плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы, природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты, боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится [...] в его сознании»³. «Это пространство, — по словам А. В. Кравченко⁴, — является не постоянной, а переменной величиной, зависящей от различных психологических и социальных факторов»⁵, границы и наполнение этой сферы могут сужаться и расширяться в зависимости от интенции личности.

Личное пространство человека является, по мнению Ю. Д. Апресяна⁶, фрагментом наивной картины мира и находит свое отражение в языке. При лингвистическом описании этого фрагмента наивной картины мира следует учитывать ряд факторов: универсальную дейктическую модель, которая лежит в основе ориентации субъекта в пространстве; национальную специфику организации личного пространства, отражающуюся в языке; отбор денотатов и языковых средств, которые говорящий использует для описания своего личного пространства.

Универсальную дейктическую модель, позволяющую описывать ориентацию человека в пространстве и во времени, предложил К. Бюлер⁷. Различие номинативных и указательных средств языка позволило Бюлеру разработать теорию символического и указательного (дейктического) полей языка. Оба поля существуют во взаимосвязи, выполняя различные функции. В символическое поле входят единицы, обладающие номинативной функцией и выступающие в общей и частной предметной отнесенности. В отличие от символических указательные единицы лишены назывной функции, они обладают только частной предметной отнесенностью, всегда конкретны и могут получать различный смысл в зависимости от ситуации, в которой используются. Как отмечал Бюлер, «все дейктическое в языке взаимосвязано постольку, поскольку оно получает семантическое наполнение и семантическое уточнение — в каждом отдельном случае — не в символическом, а в *указательном поле языка* и только там и может получать его. То, к чему относятся *здесь* и *там*, изменяется в зависимости от позиции говорящего точно так же, как с переменой ролей отправителя и получателя *я* и *ты* перемещаются от одного речевого партнера к другому и обратно»⁸.

Согласно Бюлеру, исходным пунктом системы дейктических координат является позиция *Origo*, центр указательного поля, выступающий в качестве точки отсчета при ориентации человека в пространстве и во времени в естественном языке. В позиции *Origo* находятся три дейктических слова *я* — *здесь* — *сейчас*, которые указывают на отправителя сообщения, место и время речевого акта. Эта система координат имеет «субъективную ориентацию», во власти которой находятся все участники общения. Каждый из них хорошо ориентируется в своей системе координат и понимает поведение другого⁹.

Указание на структуру и своеобразие интерпретации высказывания в зависимости от времени и места его произнесения, от того, кто является говорящим и адресатом, от объектов и событий, непосредственно связанных с реальной/ирреальной ситуацией общения, представляет собой дейктическую основу языка. По словам Т. В. Цивьян¹⁰, «дейксис помещает сообщение в определенные пространственные, временные и некоторые другие рамки, которые обеспечивают коммуникативный статус сообщения, то есть его связь с конкретной ситуацией и контакт между говорящим и слушающим. В известном смысле дейксис — это каркас, на котором крепится информация, конкретное содержание сообщения»¹¹. Дейктические знаки отсылают нас к акту речи, в котором они используются. В

число компонентов речевой ситуации, связанных с дейксисом, как указывает У. Вейнрайх¹², входят следующие: «автор высказывания и адресат высказывания; время речи и ее место; идентичность–неидентичность данного акта речи другому акту речи (анафора, возвратность, обвиативность и т. д.). Этот набор представляет собой яркую языковую универсалию...»¹³. Выделяют первичный дейксис (ролевой — персональный, пространственный, временной) и вторичный дейксис (дейктическая проекция, не связанная непосредственно с речевой ситуацией). Это дейксис пересказа ситуации. Его специфическим свойством является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета).

Дейктическая модель лежит в основе любого языка, однако, как отмечал У. Вейнрайх, «семантическое членение (“картирование”) действительности тем или иным языком является [...] произвольным, и семантическая “карта” какого-то одного языка отлична от семантических “карт” всех прочих языков»¹⁴. Для каждого языка характерна собственная «наивная физика», отражающая социальный опыт языкового коллектива и имеющая особый комплекс языковых средств выражения. Так, носителями дейктической функции могут быть лексические единицы и грамматические категории. Каждый из этих классов единиц выполняет определенные функции, связанные с обеспечением концептуального содержания или определением концептуальной структуры материала. В действительности, как полагает Дж. Лайонз¹⁵, «дейксис пронизывает всю грамматику и словарь естественных языков»¹⁶. Однако именно грамматические средства обеспечивают каркас для концептуального материала, выраженного лексически. Границы между лексическими и грамматическими категориями диффузны, и их соотношение составляет национально-культурное своеобразие языков мира. Языки либо закрепляют в грамматике наиболее существенные для культуры соответствующего народа понятия, либо значимо их игнорируют. Они различаются по количеству и составу грамматических категорий, по количеству противопоставленных членов в рамках одной категории, а также по тому, какие части речи обладают той или иной категорией. В статье рассматривается троичная система указателей македонского языка, являющаяся основой для организации личного пространства носителей македонского языка.

По мнению Т. В. Цивьян, категория дейкса в балканских языках (в македонском в том числе) играет «особо отмеченную роль, и стремление “определиться во времени и пространстве”, выражено

здесь чрезвычайно остро»¹⁷. «...Главной функцией балканского дейкса остается *присвоение субъектом пространства*, идет ли речь о реальном пространстве или о пространстве текста и дискурса. [...] Балканский дейксис настойчиво ориентирован на субъекта сообщения, принятого за точку отсчета; субъект сообщения формирует свое собственное пространство, очерчивает его границы и тем самым вносит лепту в создание балканского пространства (БП). Одна из особенностей БП — сложное переплетение *своего* и *чужого*, что проявляется в непреложности этой оппозиции как данности, как основы членения мира и одновременно в динамическом колебании значений в пределах самой этой оппозиции. Соответственно членение пространства (в данном случае — балканского) должно быть сугубо относительным. Тем самым вновь возникает идея субъективности: идет ли речь о реальном пространстве или о метафорическом, субъект сообщения (говорящий) делит (“присваивает”) его по своему усмотрению»¹⁸.

Наиболее показательными дейктическими шифтерами в македонском языке являются указательные местоимения и восходящие к ним членные морфемы. Дейктическая система македонского языка является трехчленной, ее основу составляют первичные указательные местоимения *овој*, *тој*, *оној*, восходящие к древнейшим старославянским *овъ*, *тъ*, *онъ*¹⁹. Трехчленной является и система македонского постпозитивного артикля. Дейктики в македонском языке противопоставлены по признаку пространственной детерминации. Показатели с корнем *-в* указывают на близкий к говорящему предмет, с *-н* — на удаленный от субъекта речи предмет, если же используется местоимение с *-м*, признак *близкий–далекий* от говорящегонейтрализуется, так как местоимение с корнем *-м* ориентировано на сферу слушающего. Таким образом, система указателей македонского языка соотносится с тремя грамматическими лицами: первый член указывает на сферу говорящего, второй — на сферу собеседника, третий — на сферу, безразличную к сфере говорящего и собеседника.

Чаще всего в речи используются детерминативы с *-м*, ориентированные на фоновые знания и речевой опыт собеседника. Нацеленностью говорящего на сферу слушающего, вероятно, объясняется подчеркнутая нейтральность *-м* с позиции пространственно-временного дейкса. Членная морфема *-м* употребляется в функции индивидуализации и генерализации, обозначая определенность существительного без указания на положение его референта в про-

странстве; может выполнять в тексте анафорическую и катафорическую функции. Отсюда, как полагает З. Тополиньская²⁰, член *-м* лишен настоящей дейктической функции, он выполняет лишь функцию определенности.

Семантически маркованные детерминативы встречаются в тексте гораздо реже, основная их функция — индивидуализация конкретного предмета и определение его положения в пространстве и во времени. Среди них более употребительны детерминативы с *-в*. Они, как отмечает Л. Минова-Гюркова²¹, сигнализируют о пространственной и временной маркованности, а также указывают на ближайшую анафору, кроме того, могут использоваться в интродуктивной функции. Реже используется детерминатив с *-н*, потому что он наименее свободен от пространственного значения удаленности от говорящего. В относительных предложениях он может выполнять катафорическую функцию.

Как показывает материал разговорных спонтанных текстов, художественных и публицистических источников, пространственно окрашенные детерминативы встречаются в основном в ситуации первичного дейксиса. Рассмотрим показатели, детерминирующие личное пространство субъекта речи.

Личную сферу говорящего маркирует показатель ближнего дейксиса *-в*. С помощью показателей ближнего дейксиса говорящий маркирует физически близкие ему предметы (так проявляется первичная пространственная функция дейктиков): *Еве што вредност имаат, — му рекле — честити царе, шапакава* *ако ја ставиши на глава никој не може да те види, опинциве* *ако ги обуеш, целата земја во дваесет и четири саати можеш да ја изодиши, со шупелкава* *ако засвириши, сите гаволи можеш да ги собереш; а со стапчеvo, ако замавнеш, триста души можеш наеднаши да отепаш* (МНП); *Добро сте забележале, сè уште работиме на дефинирањето на предмети-ве* (= изложени експонати) *што ги гледате, па затоа под нив не стои соодветниот наптис за секој од нив* (ЛЕ); *Според она како изгледаше женава имаше над педесет години, а од шминка дури не и се гледаше лицето* (Вечер, 30.06.05).

Кроме того, это могут быть части тела, предметы одежды и обихода, жилище, принадлежащие говорящему, в данном случае можно говорить о посессивной функции детерминатива: *Ако [...] ми ги посолете рацеve* (= моите раце) *со пепел, ке ми оздрават* (МНП); *Еве, пусто, стара сум, нозеве не ми имет толку жили, ама пустиве раце шо се пулет...* (ОХ); *Си работаф, ама сега не сум толку со очиве,*

слабо... (ОХ); *Играфме петлици, дупче откопано и петлици со ноктov, со палецов oнагви и дувај...* (ОХ); За да им помогне на жените кои секогаш прашуваат, «како изгледам во фармеркивe», еден австралиски производител на фармерки поставил камери во гардеробите на своите продавници (<http://www.mkd-rss.com>); [...] видит кондуриве какви се (ОХ); Ако еден збор од то е вистина сега ќе го из'ем чајников (ГП); Ноќеска гром стрешти на нашава куќа и право удри на твоето место кај што спиеши ти... (МНП).

Говорящий может описывать свой характер: *Ете, оној пат се заинаетив и не сакав да поминам преку мостот, но мојот стопан Тасе имал поголем инает од мојов магарешкиов* (ВН); социальное пространство (сфера деятельности, интересы): *Ги рабирал луѓето, работава е специфична и бара голем ангажман* (ЛЕ).

«Пространство» субъекта речи расширяется не только за счет включения принадлежащих ему неодушевленных объектов, но и за счет людей, которых говорящий включает в свой «ближний» круг. Чаще всего это члены семьи, дети, близкие друзья, соседи, коллеги по работе, единомышленники. Члены ближнего круга, как правило, маркируются лексемами *наш, мој*: *Мајката на Росица умрела уште млада, едниот брат загинал во тепачка со Турчин, вториот се оддал на комитлак, двајцата вуйковци ќенем фатиле во Америка, останал само кумот во Прилеп, трговец, кому татко и му го испратил девојче* на чување и службување, пред и тој усвет да фати (ОН); *И да знаете дека е така! Ова моето мажле* е едно на мајка. Уствари има брат, ама тој знае каде стои лебот. *Ова моево* е ко на гости цел живот (<http://www.ringeraja.mk>); *Тој Турчин, бег бил некој, на населениево охридско беs-пари* му давал јадејне... (ОХ); *А, татко ми бил сираќ и уш’ еден брачед негов, од двá-браќа деца, им умреле мајките млади, сеа, матковцивe* не-се-жéнеле... (ОХ); ... ќе излезам со другаркivе (ОХ); ...ми се мали деца (ОХ); Сепак, не се воздржува а да не возрази, барем преку рамо, иако знае дека, некој од следни-те проекти ќе го работи токму под режија на овој мрсулко... (ДС); Но, наброени се само споредните подрачја на мојот главен интерес — научна анализа на духовните култури на нашите претходници во компарација со овие нашивe, денешнивe (ЛЕ).

Сфера говорящего может расширяться «географически», как «свое» он маркирует не только пространство дома, но и место, где он живет (квартал, город, страну, регион), произвольно расширяя границы пространства и метафизически «осваивая» его: *Многу е здодев-но во Скопјевo и баш ќе беше убаво да можев сега да бидам во Перм*

со тебе и со Наташка! (Е., Скопје); *Aj да се сневиди и Скопјево!* (БК); *И читам, најголемиот процент од малолетните деликвенти во престолнинава, го повторувале кривичното дело...* (СС); *Нема ништо ново на југов, само работа за јабе* (Б., Скопје); *И премногу долго на Балканов и орото и шотата беа заменувани со воени труби и маршеви...* (СС). Говорящий может находиться далеко от Родины, но представлять ее как духовно, ментально близкое пространство: *Aх, колку одамна не сум го видел езерово!* (= Охридского Езера) (УР).

На основе первичной пространственной функции (первичной и метафорической) возникает временная функция дейктических единиц. Показатели ближнего дейксиса маркируют момент речи или ближайший момент в прошлом: конкретный временной отрезок, в который происходят/происходили какие-либо события, связанные с говорящим. Ср.: *Потоа ме замоли во неврзан муабет да му кажам на што работам во мигов* (ЛЕ); *Како си? Јас, еве, низ дома. Попладнево спиеv, па зборував долго на телефон и сега малку на Интернет* (Е., Скопје); *Минатата година, некаде ова време, за еден дневен весник пишуваа колумна во име на сите маченици од мое маало...* (СС); *Што ли годинава ќе никне од отровот што катадневно го сејат комшии-ве?* (СС); *Затоа и се обидувам да се мајтапам со се околу мене, зашто ситуацијава ни е — за плачење* (СС).

В конкретной речевой ситуации дейктические слова приобретают коннотативные значения в соответствии с намерениями говорящего. Этот тип дейктических отношений можно обозначить как эмоциональный дейксис²². Как правило, то, что оказывается в личной сфере субъекта речи, имеет положительную субъективную окраску, а то, что воспринимается как нечто чуждое, инородное, внешнее, далекое, приобретает отрицательную коннотацию и намеренно исключается из личного пространства: ср. *Ни се заљуби и Јанчево, — велеше тетката Џона, со оној нејзин раздрорден глас* (БК); *Порасна Ленчево* (ЛМГ); *Сакам пак да талкаме! Сакам да го извидам уште Прилепов наши убав и дрчен, брату...* (СГ). — *Тетка Генче збунето направи некаков ред во собата, а таа, Катарината, почна од едно огромно чантиште да вади сенешта...* (JB); *Гоцо, дури и швалерката на оној мојон ми тврдеше дека он ми е верен а јас сум некако скептична* (<http://harizma.blog.mk>).

Особенно ярко эмоциональная функция дейктиков проявляется в синтагмах с так называемой «двойной определенностью»²³. Так, в следующих примерах мы можем наблюдать «классическое» разделение сфер говорящего и слушающего: *A, кажи како Скопје, а? Го*

гледаши ли нашиот Грујо, подобар е од вашиот Путин! Тој вашиот за два мандати сака да направи држава, овој нашиов за еден! (Т., Скопје); *Ма оста, се нервирам, онаа кокошкана ми ја утна фризура, а 80 марки и платив...* (РПС); *Ама оваа, Јаната, таква симпатична стана и опасна* (JB). — Говорящий относится к лицу, о котором идет речь, с явной опаской, намеренно дистанцируется от него (об этом свидетельствует контекст и использование членной формы имени собственного), а экспрессивную нагрузку несет на себе показатель ближнего дейкса.

Однако показатель **-в** в ряде случаев может передавать отрицательные коннотации. Если дистанцирование с **-м** и **-н** предполагает полное исключение референта из сферы говорящего (компонент «чужой»), то в случае же с **-в** включенность в пространственную сферу субъекта речи сохраняется, однако может также проявляться семантика ироничного отношения, пренебрежительности, уничижительности. Ср.: *Сенак, не се воздржсува а да не возрази, барем преку рамо, иако знае дека, некој од следните проекти ќе го работи токму под режија на овој мрсулко...* (ДС); *Тука сељациве кај нас појма немаат...* (РПС); *Aj да се сневиди и Скопјево!* (БК); *Здраво другар, така долго немам сретнато некој од нашите во ова Русијава* (Н., Скопје). — В последнем случае говорящий, «физическими находясь» в чужой стране, ментально дистанцируется от нее, используя эмфатически усиленное указание.

Итак, все разновидности дейкса обусловлены субъективным восприятием действительности и расходятся из единого координационного центра — сознания субъекта восприятия и речевой деятельности. Человек, отображая ту или иную ситуацию, представляет себя включенным в нее или, наоборот, находящимся вне ее границ, это предопределяет использование соответствующих языковых средств. Говорящий не пассивно регистрирует события, происходящие вокруг него, а дает им оценку, исходя из собственных ценностных ориентиров. Эмоции языковой личности могут иметь комплексный, амбивалентный характер, однако основу их интерпретации составляют базовые дейктические оппозиции *я — здесь — сейчас*, формирующие личное пространство говорящего («наивную физику пространства и времени» по Ю. Д. Апресяну²⁴).

Для каждого языка характерна собственная «наивная физика», отражающая социальный опыт языкового коллектива и имеющая особый комплекс языковых средств выражения. Основой «наивной физики» македонского языка, на наш взгляд, является семантическая оппозиция *свой — чужой*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Леонтьев А. Н. Биологическое и социальное в психике человека // Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1965. С. 196–239.
- 2 Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 272–297.
- 3 Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике... С. 293.
- 4 Кравченко А. В. Принципы теории указательности: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1995.
- 5 Кравченко А. В. Принципы теории указательности... С. 15.
- 6 Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике... С. 293.
- 7 Бюлер К. Теория языка. М., 1993.
- 8 Там же. С. 75.
- 9 См.: Бюлер К. Теория языка... С. 94–95.
- 10 Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005.
- 11 Там же. С. 139.
- 12 Вейнрайх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Языковые универсалии. М., 1970. Вып. 5. С. 163–249.
- 13 Там же. С. 177.
- 14 Там же. С. 163.
- 15 Лайонз Дж. Язык и лингвистика: Вводный курс. М., 2004.
- 16 Там же. С. 157.
- 17 Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. С. 140.
- 18 Там же. С. 141.
- 19 См.: Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1982; Он же. Историјата на македонскиот јазик. Скопје, 1986; Усикова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
- 20 Тополињска З. Тројниот член: да или не // Предавања на XXXIX меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2007. С. 15–25.
- 21 Минова-Гуркова Л. Морфология // Македонски јазик / Ред. Л. Минова-Гуркова. Opole, 1998. С. 108–119.
- 22 Боронникова Н. Емоционален дейксис во ситуацијата на општењето // XXXII научна конференција на XXXVIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид, 15–17 август 2005). Скопје, 2006. Т. 1. Лингвистика. С. 105–118; Шаховский В. И., Жура В. В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 38–56.
- 23 См.: Боронникова Н. В. Проблема «двойной определенности» в современном македонском языке // Вестник Пермского университета

- та. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2010. Вып. 5 (11). С. 58–68.
- 24 Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике... С. 293.

Boronnikova N. V.

Deictic Indicators of Macedonian Language
as a Way of Organization of Personal Space

The article deals with the phenomenon of personal space, a sphere which a person associates with himself and appropriates in a certain moment. Personal space is a fragment of a naïve picture of the world and it finds its reflection in the language. The basement of the organization of personal space is a deictic triad: I — here — now.

Key words: *personal space, Macedonian language, deictic system.*

П. А. Бушуев
(Москва)

Презентация терминологической лексики духовной культуры в диалектном словаре*

В статье представлены возможности презентации терминологической лексики народной духовной культуры на примере одного из фрагментов рождественско-новогоднего цикла лемковского народного календаря.

Ключевые слова: *терминологическая лексика, традиционная культура, словари, лемковский диалект, рождественско-новогодняя обрядность*.

Этнолингвистическое описание диалектного материала зачастую сопряжено с определенными трудностями презентации собранной информации. Современная лексикография дает широкий выбор подходов к данной проблеме. Многообразие «жанров» словарей свидетельствует о многочисленных способах интерпретации терминологии духовной культуры в славянской лексикографии.

В современной славянской диалектной лексикографии используются различные подходы к представлению и интерпретации региональной лексики в словаре. Традиционным способом расположения материала является алфавитный. Ему противопоставлен тематический способ подачи словарных единиц в диалектном словаре.

Другое деление касается объема включения лексики в словарь. Наблюдается стремление лексикографов к созданию полного словаря, но в большинстве работ представлена лексика, отличная от литературной, то есть дифференциальная.

Презентацию традиционной лексики народной культуры в полном и дифференциальном диалектных словарях рассматривают в двух аспектах — 1) в плане включения такой лексики в словарь, 2) с точки зрения ее интерпретации (толкование, иллюстрации, комментарии).

Особое внимание фиксации явлений народного быта и культуры и их выражению через языковые единицы словаря уделяется впольской диалектной лексикографической традиции.

* Авторская работа выполнена в рамках проекта «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе» по Программе фундаментальных исследований РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Традиционной формой описания русской диалектной лексики стал дифференциальный словарь, в который включаются специфические названия предметов, действий и явлений, отсутствующие в общенародном языке, а также архаические слова и выражения¹.

С проблемой выбора способа презентации диалектного материала нам пришлось столкнуться, исследуя терминологическую лексику святочно-новогоднего цикла куста сел Горлицкого повета Лемковщины².

Лемковщина — территория на юго-востоке Польши.

Карпатская Русь — наиболее западный ареал расселения восточнославянских племен, географически располагается в Карпатах, а также в предгорьях Карпат. В первых русских летописях данный регион носит название «Червонная Русь» и впервые упоминается в «Повести временных лет» под 6489 (981) годом в связи с присоединением князем Владимиром к Киевской Руси³. В период феодальной раздробленности на Руси данный регион некоторое время входит в юго-западные княжества (Галицкое, Волынское), затем, в ходе их ослабления, попадает под административный контроль соседних государств. В XIII в. западную часть региона (Угорская Русь, современная Закарпатская область Украины) контролирует Венгрия. С 1340 г. северо-западная часть региона (современные Лемковщина и Пряшевщина) «подпадают по власть Польши». Южная часть региона с 1359 г. входит в состав нового государства — Земля Молдавская.

К XIX в. практически весь регион входил в состав Австро-Венгерской империи.

Примечательно, что, несмотря на административную разделенность, население региона вплоть до XX в. сознавало свою этнокультурную общность, долгое время сохраняло православие в условиях существования в католических государствах. В результате постоянного религиозного гнета часть населения перешла в греко-католическое вероисповедание.

После Первой мировой войны (и распада Австро-Венгрии) на данной территории было несколько попыток создания национальных республик. Однако период их существования оказался довольно кратким. Между мировыми войнами регион делили между собой Венгрия, Польша, Чехословакия, а с 1939 г. — и СССР.

После Второй мировой войны и по настоящее время данный регион делится на следующие части: 1) юго-восток Польши — Лемковщина, 2) северо-восток Словакии — Пряшевская Русь (Пряшевщина), 3) Закарпатская область Украины, западные склоны

Карпат — Подкарпатская Русь (Угорская Русь), 4) север Румынии — Буковина, 5) восточные склоны Карпат — Галиция.

Что касается Лемковщины, то в настоящее время на этой территории проживает лишь около 5 тысяч официально зарегистрированных лемков. Основная часть населения Лемковщины (население по переписи 1936 г. — 145 тыс. человек) была переселена в СССР в 1944–1946 гг. Цифра переселенных в СССР по польским источникам — 70–80 тыс. человек.

В 1947 г. около 30–35 тыс. человек было переселено на северо-западные территории Польши. Часть населения (20–25 тыс.) смогла остаться на исконной территории проживания, официально признав себя поляками⁴.

Материал, на основе которого составлен предлагаемый ниже словарь, был собран в Львовской области Украины в г. Борислав, г. Трускавец, г. Дрогобыч, пос. Сходница, с. Солунське (февраль 2009 г.) в ходе работы с той частью лемков, которые были переселены в восточную Украину в 1945 г. и, пытаясь вернуться на свои исконные земли в 1946 г., осели в западных областях Украины.

Полученные данные показали общность лемковской обрядовой традиции с рядом общеславянских и некоторых карпато-балканских элементов народного календаря. Ярчайшим примером карпато-балканской общности служит широко распространенный у лемков обряд «полазник»⁵. Кроме того, структура зимней обрядности имеет яркие восточнославянские черты.

Святоно-новогодний цикл праздников в селах Лемковщины начинался днем святого Андрея (13 декабря). Этот праздник включает в себя четыре основных комплекса обрядовых действий: 1) обрядовые действия, связанные с нанесением какого-либо ущерба хозяйству; 2) обрядовые действия, представляющие собой обход домов с пожеланиями удачи и богатства; 3) обряд «полазник»; 4) гадания.

Следующий значимый праздник — день св. Николая (19 декабря). Обрядовые действия этого дня носили сугубо внутрисемейный характер. В этот день св. Николай «оценивал» поведение детей за весь прошедший год и награждал их подарками. Кроме того, подарками одаривали друг друга взрослые.

Предваряющим этапом святоно-новогоднего цикла был канун Сочельника (6 января). Этот день выделялся своей значимостью и обрядовой насыщенностью. В структуре обряда этого дня можно выделить три главных направления обрядовых действий: 1) внесение и украшение ели; 2) подготовка всего домашнего хозяйства к вечере;

3) ужин (*вечеря*). Следует отметить, что *вечеря* являлась наиболее ярким и важным действом всего праздничного цикла. Она моделировала мир, в котором живет семья. Все предметы (орудия труда), события (урожай, приплод), качества (здравье), имевшие жизненно важное для семьи значение, участвовали, упоминались либо сакрально обуславливались в ходе *вечери*. Моделируемый микрокосм должен был быть огражден от любого рода несчастий, что гарантировало семье всяческие блага в новом году.

Рождество (7 января) в традиции лемковской духовной культуры в основном было церковным праздником. Поэтому корпус обрядов, выполняемых в этот день, был на порядок меньше, чем накануне. Обрядовые действия в этот день можно подразделить на 1) действия, связанные с продолжением и завершением вечери, 2) обряд умывания, 3) обряд «полазник».

Первые три дня рождественских праздников являлись наиболее значимыми и выделяемыми традицией. Так, кроме первого дня — собственно Рождества, праздновался второй день — св. Марии (8 января), а также третий день — св. Степана (9 января).

На третий день рождественских праздников — в день св. Степана — имел место обряд, связанный с вынесением из дома рождественской соломы. В домах, где были девушки на выданье, этот день был особенно значим, так как включал в себя элементы свадебного обряда.

Центром святочно-новогоднего цикла являлся день св. Василия или Новый год (14 января). Кроме церковных обрядов обрядовые действия этого дня включали в себя особый вид колядования — *посиwanня*, а также обряд «полазник», в части сел совершающий повторно.

Финал святочно-новогоднего цикла начинался кануном Богоявления или Крещения (18 января). Обрядовые действия этого дня копировали обряды Сочельника, за исключением внесения в дом ели. Взамен этого, утро кануна Богоявления было связано с водосвятием. Необходимо заметить, что хотя обряды кануна Богоявления во многом дублировали обряды кануна Сочельника, все информанты отмечали его меньшую торжественность и важность. Важным элементом обряда являлось *щедровáние* — заключительный этап обряда колядования.

Последним праздником святочно-новогоднего цикла являлось Крещение (19 января). Большую роль в этот день играли церковные обряды, в основном связанные с водосвятием. Кроме обряда водо-

святыя можно выделить большой корпус обрядовых действий, связанных с завершением святочно-новогоднего цикла.

Кроме фиксированных во времени обрядовых действий, каждое из которых имело свой день и срок, необходимо отметить обряд колядования, охватывающий весь описанный период. Начало его относится ко дню св. Андрея, когда участники обхода домов — колядники — в награду за свои пожелания получают деньги и угощения. Своего апогея обряд колядования достигает в период между окончанием вечери 6 января и 19 января. Обряд колядования можно разделить на три этапа: 1) собственно колядование (начиная с кануна Рождества), 2) *посиwanня* (в Новый год), 3) *щедровання* (в канун Богоявления и в Крещение).

Такая «растянутость» святочного цикла заставила нас разбить материал на тематические группы, связанные с основными праздниками лемковского святочно-новогоднего цикла: день св. Андрея (13 декабря) — *Андрыја*, канун Сочельника (6 января) — *Вельја*, Рождество (7 января), день св. Марии (8 января), день св. Степана (9 января) — *Риздв'ань с'вата*, Новый год (14 января) — *Новыј рик*, Канун Богоявления (18 января) — *Друга Вельја*, Богоявление (19 января) — *Јордан и Кол'ада*.

Однако основной проблемой презентации материала явилась невозможность описания богатства народной традиции средствами собственно диалектной терминологической лексики традиционной духовной культуры лемков. Исключение диалектной лексики, обозначающей бытовые предметы, обедняло материал на 80–90%. Например, бытовой термин *выжска* ‘ложка’, казалось бы не имеющий никакого отношения к самому обряду, фигурировал в огромном количестве различных гаданий и магических действий как собственно термин и мог символизировать членов семьи, домашних животных и т. д.:

«А jak повечер'ајут’ вже — зв'азувалы выжски, жебы с'a коровы не гедзылы. [гедзаты (о корове) (возбужденно бегать, обычно изза укусов насекомых)] A jak вже быва бил'ша, jak быва на виддан'у, то бралы выжки и юшли помеж хаты и в выжки была. Де пес загавкаje — там нареченыj буде» (МВ, ПЮМ) («А когда уже поужинают — связывали ложки, чтобы коровы не разбегались. А когда я была уже старше, на выданье, то брали ложки и шли между домами и я ложками стучала. Где собака залает — там нареченный будет»).

«Писл'a вечери диты збыралы выжски и так бигом збыралы, одни наперед других. Хто бил'ше збере, в того буде краще худоба с'e

пасты. И в'азалы сином до купы и клалы пид обрус тоти выжски» (Р, ПГЯ) («После ужина дети собирали ложки наперегонки. Кто больше соберет, у того лучше будет скот пастьись. И эти ложки сеном связывали вместе и клали под скатерть»).

«То вже jak покол'адувалы, помолылыс'а, то котра дивчына быва старша по вици, збырава вси выжски, выходила на двир и калатала нымы — з якоji стороны пес с'e обызве, с тоji стороны твиj женых прииде» (МВ, ЗМИ, СИВ) («Это уже когда поколядовали, помолились, та девушка, которая была старше по возрасту, собирала все ложки, выходила во двор и гремела ими — с какой стороны собака отзовется, с той стороны жених придет»).

«Выжски писл'a вечери зв'азувалы и ложылы пид обрус, пид сино, жебы худоба не разбигалас'а» (В, Г(П)АГ, ГАГ) («Ложки после ужина связывали и клали под скатерть, под сено, чтобы скотина не разбегалась»).

«Выжску таку дерев'ану каждыj мусив трыматы, зато jak буде пас корову, жебы не заспав. А потим бралы так выжски до купы, так трымалы и каже: «жебы с'a цила родына купы трымала!» не зв'азувалы, а в рукъ вз'алы, в долони, тато брав» (МВ, ЖИГ) («Ложку, деревянную такую, каждый должен был держать [вертикально] для того, чтобы когда будет пасти корову, не засыпал. А потом брали ложки вот так вместе, держали, и [хозяин] говорит: «Чтобы вся семья вместе держалась!», не связывали, а в руки брали, в ладони, папа брал»).

«Toj, xто пас худобу, бо то в кожного бывы своji обов'азки, зв'азував выжски, мав зробити з соломы таке повересло и зв'азати до купы jих. То дл'a того, жебы мени худоба купы трымалас'а, не разбигалас' на пас'выску. То дл'a пастуха така быва» (Б, ГИИ) («Тот, кто пас скот, ибо у каждого были свои обязанности, связывал ложки, должен был сделать из соломы *повересло* [соломенный жгут, которым связывались снопы] и связать их вместе. Это для того, чтобы у меня скотина вместе держалась, а не разбегалась на пастбище. Это для пастуха такое было»).

Выходом из этой сложной ситуации для нас стало деление каждой тематической группы на два раздела: первый (I) включает в себя собственно диалектную терминологическую лексику традиционной духовной культуры лемков, например, *полазнык, посивач*; второй (II) включает диалектную лексику, обозначающую бытовые предметы, задействованные в обряде, например, *выжски «ложки»* (используются в разного рода гаданиях), либо диалектную лексику, дополнительные

(вторичные) значения которой получают особый смысл в обряде, например, *вивсянка* («овсяная солома») — овсяная солома, торжественно вносимая хозяином в дом в Сочельник. В этих случаях после перевода диалектной лексемы на русский язык приводится ее обрядовое значение. При построении словарной статьи по принципу «краткая дефиниция + предметная (энциклопедическая) часть» и включении в словарную статью диалектных текстов мы получаем достаточно полное представление об экстралингвистических особенностях терминологической лексики лемковского святочно-новогоднего цикла.

Словарь⁶.

В качестве примера дадим одну из тематических групп слов — *Риздв'анъ с'вата* (Рождественские праздники).

Риздв'анъ с'вата (7 января — 9 января)

Риздв'анъ с'вата — три праздничных дня, первым из которых является Рождество — *Риздво* (7 января), вторым — день св. Марии — *Марији* (8 января), третьим — день св. Степана — *Стефана* (9 января). В народном календаре в *риздв'анъ с'вата* входит также и канун Сочельника (6 января) — *Велыја*, однако ввиду насыщенности кануна Рождества различными обрядами группа *Велыја / С'ватыј вечир* выделяется нами как отдельная и в данной статье не представлена.

I.

Вороговаты, 1 л. ед. ч.: *-ју* — загадывать, гадать.

«Але то мав буты хвонец', то и ту так се ворогујут', жебы тыко на Риздво пријшов хвоп. То је липше. То тому, що жинка народылас'а нечиства, значыт', щос' нечиисте прынысе». (Л, РСМ) («Но это должен был быть парень, это и здесь так гадают, чтобы только на Рождество пришел мужчина. Это лучше. Потому что женщина родилась нечистой, значит, что-то нечистое принесет»).

Вымитне/вымитынь* (pl. tantum) / *вымитныј ден' — обрядовый вынос остатков рождественской соломы и сена в день св. Степана.

«Выносили солому в третий ден' с'ват, вымитныј ден' то се называло. Так зранку-зранку выносили, жебы хтос' не заставил, переважно хвопци». (РР, КЭО) («Выносили солому на третий день праздников, вымитныј ден' это называлось. Так рано-рано выносили, чтобы никто не застал, особенно парни»).

«*Вымитне* — то хвопци ходылы по хатах до дивчат, якішо вона не встыгла позамитаты вжсе в хати, то смијалыс'а, шо вымитаты

прыішлы воны». (МВ, ЗМИ, СИВ) («Вымитне — это парни ходили по домам к девушкам, если она не успела подмети в доме, то смеялись, что выметать пришли они».)

«На третиј ден' с'ват, де быва дивка, прыходывы хвопцы, помогалы вымитаты. Де быва дивка — прыходывы на вымитыны. То в нас так быво, в лемків». (МВ, ПЮМ) («На третий день праздников, где была девушка, приходили парни, помогали выметать. Где девушка была — приходили на вымитыны. Это у нас так было, у лемков».)

«Мама оповидава за вымитне, то jak вона дивком быва. Таке быво, шо на третиј ден' с'ват, на Степана — вымитне. Ирано хвопци ходывы там, де бывы дивчата моводи. Цилунич ходывы и там с'а гостылы». (РР, РОС) («Мама рассказывала про вымитне, это когда она девушкой была. Такое было, что на третий день праздников, на Степана — вымитне. И утром парни ходили там, где были девушки молодые. Целую ночь ходили и там угощались».)

Заручънъ (*pl. tantum*) — этап свадебного обряда, имевший место в третий день рождественских праздников вместе с обрядом выноса рождественской соломы.

«Писл'a Риздва вже јишли в сваты. Заручънъ. Сино в нас скоро выношуvalы. То на сміт'a јишли на заручънъ. Jak дивка не прыбрала, то мусыт' дивка ставыты горивку, бо не прыбрано. Пылы горивку и робылы говоренн'a, колы весілл'a робыты». (В, ГОИ) («После Рождества уже шли сваты. Заручънъ. Сено у нас скоро выносили. Так на сміт'a шли на заручънъ. Если девушка не убрала, то должна ставить водку, потому что не убрано. Пили водку и договаривались, когда свадьбу делать».)

Марији — день св. Марии (8 января), второй день рождественских праздников.

«Писл'a Риздва јде Марији, а потым Степана». (МВ, ФМГ) («После Рождества идет Марии, а потом Степана».)

Полазнык (повазнык), *м.*, *и. п. мн. ч.:* **-къ**, — 1) первый гость, приходящий в дом на Рождество; 2) обрядовый рождественский хлеб.

1) «— *А полазныкъ былы на Риздво?* РСМ: — Былы. Звидувалыс'a: «*Отк'ел' јез, повазныку?*» *А повазнык отповидав:* «*З доброго, з веселого, щасливого!*» таке... Але то мав буты хвопец', то и ту так се ворогујут', жесбы тыко на Риздво пријшов хвоп. Тоje липшиe». (Л, РСМ) («— А полазныкъ были на Рождество? РСМ: — Были. Спрашивали: «Откуда ты, повазныку?» А тот отвечал: «Из доброго, из веселого, счастливого!», так вот... Но это должен был быть парень, это и здесь

[на Зап. Украине] так себе *се ворогујут'*, чтобы только на Рождество пришел мужчина. Это лучше».)

«То на Риздво. Хто пријшов першиј, то юго полазыком называлы и вгощалы. И обов'язково шос' давалы — пампухи, печыво. Хлопец' мав прыјты». (РР, КЭО) («Это на Рождество. Кто пришел первым, того полазыком называли и уговаривали. И обязательно что-то давали — пончики, печене. Парень должен был прийти».)

«А полазык — то першиј хлоп мав прыјты, jak зајде, то ка- жут', шо добра. То и на Андрыја полазык је». (В, Г(П)АГ, ГАГ) («А полазык — это первый мужчина должен был прийти, если придет, то говорят, что хорошо. Это и на Андрея полазык есть».)

«Обов'язково ходылы полазыкъ, ходылы, так...» (Р, ПВС, ПГЯ, ПМЯ.) («Обязательно ходили полазыкъ, да, ходили...»)

«Быв повазнык... точно ја тото не пам'атам, але знам, шо хоти- лы, жесбы быва така добра л'удына. Хвонец', або мушчына дорослыј. Жесбы быв здоровыј, не jakis' горбатыј, кривыј... Бо цывыј рик такиј буде. А jak прыјде jakis' кул'авыј на ногу, то цывыј рик такиј будеш маты». (РР, РОС) («Был повазнык... я точно это не помню, но знаю, что хотели, чтобы был такой хороший человек. Парень или мужчина взрослый. Чтобы был здоровый, а не какой-нибудь горбатый, кривой... Потому что целый год такой будет. А если придет какой-нибудь хромой, то целый год такой будет».)

«На Риздво ходыт' рано полазык. И до ныниш'ого дн'a ја на Риздво жду молодого, бы ми старыј не прыјшов. Бажано, жесбы мав гроши, быв здоровыј и фајны! — Jak ты багато хочеш!.. — И жесбы гарны! То ја старајус' запрошуваты до хаты. А jak пры- ходыт' такиј — то не пущу!» (Ван, НОМ, ГЯМ, ЗЛВ; МВ, МВМ) («На Рождество ходит утром полазык. И по сегодняшний день я на Рождество жду молодого, чтобы старый не пришел. Желательно, чтобы имел деньги, был здоровый и хороший! — Как ты много хочешь!.. — И чтобы красивый! Так я стараюсь приглашать в дом. А если приходит такой [плохой] — то не пущу!»)

2) Во всех исследуемых селах существовал обряд выпекания рождественского хлеба. В селе Ванивка такой хлеб носил название П.

«На столи стојит' повазнык, те same, шо струцл'a, вин с'e по- вазнык называе. И в повазнык поверслом зв'азувалыс' а гроши. Ja и тепер прив'язују п'атку, жесбы быв достаток в хъжи. А коло струцли кладу выжски, вона так лежат' цили с'ваты, то значыт', жесбы вс'a сим'ja булла в купи. Тота струцл'a з гришмы стојит' до Йорданс'ких с'ват, а потым тоти гроши виддају на офицу до церкви.»

(Ван, ГПМ) («На столе стоит *повазнык*, то же самое, что и *струцл'a*, он называется *повазнык*. И к *повазныку* перевяслом [жгутом из соломы] привязывались деньги. Я и теперь привязываю пятак, чтобы был достаток в доме. А около *струцли* кладу ложки, она [*струцл'a*] так лежит все праздники, это значит, чтобы вся семья была вместе. Эта *струцл'a* с деньгами стоит до Крещенских праздников, а потом эти деньги отдаю как пожертвование в церковь.»)

Риздво — праздник Рождества Христова (7 января). Помимо церковных обрядов в этот день совершалось обрядовое умывание, исполнялся обряд «полазник», см. **Полазник (повазник)**.

«*В Риздво з рана юшли до церкви, а то морозы бывы, карпатськ морозы не таки, jak ту...*» (Л, РСМ) («На Рождество утром шли в церковь, а это морозы были, карпатские морозы не такие, как здесь...»)

«*На саме на Риздво мылы с'а водом з копијкамъ. Купа копијок и мылыс'а копијкамъ.*» (М, ЮЭМ) («На самое на Рождество умывались водой с монетами. Куча монет и мылись монетами»).

«*Ранен'ко на Риздво юшли в церкву.*» (В, ГОИ) («Ранехонько на Рождество шли в церковь».)

Смит'a (в сочет. **Ходыты на смит'a**) — обряд утреннего обхода домов в день св. Степана.

В обряде участвовали молодые парни, которые приходили в те дома, где были девушки на выданье. Иногда данный обряд являлся частью свадебного обряда как аналог русского «рукобитья». Целью обряда было определить трудолюбие/леность девушки.

«*А потим у с'вата хвопци приходылы на смит'a, то вже на третиј ден'. Jakио дивчына не забрала, не вымела и не вынесла смит'a, то мусила ставыты горивку, а jak быво јуж чисто, то воны ставылы горивку. То ходылы на смит'a хвопци.*» (МВ, СДО) («А потом в праздники парни приходили на смит'a, это уже на третий день. Если девушка не забрала, не вымела и не вынесла мусор, то должна была ставить выпивку, а если уже было чисто, то они ставили. Это ходили на смит'a парни».)

«*Прыходылы кавалеры на смит'a, вымитаты смит'a. Бралы ту солому, сино, юшлы, робылы перевесла зи соломы тоji, зо сина, и в сад, навколо обкручувалы кожнє дерево тым перевеслом, тым шо зи стола, жебы дерева не померзлы.*» (МВ, ЖИГ) («Приходили ухажеры на смит'a, выметать мусор. Брали эту солому, сено, делали из этой соломы, из сена этого перевяслы, и в сад, каждое дерево обвязывали вокруг этим перевяслом, тем, которое со стола, чтобы деревья не померзли».)

«А тото смит’а выносылы аж на третијjakосы ден’ и палылы. Жебы ранен’ко, ранен’ко тото смит’а Марына выносила, жебы с’а отдава до рока. Жебы ји хвопец’ не застав на двори с тым смит’ам». (М, ЮЭМ) («А этот мусор выносили аж на третий, кажется, день и сжигали. Чтоб рано, рано этот мусор Марына выносила, чтобы выйти замуж в этом году. Чтобы ее парень не застал на улице с этим мусором».)

«Тој, шо мав с’а женыты с тов дивчынов, прыходыв с кол’егамъ на с’мит’а. И там вже договор’увалы с сватамы». (В, Г(П)АГ, ГАГ) («Тот, который должен был жениться на этой девушке, приходил с друзьями на с’мит’а. И там уже договаривались с сватами».)

«В нас скоро вымиталы тото с’мит’а — на Стефана. Вымиталы тото смит’а, бо казалы, де дивка је в хати, то тото с’мит’а треба вымести и з рана вынести ранен’ко, жебы хвопец’ якиј прыдзе до тоји дивчыны вже не застав того с’мит’а. Бо јак застав, то зле, то каже, шо дивка линыва, jak не встала з рана, не вымела с’мит’а, а в вечер не можна було вымитаты. А то сино выносылы до стајни, корови давалы». (МВ, ВОМ) («У нас быстро выметали этот мусор — на Степана. Выметали этот мусор, потому что говорили, где девушка в доме, то этот мусор надо вымести и рано утром вынести, чтобы парень, который придет к этой девушке, уже не застал этого мусора. Потому что если застал, то плохо, то говорит, что девушка ленивая, если не встала утром, не подмела мусор, а вечером нельзя было подметать. А это сено выносили в сарай, корове давали».)

«Сино в нас скоро выношуvalы. И jak вынеслы, тото смит’а давалы квочци в гниздо, жебы курчата добри бывы». (В, ГОИ) («Сено у нас быстро выносили. И когда вынесли, этот мусор давали наседке в гнездо, чтобы цыплята хорошие были».)

С’мит’ар, м., и. п. мн. ч.: **-ръ**, — участник обряда вынесения рождественской соломы в день св. Степана.

«У нас тото робылы писл’а Риздва. И с’а называлы с’мит’ары. С’мит’арив называлы, де там задумав женыты, то вин брав колегив своих и ранен’ко до с’вита вин заходыв до тоји својеji нареченоj, aby ји застараты за с’мит’ам в хати... И тодди воны робылы пор’адок... A jak ји застали, то почыналы лыка дерты з нејi: шо то за газдын’а, шо пор’адок не поробленыj в хати?!» (МВ, ФМГ) («У нас это делали после Рождества. И они назывались с’мит’ары. Если задумал жениться, то брал своих друзей и рано до рассвета он заходил к своей нареченной, чтобы ее застать за подметанием мусора в доме... И тогда они наводили порядок. А когда застали ее, то начинали лыка дер-

ты з неји [стружку снимать]: что это за хозяйка, у которой порядок в доме не наведен?!»)

Степана — день св. Степана (9 января), третий день рождественских праздников.

«*Писл'a Риздва јде Марији, а потим Стефана*.» (МВ, ФМГ) («После Рождества идет Марии, а потом Степана».)

Струцл'a, жс., и. п. мн. ч.: -ли (струцел', м., и. п. мн. ч.: струце-ли) — обрядовый рождественский хлеб, находившийся на столе от Сочельника до Крещения.

«*Та струцл'a мусива быты! Запышы: струцл'a мусива быты, бо лемкъ то пеклы, такиј хлиб закручаныј*.» (М, ЮЭМ) («Так струцл'a должна была быть! Запиши: струцл'a должна была быть, потому что лемки это пекли, такой хлеб плетеный».)

«*А струцел' стојав до Јордану. И по Јордани виштко тово збывало. Ја знаю, јуж струцел' быв сухиј. Јуж с'e не ризав добри, бо јуж с'e крышыв*.» (РР, РОС) («А струцел' стоял до Крещения. И после Крещения все это собиралось. Я знаю, струцел' уже сухой был. Уже не резался хорошо, потому что уже крошился».)

II.

Вивкатъ/гивкатъ, I л. ед. ч.: -ју («шуметь; голосить, громко кричать; перекликаться») — вид гадания.

Вивкалъ девушки в день св. Андрея, либо в день св. Степана, вынося на рассвете сено и солому из дома. Крикнув, девушка прислушивалась к эху. С той стороны, откуда оно донесется, следовало ждать жениха. Другое гадание предписывало прислушиваться к тому, как собаки гивкајут в ответ на дребезжание ложками.

В'јазан, м., и. п. мн. ч.: **-ни** («охапка, связка») — большая охапка сена, вносимая хозяином в дом в Сочельник.

Праздничным сеном устилали стол, за которым ужинала семья. В отличие от рождественской соломы, сено выносили из дома уже после Крещения.

«*Тато прыносыв соломы и в'јазан сина. Сино на стив ставылы*.» (РР, РОС) («Папа приносил соломы и охапку сена. Сено на стол ставили».)

Вмыватыс'a, I л. ед. ч.: -јус' («умываться»), в терминологическом сочетании: **вмыватыс'a копијкамъ** — обрядовое умывание в первый день Рождества.

Кто-либо из старших членов семьи приносил холодную воду с улицы (иногда талую воду), в которую бросали деньги. Все члены

семьи умывались в этой воде, натирая лицо монетами. По-видимому, обряд является остаточным явлением древнего обрядового умывания, когда рано утром вся семья босиком или вообще без одежды отправлялась умываться к реке или к ручью.

«Мылыс'а з рана копијкамъ, жебы здоровым быты. То на Риздво». (МВ, ШМИ) («Умывались утром копейками, чтобы здоровыми быть. Это на Рождество».)

«На Риздво вмывалыс'а копијкамъ з рана, в нас не копијки давалы, а золоти. Вси с'а вмывалы, жебы быты здорови, jak ти гроши, jak то золото». (МВ, СДО) («На Рождество умывались копейками с утра, у нас не копейки давали, а золотые. Все умывались, чтобы быть здоровыми, как эти деньги, как это золото».)

«На Риздво вишъткъ рано с'а мылы в води, тато прыносыв воду зо студни, бо в нас студн'а быва пид хатом, прыносыв видро воды и повидав: «Хрыстос с'е рождае!» Мама: «Славыты юго!» — три раза так казалы. Квав видро на земл'у, на пидвогу, мама јому прынесва мыдныц'у таку до мыт'а, и квавы копијкъ. Мама најперше тоти копијкъ повымывава, готови жебы бывы. И потым шмарыва тоти копијкъ до мыдныци, тато вл'ав воды и змы с'а вишъткъ мылы в тиј води. И копијкамы терлы, жебы змо бывы здорови». (РР, РОС) («На Рождество все умывались в воде, папа приносил воду из колодца, так как у нас колодец был возле дома, приносил ведро воды и говорил: «Христос рождается!» Мама: «Славить его!» — три раза так говорили. Сставил ведро на землю, на пол, мама ему приносила таз такой для умывания и клали монеты. Мама перед этим монеты помыла, чтобы уже готовы были. И потом бросала монеты в таз, папа наливал воды и все мы умывались в этой воде. И монетами терли, чтобы мы были здоровы».)

Завыванец', м., и. п. мн. ч.: *-и* («рулет, сладкое праздничное блюдо») — рождественское сладкое блюдо.

Пампушка, жс., и. п. мн. ч.: *-къ* (*pl: пампухи*) («пончик, праздничный хлеб»⁷) — рождественский хлеб, которым одаривали полазника на Рождество.

Совома («солома») — солома, торжественно вносимая хозяином в дом в Сочельник.

Принесенной соломой устилали пол и лавки в комнатах. Солома находилась в доме три дня до праздника св. Стефана. Вынесенную солому ни в коем случае не выбрасывали. В селе Лосье праздничную солому клали в куриные гнезда вместе с сеном со стола, чтобы куры хорошо неслись. В других селах солому либо сжигали на рассвете 9 января, либо отдавали скотине.

«В нас циву хату застел'алы соловом. Диты товклы с'е по ниј». (РР, РОС) («У нас целый дом застилали соломой. Дети возились на ней»).

Перевесло, ср., и. п. мн. ч.: -ла («жгут для перевязки снопов, перевяслу») — жгут, сделанный из рождественской соломы, которым обвязывали плодовые деревья.

Данное обрядовое действие магически обуславливало хороший урожай и защищало дерево от вымерзания.

«Тоди ше робылы перевесло з того смит'a, jakе дивчата выносылы и вивкалы и звидки голос приudge, звидты прыjде женых». (МВ, КЭО) («Тогда еще делали перевяслу из этого мусора, который девушки выносили и кричали, откуда голос отзовется, оттуда жених придет»).

Помыji (собир.) («жидкие отходы; вода, в которой мыли посуду») — вода, в которой мыли посуду после вечери в Сочельник.

Считалось, что такая вода приобретает магические свойства, например, снимает сглаз с домашних животных. П. обязательно выливались в чистое место либо добавлялись в корм скотине.

«Мылы посуду вже на Риздво. А помыji худоби вылывајут». (Ван, НОМ, ГЯМ, ЗЛВ; МВ, МВМ) («Мыли посуду уже на Рождество. А помои скоту выливают».)

Список и шифры информантов⁸:

1) Мацына Велька (далее — МВ) — Шопа (Прибыло) М. И. (далее — ШМИ); Валь (Гнатык) Я. Н. (ВЯН); Загирская (Федышева) О. Ю. (ЗЮЮ); Загирская (Свыщ) Ю. Ю. (ЗЮЮ); Прибыло М. М. (ПММ); Герман М. В. (ГМВ); Герман А. Л. (ГАЛ); Желем Б. М. (ЖБМ); Желем Н. М. (ЖНМ); Валь О. М. (ВОМ); Фец О. Г. (ФОГ); Смакула Д. О. (СДО); Фец М. Г. (ФМГ); Желем И. Г. (ЖИГ); Качмарчык Н. Ф. (КНФ); Шабан Л. М. (ШЛМ); Мизык В. М. (МВМ); Загирская (Смакула) М. И. (ЗМИ); Смакула И. В. (СИВ); Герман Д. М. (ГДМ); Прибыло Ю. М. (ПЮМ); Рахиль А. И. (РАИ).

2) Ропица-Русская (РР) — Спивак В. О. (СВО); Спивак Е. О. (СЕО); Спивак (Бай) С. О. (ССО); Русинко Я. П. (РЯП); Гавриляк И. В. (ГИВ); Гавриляк О. И. (ГОИ); Косяк (Федорчак) Э. О. (КЭО); Русинко О. С. (РОС).

3) Вапенне (В) — Бодак Я. А. (БЯА); Галущак О. И. (ГОИ); Дубленыч К. Е. (ДКЕ); Гоц (Пронь) А. Г. (Г(П)АГ); Гоц А. Г. (ГАГ).

4) Роздилля (Р) — Пыж В. С. (ПВС); Мыкулыч О. В. (МОВ); Пыж Г. Я. (ПГЯ); Пыж М. Я. (ПМЯ).

5) Ванивка (Ван) — Начас О. М. (НОМ); Гичва (Начас) Я. М. (ГЯМ); Заяц (Мизык) Л. В. (ЗЛВ); Годжик П. М. (ГПМ).

- 6) Маластов (М) — Ющак А. М. (ЮАМ); Ющак Э. М. (ЮЭМ).
- 7) Петрушеволя (П) — Бык (Рахиль) С. М. (БСМ).
- 8) Бортне (Б) — Гончак И. И. (ГИИ).
- 9) Лосье (Л) — Ренчковский С. М. (РСМ).
- 10) Мисцьова (Мис) — Несторяк А. И. (НАИ).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Анализ развития славянских лексикографических традиций и их современное состояние см. в работе: *Плотникова А. А. Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии.* М., 2000.
- 2 Исследование традиционной народной культуры и обслуживающей ее лексики проводилось по вопросникам программы А. А. Плотниковой «Материалы для этнолингвистического изучения балкано-славянского ареала».
- 3 Повесть временных лет. СПб., 1997. С. 60.
- 4 *Kwilecki A. Lemkowie. Warszawa, 1950.* С. 94.
- 5 Усачева В. В. Об одной лексико-семантической параллели (на материале карпато-балканского обряда «полазник») // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. С. 21–76.
- 6 Термины и диалектные тексты даются в упрощенной фонетической транскрипции: транскрипция не передает комбинаторные изменения, осуществляющиеся в фонетических процессах аккомодации, ассимиляции, диссимилияции. Вводится обозначение мягкости — «т'» (кроме сочетаний согласного с переднерядным «и»), отдельно обозначается щелевой среднеязычный звук — «ј», щелевой заднеязычный («γ фрикативный») обозначается как «г», смычный взрывной заднеязычный (g) — «г». В области системы вокализма особенностью лемковского диалекта является наличие звука «ы» заднего ряда, который будет обозначаться нами как «ъ». Тексты отражают местное произношение, связанное как с влиянием украинского литературного языка (в частности, -л- вместо -в- в глагольных формах прошедшего времени), так и с аутентичными особенностями говора (-л- или -в- в тех же случаях). В области акцентуации особенностью диалекта является фиксированное ударение на втором слоге от конца, поэтому в транскрипции мы будем ставить ударение только в особых случаях, выходящих за рамки данного правила.
- 7 Ср. Словарь русских народных говоров. 1990. Вып. 25. С. 186–187.

- 8 Села и информанты перечисляются по убыванию в соответствии с объемом сделанных записей.

Bushuev P. A.

Presentation of Topical Vocabulary of Spiritual Culture
in a Dialect Dictionary

The author provides two possibilities to present terminological vocabulary of folk spiritual culture on the example of one of fragments of the New Year / Christmas cycle of the folk calendar of Lemkos. Key words: *terminological vocabulary, traditional culture, dictionaries, dialect of Lemkos, New Year/ Christmas rites.*

А. Л. Шемякин, А. А. Силкин
(Москва)

«Долой монархию! Да здравствует король Петр!»
(Из русских записок сербского академика)

В публикации представлены фрагменты воспоминаний академика САНИ И. Г. Грицкат-Радулович. В них показана «встреча» ее родителей, русских эмигрантов, с Сербией, ставшей для них «второй родиной».

Ключевые слова: *И. Г. Грицкат-Радулович, Сербия, Югославия, русская эмиграция*.

Появление именно в «Славянском альманахе» фрагментов воспоминаний Ирины Георгиевны (Ирены) Грицкат-Радулович (1922–2009) представляется вполне логичным и оправданным, поскольку она — известный ученый-славист, специалист в области сербскохорватского языка, академик Сербской Академии наук и искусств, ученица академика и почетного профессора МГУ Александра Белича, член знаменитой четверки ассистентов, приглашенных им в конце 1940-х гг. на работу в Институт сербскохорватского языка САНИ (вместе с Павле и Милкой Ивичами и Иваном Поповичем). И. Г. Грицкат — автор 245 научных и мемуарно-художественных сочинений*, в которых она оставила интересные свидетельства о своей жизни. Фрагменты, отобранные для публикации, не касаются ее блестящего научного пути. Извлеченные из *первой* части рукописи (машинопись объемом в 555 страниц), они повествуют о том, как родители Ирины Георгиевны, бежавшие в начале 1920 г. из России, восприняли свою новую родину, какой оказалась их первая встреча с Сербией и сербами.

Но, родившись в 1922 г., И. Г. Грицкат могла лишь *пересказывать* впечатления своих близких, что снижает столь любезный сердцу историка эффект «первых рук». И при чем здесь Сербия? — ее родители прибыли уже в Королевство сербов, хорватов и словенцев**.

* Подробнее об И. Г. Грицкат см.: Арсеньев А. Ирена Грицкат-Радуловић (1922–2009) // Руски алманах. 2009. № 14. С. 136–144. Биографические данные об авторе воспоминаний и ее родителях porчерпнуты нами в данной публикации.

** В результате Первой мировой войны *независимая Сербия* прекратила существование, «растворив» свой суверенитет в коллекти-

Если отказаться от строго формального подхода, противоречий здесь нет. Сербия (пусть и ставшая частью единого югославянского государства) в начале 1920-х гг. оставалась *тем же самым*, чем была и в эпоху независимости. Интеграция никак еще не повлияла на сербов: «Соединившиеся в одном Королевстве народы не знали толком своих новых соотечественников и их краев». Потому-то мать И. Г. Грицкат, посетившая в 1921 г. Словению, и «была в тот год знакома с Королевством СХС, вероятно, лучше, чем *кто-либо из старых белградцев*». Что же тогда говорить о провинции? Сербская среда и после мировой войны оставалась статичной и патриархальной — ведь даже белградские окраины «не были еще тронуты надвинувшейся вплотную Европой!» Кolorитные зарисовки встречи (конфликта?) *старого и нового* в послевоенной Сербии; красочные примеры традиционных взглядов на мир и поведения ее жителей *всех сословий* читатель найдет в публикуемых фрагментах.

Могут возникнуть сомнения в репрезентативности этой части воспоминаний (которая содержала *рассказанную* информацию, тогда как дальнейшее повествование связано исключительно с личным опытом). Чтобы развеять их, следует познакомиться с родителями автора, сильно отличавшимися по своей «беженской философии» от других оказавшихся на чужбине россиян.

Ирина Георгиевна Грицкат родилась в Белграде в семье русских эмигрантов. Отец, Георгий Георгиевич Грицкат (1887–1957, в роду которого были и литовцы, и обруseвшие прибалтийские немцы) — инженер, главный проектировщик, а затем один из начальников белградского водопровода. Мать, Зинаида Григорьевна (урожд. Черникова; 1889–1963) окончила Петербургскую консерваторию, а в сербской столице преподавала игру на фортепиано в школах «Корнелие Станкович» и «Стеван Мокраняц», читала лекции по истории мировой культуры, активно печаталась в журналах. Служба по специальности, рост, положение, статус — что же помогло добиться этого? Скорее всего, решение, принятое ими сразу же по приезде в Белград в 1920 г. и определившее их дальнейшую жизнь.

В отличие от многих русских, ожидающих скорого падения большевиков и сидевших на чемоданах, или считавших Сербию всего лишь транзитным пунктом на пути в Западную Европу, Америку и т. д., молодая семейная пара «твердо постановила осесть в Белграде. Они вынесли заключение, что если им и придется тудо,

из-за мещанства, скуки и мелких дрязг, то все-таки будет не хуже, чем в парижских ночных кафешантанах, где бы мать, наверное, поступила тапершей, или в Берлине, где отец, предположим, сделался бы шофером такси. Здесь их не деклассировали, а это для них было главным. И тот, и другой после некоторого времени продолжали работать по своему призванию, в чинах, которые соответствовали их начальным службам в России». Дальновиднее многих, они полагали, что большевики — это надолго, а потому, не теряя времени на праздное ожидание, начали быстро и *сознательно* адаптироваться в новой (но подлежащей стать и их собственной!) среде. Уже в 1920 г. Зинаида писала Георгию: «Среди сербов я встречаю так много ласки! Поверь — это моя вторая родина, она скоро станет и твоей. Никаких лагерей здесь нет*. Здесь мы полноправные граждане страны».

Такое отношение к своей «второй родине», в котором, кстати, воспитывалась и их дочь, не могло не сформировать *иной* взгляд на Сербию и сербов, чем у «традиционных», других эмигрантов, — не брошенный «сверху» или вскользь, чтобы лишь обозреть неведомый берег, куда занесло крушением, и в ожидании спасения замыкающийся на себе и «своих», но крайне заинтересованный, пытливый и проницательный, воплотившийся в дневниках и переписке. Через эту призму и шло познание страны, *осознанно* выбранной в качестве «зарубежной родины» — так и названы записки И. Г. Грицкат. Поначалу бытовые зарисовки и заметки о повседневном — постепенно складывались в обобщения, метафоры и формулы: «Необыкновенные эти сербы. Мелкие в мелком, великие в великом...»

Если прибавить к *такому* взгляду (матери, в первую очередь) наблюдательность и бойкий характер, что есть первое условие для общения; страсть все виденное фиксировать и делиться им в письмах; а также «здоровую природу», отмеченную дочерью («...моя мать пошла по своему жизненному пути на чужбине без той занозы, которая крепко засела во многих беженских сердцах»), то ее рассказы Ирине Георгиевне, вкупе с дневниками и перепиской, обретают (как источник) искомую историческую значимость. К тому же она смогла придать «своим повествованиям о первых годах за границей спокойный, непредвзятый и подчас даже юмористический тон» — без столь часто звучавшего тогда надрыва.

* Речь идет о фильтрационных или даже концентрационных лагерях, которые, к примеру, для русских беженцев открывали румынские власти.

Оказавшись в руках (отложившись в памяти) дочери, эти зарисовки и послужили канвой для создания — в рамках собственных воспоминаний — картины первой встречи русских интеллигентов с неведомой прежде Сербией (как оказалось, образованные люди в России ассоциировали с ней короля Петра, премьера Пашича и Вронского из «Анны Карениной»), которая сильно отличалась от таких же «картин» из других мемуаров. При этом налет «художественности» в ее изложении первых родительских впечатлений о Сербии и сербах не пошел во вред исторической достоверности.

Последнее особенно значимо! Не интересуясь политикой и не страдая комплексом «потерянной родины», молодая чета фокусировала свой взор на *социокультурной* реальности сербов, особенностях их менталитета, поведения и норм жизни, что было естественно — ведь с ними отныне предстояло делить и родину, и судьбу. Эти «рутинные», с точки зрения обыденного опыта, детали, как правило, не попадают во «внутренние» (сербские) источники, каковых не так уж и много.

Поэтому-то «выбранные места» из записок И. Г. Грицкат и представляются нам подлинной находкой для изучения сербского традиционного общества и его эволюции в результате воздействия европейских идей и институтов. Переломный характер первых послевоенных лет, когда Европа уже «надвинулась вплотную» на Балканы, придает этим «местам» дополнительный смысл.

Кроме того, несомненное литературное дарование, интеллигентность и вкус автора воспоминаний делают их не только ценным источником для исследователя Сербии этого периода, но и крайне занимательным чтением — ведь они дают возможность «увидеть» и «ощутить» жизнь сербов и историю страны «изнутри» и дистанцированно одновременно. Этот «разрыв» рефлексии акцентирует и по-новому освещает процесс интеграции русских эмигрантов в иную среду — процесс, столь мучительный и болезненный для подавляющего большинства. Счастливое исключение, как становится ясно из публикуемых фрагментов, во многом зависело от воли и желания конкретных людей, от их уважения и готовности принять и «освоить» другую Родину, вторую Отчизну.

В настоящее время русская часть архива И. Г. Грицкат (в том числе и рукопись воспоминаний «На зарубежной родине») находится у А. Б. Арсеньева — авторитетного собирателя и хранителя памяти о русской эмиграции в Сербии (Югославии), автора многочисленных публикаций по этой теме. Выражаем искреннюю признательность

Алексею Борисовичу за любезно предоставленную возможность использовать данные материалы* (отрывки из которых публикуются ниже).

*И. Г. Грицкат-Радулович
На зарубежной родине*

[...] Мои родители оказались в числе тех «белоэмигрантов», которые прибыли в Сербию прежде большинства остальных.

[...] Родители всегда потом говорили, что приехали в Югославию как настоящие пролетарии, и что они уже на своей новой родине добывали кусок хлеба собственным трудом. Конечно, они являлись идеологическими эмигрантами. Они называли себя именно эмигрантами, а не беженцами, потому что, по их уверениям, им было от чего эмигрировать, но не было от чего бежать, не считая царившего на их родине в первое время бесправия, разгула и серизны.

На основании дальнейшей их судьбы можно было бы изучать психологические сдвиги в отношениях к отечеству и к новой родной стране. Возможно ли, скажем, совсем перестать любить кровных родителей и в той же мере полюбить нареченных? При каких условиях — несомненно, трагичных — это получается? Что остается неизменившимся от прежних чувств? Обо всем этом я мало спрашивала их. Но некоторые ноты этой их сложной жизненной песни прозвучат, надеюсь, в моих строках — здесь и дальше.

Я попытаюсь рассказать о начале их югославской жизни главным образом со слов моей матери и по ее дневнику. Однако вполне сознаю, что мой рассказ не может по стилю соответствовать тогдашим настроениям русских эмигрантов. Моя мать, вообще говоря, была здоровой натурой, не лишенной наблюдательского таланта, а в течение долгих благополучных лет нашей семейной жизни в Белграде она к тому же придала своим повествованиям о первых годах за границей спокойный, непредвзятый и подчас даже юмористический тон [...]. Еще же необходимо прибавить, что мать сравнительно быстро сделалась сербской и югославской патриоткой, и поэтому стиль ее рассказов, который я улавливала подрастая, был отнюдь не бежен-

* Небольшая часть воспоминаний И. Г. Грицкат (примерно одна треть) была опубликована на сербском языке (см.: *Грицкат И. У лебдивом ходу. Нови Сад, 1994*). Мы уверены, что они (в полном объеме!) заслуживают выхода и на языке оригинала.

ский. Здесь же замечу — чтобы не возвращаться к этому вопросу снова, — что обрисовывая первые впечатления, встречи и разговоры с сербскими знакомыми, она несознательно или сознательно влагала в уста тогдашних собеседников то, что, может быть, слышала лишь позже, от других сербских друзей. А друзей среди сербов у нее оказалось поистине много [...]. С другой стороны, может быть, и я сама теперь приписываю ей кое-что, что слышала не от нее. Думаю, что этим не портится ни достоверность самих пересказанных таким образом фактов, ни подлинное изображение моей матери, с ее настроениями тех лет [...].

Моя мать и ее приятельница Ксения [...] попали, в числе других эмигрировавших весной 1920-го года, в захолустье Куманова¹, в тогдашнюю так называемую Южную Сербию². Они оказались вдруг в тихой стране тополей и каменных оград, голубятен и мечетей. Настроение здесь было мирное. Прозрачные полууречки-полуручьи пролегали под двускатными мостиками, и местные жительницы с лебедеобразными кувшинами картинно спускались за водой. Кое-где, в особенности на железнодорожной станции, еще были заметны следы военного разгрома, расписание поездов не было установлено [...].

Когда их высадили на вокзальчике, мать с Ксенией, за неимением скамейки, уселись на подножке товарного вагона и принялись горько плакать. Вокруг них потихоньку собиралась толпа любопытных. Толстая баба, совершенная статуя, стояла неподвижно, с непроницаемым черным квадратом вместо лица и с густыми скибками шаровар. Рядом с ней переминалась с ноги на ногу девочка, также в шароварчиках от пояса до пят: девочка была похожа на грибок. Мать — из любопытства, равно как и от ужаса — подняла взор, хотела пристальнее взглянуться в безликую статую, и поднесла к заплаканным глазам висевший у нее на цепочке лорнет. Фигура-негатив слегка шарахнулась, дав понять, что все время наблюдала за прибывшими через свое густотканное забрало. Девочка взвизгнула при виде второй пары глаз. Вокруг плакавших стягивалось кольцо пытливых. Обе стороны пугались друг друга, но и лорнет, и чадра возбуждали интерес.

«Боже, Боже, куда нас занесло!» — всхлипывали молодые русские женщины.

Позже мать с Ксенией узнали, что здесь живет много славянского населения, принадлежащего к магометанству [...].

Немного погодя на вокзал прибыло лицо, хорошо говорившее по-французски и называвшее себя заместителем лорд-мэра города

Куманово или чем-то вроде того. Он извинился за опоздание, сказал, что не нужно беспокоиться и что все-де утрясется.

Потом выяснилось, что тюки приехавших сюда отправлены по ошибке в город Вране³, где выгрузилась другая партия беженцев, и что кто-нибудь из здешних должен съездить туда, разобраться в вещах и распорядиться о новой пересылке. Мать с Ксенией, прославив энергичными, вдобавок бездетными, были командированы во Вране. К тому же, благодаря живости и знанию французского языка, моя мать сделалась на короткое время переводчицей при сношениях с местными уполномоченными лицами. Сознавшись в недосмотре, железнодорожные власти не спросили денег за этот лишний проезд.

В том другом городке русских оказалось больше, и они там выглядели уже более оседлыми. На их вокзале было почему-то весело. Поезд прибыл под звуки цыганского оркестра. Тамошние русские рассказали двум прибывшим дамам, что и их поезд был также встречен струнным громом, и беженцы решили, что представителей доблестной русской нации сербское правительство встречает музыкой, стремясь отблагодарить хоть чем-нибудь за благодеяния, оказанные в свое время царской Россией маленькому сербскому народу. Но им объяснили, что это ликование происходит не от того; что это цынская шайка, радостно встретившая однажды поезд неприятельских солдат, после чего старый король Петр наказал их тем, что приготовил их играть перед каждым поездом на Враньском вокзале до конца их дней. Некоторое время спустя, когда в том же городке праздновали Пасху, музыкальные пленники приветствовали чардашами, самоубийственными венгерскими романсами и барабанным боем Воскресение Христово.

Русская колония в городке Вране, который новые поселенцы, прочтя надпись на станции, назвали Враньё, была более сорганизована. Как раз в тот вечер устраивали маленькое собрание и представление в собственную пользу. Сначала баронесса Гроссдорф, в калошах, прочла лекцию по-французски: «О причинах российской катастрофы» [...].

После этого был концерт. Мать и Ксению попросили тоже петь, хотя они и не присутствовали ни на одной спевке. Их убедили, что песни и так хорошо известны. Дамы смущенно вышли на сцену, кто-то подбодрил: «Ничего, схрюкаемся», а какая-то юркая дамочка продирижировала «Ночку темную», «Ах вы, сени» и еще кое-что. Пели по слуху, по памяти, некоторые пробовали подпускать вторым голосом, одни секундировали так, другие сяк, умолкали при неудаче.

Был один номер, в котором мать аккомпанировала на рояле и в то же время пела, потом просто играла, одеревенелыми пальцами, вспомнившийся этюд Шопена, потом солист пел под ее же аккомпанемент. В публике сидело население, первый раз в жизни видевшее рояль, и восторженно шумело.

«Ах, Ириша, — говорила мне позже мать. — Если бы ты только могла видеть и слышать все это: старуха несет ахинею про большевизм, потом я играю и одновременно пою без голоса тоже какую-то музыкальную дичь! Это было так смешно и так глубоко трагично!» [...].

На другой день все вещи были разобраны, и все кумановское отправлено на вокзал. К часу отхода поезда мать с Ксенией, сопровождаемые вчерашними сопевцами, тоже пошли на станцию и были очень растроганы, когда враньеские дамы, в знак благодарности за участие в благотворительном вечере, вынули из сумок молоко в бутылочках и стали угощать им, вроде как младенцев. Вдруг локомотив свистнул, все побежали косой толпой в косом направлении, то есть туда, куда побежала первая из побежавших, и в распахнутую дверцу двух женщин поспешно втиснули. Придя в себя от волнения, они заметили, что находятся в почтовом вагоне, но у молодого чиновника, сидевшего тут, узнали к своей радости, что попали в правильный поезд.

Наступал вечер, а Куманова все не было да не было. Настала ночь. Едва разбираясь в словах чиновника, говорившего на сербско-болгарском волянюке, поняли, что из-за демобилизационных неувязок поезд должен был переменить курс, и теперь он принужден двигаться непредвиденно. Потом их попросили перейти в другой вагон, оказавшийся товарным, тем самым, где находились и опекаемые ими вещи. Тут царила первозданная тьма. Их еще немного повозили, а затем определенно отцепили и оставили, так как к полной тьме присоединилась полная неподвижность. Долго ли, коротко ли сидели мать с Ксенией на тюках, разговаривая, посмеиваясь и поплакивая, но только по ту сторону клади неожиданно кашлянул мужчина. Подруги впились друг в друга.

«*Soldat*», — молвил невидимый. Из-за пожиток кто-то сладко выспавшийся, зевая и поохивая, стал лезть. Потом вспыхнула спичка, за ней заалелась папироса. *Soldat*, приставленный сторожем к багажу и проспавший беззвучно почти всю ночь, подсел поближе и завел непонятную беседу, любезно тыча сухари при свете всасываемого огонька. Так они просидели втроем до рассвета, и ничего

не переменилось. Потом что-то пихнулось в них, и они задвигались. На одной остановке к ним вошел давешний чиновник из почтового вагона, так что теперь поехали вчетвером. Последний из прибывших соболезнующе смотрел на миловидную Ксению, не сводя с нее глаз говорил что-то нежное солдату, затем объяснил, что его служба состоит в беспрерывной езде по рейсу от Ниша и назад, но у него есть хорошая мама. В довершение всего он смущенно, словами, жестами и многозначительным молчанием, попросил ксенииной руки. Он упомянул и «тату» (дамы поняли, что это его тятя), к которому они сразу же могут отправиться для дальнейших переговоров и для того, чтобы убедиться в серьезности его намерений.

Через двадцать один год, прочитав в газетах о том, что белградское музыкальное училище чествует свою преподавательницу по поводу юбилея, он явился в училище к моей матери, поздравил ее, воскресил в ее памяти вагон, солдата и ночь — и застенчиво спросил, где ныне находится ее подруга. Он грустно промолвил, что так и не женился.

Нашим двум приятельницам, которые после успешно выполненного задания во Вране стали считаться как бы предводительницами всей кумановской группы, отвели лучший дом. Это было двухэтажное многоугольное здание посреди широкого двора. Внутри были добела выскобленные деревянные полы и не позволялось ходить в уличной обуви, поэтому у порога стояли башмачки-скамеечки разной величины, в которых домочадцы быстро постукивали. Подругам сдали поместительную комнату с рукомойником и лоханкой и с огромной двуспальной кроватью посередине, напоминавшей старинное морское судно во время штиля. Хозяин гордо уведомил их, что недавно, во дни пребывания своего в Куманово, у них в доме, именно на этой кровати, ночевал регент Александр⁴.

В первое же утро в комнату матери и Ксении вошла маленькая, но торжественная процессия из двух лиц. Впереди шла хозяйка, неся поднос, а на подносе стоял эмалированный сосуд с отогнутыми краями и с ручкой, имеющий во всем мире вполне определенное назначение. В нем, однако, дрожала простокваша. Девочка сзади несла, на втором подносе, винный уксус, кусочки огурцов и чеснок. Домашние спросили, которую из этих пряностей гости желают положить в простоквашу.

Потом хозяин водил их по длинной и извилистой мостовой в турецкую баню. Надо заметить, что в хороших семействах, к каковым принадлежало семейство хозяев, жили по-гаремному, хотя и в единобрачии, так как были христианами. Женщины, то есть жена,

незамужние сестры, дочки, бабка, прислужницы почти не выходили из дома и весь день просиживали на низких лавочках, грязя у мангала, или, сидя на kortochkaх, кипятили воду для черного кофе, жарили еду, разваривали овечьи ноги. Муж в большинстве случаев ходил сам на рынок, присутствовал при торгачинах, он же заведовал погребом, где хранились запасы, выдавал харчи на день, принося из подвала то что-то длинное и кровавое, то миску риса, то фасоль. Единственным позволенным развлечением вне дома являлась для женщин баня, куда они ходили в определенные дни целыми родовыми общинами, как древние римлянки в термы, и где сиживали часами, беседуя и парясь.

Баня была круглая и объемистая. Это была постройка с боковушками, где снимали одежду, а в середине находилась общая купальня без окон, освещенная лишь мутным светом из стеклянного запотевшего купола. Вдоль стенок приделаны были как бы каменные пойла, в которые втекала горячая вода и над которыми надлежало мыться, поливаясь из ведерка или пользуясь любезней помощью бабы, предлагавшей тереть. Посреди заведения, на сухом и очень горячем камне, лежало несколько женщин. Две турчанки, голые, но с чалмами, накрученными из полотенец, красили себе хной ногти на руках и ногах. Другие сидели на каменных лавках, закутанные в простыни как в туники, разговаривали и тут же пили кофе и вышивали. Все поглядывали на упоительно обтиравшихся иностранок, которые толком-то и не купались еще с Новороссийска. Заграничное мыло обратило на себя общее внимание, его нюхали и передавали дальше, обмениваясь замечаниями. Когда дамы собрались уходить и пошли в боковушку одеваться, обнаружилось, что исчезла одна из двух пар панталон. Несмотря на это, растиральщице заплатили за внимательное отношение [...].

Мать с Ксенией недолго пробыли в этом своем первом эмигрантском обиталище, но успели познакомиться с видными жителями Куманова и приобрести полезные связи.

Однажды они были приглашены к местному прокурору, милому человеку [...].

До того, как подать кофе, русских дам угостили вареньем. В вазочке лежали засахаренные куски арбузных корок, нечто незнакомое и до того восхитительное, что мать, ложку за ложкой, съела целую вазочку. Подобрав слова высшей деликатности, хозяева объяснили, что по сербскому образу действий надо взять один только раз, а затем отпить воды. Мать говорила, что потом не удивлялась больше

ни величине кофейного прибора, ни откушиванию варенья. Она вспоминала русские самовары, русские варенья и потенции при чаепитиях, и решила, что масштабы страны отражаются в масштабах гостеприимствования. А затем созналась, что была не права: упомянутые кулинарные ухищрения хоть и подавались в малых дозах, зато ежедневной, вкусной и жирной пищей в некоторых сербских домах угощали ее до поморочного состояния.

Жена прокурора с большим уважением предлагала все приносимое и своему супругу [...]. Несмотря на конфуз с вареньем, они сразу очень понравились друг другу. Мать уже тогда сговорилась с этой четой, что, если все окончится благополучно и поскольку она со своим мужем останется жить в Сербии, то прокурор сделается крестным отцом ее ребенка. Этот договор был позже соблюден [...].

В доме будущего кума моя мать познакомилась с проживающим недолго в городке преподавателем словесности, тоже будущим белградским жителем и нашим другом. Если бы отец в то время сходил к гадалке, [...] гадалка бы, несомненно, увидела в кофейной гуще или в размещении валетов и королей нечто неясное и недобroе. Она вынуждена была бы сказать, что существует кто-то, кто нежно думает о его молодой жене, кто-то скромный, смущенный, внимательный. Но жена лишь улыбается в ответ и пользуется его любезностью для ознакомления со страной, в которую забросили ее круговороты судьбы.

На самом деле моя мать прилагала все свои усилия к тому, чтобы найти, наконец, своего горячо любимого и единственного друга. Между прочим, она дала объявление в «Русскую Газету», начавшую выходить в Белграде, через которую в то время люди главным образом и разыскивали друг друга. Не знаю, по ее ли рассеянности, или по недосмотру редакции, объявление было напечатано без ее адреса. Этот номер газеты отец получил и прочел в Константинополе. По адресу той же редакции он послал ей в порыве отчаяния письмо [...].

Письмо достигло Куманова, вспыхнула надежда, что их связь, в конце концов, будет восстановлена.

Новый кумановский знакомый был в высшей степени культурным человеком и удовлетворял даже петербургским вкусам. Он подружился с обеими приезжими, но не скрывал, что с Ксенией проводит время только из благовоспитанности. Он энергично помогал моей матери при розысках мужа, а также и в деле переведения ее в Белград, на место учительницы пения.

Все, что мать раньше знала о Сербии, — это был Дунай с притоками Савой, да Моравой, затем города Белград и Ниш⁵, король Петр⁶

и министр Пашич⁷ [...]. И Вронский⁸ в конце романа ехал, кажется, в Сербию: к своему стыду, мать не помнила точно, в Болгарию ли, или в Сербию. Моя мать тогда еще точно не улавливала, в чем тут вышло дело после войны, с какими частями чужих государств объединилась Сербия в более обширное государство. Но она всегда была любознательна, а теперь уж и поневоле приходилось быть таковой, в виду все более реальных очертаний ее будущего. Знакомый понял это и начал давать ей первые уроки на сербские темы; он осуществлял это с тем патриотизмом, какой проявил бы всякий сын всякой малозначащей страны, с любовью и с гордостью, но без примитивного бахвальства. Надо полагать, что здесь-то и взяла начало исключительная приверженность моей матери к Сербии и к Югославии вообще.

Один раз они сидели вдвоем в «кафане», или в кофейне, если слово перевести буквально, иначе же выражаясь, в кабаке. Мать свыклась со своим новым положением, утверждаясь в мысли, что ей придется прожить в Сербии еще довольно долго. Был праздничный день.

Кабак имел снаружи вид двухсотлетнего турецкого строения. Крутая крыша была сложена вкривь и вкось, настлана черепицей и голой дранкой, вогнута на тех местах, где под ней поломалось стропило. Высоко в грязной стене проделаны были грязные окошечки, словно бойницы, а под ними выступал почему-то еще один кусок крыши, и под этой добавочной крышей — снова окошечки. Все это походило на угловатый каменный шатер. Одна из стенок, неуклюже выдававшаяся к тротуару, превращена была в подобие витринного ящика со множеством стеклянных квадратов. Из этой клетчатой витрины, запыленной и отвисшей, из одного ее пробитого отверстия, вытарчивала и уходила кверху длинющая жестяная труба с флюгаркой на конце. Внутри, на несвежих скатертях, стояли солонки, и босоногий половодий выющимися движениями расставлял перед посетителями перекипающее пиво. Мужчины сидели в кабаке, не снимая шляп, горланили и хлопали ладонями по собственным коленкам и по коленкам собеседников. Женщин, естественно, не было.

— Вы не пугайтесь, madame, — говорил рассудительный знакомый. — Вот переедете в Белград и убедитесь, что сербская интелигенция совсем уж не такая отсталая. Есть такие, которые учились за границей, в Граце, в Праге, в Париже, а недавно многие побывали во Франции, в собственной, правда, недолгой, эмиграции. Образованные люди говорят здесь и по-русски, так как в наших гимназиях преподавали до войны русский язык; не знаю, как будет дальше. Я сам мог

бы говорить с вами на вашем языке, но стесняюсь. Да, в русофильстве здесь никогда не было недостатка, особенно в Черногории. Там ведь так и говорят: нас и русских полтораста миллионов. То, что вы видите тут, — это отсталая часть, присоединенная к Сербии лишь перед европейской войной. А страна наша расширилась теперь и к северу, и к западу и приняла в себя вполне цивилизованные и очень плодородные области.

[...] Я вам расскажу вкратце о том, как мы воевали. В девяносто четырнадцатом году в Сербии было четыре с лишним миллиона жителей, но она в начале войны призвала почти четыреста пятьдесят тысяч военнообязанных; насколько я знаю — высшее мобилизационное напряжение в истории войн [...]. Неприятель напал на Сербию, занял некоторые ее части, но был вытеснен. Об этом первом вторжении пережившие его рассказывают самые ужасные вещи: так, например, в городе Шабац⁹ женщин насиловали в алтаре, в одном селе четвертовали людей, привязанных к конским хвостам. К тому же, страна была захвачена страшнейшим сыпняком [...].

Немцев и австрийцев раздражало, что сербские солдаты шли в своих лаптях, не топая сапогами. Часто рядом с солдатом ступала босая мать, неся его сумку с лепешкой и с флягой. Тут же шагали и цыгане, которые подхватывали новые песни и сопровождали певших на обшарпанных скрипках. Какой-то отряд из битвы в битву проносил тело своего мертвого начальника в запаянном гробу. По горным беспутьям одну пушку тащило свыше ста человек — там лошади были бессильны. Шли наши солдаты и распевали сами себе похоронные песни, тут же сочиняемые.

Мне кажется, что между цивилизованными и менее цивилизованными народами во дни страшных испытаний происходит обмен уровнями культуры. Какие злодейства совершили ученые европейцы в те дни над беззащитным, неграмотным населением в сербских деревнях!

Зимой с пятнадцатого на шестнадцатый год немецкие, австрийские, — вернее, австро-венгерские, — а затем и болгарские войска преследовали нашу армию, которая не сдавалась и не начинала поддаваться развалу. Впрочем, наши враги уже кое-что знали про нас и побаивались. В одном из приказов немецкого маршала фон Макензена¹⁰ было сказано приблизительно следующее: вы, солдаты, не направляйтесь воевать ни против французов, ни против итальянцев (уж простите — он прибавил: ни против русских), вы идете на храброго и опасного нового врага, на сербов, которые для свободы жертвуют всем.

Смотрите, как бы этот маленький неприятельский народ не омрачил вашей славы; уважайте в нем сильного противника.

Наши части отступали и увозили с собой орудия, увенчанные славой. Видя, что дальше невозможна тащить их за собой по горам, они похоронили их, как покойников. Полковой священник отпел их, ладаном окурил.

В течение ненастных месяцев, по морозам, по каменным глыбам, по покатым скользким или разрушенным мостам, пешком и на телегах, отбиваясь от врага и от местных грабителей в пустынной Албании, почти совершенно без пищи, в изодранной обуви и в лохмотьях, оставляя в снегу следы искалеченных ног и крови, все сербское войско вместе с многочисленным гражданским населением, с женами, материами и младенцами, отступило до южного адриатического побережья, а затем переправилось на Корфу, к союзникам. Сколько их осталось навсегда лежать в провалах, в болотах, в снегах! Пока еще нет точных подсчетов, но там проходил и я и видел собственными глазами бушевавшую смерть [...]. Ни одно сербское знамя не досталось врагу, ни одно воинское соединение больше роты не было взято в плен [...]. Едва ли в истории существуют страницы, превосходящие по трагике то, о чем я сейчас говорю.

Мать и преподаватель чокнулись пивом.

— Я пью за вашу родину и за нашу дружбу, — сказала моя мать.

— Несуразен наш народ. Никто из раздавленных народов никогда не уходил из своей земли. Уходило правительство, уходили политические высокопоставленные лица, военных уводили в плен. Но уходили ли матери с детьми за границу, по стуже, без хлеба, босиком? Знаете ли вы случай, чтобы совокупные вооруженные силы какого-нибудь государства ушли в эмиграцию?

В кабаке становилось душно; публика курила, галдела.

— Вам все это может показаться фанфанством с моей стороны. Но вы согласитесь и сами, что я обязан рассказать обо всем благожелательной иностранке. А когда она видит народ, не знающий хорошего мыла и не понимающий разницы в посуде, и притом, если она должна оставаться на неопределенное время жить среди этого народа, то мне хочется разъяснить также некоторые другие стороны всех этих вопросов и оправдать нелепые картины. Ведь в середине прошлого столетия тут, на юге, еще доживала свой век Турецкая империя, а в коренной Сербии княжил безграмотный властелин¹¹...

Сербы провели почти три года вне отечества. Бывали разные попытки так называемых Центральных сил¹² склонить нас к перемирию

или заключить с нами сепаратный мир, но мы ждали только одного: с неподвижного, бездействующего Салоникского фронта¹³ сорваться, броситься на север, изгнать врага, обнять наших оставшихся у очагов детей и старушек. Великобританцы и итальянцы не особенно спешили прорывать этот южно-европейский фронт. По-видимому, у них были свои расчеты. Одна лишь Франция действительно стояла за нас. Прорыв совершен был в середине сентября восемнадцатого года, согласно замыслам именно нашего верховного командования. Двинулись наши, английские, греческие и, конечно, французские дивизии; не двинулись мы, а помчались ураганом. Мы освобождали деревни, а женщины выбегали из хат и целовали не только нас, кавалеристов, не только морды коней — они во время наших стоянок целовали даже лошадиные копыта!

Моей матери становилось дурманно: и от пива, и от рассказов. Господи, неужели в этой стране, в какой-то помеси Туркестана, Спарты и Берендеева царства, она отныне будет жить, если русская смута скоро не окончится!

— Откуда вы все это знаете? Вы могли бы написать преинтересную книгу о Сербии, о ее достоинствах.

— Нет, книг я не буду писать. Я только много читаю, и книги, и разные записки, мемуары, дневники. Ведь я обо всем хочу своим ученикам рассказывать. Составителями будущих книжек пусть будут другие. Вам не наскучила моя болтовня?

— Что вы! Пожалуйста, продолжайте. — У матери, как она позже говорила, делалось какое-то совсем нереальное чувство. «Два месяца тому назад я еще жила у себя в России. И вдруг — кабак в Куманове, без мужа, влюбленный компаньон».

Она предложила:

— Закажем еще по стакану. И говорите еще.

— Следующего князя (после того безграмотного), который начал исторгать нашу страну из турецчины, встречали в Белграде торжественно, когда он вернулся после высылки¹⁴. Во всех окнах горели сальные свечи, построены были триумфальные арки с приделанными лампадами и приkleенными двустишиями; вдоль фасадов развесили бумажные фонари, а на перекрестках вздернули на шесты бычачьи мехи, наполненные горящим дегтем. На площадях катали бочки с водкой и вином, и тут же, над кострами, на вертелах, жарили волов.

— Мне нравится этот размах. Нет, не обижайтесь, даю вам слово, что я говорю без иронии. Конечно, с одной стороны, это какая-то сказочная картинка из детской книжки. Но вы же и сами знаете: ни

немцы, ни шведы, ни американцы не катали бы водку бочками и не жарили бы на улице волов. Для этого нужна щедрость, нужен разлет души.

— Венгрия известна по удальству, по бесшабашности. Но эта черта наблюдается и у нас. Даже не в Белграде, а в провинциальных городах давно уже умели устраивать лихие затеи: запрягали, например, среди лета в сани шестерню и носились по дорогам, по каменному настилу. Верхом на лошади въезжали в харчевню, или, сидя на ковре перед собственным крыльцом, пили вино по целым ночам, тоскуя и распевая.

Я хочу подчеркнуть одно характерное явление в нашем народе: быстрый рост во всем, рвение вперед, желание учиться, усовершенствоваться. Уже в прошлом столетии был отмечен чрезвычайно высокий процент учащихся среди населения. Один из первых рентгеновских кабинетов появился именно в Белграде — один из первых в мире! И одно из первых такси ездило по Черногории. Даже более того — Белград оказался весьма передовым городом в смысле легких развлечений. Одна иностранка гастролировала здесь, и номера ее были достойны современных парижскихочных притонов. Уверяю вас, лет через пятьдесят города наши будут не хуже европейских городов, и дети наши будут не хуже европейских детей.

[...] Мой матери даже за это короткое пребывание в Куманове удалось начать зарабатывать. Хотя во всем городе и было всего два рояля, но сыскались ученики, и она давала уроки, помня наказ мужа — немедленно становиться на свои ноги, да и незабвенный бабушкин завет — молотить самой свою рожь. Но оставалось все же много свободного времени. Опять был послеобеденный час, может быть, и не праздничный, но не занятый ничем. Знакомый все как-то так подлаживал маневры, чтобы можно было сидеть с ней вместе в «кафане», пить пиво и разговаривать. На этот раз он говорил об эпохе турецкого владычества.

— Турки, как и ваши татары, были поработителями, грабителями, тиранами. Но... не знаю, сумею ли я точно выразить свою мысль: в них было что-то барственное и нарядное, внешне и духовно. Турки строили здесь почтовые дороги, бани, постоянные дворы, они украшали города мостами, садами и фонтанами. Они часто заботились как раз о законности и о справедливости, хотя народное предание несравненно чаще вещает о другом, так как они все-таки были иноверцами и врагами [...]. Бывали и такие турки, которые наказывали

серба за плохое отношение к сербу, а случалось даже, что и турок отвечал перед своей вышестоящей властью за ограбление монастыря или за подобную провинность.

От турков мы унаследовали живописные национальные костюмы, много обычаев, много красивых напевов. В итоге всех итогов, об их господстве говорят уже с меньшей горечью, чем о разных пакостях европейских соседей. Воображаю, что бы стало с сербами, если бы их держали пятьсот лет в своей власти немцы! Нет, с таким захватом, каким бы явился, допустим, немецкий, мы бы не ужились, и, следовательно, — от нас бы мокрого места не осталось. А с хитрыми левантинцами уживались; перехитрили их, пережили. Правда, они затормозили наш прогресс, погубили нашу расцветавшую культуру. Какое прекрасное зодчество, какая живопись начали развиваться здесь даже до знаменитых кватроценто¹⁵ и чинквиченто¹⁶! Вы когда-нибудь увидите наши монастыри. Большинство из них заросло сорными травами и опустело. Но есть и такие среди них, которые не прекращали своего существования и пронесли через все века турецкого ига факел патриотизма, грамоты и веры. Есть один монастырь, в одной из самых диких местностей Сербии; его сторожит игумен с ружьем, а помогает ему не собака, а змея — большой уж, которого он приучил являться на свист.

[...] Рассказчик был прерван звуками музыки и оживления. Где-то на улице заныла зурна, и сидевшие в кабаке люди приятно заволновались.

«Эх, вот это я люблю!», — крикнул подвыпивший парень-сосед, ударив стаканом почти как молотком. Он вскочил, под руку ему подвернулся босоногий половой, под руку половому — жандарм, а под руку жандарму еще кто-то, потом сам хозяин кабака, и в такт доносящейся музыке в их помещении начали танцевать. Это был национальный танец, исполняемый либо хороводом, либо змейкой. Танцоры вились между столами, и мать с большим интересом смотрела на их ноги. У плясавших определенно чувствовался музыкальный зуд.

— Если хотите, выйдем на улицу, — предложил знакомый. Там, кажется, будут исполнять «Тяжелое оро»*, есть на что посмотреть. — Выходя, он прибавил:

— Если бы мы сейчас были у меня там, в настоящей Сербии, я бы и сам пошел танцевать.

* Оро — македонский народный танец (вид хоровода). Напоминает сербское коло.

— Вы это умеете?

— У нас хороводами открываются все танцы, все балы, даже придворные. Но здешних танцев я не знаю. Посмотрите и сами убедитесь, каковы они.

На улице собралась кучка разноперого, разномастного народа, не то цыганского, не то крестьянского вида. Кое у кого были носовые платки или шарфы на головах, у других — широкие шелковые пояса, иные были просто ободранцы и беднота, у многих зад на суконных штанах висел до самых колен. В середине стоял человек низкого роста и, безмерно пучка щеки и вращая зрачками, дул в кожаный инструмент, который он в то же время регулировал подмышечными движениями. Вторым членом ансамбля был старик, так сильно бивший в подвешенный через плечо колоссальный барабан, что моей матери каждый раз приходилось мигнуть. Барабанщик ходил медленной поступью, согнувшись и словно чего-то ища или куда-то целясь. Он бабахал сравнительно редко, выбирая какую-то ему одному ведомую точку ритмической опоры в беспрерывном дудении своего товарища. Из толпы начали выделяться танцоры-специалисты. Они сперва ходили простым шагом, держась за руки и словно предаваясь размышлению о будущей пляске. Потом колени их начали подергиваться. Музыка исполняла однообразный, но неповторимый звуковой узор, назойливый, как слепень, кружящийся все время вокруг одной ноты, пересыпанный полутонами и увеличенными секундами, которые передавали всему звучанию «туретчину», заунывное эхо азиатских пустынь.

Удары в барабан участились, танцоры определенно налаживались к предстоящему ухарскому выплясыванию, и в тоскливом заывании мотива стал зарождаться крепкий подгоняющий тakt. Но что это был за такт? И слух, и зрение музыкантиши смущались перед непонятной ритмической тканью, словно и не поддающейся нотной записи, не то в семь, не то в девять восьмых, не то вперемешку с неуловимыми синкопами, которых невозможно было предвидеть. А ухо артистов предчувствовало все это непогрешимо, и все они вскидывали локтями и дергались верхней частью корпуса именно тогда, когда и барабанщик стрелял в свой тулумбас, из чего можно было вывести заключение, что удар в этот момент ожидался. Музыка делалась все более быстрой, все более пьянящей. Танцовщики заплели друг у друга за спинами руки и начали проворно ходить, как один, чуть приседая, чуть шаркая, то крадучись, то отшатываясь. Передний помахивал платком. Потом стали подпрыгивать. Проделываемые ко-

ленца, а также и гудьба, становились все сложнее и перепутаннее, хотя отплясывались безукоризненно фронтально, а танцующая походка не переставала быть гордой и лихой.

Когда сделалось слишком трудно двигаться сцепленной вереницей, плясуны расплели руки и продолжали порознь, не отделяясь, однако, друг от друга. Вдруг передний, сделав из ног две пружины, высоко взлетел, изобразил в воздухе полный круг, обведя смеющимся лицом горизонт, и вернулся наземь, на одну подогнутую ногу. Проделав этот пассаж и не потеряв равновесия, он долго еще покачивался на этой одной, все так же спружиненной ноге, вправо, влево, рисуя кончиком другой ноги воздушную дугу. Мать чуть не зааплодировала: она подумала, что ведущим выбирают особого со-листа, искусника. Но вот, то же самое проделал и второй, и третий, и четвертый — и, впадая постепенно в экстаз, под вихревое вытье мелодии и под посыпавшиеся залпы барабана, все плясальщики стали взлетать в воздух, кружиться и возвращаться, взлетать, кружиться и возвращаться, все бешенее, но всегда попадая в такт с предельной точностью, невероятно для глаза и в непостижимом нагнетании. Долго продолжалось это спиральное неистовство, и закончилось оно протяжной нотой, похожей на гримасу.

«Негров они напоминают, что ли?», — думалось матери. Она еще не знала, что в некоторых словах поющих там песен слышна иногда языческая старина: там поют, скажем, про то, как отсылали дедку в горы, чтобы его съели медведи, а дедка взял да вернулся к общему неудовольствию назад, с полной сумой медвежатины.

[...] Переписка родителей окончательно наладилась, и я теперь читаю их письма из тех далеких лет. Мать писала в 1920-м году: «Среди сербов я встречаю так много ласки! Поверь — это моя вторая родина, она скоро станет и твоей. Никаких лагерей здесь нет. Здесь мы полноправные граждане страны. Встретили нас так радушно, как только могли. А сколько интересного, сколько экзотики вокруг! Мне понадобится много дней, чтобы все тебе рассказать...» Отец в ответах касался почти исключительно своих хлопот о переезде, финансов, нездач, случающихся с русскими в Турции, и своей тоски по жене.

Не могу понять: они оба, по-видимому, были лишены чего-то самого естественного для их положения — печали из-за потери родины, страха перед будущим. Быть может, это происходило от того, что уж в слишком мрачных красках представлялись им последние годы, проведенные в России? Быть может, — от того, что они там еще и не

начинали жить настоящей семейной жизнью, а только лишь готовились, переживая тем временем порядочные мытарства и терзания? Или любили они друг друга крепче, чем родину, чем все оставленное в ней? Не думаю, что они опасались почтовой цензуры и поэтому мало писали о политических настроениях; и в дневнике матери нет намеков на них. Они писали лишь о своей взаимной любви и о непоколебимой готовности либо жить, либо погибать вместе.

Первого мая снова сидела моя мать со своим знакомым в ресторане, на этот раз уже с Ксенией. Приятель сказал им, что сегодня праздник, и можно посидеть и покушать торжественнее обыкновенного.

— То есть как праздник? — всполошились дамы. — Сегодня, насколько нам известно, коммунистический праздник, а не христианский. Вы что — коммунист?

Приятель засмеялся:

— Какой у нас коммунизм вообще может быть, Бог с вами! Какая-то партия существует, это да. Но поскольку коммунизм — это свобода, демократия, равенство, как утверждают, то он нам и не нужен. У нас все это уже имеется в достаточной мере.

— Мы, кажется, не от свободы и демократии ушли, — заметила мать.

— У вас там... не знаю что. Путаница поступков, путаница терминов.

— Послушайте, об этом нам спорить не хочется. Пусть это будет только терминологическим вопросом. Однако, скажите, ради Бога, сюда не придет то, что в России называли термином коммунизма или большевизма?

— Сюда, в трактир, скоро, наверное, придет. Он как раз просил меня, наконец, познакомить с вами. Мы уже говорились, потому-то я вас и привел. За другие приходы не могу ручаться.

— Что за черт, — проворчала Ксения. — Кто там еще придет?

— Шутки в сторону, я вам скажу лишь одно. Вы и мы — не то же самое. Вы там были слишком не от мира сего, не заботились о практическом, а все только об идее, и идея задушила вас. У нас же пока мало философствовали. Когда я был маленьkim, нас всегда садилось за стол четырнадцать человек: шесть членов семьи и восемь человек прислуги. Отец никогда не бил нас, потому что у него рука не поднималась, но кучер бил, и ему предоставляли делать это всегда, когда он считал нужным, так как знали, что он нас бьет для нашей же пользы. Один раз мой отец по-дружески пожаловался кучеру, что я

плохо учусь. Кучер на это сказал (отцу, не мне): а ты сядь да поучись из этих самых книжек, чтобы потом суметь ему помочь. Мальчишка не знает, как учиться, а ты ему не показываешь, оттого, что дела не разумеешь. Я, вон, моему парнишке давно уже растолковал все мое конюшенное и кучерское дело.

— У нас, действительно, были немного иные отцы и немного иные кучера, — чистосердечно заметила мать.

Затем случилось нечто театральное. С эффектным шумом, будто артисты в бумажных доспехах, изображающие победительское войско и встречаляемые толпой среди кулис, в ресторан вступили люди. Их вожаком был человек со взлохмаченной шевелюрой. За ним, шлейфом, шествовали субъекты, обнаруживавшие мимикой, голосами и телодвижениями, что они от чего-то в большом восторге. Они стали усаживаться, разваливаться, выразительно стучать по столам и подзывая прислужников. Оказалось, что это показной кумановский авангард спровоцировал свой праздник. Взлохмаченный глядел козырем. Осмотрев корчму, он заметил компанию, сверкнул глазами и, залихватски тряхнув прической, подчалил [...].

Это был известный тамошний социалист (или коммунист, не знаю точно), в то время член парламента. Он также оказался увлекательным знакомым для изнывавших в безделье и ожидании приятельниц, козером и позером, говорящим изысканно на пяти языках, слегка потешным рассказчиком в лицах, донжуаном и франтом. С его политическими взглядами наши эмигрантки вскоре освоились, так как это и в самом деле не было похоже на то, да и вообще ни на что. Знакомство оказалось тоже полезным: у так называемого социалиста были связи в новом Королевстве СХС¹⁷, и он горячо принял за двух белых беженок. Через несколько дней моя мать получила службу в Белграде, в гимназии, где ей предстояло преподавать пение сербским девочкам, на сербском языке, да еще в конце школьного года, в виду надвинувшихся родов тамошней преподавательницы.

Благодаря очень удачному стечению обстоятельств в Куманове — благодаря незатейливому прокурору, редко умному преподавателю словесности и забавному политику, — моя мать пошла по своему жизненному пути на чужбине без той занозы, которая крепко засела во многих беженских сердцах. Она подружилась с первыми знакомыми за рубежом так, как можно подружиться на даче с симпатичным соседом, с крестьянином, с продавцом: наблюдалось, отбрасывая пока все сравнения или оставляя их про себя. А кроме того — Восток не был ей чужд. Рожденная в Крыму, она

особенно и не любила промозглого Петербурга, в котором потом жила, с его тонкими насмешками, баронами и туманами [...].

Под конец своего пребывания в Куманове она сделалась совсем la reine de Coumanovo*, как называл ее социалист. Ей слышались первые понятные слова на новом языке: «Слатка жена, лепа жена»**. Социалист и преподаватель совещались о том, который из них на которой женится, в случае, если придется спасать их от каких-нибудь больших политических неприятностей. Даром что оба были женаты и обе были замужние.

В Белграде мать чуть ли не сразу добралась до товарища министра иностранных дел, в связи с вызволением мужа из Константинополя. Она ходатайствовала о том, чтобы была «положена резолюция», — как она выразилась в письме, — о его вызове и о назначении на службу в министерство строительства. К лету ее предприимчивость увенчалась, наконец, успехом. Отец прибыл в Белград и, не найдя еще никого и ничего, в первые полчаса своего пребывания, идя с баулом по улице, он встретился с моей матерью в самой середине центрального перекрестка. Это произошло 10-го июля 1920-го года, после четырех с половиной месяцев томительной разлуки. Они бросились друг другу в объятия, начали утират пальцами глаза, не обращая внимания на то, что из-за их поцелуев приостановилось уличное движение.

Несмотря на всякие думы и толки в русской колонии, молодая чета твердо постановила осесть в Белграде. Они вынесли заключение, что если им и придется тяжко, из-за мещанства, скуки и мелких дрязг, то все-таки будет не хуже, чем в парижскихочных кафештанах, где бы мать, наверное, поступила тапершей, или в Берлине, где отец, предположим, сделался бы шофером такси. Многих беженцев тянуло куда-то дальше. Некоторые уезжали в Египет, некоторые в Америку. Многие из рисковавших выиграли. У моих родителей не хватало ни желания передвигаться, ни энергии, ни денег. Здесь их не деклассировали, а это для них было главным. И тот, и другой после некоторого времени продолжали работать по своему призванию, в чинах, которые соответствовали их начальным службам в России.

Там оставался Петербург, царственный город с гранитными берегами, с концертами в Павловске, с поездками на Острова. А здесь

* La reine de Coumanovo (*франц.*) — королева Куманово.

** Слатка жена, лепа жена (*сербск.*) — милая женщина, красивая женщина.

был Белград. Правда, и тут существовала главная улица. По ней постукивал и звонил коренастый трамвайчик, с остановками почти что на каждом углу. Говорили, что остановки размещаются близ домов власть имущих лиц, и коль скоро лицо сменят, остановка будет упразднена. По сторонам росли платаны, образуя тень над всей мостовой. Прохожие укрывались от полдневного жара под полосатыми, похожими на пижамы, тентами, которые были почти у каждого магазина выдвинуты на металлических прутах. Были тут выгнутые фонарные столбы, близко друг к другу поставленные посередине улицы, а кое-где выступали из фасадов электрические фонари на кованых крючках. Были и немощеные поперечные улички, уходящие в глухую зелень; были одноэтажные дома с выпирающими через полтурата входными ступеньками, деревянные вывески и тысячи грачей на каштанах и тополях.

Повсюду можно было видеть пивные и шашлычные заведения, разные лавочки, духаны и шинки, иногда просто с углублениями без стекол, вместо витрины, где действовала жаровня, или же сидел сам хозяин рядом со своими товарами, скрестив ноги и держа чубук в зубах. А чего только не было по длинным окраинам, не тронутым еще надвинувшейся вплотную Европой! В мастерских, не лишенных уюта, ремесленники делали свое дело, ругаясь или подпевая товарищу: шили обувь, взбивали пух, чеканили ковшики и браслетки, сшивали туалупы и седла. Отец видел однажды, как закройщик гладил какие-то полотнища ногой, надевая на ступни один за другим разогреваемые плоские утюжки и езя по материалу, как по паркету. Тут же вили веерки, пекли слоеный и сальный «бурек»* с проверченным мясом, продавали ярмарочные кренделя или сусяльные тянучки — бело-красные маленькие спирали, напоминавшие условную приманку над старыми цирюльнями. Перед булочными стояли прилавки с пылящимися хлебами, фруктовые тары, растопочные лучины, связанные проволокой в колесо, валялись веники. Посреди улицы продавали семечки и бузу, выкрикивали названия товаров. Кое-кто спал на траве.

Надписи на вывесках, или же просто на штукатурке, нередко бывали выведены неумело, так сказать, от руки. Для безграмотных многое пояснялось натурально: над одним магазином была выставлена на шесте позеленевшая шляпа, над другим висели кнуты или болтался клок шерсти — в знак, что здесь находится прядильня, а приходилось видеть над дверью даже приделанную бычачью голову,

* Бурек (*сербск.*) — слоеный пирог (национальное кушанье сербов).

настоящую, по-видимому, набальзамированную. Кофейни и кабаки назывались своеобразно: «Три мужика», «Три шляпы», «Два оленя», «Семь извозчиков», «Два пня». При кофейнях имелись прохладные садики, в которых остроусые белградцы просиживали часами, споря о политике, кушая крепко и жирно, под расхлябанную музыку пары цыган. Несмотря на все сказанное, одна из главных улиц называлась «Князя Милоша Великого», и тогдашний престарелый король был удостоен титула Петра Великого, Освободителя. Сербский Петр не отставал от русского Петра, рубившего окно. Он ведь тоже прорубал своего рода югославское окно.

У большинства частных домиков были глубокие задние сады, полные левкоев, желтофиоли, сирени, гиацинтов и сорных трав, с колодцами или насосиками. За частными домами опять шли ряды мелочных лавок и лабазов. Перед пекарней восседал стотридцатикилограммовый пекарь, с орденом св. Савы¹⁸ на грязном фартуке. А перед складом старьевщика сидели за столом хозяин и покупатель, в виду имеющего скоро состояться сговора, играли в домино, пока проходивший мимо старик кричал отчаянным голосом, что ставит клепки. Через поломанный забор родители видели однажды, как важный человек в феске сидит под раскидистым деревом, а женщина, очевидно, жена, моет ему ноги в огромном тазу.

На белградских базарах царили сутолока и нечистота, разбросаны были овощи, вышкварки и мусор. Уныло стояли волы, вкось привязанные к своим дышлам. Продавцы заманивали покупателей веселыми прибаутками и присловиями («Вали, приваливай, крещенный народ, такого перца в Нью-Йорке не найдешь!»); ссорились из-за подмеченного плутовства или зажуленных магарычей, развлекались фантастической руганью, иногда с такими затеями и отделками, которых не может себе представить недостаточно просвещенный человек. Огурцы и картошку отмеривали на безменах, чеснок продавали внушительными связками, а кочаны капусты и арбузы бывали иногда навалены в уровень крыш. Тут же прогуливались цыганки с детскими игрушками: одна показывала, как на тонкой резинке скакет бумажный комок, набитый опилками, а другая размахивала вертушкой перед носами прохожих. Крестьянки расхваливали простоквашу, брынзу и цветы.

Занята была картина, когда молодой регент Александр, носатый и в пенсне, прогуливался по городу. Он ездил в коляске, украшенной гирляндами, а перед его лошадьми перебегали дорогу собаки и мальчишки, тогда как любопытные парни постарше, желавшие

рассмотреть регента, влезали на ветки деревьев, мимо которых он проезжал. Поскольку поездка совершилась по собственным делам, а не для публики, Александр катался на автомобиле, похожем не то на полевую кухню, не то на паровоз Стефенсона, с исполнинским грушевообразным рожком вне кузова.

После обеда на утоптанных загородных полянках или на тех же базарных площадях, все еще покрытых шелухой и воловьим пометом, устраивали народные увеселения. Хоровод семенил и подпрыгивал, выколачивая из почвы пыль. Однажды играл на гармони хлопец в одних штанах, без рубахи, но зато вокруг его шеи был безукоризненно завязан пунцовый галстук. Галстук зацеплялся за волохатую грудь, и в перерывах игры владелец поправлял его элегантным движением, достойным английского лорда. В хороводе рядом танцевали мужики в меховых шапках, солдаты, слуги и бояки.

Скромные сербские дома, которые начала посещать моя чета, в большинстве случаев отличались щемящей чистотой, а убранство комнат было у всех трафаретное. В помещениях, выбеленных просто, в лучшем случае — с чертой, проведенной под потолком, стояла более чем обыкновенная мебель. Так рисуют обстановку, когда хотят абстрагировать ее до самого голого понятия. На квадратных столах, иногда даже и на стульях, напоминающих прямоугольники из учебных книжек, над кухонными плитами и рукомойниками, и вообще везде, где глаз хозяйки требовал восполнения пустоты (*horgog vacui*), красовались безукоризненно вынутюженные домашние рукоделия: букет синих роз, или девушка, протягивающая безбрывым мужчинам ковш с водой, которая уже льется; или же радостная кухарка размешивает еду на печи. У супругов бывали обязательные двуспальные кровати, часто с одной длинной поперечной подушкой-колбасой (символ брачной сплоченности) и с массой других подушек, лохматых, рытых, шелковых или кружевных. Над кроватями висели выцветшие фотографии со свадьбы, икона святого — покровителя мужиной семьи, иногда кустарно раскрашенный вид Белграда, Ниша или Врнячка-Бани¹⁹, маркиз с маркизой, ужасающие турки... На бельевых шкафах и на поставцах стояли маринады, приготовленные в запас варенья, или же просто сырье яблоки и айва, чтобы в комнате пахло повкуснее. Хозяйка расставляла графины и рюмки в наивной симметрии на каком-нибудь комоде, тогда как уголок мужа бывал представлен старинным ружьем, эпическим пистолетом или двумя скрещенными кинжалами.

Стоило переехать через Саву на косотрубом пароходике, в городишко Земун, начавший теперь играть роль белградского предместья, и путешественник попадал в иное царство. Тут были длиннющие улицы, как проселочные дороги, неприглядные и вымершие, с однотонной повторностью наглухо запертых домов бледно-земляничного или бледно-резедового цвета. Посреди улиц шагали стаи гусей, а проходили и местные жительницы в платьях среднеевропейского покроя конца прошлого века. На дымовых трубах гнездились аисты, которых никогда не видели в Белграде. Аисты принадлежали, так сказать, к австро-венгерским традициям. Мужчины с котелками на головах выпивали, но не ругались, и чинно ходили в католическую церковь. Здесь продавали пирожные, несравненно лучше белградских: из-за одних пирожных белградцы предпринимали странствия в Земун.

Вначале не было интересных знакомств, и мои родители, в особенности мать, с нетерпением ожидали переведения по службе прокурора с женой и приезда умного преподавателя. В их невзрачной меблированной комнатке стояло два старых стула; спинки были так черны, словно их воронили. Хозяйкой жилища оказалась старая дева, лежавшая до полудня на кушетке и жевавшая халву. У новых жильцов ее раздражало и возмущало незнание языка.

«Я же говорю тебе толково, — кричала она на мою мать. — На таван^{*} иди, на таван, только захвати с собой катанац^{**}, и там развешивай твой веш^{***!}»

«Ю, дьявола^{****!} Таван!» — горланила она еще громче, считая, что лишь глухотой возможно объяснить невосприятие сербских слов.

Один раз кто-то залез через световое окошко на злосчастный таван, то есть на чердак, и украл каким-то образом отцовскую бурку, которую отец приобрел еще в Новороссийске. Я была уже совершеннолетней, а он все еще горевал по своей бурке.

Отец не сразу устроился в Белграде. Его послали в городок Голубац²⁰, туда, где начинается знаменитое ущелье Дуная, в котором ныне возведена гигантская гидроэлектрическая станция²¹. В те далекие времена они там вместе с другими инженерами и рабочими нивелировали почву и трассировали дорогу по высокому берегу.

* Таван (*сербск.*) — чердак.

** Катанац (*сербск.*) — висячий замок.

*** Веш (*сербск.*) — белье.

**** Ђаво (*сербск.*) — дьявол, черт. Здесь: «Ju, ђавола!» — «У, черт!».

Прибыв в Голубац, отец написал матери: «Прибыли-с в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов. Пока остановился в отеле, шикарнейшее заведение в городе-селе. Плачу шесть динар в день за мышеловку с кроватью и вешалкой (очевидно, чтобы было на чем повеситься с тоски). Больше нет ничего, даже стула нет, да его и негде было бы поставить. Щель под дверью такая, что можно выйти из комнаты, не открывая двери».

А мать писала в ответ: «[...] Подумай, я тут начала давать уроки французского, чтобы улучшить карманные дела».

Следует письмо отца: «Вечерами сидим в небольшом парке на берегу Дуная, виды красивые. Но лучше всего на работах — это ежедневный пикник у подошвы диких скал, просто ряд декораций к “Гибели богов”²². Я не очень доволен ходом работ и, главное, системой работ: бестолково, безграмотно — даже русские иногда работают лучше, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и я со своими предложениями не лезу. Зато рабочие здесь золото, они проникнуты сознанием пользы этого дела. Да и есть чем проникаться, ибо между городком Голубац и “Брынницей” и Доброй, куда мы изыскиваем путь, нет, можно сказать, даже пешего сообщения, а только по Дунаю ладьей, да и то не всегда, так как в теснине весьма часты сильные ветры... Недавно мне один рабочий принес с гор цветущую сирень, поразительно душистую. Когда я высказал удивление и сказал, что у нас в России сирень цветет в апреле и мае, он мне объяснил, что здесь происходит то же самое, но что это случайные осенние цветы, которые перед зимней смертью еще раз дают немного цвета и сильно пахнут. Не правда ли, как поэтично? В горах иногда встречаешь каких-то черномазых девушек, прыгающих по опасным камням с невероятной ловкостью и приветствующих нас на странном языке. Оказывается — это валашки (румынки), живущие здесь между сербами...».

Пока стояла приятная осень, они списывались о том, чтобы мать приехала к отцу в гости в Голубац.

«Тяжело, “врло тешко”*. Необходимо утром идти восемь километров на работу, а вечером возвращаться столько же. Дорога в горах вдоль Дуная такова, что вертикально мы ходим три версты, а ползя на правом боку туда, или на левом обратно, пять верст по склону. Посмотреть есть тут на что, и тебе, конечно, доставило бы удовольствие взглянуть на вход в Дунайскую теснину, но, я пола-

* Врло тешко (*сербск.*) — очень тяжело.

гаю, что ты не пролезешь по этой тропинке, ибо даже здешние уроженцы недобritoльно отзываются о данной стезе. Если все-таки хочешь полюбоваться красотой, приезжай на следующих незыблемых условиях. Выезд из Белграда в семь часов вечера, билет первого класса стоит 27.50 динар. Необходимо высаться на пароходе, так что сейчас же по отходе его нужно у контролера купить за пять динар спальное место. В пять утра ты приезжаешь в Голубац, и я тебя не встречаю. Не обижайся, родная, но я устаю, как собака, и выйти в половине пятого перед целым днем работы нет никакой возможности. Ты на пристани спроси, как пройти в Голубац на “трг”^{*} — это версты две. На “трге” есть кафана, против дома со статуей селяка^{**} с косой на крыше. В этой кафане ты спросишь про инженеров, “кои” промеряют путь. Ты пойдешь с нами по непроходимой, но очень красивой тропинке, просидишь весь день около работ, закусишь с нами и попьешь воды из “чесмы”^{***}, а в шесть вечера вернешься с нами в Голубац. Придется просить какого-нибудь селяка дать тебе переночевать... Ботинки надо взять для острых камней и платье для ползания на боку. Приезжать необходимо только в абсолютно хорошую погоду и не после дождя. Пролезть к теснине во время и после дождя совершенно нельзя, тропа ведет на 20–50 саженей над водой, по крутым каменному склону, да еще высечена в скале. Кроме этого пути, действительно редкого по красоте, здесь ничего больше нет. Бинокля брать не надо, а лорнет можно. Возьми и простыню для твоего спанья. Кажется, все разжевал. Целую тебя, и молись, чтобы погода была все время хорошая».

Потом отца зачем-то послали в Шабац, и он оттуда писал в январе 1921-го года: «[...] Размах работ здесь куриный, дело продвигается со скоростью одной минуты в час... Сплю совершенно пи, и заедают (тут очень мелкими буквами написано) клопы».

Воспитанник Куропаткина²³ не считал приличным ставить слова «голый» и «клоп» в письме к собственной жене.

А мать ему в ответ: «Я купила новые матрасы, хозяйкины полны клопов (“клопы” — обыкновенным шрифтом) и приобрела примус. Вот мещанство-то начала разводить».

На первой инженерной службе в Белграде у отца бывали нелады

* Трг (*сербск.*) — площадь.

** Сельак (*сербск.*) — крестьянин.

*** Чесма (*сербск.*) — источник, ключ, родник; колонка (водопроводная).

с начальством. Платили неаккуратно, подчас шиканировали*, выказывали недоверие к его познаниям, приобретенным Бог весть где, в каких-то там неизвестных школах. Мать начала давать уроки музыки по домам. В одной семье, где девицы играли на рояле жеманно, с прицелом на венец, пропало однажды пятнадцатидинарное ожерелье из бляшек. Мать была спрошена — не положила ли она его себе в сумку? На другой день туда явился отец, и на прытком сербском языке, которому он к этому случаю накануне особо подучился, накричал замечательно. Мать перестала ходить туда.

Однако они сравнительно очень скоро поправили и свои общественные позиции, и свои денежные дела. Летом 1921-го года мой отец даже послал мать, как туристку, одну в Словению. Так началось наше семейное обожание этой страны. Я считаю это первое путешествие самым отважным, самым передовым шагом всей их эмигрантской жизни. Откуда взялась такая бойкость, когда еще никто из югославов ни в какие летние странствия не пускался, когда соединившиеся в одном Королевстве народы и не знали толком своих новых соотечественников и их краев! [...].

В тот год она была знакома с Королевством СХС, вероятно, лучше, чем кто-либо из старых белградцев.

Когда прокурор перебрался в Белград, стали часто бывать друг у друга в гостях. Его жену моя мать начала учить мелким женским хитростям. А именно, несчастная жаловалась матери, доверчиво и с удивительными подробностями, что муж слишком уж редко стал ее ласкать. Моя мать заставила ее попробовать учиться пению, шить пестрые платья, а не только серые, менять прическу. Озарившаяся жена начала было входить во вкус, но муж, по-видимому, пригаркнул, или даже прибил, хотя она об этом и не распространялась. Платья вскоре опять пошли исключительно серые, на затылке воцарилась скромная дулька, и всякое пение прекратилось. Затем прокурор чем-то заболел и слег, попал даже в больницу. Его жена простоявала под окнами больничной палаты с шести утра до десяти вечера, словно преданная собака, без всякой пользы и нужды.

Родители немало удивились, когда вместе с поклонником-преподавателем, приехавшим в Белград, пришел к ним в гости и холлатый социалист. Оба стали приводить своих жен (о которых так было мало речи в Куманово, про которых мужья попросту забывали), так

* Автор употребила сербизм: шиканирати (*сербск.*) — придиরаться, причинять неприятности.

что теперь сидели в шестером, едва помещаясь в убогой комнатушке. Двое сидело на вороненых стульях, четверо на кровати. Впрочем, родители их почти и не считали за гостей. Потребности в смысле трапезы и комфорта были в силу обстоятельств очень сокращены, но беседы шли оживленные. В них участвовали, конечно, только мои родители и сербские мужчины. Сербские жены, во-первых, не знали французского языка — хотя к тому времени отец с матерью уже начинали говорить по-сербски, — во-вторых, считалось не принятым, чтобы женщины вмешивались в дело не своего ума. Они лишь изредка обменивались тихими советами о способах соления капусты или о синьке для белья.

Преподаватель задирал социалиста и наводил его на рассказы (а тот был охотником порисоваться и покуражиться) о том, чем, в сущности, опровергалась потребность политики страны и, тем самым, опровергалось его собственное мировоззрение. Лишь много позже родители поняли, что этот социалист был политическим фигляром, он занимался только математикой и переводами с иностранных языков. Настоящие левые — карьеристы и истинные идеалисты — выревали тогда далеко от русских эмигрантов и вообще вдали от всех.

— Наш Милан бывал во дворце, — притворно расхваливал своего друга преподаватель. — Он был замечен самим королем. Расскажи-ка, очень интересно!

— Это когда я кричал под дворцом? — скромничал Милан.

— Бывал ты, мой милый, и под дворцом, и внутри дворца, и кушал там, и слушал там.

— Устраивали мы демонстрацию под королевскими окнами. Я шел впереди с красным флагом. — Рассказчик показал, как он нес флаг. Показывать пришлось с частыми поворотами от одной стены к другой. — Старый Петр смотрел с балкона. А я как крикну: «Долой монархию!» — Он заулыбался.

— Храбрость не велика, под Петром нам все было позволено кричать. Не очень велеречиво ты нас просвещаешь в левизне. Не забудь сказать, что он вам ответил с балкона.

— Конечно, скажу. Я только в принципе против монархии, а Петра я всегда уважал, иначе бы и не говорил о нем. Петр крикнул нам: «Браво, детушки, так и нужно! И я был таким же мечтателем в ваши годы». Тогда один из демонстрантов закричал ему в ответ: «Долой монархию! Да здравствует король Петр!»

— И уж как будто только Петр хорош, а всех остальных перевешать надо, — возразил преподаватель. — Разве Пашич не демократ?

— С Пашичем как-то подозрительно, воздержусь. — Социалист откинул волосы и стал пить чай из кастрюлочки: хозяева жили на барскую ногу, на всех не хватало чашек.

— Знаете, — молвил преподаватель, — Пашич прогуливался однажды с кем-то по улице, а какой-то хулиган, узнав его, рявкнул ему прямо в лицо: «Долой Пашича!» Он тогда обратился к своему спутнику: «Вы слышали, что он сказал? Ну, так знайте: я счастлив, я горжусь тем, что я привел свой народ к такой свободе, когда простой детина не боится крикнуть премьер-министру в лицо: “Долой!”»

— Я был очень левым еще в гимназии, — невозмутимо продолжал социалист свой рассказ после того, как обтер губы наодеколоненным платочком. — Я уже тогда публиковал статьи в республиканской газете («Выходила республиканская газета, заметьте», — подмигнул другой гость). Да, выходила, почему бы ей не выходить? Еще бы не хватало, чтоб ее запретили! Один раз десять лучших учеников нашей гимназии было приглашено во дворец на закуску и на разговор. Уж как-то так случилось, что и я попал в их число. Там нас ожидали богатые яства (другой гость: «У президентов республик никогда не бывает яств, имейте это в виду; там всегда аскетически скромно»). Ели мы больше часа, а Петр все ходил, да любовался, да потчевал.

Потом он разговаривал с каждым по отдельности. «А вас как зовут?» — спросил он меня.

— Милан М., ваше величество.

— А, знаю, это вы писали в левой газете! Вы, кажется, социалист по своим убеждениям!

— Да.

— Социализм — хорошее дело. Это дело будущего. Наша задача — сократить то время, которое отделяет нас от него. Вы что, марксист?

— Да, ваше величество.

— Противник монархического строя?

— Так точно, ваше величество.

— Вы мне нравитесь. Если вас посадят под арест, попросите дождаться мне, я как-нибудь постараюсь вас вызволить.

— Ваше величество! Я хочу пробиваться собственными силами через жизнь и через все ее препятствия. И если ваши честолюбцы и подлизы запрут меня, я не стану вас беспокоить.

— Ладно, ладно, я вам только на всякий случай говорю, может понадобиться и моя помощь.

Нет, господа, я Петра уважаю. Он потом обратился ко всем нам: «Дети, не забывайте, что за свободу этой страны пали бесчисленные жертвы. Такую дорогую свободу необходимо беречь. И если кому-нибудь вздумается посягнуть на нее — гибните, молодежь! Погибайте все до последнего! Пусть тысячи вас погибнут, — миллионы более счастливых придут за вами. А если же кто-нибудь только посмеет поднять руку на вашу свободу — отсеките ее немедленно, будь то вот даже эта моя, собственная рука».

— Я не понимаю ваших взглядов, — сказал отец. — Страной теперь будет править сын такого удивительного короля. Почему же вы в оппозиции?

— Он и сам не понимает, прости его Господи, — заметил другой гость.

— Дело не в Петре и не в его сыне. Дело в отжившей свой век идее монархизма. По нынешним временам культурному человеку стыдно быть монархистом, теперь не Средние века. Петр был хороший парень; его сын, кажется, хуже.

Моя мать с отцом долго думали — какое бы определение дать стране, где заподозривают в краже жестянной безделушки, где жены моют ноги мужьям, и где в то же самое время всем правительством, всем войском и всем народом уходят в эмиграцию, чтобы не сдаться врагу. Примитивизм ли это, сочетающийся с усиленной ксенофобией? Но ведь русских приняли сердечно, народ, видимо, участливый. Родители не сразу находили правильные формулировки, многое думали [...]. Гораздо позже моя мать заметила: «Необыкновенные эти сербы. Мелкие в мелком, великие в великом».

Потом, когда политические свободы начали в некоторых отношениях действительно притупляться, пышноволосый оратор стал приходить к ним все чаще, и сиживал все дольше. Он приносил им подарки — то новый стул, то блюдечки, то сербский словарь. Мои родители начали подозревать, что он просто скрывается от полиции в конуре у белых эмигрантов, где было для него вполне надежно. Рассказы и пересказы его были по-прежнему занятны, и в большинстве случаев — анекдотического характера.

— У меня есть товарищ, конхиолог, — начал однажды гость.

— Простите, кто ваш товарищ?

— Конхиолог.

— Родной, что такое конхиолог? — спросила мать у отца.

— Не знаю.

Гость важно затянулся из папиросы. — Это ученый, занимающийся ракушками. Но не в этом дело. Однажды он пошел в ресторан и получил там очень вкусное блюдо: из кишок. Он попросил рецепт, и хозяин ресторана любезно разъяснил ему способ изготовления. Мой товарищ купил кишки, вымыл их, приготовил, строго придерживаясь рецепта. Получилось невкусно. Тогда он снова пошел в ресторан, за объяснениями.

— Делали так и так?

— Делал.

— А потом так и так?

— Ну да.

— В чем же расхождение? Даже интересно. Мыли вы кишки?

— Еще бы, конечно, мыл.

— Хорошо мыли?

— Очень даже, почему вы спрашиваете?

— Теперь я понимаю. Вы их слишком промыли.

[...] Русских в Белграде было множество, но большинство находилось в ожидании, в передвижении и не бросало якоря [...] Ввиду непреодолимого страха перед будущим, в белградских русских кругах происходило большое количество бракосочетаний. Так и Ксения, потерявшая первого мужа, скоро вышла замуж за пожилого господина из русского посольства (посольство продолжало быть царским). Помимо многочисленных русских комитетов, собраний, заседаний, союзов, столовых, закусочных заведений и бань, беженцы, понятно, встречались и по частным домам, скрепляя новые дружбы. Ночной жизни в эти первые послевоенные годы в Белграде не было, и если кто-нибудь поздно вечером бежал по пустынной улице, подгиная подол или стуча палкой, это почти наверное была русская душа [...].

Однако время шло, и по Сербии стала понемногу распространяться русская культура, вносимая либо тем, что русские зарабатывали ею хлеб насущный, либо тем, что ею изливали свои таланты и восторги сердца [...].

Маленькая опера наполнилась русскими певцами, у которых позже гласно или негласно учились молодые сербские поколения. Лиза Попова²⁴ и Миша Каракаш²⁵, бывшие товарищи моей матери по консерватории, незабываемые Татьяна и Онегин (а они были любящей друг друга супружеской парой), положили начало хорошо развившемуся впоследствии оперному искусству. Кто из старых белградцев не слушал с обожанием Попову и Каракаша?! Начиналась и здесь оперная психопатия, ликование с верхних ярусов, выставление в очередях перед кассой, меценатство.

Александр и его полненькая жена в широких юбках, бывшая румынская принцесса Мариола, ныне Мария²⁶, полюбили ездить в оперу и очень благожелательно относились к русскому искусству. Один раз Александр пришел на «Русалку». Началось представление, и он разочарованно стал оборачиваться и перешептываться с адьюнтом. Оказалось, что он попал на «Русалку» Дворжака²⁷, а хотел послушать «Русалку» Даргомыжского, о которой читал перед этим.

Бывший русский ученик, Александр²⁸ явно симпатизировал и покровительствовал русской эмиграции. Этого эмигранты не забывали, слух о нем распространялся: и по прошествии многих десятков лет после его смерти, в странах, лежащих за тысячи верст, у семейств, которые никогда не бывали в Югославии, можно было видеть его фотографии на стене, среди портретов убиенных Романовых. При дворе у Александра некоторое время воспитывался его племянник со стороны сестры, принц Всеволод Романов²⁹, которого думали сделать престолонаследником, поскольку у правящей четы не будет мужского потомства. Преимуществом Всеволода считалось то, что помимо крови сербской династии Карагеоргиевичей и черногорской династии Петровичей в его жилах текла кровь императоров всея Руси. Его имя уже было переделано на сербский лад: королевич Свевлад. Кое-кто говорил потом, что были неясные мечты о переделке имени и титула на старинный и великий лад всероссийский, что из маленького Белграда посматривали на будущий московский трон. Но когда об этом толковали, нас не звали, мы не знаем об этом ничего достоверного, и к тому же, наверное, это известно и без нас, и лучше, чем нам [...].

Писатель Куприн был один раз гостем короля. Подвыпивши, он усился рядом с ним на диване, обнимая и похлопывая венценосца по плечу. Проспавшись в отеле, он стал от стыда и раскаяния рвать на себе волосы и тотчас же написал письмо секретарю Сербской Академии наук, прося секретаря передать королю его извинение*.

Секретарь Академии наук, будущий ее многолетний президент, Александр Белич³⁰ (тезка двух сербских королей, окрещенный так в честь первого из них³¹) принимал в своем радушном доме гастроли-

* Этот инцидент произошел в 1928 г. во время съезда русских писателей в Белграде. Но он не повлиял на отношение Александра Карагеоргиевича к Куприну — вплоть до смерти венценосец слал «коробки папирос Александру Ивановичу, похвалившему его любимый табак» (Куприна К. А. Куприн — мой отец. М., 1971. С. 164). Сам же писатель, по возвращении со съезда, опубликовал в эмигрантской печати серию очерков о Белграде и сербском народе.

ровавших, а также и постоянно живших в Белграде русских артистов, певцов, пианистов, художников и прочих. Они тут и спали, и ели, и пели, и играли, некоторые влюблялись в его дочерей, особенно в миловидную старшую. Конечно, дела эти делались, главным образом, уже позже, не в те самые ранние годы. Мережковский и Гиппиус сидели у него однажды всю ночь накануне Георгиева дня³² — своего рода национального праздника сербов. Под утро им объяснили, что, по сербскому обычаю, надо теперь ехать за город, встречать зарю, собирать цветы, плести венки, пить из родников. Они отправились на трамвай. Трамваи ходили в тот день с самого рассвета, разукрашенные ветками и пучками цветов. Усевшись, оба тотчас же заснули. Трамвай, совершивший круг через загородный парк, возвратил их в центр, и когда они очнулись, одежда их, петлицы и волосы были разубраны весенней зеленью. В другой раз у президента несколько дней прожили известные оперные певцы «на первых ролях». Они вошли во вкус и тут же, в гостиной, сымпровизировали чуть ли не половину оперы «Кармен», предназначив шкафам и портьерам изображать притон контрабандистов или севильскую площадь.

Два раза гастролировал Художественный театр³³, и мои родители побывали на всех представлениях. Перед их глазами прошли Книппер-Чехова³⁴ и Качалов³⁵, Масалитинов³⁶, Германова³⁷ и Скульская³⁸, Берсенев³⁹, Вера Греч⁴⁰ и Павлов⁴¹. Пронеслось неуловимое дыхание минувшей жизни, каким одно лишь искусство может порадовать человека, ничего не говоря прямыми словами, но утешая вконец. Качаловского Барона⁴² Белград не забыл, я слышала о нем живые отзывы даже после Второй мировой войны. У сербских театралов имелась в запасе та же пылкость, то же благодарственное отношение к художнику, щедрость на обожание, как некогда у петербургских. После гастроли Анны Павловой один белградский критик написал: «Это — артистка, из-за которой стоит жить на свете и из-за которой можно почитать за счастье быть славянином».

Драматический театр здесь тоже любили, но пьесы шли еще пока более или менее старинно-сентиментальные или отчизнолюбивые. В одной из них, где, между прочим, изображался сельский пир честной, режиссер велел поджаривать за кулисами жирную кожуру, чтобы запах донесся до публики. Это происходило как раз в тот сезон, когда меня произвели на свет. Но необходимо сразу же подчеркнуть, что литературный, музыкальный и всякий иной духовный рост продвигался в Сербии исключительно быстро. Об этом свидетельствовали последовавшие тридцатые годы. Многие из русских оставались

недоучками и любителями, в то время как сербы держали равнение на западноевропейский прогресс. Прошло немного лет после первой войны, а известный белградский музыкальный критик уже писал: «Настал крайний срок, чтобы русские эмигранты начали удовлетворять потребностям нашей культурной среды; хватит дилетантизма, хватит стихийных взлетов, ими нас больше не удивишь».

И моя мать внесла свой скромный вклад. В первый год их пребывания в Белграде, пока она еще преподавала в гимназии, перед тем как перевестись в музыкальное училище (пока и не зная сербского языка, но обязавшись выучить его в полгода), ее девочки пели на уроках русские песни. Чем же другим и могли они заниматься, не имея общего языка? Дети пели совершенно непонятное для них: «Во лузях» и заразительно хохотали, когда наталкивались на смешные для из слуха словосочетания. У молодой преподавательницы бывали иногда приступы такой тоски, такой нервной разинченности, что она начинала плакать тут же, посреди урока. Тогда встревоженные девочки выпархивали как облачко мотыльков из парт, бежали по направлению к кафедре и, нежно обнимая наставницу, принимались лепетать ей свои нечленораздельные утешения.

«Вы ведь подумайте, дорогая моя, — писала мать своей приятельнице, переехавшей из Петербурга в Гельсинфорс (письма почему-то не были посланы, или возвратились, теперь они у меня), — что приходится делать! Преподавать по-сербски!!! [...] Впрочем, язык довольно архаичный, иногда напоминает церковный, говорят: “Млеко”*, “Хладный”**, “Длан”***; ребенка окликают: “Сыне мой” — сына, равно как и дочку, так как дочка в семье — это почти что несчастье, и в ней стараются видеть мальчика. А знаете, как я преподавала музыку в гимназии? Без рояля. Такая получилась глупость [...].

Вообще мы сами себе сказали, что надо успокоиться. И это нам удастся, главным образом, благодаря наличию повседневной довольно тяжелой работы — умственной, да и физической. Я отчетливо чувствую на себе всю благость труда. Ну каково бы мне теперь было, если бы я не была пригодна ни к какому ремеслу, если бы целыми днями сидела да думала, шелуша картошку к обеду, и еще бы сознавала, что вишу на шее у мужа! Наша жизнь — жизнь квалифицированных рабочих. Живем в одной комнате, по утрам муж топит печь, чтобы согреть чай, да и нас самих, потом

* Млеко (*сербск.*) — молоко.

** Хладан, хладни (*сербск.*) — холодный, прохладный.

*** Длан (*сербск.*) — ладонь.

мы уходим на наши службы, вечером сходимся и опять растапливаем, читаем и заваливаемся спать в девять часов. И в такой жизни есть что-то удовлетворяющее. Раз уж выпало на нашу долю пережить ужасы войны и революции и быть политическими эмигрантами, то так все-таки лучше. Муж определенно отдыхает от военных кошмаров и предается своему делу, которое, в конце концов, очень любит: водопроводное ведь дело одинаково во всякой почве. А я... я должна сознаться, что впервые после четырнадцатого года вспомнила, что есть на свете и радости, и иные интересы, кроме политики и вопросов пропитания. Вспомнила я, что я еще совсем молодая и славненькая, здесь даже в красавицы попала. Взяла да и сшила три платья и лакированные туфельки купила...

Женщины тут, правда, красивые, но немного иконописные, с византийскими лицами. Рабы мужей. У меня есть сослуживица, очень милая сербская дама. Так она, несмотря на строгость и резкость директора, почти каждое утро опаздывает на уроки и все извиняется. Знаете, почему? Муж, видите ли, по утрам лежит в постели, и она должна каждое утро идти на базар за свежим мясом и подавать ему горячие котлетки в постель. Это его зарядка на день. А ее зарядка — сбегать на рынок, изжарить и, вдобавок, выслушать замечания директора... Времени здесь не умеют экономить: знать, много его [...].

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Куманово — город в северной Македонии. Впервые упоминается в турецких документах в 1519 г. Осенью 1912 г. близ него произошло одно из крупнейших сражений 1-й Балканской войны (Кумановская битва), в ходе которого 1-я сербская армия под командованием престолонаследника Александра Карагеоргиевича нанесла поражение туркам. В 1913 г. был присоединен к Сербии. В 1918–1929 гг. входил в состав Королевства СХС, в 1929–1941 — Королевства Югославии. Ныне — в Бывшей Югославской Республике Македония.
- 2 Южная (или Новая) Сербия — обобщенное название новых территорий, присоединенных к Королевству Сербии в результате Балканских войн (1912–1913): Вардарской Македонии, Косова и Метохии, части Рашики (Новипазарского санджака).
- 3 Вране — город в южной Сербии. Впервые в исторических источниках упоминается в 1093 г. В 1455–1878 гг. входил в состав Османской империи. По решению Берлинского конгресса (1878) Враньский округ, вместе с городом, был присоединен к Сербскому княжеству.

- 4 Карагеоргиевич Александр (1888–1934) — младший сын короля Петра I; престолонаследник Сербии (1909–1914), принц-регент Сербии (1914–1918), Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918–1921); король Королевства СХС (1921–1929) и Королевства Югославии (1929–1934). Погиб в Марселе в результате покушения.
- 5 Ниш — город в южной Сербии на реке Нишава. Основан в I в. римлянами под именем Наис. Место рождения Константина Великого. В 1878 г., после нескольких веков пребывания в составе Османской империи, по решению Берлинского конгресса присоединен к Сербскому княжеству.
- 6 Карагеоргиевич Петр (1844–1921) — старший сын князя Александра; король Сербии (1903–1918) и Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918–1921).
- 7 Пашич Никола (1845–1926) — виднейший государственный деятель независимой Сербии и Королевства сербов, хорватов и словенцев. В 1872 г. закончил Высшую политехническую школу в Цюрихе. Участник социалистического движения С. Марковича. Основатель и бессменный руководитель Сербской народной радикальной партии — крупнейшей национальной политической организации. В 1891–1926 гг. 22 раза занимал пост премьер-министра Сербии и Королевства СХС. Один из главных творцов «Первой Югославии».
- 8 А. К. Вронский — персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», в finale романа уезжает добровольцем в Сербию для участия в Сербо-турецкой войне (1876 г.). Прототипом Вронского явился полковник Н. Н. Раевский 3-й — внук легендарного бородинского героя, генерала от кавалерии Н. Н. Раевского 1-го.
- 9 Шабац — город в западной Сербии, на реке Сава. Центр области Мачва. В старых сербских летописях назывался Заслон.
- 10 Макензен Август фон (1849–1945) — германский генерал-фельдмаршал (1915). Командовал 9-й армией в ходе Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операций. В апреле–сентябре 1915 г. — командующий 11-й армией, совершившей Горлицкий прорыв. В октябре того же года возглавил германские, австро-венгерские и болгарские войска, сосредоточенные против Сербии. В результате проведенной операции к началу декабря вся территория Сербии была оккупирована.
- 11 Речь идет о Милоше Обреновиче (1780–1860) — князе Сербии в 1815–1839 и 1858–1860 гг. и основателе династии Обреновичей (княжеская: 1815–1842 и 1858–1882; королевская: 1882–1903).

- 12 Центральные силы (или Центральные державы) — военно-политический блок государств, противостоявших государствам Антанты в Первой мировой войне. Предшественником блока был Тройственный союз, образованный в 1879–1882 гг. в результате соглашений, заключенных между Германией, Австро-Венгрией и Италией. В начале Первой мировой войны Италия объявила о своем нейтралитете, а в апреле 1915 вышла из Тройственного союза и вступила в войну на стороне его противников. Османская империя и Болгария присоединились к Германии и Австро-Венгрии уже в ходе войны. Османская империя вступила в войну в октябре 1914 г., а Болгария — в октябре 1915 г.
- 13 Салоникский фронт — фронт боевых действий, возникший в октябре–ноябре 1915 г. под командованием генерала М. Сарайля. С июня 1918 г. Салоникский фронт возглавил французский генерал Л. Ф. Франше д'Эспере. Решительный перелом в положении на фронте наступил в сентябре 1918 г. Болгарские войска и 11-я германская армия были разбиты, и 29 сентября Болгария капитулировала. Начался разгром австро-германской коалиции.
- 14 Обренович Михаил (1823–1868) — князь Сербии (1839–1842; 1860–1868), сын Милоша Обреновича. Потерпев неудачу в борьбе с уставобранителями, в 1842 г. был вынужден покинуть Сербию. Но Свято-Андреевская скопщина, сместив Александра Карагеоргиевича, восстановила на престоле Милоша и Михаила как его наследника. 29 мая 1868 г. князь Михаил Обренович был убит сторонниками Карагеоргиевичей.
- 15 Кватроченто, также Кваттроченто (от итал. *Quattrocento* — четыреста; сокращенное от *mille quattrocento* — тысяча четыреста) — общепринятое обозначение эпохи итальянского искусства XV в., то есть раннего итальянского Возрождения, характеризующегося расцветом архитектуры, живописи и скульптуры. В этот период в Италии работала плеяда выдающихся мастеров, среди которых Бруннелески, Донателло, Боттичелли и др.
- 16 Чинквеченто, также Чинквиченто (от итал. *Cinquecento* — пятьсот; сокращенное от *mille cinquecento* — тысяча пятьсот) — итальянское название XVI века. Историками искусства и культуры используется для обозначения периода конца Высокого Возрождения и Позднего Возрождения. В это время работали величайшие мастера: Леонардо да Винчи, Микельанджело, Рафаэль Санти и Тициан, а также Веронезе и Тинторетто, чье творчество относится к заключительному этапу в истории итальянского Ренессанса.

- 17 Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) — официальное название государства, возникшего 1 декабря 1918 г. в результате объединения югославянских территорий Австро-Венгрии (Словения, Хорватия и Славония, Далмация, Босния и Герцеговина, Воеводина) с независимыми королевствами Сербией и Черногорией. Во главе Королевства СХС стояла сербская династия Карагеоргиевичей. В 1929 г. оно было переименовано в Королевство Югославия.
- 18 Орден святого Савы — государственная награда Сербии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства Югославии). Присуждался за заслуги в области культуры, образования, науки, государственной службы, богословия, а также за услуги, оказанные королю, государству и народу. Подразделялся на пять степеней (классов). Был учрежден королем Миланом Обреновичем 23 января 1883 г. в честь св. Савы Сербского (1169–1237) — первого архиепископа автокефальной Сербской Православной Церкви.
- 19 Врнячка Баня — город в юго-восточной Сербии; туристический центр и бальнеологический курорт (*сербск.* — бања). Расположен в долине реки Банска — правого притока Западной Моравы. Следы материальной культуры свидетельствуют о том, что местными минеральными источниками пользовались еще древние римляне. Один из источников — *Fons Romanus* — стал символом Врнячкой Бани.
- 20 Голубац — город в восточной Сербии. Известен по одноименной крепости, сохранившейся до сих пор. Крепость Голубац — средневековое венгерское крепостное сооружение, построенное в XIV в. на берегу Дуная — вблизи Железных ворот, между сербскими городами Голубац и Кладово. Самым драматичным периодом в истории крепости был XV в., когда венгерский король доверил управление ею сербским деспотам Лазаревичам и Бранковичам. В 1427 г. Голубац захватил султан Мурад II.
- 21 Имеется в виду Джердап I (Железные ворота I) — гидроэлектростанция на Дунае на границе Сербии и Румынии — в сужении Железные ворота, в 943 км от устья. ГЭС находится в совместной собственности Сербии и Румынии (каждой стороне принадлежит половина мощности и выработки станции). Джердап I — самая крупная ГЭС на Дунае и одна из мощнейших в Европе. Строилась в 1964–1972 гг. при активном техническом содействии СССР.
- 22 «Гибель богов» (или «Сумерки богов») — опера Рихарда Вагнера, завершающая тетralогию «Кольцо Нibelунга». Впервые опера поставлена в 1876 г.

- 23 Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — военный и государственный деятель; генерал от инфантерии (1901), генерал-адъютант (1902). С 1899 г. — военный министр России. С 1904 г. — командующий Маньчжурской армией, затем — главнокомандующий русскими войсками на Дальнем Востоке. Во время Первой мировой войны командовал 5-й армией Северного фронта. В 1917–1925 гг. проживал в своем имении в Псковской губернии. Отец автора воспоминаний, Г. Г. Грицкат, в детстве был очень дружен с сыном А. Н. Куропаткина и фактически воспитывался в его семье.
- 24 Попова Елизавета Ивановна (1889–?) — оперная певица.
- 25 Каракаш Михаил Иванович (1887–1937) — лирический баритон. В 1911–1918 гг. солист Мариинского театра; дебютировал в роли Онегина. В 1921 г. с женой, Е. И. Поповой, выехал за границу. Гастролировал в Италии, Испании, Франции. До начала 30-х гг. пел в Белграде и Русской опере в Париже.
- 26 Карагеоргиевич Мария (1900–1961) — дочь румынского короля Фердинанда Гогенцоллерна и королевы Марии. В 1922 г. вышла замуж за Александра Карагеоргиевича, которому родила трех сыновей — Петра (в 1934–1944 гг. король Петр II), Томислава и Андрея.
- 27 Дворжак Антонин Леопольд (1841–1904) — знаменитый чешский композитор; автор оперы «Русалка». В его сочинениях широко используются мотивы и элементы народной музыки Богемии и Моравии.
- 28 В 1899 г. княжич Александр Карагеоргиевич приехал в Санкт-Петербург и был зачислен в Императорское училище правоведения. Осенью 1905 г. он снова прибыл в Петербург и поступил в Пажеский корпус. В 1907 г. вернулся в Белград, где продолжил обучение по программе Корпуса, приезжая в Петербург только для сдачи экзаменов. «В 1910 г. королевич кончил полный курс Пажеского корпуса по его программе, но так как он заканчивал его не в стенах Корпуса, то не получил права носить Пажеский знак, установленный 12 декабря 1902 г. по случаю столетнего юбилея Корпуса» (*Епанчин Н. А. На службе трех императоров // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. 1. С. 483*).
- 29 Романов Все́волод Иоаннович (1914–1973) — князь, сын князя императорской крови Иоанна Константиновича и сербской королевны Елены Петровны — сестры Александра Карагеоргиевича.
- 30 Белич Александр (1876–1960) — сербский (югославский) ученый-филолог, академик (1906); ректор Белградского университета (1933–1934), президент Сербской Академии наук и искусств (1937–1960). Изучение филологии начал в Великой школе (Белград), продолжил

в Новороссийском (Одесса) и Московском университетах. По окончании обучения получил предложение работать на филологическом факультете МУ, но в 1899 г. вернулся в Белград, став доцентом Великой школы. С 1906 г. — профессор Белградского университета (образован в 1905 г. на базе Великой школы). В 1905 г. основал журнал «Сербский диалектологический сборник», выходивший под его редакцией более полувека. Создал знаменитую лингвистическую школу, в состав которой входила и И. Г. Грицкат-Радулович. Почетный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

- 31 То есть Александра Обреновича (1875–1903) — короля Сербии в 1888–1903 гг.
- 32 Ђурђевдан (*сербск.*) — день св. Георгия, праздник южных славян, сербов. Отмечается 23 апреля (6 мая). Многие сербы в этот день празднуют «славу». Празднование дня св. Георгия связано с началом весны.
- 33 В 1919 г. одна часть Московского Художественного Театра (так называемая «Качаловская группа»), находясь на гастролях, оказалась отрезанной армией А. И. Деникина, взявшей Харьков. После выступлений в Харькове, Одессе, Екатеринодаре, Тифлисе, Батуме Качаловская группа «Вишневым садом» открыла гастроли в Софии (20 октября 1920 г.). В январе 1921 г. выступления продолжились в Белграде, Загребе, Любляне, Праге. В 1922 г. часть группы вернулась в Россию. В 1922–1924 гг. МХТ находился на гастролях в Европе и Америке.
- 34 Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) — русская, советская актриса; народная артистка СССР (1937). Жена А. П. Чехова.
- 35 Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) — русский, советский театральный актер; народный артист СССР (1936), лауреат Сталинской премии 1-й степени (1943).
- 36 Масалитинов Николай Осипович (1880–1961) — русский и болгарский театральный деятель; актер, режиссер, педагог; народный артист НРБ (1948). В отличие от своих коллег, не вернулся в СССР после вынужденной эмиграции. С 1925 г. жил и работал в Болгарии. Умер в Софии.
- 37 Германова (Красовская-Калитинская) Мария Николаевна (1884–1940) — русская актриса. По окончании Школы МХТ принята в его труппу (1902–1919). С 1919 г. — в эмиграции; играла в театрах Праги, Парижа и др. После раскола «Качаловской группы» (1922, в связи с отъездом части ее членов на родину) возглавила «Пражскую группу» невозвращенцев.
- 38 Скульская Елизавета Феофановна (1887–1955) — русская, советская актриса; заслуженная артистка РСФСР (1948). С начала 1920-х гг. в

эмиграции, работала в «Пражской группе». В 1922 г. вернулась в СССР. Жена М. М. Тарханова.

- 39 Берсенев (Павлищев) Иван Николаевич — русский, советский актер, театральный режиссер; народный артист СССР (1948). В МХТ (МХАТ) с 1911 г.
- 40 Греч (Коккинаки) Вера Мильтиадовна (1893–1974) — русская актриса. С начала 1920-х гг. в эмиграции, работала в «Пражской группе» МХТ. После 1922 г., когда часть ее вернулась в СССР, продолжила гастроли вместе с оставшимися актерами. Жена Павлова. После гастролей в Париже 1928 г. В. М. Греч и П. А. Павлов берут на себя роль лидеров бывших «пражан». В начале 1930-х гг. они гастролируют в Испании, в середине 1930-х получают приглашение играть в Белграде. В 1943 г. возвращаются в Париж. Греч и Павлов славились не только как талантливые актеры, но и как преподаватели сценического искусства. Имели свою собственную студию в Кембридже, получили широкую известность своими спектаклями в разных театрах мира.
- 41 Павлов Поликарп Арсеньевич (1885–1974) — актер МХТ; с начала 1920-х гг. в Париже, в составе «Пражской труппы», с 1922 г. гастролировал с В. М. Греч.
- 42 Качаловский Барон — персонаж пьесы А. М. Горького «На дне» в исполнении В. И. Качалова.

*Shemyakin A. L., Silkin A. A.
“Down with Monarchy! Long live King Peter!”
(From the Notes by a Serbian Academician)*

In the publication there are fragments of memoirs by Academician of the Serbian Academy of Sciences I. G. Gritskat-Radulovic. She describes “meeting” of her parents, Russian emigrants, with Serbia which became their second Motherland.

Key words: *I. G. Gritskat-Radulovic, Serbia, Yugoslavia, Russian emigration.*

*А. Б. Едемский
(Москва)*

По следам секретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г.

Впервые на русском языке публикуется наиболее полный вариант записи переговоров советского и югославского руководства накануне повторной советской интервенции в Венгрии (4 ноября 1956 г.). Запись сделана послом ФНРЮ в СССР В. Мичуновичем. Показаны отличия от широко используемого в мировой историографии варианта, приведенного в его мемуарах.

Ключевые слова: *И. Броз Тито, Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков, советско-югославские отношения, венгерская революция, 1956 г., интервенция, социализм, коммунизм.*

Советско-югославская встреча в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г. продолжает оставаться одной из интригующих страниц истории полного событиями бурного 1956 года. Ситуация, когда Н. С. Хрущев и Г. М. Маленков доказывали лидерам Югославии необходимость интервенции в Венгрии, обсуждая причины создавшейся ситуации, стратегию и тактику дальнейших действий, была уникальной для отношений двух стран тех лет. Предыдущие два года Тито уклонялся от обсуждения положения в Венгрии, отделяясь при необходимости, как правило, всего лишь несколькими фразами. Так было во время официальной части переговоров советской и югославской делегаций в Белграде в конце мая 1955 г., когда Хрущев объявил И. Надя ставленнику Л. П. Берии¹, так было и во время визита Тито в СССР. 5 июня югославский лидер напомнил, что Ракоши был в числе первых критиков Белграда в конце 1940-х гг. Когда же Хрущев заметил, что «виноват не он, а Сталин», Тито не поддержал разговор. Точно так же и 18 июня, когда Хрущев, обсуждая нормализацию отношений Союза коммунистов Югославии (далее СКЮ) с остальными коммунистическими партиями советского лагеря, напомнил о формулировке Тито «давайте сотрем все, что было, и начнем дело сначала», югославский лидер, посетовав, что «мы и с другими странами хотим отбросить все старое, но они не хотят», привел пример Э. Ходжи. Относительно же Венгрии он двусмысленно заметил: «...я думаю, что дело у нас также пойдет хорошо»².

По мере нарастания кризиса в Венгрии обе стороны стали уделять его обсуждению больше времени. Вероятно, это произошло 18

июля 1956 г., когда Тито встретился с А. И. Микояном, который прилетел из Будапешта на Брионы после замены М. Ракоши на Э. Гере. Но и поныне отчеты (ни советский, ни югославский) об этом исследователям не известны. О содержании встречи имеются лишь отрывочные косвенные и противоречивые сведения³. Венгерская тема (прежде всего деятельность и судьба И. Надя) подверглась обсуждению и во время неофициального визита в Югославию в сентябре 1956 г. Хрущева. Она звучала преимущественно в форме осуждения Хрущевым действий югославских дипломатов в Венгрии (как и в Албании и Болгарии). Об этом имеются и советские, и югославские документы, позволяющие сопоставить существующие версии⁴.

Уже в самом начале мятежных событий практика обмена мнениями с югославским руководством лидеров стран советского блока стала рутинной. Идея направить югославам телеграмму возникла у Хрущева еще 29 октября. К этому времени Тито во время встреч с иностранными делегациями несколько раз давал характеристику положения в Венгрии (27 октября во время встречи с румынской делегацией во главе с Г. Дежем и 28 октября — с группой функционеров ВЛКСМ во главе с В. Е. Семичастным)⁵.

Через два дня, 31 октября 1956 г., во время заседания Президиума ЦК Хрущев в общих чертах изложил план предстоящих действий в Венгрии после создания временного революционного правительства. В этом контексте появилась идея «переговорить с Тито»⁶. В Белград была отправлена соответствующая телеграмма. В ней Хрущев сообщал о готовности прибыть на переговоры 1 ноября вечером или 2 ноября утром⁷. Хрущев и Маленков прибыли в Югославию несколько позже, после стремительного турне по ряду столиц социалистических стран. Вечером 2 ноября их самолет, вылетевший из Софии, приземлился на аэродроме возле города Пула. Консультации продолжались до утра 3 ноября. После этого советская делегация вернулась в Москву.

Впервые о прошедшей на Брионах ночной встрече стало известно 4 ноября из выступления Хрущева перед партийным активом Москвы⁸. 6 ноября собственную версию встречи изложил участник заседания Исполкома ЦК СКЮ в Любляне И. Броз Тито⁹. 5 ноября в Москве было принято решение о письме Хрущева лично к Тито, Карделю и Ранковичу¹⁰. Из его текста стало ясно, что обе стороны по-разному оценивают свои недавние ночные консультации¹¹.

Несмотря на разногласия, обстановка секретности была соблюдена и детали встречи, даже сам ее факт, не стали достоянием глас-

ности. Лишь в начале 1970-х гг. в оказавшемся на Западе варианте мемуаров Н. С. Хрущева появились некоторые подробности¹². К настоящему времени наиболее подробным образом эта встреча была отражена в книге югославского политика Велько Мичуновича о его службе посла ФНРЮ в СССР в 1956–1958 гг., изданной в Загребе в 1977 г.¹³, и в соответствующих переводах — в США, ряде стран Европы и Азии. Для широкого круга российских исследователей версия встречи на Брионах, изложенная в этой книге¹⁴, стала доступна после включения ее значительных фрагментов в перевод с венгерского языка в сборник документов «Советский Союз и венгерский кризис»¹⁵.

В мировой историографии наиболее полно данная встреча была описана в нескольких статьях Л. Я. Гибианского¹⁶. Работая над темой 1956 г., историк встретил в одном из документов бывшего ЦК СКЮ упоминание о существовании записи беседы советской и югославской делегаций на Брионах в ночь со 2 на 3 ноября, но найти ее текст не удалось. Однако уже тогда исследователю было ясно, что в мемуары Мичуновича «попало далеко не все, о чем говорилось»¹⁷.

В 2005 г. исследователи получили возможность познакомиться с этим документом благодаря любезной помощи Нады Пантелич, в то время директора Архива И. Броз Тито в Белграде, самоотверженно обрабатывавшей архив в годы блокады, бомбардировки НАТО и в последующем. Текст записи беседы (по всей вероятности, второй экземпляр, на котором автограф автора отсутствует) находился в соответствующем досье вместе с сопроводительным письмом Мичуновича Ранковичу¹⁸. В письме автор сообщал, что записал содержание переговоров утром 3 ноября после отъезда советских гостей. 6-го ноября, используя эти заметки, посол дополнил и напечатал данный текст. Автор неоднократно предупреждал, что он несовершенен, может иметь пропуски, и рассчитывал, что югославские участники встречи его дополнят, «чтобы запись была более верной». Посол также указывал, что «политические позиции и главные конкретные вещи, которые были сказаны с обеих сторон, записаны верно»¹⁹.

В письме Мичуновича нет указаний на причины составления записи. Представляется необходимым, чтобы исследователи в последующем обратили внимание на весьма вероятную зависимость между такими событиями, как переход И. Надя в посольство ФНРЮ в Будапеште и начатой в эти дни перепиской между Белградом и Москвой о его судьбе (а также письмом советского руководства от 5 ноября), выступлением Тито на заседании Исполкома ЦК СКЮ в

Любляне 6 ноября 1956 г., а также временем написания Мичуновичем текста записи переговоров (и документ, и сопроводительное письмо к нему датированы 6-м ноября 1956 г.).

Со времени обнаружения данного документа он был использован в ряде научных статей о югославско-советских отношениях в 1950-е гг.²⁰ Его подлинность не была оспорена. Вместе с тем встречаются суждения о том, что архивный текст записи Мичуновича не добавляет ничего нового для понимания событий осени 1956 г.²¹ Однако самый поверхностный взгляд на различия в обоих вариантах (мемуарном книжном и архивном) убеждает, что вариант в книге Мичуновича в 1977 г. появился в результате сокращения и редактирования публикуемого ниже текста от 6 ноября 1956 г. Помимо сокращений первоначальной записи, при подготовке мемуаров в тексте были заменены некоторые слова, изменен или даже дописан ряд фраз. Все эти отличия выделены в тексте курсивом, а в некоторых случаях в примечаниях дается искаженная, мемуарная версия.

Публикация данного документа важна, по нашему мнению, еще и потому, что в настоящее время появляются возможности сравнить стилизованные под дневниковые записи мемуары Мичуновича со ставшими доступными в архивах стран — республик бывшей Югославии его же документами как послы ФНРЮ в СССР. В скромом времени это позволит накопить соответствующий материал для обоснованного заключения, следует ли мировой исторической науке продолжать опираться на вышедшую в конце 1970-х гг. книгу или же необходимо начать пересмотр оценок, сделанных на ее основе. Помимо этого, найденный документ дает дополнительные основания для того, чтобы как можно быстрее (сохраняя бережное отношение к антисталинской направленности деятельности Хрущева при общем понимании, что она проводилась в значительной мере для получения им монопольной личной власти, спасения режима и его идеологии) продолжить соответствующую коррекцию оценок, закрепившихся в мировой историографии на основе его мемуаров, бескомпромиссно сличая их с доступной в наши дни документацией в зарубежных и частично российских архивах.

Текст опубликован в переводе с сербскохорватского языка по документу, обнаруженному в 2005 г. в коллекции «Архив Иосифа Броз Тито» (являвшейся составной частью Музея истории Югославии, но переданной осенью 2009 г. в Архив Югославии [г. Белград, Сербия]). Отличия от версии, опубликованной в мемуарах Мичуновича, даны курсивом. Пропуски в тексте, преимущественно смысловые, восполн-

нены при переводе (текст дан в квадратных скобках). Текст документа в примечаниях назван «архивной» версией встречи, в отличие от версии, называемой «мемуарной», или «книжной». Краткие биографические данные упоминаемых в документе политических деятелей приведены, главным образом, на основании примечаний к изданиям документов «Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.» (1998) и «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» (2004. Т. 1).

ЗАПИСЬ

переговоров товарищей Тито, А. Ранковича, Э. Карделя

с Н. С. Хрущевым и Г. М. Маленковым, в течение ночи

2/3 ноября 1956 г. [на Брионах]*. Присутствовал с югославской стороны и товарищ Велько Мичунович. Переговоры состоялись

по инициативе советских товарищней, которые особо

подчеркнули необходимость сохранения встречи в тайне.

Хрущев и Маленков прибыли около 7-ми часов вечера. Как только вошли в здание — сразу начали переговоры, которые продолжались без перерыва всю ночь с 7-15-ти 2-го ноября до 5 часов утра 3 ноября.

Хрущев сразу заявил, что они прибыли посоветоваться относительно ситуации в Венгрии, а точнее: оповестить нас о том, что они приготовились предпринять. Он говорит, что вчера, 1.XI, они в Бресте говорили с поляками²². От СССР были Хрущев, Молотов²³, Маленков, со стороны поляков — Гомулка²⁴, Циранкевич²⁵, Охаб²⁶. Молотов после этого вернулся в Москву, а Хрущев и Маленков побывали в Бухаресте, где говорили с Дежом²⁷ и [другими] румынами. Туда приезжали и руководители из ЧСР (Новотный²⁸). После этого Х[рушев] и М[аленков] были в Софии, где говорили с болгарами²⁹. Все визиты прошли тайно. Они провели консультации с китайцами — в Москве побывала делегация КП Китая³⁰ во главе с Лю Шаоци³¹. Китайцы, как и остальные, согласились в целом и по всем деталям. Собственную точку зрения имеют поляки, но и они согласны с тем, что венгерские события перерастают в контрреволюцию. Полякам известно, на что они (советские руководители. — A. E.) в СССР решились, и что иного выхода нет. Х[рушев] и М[аленков] желают проинформировать нас о решении СССР и услышать наше мнение.

Хрущев рассказывает о том, как события в Венгрии двинулись по контрреволюционному пути. Он начинает эмоционально, без

* В документе дописано от руки.

какого-либо анализа развития событий, и говорит, что коммунистов в Венгрии убивают, пытают и вешают. Он упоминает о призывае Надя Имре³² к ООН и к четырем [великим] державам и о выходе из Варшавского пакта. Суть дела заключается в реставрации капитализма в Венгрии. Является ли Надь орудием или он сам — старый агент империализма, сейчас не ясно. Существенно, что дела пошли таким образом и неминуемый итог — реставрация капитализма. «Как мы можем поступить? — спрашивает Хрущев, имея в виду под “мы” — СССР. — Если бы мы это допустили, то Запад сказал бы, что мы глупы или слабы — а это одно и то же. Мы это ни в коем случае не можем допустить ни как коммунисты-интернационалисты, ни как государство СССР. Капиталисты подойдут к границе Советского Союза». *Тито в этот момент спросил Хрущева, намереваются ли они применить советские войска в Венгрии, и немедленно высказал югославские опасения в использовании такого средства. Хотя мы и соглашаемся с тем, что Венгрия движется по опасному пути реакционной реставрации и следует что-то предпринять для укрепления коммунистических и социалистических сил, тем не менее мы считаем, что интервенция принесет большие вреда, чем пользы в самой Венгрии, очень скомпрометирует социализм.* Следует искать другие пути: опереться на рабочих, на рабочие советы, и опираясь на них, начать вооруженные действия³³. Хрущев отвечает, что они размышляют именно о вмешательстве, так как другого пути нет. Нельзя дожидаться выступления со стороны рабочего класса, а следует срочно действовать.

Хрущев говорит, что они «собрали достаточно сил» и решили остановить такое развитие событий в Венгрии. Для этого необходимы один-два дня. Он говорит, что сегодня, 2 XI., они говорили с Булганиным³⁴ по телефону и Б[улганин] сообщил им радостную новость: Мюнних³⁵ Ференц и Кадар³⁶ Янош смогли бежать из Будапешта и сейчас летят в Москву³⁷. Хрущев придает этому огромное значение. Он спрашивает у нас: знаем ли мы что-либо об Апро³⁸ Антале. Весьма важно, чтобы и он смог выбраться и спастись³⁹. Русские над этим работают, но к настоящему моменту известий о нем не имеют. *Он несколько раз упоминал и Доби⁴⁰ Иштвана, которого также надо вытащить из Будапешта.*

[Хрущев] снова переходит к рассуждениям об интервенции советской армии в Венгрии. Помимо уже сказанного по поводу того, что они не могут допустить реставрацию капитализма, он говорит еще и о том, что они не могут допустить это и вследствие развития

процессов в самом СССР. Там могут найтись люди и силы, которые следующим образом истолкуют происходящее: когда правил Сталин, все ему повиновались и подобных потрясений не было. Сейчас, после прихода к власти этих (здесь Хрущев называет грязным словом новых советских руководителей), ситуация докатилась до поражения и потери Венгрии. И при этом сегодняшние руководители осуждают Сталина. Хрущев говорит, что так может сказать прежде всего советская армия, и это обстоятельство подталкивает их к безусловной необходимости вмешаться в Венгрии⁴¹.

Х[рушев] говорит о том, что военные приготовления произведены надлежащим образом и удачно. Он упоминает маршала Жукова⁴², а также генерала армии Малинина⁴³, который будет руководителем военной операции в Венгрии. Х[рушев] добавляет, что в операциях могли бы принять участие и румынские силы, но русские не считают это необходимым⁴⁴. Х[рушев] говорит, что в Венгрии все будет ликвидировано в два дня, всякое сопротивление будет сломлено. *Он не говорит, когда это начнется, но они ведут себя так, что ясно: это произойдет очень быстро. Мы — последние, кого они об этом ставят в известность.* Х[рушев] признает неизбежность издережек на мировой арене⁴⁵, но добавляет, что агрессивное давление Англии и Франции на Египет является сейчас благоприятным моментом для новой интервенции советских войск. Это поможет русским. На Западе и в ООН будут сумятица и шум, но их будет меньше пока В[елико]британия, Ф[ранция] и Израиль ведут войну против Египта. «Они увязли там, а мы — в Венгрии», — говорит Хрущев.

Из высказываний Хрущева понятно, что в СССР все готово и новая интервенция в Венгрии будет проведена в самом ближайшем будущем. Очевидно и то, что русские намерены вмешаться широко и очень жестко, ибо они полностью изолированы от венгерского народа. Собственно, народ — против русских⁴⁶.

Хрущев упоминает о шахтерах в окрестностях Мишкольца⁴⁷. Эти рабочие сохранили лояльность, несмотря на то, что в Мишкольце у власти находится реакция. Чехи передали шахтерам немного оружия. Возможно, там получилось бы попробовать при помощи этих венгерских шахтеров, или в какой-то комбинации с ними, [организовать] некое политическое выступление против сегодняшнего правительства⁴⁸.

Хрущев снова говорит, что все готово для того, чтобы быстро сделать так, как он рассказал, и иного варианта нет. Это решение следует очень быстро и энергично провести в жизнь. При этом он

упоминает, что Венгрия дважды воевала против России в коалиции западных стран. Хрущев обращает внимание на антивенгерские настроения в советской армии, поскольку Венгрия сейчас снова будет вместе с Западом против русских.

После этого югославская делегация рассматривает советскую интервенцию как меньшее зло. Ее позиция отличается стремлением нанести как можно меньше ущерба как внутреннему прогрессивному социалистическому развитию в Венгрии, так и интересам международного социализма.

Тито говорит, что мы с исключительным вниманием следили за развитием событий в Венгрии. *Волнения и мятеж народа* последовали как взрыв недовольства политикой Ракоши⁴⁹, прошлыми ошибками и грехами. Их могло не быть, если бы заблаговременно были предприняты нужные шаги, позволяющие избежать такого развития событий и последствий, с которыми мы столкнулись. Наше отношение к первому правительству Надя после замены Гере⁵⁰ Кадаром было изложено в обращении-письме, направленном Тито венграм⁵¹. (Хрущев и Маленков говорят, что они согласны с содержанием письма Тито, и упоминают Декларацию Правительства СССР от 30 октября⁵², которая следует той же линии. Приняв ее, они в принципе поддержали Имре Надя.)

Тито говорит, что и мы замечаем поворот вправо, в контрреволюцию, и озабочены этим, ибо какое же это правительство (*он имеет в виду правительство Имре Надя*), если оно допускает расправы над коммунистами. Но если советское правительство считает интервенцию неизбежной, то он все же полагает, что не следовало бы опираться исключительно на советскую армию⁵³. Прольется кровь, венгерский народ будет бороться против советских войск, ибо венгерская коммунистическая партия в результате произошедших событий распалась и больше не существует.

*Тито*⁵⁴ считает, что в создавшейся ситуации следует провести и определенную политическую подготовку, стремясь к тому, чтобы спасти то, что еще может спастись. Он говорит [о необходимости] провозгласить нечто вроде революционного правительства, составленного из венгров. Оно бы обратилось к народу с некоей передовой программой. *Тито* подчеркивает: здесь важно, как все начать и как завершить.

У Хрущева как будто упала ноша с плеч. Он поднимает обе руки вверх и говорит: «Точно, точно!» Теперь понятно, что русские приехали именно с этим. Хрущев сразу же заявляет, что у них имеются

и кандидатуры: правительство составит Ференц Мюнних, бывший посол Венгрии в Москве (до восстания он был назначен послом в Белград). Назван и Кадар. Хрущев интересуется нашим мнением. Тито спрашивает: кто [такой] Мюнних. Ранкович напоминает ему о недавних встречах с ним. *После этого и товарищ Тито его вспомнил.* Югославские товарищи сразу говорят, что самый лучший вариант — если новое революционное правительство сформирует Янош Кадар, а не Мюнних. Они добавляют, что не знают достаточно [хорошо] ни того, ни другого. По их мнению, то, что Кадар при Ракоши, в отличие от Мюнниха, подвергался в тюрьме зверским преследованиям и истязаниям, а затем несколько лет провел на каторге, является решающим. Видно по всему, что русские — за Мюнниха, но не оспаривают наши доводы, соглашаясь с ними. *Хрущев спрашивает о возможном названии правительства. Тито отвечает, что оно могло бы называться революционное правительство рабочих и крестьян, или что-то вроде этого. Хрущев с легкостью соглашается.*

Тито говорит, что многое зависит от содержания программы нового правительства. Это же повторяют Кардель и Ранкович. Из замечаний югославов вытекает, что новому правительству следует остро и категорично осудить политику Ракоши и Гере, а также и то, что привело к происходящему сейчас, *и выдвинуть конкретную программу: демократизация, рабочие советы и т. д.*

Хрущев и Маленков не спорят и соглашаются, хотя заметно, что они с большей охотой готовы свалить все на сегодняшнюю контрреволюцию и Запад, чем говорить о виновниках в прошлом. Хрущев ругает Ракоши, потом — Гере, который сразу же после избрания его генеральным секретарем поехал отдыхать в Крым, а потом в Югославию. Он сообщает, что Ракоши выражал в Москве желание отправиться в Будапешт, с тем чтобы «помочь Жукову». Х[рущев] ему ответил, что он может поехать, *если готов к тому, что народ там его повесит.* Ракоши пытался позвонить в Будапешт, но советский телефонист отказался его соединять. Маленков говорит, что телефонист показал себя более политически зрелым, чем Ракоши. Этот идиот не понимает элементарных вещей. Потом они расспрашивают югославов о тезисах, которые, по их мнению, следовало бы внести в декларацию. Основные рекомендации Тито, Карделя и Ранковича заключаются в следующем: программа нового правительства должна решительно осудить прошлое, открыто сказать правду о Ракоши и Гере. После этого — высказаться в защиту основных завоеваний социализма. Нужно также предусмотреть демократиче-

ские и равноправные отношения со странами социалистического лагеря, а в перспективе — вывод советских войск. Следует обратиться к революционным комитетам, рабочим советам и рабочему классу. Следует признать рабочие советы, ввести самоуправление, децентрализацию и т. д. Хрущев соглашается с тезисом о необходимости осуждения Ракоши и Гере. Он соглашается и с перспективами вывода советских войск. Ранкович уточняет: было бы полезным обращение нового правительства к рабочим, прогрессивной и преданной социализму интеллигенции, отдельным лицам и комитетам, которые участвовали в восстании. Следует установить с ними связь и с их помощью попытаться создать опору для политической борьбы в стране. Именно там нужно искать и новые кадры, ибо эти круги имеют влияние на массы. Кардель упоминает о необходимости для новой власти напрямую опираться на рабочие советы, чтобы она имела корни там, а не в советской интервенции. Хрущев промолчал. Он не проявляет воодушевления, но и не спорит.

Приведенный выше разговор продолжался около трех часов. После 10 часов вечера мы перешли в соседнюю комнату ужинать. Сев за стол, Хрущев вернулся к обсуждению того, кто должен формировать правительство. Заметно, что согласиться с кандидатурой Яноша Кадара им не просто — это не их выбор. Он вновь хвалит Мюннихса.

Он говорит, что только сейчас узнал, что Мюнних [Мюнних] все время противостоял Ракоши. Он — старый коммунист, которого Хрущев знает свыше 20 лет. Почти тридцать лет [назад] они как офицеры советской армии были на двухмесячных сборах в России, где жили в одной палатке. Нам показалось, что русские уже составили правительство и Мюнних является его главой. Мичунович говорит, что знает Мюннихса, часто встречался с ним в Москве и может охарактеризовать его только с самой лучшей стороны. Но оценивая, кто должен быть во главе — Кадар или Мюнних, нужно иметь в виду существенное политическое различие. При Ракоши Мюнних был послом в Москве, а Кадар — находился на каторге в Будапеште. Для любого венгра это будет решающим обстоятельством в пользу Кадара. Хрущев отступает и соглашается.

Хрущев упоминает Бату⁵⁵ [Иштвана] как нового министра народной обороны. Ранкович спрашивает, что делал Бата Иштван при Ракоши. Хрущев отвечает, что и при Ракоши он занимал этот же пост. Кардель и Ранкович говорят, что в таком случае данная кандидатура — слабая. Хрущев и Маленков соглашаются. Тито, Кардель и

Ранкович в один голос говорят о необходимости поиска новых лиц, развивают концепцию, согласно которой революционное правительство будет иметь вес только в том случае, если в нем не останется ракошистов и оно, решительно осудив Ракоши и Гере, будет проводить действительно другую политику. Нам кажется, что русские поняли и действительно окончательно смирились с этим, хотя было очевидно, что они приехали с другими взглядами и иными конкретными кадровыми решениями⁵⁶.

Вновь заходит речь об отдельных венгерских коммунистах. Хрущев упорно твердит, что нужно сделать все, чтобы вытащить Апро Антала. Мы упоминаем *Санто*⁵⁷, *Доната*⁵⁸, *Лошонци*⁵⁹, *Лукача*⁶⁰, *Харасти*⁶¹, замечая, что на нас они производят впечатление популярных, уважаемых и способных людей. Хрущев и Маленков не реагируют на наши слова. В результате обсуждения выясняется, что русским известно о том, что Лошонци поддерживает с нами связь, и они подозревают в нем сторонника Надя. В беседе возникает и имя полковника Малетера⁶², который назначен главой венгерской делегации на переговорах с русскими о выводе советских войск. Югославы демонстрируют свою неуверенность относительно Малетера: никто с ним не встречался, не знает о нем ничего определенного. Хрущев и Маленков и в этом случае не высказывают своего мнения, хотя позднее оказалось, что они считают Малетера одним из вождей контрреволюции.

После ужина, закончившегося около полуночи, Маленков вернулся к вопросу о политической подготовке. Упомянув о справедливости наших замечаний и соображений, он согласился с тем, что предварительная подготовка сыграет весьма значительную роль. В этой части переговоров повторяются и уточняются уже изложенные принципы. Хрущев и Маленков еще раз высказали свое согласие с ними. Из высказываний Хрущева складывается впечатление, что в Москве уже подготовлена декларация нового венгерского правительства, и она будет изменена с учетом наших переговоров, высказанных предложений Тито, Карделя и Ранковича. Когда речь зашла о неуверенности в кадровых решениях, наши товарищи высказали убеждение, что Кадар Янош должен знать венгерские кадры лучше всех и следует, спросив его, учесть его мнение. Русские и с этим согласились.

В продолжении разговора о политической подготовке, итогом которой должно быть снижение роли советской армии и предотвращение войны между венгерским народом и русскими, Мичунович

поднял вопрос о роли, которую мог бы сыграть в этом Имре Надь. Очень полезными могут оказаться его возможная отставка или заявление, которое каким-то образом осудит сползание ситуации вправо и планы реакции. Об этом следует еще раз подумать. С этим согласились все, а Маленков особенно охотно обсуждал это предложение. Хрущев уточнил, что подобный шаг, помимо общей пользы, мог бы помочь Надю спасти свое имя коммуниста (хотя вначале Хрущев заявлял, что Надь — сознательный предатель социализма и его могильщик).

*Русские снова проявляют интерес к нашим возможностям сделать что-либо с Надем. Наши помимо Лошонци упоминают Золтана Санта, которые уже в беседах с нашими [дипломатами] говорили об опасности погрома и поднимали вопрос о получении убежища в посольстве. Они — честные люди и старые коммунисты с благими намерениями. Поэтому нам кажется, что они не будут стремиться бежать на Запад. Мы согласились посмотреть, что можно сделать, ибо русские говорят, что их возможности в этом ограничены⁶³. И Хрущев, и Маленков в который раз повторяют: *наша деятельность в отношении правительства Надя в этом направлении может быть очень важна. Мы отвечаем, что будем действовать через наше посольство и сделаем все возможное, хотя не ясно, чего мы можем добиться. Русские ничего не говорят о том, когда намерены начать военную интервенцию. Мы не считаем возможным спрашивать их об этом, а они сами говорить не хотят. Поскольку ничего не известно, когда русские войска нанесут удар повторно, остается неясным, каким временем мы располагаем. Поэтому же нам не ясны наши возможности воздействия на Надя для снижения численности жертв бессмысленного кровопролития. В итоге приходим к договоренности о том, что мы попытаемся повлиять на Имре Надя с целью отделения его от реакционного окружения. Хрущев и, в особенности, Маленков придают этому особое значение. Они подчеркивают, что любой шаг югославов в этом отношении будет уместным и очень важным⁶⁴.**

В своем выступлении Хрущев сообщил, что они провели консультации со всеми, прежде всего с китайцами. Он не упомянул только албанцев. Он говорит, что они пригласили делегацию Китая. Они знали, что Мао Цзедун⁶⁵ поехать не может, поэтому пожелали встретиться с другими [китайскими руководителями]: с Лю Шаоци, секретарем КП Китая, и Чжоу Энлаем⁶⁶ (о нем Хрущев говорит: «большой дипломат»). Китайцы согласились и определили делегацию из шести

или семи человек во главе с Л. Ш. Ци. Русские послали за ними в Пекин самолет ТУ-104. Обсудили все. Русские желали услышать их мнение, ибо они находятся дальше от событий (Польши, Венгрии), не вовлечены в них непосредственно и могут лучше, чем русские, влекомые инерцией и привычками прошлого, оценить ситуацию. *Китайцы, конечно, со всем согласились*⁶⁷. Они поддерживали связь по телефону с Мао Цзедуном, который полностью согласился с вмешательством в Венгрии.

Русские советовали китайцам поехать в Польшу, с тем чтобы на месте оценить ситуацию. После колебаний китайцы согласились. Они несколько дней ожидали въездные визы, которые так и не получили. Мао был сердит и распорядился, чтобы они отказались от поездки даже в случае получения виз.

Не все детали этой истории в изложении Хрущева были нам ясны, но заметно, что в конфликте с Польшей русские стремились привлечь китайцев на свою сторону и, якобы, китайцы проявили с ними солидарность. Сложно понять, как все было и почему поляки не дали въездные визы, но складывается впечатление, будто бы русские в чем-то преуспели и поляки рассердили китайцев. Югославы выслушали это сообщение Хрущева, но не комментировали.

Во время беседы в столовой за ужином Хрущев вновь упомянул о готовности румын направить в Венгрию армейские части. Югославы эту идею повторно отклонили, и Хрущев отступил.

Хрущев упоминал о том, что маршал Жуков занят военной стороной вопроса, и хвалил его воинские таланты. Он заметил, что тот впал в немилость после того, как во время войны, обсуждая со Сталиным планы военных операций, в ответ на заявление Сталина, что он отвечает за судьбу СССР, сказал, что и он, Жуков, также в ответе за Советский Союз.

*Тито, полистав какие-то бумаги, зачитывает заявление Кадара о трагическом развитии событий в Венгрии*⁶⁸. Кадар выражает опасение, что социализм и рабочая власть в Венгрии потерпят крах. Хрущев говорит, что Кадар — «молодец». *Тито рассказывает об из-девательствах над Кадаром в тюрьме во времена Ракоши. Помимо прочего дело доходило и до таких жестокостей: в полиции во время допросов сын Фаркаша*⁶⁹ *мочился на лицо Кадара, когда тот связанным лежал на полу*⁷⁰. Маленков и Хрущев мрачно повторяют: вот сволочь.

Ранкович рассказывает о том, что на него Кадар, который побывал [в Югославии] в составе делегации ВПТ, произвел хорошее

впечатление, несмотря на то, что было очень заметно, как он мрачен вследствие пережитого во время правления Ракоши. Тито вспоминает и о том, как Гере с гордостью заявлял ему: ВПТ имеет около 900 000 членов. Сейчас ничего не осталось: партия распалась, а ее члены приняли участие в мятеже против существующего положения, сложившегося в результате бюрократических методов работы и руководства. На самом деле 23 октября было мятежом против бюрократизма.

Хрущев несколько раз упоминал Микояна. Он был [в Венгрии] этим летом и сейчас, звонил по телефону по разным поводам в Москву. Тито, Кардель и Ранкович не поддержали разговор, даже не реагировали. Хрущеву и Маленкову должно быть ясно: югославы оценивают, безусловно, отрицательно роли, сыгранные в Венгрии Микояном⁷¹ и Сусловым⁷².

Тито без обиняков спросил о мнении и поведении отдельных членов Президиума ЦК КПСС. Вопрос был неожиданным для русских. После небольшой паузы Хрущев ответил: царит полное и абсолютное согласие. Маленков добавил, что на всех этапах развития событий и сейчас также единство преобладало.

О Польше Хрущев говорил сдержанно, но тем не менее против поляков. Он не говорит ничего плохого о Гомулке, но перечисляет подходы поляков (которые не имеют даже отдаленной важности и значения для событий в Польше в связи с VIII-м пленумом). По его словам, поляки (непонятно, кто) вновь начинают говорить о возвращении Львова Польше. Хрущев добавляет, что [в этом случае] украинцы и белорусы будут ставить вопрос о линии Керзона⁷³. К тому же Восточная Пруссия поделена между Польшей и СССР, и эти территории могут оказаться под вопросом (очевидно, только польская половина), при этом поляки не смогут найти никого в Германии, кто согласится с западными границами по Одеру и Нейсе. Русские это довели до сведения поляков, и Гомулка ответил: не следует вообще поднимать эти [территориальные] проблемы.

Нападки Хрущева на поляков вызваны их намерением торговать углем с Западом за наличные средства, а пшеницу получать от русских в кредит. Тут отсутствует равноправие, говорит Хрущев, это будет эксплуатацией СССР. Хрущев высказывает о том, кому из социалистических стран и сколько они будут давать пшеницу. Румынам дадут в долг, т. е. румыны возвратят пшеницу в следующем году. Х[рущев] поинтересовался количеством пшеницы, которое хотела получить Югославия. Товарищ Кардель дал необходимые

пояснения. *Тито и Кардель*⁷⁴ проинформировали его о соглашении, которое мы намереваемся подписать с США. Хрущев и Маленков одобряют. Хрущев иронизировал насчет позиции поляков, которые сделали вывод, что СССР в долгу перед Польшей, несмотря на то, что СССР всемерно ей помогал и предоставил полякам огромные средства.

Маленков в начале разговора доказывал, что с чисто правовых, конституционных позиций правительство Имре Надя не является легальным, не утверждено конституционными органами, и его программа антиконституционна. Он делал это с таким видом, будто бы его аргументация на руку советскому военному вмешательству⁷⁵.

Во второй части встречи Хрущев — как и всегда при общении с югославами, словно делая им какие-то уступки с желанием угодить — высказывался отрицательно о Сталине. На этот раз он рассказывал анекдоты об отношении Сталина к Ракоши. Его якобы Stalin терпеть не мог и ему не верил. Ракоши приезжал на отдых в СССР (Черное море — Кавказ) в то же самое время, когда там отдохнул Stalin. Это вызвало подозрения у последнего, и он вознамерился проучить Ракоши. При первой возможности Stalin заставил Ракоши выпить необычайно много алкоголя, но с ним ничего не случилось. По словам Хрущева, Ракоши настолько хотел быть похожим на Stalina, что в своем кабинете в Будапеште приказал установить железную дверь и предпринял еще какие-то защитные устройства для предотвращения теракта. X[рушев] и M[аленков] подытоживают: Ракоши не имел, не имеет и сейчас ни малейшего понятия о том, как следовало действовать. Он вместе со Stalinом заварил в Венгрии кашу, которую они сегодня должны расхлебывать.

Когда Ранкович⁷⁶ оценил Имре Надя иначе, чем Хрущев, который постоянно повторял: «В Венгрии режут коммунистов», словно это происходит в результате решений правительственных органов во главе с Надем и они сами этим занимаются. Подобным же образом Хрущев и в первой части переговоров встречал каждое упоминание Надя с нашей стороны. Позднее, когда речь зашла о том, что может сделать Надь для того, чтобы помочь всему делу, Хрущев высказался уже иначе. Он перестал повторять: «Там режут коммунистов», а принял совершенно иную оценку Имре Надя, согласившись с тем, что тот в состоянии сделать многое, помочь, и тем самым сохранить свое имя коммуниста.

В ходе беседы после ужина товарищ Тито сказал, что он не может понять, как и почему была оставлена открытой граница

Венгрии с Австрией и в то же время была закрыта граница между Венгрией и Югославией. В случае возникновения любых беспорядков в любой стране следует закрыть границы, с тем чтобы предотвратить вмешательство извне, — сказал товарищ Тито. Хрущев и Маленков не имеют этому объяснения и согласны с тем, что подобные действия были ошибочны.

Ранкович передает рассказ перебежавшего в Югославию днем раньше, т. е. 1 ноября, майора венгерских пограничных войск. За все это время ни ему, ни его подразделению, вплоть до дня накануне перехода им границы, не поступало никаких сообщений от начальства. Как же это возможно, — говорит Ранкович, ведь речь идет о старшем офицере, под командой которого целое военное соединение. Он не знал, можно ли сбросить скомпрометированную полицейскую форму. Таким образом, он подвергался опасности: каждый мог его преследовать и застрелить. И это вместо того, чтобы руководство сообщило, как следует действовать ему и таким, как он.

В связи с событиями в Венгрии и войной Англии и Франции против Египта Хрущев говорил о военных возможностях советской армии. Он утверждал, что они в СССР смогли усовершенствовать управляемые ракеты, и сейчас они обладают ракетой, которая может быть направлена в цель, удаленную на 8000 км от места запуска. На деле это означает, что возможно нанести удар по любому объекту на земном шаре, и против такого оружия защиты нет. (Высказывание Хрущева о ракетах дальнего действия — скорее ход для того, чтобы убедить нас в силе советской военной техники, чем реальная информация об успехе в деле развития ракетного оружия. После Крыма маршал Жуков говорил Мичуновичу 25 октября, что им необходимо еще около года для усовершенствования ракетного оружия, т. е. для постановки на вооружение ракет дальнего действия. Теперь, через неделю после этого, Хрущев заявляет, что такие ракеты ими уже созданы?)

Хрущев был очень критичен в отношении Насера⁷⁷. 26 июля 1956 г. он завел ситуацию в тупик национализацией Суэцкого канала, а сейчас требует, чтобы СССР объявил войну Западу в ответ на действия Англии и Франции. Русские сердиты на аргументацию египтян, которые не стали публиковать первое советское заявление с осуждением англо-французской агрессии, ибо, как им египтяне сказали, оно было слишком мягким. Они не желают разочаровать арабские народы столь слабым заявлением русских. После высказываний Хрущева и Маленкова сложилось впечатление, что СССР не

будет действовать решительнее и не сможет в будущем оказать решительной помощи Египту. (Тем не менее через несколько дней они поступили совершенно иным образом, направив свои известные послания «тройке великих» на Западе, особенно Эйзенхауэру, и стали угрожать военной интервенцией в том случае, если Англия и Франция не выйдут из Египта.)

Переговоры завершились в 5 часов утра 3 ноября. Моментами наставало общее молчание. Атмосфера была серьезной и порой неприятной. Поскольку все политические вопросы были исчерпаны, никому из собеседников не удавалось привлечь внимание остальных к какой-либо подобающей теме. За ужином мы почти не пили спиртного, а во время переговоров его вообще не подавали.

X[рущев] и M[аленков] вели себя гибко и сдержанно, всегда готовые, независимо от того, что они думали на самом деле, согласиться со всем, что им говорится с югославской стороны. Было яснее ясного, что они поставили задачу завершить встречу в духе согласия, хотя на протяжении всех переговоров было очевидно, что наши оценки причин кровавых событий в Венгрии противоположны. Эти разногласия с югославской стороны были подчеркнуты несколько раз, особенно когда Тито, Кардель и Ранкович настаивали на категорическом осуждении Ракоши, а значит и СССР как виновника нынешней катастрофы в Венгрии. Исходя из этого с югославской стороны были сделаны и остальные замечания: кто формирует новое правительство, какую программу следует составить, как повлиять на Имре Надя перед неизбежностью новой интервенции советских войск, чтобы спасти что-нибудь, если еще что-то можно спасти и уменьшить число жертв очередного кровопролития в Венгрии.

* * *

Во время переговоров я не имел возможности вести какие-либо записи. По этой причине, вероятно, в этом тексте, наброски которого были сделаны мною 3 ноября, т. е. на следующий день после переговоров, и отредактированы 6 ноября, имеются упущения.

6 ноября 1956 г.
Велько Мичунович, с. р.

Перевел с сербохорватского А. Б. Едемский

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata / Priredio Radoica Luburić. Podgorica, 1999. S. 403. Отсутствие реакции Тито в историографии объясняется «противоположным подходом Югославии в тот момент» (*Dimić L.* Josip Broz Tito, Nikita Hruščov i mađarsko pitanje 1955–1956 // Tokovi istorije. 1998. № 1–4. S. 29).
- 2 Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 11. Д. 183. Л. 20–21, 29–33, 88–89.
- 3 Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы / Редакторы-составители Е. Д. Орехова и др. М., 1998. С. 210–211. Док. 45.
- 4 «Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы» // Источник. 2003. № 6. С. 42–43, 47.
- 5 Едемский А. Б. Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова. Сб. статей. М., 2010. С. 348, 351–353.
- 6 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2004. Т. 1. Черновые и протокольные записи заседаний. Стенограммы / Под ред. А. А. Фурсенко. С. 192. Док. № 82.
- 7 Там же. М., 2006. Т. 2. Постановления 1954–1958. С. 476.
- 8 Хрущев Н. С. Если сказал «а», то надо говорить и «б». Стенограмма партийного актива 4 ноября 1956 г. // Источник. 2003. № 6. С. 69–70. 5 ноября в телеграмме из Москвы для Тито, Карделя и Ранковича вместе с «пламенным коммунистическим приветом» сообщалось: «контрреволюция» в Венгрии разбита и все «сделано так, как мы договорились во время нашей последней встречи» (Arhiv Jugoslavije [далее — AJ]. F. 507. IX. 119/I-76: Pismo N. Hruščova i G. Maljenkova, upućeno Josipu Brozu Titu, Edvardu Kardelju i Aleksandru Rankoviću, u vezi sa događajima u Mađarskoj).
- 9 AJ. III/67 CK SKJ. S. 129–130. Zapisnik sa sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane 6. novembra 1956. u Ljubljani.
- 10 Из Москвы письмо было отправлено 5 ноября 1956 г. (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2 С. 483). В тексте письма в Архиве Югославии имеется пометка от руки — 7 ноября. (AJ. F.507. IX/I-77. Секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев [7/XI-56]).
- 11 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 483–484, 485.
- 12 См.: Khrushchev Remembers / Ed. by S. Talbott. London, 1977. P. 418–422. В 1990-е гг. в России мемуары Хрущева издавались в нескольких вариантах (журнальных и книжных). Наиболее полным является

- ся четырехтомное издание 1999 г., в одном из томов которого имеется подробный фрагмент о брионской встрече (*Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. Воспоминания в 4-х кн. Кн. 3. М., 1999. С. 257–260*).
- 13 В предисловии к своей второй книге о службе на посту посла СФРЮ в СССР в 1969–1971 гг. Мичунович уделил большое внимание истории создания и публикации первой книги. Последние правки в нее вносились в издательстве Загребского университета «Liber» с мая до августа 1977 г. (*Mićunović V. Moskovske godine 1969/1971. Beograd, 1984. S. 41, 46–48, 50, 52–53*). Книга издана в виде дневников, но имеются авторитетные мнения относительно того, что она является не отредактированными дневниками, а мемуарами Мичуновича. (*Гибранский Л. Я. Н. С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 2*).
- 14 *Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 157–163.*
- 15 Советский Союз и венгерский кризис... С. 524–533.
- 16 Наиболее полно см.: *Гибранский Л. Я. Н. С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. С. 10–20.*
- 17 Там же. С. 21.
- 18 AJ. AJBT. KPR. SSSR/1-3-a. Veljko Mićunović. 6 novembra 1956. Zabeleška o razgovorima drugova Tito, A. Rankovića, E. Kardelja sa N. S. Hruščovim i G. M. Maljenkovom, u toku noći od 2/3 novembra 1956 god. [na Brionima]. S. 1–15. В Архиве Сербии (в Белграде) в личном фонде В. Мичуновича имеется экземпляр данной записи. В сделанных 4 февраля 1982 г. (по всей вероятности, при разборе личного архива за несколько месяцев до кончины Мичуновича 2 августа того же года) пометках на полях письма к А. Ранковичу документ назван «оригиналом». Мичунович также указал, что опубликовал запись в 1977 г., но ничего не сообщил о сделанных при этом сокращениях. Подробнее см.: *Животић A. Југославија и Суецка криза: 1956–1957. Београд, 2008. С. 238.*
- 19 AJ. AJBT. KPR. SSSR/1-3-a. Veljko Mićunović — [Ranković] Druže Marko! 6 novembra 1956.
- 20 *Bogetic D. Podsticaji i ograničenja na putu normalizacije Jugoslovensko-Sovjetskih odnosa tokom 1956 // Tokovi istorije. 2005. № 3–4. S. 174–176; Edemskiy A. Tito and Khrushchev after the 20th Party Congress. The New Nature of Soviet-Yugoslav Relations // 1956 European and Global Perspectives. Ed. by Carole Fink et al. Leipziger Universitätsverlag. 2006. P. 132–134.*
- 21 Несколько подробнее см.: *Едемский А. Б. Был ли тайный сговор на Брионах... С. 361.*

- 22 Подробнее о позиции польского руководства см.: *Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений.* М., 2005. С. 219–221.
- 23 Молотов В. М. (1890–1986) — в 1926–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС. В 1942–1957 гг. 1-й заместитель Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР. В 1942–1957 гг. — 1-й заместитель Председателя Совета Министров СССР, в 1953–1956 гг. — министр иностранных дел СССР, с июня 1956 г. министр госконтроля СССР.
- 24 Гомулка Владыслав (1905–1982) — в 1942 г. один из организаторов Польской рабочей партии (ППР). В 1943–1948 гг. генеральный секретарь ЦК ППР. Летом 1948 г. обвинен в «правонационалистическом» уклонизме. В 1949 г. выведен из ЦК ПОРП, исключен из партии и арестован. В декабре 1954 г. освобожден, в июле 1956 г. реабилитирован. С октября 1956 г. по декабрь 1970 г. первый секретарь ЦК ПОРП.
- 25 Циранкевич Юзеф (1911–1989) — в 1948–1971 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1947–1952 гг. председатель Совета Министров ПНР.
- 26 Охаб Эдвард (1906–1989) — в 1954–1958 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в марте–октябре 1956 г. первый секретарь ЦК ПОРП.
- 27 Георгиу-Деж Георге (1901–1965) — генеральный секретарь ЦК КП Румынии (с 1948 — Румынская рабочая партия) с 1945 г., 1-й секретарь ЦК партии с 1955 г. Председатель Совета Министров Румынии в 1952–1955 (в 1948–1952 гг. 1-й заместитель председателя Совета Министров), председатель Государственного совета с 1961 г.
- 28 Новотный Антонин (1909–1975) — в 1953–1968 гг. первый секретарь ЦК КПС. В 1957–1968 гг. Президент ЧССР.
- 29 В выступлении перед партактивом Москвы 4 ноября 1956 г. Хрущев описал переговоры с болгарским руководством следующим образом: «Из Бухареста мы вылетели в Софию, в Болгарию. Тоже все инкогнито. Прилетели туда, беседовали с болгарскими товарищами часа 4 с половиной. Разговор с болгарскими руководителями был такой же, как с румынскими и чехословацкими товарищами. Они сказали, что их добровольцы хотели бы участвовать в подавлении контрреволюции в Венгрии, да жаль, что нет у нас с Венгрией общей границы» (Хрущев Н. С. Если сказал «а», то надо говорить и «б». С. 69).
- 30 Делегация ЦК КПК находилась в Москве с 23 по 31 октября 1956 г. В ее состав входили генеральный секретарь КПК Дэн Сяопин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, отвечающий за вопросы пропаганды Лу Дини и зав. Отделом ЦК КПК Ван Цзесян.

- 31 Лю Шаоци (1898–1969) — в 1956 г. секретарь ЦК КПК, зам. Председателя ЦК КПК, председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей.
- 32 Надь Имре (1896–1958) — в 1945–1949, 1951–1955 гг. член Политбюро ЦР ВКП (ВПТ), в 1947–1949 гг. председатель Национального, затем Государственного собрания ВНР. С конца 1951 до июля 1953 г. зам. председателя, затем до апреля 1955 г. председатель Совета Министров ВНР. В апреле 1955 г. после обвинений в «правом уклонении» снят со всех постов. В декабре 1955 г. исключен, а 13 октября 1956 г. восстановлен в ВПТ, 24 октября возглавил правительство. С 23–24 октября член ЦР и Политбюро ЦР ВПТ, с 28 октября член Президиума ВПТ, с 1 ноября член Исполкома ВСРП. 4 ноября укрылся в югославском посольстве, при выходе из которого 22 ноября арестован.
- 33 Отчеты (ни советский, ни югославский) о встрече Тито с Микояном до настоящего времени исследователям недоступны. О содержании встречи имеются только отрывочные косвенные сведения. Так, 2 августа 1956 г. посол СССР в Будапеште Андропов сообщил Гере информацию относительно беседы Микояна с руководителями Югославии. В частности известно, что посол СССР сообщил о «предложении т. Тито помочь венгерским товарищам в решении внутренних вопросов», которое, по оценке Андропова, «довольно сильно задело его». При этом Гере сказал, что «он, Гере, вообще не понимает, как можно делать подобные предложения» (Советский Союз и венгерский кризис... С. 210–211).
- 34 Булганин Николай (1895–1975) — в 1948–1958 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС. С февраля 1955 по 1958 г. Председатель Совета Министров СССР.
- 35 Мюнних Ференц (1886–1967) — до 1945 г. находился в СССР. В 1946–1949 гг. начальник полиции Будапешта. В 1949–1956 гг. на дипломатической работе, с том числе с сентября 1954 г. до июля 1956 г. — посол ВНР в СССР, затем до 25 октября 1956 г. — посол ВНР в ФНРЮ. 25–27 октября входил в состав Военного комитета при ЦР ВПТ. С 27 октября министр внутренних дел в правительстве И. Надя. С 28 по 31 октября член Президиума ВПТ. 1 ноября вместе с Я. Кадаром тайно покинул Будапешт и вылетел в Москву. С 4 ноября зам. Председателя Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства, министр обороны и охраны общественного порядка, член Временного Исполкома ВСРП.

- 36 Кадар Янош (1912–1989) — в 1946–1951 гг. зам. Генерального секретаря ЦР ВКП (ВПТ), в 1948–1950 гг. министр внутренних дел Венгрии. В 1951 г. был приговорен к пожизненному заключению, в 1954 г. реабилитирован. С июля 1956 г. — член Политбюро и секретарь ЦР ВПТ. С 25 октября 1956 г. первый секретарь ЦР ВПТ, с 28 октября вошел в состав Исполкома вновь созданной ВСРП. С 30 октября по 4 ноября государственный министр в правительстве Имре Надя. После 4 ноября 1956 г. до июня 1957 г. председатель Временного Исполкома и Временного ЦК ВСРП.
- 37 Н. С. Хрущев позднее вспоминал: о том, что Мюнних и Кадар «отправились в Москву, мы узнали в Бухаресте» (*Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. Кн. 3. С. 259*).
- 38 Апро Антал (1913–1994) — в 1946–1951 и 1953–1956 гг. член Политбюро ЦР ВКП (ВПТ). С ноября 1953 до 3 ноября 1956 г. зам. председателя Совета Министров ВНР. В период восстания с 25 октября 1956 г. руководитель Военного Комитета при ЦР ВПТ. С 28 октября 1956 г. член Президиума ВПТ. После 4 ноября 1956 г. министр промышленности в правительстве Я. Кадара.
- 39 Первым о необходимости спасать верных СССР венгерских руководителей заговорил Молотов на заседании Президиума ЦК 28 октября: «мы должны позаботиться о венгерских коммунистах» (*Советский Союз и венгерский кризис... С. 438*). Уже вечером 28 октября Хегедюш, Гере, Пирош, а также бывший министр обороны И. Бата вместе с семьями были эвакуированы самолетом в Москву (там же. С. 441. Сноска 17).
- 40 Доби Иштван (1898–1968) — деятель левого крыла Независимой партии мелких хозяев, с 1947 г. — председатель партии. В 1948–1952 гг. председатель Совета Министров Венгрии, в 1952–1967 гг. председатель Президиума ВНР, в 1959 г. вступил в ВСРП и был избран в состав ЦК.
- 41 В книжной версии Мичуновича было написано: «...это одна из причин вооруженного вмешательства в венгерские дела» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 158*).
- 42 Жуков Г. К. (1896–1974) — в 1955–1957 гг. министр обороны СССР. В 1953–1957 гг. член ЦК КПСС, с февраля 1956 по июнь 1957 г. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. Четырежды Герой Советского Союза (последний раз в 1956 г.).
- 43 Малинин М. С. (1899–1960) — в 1952–1960 гг. первый зам. начальника Генштаба Вооруженных Сил СССР. В 1952–1956 гг. — кандидат в члены ЦК КПСС, с 1956 г. член ЦРК КПСС.

- 44 4 ноября 1956 г. в Москве Н. С. Хрущев рассказал о том, как «румыны даже заявили, что они тоже хотели бы принять участие в этом деле, послать дивизии две» (Источник. 2003. № 6. С. 68).
- 45 Эти строки в книжной версии документа даны в несколько иной редакции: «Когда начнется операция, он не сообщил, но на основании сказанного можно догадаться, что мы — последние, кого они ставят об этом в известность». В книжной версии появился также абзац: «Русские в общем-то не нуждаются в согласии югославов. Они сделают то, что задумали, независимо от того, согласимся мы или нет; хотя Хрущев не устает повторять, как важно, чтобы мы “правильно поняли их”» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958.* S. 158).
- 46 В мемуарах абзац был дан в иной версии. Высказывание было приписано Маленкову: «Маленков тоже заверяет, что в Советском Союзе все готово и новая военная интервенция против правительства Имре Надя может начаться в любой момент. Очевидно и то, что русские будут наступать фронтально и очень жестко, ведь от венгерского народа их отделяет глубокая пропасть; лучше сказать, народ займет позицию против русских» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958.* S. 158).
- 47 Мишкольц (Miskolc) — город в Венгрии, административный центр Медвье Боршод-Абауй-Земплен. Основная промышленная деятельность в районе в те годы — добыча бурого угля.
- 48 В книге — «против Надя» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958.* S. 158).
- 49 Ракоши Матяш (Матиас) (1892–1971) — с 1953 г. — первый секретарь ЦР ВПТ, одновременно в 1952–1953 гг. председатель Совета Министров ВНР. 18 июля 1956 г. на пленуме ЦР ВПТ освобожден с поста первого секретаря и члена Политбюро ЦР. 26 июля 1956 г. выехал в СССР.
- 50 Гере Эрнё (1898–1980) — в 1951–1953 гг. секретарь, с 18 июля до 25 октября 1956 г. первый секретарь ЦР ВПТ. С 29 октября 1956 до 1960 г. находился в СССР.
- 51 Письмо Тито от 29 октября на имя председателя Президиума ВПТ Я. Кадара (опубликовано в газете «Борба» 30 октября 1956 г.).
- 52 Текст Декларации опубликован в кн.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 464–466.
- 53 Эти строки в книжной версии встречи были заменены на «Если в Венгрии происходит контрреволюция, значит, интервенция необходима, и нельзя опираться исключительно на оружие Советов» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958.* S. 159).

- 54 В книжной версии встречи указано «мы» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 159*).
- 55 Бата Иштван (1910–1918) — с 1947 г. секретарь райкома ВКП в Будапеште, с 1950 г. начальник Генштаба, с июля 1953 г. до 24 октября 1956 г. министр обороны ВНР. В 1953–1956 гг. кандидат в члены Политбюро ЦР ВПТ. 28 октября 1956 г. выехал в СССР, где находился до осени 1958 г.
- 56 В мемуарной версии Мичуновича весь абзац дан в другой редакции: «Югославы чуть ли не в один голос говорят о том, что нужно искать новые кадры, и снова убеждают русских, что революционное правительство окажется на коне лишь в том случае, если в нем не будет ракошистов, если оно энергично осудит Ракоши и Гере и действительно обновит всю политическую практику. Я вижу, русские поняли это и смирились, хотя прибыли сюда с совсем иными предложениями по кадровым вопросам. Хрущев, например, все предлагал на пост министра обороны в новом венгерском правительстве Иштвана Бату, того самого Иштвана Бату, который занимал этот пост и в правительстве Ракоши. Когда мы, югославская сторона, заявили, что такие решения в политическом отношении шатки, русские отказались от своего намерения» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 160*).
- 57 Санто Золтан (1893–1977) — один из организаторов венгерской компартии. В 1947–1954 гг. находился на дипломатической работе (посол Венгрии в Югославии, Албании и Франции). В 1955–1956 гг. — в Польше. В 1954–1955 гг. возглавлял Управление информации при правительстве И. Надя. В 1954–1956 гг. член ЦР ВПТ. С 24 октября 1956 г. член Политбюро, с 28 октября член Президиума ВПТ. Один из инициаторов создания ВСРП. С 1 ноября член исполкома ВСРП. 4 ноября получил убежище в посольстве ФНРЮ в Будапеште.
- 58 Донат Ференц (1913–1986) — в годы второй мировой войны участник подпольного коммунистического движения. С 1945 г. член ЦР ВКП(ВПТ), с 1948 г. руководитель секретариата М. Ракоши. В 1951 г. репрессирован. После освобождения в 1954 г. из заключения — зам. директора Института ВАН, активный сторонник И. Надя. 23–24 октября 1956 г. кооптирован в ЦР и избран секретарем ЦР ВПТ. С 1 ноября член Исполкома ВСРП. 23 ноября в составе группы И. Надя был депортирован в Румынию.
- 59 Лошонци Геза (1917–1957) — журналист, с 1945 г. заведующий отделом газеты «Сабад неп», зам. министра культуры, кандидат в члены ЦР ВПТ. В 1951 г. репрессирован, в 1954 г. реабилитирован.

- 23–24 октября 1956 г. кооптирован в ЦР ВПТ, избран кандидатом в члены Политбюро ЦР. С 30 октября государственный министр в правительстве И. Надя, с 1 ноября член Исполкома ВСРП. 4 ноября получил убежище в югославском посольстве, 23 ноября 1956 г. депортирован в Румынию.
- 60 Лукач Дердь (Георг) — (1885–1971) — философ, литературный критик, видный представитель марксистской мысли XX в. 26–23 октября 1956 г. министр просвещения в правительстве И. Надя. С 1 ноября член Исполкома ВСРП. 4 ноября получил убежище в югославском посольстве.
- 61 Харасти Шандор (1897–1982) — в 1948–1951 гг. зам. заведующего отделом пропаганды ЦР ВПТ. В 1951 г. по сфальсифицированным обвинениям приговорен к смертной казни, замененной заключением. После освобождения в 1954 г. — один из активных сторонников И. Надя. В 1955 г. исключен из ВПТ, летом 1956 г. восстановлен. 1 ноября 1956 г. вошел в состав Исполкома ВСРП, 2–4 ноября главный редактор газеты «Непсабадшаг», 4 ноября вместе с членами группы И. Надя получил убежище в посольстве ФНРЮ в Будапеште.
- 62 Малетер Пал (1917–1958) — кадровый офицер венгерской армии, попавший в советский плен в 1944 г. После окончания партизанской школы участвовал в качестве командира отряда в борьбе против фашистов в Трансильвании. В 1945–1947 гг. — начальник охраны правительства и президента Венгерской Республики. В 1956 г. в чине полковника был начальником военно-строительных частей Венгерской Народной Армии. В период восстания отказался от борьбы с повстанцами и фактически перешел на их сторону. 31 октября избран в состав Революционного Комитета Обороны. 1 ноября назначен первым заместителем министра, а 3 ноября — министром обороны в правительстве И. Надя в чине генерал-майора. Вечером 3 ноября во время переговоров о выводе советских войск из Венгрии, проходивших в штабе советских частей на о. Чепель, был арестован вместе с другими членами венгерской правительственної делегации. Казнен 16 июня 1958 г. после закрытого судебного процесса по «делу И. Надя и его сообщников».
- 63 В книжной версии встречи было иначе: «русские заявляют, что тут они не могут предпринимать никаких шагов» (*Mičunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 161*).
- 64 В «Дневнике» Мичуновича весь абзац дан в другой редакции: «любые шаги югославской стороны, касающиеся в этом плане правительства Надя, могут иметь решающее значение. Мы призываем их

к осторожности: результаты тут не гарантированы. Русские так и не сообщают, когда же они думают начать интервенцию. Мы их об этом не спрашиваем, а они предпочитают держать такие сведения при себе. Из-за этого не ясно, сколько времени и какие возможности остаются для того, чтобы, в интересах уменьшения числа жертв и избежания бессмысленного кровопролития, попытаться воздействовать на Имре Надя, хотя мы, пусть специально никаких договоренностей на этот счет и не принимаем, все соглашаемся, что сделать это нужно. Хрущев и особенно Маленков придают тому огромное значение и прямо говорят, что любые мероприятия, предпринятые югославами в этом направлении, будут правильны и очень важны» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 161*).

- 65 Мао Цзедун (1893–1976) — в 1943–1976 гг. Председатель ЦК КПК, в 1954–1959 гг. Председатель КНР.
- 66 Чжоу Эньлай (1898–1976) — с 1927 г. член Политбюро ЦК КПК, с 1928 г. секретарь ЦК КПК, в 1945–1956 гг. — зам. Председателя КПК, в 1949–1976 гг. — премьер Госсовета КНР, в 1949–1958 гг. — министр иностранных дел КНР.
- 67 В мемуарной версии текст был изменен на «китайцы, якобы, во всем с ними согласились» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 161*).
- 68 В мемуарах эта фраза была дана в иной редакции, в том числе опущено упоминание о Тито: «речь зашла и о выступлении Кадара по радио, где он говорил о трагическом повороте венгерских событий» (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 161*).
- 69 Фаркаш Владимир (р. 1925) — сын М. Фаркаша, в 1946–1956 гг. офицер госбезопасности Венгрии. 5 октября 1956 г. арестован. Фаркаш Михай (1904–1965) — в 1945–1955 гг. член Политбюро ЦР ВКП (ВПТ), в 1946–1955 гг. с незначительными перерывами зам. Генерального секретаря ВКП, секретарь ЦР ВПТ. В 1948–1953 гг. министр обороны ВНР. В июле 1956 г. исключен из ВПТ как один из организаторов массовых репрессий конца 1940-х — начала 1950-х гг. 12 октября 1956 г. арестован.
- 70 В мемуарах рассказ об издевательствах над Кадаром был значительно смягчен. Также опущено то, что заговорил о них именно И. Броз Тито (*Mićunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 161*).
- 71 Микоян А. И. (1895–1978) — в 1935–1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС. В 1955–1964 гг. первый зам. Председателя Совета Министров СССР.
- 72 Суслов М. А. (1902–1982) — в 1947–1948 гг. начальник управления пропаганды и агитации, в 1948–1949 гг. — заведующий отделом

внешних сношений ЦК ВКП(б)–КПСС. В 1952–1953 и с июля 1955 г. член Президиума (Политбюро) ЦК, в 1947–1982 гг. секретарь ЦК КПСС.

- 73 Керзон Джордж Натаниел (1859–1925) — в 1919–1924 гг. министр иностранных дел Великобритании. «Линия Керзона» — условное наименование линии, которая была рекомендована в декабре 1919 г. верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. С некоторыми изменениями в пользу Польши была положена в основу советско-польского договора о границе от 16 августа 1945 г.
- 74 В мемуарах Мичуновича «Тито и Кардель» заменены на «мы» (*Mičunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 162*).
- 75 В мемуарах была добавлена следующая характеристика высказывания Маленкова: «как будто интервенция проводится по конституции!» (*Mičunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 162*).
- 76 В книжной версии Ранкович был заменен на «кто-то» (*Mičunović V. Moskovske godine 1956/1958. S. 163*).
- 77 Насер Гамаль Абдель (1918–1970). В 1953–1956 гг. — премьер-министр и военный губернатор Египта. С 1956 г. — главнокомандующий вооруженными силами Египта. В 1956–1958 гг. президент Египта.

*Edemsky A. B.
Tracing the Steps of Secret Consultations
in Bryony on November 2–3, 1956*

It is the first publication in Russian of the most complete variant of writing of the negotiations of Soviet and Yugoslavian leaders before the repeated Soviet intervention to Hungary (November 4, 1956). The writing was made by the Ambassador of the U.S.S.R in the F.P.R.Yu. V. Michunovich. The author of the publication shows the differences from the well-known version by the same V. Michunovich presented in his memoirs.

Key words: *J. Broz Tito, N. S. Khrushchev, G. M. Malenkov, Soviet-Yugoslavian relations, Hungarian revolution, 1956, intervention, Socialism, Communism.*

*К. А. Кочегаров
(Москва)*

**Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович
в 1679–1680 гг.**

**(Заметка в связи с выходом очередного тома
«Дневника» П. Гордона)**

Приводятся дополнительные сведения, касающиеся взаимоотношений П. Гордона с украинским гетманом И. Самойловичем и службы шотландского офицера в Киеве.

Ключевые слова: *Патрик Гордон, Иван Самойлович, Киев, Османская империя*.

Дневник Патрика Гордона, шотландского дворянина на русской службе, — один из ценнейших источников по истории России последней четверти XVII в. Среди записок других иностранцев он выделяется обширностью информации, хорошим знанием России, ее внутри- и внешнеполитической жизни. Это не удивительно, ведь П. Гордон, в отличие от многих писавших о нашей стране заграничных дипломатов, купцов и путешественников, длительное время прослужил в русской армии, будучи непосредственным участником многих важнейших событий отечественной истории. Дневник приобретает особую значимость для исследователя и в свете того факта, что образцы мемуарной и дневниковой литературы в то время были большой редкостью в России. Вполне объяснимо, что дневник «русского шотландца» привлек внимание историков уже в XVIII в., неизменно обращавшихся к нему и в XIX ст. и позднее. Парадоксально при этом, что до недавнего времени научный перевод «Дневника» на русский язык отсутствовал, а наиболее полным было немецкоязычное издание, выполненное полтора столетия назад¹.

В связи с этим значение начатой Д. Г. Федосовым полной научной публикации «Дневника» на русском языке трудно переоценить. В течение 2000–2009 гг. вышли в свет четыре тома, главным образом охватывающие период в более чем три десятилетия: от событий русско-польской войны 1654–1667 гг. до отстранения от власти царевны Софьи в 1689 г.²

Увидевший недавно свет четвертый том «Дневника» — ценный источник не только по истории России. Как и предыдущие тома, он содержит немало сведений и по истории Украины и украинского казачества, включая подробности службы русского гарнизона в Киеве, деятельности правобережного казачества в 1684–1685 гг., важные

сведения о частной жизни гетмана Ивана Самойловича Самойлóвича, его смещении в 1687 г., участии Войска Запорожского в Крымских походах.

П. Гордон — достаточно внимательный наблюдатель. Но не ко всем его свидетельствам можно относиться с доверием. Так, например, его сообщение, что в 1685 г. Россия двинула полки в сторону Крыма и Дона, чтобы «ублажить или ввести в заблуждение» бывшего в Москве австрийского посла, который должен был поверить, что «будет предпринята сильная диверсия против татар»³, не вписывается в политику России в отношении Австрии⁴ и не находит подтверждение в известных дипломатических документах⁵. По-видимому, в данном случае Гордон стал жертвой непроверенных слухов, доходивших в Киев из Москвы.

Положительной оценки заслуживают комментарии к очередной части «Дневника», более обширные по сравнению с предыдущими тремя томами. Вместе с тем, к некоторым из них представляется возможным сделать несколько уточняющих замечаний.

Топоним «Valuka», переданный Д. Г. Федосовым как Валки⁶ (видимо, имелся в виду город на Слободской Украине), скорее всего, означает Валуйку или Валуйки — пограничный город на южных рубежах России (ныне в Белгородской области). Недалеко от него и проходил в XVII в. ежегодный «размен» с крымскими татарами и выплата им «казны», о чем упоминает Гордон. Ежи Доминик Довмонт не был первым польским резидентом в России⁷, первым был Павел Михал Свидерский в 1670-е гг.⁸ Корреспонденты Гордона «Звейковские» вовсе не состояли на службе Речи Посполитой, как предполагает Д. Г. Федосов⁹. Речь идет о влиятельных представителях смоленской шляхты, братьях Денисе и Владимире Повало-Швыйковских (Швейковских), дослужившихся к 1680-м гг. до генеральских званий¹⁰. Гордон упоминает (записи за 1685 г.) некоего «гетмана Гоголя»¹¹, под которым публикатор подразумевает гетмана Остапа Гоголя¹², однако тот умер еще в 1679 г.¹³ Вообще историкам неизвестен в 1680-х гг. гетман правобережных казаков с такой фамилией, поэтому, скорее всего, Гордон ошибся.

Следовало бы уточнить, что «татары-липканы» (правильнее «татары-липки»), которые, согласно сообщению Гордона, делали из Каменца-Подольского набеги на окрестности, это не просто литовские татары¹⁴, а те из них, которые переселились на Украину (в Подолию, на Волынь и т. д.) и частью перешли на османскую сторону с началом польско-турецкой войны 1672–1676 гг. Сам термин

«липки» по отношению к литовским татарам укоренился в польском языке как раз после этой войны¹⁵, причем так назвали первоначально именно «изменивших» Речи Посполитой татар. Они входили в том числе и в гарнизон Каменца-Подольского вплоть до его возвращения Речи Посполитой в 1699 г.¹⁶

Кристофф фон Кохен стал постоянным шведским представителем в России только со второй половины 1685 г. (а не с 1683 г.¹⁷), а до этого приезжал в Москву с конкретными дипломатическими миссиями в 1683 и начале 1685 гг. Указанная Д. Г. Федосовым дата заключения русско-польского Вечного мира — 21 апреля (1 мая) 1686 г.¹⁸ — не совсем корректна. Ее появление в исторической литературе связано, по всей видимости, с фундаментальным трудом С. М. Соловьева¹⁹. На самом деле к этому дню было согласовано содержание трактата, а его вычитка и сверка польского и российского текстов заняла еще несколько дней. Торжественный обмен грамотами, присяга царей Ивана и Петра, а также польско-литовских послов, что и означало заключение Вечного мира, состоялись 26 апреля (6 мая) 1686 г.²⁰

Можно было бы также отметить в комментариях, что имеретинский князь, упоминаемый Гордоном в одном из писем²¹, — это царь Арчил II, прибывший в Москву вместе с семьей в 1685 г.²², а «Войкович, генеральный судья казаков»²³ — это Михаил Вуяхевич (Вуяхевич-Высочинский), занимавший должность генерального судьи Войска Запорожского в 1683–1691 гг.²⁴

По уже сложившейся традиции, Д. Г. Федосов сопровождает издание четвертого тома дневниковых записей Гордона не только подробными комментариями, но и сопроводительной статьей, где в контексте основных событий русской истории описывается очередной этап жизни «русского шотландца»²⁵. Характеризуя международную обстановку в Восточной Европе конца 1670–1680-х гг., автор излагает борьбу Польши и России слишком сжато, так, что у читателя может сложиться впечатление, будто польско-турецкая война длилась от захвата турками у Речи Посполитой Подолии до победы под Веной и далее²⁶. Между тем, в 1676 г. Речь Посполитая и Порта заключили мир, возобновив борьбу лишь в 1683 г. Именно это и позволило османам сосредоточить все усилия на взятии Чигирина и вытеснении России сПравобережья Днепра.

Не совсем понятно утверждение автора, что Киев был «не признан Европой за царем»²⁷. Думается, проблема эта мало интересовала страны Европы, кроме государств — соседей России и Польши. Не ясно и то, в какой международно-правовой форме могло это призна-

ние состояться. Однако если связать его с вопросами титулования монархов во взаимной переписке, то император Леопольд I и даже папа римский именовали царей Ивана и Петра «киевскими» и «смоленскими» еще до заключения Вечного мира с Польшей в 1686 г.²⁸ Подобным образом должны были поступать и шведский король или бранденбургский курфюрст, поскольку неизменным условием принятия в Москве их грамот было употребление в них полного царского титула так, как великие государи «сами себя описуют». Лишь с Речью Посполитой Россия в 1667 г. договорилась использовать титулы царя и короля в краткой форме, до окончательного урегулирования территориальных вопросов.

Можно спорить и с утверждением Д. Г. Федосова, «смело» предполагающего, что Гордон «сыграл не последнюю роль в повороте от векового русско-польского противостояния к “Вечному миру” 1686 г.»²⁹. К заключению мирного договора вместо продлевавшегося с 1667 г. перемирия стороны шли не один год, ведя соответствующие переговоры и до того, как В. В. Голицын взял в свои руки руководство внешней политикой России. Царское правительство неизменно настаивало на сохранении полученных Россией по Андрусовскому перемирию 1667 г. земель, включая и Киев, поэтому заключение Вечного мира было обусловлено в равной, если не в большей степени готовностью Речи Посполитой пойти на уступки. Позиция же русской дипломатии относительно вступления в антиосманский союз с Речью Посполитой (вошел составной частью в русско-польский трактат 1686 г. и, вопреки утверждениям Д. Г. Федосова³⁰, не предусматривал союзных отношений России с Австрией) определялась множеством факторов, и в первую очередь международной ситуацией в Европе и соотношением сил соперничавших за власть боярских группировок. Представляется, что мнение Гордона было в данном случае второстепенным. И хотя Голицын ценил его как военного эксперта, обсуждая с Гордоном планы союза с Польшей и войны с Крымом в январе 1684 г., однако шотландец, если верить его «Дневнику», представил доклад, содерявший доводы как «за», так и «против» данной концепции, высказываясь в то же время скорее за войну, нежели за мир³¹. Подобная осторожная позиция Гордона была обусловлена, по-видимому, его нежеланием втягиваться в дискуссии касательно внешней политики России, тесно связанные с борьбой за власть в правящих кругах русского государства. Сообщение Гордона, что Голицын «оказался не слишком склонен» к союзу с Речью Посполитой в силу недоверия к полякам и трудного положе-

жения Австрии³², могло иметь вполне конкретные основания — не устраивавшие русскую дипломатию предложения союза, сделанные осенью 1683 г. польским дипломатом Яном Окрасой, и слабые надежды на то, что удастся достичь взаимоприемлемого соглашения на начинавшихся русско-польских переговорах в Андрушово, которым русский канцлер отводил важную роль в своей политике³³. Попытки Гордона «смягчить», по его выражению, позицию Голицына в отношении Речи Посполитой³⁴ едва ли имели практическое значение. «Посольских делoberегатель» проводил вполне последовательную и продуманную политику в польском вопросе, в нюансы которой шотландец вряд ли был посвящен.

При описании киевского периода службы Гордона можно было бы также обратить внимание на опубликованную царскую грамоту 1681 г. киевскому воеводе Ивану Федоровичу Волынскому. В ней предписывалось объявить генерал-майору Гордону и всем солдатам и офицерам киевского гарнизона о запрете чинить «обиду и тесноту» Киево-Печерскому монастырю, вторгаться в монастырские угодья или наносить обители другие убытки³⁵. Как старший офицер киевского гарнизона шотландец вынужден был нести ответственность за действия своих подчиненных, хотя сам он, как известно, находился с братией Печерской обители в неплохих отношениях³⁶.

Выход очередного тома «Дневника» Патрика Гордона — хороший повод лишний раз обратиться к биографии знаменитого «русского шотландца» и некоторым связанным с ней обстоятельствам, которые касаются его службы в Киеве. Они позволяют нам полнее представить обстановку, в которой он жил и действовал. На службу в Киев П. Гордон был назначен в октябре 1678 г. по просьбе гетмана И. Самойловича³⁷. К сожалению, «Дневник», повествующий о значительном периоде киевской службы Гордона, не сохранился. Изданний Д. Г. Федосовым четвертый том охватывает лишь два года (1684–1685 гг.) его пребывания в Киеве³⁸.

После ожесточенных боев за Чигирин борьба с турками и татарами за Украину отнюдь не закончилась. Более того, в Москве и Батурине (ставке гетмана Войска Запорожского) в 1679–1680 гг. ожидали масштабного похода османов на бывшую столицу Древней Руси. «Все выходцы и утеклецы и иные всякие, сколько их с турской земли не приходило, люди нарочитые, языки, слово в слово о том сказывают, что в два те лета (т. е. в 1679 и 1680 г. — К. К.) турской салтан готовился во всякие готовности в великие войска и во многие воинские запасы, [и что] на будущее лето под Киев сам особою своею

будет», — резюмировал гетман Самойлович настроения русских и украинских правящих кругов в своем письме в Москву от 25 сентября 1680 г.³⁹, когда опасность уже миновала. В связи с ожидаемым появлением турок и татар под Киевом Самойлович поставил перед русским правительством вопрос об укреплении города и участии в этом П. Гордона. «Он, Петр, к осадному времени в Киеве зело надобен», — убеждал гетман московское правительство⁴⁰. Русское правительство вняло просьбе Самойловича. Гордон был направлен на службу в Киев и сыграл крупную роль в обновлении старых и строительстве новых укреплений города⁴¹.

Исследователям давно известны документы, освещающие предложения П. Гордона по усилению киевского гарнизона и укреплению обороны города, а также их реализацию русским правительством. В частности, в ноябре 1678 г. было принято решение выслать в Киев шесть пушек «верховых», гранаты к ним, а также другие боеприпасы и необходимые для осадных работ орудия (кирки, молоты и др.)⁴². Пушки, ядра и ручные гранаты, необходимые в Киеве согласно росписи Гордона, были отправлены туда в феврале 1679 г. из Москвы и с тульских и каширских заводов Христиана Марселиса с головой московских стрельцов Афанасием Козловым и стрелецким сотником Степаном Игнатовым. Последний, впрочем, сообщил в марте 1679 г., что «гранаты разных статей х киевскому отпуску во Брянск поднял», а «прутовое» железо (200 пудов), 50 молотов и 1 тыс. кирок «на подводы не поднял, потому что под те припасы подвод ямских и сошных не достало». В апреле из Малороссийского приказа направили соответствующую «память» в Разрядный, откуда тульскому воеводе князю Перфилию Шаховскому была послана грамота с указанием отправить все «с кем пригоже на ямских и сошных подводах тотчас», чтобы успеть погрузить на струги, которые должны были выйти из Брянска в Киев с другими «воинскими припасы». В противном случае воевода должен был обеспечить доставку груза из Тулы в Киев «на своих подводах». Вскоре Шаховской рапортовал, что отправил кирки, молоты и железо в Брянск после «полой воды», куда их доставил тульский подьячий Гаврила Пахомов. Водным путем по Десне груз сопровождал брянский целовальник и пушкарь Лука Дроконов. Однако в Киеве обнаружилась недостача — 12,5 пудов прутового железа и 13 кирок. В связи с тем, что в октябре 1679 г. от имени Х. Марселиса в Малороссийский приказ была подана челобитная об оплате отпущенного с его заводов товара, думный дьяк Ларион Иванов распорядился (в январе 1680 г.) «доправить» (взыскать) раз-

ницу на подьячих тульской съезжей избы — Никите Романове (получал кирки и молоты на каширском заводе) и Григории Бабкине (получал железо на тульском заводе), поскольку к челобитной прилагались расписки подьячих в получении всех изделий сполна⁴³. Этот эпизод позволяет заключить, что русская военно-бюрократическая машина, реализуя предложения Гордона, работала в целом эффективно, хотя и не без сбоев.

Среди тех «начальных людей», которые, по мнению Гордона, были «надобны в Киеве», значился подполковник Юрий (Джорджио) Степанович Лима⁴⁴, участник обороны Чигирина⁴⁵. Лима — «подкопного дела мастер» — действительно был послан в Киев в составе полка Гордона (соответствующий указ датирован декабрем 1678 г.). 16 ноября 1679 г. он «бил челом» в разрядной избе Киева, что за время своей службы в городе «зделал [...] около Киева» 25 подкопов. «И которые де государь к тому подкопному делу снасти были все переломаны и перепорчены и таких счастей в Киеве добыть невозможно, — пересказывал просьбу Лимы киевский воевода Никита Семенович Урусов в своей грамоте на имя царя, — а на Москве, кроме ево Юрья, таких подкопных счастей добыть некому». «Для (приобретения. — К. К.) подкопных счастей» сослуживец Гордона был отпущен в Москву на два месяца осенью 1679 г., где заодно и «бил челом» о выплате жалованья⁴⁶. Гордон поддерживал отношения с Лимой и после окончания службы в Киеве, о чем свидетельствует четвертый том его дневника⁴⁷.

Однако не только заслуженные мастера-иноземцы помогали П. Гордону готовить Киев к обороне от возможного нашествия османских полчищ. «По росписи» шотландца в Киев были посланы на службу «для огнестрельного и гранатного дела гранатчики» из Пушкарского приказа — Никифор Михеев с товарищами. Ранее они были на государевой службе при осаде Соловецкого монастыря, на Дону во время подавления разинского восстания, при обороне Чигирина⁴⁸.

Работа Патрика Гордона удостоилась высоких похвал украинского гетмана. В грамоте на царское имя от 12 сентября 1679 г. гетман И. Самойлович отмечал следующее: «Около делания крепостей, около верхнего города киевского хотя прошлых лет немало было чрез ваших великого государя вашего царского величества ратных там будущих людей учиненных трудов, однако ж все то дело к потребе и ко обороне не показалось, а то с тех мер, что совершенного и разсмотрителного инженерского не было строительства. А нынеш-

него лета за нашим с вашими великого государя з бояры и воеводы под Киев прибытием, егда совершенный в том деле строитель ваши генерал маеор Петр Гордан поделку и починку городовым крепостям прилежно почел исправляти, тогда есть на что посмотрети очи ма и сердцем надеяться (курсив мой. — К. К.), не так как прежде. Пристойных мест к стрелбе ис пушек и ко утверждению людей к стрелянию из мушкетов не было к бою, но ныне во всем пригоже и надежно валы обчищены, на воинах новые бои и широкие рвы по-деланы и пристойные раскатцы и где належало выводы построены. Хотя еще то дело в некоторых местах в достаточное дело не приведено, о котором совершенстве радеют тамошние сиделцы, однако ж за такое доброе основание, на каком не вотще ратных ваших государственных людей положиша трудно, достоин есть он генерал маеор Петр Гордан добной похвалы, на которого генерала маеора и на начальных при нем пребывающих людей дабы милосердное от веле лепоты вашей монаршеской было призрение, о сем я яко наипокорне к ногам пресветлого престолу упадая, челом бью»⁴⁹.

Труды по укреплению Киева П. Гордона и других служилых иноземцев, направленных туда «по наряду из Быноземского приказу» (т. е., видимо, по росписи шотландца), были отмечены и русским правительством. Ранее тем из них, кто в 1678 г. участвовал в обороне Чигирина, было выдано государево жалованье «сверх годовых окладов на месяц» с условием, что эта сумма будет вычтена из жалованья будущего года. Однако теперь «за их службы» решено было «у них не вычитать» («а впред им и иным то не во образец», — отмечалось в указе). Более того, первоначально служилым иноземцам, направленным на службу в Киев, было решено выдавать жалованье 2/3 деньгами и 1/3 соболями. Однако 15 декабря 1679 г. великий государь Федор Алексеевич «пожаловал генерала маеора Петра Гордона с начальными людми за их службу и за городовую киевскую работу», велев выплатить им все жалованье деньгами⁵⁰.

Несмотря на то, что турки под Киевом в 1679 г. не появились, И. Самойлович выражал опасения, что в следующем году это случится обязательно. В связи с этим с новыми предложениями гетмана (составленными, возможно, не без учета мнения П. Гордона) по обороне Киева от турок в начале 1680 г. в Москву прибыл войсковой товарищ И. С. Мазепа⁵¹. Во врученной им русскому правительству обширной инструкции гетман возражал против высказывавшихся, видимо, кем-то из русских военачальников предложений не оборонять Киево-Печерский монастырь, а сосредоточиться на защите самого

Киева или даже только верхнего города. Самойлович, впрочем, признавал разумность приведенных аргументов, убедившись в этом во время своей поездки в город и его окрестности в 1679 г. «В прошлом году, — писал гетман, — будучи под Киевым, разсуждали есмы, смотря по войску и по расположению тамошнем неровном боярчном. Вижу, что было б невозможно боронить всего, как Печерского монастыря, так и нижнего города киевского, есть ли бы пришли бы силы турские, и то для того, что от берега из-за монастыря Печерского почавши, тем полем вести обоз даже по за нижним городом киевском к другому берегу днепровому, будет того места полем по бояракам и по горам пять верст и болши, розтягнувши тогда тол тонко войска и малолюдно, а долго, нелзя б одному другому подавать помощи за пять верст, наипаче ж пешим». Соглашаясь с тем, что на пересеченной местности было бы невозможно удерживать сплошную линию обороны между монастырем и городом, Самойлович, тем не менее, замечал, что «оставить паки Печерский монастырь для мощей святых божиих и для церкви чудотворной неудобно, также и нижнего города оставить без обороны невозможно, и оставив нижней город, и верхнему было б опасно, понеже неприятель, усмотрив одно место, туды все свои силы скоро обратил бы, едино ж мало времени много зла учинит».

Кроме того, возражения гетмана вызвали предложения «некоторых людей», как он их именовал, не оборонять подступы к Киеву, а сразу после появления противника сосредоточиться на защите городских стен («против верхнего киевского города от поля, се есть против Златых ворот и против горы от Лыбеди, войска против той стены не надобно ставить за городом, как по иным местам, уповаючи на городовую стену»). Самойлович считал, что это только ускорит взятие киевской крепости османами, в осадном искусстве которых гетман имел возможность лично убедиться в ходе недавней обороны Чигирина. Он уверял царское правительство, что если бы турки, «пришед, то место застали порожнее, то хотя б нас по обоим сторонам, почав от Печерского монастыря и против нижнего городу киевского по сту тысячью было, однако б зело было опасно, и для того тот неприятель весь свой промысл там чинит и силу свою оборачает издавна где б ему место, хотя на несколко сажен усмотрит порожже, которым возможно б ему притти шанцами под крепость, а из шанцев тотчас колко похочет, толко и подкопов поведет, чем всегда на всех войнах, наипачеж под крепостями славен, и немного ему времени надобно к строению шанцев, в одном часу все зделает, такова

их есть прилежность». А «когда же утвердит шанцы, — продолжал Самойлович, — то трудно уж будет его из них выбить, потому что и однажды негде ступить ногою одному человеку поверх шанцов, через вымышленные его в шанцах хитrostи». Поэтому, считал гетман, против такого опасного врага необходимо сосредоточить все силы, чтобы «ему никакова приступу к стене не было, а хотя мало приступит к стене городовой и положит шанцы, то уже никоими мерами невозможно там одержатись, для его тяжких и нещадных подкопных и пороховых промыслов». Также гетман опасался, что турки, «ведающи совершенно все места около Киева» и отдавая себе отчет в значении Днепра для его обороны, могут перекрыть осажденным Днепр «меж Киевом и Вышгородом», блокировав подвоз запасов из Брянска, «что нетрудно, не дай Боже, учинил бы, понеже на несколко частей розно разделился, ибо из острова на остров, как захотел бы [неприятель], мосты живые (временные? — К. К.) поделал бы, и на тех островах городки поделавши». Тем не менее, предполагая, что под Киев османы пришлют еще большее войско, чем под Чигирин (где турецкая армия превосходила по численности русско-украинскую армию, по его мнению, вдвое), Самойлович считал, что царские войска должны в любом случае, «оставив остров, tolko городов верхнего и нижнего и Печерского монастыря беречь и боронить»⁵².

Впрочем, если бы под Киев было прислано достаточное количество войск, гетман полагал возможным организовать «пляцовые сторожи», не только там, где османы могли прорваться к стенам, но и на днепровских островах. Самойлович предлагал, чтобы «пляцовые сторожи», располагаясь «по уреченным местам, в таборе, крепки были, и на тех местах люди выборные всегда к бою готовы и дерзостны по несколко тысячи пребывали, чтоб одне других видя, стояли, и вовремя нужного надобья от неприятелского нашествия, что б друг другу пособствовали, покамест все войско не устроитца и неприятелю где лучитца, на каком месте учинит отпор». Гетман считал нужным «у моста також нехудую надобно держать всегда сторожу, но выборных людей посадить со всякими их запасы и с пушками, так и з сей стороны, как и о средине, что б неотступно и непременно стерегли, чтоб нигде ничего неприятелю не попустили»⁵³.

В связи с этим Самойлович констатировал, что «зело есть потребное дело добрых и искусных имети инженеров, которые чинили б подкопы, противные неприятелским, и оныя принимали». Гетман напоминал русскому правительству о продолжительной Кандийской войне 1645–1669 гг., в которой «венецыяне» смогли противостоять

столь длительное время османским полчищам, потому что «с искусственными в инженерстве людми и с снаряды к тому делу належащими непрестанно против турских войск хитрых подкопных промыслов употребляли, что безчисленное множество неприятелей тем способом погибло, которого дела самовидцов при себе имеем много». Возможно, одним из участников Кандийской войны был уже упоминавшийся венецианец Ю. Лима. Кроме инженеров, гетман настаивал на присылке в Киев «искусных гранатчиков» «со многими гранатами», которые особенно необходимы для уничтожения турок в шанцах. В связи с тем, что для этого необходимо много пороху, готовых гранат и гранатных мастеров, Мазепа должен был просить великого государя «сыскать» мастеров сколько возможно, а также «пороху и гранатов довольно приготовить и людей к ним (к гранатным мастерам. — К. К.) придать» около 2 тыс. человек, которые расположатся под Киевом «для денної и ночной сторожи», а также будут «землю копать и выносить», поскольку солдатам найдется работа и без этого⁵⁴.

1 марта 1680 г. в царской передней гетманской инструкция обсуждалась на заседании Боярской думы. По царскому указу реализация предложений гетмана по укреплению Киево-Печерского монастыря, системы обороны Киева, включая верхний и нижний «городы», постройке «мостовых крепостей» (видимо, остроги, которые должны были защищать входы на мост через Днепр) возлагалась на гетмана, а также царских бояр и воевод: «о валовом деле и о стоянье от Печерского монастыря по Днепр и по нижней город [...], положит то все на бояр и воевод и на гетмана, и что ко укреплению надобно и где плечевые полки ставити и какие крепости чинить, то учинят бояры и воеводы и гетман [...], и о мостовых крепостях учинят бояры и воеводы». Инженеров и гранатчиков, порох и гранаты решено было послать в составе полков бояр и воевод, придав им и работных людей для возведения укреплений. Войск в этом году решили направить под Киев вдвое больше прежнего, что должно было также и увеличить число рабочих рук на строительстве укреплений: «в пре(д) идущее лето з бояры и воеводы быть обеим половинам, а не половине»⁵⁵. В марте гетман буквально бомбардировал русское правительство грамотами с просьбами ускорить подготовку Киева к обороне. 13-го числа, пересылая в Москву очередные вести про скорый приход османов под Киев, он призывал Федора Алексеевича послать свои войска «под тот отчину вашей государской град» как можно скорее⁵⁶. В грамоте от 18 марта Самойлович сообщал, что бывший в Киеве генеральный бунчужный Леонтий

Полуботок доложил ему, что «велми много надобно для обороны того городу лесу [...], смолы» и т. д., прося прислать все необходимое поскорее⁵⁷. Вскоре после этого распоряжения о подготовке Киева к обороне были направлены киевскому воеводе Ивану Большому Севастьяновичу Хитрово, которому «на оборону лес и всякие к воинскому устроению потребы» было велено готовить «с великим радением и с поспешением». Об этом гетману сообщалось в ответной царской грамоте от 31 марта 1680 г.⁵⁸

Итоги масштабных двухлетних работ, которые, судя по всему, в 1680 г. интенсифицировали, были подведены в подробной описи киевских укреплений, составленной осенью 1680 г.⁵⁹ Помимо П. Гордона немалую роль в разработке общего плана обороны города сыграл и гетман И. Самойлович, сумевший по достоинству оценить умения и опыт «русского шотландца». Ранее заслуги гетмана сводились лишь к укреплению Киево-Печерского монастыря⁶⁰.

Патрик Гордон был известен своей ревностной приверженностью католичеству. Именно он сыграл важную роль в появлении в Москве католического костела⁶¹. Не забывал шотландец о спасении души и во время службы в Киеве. 15 сентября 1680 г. киевский полковник Константин Солонина сообщал гетману о прибытии в Киев католического священника из Коростышева (местечко недалеко от Житомира), которого пригласил «генерал-немчин католицкой веры с ыными» служилыми иноземцами. Генерал, в котором нетрудно узнать П. Гордона, и его единоверцы писали ксендзу, «чтоб приехал для слушания исповеди и для причащения»⁶².

Вышеприведенные данные об оборонительных работах в Киеве, планах по его укреплению и участии в них П. Гордона расширяют наши знания об одном из интереснейших этапов службы русского шотландца в период, за который соответствующий том «Дневника» (за 1679–1683 гг.) не сохранился. Гордон сыграл важную роль в повышении эффективности тех усилий, которые Россия и Украина затратили в 1679–1680 гг. на укрепление «матери городов русских». Вероятно, что готовя свои предложения по обороне города, советами Гордона воспользовался и гетман И. Самойлович.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Федосов Д. Г. Летопись русского шотландца // Гордон П. Дневник. 1635–1659. М., 2000. С. 234–243.

- 2 *Гордон П.* Дневник. 1635–1659; 1659–1667. М., 2003; 1677–1678. М., 2005; 1684–1689. М., 2009.
- 3 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 69.
- 4 Русская дипломатия как раз давала понять австрийской стороне, что без договора о союзе и Вечном мире с Речью Посполитой никаких действий на крымско-турецком направлении Россия предпринимать не будет. В связи с этим и какие-то военные демонстрации были ни к чему, и В. В. Голицын прямо отказал в этом послам императора в 1684 г. См.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 274–279.
- 5 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1862. Т. 6. Стб. 868–993. Единственный австрийский дипломат — Иоганн Курц, побывавший в Москве в 1685 г., имел статус гонца.
- 6 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 78, 285.
- 7 Там же. С. 160, 304.
- 8 См. напр.: *Ковалевский Н. П.* Деятельность русской дипломатии в 70–80-х годах XVII века по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепропетровск, 1968. С. 162.
- 9 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 161, 304.
- 10 *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 94.
- 11 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 46.
- 12 Там же. С. 280.
- 13 См., напр.: *Крикун М.* Остап Гоголь — гетьман козацтва Правобережної України // Він же. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 328.
- 14 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 170, 305.
- 15 *Kryczyński S.* Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-ethnograficznej // Rocznik tatarski. Warszawa, 1938. Т. 3. С. 3.
- 16 Ibid. С. 31.
- 17 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 299.
- 18 Там же. С. 312.
- 19 *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 7. С. 363.
- 20 *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия... С. 363–364.
- 21 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 231.
- 22 См. об этом подробно: Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). Тбилиси, 1974–1979. Ч. 1–2.

- ²³ *Гордон П. Дневник. 1684–1689.* С. 166.
- ²⁴ См., напр.: Українське козацтво: Мала енциклопедія. Київ; Запоріжжя, 2006. С. 103.
- ²⁵ *Федосов Д. Г. От Киева до Преображенского // Гордон П. Дневник. 1684–1689.* С. 232–266.
- ²⁶ Там же. С. 234.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См., напр.: *Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия...* С. 245.
- ²⁹ *Федосов Д. Г. От Киева...* С. 238. Автор опирается на мнение Н. Г. Устрялова, считавшего, что «ничто не могло быть основательнее мнения Гордона при тогдашних обстоятельствах» (*Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Господство царевны Софьи*. СПб., 1858. Т. 1. С. 134).
- ³⁰ *Федосов Д. Г. От Киева...* С. 255.
- ³¹ *Гордон П. Дневник. 1684–1689.* С. 7–11. Помимо Н. Г. Устрялова (*Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого...* С. 129–134), значительное внимание записке П. Гордона уделил также А. Брикнер, посчитавший, что шотландский генерал на русской службе «проповедовал войну» (*Брикнер А. Патрик Гордон и его дневник*. СПб., 1878. С. 45–48, 162).
- ³² *Гордон П. Дневник. 1684–1689.* С. 6.
- ³³ *Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия...* С. 159–215, 259–264.
- ³⁴ *Гордон П. Дневник. 1684–1689.* С. 6.
- ³⁵ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 9. С. 185–186.
- ³⁶ *Федосов Д. Г. От Киева...* С. 237, 239.
- ³⁷ *Гордон П. Дневник. 1677–1678.* С. 115–117.
- ³⁸ *Гордон П. Дневник. 1684–1689.* С. 6–85.
- ³⁹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 25–27. Многочисленные выходцы из турецкого плена, приезжавшие из османских земель купцы и другие лица действительно сообщали о подготовке удара османов на Киев, сначала в 1679, а затем в 1680 г. Десятки таких сообщений отложились в фондах Малороссийских дел Посольского приказа (124) и Малороссийского приказа (229). По всей видимости, демонстрацией военных приготовлений османы пытались склонить Россию к мирным переговорам и уступкам в свою пользу.
- ⁴⁰ *Гордон П. Дневник. 1677–1678.* С. 116.
- ⁴¹ Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII века. Киев, 1982. С. 16, 125–133.

- 42 Последнюю публикацию см.: *Гордон П.* Дневник. 1677–1678. С. 117–123.
- 43 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 42–49. По причине малолетства Х. Марселиса, которому в 1680 г. было только шесть лет, делами его заводов занимался А. Бутенант (*Дёмкин А. В.* Марселисы // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 493).
- 44 *Гордон П.* Дневник. 1677–1678. С. 123.
- 45 Там же. С. 74, 84.
- 46 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 24–30. См. также: *Алферова Г. В., Харламов В. А.* Киев во второй половине XVII века. С. 130.
- 47 *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. С. 166.
- 48 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 74–78. Первоначально в Киев были посланы 10 гранатчиков во главе с Н. Михеевым, в декабре 1679 г. они были отпущены в Москву. Второй раз русские гранатчики (Н. Михеев, Сергей Мартынов, Кирилл Галкин, Максим Климов) и четверо их учеников отправились в Киев в марте 1680 г.
- 49 Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 39–41об.
- 50 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 30–33. Мотивировка этого решения была следующей: «а соболей не посыпать для того, чтоб им, будучи на его государеве службе в Киеве и в иных малороссийских городех, хлебные и всякие запасы и конского корму вперед в запас искупит до приходу ратных людей к Киеву».
- 51 И. С. Самойлович — царю Федору Алексеевичу. 12 февраля 1680 г., Батурин // РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 143–147. И. С. Мазепа въехал в русскую столицу 27 февраля.
- 52 Там же. Л. 160–166.
- 53 Там же. Л. 170–172.
- 54 Там же. Л. 175–176.
- 55 Там же. Л. 68–69.
- 56 Там же. Л. 148–155.
- 57 Там же. Л. 132–136.
- 58 Там же. Л. 138–142.
- 59 *Алферова Г. В., Харламов В. А.* Киев во второй половине XVII века. С. 129–132.
- 60 Там же. С. 62–63. См. также: *Заруба В. М.* Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ, 2003. С. 327.
- 61 *Федосов Д. Г.* От Киева... С. 255.
- 62 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 35.

Kochegarov C. A.

General Patrick Gordon and Hetman Ivan Samoilovich in 1679–1680.

(A Note on the Publication
of the Next Volume of “Diary” of P. Gordon)

There is additional information on the relations between P. Gordon and Ukrainian Hetman I. Samoilovich and on the service of that Scotch officer in Kiev.

Key words: *Patric Gordon, Ivan Samoilovich, Kiev, Ottoman Empire.*

*A. С. Стыкалин
(Москва)*

Новая работа по истории советско-югославских отношений

В рецензии содержится отклик на монографию А. Б. Едемского «От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах», в которой дается детальная картина двусторонних советско-югославских отношений в чрезвычайно важный для них и насыщенный событиями период.

Ключевые слова: *СССР, Югославия, Сталин, Тито, Хрущев, конфликт, нормализация, XX съезд КПСС.*

Советско-югославский конфликт 1948 г., его влияние как на характер отношений внутри формирующегося советского блока, так и на обострение холодной войны неплохо изучены, особенно в работах Л. Я. Гибианского. Гораздо меньше до недавних пор были исследованы конкретные обстоятельства примирения двух коммунистических режимов, начавшегося сразу после смерти Сталина. Основательная монография А. Б. Едемского «От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах» (М., 2008. 614 с.), вводящая в научный оборот огромный фактический материал, извлеченный из архивов нескольких стран, в значительной мере заполнила имевшийся в историографии пробел.

Весной 1953 г. со смертью вождя его соратники по кремлевскому руководству должны были внести определенные корректизы во всю проводившуюся до тех пор конфронтационную внешнюю политику, чреватую перерастанием холодной войны в полномасштабное вооруженное столкновение с США и их союзниками. Ситуация в странах советской сферы влияния также внушала немалые опасения. Июньские события в ГДР, забастовки в Чехословакии, донесения о напряженной обстановке в Венгрии свидетельствовали об остром недовольстве населения проводимой экономической политикой, постоянным увеличением расходов на армию. Со всей остротой встал вопрос об эффективности прежних методов контроля над Восточной Европой. Требовал своей логической развязки советско-югославский конфликт, продолжавший оставаться наиболее серьезным источником напряженности не только в региональном, но и в общеевропейском масштабе.

Уже в первые месяцы после смерти Сталина, как показывает А. Б. Едемский, начался поиск путей к нормализации отношений. Однако дело осложнялось сохранением антиюгославской инерции, антиюгославских стереотипов в мышлении советского руководства. Исключительная резкость разрыва с титовской Югославией создавала дополнительные трудности на пути к примирению. С югославской стороны любые встречные шаги также не могли быть легкими — в Белграде слишком далеко зашли в критике советского империализма и бюрократической системы, существующей в СССР.

Как бы то ни было, «особых расхождений весной 1953 г. по югославскому вопросу в советских верхах не имелось». Как доказывает Едемский, некоторые разногласия между членами «коллективного руководства» КПСС касались вопроса о темпах нормализации с Югославией, но отнюдь не о ее необходимости. Даже В. М. Молотов, наиболее резко настроенный против режима Тито, откровенно признал с трибуны июльского пленума ЦК КПСС, что прежняя конфронтационная политика была неэффективной: «...если в лоб не удалось (*sic!*), мы решили взять другим, мы решили, что надо установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами: послы, обмен телеграммами, деловые встречи и прочее». Впрочем, за словами «решили взять другим» скрывалась, как представляется, лишь смена тактики, тогда как стратегическая цель — устранение неприемлемой для Москвы верхушки СКЮ — пока еще оставалась неизменной.

Не обходит автор стороной и позиции Берии. Его попытки установить прямые связи с шефом югославской госбезопасности А. Ранковичем свидетельствовали не только о готовности вести свою игру, но также и о планах более решительного прорыва на югославском направлении, которые он не успел реализовать. С другой стороны, через считанные недели против Берии в целях его компрометации и последующего устранения была охотно разыграна его конкурентами и югославская карта. Обвинения всесильного министра МВД в «коварных замыслах» установления неконтролируемых партией связей с «вражеским» режимом Тито стали важнейшим политическим аргументом, выдвинутым против него, в частности, в ходе июльского пленума ЦК КПСС. Тем не менее импульс к нормализации отношений с ФНРЮ, заданный еще до ареста Берии, продолжал определять курс Москвы. Осуждение Берии ни в коей мере не изменило избранной линии на смягчение конфликта, остававшейся в силе вне зависимости от персональных перестановок в высшем советском руководстве.

стве. Уже к осени 1953 г. в общем контексте внешней политики СССР Югославию, как отмечает Едемский, отнюдь не выделяли как особого врага, и отношения с ней были выведены на уровень стандартных отношений с капиталистическими государствами. Этому соответствовали и господствовавшие в Москве представления о Югославии как капиталистическом государстве, использующем в демагогических целях социалистическую фразеологию. Вместе с тем в Кремле и на Смоленской площади внимательно отслеживали моменты противоречий и разногласий титовской Югославии с Западом, стремясь использовать их во внешнеполитических целях.

В Белграде, в свою очередь, арест и устранение Берии были восприняты как очередное проявление кризиса советской системы, что стало дополнительным аргументом против форсирования процесса сближения с Москвой. Тито и его окружение с самого начала заняли твердую позицию: идти на нормализацию, но не заходить слишком далеко, они рассчитывали на то, что сумеют сыграть на противоречиях между двумя блоками в интересах укрепления внешнеполитических и внешнеэкономических позиций Югославии (тактика, не безуспешно потом применявшаяся на протяжении многих лет). Наше закономерное недоверие к Советам, говорил Тито, «не означает, что мы не примем установления нормальных отношений с ними, ибо сегодняшнее состояние — ненормальное»; «но никогда не произойдет того, чтобы мы стали довеском Советского Союза и он вернул прежние позиции, которые ранее имел в нашей стране»; никогда не дождутся в Москве и «нашего покаяния в том, что мы якобы свернули с позиций марксизма-ленинизма».

Куда более заманчивой для Тито была идея югославского посредничества в отношениях между Западом и восточным блоком. Строя уже начиная с 1954 г. подобные планы, вождь СКЮ явно хотел повысить цену своему режиму. Как пишет в этой связи Едемский, если «версия о посреднической роли, отводимой Югославии Западом, устраивала югославское руководство, поднимая его престиж в мире, то слухи о... возвращении в «советский блок» гораздо меньше соответствовали его настроениям».

Нормализация, подчеркивали лидеры ФНРЮ, ни в коем случае не должна означать капитуляции. В Белграде не верили в искренность советского руководства, в новой политике СССР зачастую видели лишь маневр, направленный на то, чтобы воспрепятствовать дальнейшему сближению ФНРЮ с Западом, а в перспективе и вернуть страну к прежнему статусу своего сателлита, что предполагало

смену руководства СКЮ. В окружении Тито нисколько не желали нарушать позитивную динамику развития разносторонних отношений с западными странами, ставить под угрозу уже отлаженные механизмы взаимодействия с ними. При этом в руководстве ФНРЮ «думали не только о необходимости проведения расчетливой политики в отношении СССР, но и том, как преподнести мировому обществу свои действия (по сближению с СССР — А. С.), чтобы их интерпретация не нарушила связи, наработанные в последние годы югославским руководством на Западе». Любые предположения относительно возможного возобновления союзнических отношений с Москвой Белградом категорически опровергались. Начиная с 1953 г. на долгие годы, особенно в периоды улучшения отношений с СССР, для лидеров ФНРЮ (позже СФРЮ) оглядки на Запад становятся постоянной заботой.

В окружении Тито существовали также реальные опасения, что устранение фактора советской угрозы, сильно способствовавшего после 1948 г. сплочению многонациональной югославянской общности, ослабит внутреннее единство Югославии, усилит центробежные тенденции в федеративном государстве (этого, кстати сказать, не хотели и на Западе, где Тито воспринимался как едва ли не идеальный для балканского региона диктатор, способный без большой крови соединить на общей платформе весьма разнородные, трудно совместимые элементы). С другой стороны, при всей критике советской бюрократической системы и вопреки любым пропагандистским декларациям о преимуществах югославской модели самоуправления (якобы не подверженной бюрократическому перерождению), в Белграде, как явствует из аналитических записок югославских экспертов, приводимых Едемским, в целом осознавали глубокую родственность двух политических и экономических систем, что само по себе служило (пусть не афишируемой) предпосылкой для налаживания сотрудничества, по крайней мере в сфере экономики.

В своей монографии Едемский не обходит стороной как проблему Балканского пакта, так и влияние на советско-югославские отношения проблемы, связанной с государственной принадлежностью и статусом Триеста, ставшего яблоком раздора между Югославией и Италией. Начавшаяся еще при жизни Сталина работа по созданию Балканского пакта с участием Греции, Турции и Югославии имела своей целью формирование механизмов региональной безопасности, в том числе и на случай советской агрессии. После смерти Сталина пакт продолжал активно функционировать, первоначальный до-

говор между его участниками, заключенный в феврале 1953 г., был дополнен в августе 1954 г. новым договором, предусматривавшим далеко идущие взаимные обязательства в сфере обороны. Создание Балканского пакта при одновременном дистанцировании Югославии от блока НАТО преподносилось официальным Белградом мировому общественному мнению как проявление независимой внешней политики (в том числе перед лицом СССР, чье руководство сменило тактику). В Москве на это смотрели иначе. Советские лидеры были сильно обеспокоены перспективами расширения системы западных военных союзов, не верили в их сугубо оборонительный характер, а Балканский пакт воспринимали в качестве своего рода «довеска» к НАТО. При всем этом активизация в 1954 г. военной составляющей Балканского пакта, как доказывает Едемский, не только не охладила решимости «коллективного руководства» СССР к сближению с Югославией, а, напротив, стимулировала усилия, направленные на предотвращение интеграции ФНРЮ в систему западных блоков, явно не отвечавшей стратегическим интересам СССР на Балканах. В Кремле поняли, что только принципиальное улучшение отношений с Югославией позволит, может быть,нейтрализовать некоторые американские планы по укреплению своего влияния на Балканах. Вообще же неоднозначность внешней политики ФНРЮ, разноречивость импульсов, исходивших из Белграда, открывали в 1953–1954 гг. простор для реализации разных альтернатив в советской политике на югославском направлении.

К более решительному курсу Москву побуждало разрешение к лету 1954 г. триестского кризиса, вначале вбившего клин в отношения Югославии с Западом и усилившего антizападные настроения ее элиты (поскольку все западные державы в сущности поддержали Италию в ее обострившемся территориальном споре с ФНРЮ). 31 мая 1954 г. в Лондоне завершились итальянско-югославские переговоры по Триесту. В Москве в этот момент пришли к осознанию, что преодоление противоречий с Западом открывало пути к дальнейшему втягиванию Югославии в систему западных оборонительных и экономических союзов. Для того чтобы избежать подобной перспективы, надо было сделать качественно новый шаг в отношениях с Белградом. В тот же день, 31 мая, в Кремле на заседании Президиума ЦК КПСС обсуждался вопрос о необходимости приложить дополнительные усилия в целях недопущения Югославии в западные блоки. В дальнейшем по мере сближения с СССР руководство ФНРЮ на встречах с советскими лидерами все более делало акцент на эконо-

мическом и культурном аспектах сотрудничества стран — участниц Балканского пакта. О его военной составляющей вспоминали, как правило, лишь в моменты новых осложнений с Советским Союзом, например, после венгерских событий осени 1956 г.

Немалое внимание в работе Едемского уделено «делу Джиласа», потрясшему внутривнешнюю политическую жизнь Югославии в начале 1954 г., и его влиянию на ход нормализации двусторонних отношений. Обрушившись с резкой критикой существующих в Югославии порядков, видный деятель правящей партии М. Джилас создал удобный для советских лидеров прецедент — еще бы, те обвинения руководства СКЮ в моральном разложении и т. д., которые давно звучали в советской пропаганде, получили подтверждение в устах влиятельного югославского коммуниста. Как отмечалось в одном из документов КПСС, Джилас «показал действительное политическое положение в стране и особенно в СКЮ»; в силу этого весьма велик был соблазн использовать критику им югославской модели в пропагандистских материалах КПСС. Кроме того, выступление Джиласа стало симптомом кризиса в верхах СКЮ, проявлением серьезных разногласий в ее руководстве, что подтверждало, на первый взгляд, правомерность прежних установок на внесение раскола в югославскую элиту в целях смены верхушки партии. В то же время в Москве знали Джиласа как одного из наиболее яростных в югославском руководстве критиков СССР, и в силу этого его смещение было воспринято с удовлетворением, как следствие ослабления позиций правого, наиболее последовательного в своем антисоветизме крыла в элите СКЮ. Осуждение его взглядов, замечает Едемский, могло быть истолковано и как показатель того, что югославские лидеры во главе с Тито намерены сохранить господство партаппарата, дав отпор тем членам СКЮ, которые черезчур далеко зашли в своих «ревизионистских» устремлениях, совершенно неприемлемых для Москвы. Существовали вместе с тем и подозрения, что Тито решил принести в жертву слишком самостоятельного и откровенного в своих высказываниях Джиласа, чтобы сохранить «маскировку», то есть внешнюю видимость Югославии как социалистического государства. Как бы то ни было, устранение Джиласа стало фактором, способствовавшим нормализации советско-югославских отношений. На Западе же «дело Джиласа» было воспринято в целом негативно, как жест в адрес СССР, демонстрирующий готовность к далеко идущемуближению ФНРЮ с советской державой, а также как отказ от системных политических реформ.

В оценке Москвой сути югославского режима долгое время не происходило изменений. Как отмечалось в документе 1954 г., «Югославия является капиталистическим государством, и ее политика, как внутренняя, так и внешняя, является буржуазной политикой, прикрывающейся, однако, “социалистической” фразеологией с целью дезориентации и обмана народных масс». Этот тезис отражал в первую очередь позицию МИДа и его главы В. М. Молотова, проявившего завидные последовательность и упорство в непризнании Югославии как социалистического государства. Ни о каком возврате этой страны в советский блок при сохранении прежнего руководства речи не было, как не было уже иллюзий, что Тито можно легко скинуть (его сильные властные позиции уже не вызывали в Москве сомнений, как это было в 1948–1952 гг.). Идея некоторого оживления экономических и культурных отношений с Белградом поддерживалась и Молотовым (прагматика в данном случае взяла верх над принципами), но первого шага ждали от югославской стороны. Вообще любое примирение не на платформе, продиктованной из Москвы, однозначно воспринималось как капитуляция.

Югославы сделать решающий шаг, как уже отмечалось, не торопились, оглядываясь на Запад — для каждой из сторон первый шаг к примирению вообще был связан с опасениями «потери лица», утратой престижа. Да и само отношение к ним в Москве как к «капиталистической» стране югославов в общем устраивало. Как заметил Тито на пленуме ЦК СКЮ в марте 1954 г., трудно представить себе, что руководство СССР признает нас в качестве равноправного партнера, строящего социализм, оно не будет удовлетворено ничем иным, кроме возвращения Югославии ее прежнего статуса сателлита. Но пусть оно хотя бы «будет относиться к нам примерно как к капиталистической стране», то есть оставит нас в покое, дав возможность идти к социализму своим путем. Это нисколько не исключало расширения экономического и культурного сотрудничества с СССР — напротив, при сохранении внешнеполитической независимости Югославии любые серьезные подвижки в этой области можно было бы преподнести как внутреннему, так и международному общественному мнению как свою победу.

Иной позиции, чем Молотов, придерживался Хрущев. Задумав еще в 1954 г. осуществить прорыв на югославском направлении, он рассчитывал на то, что даже частичный успех в деле возвращения стратегически важной Югославии в социалистический лагерь станет серьезной козырной картой против скептика Молотова. Доказав

неспособность своего оппонента к выработке новых, более эффективных подходов, Хрущев надеялся отодвинуть влиятельнейшего Молотова на вторые роли в советской политике в интересах собственного выдвижения на роль бесспорного лидера в послесталинском руководстве. Рассмотрение вопросов советско-югославских отношений в контексте внутриполитической борьбы, происходившей в это время в СССР, — одно из несомненных достоинств монографии Едемского. Как показывает автор, именно с подачи Хрущева решено было форсировать сближение с Югославией, активизировать многосторонние связи, распустить коминформовские структуры, ответственные за идеологическую войну с режимом Тито. Советский лидер осознавал, что любой дрейф Югославии к Западу (вполне реальный после разрешения триестского кризиса) стал бы внешнеполитическим провалом для советского руководства; отсутствие инициативы, выжидательная позиция были неэффективны, тем более что сама ФНРЮ вела весьма активную внешнюю политику, после Бандунгской конференции (апрель 1955 г.), по сути дела положившей начало движению неприсоединения, стала сильным игроком на новом политическом поле, пойдя на сближение со странами «третьего мира». Вырабатывая новую линию, приходилось преодолевать прежний скептицизм: зависимость ФНРЮ от западной экономической помощи зачастую воспринималась как фактор, неизбежно предопределяющий антисоветские тенденции в ее внешней политике.

Если до весны 1955 г. главная ответственность за разрыв возлагалась на югославскую сторону, то в условиях подготовки визита советской партийно-правительственной делегации в Белград речь шла скорее уже о равной ответственности обеих сторон, все более критически оценивалась политика сталинского периода, приведшая к неоправданному выталкиванию стратегически важной страны из формирующегося социалистического лагеря. Как отмечалось в некоторых документах, разрыв с Югославией (при всей допустимости критики неприемлемых тенденций в политике КПЮ) нанес ущерб делу социализма, затруднив возможности советского влияния на происходящее в этой стране и дав повод империалистам использовать конфликт в своих целях. Вместе с тем велик был соблазн все валить на Берию. Нормализация на основе признания решающей вины Сталина очень долго не устраивала руководство КПСС, что проявилось в ходе первых же бесед советских и югославских лидеров в дни поездки делегации во главе с Хрущевым в ФНРЮ в конце мая — начале июня 1955 г.

Как показывает Едемский, изменение установок сказалось на смене оценок режима, существующего в Югославии. В документе, относящемся к маю 1955 г., отмечалось: «...по экономической структуре и по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа». А позже, на июльском пленуме, Хрущев говорил о ненормальности положения, когда СССР находится во враждебных отношениях со страной, строящей социализм. Согласно изменившимся представлениям руководства КПСС, сближение с Югославией позволило бы сузить фронт «агрессивного империалистического лагеря», что означало бы несомненный политический выигрыш.

Задумываясь над мотивами, заставившими Тито и его окружение сделать встречное движение к СССР, автор акцентирует внимание на внешнем факторе. И дело здесь было не только в заинтересованности ФНРЮ в экономическом сотрудничестве с СССР на выгодных для себя условиях (как известно, по итогам экономических переговоров стороны отказались в 1955 г. от взаимных финансовых претензий, в том числе свели к нулю большой долг ФНРЮ СССР) и не только в амбициях ее руководства, жаждавшего играть посредническую роль в межблоковых отношениях. В Белграде оглядывались на происходящий диалог Москвы с Западом — ведь стагнация в нормализации с СССР в условиях сдвига в отношениях великих держав (достижение договоренности о полном суверенитете Австрии, подготовка женевской встречи и т. д.) могла резко снизить роль Югославии как самостоятельного игрока на международной арене, а этого хотели только в Кремле, но отнюдь не в команде Тито. Как отмечалось в одном из документов, подготовленных в аппарате СКЮ, там со временем пришли к выводу, что «далнейшая нормализация отношений с СССР обеспечит нам больше простора для маневра в целях сохранения независимости нашей внешней политики и создания условий для уменьшения давления Запада. Этот фактор мы можем использовать в дальнейшем, учитывая, что мы не нарушим наши отношения с Западом». В 1955 г., не без влияния уже упомянутой Бандунгской конференции, получает все большее развитие идея равноудаленности Югославии от обоих блоков.

Советское руководство, указывая во внутрипартийных документах на «большой груз чуждых взглядов», накопившихся в СКЮ за годы после разрыва, вместе с тем проявило в этот период невиданные при Сталине понимание и терпимость к внешнеполитической открытости Югославии. Как заметил Хрущев, мы не можем ру-

гать югославов за сближение с Западом, ведь мы и сами стремимся к улучшению отношений с западными странами. А 27 мая 1955 г. в своей речи, произнесенной в белградском аэропорту сразу после прилета, он говорил о том, что «стремление Югославии развивать отношения со всеми государствами как на Западе, так и на Востоке встречает у нас полное понимание». Через новую политику в отношении Югославии постсталинское руководство КПСС хотело продемонстрировать миру изменение вектора во внешней политике СССР.

Как бы то ни было, итоги поездки советской делегации в Югославию оправдали скорее ожидания Молотова, на заседаниях Президиума ЦК КПСС постоянно упиравшего на то, что в деле сближения двух партий на единой идеальной платформе едва ли удастся достичь значительного продвижения. Хрущев ждал от югославов слишком много, тогда как его постоянный оппонент Молотов смотрел на перспективы двустороннего сотрудничества более реально. Тем не менее Хрущеву удалось на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. использовать особую позицию Молотова, «обрекающую партию на пассивность», против него, министр иностранных дел был подвергнут резкой критике в специальной резолюции, опубликованной и в прессе. При всем этом в руководстве КПСС, отмечая определенные успехи в развитии дружеских отношений по государственной линии, признали, что попытки установить идеальное единство между КПСС и СКЮ завершились неудачей. В документе, относящемся к январю 1956 г., со всей откровенностью было замечено: «...до такого состояния, когда между нашими партиями установилось бы прочное единство во взглядах и сотрудничество на принципах марксизма-ленинизма, надо прямо сказать, еще далеко». О справедливости этой оценки нагляднее всего свидетельствовало неучастие делегации СКЮ в работе XX съезда КПСС: югославское руководство не хотело создавать в мире впечатление, будто ФНРЮ сближается с блоком восточноевропейских стран и готова вступить в Организацию Варшавского договора. Кроме того, оно никак не желало дать западным державам повод отказать Югославии в экономической помощи. Югославская сторона ограничилась приветственным письмом ЦК СКЮ XX съезду КПСС и присутствием посла Д. Видича на съезде в качестве наблюдателя.

Между тем, стратегическая задача установления союзнических отношений с титовской Югославией по-прежнему рассматривалась в Москве в качестве приоритетной, и ради ее осуществления там были готовы идти на серьезные уступки. Окончательное решение

о роспуске Коминформа, публично озвученное в апреле, явилось не просто давно назревшим отказом от неэффективной, отжившей формы сотрудничества компартий, это был явный жест в адрес СКЮ. Учитывая роль Коминформа в осуществлении массированной анти-югославской кампании 1948–1952 гг., Москва пыталась в преддверии новой встречи с Тито, намеченной на июнь, устраниТЬ существенное препятствие, стоявшее на пути поступательного развития советско-югославских отношений.

Включение в отчетный доклад XX съезда КПСС формулы о многообразии путей к социализму также находилось в тесной взаимосвязи с продолжением политики, направленной на дальнейшее сближение с Югославией, постепенное ее вовлечение в советскую сферу влияния. Уже сама постановка вопроса о многообразии путей к социализму была в 1956 г. для КПСС актуальна прежде всего из-за необходимости отразить в партийных документах своеобразие отношений СССР как с великой дальневосточной коммунистической державой — Китаем, так и с относительно небольшой, но внешне-политически значимой титовской Югославией, из-за затруднений с подгонкой под общий ранжир как китайской, так и югославской специфики (хотя принималась также во внимание и активизация антиколониальных движений в странах «третьего мира», в которых Хрущев и его окружение видели потенциальных союзников СССР в борьбе с империализмом). Показательно, что в отчетном докладе ЦК XX съезду ссылка на Югославию содержалась как раз в разделе, где обосновывался тезис о многообразии форм перехода к социализму.

В своей монографии Едемский достаточно подробно описывает обстоятельства многодневного (с 1 по 23 июня 1956 г.) визита в СССР И. Броза Тито, принятого с большой помпой. В угоду решению поставленной стратегической задачи в Москве были готовы даже пойти на существенные кадровые перестановки, в частности, отстранение с поста министра иностранных дел Молотова, продолжавшего сохранять особое мнение в югославском вопросе. Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров и на этот раз так и не была решена, результатами июньского визита Тито в Кремле не были довольны. Охотно соглашаясь торговать с СССР на выгодных для себя условиях, руководство ФНРЮ в то же время нисколько не хотело поступаться суверенитетом своего государства и продолжало дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению страны в ОВД и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация носила явно компромиссный характер со

стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю.

Протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. При утверждении документа на Президиуме ЦК было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем». Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин, который 5 июня, дав завтрак в Кремле в честь Тито, поднял тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!», 29 июня был подвергнут за это критике на заседании Президиума («Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен — сказать об этом надо»). Эта позиция нашла отражение и в июльском письме ЦК КПСС братским партиям по итогам визита Тито. Больше всего Москву заботил вопрос о том, чтобы лидеры братских партий стран «народной демократии» не восприняли декларацию об отношениях между КПСС и СКЮ как свидетельство начавшегося принципиального пересмотра характера отношений в советском лагере. Это заметил проницательный и хорошо информированный посол ФНРЮ в СССР В. Мичунович, сделавший соответствующую запись в дневнике. Только польский и венгерский вызовы октября 1956 г. (неповиновение Москве обновленного руководства ПОРП во главе с В. Гомулкой, а через считанные дни после этого венгерское восстание) заставили советских лидеров несколько по-иному взглянуть на методы сохранения единства социалистического лагеря, усомниться в эффективности проводимой восточноевропейской политики СССР, при всей видимой всеохватности контроля над советской сферой влияния не способной, как особенно показали венгерские события, обеспечить стабильность в регионе. На заседании Президиума ЦК КПСС от 30 октября при обсуждении текста Декларации об отношениях между социалистическими странами речь шла о том, что ходом событий обнаружился кризис в отношениях СССР со странами народной демократии, ставился вопрос о необходимости определенной корректировки концепции межблоковых отношений с учетом требований равноправия.

Как показывают документы, уже в июле 1956 г. руководство КПСС видело опасность формирования в лице СКЮ альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении, создающего реальную угрозу раскола в нем. Этому способствовала в первую очередь сохранявшаяся независимая внешняя полити-

ка Югославии, последовательная в осуществлении линии на неприсоединение. Так, вскоре после приезда из Москвы Тито встречался с Дж. Неру и Г. А. Насером, в ходе бесед с этими влиятельнейшими лидерами «третьего мира» югославы подтвердили свою приверженность принципам внеблоковой политики. В Кремле, однако, еще не потеряли терпения — слишком велико было стратегическое значение Югославии; ради закрепления позиций СССР в Средиземноморье стоило поработать. В последующем под влиянием венгерских событий осени 1956 г. и занятой руководством СКЮ в связи с ними особых позиций произошло заметное ухудшение советско-югославских отношений, но эта тема уже выходит за рамки предмета исследований Едемского в рассматриваемом труде.

В работе Едемского нашел отражение вопрос об оценке общественным мнением в СССР далеко идущего сближения с Югославией. В целом можно говорить о неподготовленности массового сознания к пересмотру оценок, доминировали стереотипы, сформировавшиеся в первые годы после разрыва. Гротесковость ситуации как нельзя лучше передает лозунг «Да здравствует тов. Тито и его клика!», размещененный на одном из плакатов в дни визита югославского лидера в ССР. Старые пропагандистские клише настолько прочно внедрились в сознание советских людей, что выветрить их оттуда в один момент было просто невозможно, как бы того ни требовало изменение политической конъюнктуры. Примирение с Тито воспринималось как нечто временное и преходящее, ждали новых изменений линии партии. Исследователям еще предстоит немало сделать для изучения фольклора хрущевской эпохи, в котором тема сближения с Югославией заняла свое достойное место (образцы типа: «Дорогой товарищ Тито, / Ты сегодня друг и брат, / Говорит Хрущев Никита: / Ты ни в чем не виноват»). Столь же бесконтрольная, но все же несколько более заземленная в сравнении со сталинскими временами власть становилась нередко объектом шуток, при Сталине немыслимых, причем предметом насмешек была не в последнюю очередь именно зигзагообразность и непредсказуемость политики КПСС. Проявившиеся осенью 1956 г. разногласия между КПСС и СКЮ в оценке истоков венгерских событий подтверждали правомерность ожиданий если не нового разрыва, то во всяком случае охлаждения отношений. При этом та часть общественного мнения, которая негативно восприняла линию XX съезда на десталинизацию, особенно скептически оценивала перспективы советско-югославской дружбы и ее плодотворность для «дела социализма». Показательны зафиксированы

рованные в одной из записок в центр, посвященных отклику населения на венгерские события, высказывания старого рабочего горьковского автозавода о том, что Хрущев «пробанкетил» Венгрию, сидя за дружеским столом со «шпионом Тито».

Несколько полемизируя с точкой зрения Едемского о значении июньской встречи Хрущева и Тито 1956 г., хочется заметить, что устойчивая модель двусторонних отношений складывается не ранее конца весны 1962 г., когда произошло принципиальное примирение СССР и Югославии на основе неприятия обеими сторонами политики КПК. Зная, что подходит срок, когда Москва в соответствии со своими прежними декларациями должна вернуться к рассмотрению вопроса о предоставлении Югославии обещанного еще в 1956 г. кредита, Тито 6 мая 1962 г., выступая на партактиве в Сплите, однозначно заявил о готовности СКЮ встать на сторону КПСС в углубляющемся конфликте между КПСС и КПК. Всего через 10 дней, 16 мая, Хрущев, находившийся с визитом в Болгарии, отметил, что сейчас у СССР сложились с Югославией «нормальные, более того, хорошие отношения». В итоговой советско-болгарской декларации от 21 мая критика ревизионизма вопреки обычной практике тех лет обошлась без упоминания югославов.

Таким образом, в СССР приходят к выводу о том, что не надо пытаться вовлекать Югославию в советский лагерь (а Хрущев не прекращал таких попыток и в 1957 г., в период подготовки большого совещания компартий; отказ же югославов подписать его итоговую декларацию, но особенно принятие весной 1958 г. новой, «ревизионистской» программы СКЮ привели к новым разочарованиям, ухудшению отношений и нападкам в прессе на политику ФНРЮ). Более разумным, как понял к весне 1962 г. уже и Хрущев, было бы воспринимать эту страну таковой, какова она есть, поскольку даже дистанцируясь внешнеполитически от СССР, она тем не менее может быть неплохим союзником КПСС в его споре с КПК за положение лидера в мировом коммунистическом движении.

Монография А. Б. Едемского дает детальную картину двусторонних советско-югославских отношений в чрезвычайно важный для них и насыщенный событиями переломный период. Заполнив существенную лакуну в изучении одного из приоритетных направлений внешней политики СССР в 1950-е гг., эта книга представит интерес для широкого круга историков новейшего времени.

Stykalin A. S.

A New Research on the History of Soviet-Yugoslavian Relations

This review evaluates a research by A. B. Edemsky “From Conflict to Normalization. Soviet-Yugoslavian Relations in 1953–1956”, where the author gave a detailed picture of two-sided Soviet-Yugoslavian relations in the moment rather important for the both sides and very eventful.

Key words: *the U.S.S.R, Yugoslavia, Stalin, Tito, Khrushchev, conflict, normalization, the 20th Congress of the CPSU.*

*Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская
(Москва)*

**В творческой лаборатории
Ивана Франко**

В рецензии рассматривается первый том многотомного издания «Бібліотека Івана Франка», подготовляемого большим коллективом киевских и львовских литературоведов.

Ключевые слова: *украиноведение, украинская литература, Иван Франко.*

Огромный интерес не только национального, но и мирового масштаба представляют сохранившиеся книжные собрания великих личностей. Именно таким является и личная библиотека гения украинского народа Ивана Франко (1856–1916), к изданию описания которой приступили украинские коллеги¹.

Свою личную библиотеку Иван Франко начал собирать еще в годы учёбы в Дрогобычской гимназии. Его книжное собрание уже тогда было немалым — несколько сот томов античных классиков, произведения выдающихся польских, английских, французских и немецких авторов. Сам Франко называл «этую библиотеку... центром небольшого сообщества учеников»², явившегося прообразом украинского интеллектуального кружка, который образовался вокруг него во Львове в студенческие годы. И тут, во Львове, личной библиотеке Ивана Франко, быстро пополнявшейся, в том числе произведениями русских писателей и ученых, принадлежала колossalная роль как в самообразовании ее владельца, так и его многочисленных друзей и знакомых, составлявших корпус слушателей этого своеобразного малого народного университета, группировавшегося вокруг будущего украинского национального гения и его книжного собрания.

С годами книг в библиотеке Ивана Франко становилось все больше. Он покупал их во многих городах и странах, выменивал, получал в подарок, наконец, устраивал различные археографические поездки и походы, первые из которых предпринял еще в ранней молодости. Эти археографические экспедиции давали возможность собрать сотни рукописей и старопечатных книг, многие из которых датируются временем Средневековья. Всю свою жизнь Иван Франко особенно дорожил именно этой частью своего обширного книжного собрания, которая и по сей день представляет огромный интерес для

специалистов, занимающихся изучением истории, культуры и литературы восточных, западных и южных славян³.

Незадолго до смерти Иван Франко отмечал в своем завещании, что точного «числа томов библиотеки не может назвать» (с. 26). Теперь же мы можем сказать, что томов этих было более восьми тысяч, а изданий, в них заключенных, более двенадцати тысяч. Многие тома-конволюты содержали по несколько приплетенных вместе разных изданий. Ко всему этому прибавляется и ценнейшая коллекция рукописных книг, собранная Франко.

После кончины Ивана Франко его библиотека и архив были переданы Научному обществу имени Т. Шевченко во Львове. Здесь, во Львове, они находились вплоть до 1950 г., когда были переданы в Киев в Институт украинской литературы имени Т. Г. Шевченко. Во Львове первыми научными опекунами библиотеки Франко стали известные украинские библиографы и литературоведы Владимир Дорошенко (1879–1963) и Мария Деркач (1896–1972). Изучением библиотеки отца занимался его сын Тарас Франко, сотрудник Института литературы в Киеве в 1950–1963 гг. Долгие годы в киевском Институте литературы созданием алфавитного каталога личной библиотеки Франко и ее сбережением занимается Зоя Крапивка. Плодотворно историю личного книжного собрания Франко изучает львовский литературовед Ярослава Мельник. В последние несколько лет Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы имени Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины, где сберегаются библиотека и насчитывающий более чем пять тысяч единиц хранения архив И. Франко, приступил под руководством его заведующей Галины Бурлаки к детальному научно-библиографическому описанию этого мемориального книжного собрания. Планируется выпустить четыре объемных тома такого описания. Из печати недавно вышел первый.

Авторы описания разработали собственную методику работы с колоссальным разноязыким материалом XVII–XX вв. более чем на двадцати языках, базирующуюся «на правилах и нормах библиографической науки» (с. 31), а также опыте своих предшественников, «российских ученых-библиографов, результатами которых стали издания описаний личных библиотек Л. Толстого, М. Горького» (с. 31–32). В то же время авторы научного описания библиотеки И. Франко внесли много нового в кропотливый процесс библиографирования подобных мемориальных книжных собраний, что было связано, в частности, с его особенностями и, не в последнюю очередь, с огромным количеством самых разнообразных по составу и объему конволютов.

Текст описания предваряют вступительное слово директора Института литературы им. Т. Г. Шевченко академика Н. Жулинского «Уникальный духовный скарб Ивана Франко» (с. 7–8), вступительная статья Я. Мельник «Библиотека Ивана Франко» (с. 9–29), вступительное слово «От составителей» (с. 31–34). Помимо самого описания «Личная библиотека Ивана Франко» (с. 37–507), том содержит целую серию специальных указателей: имен, названий изданий, мест издания, хронологический, отсутствующих изданий, автографов произведений И. Франко, дарственных надписей, provenенций (с. 511–620).

Как видим, перед нами первый выпуск детального путеводителя по творческой лаборатории великого украинского писателя и ученого, книжно-печатная часть которой будет вскоре описана и опубликована в четырех томах. Этот огромный труд наших украинских коллег, кстати, первый подобного рода у них в Украине, — несомненное успешное достижение украинской гуманитаристики в целом, о чем свидетельствует рецензируемая книга, подготовленная к печати в киевском издаельстве «Критика».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бібліотека Івана Франка: науковий опис. У 4 т. Т. 1 / Нац. акад. наук України, Інст. літератури ім. Т. Г. Шевченка; [упоряд. Г. Бурлака та інш.; перед. слово М. Жулинського; вступ. стаття Я. Мельник]. Київ, 2010. 624 с. (Далее ссылки на страницы этого издания даются в тексте рецензии.)
- 2 *Франко I*. Зібр. творів. У 50 т. Київ, 1979. Т. 21. С. 318.
- 3 Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Иван Франко — ученый-славист // Иван Франко об украинской литературе. М., 2006. С. 5–10.

*Labyntsev Yu. A., Shchavinskaya L. L.
In the Creative Laboratory of Ivan Franko*

The review observes the first volume of a multivolume publication “Library of Ivan Franko” prepared and edited by a big group of philologists from Kiev and Lvov.

Key words: *Ukrainian studies, Ukrainian literature, Ivan Franko*.

*М. Ю. Дронов
(Москва)*

**Ценный труд
по истории русинского православия**

В рецензии раскрывается содержание идается оценка новой монографии ужгородского историка Ю. Данильца, посвященной истории православия у южнокарпатских русинов в первой половине прошлого столетия.

Ключевые слова: греко-католицизм, Закарпатье, Подкарпатская Русь, русины, православие.

Одним из наиболее заметных событий в области изучения истории восточного христианства в Карпатской Руси за 2009 г. стал выход очередной монографии молодого ужгородского историка Юрия Данильца «Православная церковь в Закарпатье в первой половине XX ст.»¹. Его имя уже хорошо известно специалистам не только в Закарпатье, но и далеко за пределами родного края². Поэтому обобщающая работа Данильца о православной церкви в Закарпатье, основанная на материалах недавно защищенной им кандидатской диссертации, вызывает особый интерес.

Основной текст книги состоит из введения, четырех разновеликих разделов и выводов, в общей сложности занимая чуть более половины тома (с. 7–215). Первый, наиболее краткий, раздел, как и полагается, посвящен источниковой базе исследования (с. 13–21) и историографии проблемы (с. 21–36). Следующий раздел, озаглавленный «Возрождение православия в начале XX ст.», состоит из трех параграфов, раскрывающих такие вопросы, как исторические предпосылки и причины возрождения православного движения (с. 37–43), зарождение первых православных общин и первый Мараморош-Сиготский процесс (с. 43–58), второй Мараморош-Сиготский процесс и православное движение в годы Первой мировой войны (с. 58–81). В третий раздел, «Формирование структуры Карпаторусской православной церкви (1920–1930)», вошли параграфы, посвященные утверждению юрисдикции Сербской православной церкви и конкретно епископу-делегату Досифею (Васичу) (с. 83–100), религиозной борьбе между греко-католиками и православными в первой половине 1920-х гг. (с. 100–113), «Савватиевскому расколу» и его влиянию на экклезиальную идентичность православных (с. 114–129), а

также институциональной организации епархиального управления (1926–1930 гг.) (с. 129–155). Заключительный раздел книги под названием «Мукачевско-Пряшевская епархия» повествует о конфессиональном положении православной церкви в период правления епископов Дамаскина (Грданички) и Владимира (Раича) (с. 156–177), об администраторе Михаиле (Попове) и попытке образования автокефальной православной церкви в Венгрии (с. 177–187), а кроме этого, о переходе закарпатских православных общин в каноническую юрисдикцию Русской православной церкви (с. 188–204).

В результате изучения динамики развития православной церкви в регионе в контексте исторических событий и социально-политических процессов Ю. Данилец разделяет первую половину XX в. на три основных хронологических периода: 1) начало века — конец Первой мировой войны; 2) 1919–1930 гг.; 3) 1931–1945 гг. При этом автор подчеркивает три основы православного движения в регионе: религиозную, социально-экономическую и национальную. Именно в свете данных взаимодополняющих факторов Данилец и рассматривает историю местного православия. Это особенно актуально применительно к двум первым десятилетиям прошлого века, которые для православных русинов были означенены такими трагическими страницами, как Мараморош-Сиготские процессы. Несмотря на их частое упоминание в современной политизированной публицистике, в действительности наши знания о данных событиях весьма схематичны и далеки от полноты. Отчасти данную лакуну восполняют соответствующие параграфы монографии. По понятным причинам наибольшее внимание Данилец сосредоточил на межвоенном периоде, когда земли южнокарпатских русинов находились в составе Чехословакии. Опираясь на источники, исследователь констатирует противоречивость политики чехосlovakских властей по отношению к православным. Аргументированной критики автора удостоилась и позиция православной церкви, которая была здесь представлена в виде сразу двух враждующих юрисдикций. Этот канонический раскол Данилец называет «характерной чертой развития православия в Закарпатье в первой половине XX ст.». Любопытны наблюдения автора за положением православной церкви в условиях так называемой автономной Карпатской Украины и хортистской Венгрии, которые опровергают распространенные в литературе клише. Анализируя процессы после освобождения края Красной Армией, автор придерживается мнения, что инициатива по переходу местных православных приходов в юрисдикцию Русской православной церкви принад-

лежала военному командованию 4-го Украинского фронта. Также Данилец касается изменений в положении православия, вопреки стереотипам больше негативных, в первые годы пребывания региона в составе УССР. Отдельный интерес вызывают приводимые в выводах параллели между рассматриваемым периодом и сегодняшним днем. Здесь же подаются несколько необычные для сугубо историографического жанра авторские рекомендации по гармонизации современных государственно-церковных взаимоотношений на Украине, адресованные различным государственным и церковным органам, а также руководству вузов.

Важно подчеркнуть главное, на наш взгляд, преимущество как рецензируемой, так и других опубликованных работ Ю. Данильца. В отличие от большинства авторов, которые специализируются на изучении церковной истории Карпатского региона, все выводы ученого базируются преимущественно на источниках, а не являются позаимствованными из текстов предшественников. Отметим, что помещенный в книге список использованных источников и литературы (с. 336–358) насчитывает 453 позиции, 122 из которых — архивные документы из пяти архивов, расположенных в Закарпатской области и за ее пределами. Кроме этого здесь приводится полный текст 65 документов, что занимает значительную часть тома (с. 216–330, перечень на с. 332–335). Поэтому нам сложно не согласиться с Владимиром Феничем, который в предисловии к книге (с. 3–5) подчеркнул следующее: «И хотя автором и не были использованы архивные материалы из фондов зарубежных учреждений, например Сербской православной церкви в г. Белград, введение в научный оборот такого количества первоисточников, большинство из которых являются оригинальными и введены в церковную историографию впервые, является более чем достаточным для достижения автором намеченных им цели и задач» (с. 4–5). Что же касается иностранных архивов, думается, известный коллегам своей целеустремленностью Ю. Данилец со временем обязательно восполнит этот пробел.

Увы, сделанная нами выше оговорка о заимствованиях из текстов предшественников, к счастью не касающаяся Данильца, далеко не случайна. Дело в том, что за написание церковно-исторических трудов, как правило, берутся не профессиональные историки, а священнослужители, порой не имеющие ни малейшего представления об исторической науке. Вследствие этого, говоря о публикациях по истории церкви в Закарпатье и Восточной Словакии, нужно с прискорбием признать преобладание откровенно компилиативных, пе-

стрых всевозможными ошибками опусов и, напротив, дефицит серьезных, фундированных исследований. Работы Данильца наряду с публикациями таких историков как, например, Владимир Бурега (Киев), Павел Марек (Оломоуц), В. Фенич (Ужгород), Ярослав Цоранич (Прешов), несомненно, относятся к лучшей (хотя и количественно меньшей) части интеллектуальной продукции по указанной тематике.

В данной связи хочется коснуться еще одного специфического аспекта, который так или иначе необходимо учитывать, оценивая публикации по церковной истории Карпатского региона. Речь идет о конфессиональной принадлежности самого автора — православной или греко-католической, которая не только чаще всего влияет на сферу научных интересов, но, к сожалению, нередко находит свое отражение в тенденциозности по отношению к параллельной конфессии. Приятно констатировать, что Ю. Данилец, будучи православным христианином, старается воздерживаться от эмоциональных выпадов в адрес греко-католической церкви, тем самым стремясь, насколько это возможно, объективно оценивать традиционно не однозначную религиозную ситуацию в регионе. Похвальную корректность автор проявляет и в щекотливом для русинов национально-языковом вопросе, по крайней мере избегая употребления сомнительной этнической терминологии (наподобие эклектичного этнонима *русины-украинцы*). При этом Данилец одинаково далек от идеологических крайностей как украинофильства, так и русинофильства.

Отметим, что при выходе книги были соблюдены все надлежащие и некоторые необязательные формальности. В качестве официальных рецензентов выступили известные закарпатские историки профессор Д. Д. Данилюк и Е. Д. Довганич (1930–2009). В печать труд был рекомендован кафедрой истории Украины исторического факультета Ужгородского национального университета. Также на издание книги было получено благословение архиепископа Мукачевского и Ужгородского Феодора, о чем особо сообщается на стр. 2. Видимо, эта не совсем обычна в случае научных публикаций мера была предпринята для привлечения более широкого круга читателей, чем собственно академическая аудитория. В конце книги можно найти сведения об авторе (с. 360), а также, что особенно ценно, географический и именной указатели (с. 361–373). Здесь же на стр. 359 помещено краткое англоязычное резюме (впрочем, на наш взгляд, не повредило бы подать резюме также на венгерском, словацком или чешском, а возможно, и русском языках). Дополнительную солидность тому

придают красивая твердая обложка и выпустившее книгу издательство «Карпаты», являющееся крупнейшим в Закарпатской области.

Подводя итог, напрашивается однозначный вывод о том, что монография Юрия Данильца «Православная церковь в Закарпатье в первой половине XX ст.» является серьезным вкладом в изучение истории православия (как, впрочем, и греко-католичества) в Карпатской Руси. Самому же автору книги остается пожелать новых ярких успехов на исследовательской и публикаторской нивах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Данилець Ю. В. Православна церква на Закарпатті у першій половині ХХ ст. / Передмова В. Фенича. Ужгород, 2009. 376 с., іл.*
- 2 См. брошюру о Ю. Данильце, содержащую интервью историка, библиографический указатель его работ, а также ряд рецензий и отзывов на них: Юрій Данилець. Наш край в Україні є феноменом / Видавнича серія «Домінія слова»: портрети-інтерв'ю. Мукачево, 2008. Кн. 5.

Dronov M. Yu.

A Valuable Work on the History of Orthodoxy of Rusyns

This review describes and evaluates a new book by Yu. Danilets, a historian from Uzhgorod; the research deals with the history of Orthodoxy among Rusyns of Southern Carpathians in the first half of the 19th cent.

Key words: *Greek Catholics, Trans-Carpathian, Carpathian Ruthenia, Rusyns, Orthodoxy.*

*М. Ю. Дронов
(Москва)*

Навигатор в мире лемковедения

В рецензии рассматривается новый библиографический труд нью-йоркского русиниста Б. Горбала, долгие годы специализирующегося на изучении лемковской тематики.

Ключевые слова: *лемки, лемковедение, Лемковщина, русинистика, русины.*

Как известно, последние десятилетия все большую популярность в рамках славистики приобретает ее относительно новая отрасль — русинистика. Конкретно под этим термином понимается совокупность научных дисциплин, изучающих язык, литературу, фольклор, историю, материальную и духовную культуру русинов (карпатских русинов, карпато-русинов). Однако нельзя забывать, что, несмотря на их скромную численность (по неофициальным данным последних лет, около 1,6 млн. человек¹), русинская этническая территория всегда была разделена административно-политическими границами. Вследствие этого отдельные группы русинов развивались отчасти изолированно. В особенности, это относится к галицийским или собственно лемкам, историческое прошлое которых было связано не с Венгерским королевством, включавшим в себя русинские земли по южной стороне Карпат, а с Польшей². Данное обстоятельство обусловило многоплановые отличия русинов-лемков, в том числе их трагичную коллективную судьбу в XX в. (послевоенное насилиственное выселение из родных гор), от близкородственного населения бывшей Угорской Руси. Таким образом, и научное лемковедение в рамках русинистики также во многом имеет автономный статус³. Хотя бы поэтому отдельного внимания не только русинистов, но и всех, кто внимательно следит за развитием славистики, достоин новый библиографический труд «Лемковские исследования: Справочник»⁴. Его автором является достаточно известный американский историк, давно специализирующийся на лемковских сюжетах, сотрудник Нью-Йоркской публичной библиотеки Богдан Горбаль. Не будет преувеличением утверждать, что данная работа, в сущности, подытоживает почти все имеющиеся на сегодняшний день в мире знания о лемках.

Объемный том крупного формата, каковой представляет из себя эта книга, состоит из краткого введения (с. 1–5), четырех основных разделов («Доступ к материалам о лемках», с. 7–36; «Регион», с. 37–119; «Люди», с. 121–314; «История», с. 315–488), приложений (с. 489–615) и подробного именного указателя (с. 617–706). Общее количество глав со сквозной нумерацией для всех разделов превышает четыре десятка (44). Как можно догадаться, речь не идет о классической библиографии. Поэтому труд Б. Горбала отнюдь не дублирует лемковскую составляющую многотомной аннотированной библиографии П. Р. Магочия «Карпато-русинские исследования»⁵. Перед нами — хорошо структурированный тематический справочник, охватывающий практически все вопросы, так или иначе связанные с лемками. При этом основное внимание автора-составителя, естественно, сосредоточено на лемковской истории, культуре, языке и религиозной жизни.

Первый раздел книги включает в себя главы, посвященные имеющимся библиографиям, библиотекам, архивам, периодике и Интернету, обращение к которым должно облегчить ориентирование в лемковской тематике. Во втором разделе рассматривается информация о Лемковщине — карпатской родине лемков. В частности, он включает такие главы, как «Территория», «Города», «Физическая география», «Геологические исследования», «Геологическая структура», «Минералы», «Гидрология», «Климат», «Флора», «Фауна», «Охрана природы», «Туризм и отдых».

Квинтэссенцией справочника, по-видимому, можно считать третий и четвертый разделы, общий объем которых превышает таковой же вместе взятых первого и второго более чем в три раза. Так, в третьем разделе рассматриваются источники, посвященные населению Лемковщины, ономастике, языку, литературе, культуре и ее сохранению, занятиям и промыслам, религии и религиозной жизни, образованию, эмиграции, религиозным разногласиям в Северной Америке. Главы четвертого, исторического, раздела, как и полагается, структурированы по хронологическому принципу: «Общие исторические обзоры», «Древность и античность», «Средневековое заселение», «XVI и XVII столетия», «Австрийское господство (1772–1914)», «Первая мировая война», «Лемковские республики (1918–1921)», «Парижская мирная конференция (1919)», «1921–1939 гг.», «Вторая мировая война», «Выселение 1944–1946 гг.», «Лемки на Украине», «Выселение 1947 г. (операция “Висла”)», «Польская Народная Республика (1947–1989 гг.)», «Лемки в демократической Польше (1989–)». Отметим,

что большинство глав третьего и четвертого раздела подразделяется на тематические параграфы.

Общая численность библиографических позиций главной части справочника достигает 1906. При подборе позиций автор отдает предпочтение научным публикациям, однако им привлекаются также многочисленные популярные тексты, особенно в случае нехватки профессиональных публикаций по той или иной узкой теме. Указатель в конце книги помогает быстро находить не только имена и названия, упоминающиеся в авторском тексте, но и легко ориентироваться в представленных ссылках.

Приложения посвящены известным текстам по истории лемковских сел, а также поселений лемков в Северной Америке и Западной Польше. Несомненно, что содержащиеся в них ссылки крайне ценные как для профессиональных историков, так и для краеведов-любителей.

Однако, отмечая исключительно высокий уровень труда американского ученого, хотелось бы высказать пару субъективных замечаний о подборе позиций, которые невольно напрашиваются у российского читателя справочника.

Так, в главе «Библиотеки» Горбаль не указал ни одного книгохранилища в нашей стране. Хотя, например, учитывая традиционный интерес императорской России к проблемам Галиции (в том числе Лемковщины), вряд ли правильно недооценивать фонды российских библиотек. Поэтому, на наш взгляд, было бы уместным упомянуть хотя бы Российскую национальную библиотеку, фонды которой охватывают практически все многочисленные отечественные публикации дореволюционного периода, посвященные восточным славянам Австро-Венгрии.

Не совсем полно в книге представлены наработки современной российской науки, которые прямо или косвенно связаны с лемками. Конечно же, привлечение в справочник конкретных библиографических позиций (особенно если они не полностью, а лишь частично посвящены лемковской теме) является в значительной степени творческим процессом. Однако обратить внимание на то, что, по нашему мнению, являются лакунами, не будет лишним. Так, Горбаль упоминает ряд текстов отечественных авторов: А. Ю. Бахтуриной, М. Э. Клоповой, А. И. Миллера, Н. М. Пашаевой, М. Ю. Дронова. Но составитель не включил в справочник, например, монографию В. Н. Савченко (1953–2006) «Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг.»⁶, как и работы Ю. А. Лабынцева и Л. Л. Щавинской,

посвященные православной книжности в Польше⁷. Не менее достойными упоминания, как нам кажется, были бы тексты филолога М. М. Алексеевой⁸, этнографа И. А. Бойко⁹ и историка К. В. Шевченко¹⁰ (к слову, статьи Алексеевой и Шевченко вообще не выходят за границы лемкианы). При желании можно привести и другие отсутствующие, но тематически подходящие позиции. Отметим, что мы значительно упомянули только публикации до 2007 г. включительно (в последующие годы их количество значительно возросло): именно 2007 г. датируются последние библиографические ссылки справочника.

Впрочем, следует учитывать, что основу книги составляет докторская диссертация, защищенная Горбалью во Вроцлавском университете в феврале 2005 г. Позднее автор лишь вносил определенные изменения и дополнения. Поэтому, вероятно, некоторые из упомянутых статей российских ученых просто не успели к нему попасть до сдачи рукописи в редакцию.

В любом случае высказанные замечания, скорее граничащие с предложениями, ни в коем случае не отменяют того факта, что труд Б. Горбалья «Лемковские исследования: Справочник» является на сегодняшний день наиболее информативной публикацией из всех, когда-либо посвящавшихся русинам-лемкам. Принимая во внимание структуру этой книги, для нее так и напрашивается название, вынесенное нами в заглавие настоящей рецензии, — навигатор в мире лемковедения. Остается только сожалеть, что хотя труд вышел в престижной серии издательства Колумбийского университета «Восточноевропейские монографии», по прозаическим причинам он вряд ли сможет попасть ко всем заинтересованным в его приобретении. Поэтому крайне ценным, на наш взгляд, было бы его переиздание в переводе на один из славянских языков в Европе, где лемковская тематика находится на пике популярности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Магочій П. Р. Карпатські Русини. Б. м., 2006. С. 3.*
- 2 Многие исследователи относят к лемкам также русинов современной Словакии, а иногда и других регионов. Например, в подобном расширительном смысле лемковский ареал трактуется в известном коллективном труде украинских ученых «Лемковщина» (Лемківщина. Історико-етнографічне дослідження. У 2-х т.

- Т. 1. Матеріальна культура; Т. 2. Духовна культура. Львів, 1999–2002). Однако следует иметь в виду, что далеко не все специалисты склонны находить лемков среди южнокарпатских русинов (см., к примеру: Геровский Г. Народная речь Пряшевщины // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 121–122; Пол И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 400). В любом случае, исключительно у севернокарпатских русинов название *лемко*, первоначально являясь прозвищем, данным соседями за использование в речи слова *лем* (рус. *только*), впоследствии получило широкое распространение в качестве эндoэтнонима.
- 3 К слову, в контексте украинистики углубленное изучение лемковской тематики также достаточно самостоятельно (это актуально для тех исследователей, которые до сих пор отказывают карпатским русинам в праве на этнонациональную самобытность, считая их частью украинцев). Корни этого лежат прежде всего в этнокультурной уникальности лемков, которые, проживая на крайнем западе Восточной Славии, особенно тесно контактировали со своими западнославянскими соседями — поляками и словаками.
- 4 *Horbal B. Lemko Studies: A Handbook / East European monographs.* No. DCCXXX. New York, 2010. 706 p.
- 5 *Magocsi P. R. Carpatho-Rusyn Studies. An Annotated Bibliography.* Vol. 1. 1975–1984 / Garland Reference Library of the Humanities. № DCCCXXIV. New York; London, 1988; Vol. 2. 1985–1994; Vol. 3. 1995–1999 / East European monographs. № DXXII, DXXXIII. New York, 1998–2006.
- 6 Савченко В. Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. (Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание). М., 1995.
- 7 См., напр.: Лабынцев Ю.А. Всему православному миру. (Православная литература межвоенной Польши). М., 1995; [Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.] Православная книжность и литература в Польше межвоенного периода // Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 года. М., 1999.
- 8 Алексеєва М. Значення Атласу Здзіслава Штібера для вивчення полонізмів у лемківських говорах // Діалектологічні студії. 6. Лінгвістичний атлас — від створення до інтерпретації. Львів, 2006.

- 9 *Бойко И. А.* Украинские Карпаты: этнокультурная региональность и социально-культурная адаптация // Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006.
- 10 *Шевченко К. В.* «Вся Лемковина покрыта была виселицами...». Руцины-лемки: люди ниоткуда? // Родина. 2007. № 9.

Dronov M. Yu.

A Navigator in the World of Lemkos Studies

There is a review of a new bibliographic research by B. Gorbal, a New York specialist in the history of Lemkos (Rusyns).

Key words: *Lemkos, Lemkos studies, "Lemkovshchina", Rusyns studies, Rusyns.*

М. Ю. Досталь
(Москва)

**Международная научная конференция
«На рубеже культур: русская эмиграция
в межвоенной Чехословакии»**

Под таким названием 29–30 июня 2010 г. в Институте славяноведения РАН состоялась Международная научная конференция. Она проходила в рамках проекта сотрудничества Института со Славянским институтом АН Чешской Республики. В ней приняли участие ученые из России (Москва, Санкт-Петербург, Брянск), Чехии, США, Австрии.

С приветствием к собравшимся обратились координаторы проекта сотрудничества между Славянским институтом АН ЧР и Институтом славяноведения РАН — Л. Белошевская и М. Ю. Досталь. Они подчеркнули, что эта конференция уже третья в рамках проекта сотрудничества. Первая конференция состоялась в июне 2005 г. в Москве по теме «Русские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии». По ее результатам в 2008 г. был издан сборник статей. Вторая, более обширная, под названием «Русская эмигрантская культура и гуманитарные науки в межвоенной Чехословакии: линии профессионального сотрудничества», проведенная совместно со Славянской библиотекой, состоялась в Праге в октябре 2008 г. Издание избранных докладов готовится в специальном выпуске журнала «Slavia». Главной проблемой, выносимой на обсуждение докладчиков, был вопрос о том, какой вклад внесли русские эмигранты в культуру принимающей стороны.

В Оргкомитет конференции был представлен доклад ректора РГГУ Е. И. Пивовара и профессора РГГУ В. Ф. Ерикова «Русская эмиграция в Чехословакии в 1920–1930-е гг.: строительство демократической России за рубежом», в котором на богатом и разнообразном материале тогдашней периодики доказывалось, что «российская эмиграция в Чехословакии... предприняла уникальную в своем роде попытку реализации насилиственно прерванного на родине демократического пути развития. Русские эмигранты в Чехословакии строили ту Россию, какую они мечтали создать на месте рухнувшей Российской империи, опираясь на идеалы свободы, демократии, ценности гражданского общества. В результате их идейное, политическое и культурное влияние на чешский мир оказалось очень значительным...».

Конференцию открыл доклад магистра Л. Белошевской (СИ АН ЧР, Прага, Чехия) «Издательские проекты Е. А. Ляцкого в эмигра-

ции, прежде всего в Праге». Автор на материалах пражских архивов уточнила данные об обстоятельствах эмиграции филолога, историка литературы, издателя Е. А. Ляцкого (1868–1942), о его приглашении на преподавательскую работу в Карлов университет, а также его редакторско-издательской деятельности в Финляндии, Швеции и Чехословакии. Исходя из новых фактов, она проанализировала механизмы организации издательского дела в эмиграции на примере издательства «Пламя» и рассмотрела некоторые вопросы взаимодействия русской эмиграции с чешскими учреждениями и правительством ЧСР в межвоенное время.

В докладе к. ф. н. *Н. А. Бондаренко* (ГИРЯ, Москва) «Идеи философа и писателя С. Гессена в эмиграции и современное образование» подчеркивалось, что С. И. Гессен (1887–1950) до революции имел опыт работы профессором и деканом историко-филологического факультета Томского университета. В Праге, в рамках Русского педагогического института им. Коменского (1924–1927), он пытался применять свои педагогические принципы: воспитания граждан своего отечества, сохранения родного языка и национальной культуры, организации школьной жизни на паритетах национального и общечеловеческого, открытости. Эти педагогические ценности сохраняют актуальность и сейчас.

Д-р *Г. Никл* (СИ АН ЧР, Прага, Чехия) посвятил свой доклад «Деятельность русских философов-эмигрантов на территории Чехословакии: Иван Бырдин» творчеству русского врача И. И. Бырдина (1879–1943), получившего имя «философа» за серию выпусков «Вселенная и человечество», где он изложил свое видение «динамическо-эволюционного материализма». Автор не находит в этом учении ничего оригинального, а только догматическое изложение тезисов учения, которое опирается на аксиомы просвещенческой мысли XVIII и XIX вв. и русского освободительного движения, и определяет творчество Бырдина как произведение утопического профитизма в традициях левой русской интеллигенции, которое не имело откликов в чешской среде.

Д. и. н. *В. И. Косик* (ИСЛ РАН, Москва) в докладе «Русский вклад в культуру югославянских народов» рассуждал о том, что русские эмигранты внесли значительную лепту в культуру межвоенной Югославии, особенно в области изобразительного искусства (О. Иваницкая и др.) и архитектуры (Н. Краснов, Р. Верховский, В. Лукомский и др.), балета (М. Фроман, П. Грессеров-Головин и др.). Это произошло, вероятно, ввиду того, что данные виды художественного творчества только на-

чали развиваться у югославянских народов, и здесь высокий професионализм русских мастеров сыграл решающую роль.

В зачитанном Л. Белошевской докладе *Д. Гашковой* (СИ АН ЧР, Прага, Чехия) «Русские театральные деятели в чешской культуре» говорилось о неоценимом вкладе русских артистов-эмигрантов в развитие чешского балета (Е. Никольская, Р. Ремиславский, А. Дроздов, В. Балдин, Д. Григорович-Барский и др.), оперу и изобразительное искусство, что подтвердило мысль В. И. Косика о наибольшей вос требованности эмигрантов в видах активно начинавшего развиваться по классическим канонам искусства.

В докладе д-ра *Ю. Янчарковой* (СИ АН ЧР, Прага, Чехия) «К вопросу о научной традиции: чешские ученики историка и искусствоведа Н. Л. Окунева (1885–1949)», зачитанном Л. Белошевской, анализировался вклад русского искусствоведа в развитие чешского византиноведения, восточноевропейского искусства и пр. через его учеников — Й. Мысливца, Й. Пошмоурны, Ф. Фиалы и др., продолживших его исследования в этой области и заложивших в Чехии основы научной школы европейского уровня.

В докладе д. и. н. *Е. П. Серапионовой* (ИСл РАН, Москва) «Чехословацкая тема в работах русских эмигрантов» речь шла об основных направлениях изучения Чехословакии русскими учеными-эмигрантами разных специальностей. При этом были названы и проанализированы их основные труды, опубликованные в ЧСР. Автор пришла к выводу, что «русские эмигранты стали не только своеобразными проводниками знаний о России в чехословацком обществе, но и, изучая богатый чешский и словацкий опыт, способствовали национальному и культурному взаимообогащению».

Д-р *A. Городец* (Институт славистики Венского ун-та, Австрия) посвятила свой доклад, основанный на материалах ряда архивов, «Русский парижанин в Подкарпатье» журналистской поездке поэта и писателя А. П. Ладинского (1896–1961), сотрудника парижской газеты «Последние новости», в Подкарпатскую Русь в мае–июне 1937 г. В Чехословакии он встречался с А. Бемом, В. Булгаковым, членами общества «Скит поэтов», участвовал в Днях русской культуры, посвященных 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. В путешествии по Подкарпатью вместе с И. Шмелевым он посетил обитель св. Иова Почаевского в Ладимировой, встречался с о. Алексеем и т. д. Впечатления о поездке, о непростых межконфессиональных отношениях в этом крае он изложил в ряде интересных очерков в газетах «Последние новости» и «Русский патриот».

Д-р *M. Байсвенгер* (Университет Нотр Дам, США) в докладе «Евразийство в эмиграции и современность» попытался пересмотреть проблему связи между «классическим» евразийством межвоенного периода и нео-евразийством советского и постсоветского времени на примере контактов между одним из евразийских лидеров старшего поколения П. Н. Савицким (1895–1968) и советским историком Л. Н. Гумилевым (1912–1992), который сам себя называл «последним евразийцем».

Подсекцию конференции «На рубеже культурных традиций: славяноведение в России и эмиграции в первой половине XX в.» тематически открывал состоявшийся на следующий день доклад к. и. н. *O. В. Саприкиной* (РГГУ, Москва) «В. И. Ламанский и его историческая школа в первой четверти XX в.», в котором освещались вклад ученого и его школы в развитие российского славяноведения, эволюция его мировоззрения, борьба славянофильских убеждений и научных подходов ученого, выразившаяся, по мнению автора, в определенном кризисе его мировоззрения в 1890-е гг. Говорилось и об особенностях научной школы Ламанского, включавшей в себя учеников, близких по мировоззрению или по методологическим принципам, которые порой трудно разделить, а также о положительной в основном оценке значения творчества ученого в работах его учеников, за исключением В. Н. Кораблева, писавшего в условиях советского режима.

К. и. н. *Ю. Досталь* (ИСЛ РАН, Москва) дополнила доклад рассуждением об изменениях научной оценки творчества В. И. Ламанского в советское время в зависимости от политической конъюнктуры: от классового нигилизма в 1930-е — начале 1940-х гг. (В. Н. Кораблев, В. И. Пичета, Н. С. Державин) до признания научных заслуг и патриотизма в годы войны и снова обвинений в реакционном панславизме в период кампании против космополитизма (С. А. Никитин) и пр.

Доклад к. и. н. *Л. М. Аржаковой* (СПбУ) «Место первых десятилетий XX в. в истории отечественной полонистики» был посвящен анализу развития этой отечественной области славяноведения в начале прошлого века. Автор отметила, что для нового поколения российских полонистов (А. А. Корнилова, А. Л. Погодина и др.) ключевая ранее проблема падения Речи Посполитой и ее причин отходила на второй план. Историки изучали волновавшие их вопросы общественной мысли периода утраты Польшей государственной независимости, аграрные отношения и сдвиги в общественной среде.

30 июня 2010 г. в центре внимания участников конференции был доклад д. и. н. *Л. П. Лаптевой* (МГУ) «Изучение славяноведения русскими

эмигрантами в славянских странах в межвоенный период», в котором автор проанализировала научные достижения эмигрантов-славистов. Докладчик показала, что в Чехословакии, имевшей развитую национальную историографию, этот вклад был не так заметен. Ученым пришлось переквалифицироваться, ориентироваться в работе на чехословацкие архивы и библиотеки, хотя В. А. Францеву, А. В. Флоровскому, Б. А. Евреинову и другим удалось создать ценные труды по истории русско-чешских и русско-славянских связей, истории Подкарпатской Руси и пр. На территории Югославии, напротив, русские эмигранты А. Л. Погодин, А. В. Соловьев, В. А. Мошин, Г. А. Острогорский, Ф. В. Тарановский и др. выступили зачинателями некоторых направлений югославянской историографии, внесли в нее неоценимый вклад, способствовали формированию научных традиций и пр.

В докладе к. и. н. Е. П. Аксеновой (ИСЛ РАН, Москва) «Славяноведение в эмиграции как способ оставаться в профессии» говорилось о том, что в первые годы многие русские ученые не могли найти работу по специальности. Возвращению к своей профессии и привычным занятиям в ряде случаев способствовало обращение к славянской тематике. В докладе прослеживаются типичные случаи вхождения ученых-гуманитариев в славистическую проблематику, дальнейшее развитие ими этой отрасли знания с учетом традиций русской науки и науки стран проживания, выделение славяноведения как самостоятельной составляющей науки русского зарубежья.

К. и. н. М. Ю. Досталь (ИСЛ РАН, Москва) и И. И. Бучанов (НИИОН, Москва) в докладе «А. В. Флоровский — продолжатель традиций русской гуситологии?» доказывали мысль о том, что ученый, переквалифицировавшись в Чехословакии, серьезно, с привлечением архивов, занялся изучением истории русско-чешских связей, рассмотрев в их контексте и сюжеты, посвященные гуситской проблематике. Он обратился к вопросу, мало исследованному как в чешской, так и в русской гуситологии, а именно: эпизоду о приглашении Великого князя литовского Витовта на чешский престол. В сфере интересов ученого оказалась и деятельность наместника Витовта в Чехии Сигизмунда Корибутовича, а также история становления русской славянофильской гуситологии, оценка Я. Гуса русскими церковными и светскими историками и пр., что расширяло представления как русской, так и чешской науки.

В докладе д. и. н. С. И. Михальченко «Неопубликованные мемуары Е. В. Спекторского и академические традиции русского зарубежья 1920–1950-х гг.» была представлена острожюгетная история обнаруже-

ния автором в архиве Бременского университета при содействии выходца из России, филолога-диссидент Г. Г. Суперфина неопубликованных мемуаров русского правоведа Е. В. Спекторского (1875–1852), содержащих и интересные сведения о русских славистах в эмиграции.

М. Ю. Досталь в развитие темы о двух потоках развития российского славяноведения в межвоенный период в СССР и в эмиграции подчеркнула, что в то время как в Советской России оно практически было ликвидировано, в эмиграции эта наука получила широкое развитие. Возрождение славяноведения на родине стало возможно в канун Второй мировой войны только на основах марксистской методологии. В области истории ее становлению деятельно способствовал профессор В. И. Пичета, в сфере филологии — академик Н. С. Державин, пытавшийся внести в нее положения марксизма. За неимением отечественных специалистов в преобразование славяноведения на марксистской основе внесли свой вклад политэмигранты из славянских стран. Некоторые из них стали сотрудниками кафедры истории южных и западных славян в МГУ и сектора славяноведения в Институте истории АН СССР.

К. и. н. Л. А. Кириллина (ИСЛ РАН, Москва) в своем докладе «У истоков формирования славяноведения в СССР: Д. Густинчич» как раз и рассказала о творческой судьбе такого политэмигранта — одного из основателей компартии Словении Д. Густинчича (1882–1958). Интересными трудами по истории своей страны, впервые публиковавшимися на русском языке, он, как и другие политэмигранты, вносил свой вклад в развитие советского славяноведения.

В заключение конференции выступили *Л. П. Лаптева*, *Е. П. Серафимонова*. Они от имени собравшихся поблагодарили координатора конференции *М. Ю. Досталь* за хорошую организацию. *Е. П. Серафимонова* говорила о важности в новом ракурсе затронутых на конференции общих проблем эмиграции, а *Л. П. Лаптева* предложила сосредоточиться в будущем исключительно на проблемах эмигрантского славяноведения, как в славянских, так и особенно в неславянских странах. *М. Ю. Досталь*, подводя итоги конференции, подчеркнула, что, судя по докладам, наибольший вклад русские эмигранты внесли в области театра и архитектуры. Что касается гуманитарных наук, то он определялся состоянием национальной историографии и был в целом заметнее, несмотря на значительные достижения в Чехословакии, все же в Югославии и Болгарии, где эмигрантам удалось заложить устойчивые традиции развития отдельных научных дисциплин.

*Е. П. Серапионова
(Москва)*

**Международная научная конференция
«Проблематика Восток–Запад
в отношениях Словакии и России»**

5–7 октября 2010 г. в Братиславе (Словакия) состоялась международная научная конференция с участием ученых из Австрии, Чешской Республики, Словакии и России. Ее организаторами выступили: Комиссия историков Словацкой Республики и Российской Федерации, Национальный комитет историков СР, Исторический институт Словацкой академии наук (САН) и Общество истории и культуры Центральной и Восточной Европы.

На научном форуме в течение трех дней выступили 25 докладчиков. Проходило мероприятие на трех площадках: в Малом центре конгрессов САН, расположенному на ул. Штефаникова, 3, в Российском центре науки и культуры по адресу ул. Франя Краля, 2 и в конференц-зале здания Институтов общественных наук САН, Клеменсова, 19.

Торжественное открытие конференции состоялось при участии Посла Российской Федерации в Братиславе П. М. Кузнецова, представителей Российского центра науки и культуры в Братиславе, Министерства иностранных дел СР, Национального комитета историков СР и директора Исторического института САН С. Михалека. С приветственным словом к участникам конференции обратились представитель Нацкома историков СР Э. Иваничкова и сопредседатели комиссии академик В. А. Тишков и к. и. н. Т. Ивантышинова.

Тематика конференции делилась на два крупных блока: «Россия и Европа» и «Словакия между Востоком и Западом». Хронологический период, освещенный в докладах, достаточно широк — от XIX до XXI в. В работе конференции приняли участие ученые разных специальностей: историки, этнологи, социологи, политологи; «русисты» и «словакисты».

Конференция прошла в рамках регулярных (один раз в два года) заседаний совместной российско-словацкой комиссии историков. На этот раз формат двустороннего сотрудничества был расширен за счет участия в конференции чешской стороны, которая представила четыре интересных доклада. Докладчиками с чешской стороны являлись зам. директора Института истории Академии наук ЧР, он

же председатель чешской части совместной российско-чешской комиссии историков и архивистов, д. и. н., доцент *Я. Немечек* («Бенеш и его отношение к СССР в годы Второй мировой войны»), секретарь указанной комиссии д. и. н. Э. *Ворачек* («Россия и Европа в начале XXI в.: взгляд из Центральной Европы (размышления не только о неоевразийстве)») и члены комиссии доцент, к. и. н. Р. *Влчек* («Русско-чешская полемика и панславизм XIX столетия») и доцент, к. и. н. В. *Доубек* («Славянское сотрудничество в австрийском парламенте»). Таким образом, это был первый опыт координации совместных заседаний комиссий российско-словацкой и российско-чешской.

Российская делегация также была весьма представительной — 10 человек, девять из которых выступили с докладами. Возглавляли российскую часть комиссии директор Института этнологии и антропологии академик В. А. Тишков и секретарь комиссии к. и. н. М. Ю. Досталь (Институт славяноведения РАН). Доклад *В. А. Тишкова* «О евразийской цивилизационной миссии русского народа» был воспринят с большим вниманием и огромным интересом, так как представлял собой глубокий анализ значения культурного влияния России на Европу. В выступлении *М. Ю. Досталь* было уделено внимание месту проблематики «славянского мира» и словаков в трудах русских славистов. С докладами на конференции выступили также сотрудники Института славяноведения РАН д. и. н. Э. Г. *Задорожнюк* («Словацкая социал-демократия во второй половине XX в.: западный и восточный дискурс социального pragmatизма»), д. и. н. Е. П. *Серапионова* («Судьба легионера Микулаша Гацека»), соискатель *М. Ю. Дронов* («К вопросу о месте русофильства в социально-культурной жизни русинов в восточной Словакии в XX в.»), профессор РГГУ, к. и. н. О. В. *Павленко* («“Западная угроза” и прогнозы военной и политической элиты России относительно Великой войны в 1910–1914 гг.»), профессор Государственного технического университета (Йошкар-Ола), д. и. н. Г. В. *Рокина* («Русская историография XIX — начала XX в. об идее славянской взаимности и словацко-русских научных и культурных отношениях»), профессор Ставропольского государственного университета, д. и. н. И. В. *Крючков* («Эмиграция словаков в США в донесениях российских дипломатов: причины и социально-экономические последствия») и проф. Государственного Брянского университета, д. и. н. С. И. *Михальченко* («И. С. Шмелев и Чехословакия — впечатления 1937 г.»).

Тематика докладов хозяев — словацких ученых — также была весьма широка. Многие исторические события и явления получили новую трактовку. По-своему оценила феномен русофильства словацкого общества XIX в. к. и. н. Д. Кодаева. Собственный взгляд на творчество Л. Штура и «восточную» ориентацию словаков представила к. и. н. Т. Ивантышинова. К. и. н. П. Подолан сделал доклад «Россия и поколение “Всеславия”», а выступление к. и. н. П. Шолтеса касалось отношения к русским со стороны населения словацко-русинского по-границья в XIX в. Любопытный доклад о восприятии СССР в межвоенной Словакии сделала доцент Прешовского университета, к. и. н. Л. Гарбулева. Доклад к. и. н. Ю. Бенко был посвящен политической пропаганде среди военнопленных в России в годы Первой мировой и Гражданской войны. «Политический славизм и внешняя политика Словакии» стали темой доклада к. и. н. Ю. Марушашака. К. и. н. А. Рандин показал основные тенденции развития современной словацкой историографии по проблеме гуситских войн, а А. Дулеба выступил с докладом «Россия и европейская безопасность после окончания холодной войны». Практически все доклады вызывали множество вопросов и оживленное обсуждение. В дискуссии выступил бывший вице-премьер Чехословакии, первый премьер-министр независимой Словакии Я. Чарногурский.

Хорошо была продумана культурная программа конференции. В первый же день конференции, вечером, в Российском центре науки и культуры в Братиславе была торжественно открыта выставка «Петр I в Братиславе», подготовленная преподавателями и студентами Университета Я. А. Коменского. Доцент Венского университета И. Шварц выступила со специальным докладом, посвященным этой теме.

Огромную работу по подготовке и проведению конференции провели Т. Ивантышинова и Д. Кодаева, заслужившие похвалу и искреннюю благодарность. Кроме того, организаторы заранее собрали расширенные версии текстов выступлений, перевели статьи иностранных участников на словацкий язык и подготовили к печати книгу «Восточная дилемма Средней Европы». При оформлении обложки использована картина художника С. Шаршуна «Кубистические вариации» (1927 г.) в качестве своеобразного символа переплетения западных и восточных влияний авангарда в его творчестве. Надеемся, что в ближайшее время книга как результат проведенной конференции выйдет в свет.

Сведения об авторах

Аверьянов Константин Александрович — доктор исторических наук, руководитель группы исторической географии Института российской истории РАН. konstantinavetyanov@yandex.ru

Аксенова Елена Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. e.p.aksenova@mail.ru

Бабалык Марина Геннадьевна — преподаватель кафедры литературы историко-филологического факультета Карельской государственной педагогической академии. mablik@ya.ru

Боронникова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета. natboronnikova@rambler.ru

Бушин Виктор Сергеевич — кандидат исторических наук, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Западнодонбасского приватного института экономики и управления. vbushin1@rambler.ru

Бушев Павел Анатольевич — аспирант отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. lemko85@yandex.ru

Вендина Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. marusiya@gmail.com

Гордиевская Мария Львовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова. margord@mail.ru

Гущева Ольга Игоревна — кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета. gushcheva_olga@mail.ru

Даниш Мирослав — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории философского факультета Братиславского университета (Словакия). kvd@fphil.uniba.sk

Досталь Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slayjane@rambler.ru

Дронов Михаил Юрьевич — соискатель Института славяноведения РАН. mikhaildrnov@rambler.ru

Едемский Андрей Борисович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований. edemsky_abe@riiss.ru

Ефимова Валерия Сергеевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела славянского языкоznания Института славяноведения РАН. valeriefimova@yandex.ru

Колосков Евгений Андреевич — аспирант кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. eakoloskov@yandex.ru

Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kosikvictor@mail.ru

Кочегаров Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. kirill_kochegarov@yahoo.com

Лаброская Веселинка — доктор филологии, директор Института македонского языка им. Крсте Мисиркова (Македония). labroska@imj.ukim.edu.mk

Лабынцев Юрий Андреевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotbox.ru

Лаптева Людмила Павловна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. slav-ca@yandex.ru

Лескинен Мария Войттовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. marles@mail.ru

Майорова Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. maiorgova-olga@mail.ru

Макарова Галина Васильевна — научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. gmak23@mail.ru

Осипова Анастасия Вадимовна — аспирантка Института славяноведения РАН. traditrice@yandex.ru

Плотникова Анна Аркадьевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. annaplotn@mail.ru

Серапионова Елена Павловна — доктор исторических наук, зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. serapion@hovrino.net

Силкин Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. alsilkin@rambler.ru

Старикова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. zhurslav@mail.ru

Тимофеев Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии. al.timofeev@gmail.com

Флоря Борис Николаевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом истории средних веков Института славяноведения РАН. sredveka_inslav@land.ru

Шведова Наталья Васильевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник центра истории славянских литератур Института славяноведения РАН. juliasozina@mail.ru

Шемякин Андрей Леонидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. anshemjakin@rambler.ru

Щавинская Лариса Леонидовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotbox.ru

Information about the Authors

Aksionova Elena Petrovna — Ph.D. in History (Cand.), senior researcher of the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. e.p.aksenova@mail.ru

Averyanov Konstantin Alexandrovich — Ph.D. in History, head of the Group of Historical Geography of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. konstantinaveryanov@yandex.ru

Babalyk Marina Gennadievna — teacher of the Department of Literature of Historical Philological Faculty of the Karelian State Teachers-Training Academy. mablik@ya.ru

Boronnikova Natalya Vladimirovna — Ph.D. in Philology (Cand.), Docent of the Department of General and Slavic Linguistics of the Perm' State University. natboronnikova@rambler.ru

Bushin Victor Sergeevich — Ph.D. in History (Cand.), Head of the Department of Social Humanitarian Disciplines of the West Donbass Private Institute of Economics and Management. vbushin1@rambler.ru

Bushuev Pavel Anatolievich — post-graduate student of the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. lemko85@yandex.ru

Danish Miroslav — Ph.D. in History (Cand.), Docent, Head of the Department of the World History of the Philosophical Faculty of the University of Bratislava (Slovakia). kvd@fphil.uniba.sk

Dostal' Marina Yurievna — Ph.D. in History (Cand.), senior researcher of the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. slavjane@rambler.ru

Dronov Mikhail Yurievich — seeker of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. mikhaildronev@rambler.ru

Edemsky Andrey Borisovich — Ph.D. in History (Cand.), leading researcher of the Department of Humanitarian Researches of the Russian Institute of Strategic Researches. edemsky_abe@riss.ru

Efimova Valeria Sergeevna — Ph.D. in Philology, leading researcher of the Department of Slavic Linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. valeriefimova@yandex.ru

Florya Boris Nikolaevich — Ph.D. in History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Middle Ages of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. sredveka_inslav@land.ru

Gordievskaya Maria L'vovna — Ph.D. in Philology (Cand.), Docent of the Department of Comparative Language Studies of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of the Moscow State University. margord@mail.ru

Gushcheva Olga Igorevna — Ph.D. in Philology (Cand.), senior teacher of the Department of Theoretical and Slavic Linguistics of the Byelorussian State University. gushcheva.olga@mail.ru

Koloskov Evgeniy Andreevich — post-graduate student of the Department of Southern and Western Slavs of the Historical Faculty of the Moscow State University. eakoloskov@yandex.ru

Kossik Victor Ivanovich — Ph.D. in History, leading researcher of the Department of History of Slavic Peoples of South-Eastern Europe in Modern Period of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kosikviktor@mail.ru

Kochegarov Cyril Alexandrovich — Ph.D. in History (Cand.), senior researcher of the Department of Slavic Peoples of Central Europe in the Modern Period of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kirill_kochegarov@yahoo.com

Labroskaya Veselinka — Ph.D. in Philology, Director of the Institute of Macedonian Language (Macedonia). labroska@imj.ukim.edu.mk

Labyntsev Yury Andreevich — Ph.D. in History, leading researcher of the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. slavia@hotbox.ru

Lapteva Liudmila Pavlovna — Ph.D. in History, Professor of the Department of History of Southern and Western Slavs of the Historical Faculty of the Moscow State University. slav-ca@yandex.ru

Leskinen Maria Voitovna — Ph.D. in History (Cand.), senior researcher of the Department of the History of Culture of Slavic peoples of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. marles@mail.ru

Makarova Galina Vassilievna — researcher of the Department of the history of Slavic peoples of Central Europe in Modern Period of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. gmak23@mail.ru

Mayorova Olga Nikolaevna — Ph.D. in History (Cand.), senior researcher of the Department of Modern History and Social Political Problems of the Countries of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. maiorova-olga@list.ru

Osipova Anastassiya Vadimovna — post-graduate student of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. traditrice@yandex.ru

Plotnikova Anna Arkadievna — Ph.D. in Philology, leading researcher of the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. annaplotn@mail.ru

Serapionova Elena Pavlovna — Ph.D. in History, Head of the Department of the History of Slavic Peoples of the Period of the World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. serapion@hovrino.net

Silkin Alexandr Alexandrovich — Ph.D. in History (Cand.), senior researcher of the Department of the History of Slavic Peoples of the Period of the World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. alsilkin@rambler.ru

Shvedova Natalya Vassilievna — Ph.D. in Philology (Cand.), senior researcher of the Centre of the History of Slavic Literatures of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. juliasozina@mail.ru

Shemyakin Andrey Leonidovich — Ph.D. in History, leading researcher of the Department of the History of Slavic Peoples of the Period of the World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. anshemjakin@rambler.ru

Shchavinskaya Larissa Leonidovna — Ph.D. in Philology (Cand.), senior researcher of the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. slavia@hotbox.ru

Starikova Nadezhda Nikolaevna — Ph.D. in Philology, leading researcher of the Centre of Studies in the Contemporary Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Stykalin Aleksandr Sergeevich — Ph.D. in History (Cand.), leading researcher of the Department of the History of Slavic Peoples of the Period of the World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. zhurslav@mail.ru

Timofeev Alexey Yurievich — Ph.D. in History, researcher of the Institute of the Modern History of Serbia (Serbia). al.timofeev@gmail.com

Vendina Tatiana Ivanovna — Ph.D. in Philology, leading researcher of the Research Centre of Area Linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. marusiya@gmail.com

Научное издание

Славянский альманах

2010

Издательство «Индрик»

Корректор *M.H. Толская*

Оригинал-макет *E.YO. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей

помещены на сайте «Славянского альманаха»:

www.slav-almanakh.narod.ru

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»

обращайтесь по тел.:

(495) 954-17-52

market@indrik.ru

www.indrik.ru

**INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.**

This book as well as other **INDRIK** publications

may be ordered by

www.indrik.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/16. Печать офсетная.
34,5 п. л. Тираж 1000 экз.